

ГОДЫ И ВОЙНЫ

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Александр Горбатов

ГОДЫ И ВОЙНЫ

ЗАПИСКИ КОМАНДАРМА

1941—1945

**НА ЛИНИИ
ФРОНТА**

**ПРАВДА
О ВОЙНЕ**

А. Горбатов

**НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ**

Александр Горбатов

**ГОДЫ
И ВОЙНЫ**

ЗАПИСКИ КОМАНДАРМА

1941—1945

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «На линии фронта. Правда о войне»
выпускается с 2006 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Горбатов А.В.

Г67 Годы и войны. Записки командарма. 1941—1945. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — 575 с. — (На ли-
нии фронта. Правда о войне).

ISBN 978-5-9524-3726-5

Александр Васильевич Горбатов (1891—1973), Герой Советского Союза, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, прошел нелегкий путь от солдата царской армии до командующего войсками военного округа Советских Вооруженных Сил и главнокомандующего новейшим на тот период времени родом войск — военно-воздушным. В своей книге легендарный генерал рассказывает о крутых поворотах судьбы и испытаниях, выпавших на его долю. Нищее полугодное детство, сталинские репрессии, годы пыток и заключения, смерть боевых товарищей на фронте... На счету талантливого военачальника множество побед, значение которых для нашей страны трудно переоценить. В их числе бои на Юго-Западном фронте (1941—1942), освобождение Орла (1943), Восточно-Прусская и Берлинская операции (1945), многие другие сражения. Горбатов с особой теплотой и любовью вспоминает открытия восторженной юности, яркие эпизоды воинской службы — именно из этих фрагментов складывалась жизнь человека, которому было суждено сыграть важную роль в военной истории Отечества.

ББК 63.3(2)22

© Дунаев П.М., 2008
© ЗАО «Центрполиграф», 2008
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2008

ISBN 978-5-9524-3726-5

ГОДЫ И ВОЙНЫ

ЗАПИСКИ КОМАНДАРМА

1941—1945

ГЕНЕРАЛ И ЕГО АРМИЯ

«В помещение стремительно вошел высокий генерал в кавалерийской форме. Правильные черты лица, пронизательный взгляд голубых глаз, безукоризненная выправка, четкость, с которой он доложил о себе, — все это тотчас же расположило меня к прибывшему. А его просьба, высказанная просто, но очень энергично, окончательно покорила меня. Перед нами был инспектор кавалерии фронта генерал-майор А.В. Горбатов... Александр Васильевич просил, чтобы ему поручили какое-нибудь серьезное боевое дело. Сидеть сложа руки на левом берегу Волги, когда обстановка стала угрожающей, он не мог».

Так описал свое первое знакомство с генералом Горбатовым, состоявшееся летом 1942 года под Сталинградом, будущий Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Позднее он признавал, что Александр Васильевич Горбатов «стал одним из лучших в прекрасной плеяде наших командармов».

Другой маршал Победы, Г.К. Жуков, в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» писал, что Горбатов «на протяжении всей войны превосходно справлялся с ролью командующего армией. И можно сказать, он вполне мог бы успешно справиться и с командованием фронтом. Но за его прямоту, за резкость суждений он не нравился высшему руководству. Особенно против него был настроен Берия, который абсолютно незаслуженно продержал его в тюрьме несколько лет».

Г.К. Жуков в нескольких словах резюмировал сложную, порой трагичную судьбу генерала Горбатова. Опытнейший командир, последовательно прошедший все ступени военной карьеры — от нижнего чина царской армии до комдива РККА, в 1937 году он отказался, как это было принято, публично «клеить позором»

своего недавнего начальника, коллегу и товарища П.П. Григорьева, уже объявленного «врагом народа».

В 1990 году по моей просьбе КГБ СССР ознакомил меня с уголовным делом А.В. Горбатова. Из этого дела узнаю, что комбриг Горбатов Александр Васильевич, 1891 года рождения, член ВКП(б) с 1919 года, обвиняется в том, что он «с 1933 года связан с антисоветским военно-фашистским заговором, существующим в РККА, ставящего своей целью уничтожение существующего в СССР строя». Горбатов же на допросах неизменно утверждает: «Врагом советской власти я никогда не был, антисоветских настроений не проявлял, и таких настроений у меня не было и нет... Командир корпуса Григорьев и другие лица к антисоветской работе меня не привлекали. По этим вопросам Григорьев со мной никогда не разговаривал...» Листы протокола скреплены подписями следователя и самого Горбатова. Ему пришлось пройти все круги следственного ада в Лефортовской тюрьме, однако он нашел в себе силы не сломаться, не признать виновным себя и не оговорить других — крайне редкий для тех времен случай. В обвинительном заключении утверждается, что Горбатов «виновным себя не признал... Обвинительных показаний на других лиц не дал...».

Однако приговор Горбатов получил, как и миллионы других безвинно осужденных: 8 мая 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала его «участником антисоветского военно-фашистского заговора» и приговорила к 15 годам ИТЛ. Этим же приговором он был лишен воинского звания комбрига. Судебное заседание длилось пять минут...

Последовали 15 голодных месяцев пересылок и колымских лагерей. Однако надежда на пересмотр дела не оставляла ни Александра Васильевича, ни его жену Нину Александровну, обивавшую пороги важных учреждений, ни нескольких человек, продолжавших в него верить. Среди таковых оказался и будущий Маршал Советского Союза С.М. Тимошенко, направивший следователям несколько писем, в которых характеризовал Горбатова как честного и преданного родине командира.

И вот 3 марта 1941 года приговор отменен за отсутствием состава преступления. Горбатов восстановлен в звании. Как будто ничего и не было. Лишь осталось пожизненное клеймо, на которое не забывали время от времени указывать деятели вроде печально известных Мехлиса или Щаденко.

А дальше была война. И остается только радоваться, что такой талантливый военачальник, как А.В. Горбатов, не сгинул в лаге-

рях, а помог достичь победы, и скорбеть о том, что таких «везучих», как он, по существу, была лишь горстка...

Великую Отечественную войну Горбатов прошел в должностях заместителя командира корпуса, командира дивизии, фронтового инспектора кавалерии, заместителя командующего армией, командира корпуса. Но по-настоящему его полководческий талант раскрылся на должности командарма. Приняв 3-ю армию в июне 1943 года, он провел ее до Эльбы, где встретился с союзниками. По долгу службы Горбатов тесно общался с такими знаменитыми советскими полководцами, как Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, А.И. Еременко, С.М. Тимошенко, И.Д. Черняховский и другие. Последний погиб на его глазах.

К своим двум солдатским Георгиевским крестам и двум медалям в Первую мировую войну Горбатов прибавил Золотую Звезду Героя Советского Союза (апрель 1945 г.), три ордена Ленина, орден Октябрьской революции, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени, ордена Суворова и Кутузова II степени, иностранные ордена и медали.

9 мая 1945 года Александр Васильевич Горбатов нарушил слово, данное самому себе еще в далекой юности, в 1907 году, — он выпил первый в своей жизни бокал вина. А юношеская клятва не курить и не сквернословить так и не была нарушена. Согласитесь, качества для русского человека, испытавшего на своем жизненном пути сполна и горя, и соблазнов, весьма редкие.

24 июня 1945 года генерал-полковник А.В. Горбатов в составе сводного полка 1-го Белорусского фронта маршировал по брусчатке Красной площади.

После окончания войны А.В. Горбатов занимал должности коменданта Берлина, командующего 11-й армией, Воздушно-десантными войсками, Прибалтийским военным округом.

С апреля 1958 года генерал армии А.В. Горбатов — инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны — должность, созданная для заслуженных генералов преклонных лет. Появилось свободное время. Идея написания мемуаров пришла Александру Васильевичу в 1960-х годах — короткий период политической «оттепели», когда он смог высказать то, что накопилось на душе.

Работая над мемуарами, он придерживался строгой документальности повествования. Горбатов ввел в научный оборот документы Центрального архива Министерства обороны, в том числе

и немецкие, особенно относившиеся к заключительному этапу войны.

Первому генерал Горбатов предложил свою рукопись главному редактору «Нового мира» А.Т. Твардовскому. Журнал в то время находился на острие общественной жизни, публиковал самые яркие материалы. В.Я. Лакшин, помощник Твардовского, вспоминал день знакомства с Горбатовым: «Он появился в редакции несколько необычным для военного его ранга образом. Бывало, появлению самого автора предшествовала вереница адъютантов, порученцев, вестовых, передававших красиво оформленную рукопись. А случалось, знаменитый чинами и заслугами автор так и не переступал порога редакции: подтянутые лейтенанты или аккуратные майоры, отдавая честь, заезжали за версткой, спустя день-два привозили ее назад, а по выходе номера являлись за авторскими экземплярами. Вот и все общение с автором...» Генерал же Горбатов приехал в редакцию лично, в разгар рабочего дня, «обменялся со всеми крепким рукопожатием, чуть исподлобья, но неуклончиво глядя в глаза».

А вскоре «Новый мир» опубликовал несколько частей его воспоминаний, сразу имевших оглушительный успех у уставших от выхолощенной, безликой истории читателей. Среди них нашлось немало сослуживцев и сокамерников Горбатова, в письмах автору в один голос подтверждавших: все это правда!

В 1964 году воспоминания А.В. Горбатова при содействии А.Т. Твардовского были опубликованы отдельной книгой под названием «Годы и войны». И снова поток благодарственных писем — за гражданское и солдатское мужество автора.

И хотя книга была не лишена цензурных изъятий, и в таком виде она сильно раздражала ревнителей официальной истории. В январе 1967 года в «Правде» некий полковник В. Морозов замечает: «Представляется недопустимым, как это имеет место в воспоминаниях А.В. Горбатова «Годы и войны», давать характеристики тем или другим лицам в грубом необъективном тоне». Подобные публикации были не единичными. Ветер перемен сменялся застойным штилем.

В 1967—1968 годах А.В. Горбатов со своей болью и тревогой трижды обращался к секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову и выражал беспокойство о том, что его воспоминания шельмуются в печати, тогда как они были написаны им с высочайшей ответственностью за их объективность и историзм. Несмотря на то что первый тираж книги разошелся за несколько недель, в пере-

издании ее Горбатову было отказано. В 1980 году книга была переиздана с серьезными купюрами.

Александр Васильевич Горбатов ушел из жизни 7 декабря 1973 года. Похоронен он был на Новодевичьем кладбище.

Только в мае 1987 года издательство «Советский писатель» обратилось к вдове А.В. Горбатова Нине Александровне с предложением издать книгу «Годы и войны» в полном объеме. Книга вышла в свет в 1992 году и снова стала бестселлером.

Время не стерло память о полководческом таланте и боевой славе генерала армии А.В. Горбатова, его правдивости, честности, скромности и отсутствии тщеславия. Новое, четвертое издание книги «Годы и войны», сверенное и уточненное по авторской рукописи, призвано напомнить молодому поколению об этом замечательном полководце и его сложном времени.

Петр Дунаев,
ветеран 3-й армии,
полковник в отставке

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

К второму, более полному, изданию моих воспоминаний, если они будут переизданы.

Когда я смотрю на свои мемуары глазами читателей, с учетом многочисленных отзывов, я не вижу в них чего-то особенного. Единственное, о чем я постоянно помнил, — избежать длинот, которых не любят читатели. Поэтому я и старался изложить относительно кратко самые значительные, самые интересные события своей длительной жизни. И все же мне кажется, что написал воспоминания, допуская и длинноты, и некоторую монотонность, и нескладность, поэтому переписывал их по пять—десять раз.

Оглядываясь на свою жизнь с высоты уже 75-летия, приходится сожалеть, что в силу жизненных обстоятельств смог получить в 1902 году только низшее образование и в какой-то степени расширить имеющиеся знания на краткосрочных курсах, где довелось изучать военное искусство, закреплять боевой опыт теоретически. Считаю важным сказать и то, что я постоянно учился у своих подчиненных народной мудрости и у своих добрых соседей, и у своих начальников, которые, не жалея ни времени, ни сил, передавали нам, командирам из народа, свои глубокие познания, а самое главное — культуру, воспитанность взаимоотношений. Благодаря им я, солдат старой русской армии, в 1920 году успешно командовал кавалерийской бригадой и в последующие годы медленно, но уверенно поднимался вверх по командирской лестнице...

Вера в дело великого Ленина, могущество Советского государства, непревзойденные моральные и боевые качества советских воинов — главное, о чем я стремился рассказать в своих вос-

поминаниях. После их выхода в свет в журнале «Новый мир» и затем в 1965 году в Воениздате мною получено множество писем.

Читатели пишут мне: «Поражаемся вашей стойкости, удивляемся вашему героизму. По вашим воспоминаниям мы учимся быть честными». Отдельные читатели упрекают меня за жесткость оценок действий командарма М., комдива В.Т. Маслова, который по безответственности мог бы завести нас в расположение противника. А генерал-лейтенант Фоминых обиделся, когда я напомнил о телеграмме «не выдавать плановое обмундирование» накануне моего ареста в 1938 году. Меня радуют замечания, подчас сердитые, добавления, уточнения читателей по воспоминаниям «Годы и войны». С учетом просьб читателей в более полном издании книги будут шире раскрыты события моей жизни и названы своими именами и командарм М., «бдительный» представитель КГБ Серов и другие лица, с которыми мне довелось встречаться на своем многотрудном жизненном пути.

Идти вперед по жизни и по службе помогало самообразование. Книги — мои постоянные и верные друзья. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В. Шекспир, В. Гюго, Ч. Диккенс, М. Сервантес, Д. Лондон, А. Франс, Д. Голсуорси, М. Твен, Я. Гашек, Б. Шоу и другие писатели — мои учителя.

Многое передали мне при встречах, в личных беседах И.Г. Эренбург, Л.М. Леонов, К.Г. Паустовский, П.Г. Антокольский и другие.

Я благодарю судьбу, которая свела меня с замечательным, душевным человеком, который, притягивая к себе, как бы намагничивая, поражал своей добротой и глубиной мысли, — с Александром Трифоновичем Твардовским. Уверен в том, что время поднимет А.Т. Твардовского еще выше, на те высоты, которые он покорил своим талантом. Александр Трифонович самородок, которых может рождать русская земля...

Я вижу свои воспоминания полными. И вновь и вновь хочу сказать, что мои мемуары не выдуманный сюжет, а реальная жизнь. Конечно, жаль, что из-за «недостатка бумаги» мою рукопись безжалостно сократили.

Заканчивая свои рассуждения, хочется выразить такую мысль: бывает, что прочитал книгу и из прочитанного в памяти не осталось ни одной заслуживающей внимания мысли, а прочитаешь другую — и ее содержание остается в памяти на многие годы.

«Не говорите о себе плохо, — сказал мудрец, — ваши друзья сделают это за вас».

И последнее: один из уважаемых мною людей сказал мне: «Ваши «Годы и войны» невозможно найти в магазинах, получить в библиотеке, а другие книги воспоминаний лежат нерезанными...»

Отмечу и еще одно: в своей жизни и на службе часто и много рисковал, стремясь не уничтожить противника, а пленить его. И эти мои убеждения брали верх. Наша 3-я армия постоянно брала много пленных при наших меньших потерях.

Свою жизнь я описал такой, какой она была — со всеми невзгодами, горькими переживаниями и радостями, стараясь обо всем рассказать без преувеличений и прикрас. Воспоминания написаны так, как они отложились в моей памяти, — ведь дневников я не вел, и по тем материалам, которые были написаны исходя из требований службы. Документы архивов помогли мне подготовить подлинную основу книги, дополнить ее подробностями, личными впечатлениями, мыслями о событиях и людях. Оценку моих воспоминаний дадут читатели своим вниманием к их содержанию, к мыслям, высказанным мною.

Генерал армии *А.В. Горбатов*

2 мая 1966 года, Москва

Глава 1

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Наша семья Горбатовых в 1902 году состояла из отца Василия Алексеевича, матери Ксении Акакиевны, пяти сыновей — Николая, Ивана, Александра, Георгия, Михаила и четырех сестер — Татьяны, Анны, Марии, Клавдии; самая младшая, Евдокия, родилась значительно позже. В то время когда старшему было 20 лет, Клавдии, девятой по счету, исполнился один год.

Отец, набожный и трудолюбивый, был строгих правил: не пил, не курил и не сквернословил. При его среднем росте, болезненности и худощавости он казался нам, детям, обладателем большой силы, ибо тяжесть его руки мы часто ощущали, когда она обрушивалась на нас с «учебной целью». Учил же он нас на совесть.

Мать, тоже набожная, была великая труженица. Вставала раньше всех и ложилась позже всех. Мы никогда не видели, чтобы она сидела, ничего не делая, отдыхала сложа руки. Заботы о большой семье и хлопоты по хозяйству отнимали у нее очень много времени. Постоянная нужда в деньгах требовала с ее стороны большой изобретательности: как и чем накормить, во что обуть и одеть свое многочисленное семейство.

У нас было заведено, что новая одежда покупалась только старшим брату и сестре, а вся старая, перешитая, латаная и перелатаная, но всегда чистая, переходила по наследству к младшим. Мы всегда были одеты чисто, без дыр и прорех, а на заплатки мы не обращали внимания. Любила нас мать и за каждого из нас болела душой крепко, а мы в свою очередь отвечали ей большой любовью и уважением. На ее же плечах лежала забота и уход за животными — коровой и лошадью. Она успевала работать в поле и в огороде, правда с нашей посильной помощью.

Труд был основой нашей семьи, даже старшая из младших сестер, семилетняя Аня, считалась уже работницей, так как она присматривала за тремя малышами, когда более старшие уходили из дома.

К хлебу в нашей семье относились крайне бережно, потому что своего хватало только до Нового года. Каждый раз, когда мать резала хлеб, ей приходилось очень тщательно соразмерять куски. Ведь за каждым ее движением напряженно следило несколько пар внимательных глаз: не оказался бы чей кусочек больше и толще. Иногда в нашей обычно дружной семье по этому поводу вдруг вспыхивала ссора, порой переходившая в потасовку. Впрочем, порядок быстро наводился вмешательством отца с его неукоснительным судом: тому — подзатыльник, другому — шлепок, и все успокаивались.

Несмотря на то что в семье все работали по мере своих сил, жили мы бедно, впроголодь. Корова была действительно нашей кормилицей. Молоко, сметана, масло продавались на базаре; ежегодно выпаивался теленок, и тоже — на базар. Молоко иногда нам перепадало, правда больше снятое, но нашим прожорливым желудкам всегда было мало.

Как я уже упоминал, была и лошадь. Но лошади как-то «не приживались» у нас, к великому нашему горю. Купит отец лошадь, поработает на ней весну, лето, и смотришь — она пала. Конечно, это не являлось следствием плохого ухода за ней (лошадь — всегда основное для каждого крестьянина) или непосильной работы. В то время хорошая рабочая лошадь стоила рублей шестьдесят—семьдесят, для нас же это был такой капитал, о котором мы и мечтать не смели. Поэтому лошадь выбиралась и покупалась по цене, доступной нашему карману, то есть рублей за пятнадцать, десять и даже семь. Понятно, это уже была старая, изработавшаяся лошадь, находившая у нас в скором времени свой естественный конец. Это было большим горем для нас, которое наша семья пережила четырежды за 10 лет. Большого труда стоило отцу и мне, его главному помощнику, содрать шкуру с худой павшей лошади. Трудность эта заключалась в том, чтобы, снимая шкуру, нигде не порезать, так как каждый порез считался изъяном, понижающим стоимость ее. Обычно мы благополучно справлялись с такой работой. Продавалась шкура за три, иногда даже за четыре рубля. Таким образом выручалась часть стоимости живой лошади.

В нашей и окрестных деревнях существовал обычай: поздней осенью, по окончании полевых работ, уходить на зиму в отхожий промысел на выделку овчин. Все мужское население, достигшее 12 лет, вместе со взрослыми покидало свои семьи до Масленицы, а порой, в зависимости от количества работы, задерживалось и на первые недели Великого поста. Этому последнему обстоятельству все радовались: чем дольше работали, тем больше получался заработок, кроме того, и начесанной с овчин шерсти привозили больше. Женщины и девушки, не работавшие на текстильных фабриках в городе Шуге, в течение всей осени и зимы, как правило, в свободное время пряли шерсть, вязали на продажу варежки, носки.

И вот, наконец, проходила зима. Наступали весна, лето, не нужно больше думать о теплой одежде, обуви!

К западу от нашей деревни Пахотино находились большие леса, поруби и болота. Сколько там было грибов, всевозможных ягод! Начиналась своеобразная «страда» — хождение по грибы, по ягоды. Самыми ранними появлялись сморчки в порубях, где еще местами держался нерастаявший лед. А самыми поздними были рыжики, которые даже при наступлении осенних холодов продолжали вылезать из песка в редком сосновом бору. Обычно на сборы грибов и ягод отправлялись целыми семьями, как у нас, так и в соседних деревнях. Каждого охватывал спортивный азарт: кто наберет больше и лучшего качества. У нас в семье повелось так, чтобы самая лучшая и красивая ягодка отправлялась в кузовок, а не в рот. Какой соблазн приходилось испытывать нам, ребятам! Но сознание того, что на базаре будет цениться только самая лучшая ягода, часто удерживало нас от искушения. А сколько верст босиком приходилось исхаживать по лесу в поисках грибов! Грузди и рыжики высоко ценились самые маленькие, то есть величиной с трех-пятыкопеечную монету, да притом без малейшей червоточки. Особенно ценился белый гриб, шедший в продажу как в сыром, так и в сушеном виде. Большие грибы, даже с червоточинкой, оставлялись для собственного потребления. Осенью брали клюкву, а после первых морозов и калину.

И мал и стар — все стремились заработать для хозяйства лишнюю копейку. Для лошади и коровы требовался объемистый фураж, да нужно было заготовить сено в запас, чтобы продать излишки на базаре, ведь за каждый воз сена мы получали по 3—4 рубля. А потому косили траву везде, где она

только была: в лесу, на полянах и просеках, и осоку в болоте. Выкошенное в болоте вытаскивали целую версту, идучи по пояс в воде.

Давно это было, но мне запомнился день 9 марта 1899 года. Во-первых, мне исполнилось 8 лет, а во-вторых, этот день совпал с народным поверьем, что именно 9 марта прилетают жаворонки. Существовал обычай по этому поводу печь из теста подобие птиц и в одну из них запекать копейку. Тот, кому достанется жаворонок с копейкой, будет счастливым целый год! Вот мать и побаловала нас и отметила этот день тем, что напекла из ржаной муки жаворонков, и «счастливый» достался мне, правда, не без некоторого участия матери. День был солнечный, теплый, на столе ворох жаворонков, у всех братьев и сестер было радостное настроение, тем более что поджидали отца из города, куда он повез на продажу воз сена; мы с нетерпением ждали возвращения отца потому, что он всегда после базара привозил нам горсть семечек или по баранке. Конечно, баранки были маленькие, но все же баранки.

Вдруг пришел сосед, вернувшийся из города, и сообщил нам ужасную новость: наша лошадь пала, не доезжая двух верст до города. Наше радостное настроение сменилось безысходным горем и общим плачем. Накануне весенних работ остаться без лошади! Даже маленькие дети понимали весь ужас положения.

Этот год памятен мне еще тем, что я этой осенью пошел в школу, находившуюся в деревне Харитоново, в пяти верстах от нашей деревни. Школьнику того времени приходилось встречать и переживать такие затруднения, которым трудно поверить теперь. Учение сельских школьников ограничивалось, как правило, тремя зимами в сельской или церковно-приходской школе. Этим «образование» считалось законченным, так как никаких других школ в сельских местностях не было. Учиться же в городе не представлялось возможным из-за недостатка средств — в то время за учение требовалось платить. Трехклассных сельских школ было мало, и многие школы были очень удалены друг от друга. Нужно представить себе жажду к знанию, которая заставляла преодолевать хождение осенью по непролазной грязи проселочных дорог, а зимой при морозе с ветром в плохонькой одежке и убогой обуви пробираться по сугробам и бездорожью! Иногда чувствовалось, что буквально застываешь от холода.

Путь наш в пять верст проходил через два леса и две деревни. По преданию, когда-то в одном лесу кто-то повесился. Можно представить себе, какой страх обуревал наши сердца, когда мы пробегали через этот лес! Каждый шорох падающего листа, треск сучка заставлял замирать от ужаса увидеть что-то среди деревьев. Только очутившись на опушке леса, мы вздыхали с облегчением. Зато через деревни проходили шумно и беззаботно.

Невдалеке от деревни Харитоново, между деревнями Овсяницей и Черняткино, тянулась пологая возвышенность. Наша ребячья фантазия наделила ее легендой: якобы в ней зарыта лодка с золотом. Какие оживленные разговоры, мечты возникали с надеждой когда-нибудь найти эту лодку! Высказывались самые различные желания, но всегда непрехотливые. Например, осенью всеобщим желанием было иметь крепкие кожаные сапоги, зимой же мечталось о теплой шубе, шапке и особенно о валенках по ноге. Обычно валенки переходили по наследству, ноги в них болтались и плохо согревались. Иногда уже совсем по-ребячьи мечтали на это золото выстроить дом с закоулками, чтобы можно было играть в прятки! Летом 1901 года, когда я уже неплохо умел читать, мне в руки попала книжонка в 32 страницы о цветке папоротника; в ней довольно подробно рассказывалось о том, что цветет папоротник ровно в полночь на Ивана Купалу, цветет он один момент, и в этот миг его нужно сорвать. Увлекательно описывалось могущественное свойство цветка: завладевший им мог стать невидимым и проникать куда ему захочется. Описывались невероятные трудности, возникающие во время поисков цветка, как трудно уловить момент, чтобы сорвать его, а еще труднее удержать цветок сорванным.

Автор брошюры подробнейшим образом перечислял меры предосторожности, которые необходимо было соблюдать, возвращаясь с цветком.

С другом моим, Ванькой Натальиным, мы читали, перечитывали, выучили наизусть почти весь текст. Главным местом наших заседаний были старые ясли под осиной. Мы рисовали себе, что могли бы сделать, став невидимыми, возможности представлялись неисчерпаемыми! Однако трудности и опасности, связанные с добыванием цветка, заставляли сильно задумываться. Ванька просто не представлял себе, как это можно пойти в полночь в лес! Он дрожал при одной мысли об этом. У меня же все настойчивее и настойчивее зрело решение достать этот цветок,

достать во что бы то ни стало, и не дальше как этим летом. О своем решении я не говорил никому, даже своему другу Ваньке. В соседних лесах (один находился в километре, другой — в трех-четыре) было много папоротниковых зарослей. Там, в дальнем лесу, папоротников росло больше, и были они очень густые. Мой выбор, конечно, остановился на этом лесе: ведь мощный кустарник обнадеживал, что будет цвести наверняка.

До Иванова дня оставалась еще неделя. План, конечно не письменный, составлялся подробно, пришлось столкнуться с одним трудным вопросом — в книжечке не упоминалось: нужно ли перед началом похода молиться богу. Просить божьей помощи в таком деле, поскольку тут может быть замешана нечистая сила, в существование которой десятилетний мальчик тогда верил, или делать этого не следует? После размышлений решил, что помолиться необходимо. За три дня до Ивана Купалы сходил в дальний лес, осмотрел заросли папоротника, наметил подходящую кочку для сидения, уходя, заломил кусты, чтобы в темноте безошибочно выйти к этому месту. В самый канун Иванова дня потихоньку, никем не замеченный, взял с божницы небольшой медный крест, запрятал для верности за пазуху и стал дожидаться вечера. День тянулся очень долго. Наконец стали спускаться сумерки. Не спеша, преисполненный надежды, я отправился, хотя до 12 часов было еще далеко. Пока я шел первый километр полем, чувствовал себя отлично, но только лишь вошел в лес — стало жутко от окружающего мрака и тишины, несмотря на то что я подготовил себя к такому переживанию. В брошюрке было ясно сказано, что нечистая сила на каждого человека, идущего на поиски цветка, будет наводить «страшный страх», чтобы заставить его вернуться. Не доходя еще до намеченной кочки, я уже изнемогал от страха, даже был момент, что я чуть не повернул назад, но все же не сдался. Мне стало казаться, что вокруг начинают свистеть, кричать на разные голоса, квакать лягушки; мне казалось, что за каждым кустом меня поджидает большая и маленькая, пузатая, с козьими рожками нечисть!

Вдруг меня осенила мысль: если нечистая сила так хочет заставить меня вернуться, значит, папоротник будет цвести, значит, надо добираться до знакомой кочки. Вот и она.

Концом креста очертил три раза круг (так было указано в брошюрке), зашел в него, по три раза перекрестился, поклонился на все четыре стороны с коленопреклонением, сел на кочку и стал ждать. В левой руке зажал крест, а правую держал навывтяжку,

чтобы сразу схватить цветок, который должен цвести одно мгновение. Немного беспокоило, где именно появится цветок: у корня кустарника или у начала образования веера? Вероятно, у основания веера, подумал я.

Вдруг что-то пискнуло над головой, раздался треск ветки... Невольно вспомнились все сказки, слышанные в длинные зимние вечера, о леших и прочей нечисти, подстерегающей человека ночью в лесу.

Вот мне уже чудится: какие-то исполины надвигаются на меня, какие-то лапы касаются моего лица, что-то шуршит рядом со мной. Малейшее дуновение ветерка казалось мне приближением нечистой силы. Руки немели от напряжения, я осторожно переключал крест из левой в правую, а левую вытягивал, чтобы схватить цветок... Цветок все не появлялся. Время тянулось мучительно долго, сколько еще времени остается до полуночи? По моему расчету, ждать оставалось недолго. Страх все сильнее и сильнее сжимал мое сердце. Чтобы немного приободриться, я стал мечтать, что буду делать, когда сделаюсь невидимкой. Из всех сил старался не двигаться, не моргать, напряженно вглядывался в темноту. Несколько раз мне виделся огонь рядом со мной, тогда быстро сжимал руку, но желанного цветка в ней не оказывалось.

Задремал ли я или закрыл уставшие глаза — не знаю, но что-то засветилось. Я не смел оглянуться, боясь, не уловка ли это со стороны нечистой силы, чтобы отвлечь меня от цветка, когда он появится. Это занялась заря. Я понял, что ночь прошла и ждать больше нечего, надо возвращаться домой. А вот как это проделать?

В книжечке указано, что наибольшая опасность постигает именно при возвращении с цветком, а вот как будет теперь, когда цветка у меня нет?

Перешагнул я через спасительный круг, и почудилось, словно нечистая сила хватает меня; я бросился бежать, слышал погоню, кто-то хватал за пятки. Бежал я без оглядки из всех оставшихся сил. Лишь очутившись на лугу, возле речки, я отдохнул и пришел в себя, спокойно огляделся.

Солнышко вставало, капельки росы поблескивали на траве под его лучами и, казалось, смеялись: «Эх, дурачок, дурачок, смотри, сколько цветов у тебя под ногами, а ты...»

И неведомое до сих пор ощущение красоты природы охватило мою измученную ночным напряжением душу. Я почувствовал такое радостное облегчение, что теперь никакая нечистая сила не

властна надо мной, повалился на траву и заснул крепким сном, согреваемый лучами солнца.

Домой вернулся часов в семь, никто не заметил моего отсутствия и не хватился меня. Вот только до меня долетели удивленные возгласы отца: «Да где же крест-то? Он ведь стоял на божнице?»

У меня, что называется, душа в пятки ушла — креста у меня не было! Неужели я потерял его, когда бежал? Может, оставил на кочке? Но я помалкивал. Если бы дознались, кто взял крест, да, главное, на какое дело — мне бы «досталось на орехи», как часто говорили мы, мальчишки. Я сбегал в лес и нашел крест. Вечером крест снова был на своем месте, вновь начались охи, ахи, вот-де какие чудеса творятся. Но я опять молчал.

Никогда ни одним словом не обмолвился я о своем неудачном поиске, даже Ванька не узнал об этом. Вопрос о цветке так и остался мною не решенным: цвел папоротник или я заснул и прозевал его?..

Зима 1901/02 года прошла незаметно. Весной заканчивалась моя учеба, надо было готовиться к экзамену. Сияющий, принес я домой похвальный лист. Не помня себя от радости и гордости, я вручил его матери, которая заплакала от счастья. Впрочем, вся семья радовалась вместе со мной и хвалила меня. Окончание школы накладывало на меня совсем уже другие обязанности по хозяйству. Два старших брата Николай и Иван, а также старшая сестра Татьяна работали в городе. Мальчик, окончивший школу, становился помощником родителям и работал вместе с ними. Отец простудился зимой и долго болел, от знахарского лечения поправлялся медленно, но все же за лето поправился. Осенью 1902 года он уехал искать работу по выделке кож, и в октябре пришло от него письмо с известием, что он подыскал место работы в селе Ольшанка Хвалынского уезда Саратовской губернии. Отец приказывал, чтобы Николай бросил работу в Шуге, забрал с собой Саньку и приехал к нему.

Мать провожала нас на лошади до пристани, там мы сели на пароход и поплыли по Клязьме, Оке и Волге. Помню, на рассвете мы причалили к Хвалынску: на берегу возвышались горы арбузов, долго выбирали и купили два, немного помятых, но зато самых крупных, за три копейки.

До Ольшанки нам предстояло пройти двадцать верст. Мы были навьючены сумками, котомками с необходимым для выработки овчин инструментом: крючьями, косами, чесалками и т. д.

Этот груз очень усложнял наш путь по размытой дождем дороге. Надо было взобраться на крутой берег, а раскисшая меловая почва так и ползла под ногами. Я был обут в материнские полуботинки с резинками, на каждом шагу они оставались в грязи, идти же босиком было холодно. Несколько раз брат пытался посадить меня к себе на плечи, но ничего не получалось, потому что я тоже был нагружен изрядно. Как бы мы добрались до Ольшанки, трудно сказать, если бы, на наше счастье, нас не нагнал крестьянин на лошади. Разговорились, он оказался жителем села Ольшанка, разрешил мне сесть на подводу, а когда выехали на ровную местность, позволил положить и вещи брата.

В Ольшанке работы оказалось немного, так как там работали еще два овчинника. Мы закончили все к половине зимы. Нелегко было отцу посвящать нас в сложившиеся обстоятельства. Оказалось, мы заработали немного, а за квартиру, которую снимали, с нас причиталось двадцать пять рублей. Деньги по тому времени большие.

— Вот, — сказал отец, — если мы заплатим двадцать пять рублей, у нас не останется денег на покупку билетов по железной дороге. Придется продать нечесаную шерсть. Она здесь стоит гроши, но все же, продав ее, сможем купить железнодорожные билеты, тогда мы вернемся домой с пустыми руками. Как же быть, ребята?

Брат Николай тотчас предложил попробовать уехать ночью, благо паспорта были у нас на руках, а не у хозяина, в таком случае мы сохранили бы шерсть и денег хватило бы на билеты. Я, в свою очередь, добавил, что иного выхода нет. Отец, честный по натуре, привыкший всю жизнь быть честным, склонялся к тому, чтобы расплатиться с хозяином, продав шерсть здесь. Мы с братом усердно доказывали целесообразность нашего плана: хозяин — человек богатый, он видел нашу бедность и нужду, и ему-де и в голову не придет гоняться за нами по белу свету и ловить нас.

Отец заметно колебался, но безвыходность положения и наша настойчивость принудили его согласиться.

Наняли мы подводу, ночью погрузились и уехали втихомолку из Ольшанки, а там по Волге до Сызрани. Непokoйной была эта первая ночь. Мы не разговаривали друг с другом, лишь с тревогой всматривались в темноту, боясь погони. Благополучно переночевали в одной деревне, а на другой день приехали в Сызрань.

На станции отец посадил нас в самом дальнем уголке, сам отправился за билетами. Получилась непредвиденная задержка:

отец хотел купить два полных билета и один четвертной, но кассир отказался продать мне билет. Пришлось отцу упросить соседа, чтобы он одолжил для показа своего шестилетнего мальчика. Таким образом, удалось сэкономить и на билетах, взяв «напрокат» мальчика. Мальчику пришлось купить двухкопеечные булki. Мы с братом облегченно вздохнули и развеселились, когда поезд тронулся: все-таки, шептались мы, могло ведь случиться, что хозяин послал бы за нами погоню... Отец же был по-прежнему молчалив и печален. Жестокое, несправедливое к труженику устройство жизни вынуждало даже такого твердого в нравственных правилах человека, как наш отец, решиться на поступок, который он считал дурным, и это его терзало.

Впрочем, некоторые «преступления» против имущественных прав «казны» и богачей настолько вошли в крестьянский быт, что нравственная их оценка начисто отмерла, и когда их совершали, то заботились лишь об удаче и безнаказанности.

Недалеко от нашей деревни начинались большие леса. Мы да и все наши соседи ездили туда за хворостом, которым мы всегда топили печи, ибо дрова по нашим деньгам стоили дорого.

Иной раз удавалось свалить сухое дерево, и, разрубив или распилив на небольшие части, его укладывали на телегу, тщательно замаскировывали хворостом, иначе встреча с лесником сулила большие неприятности. Особенно страшно было проезжать мимо его сторожки на берегу реки, как раз у самого моста.

Однажды после окончания весенних работ в поле и на огороде выдалось свободное время. Мы с отцом поехали в лес. Нам повезло: три сухих бревна лежали у нас под хворостом. Отец приказал мне ехать с возом домой, пообедать и возвратиться к нему. Сам он оставался в лесу продолжать работу. Из леса можно было ехать по дороге или через луг. Дорога через луг была короче, но надо переезжать канаву.

Провожая меня, отец строго приказал ехать по дороге. Я, конечно, обещал выполнить все так, как он приказал, но про себя решил сэкономить полтора километра и поехать лугом. Из леса выехал сначала по дороге, а потом свернул на луг. Подъехав к канаве, остановился прикинуть, в каком месте лучше ее переехать, и тронул лошадь.

Вдруг — о ужас! — застрял в канаве, сломалось колесо, и воз сел. Меня обуял такой страх, я так растерялся, что не мог сооб-

разить, что же делать: сваливать хворост страшно, на дне заложены три бревна, да все равно без колеса не поедешь, а сторожка лесника в каких-нибудь трехстах шагах; вернуться к отцу — еще страшнее. Решил отпрячь лошадь, ехать в деревню верхом и попросить у соседа колесо.

Но отец, по-видимому, не очень поверил, что я поеду по дороге. Он вышел на опушку и, увидев, что я поехал по лугу, стал наблюдать, как я преодолею канаву.

Только я начал отпрягать лошадь, как увидел отца, идущего ко мне по лугу. Я остановился, дрожа от страха и обливаясь слезами, прикидывал, что теперь со мной будет.

Когда же отец был недалеко от меня, я бросился что было сил в лес. С опушки леса я стал наблюдать, что будет делать отец. Я увидел, что он действует по моему замыслу — выпряг лошадь и верхом поехал в деревню. Я продолжал стоять на опушке, наблюдая, не появится ли около воза лесник. Но лесника не было. Долго я ждал возвращения отца и, не дождавшись, удрученный, углубился в лес.

Там, горько плача, упал на колени, бился головой о кочку, страстно умолял бога и всех известных мне святых смягчить сердце отца. Давал богу обещание впредь всегда слушаться отца и точно исполнять все его приказания. Страх перед жестокими побоями заставлял меня дрожать. Но этот же страх гнал меня посмотреть: а где же отец и что делает? Выбежав снова на опушку, увидел возвращающегося верхом отца, державшего в руках колесо, вероятно занятое у кого-то. С помощью ваги отец поднял телегу и надел колесо. Мне хотелось подбежать к нему, помочь, попросить прощения, обещая больше никогда его не слушаться, но страх помешал мне выполнить это, и я остался стоять, скрытый кустами.

Я видел, как отец по временам всматривался в лес, который скрывал меня; видел также, как он, сняв половину хвороста, запряг лошадь и, напрягая силы, старался выехать из канавы.

Был момент, когда я уже решил: «Ну, будь что будет, выбегу к отцу», — но в это время телега преодолела канаву, отец снова наложил хворост на воз и тронулся к мосту.

В лесу я дождался темноты и только тогда рискнул вернуться в деревню. Ночевал в клуне и почти всю ночь не спал, молился, просил всех святых заступиться за меня. Только на рассвете, истомленный страхом и усталостью, заснул беспокойным сном.

Проснулся я, когда солнце стояло уже высоко. Сразу же решил: надо идти домой. Подходя к дому, увидел отца, он тоже заметил меня и направился в мою сторону. Я остановился в ожидании расправы. Но в это самое время поблизости послышался знакомый голос, протяжно тянувший: «Продаю косы, серпы, косы-серпы, косы-серпы!» — одновременно появилась обтянутая брезентом повозка. Отец круто повернул к ней.

Я уже был в избе, когда отец вернулся с двумя косами, двумя серпами и, любуясь, внимательно их рассматривал. «Взял в долг, — сказал он матери и довольным тоном добавил: — Ведь не обманул, правду сказал, косы-то австрийские, на них и написано не по-нашему». К моему глубокому удивлению, отец только строго посмотрел на меня, но даже пальцем не тронул! Я напряженно ждал, что он вот-вот приступит к расчету со мной: ведь я хорошо знал, что даже самый малый проступок отец не оставлял без наказания, а безнаказанность за такой тяжкий проступок была для меня совсем непонятной. Я, конечно, приписал это тому, что до бога и святых дошла моя усердная, отчаянная молитва и она смягчила сердце отца...

Но позднее мать рассказала, что они с отцом переживали в ту ночь, когда я не ночевал дома. Они не спали всю ночь, прислушиваясь, не брожу ли я около дома.

Вот тогда-то я понял, что не бог со святыми угодниками, а мать смягчила сердце отца. Что-то надломилось у меня после этого случая. Что говорить, в детстве, как и все дети того времени, я верил в бога. Бог в моем представлении был существо всевидящее, всеильное, могущее помогать и наказывать!

Глухими темными вечерами, лежа на полатах дома, слышал, как мать горячо молила бога о помощи. Мне тогда казалось, что только камень мог быть глухим и безучастным к таким мольбам, а бог-то должен услышать!

Своим детским умом я понимал: мать искренне просит помощи у бога, не обманывая его, ибо нам действительно нужна была помощь. Но, несмотря на молитвы матери, да и всех нас, помощи от бога не было, недостаток и беды все возрастали. Когда становился старше, мало-помалу начал я задумываться над вопросами: почему у нас в деревне одни богаты, а другие, как мы, бедны? Спросил об этом мать. «Все от бога, сыночек, одним бог дает, а другим нет, — ответила мать. — Видно, по грехам нашим», — добавила она с горечью.

Я очень любил свою мать, видел, как много и тяжело она работает, да и вся наша семья не сидела сложа руки, следуя ее примеру. И обида на бога, который нам ничем не хочет помочь, иногда западала в мое детское сознание, но я не переставал молиться.

Бывая в церкви, видя торжественную обстановку церковной службы, сосредоточенную молитву мужчин, женщин, детей, я продолжал относиться к богу с почтением и боязнью. Мне тогда казалось, что священник и все служители живут хорошо потому, что ближе находятся к богу, больше служат и молятся ему. Когда я совершал какой-либо проступок и, зная по опыту, что меня за него ждет изрядная «баня», то со слезами и коленапреклонением искал у бога заступничества. Это иногда помогало, но не всегда, а потому давало пищу для размышлений, а порой сильно колебало «божий авторитет».

Работая в городе, я познакомился с одним парнем, он был года на два старше меня. Звали его Алексеем, жил он с матерью-вдовой. Оба они работали, но материально жили плохо. Алексей был далек от революционно настроенной группы молодых рабочих, как и я, верил в бога и стремился «выбиться в люди». Характер у него был вспыльчивый, неуравновешенный. Если он был чем недоволен, то ругал подряд всех, не исключая высокопоставленных правителей, существующие порядки, словом, все на свете. В церковь мы ходили аккуратно, каждое воскресенье, а иногда и вечером в субботу. Кроме того, Алексей говел в посты, ходил на исповедь, чего я не делал уже два года.

Однажды вечером мы возвращались из церкви. Алексей, шедший рядом, мне сказал:

— Священник на исповеди спросил меня, не хулил ли я существующие порядки, не посещал ли запрещенные сходки?

Я насторожился и спросил его:

— Что же ты ответил?

— Сказал, что один раз случайно был на сходке, а что касается недовольства, бывает, иногда скажешь что-нибудь, ведь причин к этому много и у меня, и у других.

Мне казалось, что напрасно он так ответил священнику.

— А что тут такого, — сказал Алексей, — правда, мать меня тоже ругает за сказанное.

В скором времени после ареста М.В. Фрунзе по городам Шуе и Иванову прошли аресты; узнал я, что арестовали и Алексея. Вечером после работы встретился с его расстроеной матерью.

Поговорив об аресте Алексея, пришли к заключению, что все дело здесь в исповеди. Очень каверзные вопросы задавал поп!

Через полтора месяца Алексея освободили, и наше предположение подтвердилось, так как на следствии его спрашивали: что говорили на сходке? Кто выступал? Кто из известных вам лиц присутствовал? Спрашивали и о причине его недовольства высоким начальством...

До освобождения Алексея я еще в какой-то степени сомневался в своем подозрении, не исключал с его стороны какой-либо проступок, неизвестный мне, но после нашего разговора понял, что многие находятся на службе у полиции и жандармов, даже «божьи слуги»!

Моя когда-то сильная вера в бога стала колебаться, а тут еще, работая, я поранил руку. Обращать внимание на такие мелочи было некогда, ранка засорилась, загноилась. Рука сильно распухла и болела. Повысилась температура. Самочувствие было отвратительное, а работать надо. Мой хозяин, как и другие, не терпел больных рабочих, они ему не нужны. И, несмотря на то что я у него работал уже пять лет и он был мною очень доволен, все же посматривал косо в мою сторону. Я продолжал работать через силу, прося у бога помощи и исцеления своей болезни. Ходил в церковь, «святому исцелителю» Пантелеймону свечки ставил, святой водой обмывал руку, но боль и опухоль не только не уменьшались, но все увеличивались. Наконец, мое терпение лопнуло, рассердился я на всех святых, в том числе и на святого Пантелеймона! Пошел к доктору. Доктор, осмотрев мою руку, расспросил, чем лечил, сказал:

— Эх, паренек, жаль, что ты пришел так поздно, ведь руку-то тебе, вероятно, придется отнять!

Я очень испугался — какой же буду помощник родителям без руки? — и слезно просил доктора помочь мне. Вероятно, тронуло его мое горе, начал он лечить мою руку. Много насмешек испытал я от него по адресу бога, всех святых «целителей», попов и моей собственной глупой веры во всю эту «чепуху», как говорил он.

Многое в моих глазах стало иным. Новыми были для меня его рассуждения о боге, о природе, об окружающей нас жизни. Вылечив мне руку, сказал доктор на прощание:

— Так-то, друг Санька, помни: «На бога надейся, да сам не плошай!»

Добрая память осталась у меня о нем на всю жизнь. В армию я пришел хотя с ослабленной, но еще с верой в бога. В 1914—

1915 годах оказался на фронте в одном взводе с солдатом Муравьевым, настоящим безбожником, который до войны жил в Петрограде и работал на фабрике «Скороход». Этому умному, начитанному атеисту было лет тридцать пять. Часто, пользуясь свободным временем, беседовал с нами на разные, даже рискованные по тому времени, темы. В тесном кругу он смело критиковал действия правительства и наших начальников. Особенно живо и образно рассказывал Муравьев о сотворении мира богом за семь дней и тут же все едко высмеивал. Он говорил нам о том, что все «служители божьи» любого вероисповедания молят своих богов о ниспослании победы только их народу. Считают, что только их вера правильна и хороша, а все другие плохи; люди же, исповедующие другую веру, «поганые». Много рассказывал о жадности, распутстве попов, ксендзов и монахов, о богатстве церкви и служении ее защите существующих порядков.

Первое время, слушая его, мы выступали в защиту бога, церкви, священников, но он убедительными фактами заставлял нас отступать от наших взглядов и убеждений.

В конце концов его разговоры и насмешки поколебали веру одних, а другие, в том числе и я, перестали верить в бога!

Осенью 1903 года отец подыскивал место работы поближе к нашей деревне, чтобы не платить за дальний переезд. Устроился он в верстах сорока от Рязани и потребовал, чтобы мы с братом Николаем отправились к нему. На этот раз Николай, наученный горьким опытом прошлого года, наотрез отказался бросать работу в Шуге. Мне пришлось ехать к отцу одному. От Рязани я шел пешком.

С тяжелой поклажей добрался до отца без всяких приключений, рассказал о всех домашних делах, о собранном урожае, о всех деревенских новостях, и мы приступили к работе.

Трудная, неблагодарная и, главное, грязная эта работа — выделка овчин. Для начала надо было набрать у крестьян партию овчин, штук полтора. Сухие овчины с присохшим к шерсти навозом сначала замачивались в речке, чтобы размокли, тогда лучше очищались с них грязь и навоз. Вымоченные и вымытые овчины переносились в дом для дальнейшей обработки. Острой косой счищались с мездры остатки мяса. Потом в большие чаны с водой засыпалось пуда полтора муки. Туда закладывались овчины и квасились там определенное время, а потом поступали в

окончательную обработку. Запах в помещении стоял убийственный, он пропитывал одежду, волосы, кожу, всего человека. Дышалось с таким трудом, что с непривычки в овчинной нельзя было пробыть больше десяти минут — необходимо было высказываться, подышать свежим воздухом! Как неразлучная тень тянулся этот запах кислятины за человеком и долго не выветривался. «Овчинника» можно было безошибочно узнать, вернее, унюхать, издалека.

После сбора первой партии овчин отец прихворнул и послал меня на речку мыть овчины. Было очень морозно, затрудняюсь сказать точно, сколько градусов, — кто мог их определить без градусника, о котором в то время и понятия не имели в деревне. На речке надо было прорубить прорубь и в ней мыть овчины. Приходилось очень часто делать перерывы, чтобы отогреть коченеющие маленькие руки. Работа подходила к концу, когда совсем обессилевшие от холода руки выпустили очередную овчину и моментально течение унесло ее под лед. Отец строго-настроено приказал не упускать овчину, я отлично понимал, какая это огромная потеря: выделка каждой овчины стоила 50—60 копеек.

Я и про мороз забыл, сразу стало жарко от мысли, как идти и говорить отцу о бедах... Придумать я ничего не смог и, надеясь, что авось обойдется, вернулся домой и ничего не сказал отцу. Но мой смущенный вид и неуверенные ответы насторожили его. «Что-нибудь случилось?» — спросил он. Хотя я говорил, что ничего, отец не поверил и стал пересчитывать овчины. Нескольким раз он пересчитывал, но одной овчины все недоставало.

Стоял я ни жив ни мертв, едва выдавил, что, возможно, она осталась в реке. В конце концов все же пришлось признаться, что упустил ее в проруби. Больно избил меня отец, что называется, «всыпал», да не один раз. Сначала я терпеливо переносил наказание, чувствуя себя как будто виноватым, но после третьей порции заявил, что уйду от него. За эту дерзость отец избил меня еще сильнее.

На другой день снова стал пересчитывать овчины, снова разгневался, и опять повторилось вчерашнее.

После этого я окончательно решил уйти от него домой, сбежать было не трудно. Я всегда ходил за водой. Взял ведро, оставил его в сених и отправился в Рязань, наметив свой путь вдоль узкоколейки. До Владимира двести километров, а оттуда до Шуи всего сто. И я в деревне — у матери. В мыслях казалось все не-

сложным, а что в кармане не было ни гроша, что одежка была «ветром подбита», что путь не близкий — всему этому не придавал значения. Самое смутное представление было и о расстоянии до дома. Что такое триста верст, я реально себе не представлял. Зашагал по узкоколейке, но идти по шпалам оказалось очень трудно, тем более что местами она была занесена снежными перекатами. Пришлось свернуть на большую дорогу, а это значительно удлиняло путь. Старался проходить в день по 25 верст, но дни были очень короткие; идти ночью опасался — боялся волков. Высчитывал так, чтобы к ночи попасть в какую-нибудь деревню. На ночевку меня пускали везде с большой неохотой, так как от меня несло запахом кислой овчины.

Был морозный Крещенский сочельник. Светила яркая луна, изредка скрывавшаяся за облаками, на улице деревни было много молодежи. Долго ходил я от дома к дому, стучался, просил пустить переночевать, но все напрасно — везде отказывали из-за противного запаха, сопутствовавшего мне. Никакой хозяйке не хотелось, чтобы ее вымытый к празднику дом пропах кислятиной. Горькая обида охватила меня, вдобавок голод и холод давали о себе знать. Так безрезультатно прошел всю деревню; я заплакал от своего горя.

Вставал вопрос: куда же мне деваться? В отдалении в темноте увидел какие-то дома и побрел к ним. Оказалось, это были бани. На дверях висели замки, но струившийся из дверей пар говорил, что бани вытоплены. На одной двери замка не было. Робко толкнул я дверь и очутился в предбаннике. Ни души. Тогда открыл дверь в баню — тоже никого; тепло приятно охватило меня, и я решил, что лучшего места для ночлега не найти. Вот только очень хотелось есть. Питался я лишь тогда, когда меня пускали ночевать и кормили из жалости. На счастье, в кармане нашелся замерзший кусочек хлеба, с аппетитом сгрыз его. Ощупью нашел узкую лавку, не раздеваясь, улегся на нее, подложил под голову шапку и в полном блаженстве заснул. Сколько времени спал — не знаю, но разбудил меня какой-то грохот, что-то тяжелое упало с полки. Домовой! Луч луны, выглянувший из-за облаков, слабо пробивался сквозь маленькое оконце и тускло освещал внутренность бани. Вдруг, к своему ужасу, увидел человека, голова и руки которого лежали на полу у двери, а одна нога зацепилась за полку. Сначала я подумал, что это мне снится... Нет, это действительно человек. Кто он? Я затрясся от страха. Язык не повиновался, чтобы спросить громко: «Кто здесь?»

Единственная мысль пришла — бежать. Но как? Оконце было маленькое, значит, спасение только через дверь, но там поперек лежит человек?! Не помня себя перепрыгнул через тело, распахнул дверь и пулей вылетел наружу. Плача и крича о помощи, я полетел в деревню. Там еще гуляла молодежь. Услышав мои вопли, побежали мне навстречу, начали расспрашивать, что со мной. Сквозь слезы довольно невнятно я рассказал, как очутился в бане и что там произошло. Дружный хохот был мне ответом, хохотали до упаду. Потом рассказали, что вечером подобрали замерзшего человека, положили его в баню и приставили сторожа, который отлучился в тот момент, когда я вошел в баню. Наконец кто-то жалился и пустил ночевать.

Долго ли, коротко ли длился мой путь, но в свою деревню я добрел. Когда я открыл дверь своего дома, мать замерла на месте, очень изменилась в лице, потом бросилась ко мне, рыдая, обнимала меня и все твердила: «Санька, да ты ли это, сынок, ты живой?» Тревога ее была, конечно, понятна: после моего исчезновения отец сообщил об этом матери, мое продолжительное отсутствие давало повод думать, что я пропал без вести. Мать оплакивала меня как погибшего. Предстояло еще объяснение с отцом, мы с матерью ожидали взрыва его гнева. Забегая вперед, скажу: когда он вернулся, то не только не поругал меня, наоборот, подошел, ласково погладил по голове и только сказал с упреком: «Зачем ты, Санька, так поступил?» Больше он никогда не напоминал об этом случае.

В эту зиму я уже не возвратился к отцу под Рязань и все подумывал: как бы я мог подработать, чтобы внести свою долю в семью? В нашей деревне в длинные зимние вечера девушки собирались на посиделки — пряли шерсть и вязали варежки и перчатки для продажи.

Однажды подошла очередь собраться в нашей избе. Я выполнял обязанность «заведующего освещением»: щепал лучину, вставлял ее в каганец, следил, чтобы горела хорошо, а падающий нагар попадал бы в таз с водой. Девушки удовлетворялись таким освещением: большие мастерицы, они вязали иногда даже впотьмах, и это не ухудшало качество их работы.

В тот вечер и зародилась у меня мысль, как заработать для семьи. Все готовые вязаные изделия продавались в городе Шуе по 12—16 копеек. «А что, — думалось мне, — если продавать эти

варежки и перчатки не в Шуе, а повезти на санках в те районы, где вязанием не занимались? Наверняка можно будет продать дорожке». Утром поделился своими планами с матерью. Она согласилась с выводом, но считала, что возить придется верст за 50—70, а это не по силам такому маленькому мальчику.

В детстве, лет до шестнадцати, я был очень маленького роста, в двенадцать лет выглядел девятилетним, что очень беспокоило мать и давало повод считать меня маленьким и по возрасту.

Гонять лошадь на такое расстояние с малым количеством товара, имевшимся у нас, не имело смысла, все равно никакой прибыли не получилось бы. Но мысль эта пленяла меня возможностью заработать кое-что, да и сама поездка казалась увлекательной. Постепенно я уточнил дальность расстояния от нас до тех районов, где не существовало этого отхожего промысла. А теперь зима — самый сезон варежкам и перчаткам. Я принялся уговаривать мать согласиться отпустить меня торговать, убеждал ее, что везти варежки на санках не только не трудно, но очень удобно, а 70 верст для меня, прошедшего триста, совсем нипочем. Матери же это путешествие представлялось полным всяких опасностей. Она боялась и пугала меня. «Тебя и волки могут задрать, — говорила она, — и худой человек обидит — отнимет все варежки, дороги ты не знаешь, и ничего-то у тебя, кроме беды, не получится».

Все воображаемые опасности не производили на меня впечатления, я, наоборот, рисовал ей заманчивую картину, когда вернусь с деньгами! С великими охами согласилась она отпустить меня. Подсчитали мы, сколько пар я возьму с собой, за какую цену буду продавать и сколько заработаю. По моим вычислениям (а в арифметике я был силен) выходило, что получу больше на три рубля по сравнению с выручкой в Шуе. Значит, я заработаю в одну неделю три рубля, больше, чем брат Николай за то же время на своей фабрике. Начались сборы, чинилась моя одежда, приводились в порядок санки, запасли еще 70 пар варежек по ценам Шуи к тем, что имелись у нас. И вот мы с матерью выехали из дому. Она провезла меня на лошади верст пятнадцать. Хорошо помню последние минуты перед расставанием. Вдвоем сняли мы санки с поклажей — два больших мешка; по глубокому снегу завернули лошадь в обратный путь. Мать плакала горькими слезами, обнимала меня, крестила и все повторяла: «Санька, может, вернешься? Бог с ними, с деньгами, а, Санька?» А мне и самому было жалко с ней расставаться, но уж раз собрался — значит, надо ехать.

Долго стояла она на дороге, провожая меня глазами, я медленно удалялся, все оглядываясь. Видел мать, утирающую слезы, и махал ей рукой. Но вот поворот в лес, и мать скрылась у меня из глаз. Оглянувшись в последний раз и не увидев ее больше, заревел, не стыдясь своих слез. Очень я любил свою мать. Потом подтянул кушак, оправил груз, впрягся в санки и отправился в путь. Мой груз, большой по объему, не был таким тяжелым, снег поскрипывал под санками, идти было нетрудно. Тяжесть разлуки все еще давила мне грудь, но понемножку горечь стихала, а уверенность в благополучном исходе делала меня все смелее и веселее. От нашей деревни до первого торгового села было тридцать верст, я там заночевал. Наутро должен быть базар, на него-то мне и нужно было попасть. На базаре мои vareжки пользовались успехом, спрос на них был большой, и я, немножко труся в душе, надбавил на каждую пару три копейки. Один мешок убавился наполовину.

Обрадованный успехом, окрыленный радужными надеждами, я направился в следующее большое торговое село. Проходя деревнями, лежащими на моем пути, я бодрым голосом, как настоящий коробейник, выкрикивал: «Vapeжки, vareжки, продаю хорошие vareжки», останавливался, показывая, похваливал товар и... продавал уже с надбавкой в четыре копейки. Так же успешно шло дело и в следующем торговом селе, в 65 верстах от нашей деревни. Там продал я половину товара, оставалось пар восемьдесят непроданных vareжек. Конечно, их можно было бы продать на обратном пути, но казалось более верным проехать еще несколько верст и продать их в каком-нибудь большом селе. Я не ошибся в своем расчете: успешно распродал 60 пар, но уже надбавляя по пятаку. Решил возвращаться домой. На обратном пути продал оставшиеся 20 пар. Через несколько дней в самом бодром настроении вернулся домой к великой радости матери и родных. «Подумать только, — говорили соседи, — такой малец, а оказался молодец!» За семь дней заработал семь рублей десять копеек!

Вечером мать рассказывала мне, как горько она плакала, возвращаясь домой, как ругала себя за согласие отпустить меня одного, как молила бога вернуть меня живым и здоровым, пусть хотя бы без денег. Ободренные успехом, дня через три снова принялись снаряжаться в путь. Своих vareжек было очень мало, пришлось покупать у соседей, а так как брали их на дому, то хозяева охотно отдавали их по двенадцать копеек.

Путь был теперь знакомый, и расставание с матерью на том же месте было не столь тяжелым, как в первый раз: хотя и смахивала порой слезы, но иногда даже улыбалась. На прощание она приказала не гнаться за лишней копейкой, а возвращаться через шесть дней. В этот день был крепкий мороз с сильным ветром, дорогу заметало снегом — идти было трудно, а сбиться легко. Мне приходилось проходить лесом. Вдруг я заметил двух волков, пересекавших дорогу. Я остановился затаив дыхание — один, беспомощный со своими варежками. Волки оглядывались в мою сторону, раз даже остановились, словно для совещания, что им со мной делать, но потом скрылись в лесу. Долго стоял я в нерешительности — идти ли дальше или вернуться в соседнее село?

Самолюбие заставило продолжать путь, но чувство страха долго побуждало меня озираться по сторонам. Вскоре меня догнала подвода и подвезла до села. Поскольку я приобрел уже уверенность и умение предлагать свой товар, дела мои шли так успешно, что за те же семь дней я заработал уже десять рублей сорок копеек. Когда я с пустыми санками возвратился домой, во всей округе заговорили о моих удачных поездках; родственники и соседи приходили смотреть на такого «умельца». Мать с гордостью и радостью влажными глазами смотрела на своего Саньку. В глазах братьев и сестер читал уважение, смешанное с завистью. А я? Я чувствовал себя героем!

В 1904 году началась Русско-японская война. Она требовала все новых и новых солдат. Мужчины уходили из своих семей. Летом это горе пришло в нашу семью. Моя старшая сестра Таня, год назад вышедшая замуж за очень хорошего человека в своей же деревне, должна была провожать своего мужа, солдата запаса. Муж ее получил повестку явиться на сборный пункт для отправки на войну.

Вся семья была удручена свалившейся на нас бедой. Моей матери захотелось поставить в известность своих братьев, работающих в Кохме и Иванове. Было решено роль «вестника» возложить на меня. Адреса моих дядей были записаны на бумагу, а бумагу спрятали под подкладку фуражки, так как моя одежда, состоявшая из штанишек и рубашонки, не имела карманов.

Ранним летним утром, босоногий, но очень важный от возложенного на меня поручения, я выбежал из дома. Мой путь проходил через Шую, Иваново. Заночевать я решил сперва в Иванове,

но там моя весть была принята довольно равнодушно. Я даже услышал в ответ: «Стоило из-за этого бежать пятьдесят верст, других-то уж давно призвали на войну».

Я посчитал это большой обидой для нашей семьи, ночевать у дяди отказался и, несмотря на усталость, ушел в Кохму, сделал еще дополнительно 12 верст.

В Кохме дядя Павел встретил меня приветливо. Подробно расспрашивал о жизни, здоровье моей матери (своей сестры), об отце и всей нашей семье. Тепло вспоминал мою мать, к которой всегда хорошо относился.

Выражал соболезнование моей сестре Тане в постигшем горе и надеялся на благополучное возвращение ее мужа с войны.

Очень удивился моей выносливости: за один день пробежать 62 версты — не шутка! Радовался, что я пришел ночевать к нему. Все это было приятно слышать, я был доволен, что не остался ночевать в Иванове, а вернулся в Кохму. Дядя меня хвалил, и я чувствовал себя героем дня, но усталость валила меня с ног, и, добравшись до постели, я крепко заснул.

Утром, прощаясь с дядей Павлом и его женой, получил в подарок серебряный гривенник — по тому времени это были деньги! Поблагодарив за все, я крепко зажал гривенник в руке и тронулся в обратный путь.

Между Кохмой и Шуей было село, в середине которого стояла церковь, а рядом — дом священника с большим вишневым садом.

Чтобы сократить себе дорогу, я шел по задворкам тропинкой. За изгородью сада священника, у тропинки, я увидел изрядную кучу прошлогодних, еще влажных вишен, из которых, как видно, делали настойку. Я присел на траву, попробовал вишни, — они были блестящие, сладкие, лишь отдавали каким-то резким запахом. Съел я этих ягод порядочно, и мне очень захотелось спать.

Сколько я проспал, сказать трудно... Проснувшись, почувствовал себя неважно, голова была тяжелой, все тело сковывала усталость.

Вот странно: прошел всего 10 верст и уснул, вероятно, заболел, подумал я и решил идти скорей домой.

Отойдя верст восемь, вспомнил: а где же мой гривенник? Побежал назад. Долго искал гривенник в траве, где спал, и, наконец найдя, спокойно отправился дальше.

Без всяких приключений через Шую к исходу дня вернулся домой.

Подробно рассказал отцу и матери, что оповестил всех родных не только в Иванове, Кохме, но и в Шуе, как встречали меня родные, как на обратном пути наелся за поповским садом каких-то вишен, заснул и было потерял свой гривенник, словом, о всех своих дорожных событиях.

Монету отдал матери. Поблагодарив меня за подарок, мать сказала: «Эх ты, вишня-то была пьяная, вот ее и выбросили за забор, чтобы домашняя птица не клевала и не стала пьяной. А ты, дурачок, ее наелся! Вот тебя и потянуло ко сну, поэтому и голова у тебя была тяжелая!»

После неудачных поездок в Саратовскую и Рязанскую губернии отец осенью отправлялся на поиски работы поближе к дому, чтобы не тратиться на билеты. Так было и на этот раз. Он сообщил, что нашел работу в 150 верстах от дома. Вызывал меня к себе, точно указывал маршрут, которого я должен был держаться, называл подробно те деревни, через которые я должен был проходить, упоминал, что на полпути будет большой лес. В нем часовня, возле которой протекает ручей с целебной водой, — отец велел из него умыться и напиться. К тому времени все полевые работы были закончены.

По приказу отца я стал собираться, надо было привести в порядок все необходимые для выделки овчин инструменты. Сборы были недолгими. Мать, как всегда, поехала на лошади проводить меня: «Все поменьше верст будешь шагать, Санька». Конечно, мать заплакала, когда увидела все сумки и котомки, которые я навьючил на свои плечи. Мне так ее было жаль, так хотелось ее утешить, что я веселым голосом воскликнул: «Ничего, маменька, не плачь, не горюй, ходить мне не привыкать, да и сумки легкие, хотя их много!» Эти слова подействовали на нее успокоительно. И как всегда, долго стояла она со слезами на глазах, пока я не скрылся из вида.

Путь был рассчитан на шесть дней. Ночевал в указанных отцом деревнях, точно держался дорожных примет и, наконец, дошел до леса. Вдоль дороги вилась тропинка, по ней и шел. Листья уже облетели, земля чуть примерзла. Я шел с левой стороны дороги, где должна стоять часовня. Внимательно вглядывался, чтобы не сбиться с дороги, и она меня привела прямо к часовне с родником, откуда вытекал ручеек светлой холодной воды. Точно выполнил отцовский наказ: умылся в ручье, выпил воды; о ее

целобном свойстве шла молва далеко в округе; помолился на часовню и обошел ее кругом. Часовня, большая, срубленная из крупных бревен, была заперта на огромный замок. Я знал, что у часовни всегда висят кружки для сбора даяний прохожих. У меня тоже явилось желание бросить в кружку монету. Но кружки не было, да и денег-то у меня не было. Исполнение этого намерения оставил до обратного пути, если хорошо заработаем. Но заинтересовался, почему нет кружки. Эх, какой же я дурак, подумал я, разве можно повесить кружку в таком большом лесу? Сколько ходит разных людей, они могут сорвать и унести кружку. Мое внимание привлекла узенькая тропинка к одному из окон часовни. Рамы в нем были за железной решеткой. Приглядевшись, заметил, что в одной шипке нет стеклышка. Я подошел и взглянул внутрь. Велико было мое удивление: на полу валялось много медяков, виднелись и серебряные гривенники.

С самых ранних лет я привык слышать в семье, что деньги на полу не валяются, надо беречь каждую копейку, а тут? Деньги валяются на полу! Было как-то смутно на душе и в голове. Около часовни я снял с себя весь груз, отдохнул, заправился куском хлеба, данным мне на последней ночевке, выпил еще «целобной» водички.

К часовне неудержимо тянуло. Обошел ее еще раз, еще раз взглянул на валявшиеся деньги, снарядился и, вздохнув, тронулся в путь. Мысль о виденных деньгах, которые так небрежно валялись на полу, назойливо лезла мне в голову. А что, если бы я попользовался ими? Разве бог не знает, как мы нуждаемся? Неужели не простит меня, если я подберу немного? Я помолюсь и пообещаю поставить ему свечку на обратном пути! Но как собрать деньги? Войти в часовню нельзя, а деньги валяются зря!

И так шел и шел, прикидывая, как бы их достать. Незаметно очутился на опушке леса, невдалеке виднелась деревня. Темнело, пора было останавливаться на ночевку. Стал выбирать подходящий дом. Горький опыт моих прежних хождений заставил искать дом не богатый и не бедный. В богатом на ночевку не пустят, а в бедном же пустят, но не накормят — у самих не густо. Один дом показался подходящим. Около него стояла женщина средних лет, приветливого вида, вероятно, хозяйка этого дома. На мою просьбу пустить переночевать она спросила, откуда я, куда иду. Ответил, что я из деревни, что рядом с Палехом (рассчитывая, что Палех знают многие), а иду в село Лопатино, в 70 верстах отсюда, на помощь к отцу, который там работает по

выделке овчин. Хозяйка выразила большое сочувствие, что прошел такой дальний путь, и разрешила переночевать.

Меня на всем пути охотно пускали на ночевку: одет я был бедно, но всегда чисто. Главное же — за мной еще не тянулся противный запах прокисших овчин, как это всегда бывало при возвращении с работы. Войдя в избу, хозяйка указала мне место около двери и сказала хозяину, подшивавшему валенки, что привела ночлежника. Ничего не ответил он, мельком взглянул и что-то пробурчал под нос. Потом стал расспрашивать, почему я очутился так далеко от Палеха, о котором много слышал, а в Лопатино, куда направлялся я, он и сам бывал. Я подробно объяснил цель моего путешествия. Тем временем хозяйка сытно накормила меня и отправила спать.

Несмотря на сильную усталость, заснуть никак не мог. Неотступно стояли перед глазами валявшиеся на полу деньги, прикидывал все способы, как можно их достать.

У хозяина кончилась дратва, и он стал смолить варом новый конец. Что-то толкнуло меня: вот возможный выход, надо только последить, куда хозяин положит вар, взять кусочек, он-то и поможет мне. Сон совсем отлетел от меня. Притворяясь спящим, я внимательно следил, куда хозяин положит вар. Только убедившись, что хозяин его никуда не переложил и лег спать, уснул и я. Утром, чуть свет, хозяйка зажгла лампу и пошла доить корову. Я тоже потихоньку собрался, взял кусочек вара, но не уходил в надежде, что хозяйка меня чем-нибудь покормит. Я не ошибся: она очень удивилась столь раннему пробуждению, но, когда я объяснил, что тороплюсь в дорогу, 70 верст ведь путь не ближний, она сочувственно поахала, дала большую кружку молока, а на дорогу завернула кусок пирога с картошкой.

Горячо поблагодарив хозяйку за ее доброту, я вышел из дома. Начинало светать все больше. Миновав несколько дворов, свернул на задворки и повернул к часовне. В огороде лежала телега без колес, на ее деревянных осях было много застывшего липкого дегтя. Наскреб его, авось пригодится, завернул в тряпицу и пошел к часовне. Пока шел, в своей ручонке мял вар, чтобы он размяк. Чем ближе подходил к ней, тем сильнее испытывал какую-то тревогу, которая увеличивалась по мере приближения к цели. Как же так получается? И молюсь всегда усердно, иной раз со слезами, а теперь хочу взять деньги, данные богу? Ведь это грех? В то же время в голове стучало: ведь деньги на полу валяются?! Они же так нужны в данный момент: отец ничего еще

не заработал, сидит на чужой стороне без денег, а мать? Как отдохнула бы она от забот — на рубль можно кое-что купить для обихода.

Долго молился, стоя на коленях, умоляя бога простить меня, обещал никогда больше не повторять, упоминал и о свечке, которую поставлю ему. Напился «целебной» водички, снял весь свой груз и запрятал его в кустах; выбрал длинную, но тонкую березку, с трудом скрутил ее у корня и сломал; осмотрелся по сторонам: на дороге все спокойно, никого не видно. Нижний расщепленный конец березки замазал дегтем и приступил к делу.

В разбитое отверстие окна просунул свою березку, нацелился на пятак. Успешно! Пятак прилип, точно только того и дожидался! Работа подвигалась быстро. Скажу честно: «удил» очень удачно. Вначале нацеливался на пятаки, потом дошла очередь до мелких монет, изредка прилипал гривенник. Лысина на полу все увеличивалась, наконец березка уже не доставала до денег, да и мысль беспокоила: не разгневался бы бог. Я сломал и забросил березку подальше в кусты. Подсчитал деньги и ахнул: два рубля и восемь копеек.

Быстро вымыл монеты от дегтя и вара, еще раз усердно помолился богу, прося простить мой поступок, и еще раз подтвердил данное уже обещание поставить свечку.

Немножко отдохнул и тронулся в путь. Теперь тревога другого порядка охватила меня: на ночевку приходилось останавливаться в том же селе, а если встречу хозяина? Что сказать? Начинало темнеть, и я решил искать ночевку на другом конце села.

В глубине души шевелилось что-то вроде уверенности, что хозяин не заметил пропавший кусочек вара, ведь целый фунт стоил всего копейку, а я взял совсем маленький кусочек. Все-таки из предосторожности пошел задворками до другого конца села, где и переночевал.

Но тревога не оставляла в покое мою бедную головушку. Очень заботился, как бы спрятать деньги от отца. Все деньги ведь предназначались матери.

Моему приходу отец был очень рад, его первый вопрос был: «Принес деньги?» Ответ последовал отрицательный, а свое богатство я так долго препрытывал, что отец в конце концов его обнаружил. Начались допросы, откуда оно, и только «битие», кстати сказать, основательное, определило мое сознание. Пришлось выложить все начистоту и получить еще большую выволочку; бил меня отец, да все приговаривал: «Ах ты, негодный, как посмел

у бога деньги взять?» Велел немедленно отнести деньги в часовню.

Тут уж и я вскипел. «Вот, — говорю, — сам называешь меня негодным, испорченным, а посылаешь идти, ведь это три дня туда да три обратно, а помогать тебе кто будет? А я, может, и не брошу деньги в часовню, а скажу — бросил, что с меня возьмешь?» Логика! «Пойдем обратно, тогда и бросим».

Отец весь затрясся от гнева, уже занес руку, чтобы проучить за дерзость, но я закричал: «Если тронешь, уйду сейчас же!» Вероятно, отец вспомнил подобный финал, и все сошло благополучно.

Собрали полтораста овчин, пора начинать их квасить, надо было полтора пуда муки, который стоил рубль, а бакалейщик не давал больше в долг. Я предложил взять рубль из моих денег. Отец снова разбушевался: «Это из каких таких «твоих»?.. Они божьи». Опять поднялась было рука, да, видимо, отец вспомнил мое обещание уйти и мало-помалу остыл. Как ни ругался, все же пришлось взять из «моих» денег рубль... Нужда все более давила нас и заставила отца взять и остальные деньги. Постоянно ворчал, что это грех, что на обратном пути должны положить их обратно и т. д. Он также обещал поставить свечку. Себя я ругал ужасно, что не догадался обменять все медяки на две бумажки, спрятать их было бы легче, и они попали бы матери. Но все-таки они выручили нас в нужде.

Работу скоро окончили, заработали чистыми деньгами 33 рубля да еще 4 пуда шерсти. Шерсть отправили багажом, а сами пошли пешком. Проходя той деревней, где я взял вар, очень беспокоился, чтобы случайно не встретить хозяина или хозяйку. Мы шли уже лесом, мне хотелось тропинками увести отца подальше от дороги и часовни, но тропинки были занесены снегом, приходилось идти по дороге. Все время держался от отца с левой стороны (часовня находилась с правой), изо всех сил старался отвлечь внимание отца от часовни. Разговоры заводил самые интересные для отца: какую он нашел работу, как хорошо заработали и денег, и шерсти порядочно, как хорошо он придумал не тратить денег на билеты, а идти пешком. Наконец, часовня мелькнула сквозь деревья, а разговоров я больше не мог придумать. Пришлось затронуть горькие воспоминания о сломавшемся колесе у телеги, когда везли хворост, как пала лошадь. На последнее отец отозвался словами: «Что же поделаешь, это все от бога, хотя и заплатил за лошадь восемь рублей, но она честно отработала, а там за шкуру взяли три рубля».

Я все продолжал свою болтовню. Но вот отец вспомнил: «А где же часовня?» С самым невинным видом я сказал, что, вероятно, мы ее прошли, за разговорами не заметили, но не возвращаться же туда за девять верст. Уже вечереет, но, если нужно, завтра утром схожу и отнесу деньги. Бог-то везде одинаков, придем домой и бросим в кружку в нашей церкви. «Знаю я тебя, — проворчал отец. — Схожу, брошу... Одно другого лучше... Я знаю, как ты деньги в кружку бросишь!» Больше об этом разговоров не было, так мы и вернулись домой. Так и не знаю, ставил ли отец свечку, чтобы замолить мой грех, и опустил ли деньги в другую кружку...

Жизнь в деревне впроголодь стала казаться не жизнью, а безрадостным существованием. Все чаще задумывался о своей дальнейшей жизни. Моим заветным желанием был «выйти в люди». Я сознавал, что осуществление его возможно только через город. Мои старшие братья Николай и Иван работали в городе. Работать приходилось много, а получали они не больше 13 рублей в месяц, из которых еще надо было платить за квартиру и харч. Да и эта работа не являлась прочным обеспечением, так как братья всегда находились под угрозой увольнения и новых поисков работы, тем не менее они имели возможность работать в городе.

Главным основанием моего стремления в город был дядя Василий, брат моей матери, — он заведовал большим мануфактурным магазином в городе Верхнеуральске и получал 60 рублей в месяц, что позволяло ему изредка делать подарки моей матери: то ситца на платье, то платки. Но и такое положение дяди Василия не является пределом, может быть, в городе можно достичь и большего, — такие мысли бродили в моей голове и тянули меня на путь самостоятельности.

Лето 1905 года выдалось теплое, с хорошими дождями. В лесах становилось просто «тесно» от громадного количества грибов.

Знать грибные места было всегдашней заботой грибников. Одно такое место было хорошо известно мне. Там в изобилии росли грузди и белые. Место это, конечно, держалось мною в секрете: набрать там две большие корзины самых маленьких грибов, величиной с трехкопеечную монету, было нетрудным делом, а ценились такие грибы на рынке высоко. Меня часто посылали на базар в город продавать грибы, ягоды, молочные продукты, ибо находили, что я продаю все гораздо удачнее отца или матери.

Однажды, когда я направился на базар, мне пришло в голову, что надо воспользоваться этим случаем и подыскать себе место в Шуге. Вскоре все грибы были распроданы. Два ведра мелких грибов у меня купил священник Спасской церкви и договорился со мной, что одно ведро я донесу ему до дома. Дорогой он расспрашивал меня, откуда я, сколько лет и почему мне доверяют ехать в город и торговать самостоятельно. Мои обстоятельные ответы, видимо, его удовлетворили. Я же, ободренный его вниманием, в свою очередь спросил, не знает ли он подходящего для меня места в городе. Немного подумав, он сказал, что имеется хозяин, которому нужен «мальчик». Расплатившись, он предложил пойти вместе со мной к хозяину, оказавшемуся торговцем обувью.

Хозяина звали Арсений Никанорович Бобков. Кроме лавки он имел мастерскую и отдавал товар для пошивки обуви на дому.

Священник, отец Михаил, очень доброжелательно отозвался обо мне. Хозяин критически оглядел меня с ног до головы, поглаживая свою большущую седеющую бороду (его всегдашняя привычка, как оказалось), и с подозрением спросил, откуда я и почему без родителей. Я без утайки рассказал, что я из деревни Пахотино, имею родителей, которые посылают меня продавать грибы, так как я продаю дороже, чем они.

Ответ мой понравился хозяину и священнику, они рассмеялись, а хозяин прибавил: «Вот это нам как раз и нужно». Со всем деловым тоном я спросил об условиях работы, но хозяин ответил, что об этом он подробно поговорит с родителями. «А примерно так, — добавил он, — четыре года бесплатно, за харч и одежду, а вообще приходи с родителями. Потолкуем, договоримся».

По возвращении домой отчитался в продаже и сделанных покупках и рассказал о разговоре с Бобковым. Начались обсуждения предстоящего шага в моей жизни. Родители по-разному смотрели на мой уход в город: отец отрицательно, мол, я часто болею, нужен помощник, а Санька — старший из детей, должен помогать; мать соглашалась со мной, так как на эту тему я не раз говорил с ней, и она верила в «звезду» своего Саньки. Разговоры отца меня очень расстраивали, но не изменяли моего решения идти на работу в город. Однажды после работы я откровенно рассказал матери, что я обязательно уйду в город, ибо «хочу выйти в люди». Ничего не сказав отцу, рано утром как был, в рубашке, штанах и босиком, ушел в город.

Явился к хозяину и объявил: «Вот я пришел». Хозяин как будто ждал моего прихода, расхваливал мою будущую жизнь у него, которая будет, по его словам, распрекрасной, только чтобы я служил честно, без лени: «Ну, да обо всем остальном договоримся с родителями».

Дня через три приехали родители, долго уговаривали они меня вернуться в деревню, но я наотрез отказался. Пришлось им согласиться на условия хозяина: четыре года бесплатно, обувь, одежда и харч хозяйские.

Так было положено начало моей трудовой жизни в городе. Хозяин мой — человек лет пятидесяти пяти, среднего роста, с густой седой бородой. Запомнился он мне своим носом-луковицей сизо-красного цвета от постоянного пьянства, грубостью и безудержной руганью, которая сопровождала каждое его слово. Скуп он был до невероятности. Не помню дня, чтобы к вечеру он не был пьяным, но никогда не тратил своих денег: выпивка всегда проходила за счет работавших на него людей, называлось это «распить магарыч». Семья у него была большая. Жена — Неонила Матвеевна, хорошая хозяйка и мать (за ее хорошее ко мне отношение у меня осталось к ней самое теплое чувство), невестка, вдова старшего сына с внуком и еще четверо детей. Из них старший, Александр, 20 лет, никогда не обижал меня. Другой сын, 18-летний Николай, шел по стопам отца: любил выпить и играть в карты на деньги; 16-летняя дочь Мария и старшая Зинаида (последняя в том году ушла в монахини по неизвестным причинам). Двухэтажный деревянный дом был заселен до отказа. Семья помещалась во втором этаже; внизу, в кухне за перегородкой, жили хозяин с хозяйкой, передняя половина сдавалась квартирантам.

Мне было отведено «помещение» на полатах в кухне, летом меня переселяли в сарай во дворе. В таких «жилищных условиях» прожил я у хозяина семь лет до призыва на военную службу. Мои обязанности были многообразны: я должен был убирать двор, магазин, колоть дрова и разносить их зимой по этажам и в кухню, носить воду в баню, топить ее и печи в магазине. На тележке, что была во дворе, привозить кожу в кладовую, обувь из кладовой перевозить в магазин, помогать хозяйке носить белье на речку, играть и присматривать за пятилетним малышом, кроме того, не забывать кормить и ухаживать за коровой, постоянно носить хозяину обед и водку. Вскоре прибавилось и обслуживание в магазине. С начала второго года я стал продавать в

магазине обувь. Несмотря на свой маленький рост, я был мускулист и всю работу выполнял бегом — к большому удовольствию хозяина — и соседи всегда ставили меня в пример своим мальчикам. Казалось, хозяин был доволен мной, но все же частенько ругался и прикладывал свою руку.

Всего интереснее выполнялся договор об одежде. Одевали меня исключительно плохо. Вся одежда шла ко мне с хозяйского плеча без малейшей переделки, конечно, в самом жалком состоянии: перепачканная дегтем и засаленная до лоска, такую одежду я получал, когда был «мальчиком» и когда стал юношей. Разница роста хозяина и моего создавала смехотворное впечатление от моего вида. Если бы меня поставили на огороде, мог бы поспорить с самым замысловатым чучелом!

Все невзгоды, колотушки (а их было немало) переносил безропотно, даже считал это неизбежным, ибо надеялся и верил, что все это ступеньки к моему заветному «выйти в люди».

Внимательно присматривался к окружающим, старался замечать только положительное и замечал, что все приказчики, включая ответственных и более обеспеченных, прошли через те же испытания, которые выпали на мою долю. А как хотелось человеческого к себе отношения! Спасибо Александру (старшему сыну), с его стороны я всегда встречал сочувствие, а также и от приходивших к нему товарищей. До некоторой степени неприглядная обстановка скрашивалась общением с такими людьми. Особенно для меня дорогим было общение со студентом Рубачевым, приезжавшим каждое лето на каникулы. Он дружил с Александром и часто бывал у него. Сын бедного умершего чиновника, он учился на стипендию и жил с матерью бедно. Он всегда с сочувствием относился ко мне, внимательно следил за моей работой и видел оскорбительное, унижающее меня положение, слышал постоянную грубую ругань вокруг меня. Особое внимание он обращал на то, что я часто и помногу приношу водки. «Ох, Санька, — часто говорил он мне, — не пройдет и трех лет, как эта «школа» выучит тебя пить, курить и так же безобразно ругаться».

На эти слова я всегда горячо говорил: «Никогда, никогда этого не будет!» Очевидно, таким возражениям он не придавал серьезного значения, ибо каждый раз, приходя в магазин, настойчиво возвращался к той же теме. Он беспокоился о моем развитии, давал решать задачи, которые в школе нам никогда не задавали и не объясняли. Арифметику я любил, и Рубачев часто удивлялся

моим быстрым и правильным решениям. Задачи давал он такого рода: имеется 30 рублей в кредитных билетах, надо узнать, какого они достоинства. Эту задачу я быстро решил при нем. Тогда он дал такую задачу: торговец не имел гирь, только один камень весом в 40 фунтов; разбил его на четыре части и с их помощью мог устанавливать вес от одного фунта до сорока. Какого веса был каждый камень? На решение этой задачи ушло семь дней. Хоть и трудно было, все же и ее решил. Рубачев похвалил меня и сказал, что задача трудная даже для взрослых, ее может решить один из десяти. Я был очень доволен похвалой.

Наши занятия продолжались, росли обоюдные симпатии. В один из свободных вечеров мне довелось рассказать моим старшим наставникам о своих наблюдениях и об одном поразившем мое воображение случае.

Каждый день много раз мне, 15-летнему мальчишке, доводилось проходить мимо казенной винной лавки, что на углу Ковровской и 2-й Мещанской. Всегда видел спившихся людей, так называемых «котов», которые и в сильные морозы в оборванной одежде, в опорках на босую ногу толпились возле лавки, выпрашивая у прохожих копейку. Набрав на шкалик или сотку, поспешно скрывались в дверях винной лавки.

Однажды, проходя мимо, увидел, как из лавки вышел хорошо одетый рослый мужчина, в пальто с пушистым меховым воротником, на его голове была из такого же меха шапка.

— Какое несчастье, братцы, — воскликнул барин, обращаясь к «котам», — у меня денег всего тринадцать копеек, а в лавке только полбутылки, а соток нет, может быть, кто из вас доложит до полбутылки, тогда и выпьем пополам.

— Я тоже об этом мечтаю, — откликнулся один из «котов» — маленький, худенький, невзрачного вида — и поспешно подошел к барину.

Меня заинтересовал этот высокий, хорошо одетый господин. До чего дошел он, подумал я. Остановился и стал наблюдать, что же будет дальше. Видел, как «кот» показывал барину свои одиннадцать копеек, как барин положил на его тощую ладонь свои тринадцать копеек и «кот» молниеносно скрылся за дверями винной лавки.

Барин ожидал с явным нетерпением возвращения ушедшего за водкой. То ли с целью скоротать время, то ли ему что-то понравилось в моем лице, он подошел ко мне, показывая на судки, которые я нес, спросил:

— Несешь обед?

Услышав мой утвердительный ответ, взялся за засаленный козырек моей фуражки, натянул фуражку на мои глаза и сказал:

— Смотришь на этих несчастных? Смотри, смотри, да не будь таким, как они.

— Да я не на них, а на вас смотрю, — с усмешкой ответил я, — уж нашли с кем собутыльничать.

В это время вышел из лавки «кот» с полбутылкой, с радостью воскликнул: «Вот она!» — покрутил ею в воздухе, стукнул о ладонь и, подавая барину, сказал:

— Сначала пейте вы свою половину, а потом уж и я.

«Хитрый же «кот», — подумал я, — вероятно, рассчитывает, что барин оставит ему большую половину».

Все оборванцы, да и я с напряженным вниманием следили, ожидая финала, и мы не ошиблись.

Барин быстро выхватил бутылку из рук оборванца, запрокинул голову, борода его приняла горизонтальное положение, и водка забулькала.

Трудно описать напряженный взгляд «кота», с каким вниманием он следил за уменьшением содержимого в бутылке, глаза его искрились, горло подергивалось судорожным движением, а водка в бутылке все уменьшалась. Когда осталось примерно половина, «кот», не отрывая глаз от бутылки, потянулся к ней рукой.

Барин, продолжая пить, левой рукой отстранял руку своего собутыльника; когда же водки осталось меньше половины, отдал бутылку.

Принимая бутылку, оборванец с возмущением воскликнул:

— Ну и барин, а я думал, что ты порядочный, знал бы, сначала сам пил — и то больше бы оставил!

Симпатии окружающих да и моя были явно на стороне обиженного. А барин, как у них водится, с презрением всех оглядел и, не сказав ни слова, удалился...

Я рассказал Александру и моему учителю-студенту о картине, увиденной мной, о той жадности, с которой человек глотал водку, о тревожном и напряженном внимании тех, кто ждал своей части. И в заключение сказал: «Очень жалко, что эту картину не видел художник и не увековечил ее на полотне». Мои собеседники переглянулись. Молчание, длившееся несколько минут, было прервано Рубачевым: «Я должен быть дома, завтра увидимся».

И тогда спустя пять или шесть дней Рубачев, внимательно наблюдая за моей работой, по-дружески сказал: «Я вижу, Санька, ты хорошо относишься к Александру и ко мне. Дай нам твердое слово, что ты никогда не начнешь пить спиртного, не будешь курить и ругаться!» Не задумываясь, я ответил искренне, от всего сердца: «Клянусь, никогда, никогда не буду пить, ругаться и курить!»

Позади у меня большая жизнь, но эта мальчишеская клятва сыграла великую роль в моей дальнейшей жизни, во всей моей судьбе. Через несколько дней Рубачев принес брошюрку с описанием вреда пьянства, каким образом человек начинает пить и как потом развивается пагубная привычка. Давалось много описаний болезней, вызываемых пьянством, указывалось, что 75 процентов находящихся на излечении в больницах и сидящих в тюрьмах попадали туда из-за пьянства.

Все это накладывало определенный отпечаток на мою психику. Еще большее впечатление произвел на меня следующий случай. В городе была ярмарка. Рубачев советовал мне сходить в один из балаганов с восковыми фигурками, в котором показывались внутренние органы человека пьющего, курящего и трезвого, некурящего. Александр дал пять копеек уплатить за вход. Я отправился в палатку. Со вниманием рассматривал сердце, легкие, печень пьющего и непьющего, курящего и некурящего. Огромное впечатление произвел на меня вид сердца и легких, покрытых не то слизью, не то каким-то мхом. Это посещение еще больше укрепило меня в данной клятве.

В дальнейшем Рубачев неуклонно проводил беседы о вреде водки и курения, приводил многочисленные примеры: человек пьяный в одну минуту может натворить такое, что ляжет неизгладимым пятном на совесть и окружающие не смогут забыть и в десять лет. Приводил пословицу «Лиха беда — начало», говорил, что никто никогда и в преклонном возрасте не ругал себя за то, что не пил или когда-то выпил мало. С большим упорством повторял он о страшной привычке к выпивке, курению, ругани и грубости. Очевидно, этот хороший человек очень опасался, чтобы окружающая безрадостная обстановка не затянула неопытного мальчика в свои сети.

Беседы его, всегда в дружеском тоне, не пропали для меня попусту, а точно начертали линию моего поведения в жизни.

Твердо держался я данной клятвы. Сколько встречалось людей, насмежавшихся над моим воздержанием от водки и табака!

Называли меня и больным, и старообрядцем, но насмешки не действовали. Даже встречалось начальство, которое приказывало пить, но... я продолжал быть твердым.

Сколько было различных тяжелых переживаний в жизни, и никогда не приходило желание «забыться» в водке. Вспомнить хотя бы войну 1914—1918 годов. А Великая Отечественная? Не было у советского человека большей горечи, чем неудачи в годы Великой Отечественной войны. Требовательные, а подчас и льстивые просьбы употребить «наркомовские» сто граммов водки вызывали у меня единственный, но твердый ответ: «Не пью». И только однажды и мне довелось нарушить обет, данный в мальчишескую пору. Во второй половине войны, когда наметились и осуществлялись наши успехи, я как-то сказал приставшим ко мне, что нарушу свою клятву не пить, данную в 1907 году, только в День Победы. Тогда выпью при всем честном народе. Действительно, в День Победы, в день горьких слез и радостного торжества, я выпил три рюмки красного вина под аплодисменты и радостные возгласы моих боевых товарищей и их жен. С этого дня себя считаю «пьющим», хотя и поныне минеральную или фруктовую воду предпочитаю вину, а тем более водке. Курить и сквернословить так и не научился.

Сколько раз благодарил и благодарю до сих пор чудесной души человека — студента Рубачева! Ведь это он с его душевными беседами способствовал моему мужественному воздержанию от водки, курения и грубой ругани. Если бы не встретился с ним, кто знает, что получилось бы из меня впоследствии. Но обещание не играть в карты мой наставник с меня не взял, и в длинные зимние вечера мы с хозяйкой, большой любительницей играть в карты, играли в «дурака». Я был ее безотказным партнером, вероятно, и за это она относилась ко мне с теплотой, доброжелательно. Хозяину наше занятие не нравилось, он всегда ворчал: «Сжигаете много керосина», хотя лампа была маленькая. Направляясь за перегородку, хозяин строго приказывал не засиживаться за картами и ложиться спать. Засыпал он мгновенно. Как-то, проснувшись, вышел на кухню и увидел, что часы показывают десять вечера. Грозно предупредил, чтобы мы немедленно ложились спать, а не то... Но, увлеченные игрой, мы забыли про этот наказ и продолжали сражаться с большим азартом. Вдруг из-за перегородки вновь выползает хозяин; увидев, что уже половина первого, он разозлился ужасно, ведь керосина сожгли на две копейки! По привычке поплеывая в кулак, он размахнулся, чтобы ударить

меня, но я ловко увернулся, нырнул под стол; хозяин, теряя равновесие, с размаху ударился о табуретку. Я же тем временем выскочил в холодные сени, как был — раздетый и разутый, и тотчас услышал, как хозяин запер дверь на крючок. Стоя босиком зимой на холодном полу, я страшно продрог, хотя и прыгал с ноги на ногу. Но вот в кухне все стихло, моя партнерша беззвучно сняла крючок, и я прошмыгнул к себе на полати. Хозяин все стонал за перегородкой и наконец позвал: «Мать, а мать, где у нас липок?» Это настой березовых почек на водке — любимое лекарство хозяина ото всех болей; вероятно, и любил-то он его за милый его сердцу запах водки. Хозяйка ответила сонным голосом: «Там, под зеркалом».

В темноте послышалось шлепанье босых ног, звон перебираемых бутылок, и хозяин вернулся восвояси. Долго стонал он, охал, натирался «липком», наконец все успокоилось.

Проснулся я, как обычно, до рассвета, пошел работать во дворе; с большой охапкой наколотых дров вернулся на кухню. Одновременно из-за перегородки вышел хозяин. Я чуть не крикнул: «Что за чудо?» Все лицо, седая борода были черные-черные. От неожиданности дрова вывалились из рук, и я бросился во двор. Оказалось, что в темноте хозяин взял вместо «липка» бутылку с чернилами, растерся ими, а руки по привычке вытер о щеки и бороду. Мне срочно было приказано топить баню, и два дня он отмывался в ней, но борода некоторое время все же оставалась черной, к большому развлечению и смеху соседей.

Вовлекли меня карты и в другое приключение. В число моих обязанностей входила чистка сапог хозяина и его обоих сыновей. Александр в благодарность давал мне по воскресеньям за работу пятак. Николай был такой же скупой, как отец, никогда не давал ни копейки за мои труды; наоборот, узнав как-то, что у меня скопилось шесть пятаков, загорелся желанием воспользоваться ими. Ничего не смог придумать, как предложить мне сыграть с ним в карты на деньги. Я ему ответил, что с ним мне играть невыгодно, у меня только тридцать копеек, он же забьет меня деньгами, да и карт нет.

Но Николаю не терпелось получить мои деньги, он стал уверять: «Темнить» больше, чем твои деньги, не буду, а карты возьмем те, которыми ты играешь с матерью». Карты были старые, выдавшие виды, но хорошо известные мне: одна с надорванным углом, другая совсем без угла, те — измазаны так, что я, не открывая их, только по виду знал: черви или бубны, король

или валет и т. д. Прикинул в уме, сколько шансов у меня, и согласился играть. «Ты полезай на сеновал, — сказал я, — а я сбегаяю за картами».

Сказано — сделано. Он отправился на сеновал, я — за картами. Прежде чем идти к Николаю, я зашел за поленницу, помолился богу, как всегда испрашивая его помощи, чтобы обыграть Кольку, обещал поставить свечку ценой... (в зависимости от выигрыша) и полез на сеновал. Играли в «три листика», копейка темная и две — ход. Сражались целый час, и я выиграл целых 28 копеек, поэтому был в очень хорошем настроении, когда покидал сеновал. Николай же злился, что проиграл такому мальчишке.

На следующее воскресенье он опять позвал меня играть, и опять я выиграл, но уже 60 копеек. Играл спокойно, ибо имел опыт, карты тщательно изучил, да и крепко верил в божью помощь, тем более что свечку поставил согласно данному слову! Колька был очень азартным игроком и вскоре перестал удовлетворяться игрой по воскресеньям и требовал играть на неделе.

Конечно, и я проигрывал, но сравнительно редко. А когда у меня скапливался рубль, я торопился его отдать матери. В первый раз я отдал ей 1 рубль 50 копеек. Она не захотела их брать, недоверчиво смотрела на меня и все допытывалась, откуда я взял «такие деньги». И только когда я сказал, что деньги выиграл у Кольки, взяла со вздохом, но очень просила на деньги не играть.

Кольку неудачи злили все сильнее, и все настойчивее он требовал играть, очень хотелось ему отыграться. Проигрыши его иногда доходили до двух рублей и больше, мне, конечно, это было на руку. Однако я опасался, что Колька принесет новые карты. Опасения напрасные: он тоже стал в них разбираться, иногда с торжеством называл некоторые карты, желая поразить меня, поэтому все оставалось без перемен. Свои удачи я не приписывал только знанию карт, а был твердо убежден, что это результат моих горячих молитв и, главное, выполнения обещаний богу! Выиграл полтинник, свечку ставил за две копейки, рубль — свечка уже трехкопеечная, а случался выигрыш больше, то ставилась свечка за пятак. Колька об этом не догадывался, ему в голову не приходило о моем договоре с богом.

Из уездных городов город Шуя был наиболее чистым, богатым, торговым, со многими фабриками. Много людей имели солидные капиталы. Одним из таковых был фабрикант Щеколдин, о котором шла молва, что имеет он до четырех миллионов

капитала, так как к старости продал все свои фабрики и жил на проценты в роскошном двухэтажном особняке.

Вспоминается мне большое одноэтажное здание из красного кирпича — дворянское собрание. Там был большой зрительный зал, буфет, комнаты для разных игр. Часто приезжими артистами давались спектакли. Мне удалось дважды проскользнуть в зал без билета. В городе всем было известно, что кресло номер восемь во втором ряду неизменно занимал Щеколдин, даже в его отсутствие оно оставалось свободным. Как-то мне взбрело в голову: вот бы выиграть у Кольки одновременно 3 рубля 20 копеек — я бы купил билет первого ряда, кресло номер восемь и сел бы впереди Щеколдина!

Я, мальчишка, впереди миллионера! Как всегда, последовало обещание — в случае выигрыша больше 3 рублей 20 копеек поставить свечи на все оставшиеся от покупки билета деньги.

Игра у нас входила в привычку, а выигрыш у меня стал обычным явлением. А Колька чем больше проигрывал, тем больше стремился отыграться. Он начал воровать деньги из кассы, к которой имел доступ. Все чаще я отдавал выигранные деньги матери, которая все с большим беспокойством допытывалась, не вору ли я у хозяина, боже сохрани! Я крестился и божился, что деньги честные.

В город приехала украинская труппа. Подходящий момент осуществить мое озорное желание — покрасоваться в первом ряду! Перед очередной игрой с Колькой усердно молился об удаче. С твердой уверенностью в помощи божьей я начал игру. Мне повезло: выиграл 3 рубля 35 копеек. Значит, покупка билета за 3 рубля 20 копеек обеспечена, ну а пятиалтынный, согласно обещанию, надо истратить на три свечи по пять копеек. Мне было жалко истратить такие большие деньги на билет. Ведь на них мог бы купить матери полусапожки с резинками... Но просил я помощи у бога для покупки билета. Вдруг он отвернется от меня за «обманную» просьбу. Как же быть? Потерять божье покровительство мне совсем не хотелось, и денег жаль...

Всю ночь ломал голову, как правильно поступить, и решил: все-таки билет придется купить. Чтобы не опоздать купить билет именно номер восемь в первом ряду, прибежал задолго до открытия кассы и без труда купил желаемый билет. День был субботний. Сходил ко всенощной, вознес благодарственную молитву, конечно, не забыл про обещанные свечи.

Начинался спектакль в 7 часов 30 минут вечера, но уже за полчаса до начала я был в театре. Одет я был далеко не по-театральному. Как я уже говорил, костюм мой выглядел крайне неприглядно: пиджак, брюки и сапоги с хозяина, а так как я был значительно меньше ростом и тоньше его, то все это болталось как на вешалке. Опасался, что из-за такого костюма меня могут не допустить в первый ряд, но еще больше тревожила мысль: «А вдруг Щеколдин не придет сегодня?» Вся моя затея сидеть впереди миллионера и огромная для меня сумма пропадет впустую. Но вскоре я успокоился, увидев маленькую пузатенькую фигуру, семенившую по коридору. Это был Щеколдин!

Раздался первый звонок, и публика, одетая победнее, поспешила занять свои места; после второго звонка в зал потянулась публика более нарядная, а я все еще не хотел выйти из-за двери, куда спрятался в ожидании начала спектакля. Но вот и третий звонок. Все места в зале были заняты, и я, набравшись храбрости, торжественно и чинно направился к двери. Я действовал по заранее обдуманному плану. У двери в зал стоял высокий худощавый мужчина-контролер. При первой моей попытке пройти он схватил меня бесцеремонно за шиворот и потащил назад. Глаза сидевших в зале безжалостно устремились на меня, было ясно — их симпатия была не на моей стороне. Некоторые от души смеялись над неудачным вторжением какого-то мальчишки. После двух безрезультатных попыток прорваться в зал (крепкие руки контролера парализовали все мои усилия) я достал из кармана билет и предъявил его своему мучителю. Надо было видеть его растерянность! Вероятно, это был первый случай в его контролерской деятельности! Как разобраться в таком противоречии? С билетом надо пропустить, а по одежде удалить. Он что-то сказал человеку, пробежавшему на сцену. Через минуту выглянул из-за двери наполовину загримированный артист и спросил, в чем дело. Контролер, указывая на меня, презрительно сказал, что этот мальчишка имеет билет первого ряда, но как одет! Выглянувший человек ответил: «Если вы вернете стоимость билета, то можете не пускать» — и захлопнул дверь. Тогда безжалостная рука отпустила мой воротник, и я почувствовал свободу. В больших хозяйских сапогах я, как на лыжах, бодро и весело направился к своему месту.

Публика с интересом следила за всеми перипетиями, и смех все усиливался. Справа от меня сидела полная разодетая дама, слева мужчина, от обоих пахло очень хорошими духами, ну а от

моего «костюма» несся сильный аромат кожи, дегтя и еще чего-то! По моему плану я должен оглядываться на Щеколдина и пристально смотреть на него, вот-де я каков! После первой оглядки послышался смех, а когда я оглянулся вторично, внимательно смотря на Щеколдина, хохотали почти все. Многие вставали, чтобы лучше рассмотреть и разобраться в причине смеха. Так продолжалось до поднятия занавеса. Но и во время действия я не прекращал свои маневры, все оглядываясь на Щеколдина.

Зрители больше интересовались этим явлением, чем игрой на сцене, и смеялись даже тогда, когда по ходу пьесы нужно было плакать, к великому недоумению артистов. Щеколдин то бледнел, то краснел. По окончании первого действия зрители, выходя из зала в фойе, в буфет, почти все поглядывали на мальчишку в первом ряду. В антракте мое поведение было резко противоположным тому, как я держался до начала представления, то есть я тогда боялся, что меня выведут, а теперь, наоборот, хотел, чтобы меня вывели и возвратили часть денег за билет: ведь истраченных денег было очень жаль, хотя своей цели я достиг.

Я прохаживался по коридору наравне с другими, толкался, но... меня не выводили. Ко мне подходили один за другим два господина и неизменно спрашивали одно и то же: «Кто же купил тебе билет?» Смеясь, трепали за ухо и весело приговаривали: «Ну и ухарь-купец!» Вдруг меня увидел Александр — хозяйский сын, всегда ко мне хорошо относившийся. Он был с барышней. Быстро подошел ко мне и с тревогой спросил, где я взял деньги. Совершенно спокойно, глядя прямо ему в глаза, ответил: «Выиграл у Кольки». Успокоенный, он засмеялся, взял под руку свою барышню и отошел.

Во втором и третьем действиях, к моему большому огорчению, кресло сзади меня было пусто. Очевидно, Щеколдин принял все за насмешку и предпочел уйти. Он, конечно, не ошибся.

Пьесу смотрел уже более внимательно, не вертелся, не оглядывался. Домой возвращался озабоченный, прикидывал, во что дополнительно к затрате стоимости билета обойдется мне эта шутка, когда о ней узнает хозяин. Его я здорово побаивался. На другой день в городе было много разговоров и смеха над происшествием в дворянском собрании. И вот наконец слух дошел до моего хозяина. Он сидел в трактире, распивая очередной «магарыч». За столиком рядом сидел другой торговец, который обратился к моему хозяину: «Арсений Никанорович, у тебя служит мальчишка?» — «Ну, служит, а что?» — «Да знаешь ли ты, что он

тебя обворовывает?» — «Ну нет, этого не может быть, он малый честный». — «А знаешь ли ты, что этот «честный малый» в субботу был в дворянском собрании и сидел в первом ряду, а билет стоит три рубля двадцать копеек, да еще впереди Щеколдина!» Все присутствующие дружно подтвердили, что об этом говорит весь город. Хозяин в ярости вскочил и бросился в свой магазин. Меня в тот момент там не было — я уходил во двор колоть дрова и как раз стоял между поленницей и стенкой сарая. Хозяин своей тушей закрыл выход и зарычал: «Где, сукин сын, взял деньги на билет?» Не задумываясь, я ответил, что выиграл в карты у Кольки.

Хозяин засучил рукава, поплевал на ладонь, как настоящий кулачник, и дважды больно ударил меня кулаком. Я не стал, конечно, дожидаться следующей порции, прошмыгнул между хозяином и стенкой — и был таков.

Бедного Кольку он бил три дня подряд, несмотря на то что сын был одного с ним роста...

Вероятно, покажется странным, что я вспоминаю такие мелкие бытовые случаи, рассказывая о своей жизни в те годы, в которые разгорелось мощное рабочее движение и действовал товарищ Арсений — Михаил Васильевич Фрунзе. Но ничего не поделаешь, я жил в такой мещанской обстановке, так был прикован к лавке и к дому хозяина, что круг моих впечатлений и интересов почти всецело ими замыкался, тем более что привычная жизнь моей собственной семьи, патриархальной и набожной, тоже приучила меня жить лишь повседневными мыслями о труде, о зарплате и хлебе насущном. Старшие братья, работавшие на фабрике, были в моих глазах, да и в глазах наших родителей, просто-напросто людьми, нашедшими себе другой, не крестьянский способ как-то перебиться в жизни. О том, что принадлежность к рабочему классу изменила их мысли, их отношение к миру, вряд ли догадывались даже отец и мать, не говоря уже обо мне.

Минуло почти три года моей службы у хозяина. Я уже многое понимал в обувном деле и торговле обувью и работал не хуже пожилых служащих. Как бы подтверждением этого являлось особое внимание покупателей, которые охотнее обращались ко мне, чем к другим продавцам, возможно, из расчета купить у мальчишки дешевле, чем у взрослых, но, как правило, любую пару обуви я продавал дороже самого хозяина и его сыновей.

За последние полгода я заметно подрос. Сознывая себя взрослым, я решил на год раньше назначенного срока заявить хозяину, чтобы он оплачивал мою работу. Вероятно, хозяин ожидал

подобного заявления, так как не проявил удивления, только спросил: «Это кто же тебя научил? Кто подбивает тебя?» Я ответил, что никто меня не подбивал, а я сам вижу, что работы мне хватает, перечислил все свои многочисленные обязанности, не удержался добавить, что даже обуви продаю больше и дороже, чем он сам. Довольно спокойно он спросил: «А чего же ты хочешь?» — «С первого января 1908 года жалование положить мне сто рублей в год, — ответил я твердо, — по-прежнему с хозяйской одеждой и харчами. Кроме того, белье на речку через весь город носить не буду и чтобы меня больше не бил». Договорились так: за 1908 год получу шестьдесят рублей, а за следующий — сто. Остальные условия тоже были приняты.

К концу 1908 года подросток еще, превратился во взрослого юношу. Таким образом, хозяйское «обмундирование», поступавшее ко мне, стало почти впору, только его ширина и сильная изношенность указывали на то, что оно с чужого плеча.

В дни некоторых праздников хозяин отпускал меня к родителям в деревню, в 20 верстах от города. Каждый раз я, идя домой, испытывал большое удовольствие от чувства свободы и ожидания скорого свидания с матерью; довольно быстро, часа за три, преодолевал я это расстояние.

Однажды осенью я покинул деревню утром, еще затемно, очень торопился к восьми утра быть у хозяина в магазине. Недалеко от города простирался большой Кочневский лес, с которым всегда связывались мрачные слухи. Этот лес лежал в низине, дорога, даже летом не просыхавшая, осенью становилась труднопроходимой из-за расползающейся грязи. Обычно все старались проходить через лес тропинками, проторенными вдали от дороги. Я тоже выбрал этот путь и вдруг увидел висевшего на сучке бедно одетого мужчину, уже окоченевшего, с лицом, искаженным скрытой мукой. Это зрелище произвело на меня такое удручающее впечатление, что я бросился бежать. Сердце сжималось от необъяснимого страха. Чувство страха было не свойственно мне, лишь в детстве, во время поисков цветка папоротника, я испытал его, но оно исчезло уже давно, не оставив следа, а вот после встречи с повесившимся никак не мог отделаться от этого чувства, даже днем избегал ходить лесом. Меня это очень удручало, так как этот страх я считал малодушием. В то время мне шел восемнадцатый год. «Нет, — думал я, — надо что-то предпринять, чтобы вернуть себе мужество, надо победить страх, чтобы больше не поддаваться ему».

И придумал: ночью ходить на кладбище... Выбрал для начала то, которое находилось рядом с городским садом... Оттуда долетали голоса, смех гуляющих, что очень подбадривало. Сначала углублялся недалеко, обходил ближайšie могилы; потом дальше, до середины кладбища, и, наконец, достигал самой отдаленной стены. Противное чувство страха было все еще велико, но я не бросал задуманного. Через некоторое время стал замечать, что страх становится менее мучительным, но для проверки себя отправился на отдаленное кладбище. Никакие живые звуки не нарушали царившей там угнетающей тишины. Заставлял себя приходить туда и в двенадцать часов, и в час ночи, и снова какая-то необъяснимая боязнь охватывала меня. Тренировку проводил на Троицком городском кладбище.

Когда же, наконец, достиг самой дальней стены, с облегчением почувствовал, что я победил страх. Теперь Кочневский лес проходил безбоязненно ночью, а днем отыскивал то злополучное дерево, на котором висел человек. Я был горд достигнутым.

Впоследствии, уже служа в армии, часто-часто вспоминал свою тренировку; наблюдая за собой, с удовлетворением отмечал, что чувство страха больше не появлялось. Правда, иногда оно заползало в сердце, мало ли что бывало, но я всегда подавлял его.

Шли годы. Я уже был заправским приказчиком. Помню, как однажды к нам в магазин вошла небольшого роста девушка, очень миловидная, но застенчивая. Она мне сразу понравилась, когда же мы встретились с ней взглядами, оба покраснели и смутились. Она выбрала себе туфли, тихо сказала: «До свидания». Я ответил тем же. Она ушла. Я проводил ее взглядом, пока она не скрылась за дверью.

С тех пор какое-то новое, непонятное чувство захватило меня, мне очень хотелось вновь увидеть ее, хотя бы издали. И мое желание исполнилось совершенно неожиданно: она пришла купить резинки на каблуки к туфлям. Завертывая покупку, я набрался храбрости и предложил ей принести туфли, чтобы я привинтил к ним резинки. Предложение это, видимо, пришлось ей по душе, мне же она показалась еще милее, чем в первый раз. Вскоре она пришла опять, уже с туфлями, и милым голоском попросила вернуть резинки. Вот когда я блеснул своим мастерством! Стараясь продлить ее пребывание в магазине, я их привертывал как можно медленнее, ибо она сидела и внимательно следила за моей работой. Мы не обмолвились ни одним словом. В лавке напротив нашего магазина служил Ленька Мокеичев, с которым мы были

большими приятелями. Он был на год моложе меня, но казался мне очень смелым, часто гулял с девушками. Вечерами в будни, особенно зимой, мы ходили с ним гулять в сопровождении большой собаки Ленькиного хозяина. По воскресеньям Ленька проводил время в обществе девушек, я же бродил в одиночестве. Как-то в один из летних дней гулял я по боковой дорожке в городском саду. Навстречу мне шел Ленька вместе с двумя девушками, в одной из них я узнал ту незнакомку-покупательницу, которая так понравилась мне. Поравнявшись, мы обменялись с Ленькой приветствиями, а с ней встретились взглядами, и оба смутились. Несколько раз мы проходили мимо друг друга, бросая украдкой робкие взгляды. Каким счастливым считал я Леньку! Он так близко находится к ней, разговаривает, смеется!

Как ругал себя за глупую застенчивость, которая мешала мне подойти, познакомиться и присоединиться к их компании! Много раз после этого воскресенья гуляли мы с Ленькой вечерами, уж так хотелось завести разговор о его знакомых, с которыми он гулял, но язык никак не повертывался, а он, этот недогадливый Ленька, сам не заговаривал. Я часто мечтал о ней, такой дорогой моему сердцу, вспоминал ее улыбку, даже цвет платьев ее запомнил, и все сильнее хотелось мне познакомиться и узнать ее имя.

Как всегда, в одно из воскресений гулял я в одиночестве по одной и той же боковой аллее. На главной аллее показался Ленька в обществе двух новых девушек. Оставив их, он направился ко мне и сказал, что одна из девушек хочет познакомиться со мной. Я категорически отказался знакомиться с кем бы то ни было, а про себя думал: «Вот с той я бы согласился познакомиться». Но от Леньки не так-то легко было отделаться, он настойчиво уговаривал познакомиться, упрекая меня в невежливости, что отказом я оскорблю девушку, что знакомство-де ни к чему не обязывает. «Ну, не понравится, — сказал он, — ты ничего не теряешь, в дальнейшем тебя никто не заставит к ней подходить, при встречах будешь только раскланиваться».

В конце концов Ленька добился своего, я согласился при условии, что Ленька сначала мне покажет эту девушку. Договорились. Мы шли по боковой аллее. Вдали мелькнуло платье той, которая завладела всеми моими помыслами. Когда девушки были уже недалеко, Ленька, указав на одну, сказал: «Вот та, что к нам ближе!» Оказалось, что это была та, о которой я мечтал! Как хорошо, промелькнуло в голове, что я до сих пор не позна-

комился ни с кем раньше. Если бы «она» встретила меня с другой девушкой, я бы провалился сквозь землю. Девушки прошли мимо нас, но мы успели обменяться взглядами, и оба вспыхнули. Потом Ленька деловито спросил: «Ну что, понравилась? Согласен знакомиться?» Я ответил — согласен. Таким образом состоялось наше знакомство. Я узнал, что ее зовут Оля, а ее подруга — Вера. Ленька с Верой скоро ушли, а мы остались вдвоем с Олей. Сели на скамейку — и не могли сказать ни слова. Чувствовал я себя одновременно и счастливым и словно на раскаленных угляях. Около часа просидели мы с Олей молча. Ее первыми словами были: «Уже поздно, пора идти домой». Я осмелился проводить Олю. Мы тихими шагами направились к ее дому и продолжали молчать.

Не доходя до дома, Оля протянула руку, мы обменялись крепкими рукопожатиями и расстались. Она, конечно, заметила, какими счастливыми глазами я смотрел на нее.

Прошло более четырех месяцев со дня нашего знакомства. Каждое воскресенье я встречал Олю в городском саду, но всегда она была в обществе своих подружек. Мы здоровались издали, а подойти я никак не решался и все проклинал себя за свою застенчивость. Наблюдая за Олей издалека, находил все новые качества, которых не замечал у других. Я очень часто ловил себя на мысли, что скажу ей при встрече, как буду любоваться ее милым личиком. Но, увы, до действительности было далеко! Ленька как-то рассказал, что Оля учится «на портниху», у нее есть родители и два брата. Тот же Ленька через некоторое время доложил, что Оля очень удивляется моими всегдашними прогулками в одиночестве и интересуется, почему я не подхожу к ней или к другим знакомым девушкам. Пришлось откровенно признаться, что причина только та, что Оля никогда не гуляет одна, а всегда с подругами. «Если бы она бывала одна, тогда другое дело, я бы подходил». Очевидно, Ленька передал наш разговор, потому что в следующее же воскресенье я встретил Олю одну, она шла по знакомой мне боковой дорожке. Радости моей не было границ! Быстро подошел к Оле, поздоровался. В своем смущении она была еще лучше, еще краше! Мы ходили с ней, сидели часа три, обмениваясь взглядами, и — не проронили ни слова. Все мои заранее заготовленные слова, такие яркие и значимые в мечтах, застревали у меня в горле. Только когда стала сгущаться темнота, Оля произнесла: «Мне пора домой». Проводы, крепкое рукопожатие, расходились счастливые и молчаливые.

С той поры Оля избегала общества подруг, если же и гуляла с ними, то при моем появлении оставляла их, радостно встречала меня, и мы шли в боковую аллею, снова сидели, ходили по саду, но молчание не нарушалось ни той ни другой стороной. Сколько раз я собирался рассказать ей о себе, о своей жизни, о моем глубоком чувстве к ней, а моя проклятая застенчивость связывала меня.

Прошло более двух лет нашего знакомства, наших молчаливых свиданий! В сентябре 1912 года мы встретились на главной улице. Оля была чем-то очень взволнована, чувствовалась какая-то растерянность, что тотчас же передалось мне. Молча ходили мы долгое время, и только когда стемнело, Оля тихо сказала: «Шура, мне надо с тобой поговорить, уйдем в переулок или в городской сад».

Мы свернули в переулок. Мое сердце замирало от счастья, я сказал, что с радостью буду слушать ее. Волнение Оли делалось все заметнее, видимо, она затруднялась начать, но наконец через силу прошептала: «Меня сватают за Петра». Сам не знаю, как у меня вырвалось: «Я знаю его: он на хорошем счету у своего хозяина, и думаю, он будет хорошим мужем и отцом». Оля заплакала и с укором сказала: «Что же ты мне его расхваливаешь!.. Ты же знаешь, я люблю только тебя, хотя ты такой бука». Тут я не мог справиться со слезами, сказал, что я люблю ее так сильно, что нет слов высказать все. И точно прорвалась плотина — так быстро потекла наша обоюдная торопливая речь. Взволнованный этой беседой, едва сдерживая свое горе, я сказал ей: «Через три недели меня забреют в солдаты, я уйду в армию на три-четыре года. Разве могу я на тебе жениться, чтобы ты осталась ни жена, ни вдова? Кроме того, серьезно поговаривают о войне, которая уже началась на Балканах. На войне, сама понимаешь, — продолжал я, — могут убить, искалечить, тогда что? А Петр уже отслужил и освобожден от службы».

Оля вновь горько заплакала и спросила глухим голосом: «Так ты серьезно советуешь мне выходить замуж?» — «Да», — был мой короткий, но твердый ответ. Мы долго еще ходили с ней по темным переулкам и безо всякого стеснения говорили о том, что накопилось за два с половиной года. Оля рассказала, как она познакомилась с Ленькой с целью через него познакомиться со мной; как было ей стыдно, что после нашего знакомства я в продолжение четырех месяцев не подходил к ней; это заставляло ее сильно страдать и передумать о многом. Оля горячо благо-

дарила меня за мою верную чистую любовь. Так, хоть и поздно, мы нарушили наше молчание, высказались и узнали о взаимной горячей любви. Не стыдясь своих слез, мы плакали оба, точно хоронили нашу любовь. Через три недели меня действительно забрили в солдаты, а у Оли в этот день была свадьба, на которую она меня приглашала, чтобы увидеться в последний раз. Я не пошел. Долго ходил около их ярко освещенного маленького домика, оттуда слышались веселые голоса, смех, «горько», «горько», а я ходил и думал, думал свои грустные мысли. У меня не было уже уверенности в правильности данного ей совета...

Глава 2 ЦАРСКАЯ АРМИЯ

В октябре 1912 года, после того как меня «забрили», я рассчитался со своим хозяином. Прощание наше вышло трогательным, особенно с хозяйкой, Неонилой Матвеевной. Хозяин даже расщедрился: дал три рубля сверх расчетной платы, поблагодарил за честную службу и, к великому моему удивлению, попросил прощения за грубость в прошлом.

Поехал в деревню проститься с родителями. Там пробыл только шесть суток, не пришлось и «погулять», как было принято у молодых рекрутов. Отец взял с меня крепкое обещание «служить верой и правдой», что за мной никогда не будет провинностей и не попаду на гауптвахту. Тяжело было расставаться с родителями, братьями, сестрами. Особенно горько было прощаться с матерью.

В октябре вместе с другими призванными прибыл в Орел и был назначен в 17-й гусарский Черниговский полк, прежде именовавшийся 51-м драгунским Нижегородским полком. Задолго до службы мне приходилось слышать, что самая тяжелая служба — в пехоте, а самая длинная — на флоте, поэтому был очень доволен, что попал в кавалерию. Но кавалеристы утверждали, что самая тяжелая служба именно у них: у пехотинца только винтовка, у кавалериста же дополнительные шашка, и пика, и лошадь, и седло. Все требуется изучить, за всем ухаживать, особенно за лошадью. На уход за ней требуется не менее пяти часов, а там еще учеба. Единственно, где кавалеристу легче, это в походе — не идешь пешком. Да и то смотря какая лошадь попадется, иная идет все время рысью — все кишки вытрясет, согласишься лучше идти пешком.

Служба в кавалерии не казалась мне тяжелой: военные науки давались легко, я считался исправным и дисциплинированным солдатом. Вначале мне дали одну из тех строптивых лошадей, которые не ходили шагом, а только трусили, обходили препятствия и станки при рубке лозы; вообще от нее можно было ожидать всяких неприятностей в любую минуту. Однако вскоре мне заменили ее другой, лучшей лошастью, которая уверенно шла на препятствия, на станки при рубке лозы, и даже по утрам она была более суха и меньше в навозе, чем другие, и тем облегчала свой утренний туалет.

Конь этот, по кличке Амулет, в значительной степени помогал мне в усвоении конного дела — он хорошо знал команды: «рысью», «шагом», «галопом» и т. п.

По строевой и физической подготовке у меня было «хорошо», а конное, стрелковое дело и тактика шли на «отлично».

В каждом эскадроне были свои песенники, но в нашем 6-м эскадроне они считались лучшими. Руководителем хора и запевалой был у нас вахмистр Щербак. Мы выучили и хорошо знали много украинских песен, поэтому нас часто вызывали в офицерское собрание, часов в двенадцать, иногда и в час-два ночи, чтобы песнями развлекать подвыпивших офицеров. Я тоже был в числе песенников и нередко в награду получал двухкопеечную булку. Правда, львиная доля «наградных» приходилась вахмистру Щербаку.

Наш полк, имевший славную боевую историю начиная с конца XVIII века, с 1910 года находился под командованием брата царя, великого князя Михаила Александровича. Шла молва о его большой физической силе. Как память о ней в офицерском собрании хранилась под стеклом серебряная тарелка, свернутая в трубку, и разорванная вся сразу колода карт. В нашем полку особо любимой, хорошего напева была песня, воспевающая самоотверженность, проявленную в 1805 году на реке Шёнграбенка.

ПОЛКОВАЯ ПЕСНЯ

51-го драгунского Нижегородского,
позднее 17-го гусарского Черниговского полка

Когда войска Наполеона
Пришли из западных сторон,
Был авангард Багратиона
Судьбой на гибель обречен.

Отряд храбрейшего Мюрата
Все продолжал вперед идти.
Врагов на каждого солдата
Там приходилось до шести.

Бой закипел и продолжался
Все горячей и горячей,
Людскою кровью напился,
Краснел Шёнграбенский ручей.

Уже давно не видят очи,
Грозою выстрелы блещут,
А бой кипит во мраке ночи,
И все редет строй солдат.

И вот уж полночь.
Звук отбоя остановил лихих бойцов,
Но половины после боя
Не уцелело храбрецов.

Так свято помните ж об этом
На предстоящем нам пути,
И будет пусть у нас заветом:
Всегда пять против тридцати.

Конечно, боевой славой полка мы гордились, дорожили и заслуженными в боях наградами, знали его героев, к исполнению полковой песни относились с небывалым энтузиазмом. Считали за честь, что отдельной кавалерийской бригадой, в состав которой входил наш полк, командовал генерал-майор Абрам Михайлович Драгомиров, сын известного русского военного теоретика и педагога, последователя идей А.В. Суворова, генерала от инфантерии Михаила Ивановича Драгомирова. Молодых солдат в нашем эскадроне обучал штабс-ротмистр Свидерский. Высокого роста, широкий в плечах, он обладал страшной физической силой. Службу знал хорошо, никогда не опаздывал на занятия, почему подготовка нашего эскадрона считалась лучшей в полку. Строг и суров наш командир был невероятно: за малейшую неточность в исполнении, за оплошность бил зверски, изо всех сил. Меня он ударил всего один раз плашмя обнаженным клинком по ноге выше колена. Долгое время сохранялся длинный след. Никогда не забыть мне этого момента! У меня, как говорится, искры посыпались из глаз. Других солдат он бил часто и еще больней.

В 1915 году в звании подполковника Свидерский ушел от нас, а в 1925 году пришлось встретиться с ним в совершенно другой обстановке, но об этой встрече скажу позже.

В первый год службы я считался одним из лучших стрелков, 38 выстрелов из 40 всаживал в цель. Меня часто ставили в пример за проявление смекалки и инициативы, за стремление обмануть условного противника. Уже в то время я знал поговорки «Плох тот солдат, который не надеется быть генералом», «Терпи, казак, — атаманом будешь», но прекрасно сознавал всю небыточность их.

Командира полка мы видели очень редко, а генерала Драгомирова — только на парадах и больших учениях. Вот командир эскадрона — участник войны с Японией ротмистр Пантелеев — приходил в эскадрон каждый день, но не более чем на два-три часа. Основная тяжесть работы с солдатами ложилась на плечи вахмистра и унтер-офицеров. Несмотря на то что свободного от занятий времени было мало, мы, солдаты, все же находили возможность дружески поговорить между собой, поделиться воспоминаниями, порассуждать о поведении офицеров, давая им свою, солдатскую оценку, порой очень меткую. А в то же время половина солдат были неграмотными, человек двадцать из ста — малограмотными, образование остальных ограничивалось учением в двух-трех классах сельской школы.

...Между офицерами и солдатами всегда существовала отдаленность, но с их денщиками мы общались и от них частенько узнавали новости. Так мы узнали о вероятности вступления России в войну. Все ожидали эту войну с понятным страхом. И вот она объявлена!

Наш полк, находившийся под командованием полковника Блохина, в составе бригады, которой командовал генерал Драгомиров, сосредоточился в районе города Холм в Польше. К нам присоединились уланский и драгунские полки, и таким образом была сформирована 17-я кавалерийская дивизия, командование которой принял генерал Абрам Драгомиров. Боевой путь нашей дивизии проходил через города Замостье, Томашов, Ярослав, Тарнов с выходом на реку Дунаец. Пасху 1915 года встречали в районе Ясло и Кросно. Потом наш полк занимал оборону в Карпатских горах.

После первых успешных боев наш командир полка полковник Блохин, произведенный в генералы, принял командование бригадой, а на его место был назначен полковник Дессино. Рослый мужчина лет пятидесяти пяти, сутуловатый, с седеющими висками, он нравился нам, солдатам, как хороший хозяин, проявлявший о нас заботу, но офицеры его недолюбливали. Труд-

но сказать, кто был прав в оценке полковника Дессино — солдаты или офицеры. Следующие приводимые мною характерные факты покажут истину.

Первый: разорвавшимся снарядом в нашем эскадроне было убито четыре лошади. Их закопали. Продвинулись еще верст на пятьдесят, командир эскадрона рапортом командиру полка просил разрешения на исключение этих лошадей из списков. На рапорт была наложена резолюция: «Лошадей откопать, шкуры содрать, по представлении квитанции об их сдаче лошадей из списка исключить».

Три солдата (я за старшего) были посланы для выполнения этого приказа. Спустя семь дней после того, как лошадей закопали, мы отрыли их, содрали шкуры и сдали под квитанцию. После этого лошади были исключены из списков.

Факт второй: командир полка получил сведения от ветеринарного врача, что многие лошади под офицерскими вьюками оказались с набитыми спинами. Тотчас последовал приказ, чтобы вес вьюков не превышал трех пудов (два чемодана по бокам, наверху постель). Предупреждалось, что не выполняющие этот приказ будут строго наказаны, а излишек веса будет сниматься и уничтожаться безвозмездно. Примерно через неделю, после одной из ночевок, полк был выстроен за селом. Все вьючные лошади были выведены перед полком и развьючены. Появились весы, началось взвешивание. Допускалась разница в десять фунтов против приказа. Все, что превышало означенный вес, большей частью по выбору денщиков, откладывалось в общую кучу, обливалось керосином и сжигалось.

Факт третий: однажды после ночевки полк был построен, и командир полка, обратившись к солдатам, сказал: «Братцы, до меня дошел слух, что вас плохо кормят, короче говоря — обкрадывают. В вашем присутствии обращаю внимание всех господ офицеров лучше смотреть за питанием и за своими вахмистрами, а вам, братцы солдаты, приказываю: если вам будут давать порцию мяса меньше двадцати четырех золотников, приносить эту порцию непосредственно мне, минуя своих прямых командиров». После этого приказа наше питание заметно улучшилось.

Факт четвертый: поскольку в горах кормить лошадей было нечем, их отправили обратно в долину верст за двести, мы же, спешенные, остались для обороны Дукельского перевала.

Во время нашей обороны, правее нас, у города Тарнов, немцы прорвали фронт на реке Дунаец, потеснили наших на вос-

ток, угрожая отрезать нас в горах. Поступил приказ сниматься с позиций.

Рано утром командир полка собрал нас в местечке и обратился к нам со словами: «Братцы, немцы прорвали фронт правее нас, нам угрожает окружение, плен и гибель. Нам нужно в пешем строю за трое суток пройти 180—200 верст. Сумеет это сделать — сохраним наше знамя — штандарт, который наш полк с честью носит более ста лет, и спасем свою жизнь. У господ офицеров имеются лошади, но я не позволю им сесть на них, сам я тоже не сяду, а буду идти все время впереди полка, хотя я старше вас на много лет. Для нашей славной пехоты переход в 50—60 верст не редкость, неужели мы хуже ее? Так как же вы ответите мне, братцы?»

Как один, весь полк ответил дружно: «Пройдем!»

Командир, просияв от столь дружного ответа, напомнил нам о героизме, проявленном предками нашего полка в 1805 году, воспеваемом нами в нашей любимой полковой песне. Мы тронулись в путь. Все время командир полка шел впереди, опираясь на длинную, как посох, палку. После каждого привала эскадроны менялись местами, задние переходили вперед, так как передним всегда легче идти. К концу первого перехода многие офицеры уже вышли из строя, в том числе оба брата Андриевских — сыновья орловского губернатора, и под дружный смех и шутки солдат разместились в повозках.

К концу третьего дня половина офицеров по примеру братьев Андриевских перебралась на повозки, двуколки, так как в санитарных линейках места уже не хватало, а полковой командир по-прежнему неутомимо был впереди полка, у боевого знамени.

Несмотря на сильную усталость, настроение держалось бодрое, а от вида построенных и ожидавших нас в долине лошадей оно поднялось еще больше.

На основании приведенных фактов становится ясным, кто был прав в своих суждениях о командире полка: офицеры или мы, солдаты. Вот таков был командир полка Дессино.

Скажу попутно несколько слов о генерале Драгомирове, командовавшем в начале войны нашей дивизией. Несмотря на свой небольшой рост, он как клещ впивался в свою лошадь и ездил только галопом. У солдат он слыл умным и храбрым генералом, но с нами общения не имел. Отдавая должное его служебным качествам, мы считали его чужим человеком и, несмотря на присущие ему мужество и воинскую доблесть, не любили.

Меня часто посылали в разведку или дозор. Однажды, находясь в головном дозоре, мы завязали перестрелку с встретившимся врагом. Минут через пятнадцать к нам подскочил генерал А.М. Драгомиров в сопровождении адъютанта и еще двух всадников. Заслушав мой доклад, он в бинокль осмотрел местность впереди и по сторонам, дал указания наблюдать и ускакал со своей свитой обратно. Через час мы увидели наши движущиеся эскадроны, а раздавшаяся стрельба и громкие крики «ура» говорили о начавшейся атаке. Генерал А.М. Драгомиров был вообще командиром решительным и часто находился в самых опасных местах. В конце войны он уже командовал Северо-Западным фронтом.

В дивизии наш полк считался наиболее боевым. Особенно много удачных боев он провел в начале войны. В конном строю он был способен на столь настойчивые атаки, что противник, зачастую не выдерживая их, бросался прочь под неотступным нашим преследованием. Но даже и в пешем строю конники держались с упорством и стойкостью. Помню случай, когда конница противника приняла нашу атаку. Мы с пиками наперевес и гиканьем бросились на врага. С пикой мчался и я навстречу приближающемуся немцу; она пронзила его с такой силой, что я сам едва удержался в седле. Думать о том, чтобы освободить пику, не было времени, оно летело вихрем, захватывая меня. Выхватив саблю, зарубил еще двух врагов.

Помнится и другой случай, позорный для нашего полка. При общем отступлении из Галиции конница прикрывала отход нашей пехоты, часто спешивалась и отражала атаки врага. Однажды спешенный полк оборонял рубеж. Четырежды противник атаковал нас, но каждый раз отступал, оставляя на поле боя убитых и раненых. В пятый раз враг предпринял психическую атаку — шел густыми цепями, за которыми в колоннах шли роты. Полк не выдержал, дрогнул, отступил, а в окопах остались два пулеметных расчета во главе со старшими унтер-офицерами Тарелиным и Козловым, имевшими уже по три Георгиевских креста. Двумя пулеметами «максим» они отбили атаку немцев, значительно увеличив перед окопами число убитых и раненых немцев. С краской стыда вернулся наш полк на покинутую позицию.

Эти два сверхгероя получили по кресту I степени и были произведены в первый офицерский чин — прапорщика, что равняется нашему званию младшего лейтенанта. Естественно, весь полк гордился этими героями, но, к нашему общему удивлению,

их неожиданно перевели в уланский полк. Много позже мы узнали, что господа офицеры нашего полка заявили: теперь-де они должны будут подавать руку бывшим нижним чинам, а это, дескать, унижает офицерское достоинство и честь.

Не все офицеры в нашем полку были так настроены. Но многие ставили свои кастовые и сословные привилегии превыше всего, и такие офицеры, разумеется, не могли обеспечить своим авторитетом моральную устойчивость солдат, подвергавшихся превратностям войны.

Наше отступление в 1915 году по километражу было равным наступлению 1914 года. Но какая громадная разница в моральном состоянии войск! В 1914 году мы одерживали одну победу за другой, и тогда даже потери не оказывали удручающего действия на настроение солдат — оно оставалось боевым; даже отход с Дукельского перевала в пешем строю ни в какой степени не ослабил боевого духа войск, хотя горечь отхода все же чувствовалась.

А вот когда началось общее отступление, когда без боя оставляли кровью завоеванную землю, тогда в войсках, как у больного после шока, резко проявилось чувство подавленности, слышались злые замечания солдат по адресу вышестоящих командиров. Часто солдат угнетало полное отсутствие боеприпасов, не позволяющее нам отвечать на вражеские выстрелы. Прибывающее из глубины страны пополнение еще больше подогревало такое настроение разговорами о приближающемся голоде, о бездарности наших правителей. Солдаты-новички получали одну винтовку на двоих. Мало того, что винтовок не хватало, но они были не русские — японские. Как и прочее обмундирование: ботинки и гетры — американские, седла — канадские. Все это свидетельствовало о бедности нашей великой страны, о полной неподготовленности к войне. При отступлении в наших подсумках имелось по пять патронов, а в зарядных ящиках — только по два снаряда, да вдобавок действовало приказание: «Без особого приказа — не расходовать!»

Уныние и страх возбуждались нераспорядительностью командиров, отсутствием заботы о солдатах со стороны офицеров. Бывало, придешь в населенный пункт для ночевки после большого перехода — ничего не приготовлено. Стоишь, стоишь, дожидаясь, когда же квартирьеры разместят по квартирам уставших солдат и лошадей. Были и такие случаи: лошади уже расседланы, солдаты набрали в котелки ужин, как вдруг раздавалась команда: «Седлать коней!» Потребовалось перейти на новое

место, так как занятое нами предназначено для других. Сколько едких слов, сколько нелестных эпитетов, ругательных слов было адресовано начальникам.

Конечно, все это только способствовало моральному разложению людей, упадку дисциплины. Правда, переход к обороне всегда оценивается по-разному. Так, при переходе к обороне в Карпатах, после бывшего длительного и успешного наступления, солдаты считали, что они получают заслуженный отдых. Совсем иное дело, когда мы переходили к обороне после длительного отступления, да еще при неразберихе на фронте. Солдаты падали духом, начинали думать о нашем бессилии в сопротивлении противнику, которому стали приписывать непобедимость, не верили в длительность обороны. Все это я видел, все это откладывалось в моей памяти, наводило на разного рода размышления. Постепенно выработывался во мне оправданный риск солдата-фронтовика. Пригодилась здесь и присущая мне с детства привычка к разумной расчетливости.

Не забуду своего самочувствия, когда я в первый раз попал на фронт. Многие мои товарищи боялись получить ранение и остаться на поле боя; другие приходили в ужас от возможности погибнуть и быть похороненными на чужой земле, поэтому со страхом ожидали встреч с противником. Между прочим, на фронте я обнаружил, что от былой религиозности, привитой мне с детства и сохранявшейся, впрочем уже формально, только по привычке в первую пору юности, теперь не осталось и следа. Там, где многие, прежде равнодушные к религии, стали частенько «уповать на бога», я уверился, что вся сила в человеке, в его разуме и воле. Во мне жила твердая уверенность, что не только не буду убит, но и ранение не постигнет меня. В тех случаях, когда не встречал противника в означенном месте, я испытывал даже разочарование. Прямые мои начальники, по-видимому, ценили во мне бесстрашного разведчика, безотказно идущего выполнять любое поручение. Надо правду сказать, они не злоупотребляли моей дисциплинированностью, наоборот, очень часто удерживали меня и не посылали туда, где могли справиться другие разведчики. Я же всегда предпочитал быть в разведке или дозоре, чем глотать пыль, двигаясь в общей колонне.

Я уже сказал, что война учила меня серьезно думать о виденном и пережитом. Однако размышлять о социальных вопросах я стал позднее, под прямым влиянием революции. До того меня занимали только те мысли, которые относились к повседневно-

му военному труду, и, даже думая, скажем, о недостойном и эгоистичном поведении офицеров, говорил себе только: «Так воевать нельзя» — и не делал глубоких выводов.

Размышляя над своим солдатским делом, я выработал некоторого рода тактику: не открывать огонь сразу после обнаружения противника. Старался укрыться, пропустить его и проследить, от кого был выслан дозор: от разведки или от пехотного охранения, что идет за ним. Нередко прибегал к общепризнанному способу — вызвать огонь противника на себя. С этой целью подъезжал к какому-нибудь населенному пункту или к опушке леса метров на триста, всматривался, а потом круто поворачивал, уходя назад галопом.

В годы Первой мировой войны мне довелось съездить на родину. Осенью 1914 года в эскадрон поступило распоряжение из штаба полка: выбрать грамотного, честного солдата для посылки его в Москву за покупкой пишущих машинок. Выбор пал на меня. Я попросил и получил разрешение командира эскадрона дня на два заехать к своим родителям в Шую. До Москвы добрался быстро, купил две пишущие машинки по 360 рублей. Фирма вернула мне десять процентов, то есть 72 рубля, в полное мое распоряжение. Машинки оставил на хранение в магазине и направился сначала в Шую, а оттуда в деревню.

Дорогой основательно обдумал и рассчитал, что нужно и можно купить на 72 рубля. Представлял себе радость родителей, не ожидавших моего приезда, и их удивление при получении подарков.

Мечталось еще раз увидеть любимую Олю, чувство к которой не только не прошло, но как будто стало еще сильнее. В Шую, прежде чем направиться за покупками, меня потянуло в городской сад на ту скамейку, на которой мы часто сидели с Олей и более двух лет молчали.

Дело было осенью, все дорожки покрыты опавшими сухими листьями, густо шуршавшими под ногами. В саду не было ни души. Погожее осеннее утро никого не привлекало туда. Впрочем, время было не прогулочное — только десять утра.

Задумчиво опустился я на заветную скамейку. Сразу нахлынули воспоминания о прогулках с Олей, о нашем упорном молчании вплоть до того рокового вечера, который решил нашу судьбу. Этот вечер запомнился со всеми подробностями. Сидя одиноко, я все перебирал в памяти ее слова: «Так что же ты мне его хвалишь, разве не видишь, что люблю только тебя?» — и сло-

ва, сказанные мною Оле: «Мой совет — выходить замуж». Я мучился противоположными выводами: как будто был прав и в то же время как будто допустил какую-то ошибку. Разбирая свое поведение, ругал себя, что раньше не находил слов для разговора с любимой девушкой, просиживал с ней часами в молчании.

Вот если бы это было теперь, думал я, мы не сидели бы молча, а нашему разговору не было бы конца! Так сидел около часа, о чем только не передумал...

Но... мои грустные думы были нарушены приближающимися шагами. Я оглянулся и увидел женщину с поникшей головой, медленно идущую в мою сторону. Не доходя до моей скамьи шагов десять—пятнадцать, она подняла голову и, увидев солдата в потрепанной шинели, в испуге остановилась. К своему великому удивлению и радости, в ней я узнал Олю. С криками «Оля!», «Шура!» мы бросились навстречу друг другу. В первый раз мы расцеловались. Крепко держа друг друга за руки, мы опустились на скамью, бывшую свидетельницей наших молчаливых встреч. Теперь вопросы и ответы сыпались без конца. Первыми словами Оли были: «Шура, вот ведь ты жив?» — «Да, жив, — грустно ответил я, — но война-то только начинается». С тревогой я спросил ее, как ей живется? Любит ли ее муж? Не обижает ли? Она ответила, что она уже мать, муж любит ее и ребенка, много заботится о семье, на войну его не взяли: у него обнаружился туберкулез, и он продолжает служить у прежнего хозяина. Она поинтересовалась, каким образом я попал в Шую и очутился на «нашей» скамье. Я рассказал, зачем был послан в Москву и что привело меня сюда. «А вот каким образом ты попала сюда?» Оля, смущаясь, ответила, что иногда она приходит в сад и подолгу сидит на этой скамье. «Вот и сегодня, — прибавила она, смотря на меня полными слез глазами, — вдруг потянуло сюда. Разве ты, Шура, не знаешь, что любила и люблю до сих пор только тебя?» — и горько-горько заплакала. Я утешал, вытирая ей глаза, и сам готов был рыдать. Немного придя в себя, мы, перебивая один другого, рассказывали о своих переживаниях за время разлуки, о большом желании увидеться или получить хотя бы маленькую весточку.

Время пролетело быстро. Оля заторопилась домой. Мы обнялись, горячо поцеловались и расстались в неопишемом горе. Теперь скорее, скорее за покупками, чтобы рассеять тоску! Зашел к своему бывшему хозяину. Он был вдвоем с продавцом, сыновья ушли на войну. Заглянул и к хозяйке. Она всплеснула

руками, заплакала — то ли от радости встречи, то ли вспомнила ушедших на войну сыновей.

Сделав все необходимые покупки, я пошел в деревню. Дома встретили меня мать и сестры; от радости они то плакали, то смеялись. Спросил об отце, о братьях. Оказалось, что два брата — Иван и Георгий — тоже на войне; от старшего брата, Николая, вестей из Сибири не было, а отец с братом Михаилом ушли на заработки. От привезенных подарков все были в восторге; кроме того, дал и денег, в которых дома так нуждались. Незаметно пролетели полтора дня, надо было возвращаться в часть. Прощание всегда полно грусти, не то что встреча. Плакала мать, плакали сестры, утешением им были мои заверения, что не убьют меня, даже не ранят.

Обратный путь лежал через Шую, Москву на фронт, а в душе кипело возмущение своим промахом: почему не догадался узнать у Оли ее адрес, не сообщил ей свой? Ведь мы могли бы с ней переписываться! Вернулся в сад, сидел около часа, вспоминал уже позавчерашнюю счастливую встречу.

Возвращение в полк прошло благополучно, даже получил благодарность за точное исполнение поручения. Опять началась фронтовая жизнь.

Однажды я был назначен начальником разезда от идущей колонны. Мы двигались по шоссе, обсаженному высокими липами. Держали путь к большому селу. Неестественная тишина, отсутствие работающих в поле настораживали нас, мы подходили со всеми предосторожностями. Два наших дозорных кавалериста осмотрели дом, стоящий отдельно, и дали знак, что противника в нем нет. Условным сигналом я приказал им продвигаться в село, обследовать крайние дома. Сам с остальными солдатами поспешил к вышеназванному дому. Оставил их снаружи с приказом вести внимательное наблюдение по сторонам и за дозором, а сам спешился, забросил поводья на забор и вошел в дом, чтобы расспросить живущих. Никто не отзывался на мои оклики — дом был пуст. Вдруг услышал два выстрела и крики. Выскочив из дома, увидел картину: ядро разезда и дозор удирали по шоссе, преследуемые выстрелами противника. Быстро вскочил на лошадь и поскакал вслед за своими. Не успел отъехать от дома триста шагов, как засвистели пули и вокруг меня. Одной из них ранило мою лошадь, она упала. Жалко было оставлять врагам седло, попробовал его снять, но свист пуль усиливался и заставил меня отказаться от своего намерения. Тем более что я видел спе-

шаших ко мне пехотинцев противника. Не медля прыгнул в ближайший кювет и по нему стал уходить.

Вражеские солдаты остановились у валявшейся лошади, преследовать меня дальше почему-то не стали. наших кавалеристов и след простыл, никого из них не было видно. Впереди мой путь пересекала небольшая речка, через нее был мост. Направился к нему и заметил, как справа по тому берегу к мосту шел разъезд противника. Главной моей заботой было, чтобы противник не обнаружил меня, спешившего к мосту. Я удачно спустился с крутого берега речки и укрылся под мостом, хотя не было уверенности, что противник не заметил моего маневра. Осмотрелся. Недалеко от моста увидел большой куст ивняка, нависший над водой. Решил, что под кустом мне будет менее опасно, чем под мостом, ибо сквозь ветки я хорошо буду видеть приближающегося противника, в то время как сам буду от него скрыт. Прикрываясь крутым берегом, я пополз к кусту и засел под ним, держа винтовку наготове.

Невольно вспомнилась прочитанная в детстве книжонка о цветке папоротника. В ней говорилось, что нашедший этот волшебный цветок сможет все видеть и слышать, сам оставаясь невидимым. Но так как цветок папоротника до сих пор никто еще не срывает, умение быть невидимым и неслышным нам приходилось приобретать без помощи волшебства.

Вскоре услышал приближение вражеского разъезда. Вот уже слышен разговор на незнакомом языке, вот разъезд равняется с кустом и проходит мимо. Я выждал, когда разъезд удалился от меня шагов на сорок, пустил ему вслед пять пуль, быстро перезарядил винтовку новой обоймой. Двое раненых остались лежать на дороге, а разъезд и за ним лошади раненых ускакали.

Я выбрался из-под куста и с винтовкой наизготове подошел к лежащим раненым. Снял с них винтовки и знаками приказал им встать и идти. Но они или не понимали меня, или не могли подняться и продолжали лежать. Что предпринять? Словно ответом мне было появление из близлежащего леса нашего головного эскадрона.

Дозор шел на рысях к мосту. Я окликнул его и указал, где противник. Подошедшему эскадрону передал раненых, а командиру доложил о случившемся. Вспомнил я тогда, что на стрельбище из 40 выстрелов в цель попадали 38, а здесь на близком расстоянии, при наличии большой цели, так плохо стрелял. Было обидно. Неудачно начавшаяся разведка кончилась вполне благополучно,

а все могло обернуться для меня очень плохо. Доставленные немцы дали довольно ценные сведения о своих войсках. Это обстоятельство вознаградило меня и за пережитые волнения, и за плохую стрельбу. Когда мы прибыли в местечко, что в 12 километрах от Дукельского перевала, отправили лошадей в предгорье, находившееся в 200 километрах, вторая половина дня оказалась свободной, так как в оборону наш полк вступал лишь на следующий день. Высокие горы облегали местечко, и мне очень захотелось взобраться на одну из них, чтобы с нее осмотреть окружающую местность. Раньше мне не приходилось взбираться на подобные горы, и я допустил ошибку, не рассчитав времени, сколько займет восхождение и спуск. Гора оказалась поросшей крупным лиственным лесом. Много сил пришлось затратить при восхождении, и я с облегчением вздохнул, достигнув вершины.

Когда осмотрелся по сторонам, то был поражен невиданной красотой. Внизу, у подножия горы, лежало местечко с уходящей в гору шоссеиной дорогой, по которой мы пришли сюда; вокруг высились еще более могучие горы, особенно в сторону противника, откуда слышались редкие выстрелы. Передо мной простиралось большое ровное плато. «Надо осмотреть плато», — решил я. Пройдя вглубь около километра, очутился в окопах, которые не так давно занимали русские, и были они неглубокие, обвалившиеся. Особенно поразило меня огромное количество гильз, разбросанных по всем окопам, и целые кучи там, где стояли станковые пулеметы «максим». Валялось множество лопат, рваных вещевых мешков и окровавленного обмундирования. Особо удручающее впечатление на меня произвело то, что из многочисленных могил ни одна не была ничем отмечена: ни надписью, ни вешкой. А главное — вид небрежно засыпанных трупов: то тут, то там выглядывало плечо, торчали ступни босых ног, руки, иногда виднелось лицо. По-видимому, подумал я, наши наступавшие цепи были расстреляны врагом и на том же месте убитые кое-как забросаны землей, а начальство не проконтролировало, как проведены похороны.

Мне захотелось пройти в окопы противника, откуда он вел огонь по нашим. Когда я очутился в немецких окопах, был тоже поражен, но только совсем по-иному: окопы глубокие, оплетенные ветками, чистота абсолютная, нигде не было предметов военного обихода, о гильзах не было помина. Еще большее удивление ожидало меня в низинке, куда я спустился. Большое кладбище, каждая могила аккуратно оформлена, все располага-

лись в строго выровненном порядке, на каждой могиле был крест с надписью о захороненном. Офицерских могил не было (вероятно, трупы увозились в Германию); на унтер-офицерских и фельдфебельских могилах кресты были одинаковые, но большего размера, чем над могилами солдат. Даже в смерти люди на той стороне не уравнивались в правах, они возвышались над своими подчиненными, подумал я. Долго ходил по кладбищу, сравнивал, удивлялся, старался доискаться причин, почему у них совсем по-другому, чем у нас. Вначале подумал: потому что они оборонялись, а наши наступали, но потом эту причину отверг, так как прошло уже такое количество времени, которого достаточно, чтобы привести и наши могилы в надлежащий порядок.

Поглощенный своими мыслями, я совершенно не заметил, что солнце скрывается за горами. Возвращался между могил захороненных русских, думал о их родителях и близких, что никогда-то они не узнают, где и как похоронены дорогие им люди.

Тем временем солнце совсем скрылось, и при быстро наступившей темноте и абсолютной тишине мне вдруг стало так необъяснимо жутко, что я прибавил сначала шаг, потом громко запел, стараясь преодолеть заползший в душу ужас, но в конце концов побежал — бежал без остановки, без оглядки, как когда-то мальчиком, ходившим на поиски цветка папоротника, оставшись один на один с непонятной ночной жизнью леса.

Во время обороны в горах мне часто приходилось с группой ходить в разведку. Ни у нас, ни у противника в горах сплошного фронта не было. Покрытые густым лесом горы помогали нашей разведке проникать в тыл противника. В одну из лунных ночей мы в количестве семи человек миновали линию нашего охранения, перешли нейтральную долину и осторожно взбирались по склонам гор, где, по нашему мнению, должна находиться охрана противника. Больше прислушивались, чем приглядывались. Невдалеке явственно раздалась чужая речь. Было ясно, что мы находимся на линии постов или застав охранения противника. С особой осторожностью подались вправо, чтобы обойти противника, напасть на него с тыла и захватить хотя бы одного «языка». Хрустнувшая сухая ветка выдала наше присутствие. Разговор моментально прекратился, раздалась оклики на немецком языке... Мы притаились. Через некоторое время противник, видимо, успокоился, так как вновь разговор возобновился, а мы начали приближаться. Но вот снова оклик, раздалась команда, и нача-

лась бесцельная стрельба. Около часа осторожно и медленно продолжали мы двигаться в глубь леса. Неожиданно впереди мы услышали выкрики и смех. «Такая беспечность врага будет нам на руку и поможет нашей удаче», — думали мы и все осторожнее продвигались на звуки противника, который оказался значительно ближе, чем предполагалось. Мы очутились на обрыве. Заглянули вниз, и нам представилось занятное зрелище. На берегу протекавшей речки человек пятьдесят принимали «лунные ванны»: купались, бегали по берегу, громко хохотали. Долго мы наблюдали за их развлечениями и поняли, что «языка» нам захватить не придется, так как противник превосходил нас численно и находился глубоко под обрывом, но уж испортить им безмятежное настроение была возможность!

У каждого из нас было по две ручных гранаты. Едва ли представится еще такой благоприятный случай, и мы решили израсходовать все имеющиеся четырнадцать штук. Немедленно привели их в боевую готовность. Распределили участки, кто куда должен бросать, и по команде наши «гостинцы» полетели вниз. Через четыре-пять секунд гранаты начали рваться в гуще противника. Началась невообразимая суматоха, крики ужаса, а гранаты все рвались и рвались. Получившие легкое ранение стремительно очистили площадку, а человек двадцать стонущих и охающих остались лежать. Теперь нашей задачей было благополучно выбраться из расположения противника. Только когда мы переходили нейтральную безлесную зону, освещенную луной, нас заметили и открыли по нас стрельбу, но мы вернулись к своим без потерь.

Мы держали оборону севернее города Луцка, за рекой Стырь. Нас с противником разделяло болото, около двух верст шириной. Сена для кавалерийской дивизии требуется всегда много. Оно закупалось и доставлялось всегда с трудом. Случавшееся отсутствие сена было крайне выгодно вахмистру и некоторым офицерам, здорово «нагревавшим руки» на этом. Только наш друг-лошадь не понимала, почему у нее изменяется норма дневного рациона, смотрела на своего хозяина с упреком, точно хотела сказать: «Почему не приносишь положенную порцию?» Было мучительно переживать это нам, кавалеристам. На болоте стояло много стогов сена; хотя оно было плохого качества, но при этом положении и осока считалась хорошим кормом. Сначала мы брали сено из ближних стогов, потом перешли на середину болота, не прекращая доставку корма даже под пулеметным огнем про-

тивника. Во второй половине зимы стало еще труднее добывать сено: его приходилось таскать уже из стогов, которые находились совсем близко от позиции противника. Все принимавшиеся меры предосторожности не смогли избавить нас от тяжелого случая: один товарищ попал в плен. Эти вылазки, крайне рискованные, в то же время необходимые, в какой-то степени оправдывались тем, что жалко и тяжело было смотреть на голодных лошадей, съевших даже всю солому с крыш.

Во время вылазок за сеном мы видели на кочках прошлогоднюю клюкву. А солдату так хотелось полакомиться кисло-сладкой ягодкой! Все ближние кочки были обобраны, стали добираться до средних. Пули пулеметного огня противника свистели кругом, заставляли и нас пригибаться к земле, но все-таки мы продолжали собирать клюкву.

Необходимо отметить, что на доставку сена, связанную с риском, офицеры смотрели сквозь пальцы, им было выгодно отчитываться за сено, вынесенное из-под носа у противника, как за купленное, а сбор клюквы запрещали. Но вопреки их воле вылазки за ягодой все же продолжались.

А вот еще пример уже ничем не оправданного риска: летом обороняли другой участок. Проволочные заграждения в то время у нас уже были, а от противника нас отделяло поле в 700 шагов. В окружающих садах, в лесу и даже в полях много было деревьев, усыпанных спелыми черешнями. Мы как саранча поедали ее и в лесу, и на полях.

Впереди нашей позиции, по ту сторону проволочного заграждения, примерно в ста шагах, росло три больших дерева, сплошь покрытых спелыми крупными черешнями. В солнечные дни спелые ягоды становились прозрачными и блестели на солнце. Они неудержимо манили нас к себе. Долгое время смотрели мы на них, уподобляясь «лисице и винограду», даже пытались успокоить себя точно по ее манере, что, возможно, эти черешни горькие. А искушение все-таки было велико, дальше смотреть стало невмоготу.

Я решил и стал собираться в путь. К ремню прицепил две пятифунтовые банки из-под томата, прихватил еще котелок и пополз под своими проволочными заграждениями к черешне, привлекавшей наши взоры. Я уже у дерева. Забираться надо с нашей стороны, чтобы не быть замеченным противником. Очутившись на дереве, я был надежно скрыт ветвями и листьями. Быстро наполнил одну банку, котелок, конечно не забы-

вая и свой рот. Начал пополнять и вторую банку, как услышал два артиллерийских выстрела, прижался к дереву, забыв про черешню. Настороженно ждал, куда направлен снаряд. Ждать пришлось недолго. Один снаряд разорвался в 50 шагах, другой, как пилой, пересек дерево ниже моего местонахождения, пролетел дальше и не разорвался. Вместе с верхушкой дерева я очутился на земле. Сначала растерялся от неожиданного падения, но, опомнившись, побежал к своим окопам, сопровождаемый серией артиллерийских выстрелов с разрывами чуть не рядом со мной. Все же благополучно достиг и укрылся в своих окопах. К большой досаде, обнаружил очень немного черешен на дне банки, а медный котелок остался под деревом. Поделился с товарищами остатками ягод, а котелка было жалко. Как только стемнело, мы с товарищами отправились за ним. На этот раз черешню рвали прямо с лежащего дерева и досыта наелись ягод.

На одном участке мы долго были в обороне и некоторое время не имели пленных. Офицеры давно объявили конкурс на захват «языка», но обстановка никак не позволяла действовать, ибо у нас было проволочное заграждение в три кола, а у противника оно было в шесть кольев, вдобавок нас разделяла речка. Мы внимательно присматривались к обороне противника — не выставляет ли он на ночь часовых или секрет за свою проволоку, но ничего подобного не обнаруживали.

Естественно, желающих идти за «языком» не находилось. Один раз выходили за свою проволоку, пролежали около трех часов недалеко от проволоки противника в надежде, что он выставит секрет, но все было напрасно — вернулись ни с чем. По всему было видно, что у противника, как и у нас, оборона была неплотная. Изучая обстановку в бинокль, я заметил, что от одного из бугорков, занятых противником, через равные расстояния тянется ряд небольших столбиков. Из этого заключил, что там наблюдательный пункт врага, а столбики означают телефонную связь с его тылом. Поговорив с тремя моими товарищами, получил их согласие присоединиться ко мне. Доложил командиру эскадрона о задуманной нами попытке захватить «языка». Три дня мы внимательно изучали местность, стараясь определить лучшее место, чтобы пройти к окопам противника. Наше внимание привлекла к себе лощина, проходившая левее бугор-

ка в тыл врага. Мы хорошо знали, что ночью менее выгодное положение занимает находящийся на бугре. В два часа ночи сделали проход в проволоке противника, пробрались в его тыл и перерезали телефонный провод. Рядом стоял куст, мы под ним спрятались и стали ждать связистов, которые должны прийти для исправления линии. Ждали около часа. Наконец появились двое идущих вдоль проволоки, о чем-то оживленно разговаривающих. Кроме оружия у нас с собой были две здоровые палки, тонкая веревка и тряпки. Договорились между собой, кто будет брать одного, кто — другого. Как только связисты поравнялись с нами, мы «стукнули» их, схватили, зажали рот тряпками, связали им руки крепко-накрепко. Удачно использовали при этом заученные немецкие слова «тихо», «убью», «иди за нами».

Проход в проволоке миновали вполне благополучно и привели вместо одного «языка» двух. Фельдшер сделал перевязки, но никак не соглашался будить так рано командира, решили ждать утра. Но командиру эскадрона кто-то уже доложил, и он в пять утра пришел сам в нашу землянку и поблагодарил за успешное выполнение задания.

Вскоре на этом участке при наступлении мы захватили окопы противника. Как же мы поразились прекрасным оборудованием окопов и землянок. В них было даже электрическое освещение! Перед окопами тянулись в 20—30 рядов проволочные заграждения, несмотря на то что нас разделяло широкое болото. Какое сравнение с нашими отдельными окопчиками, шалашами, покрытыми ветками! И никакой проволоки! Горько было нашему русскому солдатскому сердцу видеть такую разницу!

Отходя под давлением противника, наш взвод расположился на трехчасовой привал во дворе богатого крестьянина. Сзади его двора находился большой улей с пчелами. Мы искали случая поотведать медку, но хозяин очень часто выходил в сад и мешал нам провести нужную операцию. В глубине сада обнаружили такой же точно улей, только без пчел. Тут-то и появилась у меня мысль, как, обманув хозяина, удовлетворить наше желание.

Мы приготовились к действию. Как только хозяин скрылся из сада, мы принесли поближе к воротам порожний улей. Вытащив пулю из патрона, поднесли гильзу к пчелиному летку и подожгли порох. От проникшего в улей дыма пчелы заснули. Мы унесли улей с пчелами в глубь сада и выбрали весь мед, а на его место

поставили порожний, покрыли его шапкой первого улья. Хозяин по-прежнему время от времени выходил в сад, видел каждый раз улей на своем месте, спокойно возвращался в дом, а мы в это время с удовольствием поедали мед! Вскоре мы уходили, расставаясь с хозяином; ухмылялись, довольные нашей проделкой.

Был и более курьезный случай: ночевали в селе, а у соседнего крестьянина была большая пасека. Соблазн был велик. Ночью, после двенадцати часов, захватив брезентовое ведро, я отправился за медом. Все обошлось благополучно; полное ведро меда было в моих руках. Мои товарищи и другие солдаты посмеивались над хозяином пасеки, говоря, что нужно было лучше караулить, да и мед взят только из одного улья, а теперь — ищи ветра в поле. Хозяин, узнав о случившемся, собирался жаловаться командиру. Мне, в отличие от солдат, было не до смеха.

Я с удовольствием полакомился медом, но в темноте не заметил, как вместе с сотами в рот попала пчела. Больно ужалила она меня в язык, который быстро стал распухать и распух до такой степени, что едва помещался во рту. Ни говорить, ни дышать через рот я не мог. Хорошо, что тогда не страдал насморком...

В 1915 году мы отошли с Карпат и заняли ранее подготовленную оборону с проволочными заграждениями. Как я говорил раньше, патронов у нас было мало, а снарядов уже совсем не было. Немцы, преследовавшие нас, оказались шагах в восьмистах, на опушке леса. У крайних деревьев был небольшой домик лесника под соломенной крышей. Одно окно было обращено к нам, другое в сторону, а дверь не была видна.

Офицеры да и солдаты были уверены, что этот домик используется немцами. Наши офицеры, жаждавшие сильных ощущений, объявили: «Кто спичкой подожжет крышу этого домика — получит Георгиевский крест». Я с другом Сергеем изъявил желание поджечь дом. Мы собирались проделать это ночью, но офицеры поставили условие: «Подходить можете ночью, а поджигать на рассвете», так как они хотели видеть момент поджога.

За час до рассвета мы залегли у проволоки противника, час-то прислушиваясь и приглядываясь к окружающему. Когда начало светать, из окопчика за кустом, шагах в ста от нас, поднялись два немца и скрылись в лесу. По нашему мнению, это был секрет, который выставлялся на ночь к проволоке, а днем, по всей вероятности, наблюдение ведется где-то с опушки леса. Это заставляло нас быть очень осторожными. Малейшая наша оплошность будет замечена противником. Поэтому мы стали

продвигаться к нашей цели ползком, используя высокую траву и неровности местности.

Подрезали нижний ряд проволоки и поползли к той стороне дома, где не было окна. Шагах в пятидесяти мы остановились. Сергей остался на месте в готовности в любой момент отразить внезапную опасность, а я пополз вперед. Был уже около дома, встал. Только хотел поднести к крыше зажженную спичку, как дверь отворилась и в ней показался немец. Сергей тотчас дал выстрел по нему. Немец с криком захлопнул за собой дверь. Спичка у меня погасла, я не успел поджечь дом. Не выполнив задания, пустились бегом по кустам, потом снова поползли к проходу в проволоке. С опушки леса сначала нас обстреливали из двух винтовок, одновременно несколько человек с криками выбежали из дома и открыли беспорядочную стрельбу, но мы уже были за проволокой и, применяясь к местности, уходили к своим. Потом началась сильная стрельба противника и небольшая с нашей стороны, пули летели над нами, залегшими в ложине.

Офицеры и все солдаты нашего эскадрона внимательно следили за вылазкой. Многие видели, как я подходил к дому, как мы оба бросились бежать, слышали, конечно, стрельбу и считали нас погибшими. Солдаты ругали офицеров за их затею поджога на рассвете, а не ночью. Увидев нас невредимыми, все удивились и обрадовались.

Вместо обещанных Георгиевских крестов дали медали, поскольку задание не было выполнено.

Наш полк был сменен в обороне и отведен на отдых в тыл в большое село на реке Припять. На другом берегу лежало большее село Рубель, в 5 верстах от нас. Кормили нас в то время неважно, и мы придумали способ улучшить свое питание.

Своих двух друзей — Кольку и Сережку отправил я в село Рубель, чтобы разузнать, в какой хате имеются больные, чем болеют, когда заболели, чем проявляет себя болезнь и т. п.; в то же время незаметно записывать фамилию больного и то, что удастся узнать. Кроме того, они должны рассказывать, что в соседнее село прибыла воинская часть, есть в ней молодой, но очень знающий врач, который может не только облегчить страдание больного, но и вылечить; что за посещение и лечение денег и вообще ничего он не берет, разве только маленький кусочек сальца, масло, яички — это другое дело. Если есть нужда в докторе, его мож-

но уведомить, он не откажет прийти в следующее воскресенье. Больных оказалось много, все очень хотели, чтобы врач их навещал как можно скорее.

Мы добросовестно подготовились: достали пузырьков в достаточном количестве, вымыли их с золой, наполнили чаем различной крепости, добавили некоторую долю одеколона, взяли две большие корзинки и в воскресенье отправились в село Рубель. Перед тем как входить в дом больного, я знакомился по запискам, чем человек болен, когда заболел, какие симптомы и так далее. Разговаривая с больным, безошибочно определял время заболевания, где, какую он ощущает боль, с самым серьезным видом прошупывал его, прослушивал и давал советы. Потом просил какую-либо посудину, чтобы отлить лекарство; если таковой не оказывалось, давал свою, говоря: «Хотя болезнь застарелая, но излечимая», советовал не нервничать и верить в исцеление. Приказывал строго придерживаться назначенного лечения, а главное, количества капель, указывал, кому надо принимать до еды, а кому — после.

Благодарные больные и близкие не оставались в долгу: сбор был сверх наших ожиданий; вдобавок усиленно просили меня зайти еще, пока наша часть не уйдет. С наполненными доверху корзинами мы вернулись домой. На следующей неделе вновь друзья сходили в село Рубель — узнавали о самочувствии больных, спрашивали, какое впечатление произвел доктор, не нуждаются ли они еще в его помощи, отыскивали новых больных.

Поскольку больные высказывали большое желание снова видеть меня, ибо лекарство «помогло» многим, в очередное воскресенье я снова отправился на «докторское обследование и лечение». Встречали нас всюду очень радушно, я же производил дополнительное прослушивание, простукивание, давал советы и отпускал новую дозу «испытанного» лекарства, ибо больные в один голос говорили, что оно многим помогло, что они чувствуют себя значительно лучше. Я подтверждал, что вид у них совсем другой, более здоровый, впрочем, это соответствовало действительности. Продуктов во второй обход получили еще больше — по-видимому, прихода доктора ждали и приготовились получше отблагодарить его.

Однако на третье воскресенье мы уже предпочли отдыхать, памятуя поговорку «Умей вовремя остановиться». Естественно, в течение этих недель мы существенно поправились, и, конечно, лучше, чем наши больные.

Война шла своим чередом. После очередного сидения в окопах нас сменили, и мы отдыхали в лесу в 15 километрах от реки Стоход. Однажды, получая на взвод порции мяса на обед, они мне показались слишком малыми. Взвесил их, оказалось на круг по восемнадцати золотников вместо законных двадцати пяти (золотник — 4,26 грамма).

Памятуя приказ командира полка в подобных случаях обращаться непосредственно к нему, я так и поступил. Когда я доложил полковнику о причине своего прихода, он спросил меня: из какого я эскадрона, точно ли взвесил порции? После моего ответа он сказал: «Идите, приму меры».

Уходя от полковника, прикидывал, что получу за это от своего командира эскадрона ротмистра Сабурова. Уже раскаивался в сделанном и думал, что было бы лучше эти порции снести именно ему. Угрызения совести усиливались еще потому, что знал — виноват в этом не командир, а вахмистр.

На другой день получил приказание явиться в землянку к командиру эскадрона. Мне было стыдно идти к нему, потому что знал, зачем меня вызывали. При моем приходе командир сидел за столиком, сделанным нашими руками, и курил. Пригласил меня сесть и после паузы сказал с укором:

— Зачем ты, Горбатов, обратился к командиру полка? Почему не принес эти порции мне? Неужели ты и другие солдаты думаете, что я мог воспользоваться вашими золотниками?

— Нет, мы так не думаем, но таков был приказ командира полка, — ответил я.

Пристально смотря на меня, он предложил папиросу, но тут же спохватился:

— Да ведь ты не куришь и не пьешь, но в карты часто играешь на деньги и не проигрываешь, значит, ты и не голодаешь. Ты, Горбатов, хороший солдат, мог бы быть еще лучше, если бы ты меньше гонялся за правдой, побольше думал бы о себе — и имел бы уже четыре креста! Брось ты эту привычку, она тебя до добра не доведет, но я вижу, ты раскаиваешься в своем поступке. Правда?

— Да, — ответил я.

Я вышел красный как рак: ведь ротмистр Сабуров был строг, но справедлив.

Там же, на реке Стоход, нас застала Февральская революция.

На второй день после вынужденного отречения царя Николая II от престола среди офицеров полка царила полная рас-

теряемость; они ходили один к другому, собирались группами, что-то горячо обсуждали. Были проведены совещания офицеров. Мы терялись в догадках: что же случилось?

Денщикам офицеров удавалось иногда услышать отдельные гневные реплики, вроде: «Все прогнило, все продажно, этого нужно было ожидать», «Бездарные правители, приведшие Россию на край пропасти...» и т. п. Все это немедленно доводилось до нашего сведения, и начинались всякие предположения.

Начальство молчало, а «солдатский вестник» работал, и скоро мы узнали об отречении царя от престола.

Нас интересовало отношение офицеров к этому событию. Через денщиков мы старались узнать настроение того или другого офицера, чтобы сделать свои выводы.

В своей среде солдаты горячо обсуждали это необыкновенное событие. Большинство считало: «Покончено с царем, значит, скоро будет покончено с войной»; меньшинство придерживалось мнения: «Как же будем жить без царя, нас теперь разобьют немцы!»

Среди нас были люди, которые разбирались в событиях, понимали, что к чему, и всеми силами старались разъяснить солдатам. Один из них был солдат Муравьев. Одним он терпеливо разъяснял, что без царя живут люди многих стран, живут лучше, чем мы. А тем, кто говорил: «Конец царю — конец войне», — отвечал: «И без царя война будет продолжаться, так как власть находится в руках Временного правительства, а оно состоит из крупных капиталистов, которые легко договариваются с капиталистами Англии и Франции. Вот если бы власть взяли в свои руки рабочие, тогда другое дело».

Официально об отречении от престола царя Николая II нам объявили через несколько дней, вероятно, ждали инструкций сверху, хотя мы уже знали многое.

Ввиду того что мы были «на передовой», нам объявляли по эскадронно.

Командир эскадрона Сабуров, к тому времени уже подполковник, каким-то несвойственным ему ласковым голосом объявил нам примерно следующее:

«Братцы солдаты, царь Николай II отрекся от престола за себя и своего сына в пользу своего брата Михаила Александровича, который когда-то командовал нашим полком.

Великий князь Михаил Александрович от престола тоже отказался. Сейчас трудно сказать, хорошо это или плохо для нашей

страны. У нас сейчас создано Временное правительство, которое состоит из людей умных, солидных. Главу правительства выберут из их числа. Все будет сделано для пользы и счастья нашего народа.

Нашей же задачей по-прежнему остается крепкая дисциплина, безоговорочное исполнение приказов начальства.

Армия должна подчиняться правительству, а солдаты — своим начальникам.

Будем вести войну до победного конца!

Да здравствует победа и почетный мир!»

Так до поры до времени и продолжалось. Воевали по-прежнему, но «победный конец» отодвигался все дальше, и его не было видно. Как раз вскоре после Февральской революции произошла трагедия на реке Стоход.

Наша кавалерийская дивизия стояла в обороне на восточном берегу реки Стоход. Река называлась Стоходом потому, что, протекая по широкой заболоченной долине, имела множество «ходов» — протоков.

Осенью 1916 года непосредственно левее нас была проведена операция по захвату плацдарма на западном берегу Стохода.

Ценой больших потерь был захвачен плацдарм небольшой глубины. Плацдарм оборонялся стрелковым корпусом в составе трех дивизий, из которых две всегда находились на плацдарме, а третья — на восточном берегу. Артиллерия дивизий также находилась на плацдарме, и только часть ее стояла на восточном берегу. Через долину реки были проложены три дороги с большим количеством мостов.

Немецкое командование боялось, что с этого плацдарма весной 1917 года мы перейдем в наступление, и решило ликвидировать его при первой возможности. Осуществление этой операции предполагалось во время весеннего паводка, когда вся долина реки будет залита водой.

Нашему командованию было известно о подготовке немцами такой операции, но о сроках ее никто не знал.

В конце марта вся долина реки была залита водой. Тревожное ожидание охватило войска: все ждали наступления немцев на плацдарм!

Однажды темной мартовской ночью (кажется, это было 24 марта) к войскам, расположенным на плацдарме, перебежал солдат.

Он оказался французом из Эльзас-Лотарингии. Будучи хорошо осведомленным о предполагаемых действиях немцев, сообщил: «Утром немецкие войска переходят в наступление с целью ликвидации захваченного вами плацдарма для обеспечения успешного наступления; сосредоточено большое количество артиллерии и доставлено много баллонов с ОВ».

Позднее нам стало известно, что ночью командование корпуса решало вопрос: верить ли сведениям, полученным от перебежчика, вводить ли третью дивизию на плацдарм для его удержания или выводить оттуда две дивизии?

Было решено: ввести третью дивизию на плацдарм. Удерживать его всеми способами и средствами.

Еще до рассвета третья дивизия корпуса была переведена на плацдарм, а с рассветом началась неслыханная нами до сих пор канонада!

Артиллерийская подготовка продолжалась долгое время, огонь велся одновременно по окопам на плацдарме, по всем местам, по артиллерии, включая стоящую на восточном берегу Стохода. За короткое время все мосты через реку были разрушены, так как большинство из них были хорошо видны противнику. К концу артподготовки были пушены отравляющие вещества (ОВ). Одна за другой три волны. Ветер благоприятствовал противнику. Вслед за волнами газа пошли в наступление плотные цепи пехоты противника.

Поскольку наши войска были предупреждены о наступлении заранее, они укрылись от артогня, вовремя использовали противогазы, полностью отбили атаки противника. Наши войска понесли сравнительно мало потерь. Проникнуть за наше провололочное заграждение противнику не удалось, хотя во многих местах оно сильно пострадало от артогня.

Противник, понеся большие потери, отошел в свои окопы.

После небольшого перерыва последовало повторение артиллерийской и газовой подготовки, а затем атака пехотой. На этот раз противнику удалось частично вклиниться в нашу оборону и занять первую линию окопов.

Противник снова понес большие потери, но большие потери были и у наших дивизий.

Противнику пришлось в третий раз использовать артподготовку, а затем повести наступление свежими силами.

Наша пехота, находившаяся на плацдарме, уже не могла оказать должного сопротивления. Длительное пребывание в проти-

вогазах без соответствующей подготовки вывело много людей из строя. Большинство наших артбатареи были подавлены и не могли поддержать пехоту артиллерийским огнем, а невозможность отхода через залитую водой долину привела наши войска к полному разгрому и захвату плацдарма противником. Часть отравляющих газов была занесена и на наши позиции, но вреда они не причинили, так как нами вовремя были надеты противогазы.

Таким образом противник занял плацдарм, а вместе с ним были потеряны три наших пехотных дивизии.

Не надо было иметь военного образования, чтобы понять, какое безграмотное, если не бездумное, решение было принято нашим командованием. Солдаты возмущались. Для меня же лично эта трагедия на реке Стоход стала в последующие годы, когда мне самому пришлось принимать решения, великим уроком.

Глава 3 **ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ**

В тесном кругу солдат было известно, что Муравьев является членом партии большевиков, да и сам он теперь не скрывал этого. Мы часто обращались к нему за разъяснением вопросов, которые были нам не совсем понятны: кто такие большевики, почему они так называются? Доступно и толково объяснял нам Муравьев, откуда взялось название «большевик», какие задачи ставит перед собой эта партия, как большевики ведут борьбу против богатых. От него я и другие наши товарищи по полку, такие же солдаты, впервые узнал о Ленине и о других революционерах, живущих интересами рабочих и крестьян, интересами будущих поколений.

Мы узнали, что Ленин за свои революционные идеи сидел в тюрьме, был в ссылке, скрывался за границей, теперь же вернулся в Петроград, чтобы бороться за власть трудящихся.

Сославшись на болезнь матери и тяжелое положение в семье, Муравьев отпросился у командира эскадрона в отпуск на неделю. На самом же деле ему надо было попасть в Петроград для ознакомления с обстановкой.

Вернувшись, Муравьев сообщил, что в Петрограде творится что-то невероятное. Во-первых, имеется две власти. Временное правительство и власть рабочих и солдатских Советов, где все

большее влияние приобретают ленинцы, что долго так быть не может и, наверное, буржуазия потерпит крах.

Не буду рассказывать о событиях этих месяцев, потому что мне пришлось бы повторить известное читателям из множества источников.

В начале октября 1917 года по неизвестным для солдат причинам наша дивизия была передислоцирована в район города Нарвы.

Ходили разные слухи по поводу нашего прибытия в этот район: одни говорили, что мы прибыли для борьбы с «большевистской крамолой» в Петрограде, другие — чтобы прикрыть Петроград от возможного наступления немецкой армии из Эстонии.

Здесь же было осуществлено выборное начало: вместо командира полка, полковника, был избран поручик, а командиром эскадрона — корнет.

Еще летом меня избрали в полковой комитет, вероятно, из-за хорошей боевой и товарищеской репутации, потому что в смысле политической сознательности я вряд ли был выше среднего уровня, хотя, конечно, общественные интересы у меня уже пробудились.

Когда наша дивизия находилась в районе Гатчины, а полк в районе станции Волосово, 26 октября было получено известие, что в Петрограде вся власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов под руководством большевиков. Это обрадовало подавляющее большинство солдат и привело в полное уныние и растерянность офицеров, даже тех, которые считали, что свержение царя — к лучшему.

Из Петрограда к нам в полк прибыли два товарища с важной информацией. Был объявлен митинг, на котором присутствовали солдаты и небольшая часть офицеров. Прибывшие товарищи информировали собравшихся о событиях, происходящих в Петрограде, накануне Октябрьской революции. Тайно от Временного правительства в Петроград вернулся В.И. Ленин.

25 октября (7 ноября по новому стилю) было свергнуто Временное правительство. Утром того же дня было опубликовано воззвание РКП (большевиков), в котором граждане России извещались о свержении буржуазной власти.

Члены Временного правительства были арестованы, и только одному А. Керенскому удалось бежать в автомобиле американского посольства.

Позднее до нас дошли слухи, что Красной гвардии пришлось отбивать наступление на Петроград воинских частей, вызванных Керенским с фронта, под командованием генерал-лейтенанта П. Н. Краснова. Эти войска были разбиты, часть из них перешла на сторону Красной гвардии, а часть разбежалась. Генерал Краснов со своим штабом был арестован, потом выпущен под честное слово, но нарушил слово, сбежал на юг и, опираясь на помощь Германии, сколотил армию и с небывалой жестокостью ликвидировал на Дону советскую власть. Поход Краснова на Поворино, Камышин, Царицын в конце 1918 — начале 1919 года потерпел крах. Не ужился он и с командованием Добровольческой армии. 19 февраля 1919 года Краснов уехал в Германию, где продолжал активную антисоветскую деятельность. В годы Второй мировой войны активно сотрудничал с гитлеровцами, захвачен советскими войсками и по приговору Верховного суда СССР был казнен...

К декабрю 1917 года власть в армии перешла к солдатским комитетам, а в Ставке — Военно-революционному комитету, но стихийно начавшаяся демобилизация армии продолжалась. Солдаты, уставшие от войны, обеспокоенные тяжелым материальным положением своих семей, уходили домой. Поговаривали о демобилизации и у нас в полку, но, на наше несчастье, мирные переговоры с Германией были прерваны, 18 февраля 1918 года немцы перешли в наступление.

На добровольческом принципе началось строительство Красной Армии. В феврале 1918 года, когда Красная Армия только начала создаваться, германские войска по всему фронту перешли в наступление, нанося главный удар на Петроград. 22 февраля было опубликовано декрет-воззвание Совета Народных Комиссаров «Социалистическое отечество в опасности». По этому призыву началась массовая запись в создаваемую Красную Армию. Готовились к наступлению на фронте и мы. Однако 3 марта 1918 года советская делегация подписала Брестский мирный договор. Со дня подписания этого договора, точнее, с 5 марта началась, в значительной мере стихийно, демобилизация российской армии, которая закончилась к апрелю 1918 года. Тогда же, 5 марта 1918 года, нам было объявлено о расформировании полков нашей дивизии и демобилизации личного состава. Трудно описать радость, с которой мы встретили эту новость!

Только солдат, прошедший по дорогам войны с ее первого дня, может понять наше ликование. Живы! Едем домой!

Мой путь домой лежал через Гатчину, Петроград, Москву. В мирное время в Петрограде я не бывал. Сейчас же меня поразила запущенность города: улицы очищались от снега только в самых необходимых местах, в окнах торчали трубы печек-временок, по вечерам город тонул во тьме. По утрам большие очереди стояли у булочных. Но в то же время город кипел небывалой энергией, в нем бурлила жизнь. Мне повезло: из Петрограда я выехал в Москву в классном вагоне, правда, все стекла были выбиты, и холодный ветер со снегом гулял как на улице, но все же это было прекрасно. Ведь многие ехали на крышах и буферах вагонов.

Наконец после пяти с половиной лет отсутствия я оказался в родном городе, с которым так много связано в моей жизни. С вешевым мешком за плечами и двумя свертками шагал по знакомым с детства улицам.

Война — всюду я видел ее отпечаток, хмурые лица, грязные улицы. Подходя к магазину Бобкова, в толпе столкнулся с Олей.

— Ой, Шура?! — воскликнула радостная Оля.

— Оля, здравствуй, вот не ожидал встретить!

— Ты жив, приехал совсем?

— Жив-здоров, еду домой, но надолго ли — не знаю. Одна война кончилась, другая началась. Сама видишь, время тревожное. Ну а как ты?

— У нас двое малышей. Муж дома, в армию не взяли, живем хорошо...

Встреча наша была очень короткой. Надеялись мы скоро встретиться, поговорить по душам.

Попрошались, обменявшись долгим взглядом, полным любви, и не думали в тот момент, что расстанемся навсегда, унося в сердце все еще большое, глубокое чувство.

Навестил я своего бывшего хозяина с хозяйкой. Сыновья, к их большой радости, вернулись с войны здоровыми.

Радость встречи с родителями и родными была омрачена известием о погибших на фронте моих двух братьях. Плакали от радости, что я вернулся, плакали и от горя. Родители сильно постарели, непосильная работа, вечные лишения, пережитые тяжелые годы оставили на них свой неизгладимый след.

Отец и мать переживали, что не могут встретить меня по праздничному. Кроме картошки, ничего нет.

Я успокоил их, сказав, что привез свой солдатский гостинец. Развязав свои свертки, вынул фунтов семь свиного сала, фун-

та четыре хлеба и около пяти фунтов сахару — все это досталось мне при дележке полкового склада. Преподнес все это матери, тем самым сгладил ее огорчения по поводу того, что ей было нечем меня угостить, кроме картошки.

Раскрыв вещевой мешок, вытряхнул подарки — ситец для матери и сестер. Не досталось ничего лишь отцу и младшему брату, а последний сообщил мне, что изрядно износил вещи, которые я оставил, уходя на военную службу.

Утром, осматривая хозяйство, видел, что если дом, надворные постройки и раньше требовали ремонта, то теперь пришли в полную негодность, а отец стар, младший брат — еще плохой работник, так что вся тяжесть хозяйства ляжет на меня. Нужно отремонтировать дом и надворные постройки, но больше всего беспокоило то, что идет весна, а семян для посева, кроме картошки, нет. Купить зерно негде, да и денег на покупку зерна не хватит — очень дорого просят.

Отец сказал, что соседи ездили в Казанскую губернию и привезли зерно, выменяв его на ситец. Вот если бы были деньги, можно было бы купить ситец в городе и съездить за семенами. Услышав это, мать и сестра сразу же предложили отдать тот ситец, что привез я. Но я этого делать не хотел. У меня после покупок осталась небольшая сумма денег, вот и решили купить в городе ситца. А тот, что я привез в подарок, забрать в том случае, если купленного не хватит. Сказано — сделано!

Моя «экспедиция» в Казанскую губернию за зерном длилась две недели. Много увидел я за время этой поездки!

Продовольственный кризис в стране нарастал. Хлеба не хватало. Люди метались с места на место в поисках необходимого продовольствия, создавая неразбериху на железных дорогах. Вокзалы, подъездные пути, привокзальные площадки — все было забито людьми с мешками, котомками, чемоданами, ожидающими отъезда. Места на каждый проходящий поезд брались буквально с боем. Перегрузка поездов была невероятная, тамбуры, подножки, крыши вагонов — все было занято.

С большим трудом удалось мне достать зерна на семена и хлеб. При поездке мне помогло удостоверение демобилизованного фронтовика. Оно обеспечивало не только бесплатный проезд, но и сохранность груза: чтобы пресечь спекуляцию, на дорогах работали заградотряды, отбиравшие провозимое продовольствие.

Дома все были рады моему успешному возвращению, а мать, развязав мешок и пересыпая в руках зерно, благодарила меня, радовалась, что вовремя успеет посеять.

Управившись с посевом, мы решили отремонтировать свой ветхий, покосившийся дом. Лес для ремонта получили бесплатно. Тяжело было с доставкой леса, но нам помогли соседи. Труднее было подвести под дом новые венцы, но и на этот раз мир оказался не без добрых людей!

Вскоре меня избрали членом волостного исполкома, а в связи с этим к работе на своем хозяйстве прибавилась хозяйственная и общественная работа в волости.

Как уже писал ранее, в годы детства и юношества я был очень набожным, часто молился с коленопреклонением и даже со слезой. Мне казалось, что в ряде случаев бог мне помогал. В то же время добрые люди говорили обо мне, что, мол, этот паренек имеет критический ум, любознательный, хочет видеть только своими глазами, слышать только своим ухом, то есть недоверчив.

Вернувшись после войны в деревню, узнал, что мощи святых, которых было двенадцать в соборе нашего губернского города Владимира, открыты для общего обозрения. Речь шла о тех мощах, перед которыми я два раза после возвращения с заработков в Рязанской губернии истово молился, стоя на коленях, один раз вместе с отцом, а другой раз самостоятельно.

У меня появилось желание поехать во Владимир и посмотреть мощи. У меня такой характер: уж если что захочу, не успокоюсь до тех пор, пока не осуществлю своего желания, тем более что Владимир от нас находился всего в 120 километрах. Итак, в один из осенних дней 1918 года я выехал во Владимир.

Сидя в поезде, вспоминал Владимирский кремль с высокой зубчатой стеной, богатый старинный собор, гробницы святых, рассказы о чудесных делах, святой жизни погребенных, о нетленности их тел, которые захоронены много десятков лет или веков тому назад и до настоящего времени якобы сохранили облик умерших.

Без былого чувства умиления и благоговения я вошел в собор, переполненный людьми, пришедшими не молиться, а посмотреть, как и я, на вскрытые мощи. Некоторые даже не сняли головного убора. Гробницы были раскрыты, а возле них на столах было выложено то, что скрывалось в гробницах годами и под

множеством покрывал, то, чему мы раньше поклонялись с такой верой и надеждой.

На столах лежало в лучшем случае подобие скелетов, в которых не хватало главных костей, а на других столах просто находились кучки костей. Присутствующим сообщили, что при вскрытии гробниц, кроме специально назначенной комиссии от рабочих, крестьян и интеллигенции, присутствовало множество народа.

На лицах, окружавших меня, я видел удивление и смущение. Много метких и острых замечаний слышал по адресу духовенства. «Как умело и долго дурачило оно народ», — говорили одни, а другие им вторили: «Попы дурачили бы народ и дальше, если бы не было Октябрьской революции!»

Возвращаясь домой, не мог отделаться от впечатления от всего виденного. Против моей воли всплывали передо мной кучки костей. Вспоминал то время, когда верил и усиленно молился; те случаи, когда сбывались мои незначительные желания, приписывал божескому милосердию, ставил ему обещанные свечки, часто на последние копейки. Вернувшись в деревню, много-много раз рассказывал о виденном и слышанном в соборе сначала в своей деревне, а потом и в других деревнях. Отец Михаил, священник Семеновский церкви, дважды просил моего глубоко верующего отца воздействовать на меня, чтобы я прекратил богохульство и не вводил бы верующих в искушение своими безбожными рассказами. Но ко мне обращались с множеством вопросов, интересовавших в то время народ: что за люди, которые пошли на такое дело, как свержение царя? Какая разница между Февральской и Октябрьской революциями? Кто такие большевики, эсеры? Что такое Антанта? Очень интересовался народ В.И. Лениным, его жизнью, работой, замыслами на будущее.

Я рассказывал людям все, что знал и видел, стараясь удовлетворить их любознательность.

Теперь, оглядываясь назад, понимаю, насколько упрощенно отвечал на некоторые вопросы, как часто предполагаемое выдавал за действительное.

Общественная работа в волисполкоме и волкомбеде захватывала меня целиком, мне казалось, что теперь самое важное — помогать строить новую жизнь, но все получилось иначе: я должен был идти защищать добытую, установленную народом власть.

В стране разгорелось пламя Гражданской войны, и я оказался одним из тех, кто должен был идти защищать добытую народом власть.

1919 год был годом больших испытаний для молодой Советской республики и ее Красной Армии. Антанта решила во что бы то ни стало уничтожить советскую власть в России весной 1919 года, пока она еще не укрепилась. Для выполнения этого решения белогвардейцам было передано в громадном количестве вооружение, снаряжение, обмундирование, продовольствие и деньги для снабжения армии. Был согласован план действий: армии Деникина и Колчака должны сначала соединиться на Волге, а затем обрушиться на Москву, Юденич — на Петроград, остальные интервенты — с севера на Вологду. Распределили роли: США должны обеспечить снабжение армии Колчака, а западноевропейские государства взяли на себя снабжение армий Деникина, Юденича и других.

В Красной Армии не хватало многого: вооружения, снаряжения, обмундирования, продовольствия и др. Я уже писал, что в 1915—1916 годах мы воевали, используя японские винтовки и патроны, ездили на канадских седлах, ходили в американских ботинках и т. д. Естественно, это снабжение прекратилось после Октябрьской революции. Не хватало военных кадров: взводами, полками, соединениями и даже некоторыми объединениями командовали те, кто были в царской армии младшими командирами (унтер-офицерами) и солдатами. Красная Армия уступала белым частям в численности, а драться приходилось на громадном фронте.

В армиях белогвардейцев был излишек в кадрах, многими полками командовали генералы, ряд полков состоял только из офицеров.

После возвращения из царской армии я находился в деревне; кроме работы в хозяйстве отца был занят в комитете бедноты и в волисполкоме. Стремился читать газеты, с жадностью ловил любую информацию. В то время, естественно, не мог знать планов Антанты, соотношения сил и обеспечения красных и белых. Но знал: что советская власть как в центре, так и на местах укрепляется, несмотря на массу встречающихся трудностей;

что немцы изгнаны с Украины и Красная Армия достигла ее южных границ; что многие солдаты интервентов отка-

зываются воевать против нас и требуют возвращения их на родину;

что VIII съезд Коммунистической партии принял решение по всем важнейшим вопросам, в том числе: о классовом составе Красной Армии, способе ее комплектования, подготовке военных кадров из рабочих и крестьянской бедноты и о руководящей роли партии в армии;

что фронт на западе стабилизировался, а Колчак за Волгой повернул вспять;

что в Венгрии образовалась советская власть, а в Германии происходит сильное революционное движение.

Все это радовало, восхищало и успокаивало; все же с большой тревогой следил за продвижением Деникина.

В это время раздался призыв партии ко всем рабочим и крестьянам: «Все силы Советской республики на борьбу с Деникиным, не приостанавливая наступления на Урале и в Сибири».

Об этом призыве партии к борьбе я узнал в городе Шуе. Вернувшись из города, сообщил родителям сначала радостную весть об успехах Красной Армии за Волгой, потом об угрозе Деникина и об обращении партии к рабочим и крестьянам, а в заключение твердо заявил: «Иду в Красную Армию».

Мать огорчилась, со слезами стала уговаривать: мы уже потеряли трех сыновей, пусть повоюют те, кто помоложе, кто не нюхал пороха, ты же воевал целых четыре года, а не был дома пять с половиной лет, тебе не стыдно побыть еще дома, а там, может быть, справятся без тебя. Сестры, естественно, помогали матери и со слезами на глазах умоляли меня не оставлять маму, помочь и им в их молодой жизни.

Слова и слезы близких моему сердцу произвели на меня впечатление и пробудили во мне жалость, а на другой день я и мои товарищи по деревне, бывшие участники войны с Германией, получили повестки: через два дня явиться в военкомат города Шуи.

Нас было четверо, мы поговорили друг с другом и, учитывая огорчения родных и недоделки по хозяйству, решили явиться не через два, а через семь дней. Страдания в семье уменьшились, но какая-то тяжесть легла мне на сердце. Особенно тяжело было в назначенный день явки. Я не находил себе места, а к вечеру был близок к тому, чтобы убежать в город. На третий день я заявил своим товарищам, что ухожу в армию, к моему мнению присоединился Николай Редков.

О своем бесповоротном мнении сообщил я родителям, снова раздалась причитания матери.

В это время больной отец лежал на лавке, молчал и лишь временами тяжело вздыхал. Наконец сказал:

— Перестаньте плакать и причитать. Санька воевал четыре года, и ничего с ним не случилось, бог даст, не случится и на этот раз. Ремонт дома почти закончен, Михаил у нас уже стал большой, не терзайте Санькино сердце, ему и так нелегко!

Распрощались с родными и знакомыми, вместе с Николаем Редковым направились в Шуйский военкомат, а потом были отправлены в город Кинешму.

Службу в Красной Армии начал с 1919 года красноармейцем, командовал взводом, эскадроном, а в боях с белополяками командовал полком и Отдельной Башкирской кавалерийской бригадой.

Если раньше, в царской армии, было лишь поговоркой: «Плох тот солдат, который не надеется быть генералом», то при советской власти в Красной Армии стала эта поговорка реальной возможностью.

В Красной Армии любой красноармеец, проявивший себя способным, волевым и преданным делу революции, может стать командиром и продвигаться вверх по командной линии, — так было со всеми командирами Красной Армии, так было и со мной.

За время войны Гражданской и с белополяками в моей жизни было много эпизодов, теперь кажущихся невероятными. Но к сожалению, никаких записей раньше мною не велось, времени прошло уже порядочно, многое забылось. Забылись фамилии отважных, прекрасных, преданных нашему общему делу людей, а потому при описании придется говорить лишь о тех случаях, которые еще сохранились в моей памяти.

Это было в августе 1919 года. Деникинцы наступали на Киев с юга, а петлюровцы с запада. Кавалерийский эскадрон Крепостного Киевского полка, в котором я служил, оборонял подступы к Киеву со стороны станции Бровары.

Сначала мы вели бой спешенными, а потом получили приказ атаковать залегшего перед нами противника в конном строю. Несмотря на то что наш эскадрон был малочисленным и это противоречило логике ведения боя, мы его атаковали. Да еще так удачно, что захватили позиции деникинцев и пленных.

В этом бою моего коня прострелили двумя пулями. Вместе с ним и я упал в тот момент, когда мы ворвались на позицию про-

тивника, и в том месте канавы, где находился белогвардеец, которого чуть не придавили. Лишившись коня, я снял с лошади седло, положил его на плечи захваченного пленного и заставил того идти в указанном мною направлении.

В то время потеря коня для кавалериста, да еще и седла, считалась большим несчастьем. За неимением запасных коней и седел это нередко кончалось тем, что кавалериста отправляли в пехоту. Но в этом бою у нас вышло из строя людей больше, чем лошадей, а потому к вечеру я получил другого коня, даже лучшего, чем имел.

На другой день был послан для связи с соседом, который, по нашему предположению, находился в лесу, левее нас, примерно в трех километрах. Командир сказал: «Сосед должен находить ся вон в том лесу или на его опушке».

Спокойно преодолел поле, к лесу подходил с большой остороженностью, а когда вошел в лес, то, тщательно прислушиваясь и присматриваясь, остановился, услышав песенку. Ее пел человек в гражданской одежде с винтовкой за плечами, с большим красным бантом на груди. На мой вопрос: «Где находится наша ближайшая пехота?» — «Идите по опушке леса, там увидите», — ответил идущий с бантом.

Проехав еще с полверсты, увидел человек 25—30 пехотинцев. Все они были в возбужденном состоянии, кричали и крепко ругались, а три человека возражали остальным. Винтовки у всех были за плечами; мне казалось, что они собираются куда-то идти и что-то не поделили. По мере моего приближения криков стало меньше и они стали тише, но все же было слышно: «А что ты нам сделаешь, пошел... без тебя обойдемся...» и т. п.

Я насторожился: не доходя до них шагов тридцать, остановился и спросил: «Вы такого-то полка?» Получил недружный, но утвердительный ответ. В то же время последовал встречный вопрос: «А что тебе надо?»

Не отвечая на их вопрос, спросил: кто из вас командир? Ответил тот, кому группа больше всего возражала и угрожала. Командир находился в центре группы, он попытался подойти ко мне, но несколько человек его грубо удержали. Мое подозрение, сложившееся на основании отдельных фраз, еще больше заставило меня насторожиться. В это время ко мне подошел один из «активных», взял мою лошадь за уздечку и предложил сойти с лошади.

Я понял все. Обнажив клинок, человеку, державшему мою лошадь, категорически приказал: «Оставь мою лошадь, отойди!!!» —

и взмахнул клинком с тем, чтобы опустить его на руку державшего лошадь. Крикун увернулся от удара, а я повернул лошадь и поскакал по опушке леса, сопровождаемый беспорядочными выстрелами. Возвращаясь к своим, думал: «Нужно же случиться такому, и всего лишь за два дня. Если бы вчера наша атака не увенчалась полным успехом, быть бы мне убитым или плененным, а что сулил мне сегодняшний случай?» Я еще не давал ему окончательной оценки и не предполагал, что он мог бы кончиться плачевно.

Вернувшись, доложил все подробно командиру, который одобрил мои действия. Наутро узнали, что от левого соседа, находящегося в лесу, взвод пехоты перешел к белым, убив своего командира.

Лишь после этой новости понял, что меня ожидало, если бы слез с лошади, подчинившись крикуну, или не заставил его отпустить уздечку. Надо вспомнить, что в те годы в Красную Армию проникали полууголовники, а то и прямо бандитские элементы, причинявшие народу много зла.

Когда мы отходили к Чернигову, в нашем эскадроне было много молодых рабочих, добровольно пришедших в армию, ранее в ней не служивших и потому плохо знавших военное дело, особенно конное. Они не умели как следует стрелять, рубить, ездить на коне, о строе и боевых порядках имели смутное представление, но успели уже познать «прелести» царизма и были готовы умереть за наше общее рабочее дело. Командир эскадрона, ранее служивший в пехоте, конное дело знал плохо. Он и политрук были людьми исключительной преданности делу революции, любое затишье между боями стремились использовать, чтобы научить своих подчиненных самому необходимому. Политрук болел за все, убеждал каждого в необходимости изучать военное дело, внушал уверенность в нашей победе.

Однажды командир эскадрона проводил с нами занятия и сделал перерыв. Оказавшись вместе с командиром в стороне от строя, я сказал ему, что обучать лучше не так, как обучает он, а как написано в кавалерийском уставе. Командир выслушал меня внимательно и потом сказал: «Я в коннице не служил, устава конного не знаю, после перерыва попробуй позаниматься, а я посмотрю, как у тебя получится!» Занятия повел я. Командир пристально следил за мной и по окончании сказал: «Учил хоро-

шо, впредь по конному делу заниматься будешь ты, а стрелковое дело возьму на себя». Вечером командир подозвал меня к себе и спросил: «Слушай, да ты не из этих... не из бывших?» — и, получив отрицательный ответ, успокоился. Это было в селе Ядуты.

Наш эскадрон под давлением превосходящих сил белых вынужден был оставить село Ядуты и отойти в соседнее село, что было в 700 метрах. Командир получил нагоняй от начальства с приказом вновь овладеть Ядугами. В то время я уже пользовался известным авторитетом у командира, и он сказал при мне:

— Как же нам быть?

— Сначала надо произвести разведку, узнать, сколько в селе белых, а потом решать вопрос о способе наступления, — ответил я и выразил желание произвести разведку.

Нас, желающих, оказалось трое. План был прост: кустарником, огибавшим село справа, выйти в его тыл и у работающих в поле крестьян узнать, сколько белых вошло в село. Без осложнений обошли село, вышли кустарником на его противоположную опушку. Оставив товарищей и свою лошадь, направился к работавшему неподалеку крестьянину и спросил: «Сколько белых в селе?» На что он ответил: «Дюже богато». Я называл цифры 100, 300, 500, и ответ был один: «Бильше, бильше».

Вернувшись к товарищам, поделился полученными сведениями. Мои товарищи решили, что этих сведений будет достаточно для командира эскадрона, чтобы не атаковать село одним эскадром. Но мне пришла в голову смелая мысль — проскочить село с тыла и лично убедиться, сколько это — «дюже богато», при этом, добавил я, «противник не успеет сделать и выстрела, как мы уже проскочим село». Несмотря на то что план был слишком рискованным, можно даже сказать бесшабашным, он был принят единогласно.

К селу мы подъехали шагом, потом перешли в рысь, по селу скакали галопом, с обнаженными клинками и громкими криками «ура!». Белых в селе было очень много: одни сидели около хат, другие группами ходили по широкой улице, но, увидев нас, несущихся по улице с обнаженными клинками как брызги от лаптей, разбегались во все стороны и скрывались в огородах и садах за хатами.

Мы рассчитывали, что нас примут за головных, атакующих село с тыла, и не посмеют сделать ни одного выстрела, — так и получилось.

Когда мы занимали это село, то командир нашего эскадрона размещался в доме священника. Мы были уверены, что и теперь в доме попа находятся офицеры или их штаб. Как говорится, аппетит приходит во время еды, у нас же, по-видимому, от успеха закружилась голова, и мы решили наш риск довести до максимума. Подскочив к дому священника, мы с Григорием соскочили с лошадей, бросив поводья Сереже, с обнаженными клинками заскочили в дом... и увидели лишь зады офицеров, удиравших в сад. Мы взяли по небольшому чемоданчику, а я прихватил еще револьвер, лежавший на столе.

Снова вскочили на лошадей и помчались по селу с криками «ура!», держа в левой руке поводья и чемодан, а в правой обнаженный клинок. Мы хорошо понимали, что основная опасность ожидает нас на окраине села (на выходе в нашу сторону), — белые, находящиеся в охране, всегда готовы к открытию огня. Но противник был так ошеломлен нашей выходкой, что, когда мы проскочили мостик через ручей на окраине, он не произвел ни одного выстрела! И только когда мы находились в 300 метрах от села, стали раздаваться сначала отдельные выстрелы, а потом был открыт пулеметный огонь.

Мы вернулись невредимыми, да еще с трофеями: двумя чемоданчиками и револьвером. В чемоданах оказалось белоснежное белье, которое было очень кстати: запасного белья у нас не было, и мы весьма страдали от насекомых. Револьвер, хотя и устаревшей системы, сохранял до 1938 года — он был памятью о молодости и нашей дерзкой выходке. Вскоре после нее я стал командовать взводом.

Наш эскадрон влился в кавалерийский полк 60-й стрелковой дивизии. Однажды полк наступал на одно село, но успеха не имел. Несколько командиров собралось на дороге около командира полка Акулова, обсуждая создавшееся положение. Уже стемнело. Вставал вопрос о ночевке: возвращаться назад было далеко, ночевать в поле холодно. Слышались предложения сделать еще одну попытку захватить село. Я предложил атаку села полком с фронта, а одним эскадронам атаковать во фланг. Командир полка, покуривая трубку, подошел ко мне, спросил: «А ты кто такой?» — «Командир взвода третьего эскадрона», — ответил я. «Так ты говоришь — эскадронам во фланг?» Я ответил утвердительно. Тогда командир сказал, что село будем атаковать снова через 1 час 30 минут. Готовьтесь! А обращаясь ко мне, добавил: «А ты попробуй со взводом обойти село

и ударить во фланг или с тыла, да наделай побольше шуму и стрельбы».

Село, о котором шла речь, имело одну улицу до церкви и две от нее, расходящиеся на юг и юго-восток. Путь отхода противника лежал на юг. Наш взвод атаковал ту часть села, которая ответвлялась на юго-восток. С шумом и стрельбой мы захватили первый десяток хат, теснили слабо сопротивлявшихся белогвардейцев к церкви.

Трудно сказать, сколь великую пользу оказал наш взвод в овладении селом, но с тех пор командир полка стал меня замечать, и вскоре я получил в командование эскадрон.

Во второй половине 1919 года советской власти вновь пришлось пережить горечь неудач. Войска Деникина подходили к Москве (уже был захвачен Орел), а полки Юденича были под Петроградом. Но в целом год закончился общей радостью — нашим успешным наступлением на всех фронтах.

Лично для меня конец 1919 года ознаменовался большим событием: я был принят в партию. В то время ничего не знал о марксизме, но знал хорошо, что Ленина глубоко ненавидят все богатые люди и их прихвостни; знал, что коммунист-большевик Ленин совершенно не жил для себя, а весь свой необыкновенный ум и способности, всю свою жизнь посвятил непрерывной борьбе с капитализмом, за улучшение жизни рабочих и бедняков, за создание светлого будущего для их поколений. Не трудно было сделать вывод, что идти нужно было только за Лениным и вместе с коммунистами.

Однажды в начале 1920 года, когда мы уже теснили белых на юг, от нас ушли в разведку семь всадников. Вернулось пять. Вернувшиеся рассказали: «К селу, что в девяти километрах, подходили с осторожностью. Высланные в дозор, вероятно, что-то заметили; повернув коней, поскакали обратно. В это время по ним был открыт огонь, и они свалились с коней один за другим. Пули также летели в нашу сторону, мы недолго думая поскакали назад. Отскочив за бугорок, спешили и минут тридцать следили за селом — не подойдут ли наши пешие или конные, но их не было, не выходил из села и противник».

На другой день кавалерийский полк 60-й стрелковой дивизии после непродолжительного боя занял это село. От жителей узнали, что у наших дозорных подстрелили лошадей, а после этого захватили и их самих. Захваченных сильно били, все спрашивали, какой части, сколько у нас конницы, кто команду-

ет. Но они ничего не сказали. Когда белые кавалеристы отходили, а их было человек пятьдесят, то оба захваченные были посажены на лошадей, в крови и без сапог. Так босыми ногами и опирались на железные стремяна, хотя мороз был значительным, не менее 15—18 градусов.

За следующее село разгорелся сильный бой, овладели им после того, как один из наших эскадронов ударил с фланга, когда было уже темно. В середине села, у перекрестка дорог, у высокого креста увидели повешенных на дереве двух наших кавалеристов. У обоих на обнаженном теле — на груди и спинах — были вырезаны пятиконечные звезды.

Эскадрон, которым я командовал, был размещен на ночевку в этом же селе, на южной окраине. На нас было возложено охранение этого направления. Нами был выставлен полевой караул в сторону противника, на дороге. Поздно вечером начальник караула привел ко мне крестьянина, ехавшего со стороны противника. Из расспросов крестьянина выяснилось: находившиеся до нас в этом селе белые забрали у крестьян зерно, погрузили его на пятьдесят подвод и приказали вести его вслед за ними; крестьянин является одним из тех пятидесяти подводчиков, которые в данное время находятся на постоялом дворе в семи километрах отсюда. Подводы конвоировали пять белых конных, которые два часа тому назад ушли на юг и приказали, чтобы подводы на рассвете выехали на юг в указанный ими пункт. «Если же этот приказ не будет выполнен, — добавили они, — то вам будет плохо от тех, кто отступает за нами». Через час после ухода кавалеристов крестьяне-подводчики решили послать задержанного нами крестьянина в свое село, чтобы выяснить, имеются ли там белые или, может быть, пришли красные.

Хозяин той хаты, где я остановился, подтвердил, что все сказанное крестьянином — правда.

Обо всем этом я немедленно доложил командиру полка, выразив желание поехать на постоялый двор и вернуть подводы с хлебом. Согласие командира было получено, но с предупреждением быть весьма осторожным, чтобы не попасть в лапы врага и не разделить судьбу двух погибших разведчиков. Быстро собрался, взял с собой двух красноармейцев — одного пешего, а другого конного. Мы с пешим сели в сани крестьянина, а конный должен был ехать впереди в трехстах шагах от нас и при малейшей подозрительности предупредить нас окликом или выстрелом, чтобы мы успели повернуть лошадь назад.

Ночь была морозная и ясная, лишь изредка луна скрывалась за облаками, так что мы почти все время видели нашего конного. Проехав около трех верст, мы оказались около хутора. Подождав, пока конный осмотрел хаты, снова двинулись в путь. Через час крестьянин обратил наше внимание на силуэты высоких деревьев. «Это и есть постоянный двор», — сказал он. Подъехали к постоянному двору, я приказал сидевшему в санях красноармейцу повернуть лошадь в обратную сторону, проехать метров сто пятьдесят, оставаться там и внимательно смотреть; при появлении противника стрелять. Конного оставил у постоянного двора, а сам с крестьянином вошел в большой открытый двор. Тишина во дворе нарушалась лишь лошадьми, пережевывающими сено.

Мы вошли в большой приземистый дом. Там слышался дружный храп спящих. Стуком приклада винтовки об пол я разбудил спавших, у хозяина спросил: «Есть ли здесь красные?» — «Нет», — последовал ответ. «А белые?» — «Тоже нет». Тогда я предложил зажечь свет, ибо предыдущий разговор происходил в темноте. Пока хозяин зажигал масленку, все уже проснулись. Тогда я объявил крестьянам, что в их село пришли красные, что они могут запрягать лошадей и везти зерно обратно в свое село. Крестьяне, по-видимому, не поверили, считая это провокацией; одни продолжали лежать, другие, почесываясь, сидели на полу, но никто не двигался. Только когда мои слова подтвердил стоящий рядом со мной крестьянин, посылавшийся к нам, тогда все быстро вскочили и бросились во двор. Начали спешно запрягать лошадей. Приказав своему конному, стоящему у ворот, поторапливать крестьян, сам отправился к красноармейцу, находящемуся в санях. Подойдя, узнал, что все благополучно, и в тот же момент увидел, как из-за постоянного двора начали выбегать на дорогу вооруженные люди, примерно человек двадцать пять. Вот тут-то мы почувствовали свою полную обреченность: ехать на санях в сторону противника бесполезно, свернуть с дороги из-за глубокого снега не представлялось возможным, а во дворе в это время воцарилась полная тишина.

Группа вооруженных направилась к нам, я тоже пошел им навстречу, спрашивая, кто они. «Подойдем — скажем», — услышали мы в ответ. Вмиг я был окружен, острия штыков были направлены в меня. Теперь уже не я, а они спрашивали: «Кто ты?» Мне мгновенно вспомнились два повешенных разведчика; ясно представил себе, что нам придется перетерпеть более худшее. На

их вопросы, полные злости, смело ответил: «Я — красный командир». С их стороны раздались злобные, насмешливые крики. «Так ты красный командир? Так красный, говоришь?» Эти секунды показались мне часами.

В это время красноармеец с саней крикнул: «Товарищ командир, кто это?» Одни из окружавших меня все так же злобно спрашивали: «Так кто же ты?» Другие зажигали спички и подносили их к моей шапке. Я вновь ответил, что я красный командир. Под освещением нескольких спичек блеснула красная звезда на моей шапке, а вместе с этим радостные возгласы: «Так это действительно красный командир». Мой страх сменился необыкновенной радостью, а они все бросились ко мне с объятиями, целовали лицо, голову, даже шинель. Они оказались красными партизанами. Обоюдная радость была так велика, что ее нельзя описать.

На дворе снова зашумели, ворота заскрипели, распахнулись, под общий радостный говор подводы стали выезжать на север, а из-за двора партизаны тащили двух баранов и ведро меду и с дружеским приветом положили к нам в сани — в подарок.

Часа через полтора мы все были в своем селе, а наутро партизаны изъявили желание зачислиться в наш полк. Из возвращенного хлеба, с согласия крестьян, часть муки взяли для нужд полка, а зерно полностью вернули крестьянам.

После этого случая продолжали успешное продвижение к городу Кременчугу, почти в каждом населенном пункте находили то одного, то двух повешенных бедняков, а в одном селе вынули из петель семь человек; у каждого на груди была повешена фанерная дощечка с надписью: «Он грабил помещика».

Так мы наступали до Кременчуга, а по овладении им наш кавполк был переброшен в район Нежина, где из отдельных полков была сформирована 17-я кавалерийская дивизия, которая вошла в состав Юго-Западного фронта. Все полки получили новую нумерацию. Вновь сформированной дивизии предстояла напряженная работа.

К весне 1920 года почти вся территория России была освобождена, но в Крыму еще хозяйничал Врангель; на западе — поляки и интервенты; на Дальнем Востоке — интервенты и банды, в Средней Азии — басмачи, да на Кавказе сохранились марионеточные правительства.

США, Англия и Франция не могли мириться с провалом своих усилий и пророчеств. В качестве новой вооруженной силы они готовили к авантюрам помещичью Польшу.

В конце 1919 и в начале 1920 года буржуазно-помещичьей Польше империалистические государства оказывали значительную военную и финансовую помощь. Особенно большой была военная помощь США¹.

К началу апреля 1920 года белопольская армия, насчитывающая 738 тысяч человек, была полностью укомплектована и оснащена всем необходимым для ведения боевых действий. В Польшу из США было доставлено 20 тысяч пулеметов, свыше 200 танков, более 300 самолетов, 3 миллиона комплектов обмундирования, 4 миллиона пар солдатских ботинок, медикаменты и различное военное имущество на общую сумму 1,7 миллиарда долларов. Вооружение и обмундирование для польской армии шли также из Франции и Англии. Так, Франция передала Польше из своих военных запасов 2 тысячи орудий, 3 тысячи пулеметов, 560 тысяч винтовок, 300 самолетов.

25 апреля под непосредственным командованием генерала Пилсудского между Припятью и Днестром началось наступление белопольских войск. Главный удар поляки нанесли на киевском направлении, имея почти трехкратное превосходство в силах и средствах. При содействии войск Врангеля и петлюровцев польские милитаристы планировали молниеносным ударом разгромить Красную Армию и победоносно закончить войну.

Под натиском противника соединения 12-й советской армии и правого фланга 14-й армии с ожесточенными боями отходили на восток. 26 апреля был захвачен Житомир и Коростень, была создана серьезная угроза Киеву. По приказу командующего войсками 12-й армии С.А. Меженинова, бывшего офицера, выпускника Академии Генштаба, в феврале 1920 года под Житомиром формируется 17-я кавалерийская дивизия.

В апреле 1920 года в составе этой дивизии наш 100-й кавалерийский полк был переброшен в район восточнее Новоград-Волынского. Эскадрон под моим командованием занимал район деревни Клара, село и железнодорожную станцию Андреевичи. Вначале казалось, что, совершив провокационное нападение, интервенты остановятся. Но они продолжали наступать, втягивая нас в войну. Мой эскадрон под напором противника оставил село и железнодорожную станцию Андреевичи, был вынужден отойти в деревню Катюху.

Мне казалось, что наша 17-я кавалерийская дивизия сможет восстановить свое положение, и я был очень рад, когда наш командир полка обратился ко мне с просьбой подыскать проводника, хорошо знающего этот лесной район. У меня на примете был близкий мне человек, который ранее сам высказывал подобное желание, но он находился в селе Андреевичи, захваченном белополяками. Я изъявил желание пойти и привести его, чтобы использовать его знания. Командир полка обратил мое внимание на сложность и опасность этого мероприятия, поскольку Андреевичи находились в семи километрах, в тылу противника, но, подумав, все же согласился.

В следующую ночь я с одним красноармейцем отправился в путь. Ночь была светлая. Небольшой мороз. Шли лесом без дорог, по просекам и азимуту. Расстояние в семь километров прошли за два с половиной часа. Вышли на опушку леса и в полуверсте увидели село, ближе на бугорке возле дороги стояла мельница. Решили дальше идти ложиной. Когда мы очутились в двухстах шагах правее мельницы, заметили около нее двух часовых. Это было польское охранение.

В селе — ни звука. Лишь редкий лай собак да пение петухов нарушало молчание. Мы должны были выйти к церкви, так как неподалеку от нее проживал нужный нам человек. В некоторых хатах, что с виду были получше других, горел тусклый огонек. Заглянув в окно одной из них, увидел спящих на полу солдат. Незаметно мы подошли к нужному нам домику и тихо постучали в окно. Только после третьего раза услышали шушуканье, но никто не откликнулся. Наконец мужской голос из хаты спросил: «Что надо?» Назвав его по имени, сказал свою фамилию, просил пустить в хату. Снова пауза, потом слышали тихий разговор, вздох, и вот дверь открылась: шепотом было сказано: «Войдите». Я вошел, а красноармейца оставил у двери в укрытии. Когда объяснил причину своего прихода, предложив ему пойти с нами в деревню Катюху, его жена заплакала и запричитала: «Как это можно идти в ту сторону! Не пушу, не пушу!» Муж ее долго молчал, потом уговаривал и, наконец, сказал: «Хорошо, пойдем, а ты, жена, не плачь. Я скоро вернусь». Мы стали прощаться. Я сказал, что мужу ее дадим хорошего рабочего коня, но она снова схватила мужа за шею и, горько плача, все повторяла: «Не пушу, не пушу». Я уже начал опасаться, что муж раздумает, но он коротко сказал: «Если будут спрашивать, скажи, ушел покупать лошадь, да запри за нами дверь», — и мы вышли.

Через два часа мы были в деревне Катюхе. Наши предложения были внимательно выслушаны командиром полка и доложены начальнику дивизии В.И. Матузенко и военкому А.К. Ильюшину. Через двое суток дивизия выступила двумя колоннами. Наша колонна из двух полков, пользуясь указаниями моего знакомого проводника, лесными дорогами удачно прошла в тыл противника и уничтожила небольшой гарнизон в деревне, но выстрелы разбудили противника в соседних деревнях. В следующей деревне мы были встречены огнем, в то же время противник оказался за нашим правым флангом, а позади нас через болотистую долину тянулась гать, на которой остановился наш обоз на полозьях и на колесах.

Бой затянулся. Противник, получив подкрепление, стал нас теснить к гати. Положение признавалось критическим. Я предложил командиру полка послать в тыл врага один-два эскадрона, чтобы отвлечь его внимание, а тем временем очистить от обоза гать и обеспечить себе отход. Командиры полка и начальник дивизии этот план одобрили и дали под мое командование еще эскадрон.

Используя перелески, мы обошли фланг пехоты противника и пошли по тылам его наступающих войск. Противник почувствовал наше появление в своем тылу, болезненно на это среагировал и не только прекратил наступление, но повернул главные силы на запад против нас, скачущих по его тылам. Наше положение было исключительно тяжелым: мы скакали узкой, растянувшейся колонной по дорожке, у которой с обеих сторон тянулись жердевые заборы. Противник, наступая на нас, обстреливал справа во фланг с расстояния до 500 шагов. Я повернул голову вправо, чтобы посмотреть на скачущих за мной, и, увидев лишь небольшое количество, подумал: где же остальные? В тот же момент почувствовал сильный удар в голову, а вслед за этим потекла кровь из уха и по щеке. Я даже не заметил, как выпал клинок из моей руки. Я только понял, что ранен в голову, что могу скоро потерять сознание. Грязной полкой шинели закрыл ухо и щеку, но продолжал скакать. Мне казалось, что моя жизнь ограничена минутами, и, как ни странно, в этот момент не думал ни о себе, ни о близких моему сердцу, а думал о тех, кто скачет вслед за мной, считая, что без меня они не выберутся из тыла противника, а погибнут так же, как и я. Первой моей заботой было спасти их; тем, кто скакал ближе ко мне, громко сказал: «Видите впереди высокие деревья? Скачите до

них, круто поверните направо и держитесь на восток — выйдете к своим». После этого на душе стало легче, что успел их предупредить. Ко мне подсказали двое красноармейцев, готовые подхватить меня, если будет плохо. Вот мы у группы деревьев, но я держусь еще на коне, хотя силы меня покидали. Нас уже перестали обстреливать, мне помогли сойти с лошади, сделали примитивную повязку, и мы стали поджидать отставших.

Выслали дозор по нашему пути и тронулись на восток и через три часа присоединились к своим. Возвращаясь, был озабочен большими потерями из скакавших за мной двух эскадронов, ругал себя за то, что не отпустил вовремя проводника и не дал ему обещанную лошадь. Когда подъехал к командиру полка, в первую очередь спросил о проводнике. Командир ответил, что проводник вместе с обещанной лошадью отпущен домой. Потом я доложил о своих действиях и больших потерях. Тут же узнал, что временно подчиненный мне эскадрон и часть нашего эскадрона вернулись обратно ввиду сильного обстрела белополяков и уже более часа находились в полку. Командир полка сообщил, что наш удар по тылам был весьма удачным: поляки, почувствовав нас в своем тылу, больше не наступали, и мы получили возможность спокойно отойти. Потерь в двух эскадронах было: один убитый, пять раненых, в том числе я. Мое ранение оказалось сквозным: входное отверстие находилось в правой щеке ниже глаза, а выходное пришлось за ухом, но самочувствие было хорошее, если бы не большая потеря крови.

Лежа на госпитальной койке, много раз возвращался к моменту ранения, размышляя о своем поведении и самочувствии, в то же время задавал себе вопросы и искал на них ответы. Например:

Считая себя обреченным, ожидая смерти через несколько минут, почему не испытывал сожаления по поводу расставания с жизнью и почему не боялся встретить смерть?

Почему, ожидая смерти, думал сначала о двух полках — смогли ли они уйти через гать, потом была забота о тех, кто скачет за мной и как они выйдут без меня к своим, но не вспомнил в этот момент о родителях и дорогих моему сердцу людях?

На первый вопрос у меня был ответ: «Потому что погибал я один во имя спасения многих».

Второй вопрос объяснял тем, что в бою самыми близкими являются отдающие и готовые отдать свою жизнь за Родину, за наше общее дело, а ими являются товарищи по оружию.

Такие ответы давали удовлетворение, и я чувствовал появление ростков чего-то нового в своем мировоззрении. Думал о В.И. Ленине, думы и заботы которого посвящены всем нам, стало быть, и я начинаю мыслить в интересах не только личных, а и в интересах окружающих меня. Было отрадно сознавать, что я, Санька Горбатов, — коммунист.

Лечение в житомирском госпитале продлилось 14 дней, и 1 мая я вернулся в свой 100-й кавалерийский полк, который находился в селе Каменный Брод, юго-восточнее Новоград-Волынского.

Между тем в конце апреля поляки вновь перешли в наступление и вклинились в нашу территорию, 28 апреля заняв Жмеринку, а на следующий день — Винницу.

Под натиском превосходящих сил противника соединения 12-й армии и правого фланга 14-й армии (командующий И.П. Уборевич), оказывая упорное сопротивление, начали отходить на восток. Ряд полков 17-й кавалерийской дивизии и 58-й стрелковой дивизии оказались отрезанными, потеряли связь со штабами дивизий и были вынуждены драться и отходить, не зная обстановки.

Большая часть нашего полка отходила южнее шоссе на Житомир. Ведя бой, мы задержались больше чем нужно и на подходе к реке Тетерев, юго-западнее Житомира, встретились уже с огнем пехоты поляков, находившейся на восточном берегу реки фронтом на запад. Река Тетерев не глубокая, но с обрывистыми берегами, труднопроходимая для конницы. Мы не стали прорываться здесь на восток; зная, что другие полки нашей кавалерийской дивизии отходят севернее шоссе, решили перейти шоссе западнее Житомира.

Повернули лесной дорогой на север. Пересекая шоссе, идущее на Новоград-Волынский, услышали стрельбу в Житомире и увидели обоз противника в количестве 33 повозок, идущий к Житомиру, и захватили его. Пройдя по лесу около четырех верст, сделали привал у ручья. Наши кавалеристы использовали привал не только для отдыха и кормежки лошадей, но и для того, чтобы пополнить свои запасы за счет присланного Польше из США. Интересно было наблюдать, как американские галеты, консервы и другое со смехом и радостью перекладывалось нашими кавалеристами в переметные сумы своих седел.

После привала прошли на север еще верст шесть-семь, услышали сильную перестрелку на востоке. Решили ударить по про-

тивнику с тыла, тем помочь нашим. Атаковав противника, соединились с одним из стрелковых полков 58-й дивизии, взяв при этом более 40 пленных, 66 рослых и хорошо упитанных лошадей, десятка три повозок, большой запас продовольствия и много обмундирования.

Вскоре под давлением противника нам пришлось отходить на Киев севернее шоссе.

На киевском направлении наступала многочисленная и хорошо оснащенная 3-я армия белополяков, а против нее на широком пространстве между железными дорогами, идущими из Киева на Коростень и Бердичев, у нас находились лишь две стрелковые и одна кавалерийская дивизии. Противник в пять раз превосходил нас силами.

Несмотря на проявленное нами упорство и героизм, мы вынуждены были отходить под ударами противника. Учитывая, что на этом участке фронта противник имел большое превосходство в силах и средствах, и в целях сохранения своих сил Реввоенсовет Юго-Западного фронта приказал командующему 12-й армией С.А. Меженинову оставить Киев и отойти за Днепр.

6 мая с болью в сердцах мы оставляли Киев. Трудно было объяснять красноармейцам; почему не успели или пожалели мы взорвать украшающий город цепной мост через Днепр. Интервенты, используя свое превосходство, захватили невзорванные мосты и мощный железнодорожный узел Дарница. Они намеревались продолжать свое наступление, но в Дарницких лесах получили такое мощное сопротивление, что застряли в них и не могли занять Бровары и Борисполь.

После отхода за Днепр 17-я кавалерийская дивизия была расформирована, из нее были сформированы два кавалерийских полка и переданы один в 7-ю стрелковую, а другой — в 58-ю стрелковую дивизии. Я был назначен заместителем командира кавалерийского полка 58-й стрелковой дивизии, но фактически им командовал, поскольку командир полка длительное время болел. Наш полк оборонял восточный берег Днепра южнее Дарницы, почти до Триполья.

В первые июньские дни, когда Первая Конная армия под командованием С.М. Буденного и Фастовская группа войск, ведомая И.Э. Якиром, перешли в наступление на правобережье, а Днепр был форсирован севернее Киева 7-й стрелковой дивизией и Башкирской кавалерийской бригадой, наш кавполк по-

лучил приказ командира 58-й стрелковой дивизии П.Е. Княгницкого форсировать Днепр между Киевом и Трипольем.

Долина реки в этом районе была шириной до трех верст, поросла кустарником, ее пересекало множество протоков, наполненных вешней водой. Западный берег реки был командным.

С комиссаром полка Шумиловым, начальником штаба и командирами эскадронов отправились на рекогносцировку реки. Проехали по берегу, пришли к единому мнению — форсировать реку в конном строю невозможно из-за быстрого течения, не говоря о том, что за рекой надо будет преодолевать протоки, и полк после ее преодоления утратит боеспособность.

Наше мнение было донесено командиру дивизии. Последовал короткий, но ясный ответ: «Под страхом расстрела командиры полка реку форсировать. *Княгницкий*».

Снова выехали к реке и еще больше утвердились в своем первом мнении, но приказ есть приказ!

Что же делать? Как выходить из положения? Когда-то я переплывал у Кинешмы Волгу. Конь у меня превосходный, меня понимал, мы любили друг друга, и я решил сделать пробу на себе и своем коне. Уж если мне не удастся переплыть, то другим тем более будет не по силам. «Если потону, — думал я, — некого будет и расстреливать, но остальных спасу от верной гибели». Место форсирования было выбрано там, где ширина реки была примерно метров четыреста, а в трехстах метрах из воды выступала длинная песчаная коса, на которой можно сделать передышку. Я решил плыть налегке: разделся донага, с коня снял седло. Смело вошел в воду, и как только конь, потеряв землю, поплыл, я спустился с него, левой рукой держался за гриву, а правой направлял его движения. Отплыли метров двадцать, очутились в настоящем водовороте: на воде вились воронки. Коня течением отбросило, он поплыл против течения, сильно забив передними ногами. Опасаясь быть ушибленным, я отпустил повод. Воспользовавшись этим, он поплыл к своему берегу, а выйдя на него, отряхиваясь, заржал от горя, что потерял меня, или от радости, что спасся, выбрался из водоворота.

Поплыву на правый берег, решил я, посмотрю своими глазами, что он и прилегающая к нему местность из себя представляют.

Весной того года я еще ни разу не купался и плыл первый раз, вода была довольно прохладной, вероятно, не превышала 17—18 градусов. Температура воды и желание попасть на пес-

чаный остров для передышки заставляли меня усиленно работать руками и ногами. При малейшей попытке дать отдых рукам меня быстро относило вниз по течению.

Чтобы сделать передышку на песчаной косе, я опустил в воду метров на триста выше острова, но просчитался, не учел столь быстрого течения. Не проплыл я и половины расстояния, как поравнялся уже с головной частью песчаной косы. Меня начал вдвойне пробирать холод от температуры воды и от боязни не попасть на остров. Но чем усиленней работал руками, тем быстрее проносился мимо песчаной косы. Вот поравнялся уже с концом острова, а до него более полсотни метров. Меня охватил страх: на остров уже не попадаю, а до берега не доплыву, потому что выбился из сил совершенно, и к тому же одну ногу начала сводить судорога, которой раньше никогда не испытывал. Трудно описать то безнадежное состояние, которое я пережил в тот момент.

Смерть... Сколько раз за свою жизнь думали и говорили: «Родимся для того, чтобы умереть», «Смерти никому не миновать» или «Наступит когда-то и наш конец». С этой мыслью как бы смиряешься и нередко спокойно рисуешь в своем воображении момент, когда наступит последний вздох.

Но другое дело, когда возможность смерти оказалась так близко... Трудно сказать, сколько секунд-минут длилось мое необычно тяжелое переживание, когда исчезала последняя надежда — песчаная коса. Оглядываясь, видел своих товарищей, которые шли по берегу, они держались на моем уровне и, конечно, не знали о моих предсмертных мучениях и переживаниях; видел ярко сияющее солнце и кустарник на том берегу. Я слышал какие-то крики с берега, но не мог понять, что они означают, оглядывался на берег и сам невнятно кричал: «Прощайте, прощайте!» Вопреки своей неизменной уверенности, что на войне меня не убьют, не ранят, что буду жить долго, пришло сознание того, что погибаю глупо и рано в свои 29 лет, даже не узнав, прогонят ли поляков с родной земли. Мелькнула мысль и о многострадальных родителях, которые уже лишились троих сыновей, а теперь будут оплакивать меня, четвертого.

Чувствовал, как последние силы меня покидают, и все же продолжал редкие взмахи руками. Еще и еще взмах... Последний прощальный взгляд на берег, солнце — и стал опускаться на дно...

О радость! Мои ноги коснулись песчаного дна, а вода не закрыла рта: под водой тянулась песчаная отмель косы. Как толь-

ко мои ноги коснулись земли, ни с чем не сравнимая боль от судороги стала утихать, и, хромая, я пошел в сторону песчаного острова, находившегося не более чем в ста шагах, а дойдя до него, повалился на согретый солнцем песок.

Трудно сказать, сколько времени пролежал, раздумывая о том, что все могло кончиться очень плохо: если бы сил осталось чуть больше, то я опустился бы на дно ниже подводной косы на несколько метров. Тогда, наверное, вода закрыла бы не только рот, но и мою голову. Сердце радостно билось от сознания, что жив. Чувствуя возвращение сил, все-таки решил не плыть к западному берегу, до которого было менее двухсот метров, а возвращаться к полку. Невнятные выкрики товарищей с нашего берега заставили меня оглядеться, и я увидел, что они, размахивая руками, показывали вниз по течению, в сторону Триполья. Присмотревшись в том направлении, увидел сначала дымок, а потом и броневой катер поляков, который поднимался к нам. К этому времени я уже отдохнул, согрелся и мог плыть обратно.

На этот раз я находился в более выгодных условиях — берег все время был перед глазами, он не скроется, как песчаный остров. Я плыл спокойно вполоборота по течению, экономя силы. К моему удивлению, доплыв до своего берега, чувствовал еще их запас.

Быстро одевшись, я скрылся в зарослях. Поляки сошли на берег и открыли из пулемета стрельбу по кустам, но без результата. Через короткое время катер ушел в Триполье, а я детально доложил командиру дивизии обо всем случившемся на реке, и он больше не настаивал на выполнении своего приказа.

Через несколько дней мы в пешем строю вместе с 58-й стрелковой дивизией наступали вверх по реке против поляков, занимавших поселок Дарница. Противник начал отходить, а мы преследовали его уже в конном строю. Мы спешили к красавцу Киевскому цепному мосту, чтобы захватить его целым. Во время Гражданской войны краскомы считали правилом: при отступлении отходить последними, а при наступлении идти впереди. Правило это я выполнял добросовестно, да и могло ли быть иначе.

Атака была яростной, но рубили только оказывавших сопротивление. Обгоняя отступавших поляков, мы спешили к мосту. Расстояние все уменьшалось. Вот он в двухстах, ста, пятидесяти метрах от нас. Было видно, что мост на всем протяжении за-

бит отступающими поляками. И когда уже мы были метрах в двадцати от моста, его подорвали. С грохотом мост медленно, вместе с людьми, скрылся в воде. Мы жалели красивый мост и благодарили судьбу, что опоздали на какие-то секунды въехать на него и не оказались вместе с поляками в Днепре! Вскоре мы форсировали Днепр, освободили Киев и преследовали противника в направлении Коростень, Емельчино, Степань, Колки, Ковель, Грубешов, и при этом были форсированы реки Случь, Горынь, Стырь, Стоход и Западный Буг.

После взятия нами Коростеня конница в составе Отдельной Башкирской кавалерийской бригады 2-го Доно-Кубанского полка и кавполков 58-й и 7-й стрелковых дивизий была объединена в кавалерийскую группу, которую возглавил А.Г. Голиков, молодой и способный начальник 7-й стрелковой дивизии. Влившиеся в конную группу красноармейцы и командиры с восхищением рассказывали о воинском мастерстве и личной храбрости своего начдива в районе Емельчино, Новоград-Волынского, и особенно когда войска оказывались в окружении. За выход из окружения в апреле 1920 года дивизия была награждена Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК.

Мне было приказано вступить в должность командира 2-го Доно-Кубанского кавалерийского полка. Должность заместителя командира полка я считал для себя высокой, но она ограничивала самостоятельность. Мне больше нравилась работа командира эскадрона, дававшая свободу действиям. Получив в командование полк, был, конечно, рад, но в то же время испытывал опасение: справлюсь ли?

Доно-Кубанский полк я немного знал по конной группе. Знал и то, что многие из людей полка воевали прежде против Красной Армии. Помнится, в кавалерийском полку 58-й стрелковой дивизии мне крайне не нравилось грубое отношение некоторых казаков к крестьянам, их бесшабашность и пренебрежение к засеянным полям. Они чувствовали себя кавалерийской элитой. Даже командир полка, если он не казак, был для них как бы чужим человеком.

Командование полком началось с курьеза. В первую ночь по приезде в полк у меня из-под головы украли сапоги. Пришлось пробыть босым около пяти часов, пока ординарец не привез другие от комиссара кавполка 58-й стрелковой дивизии Шумилова — прекрасного товарища, с которым незадолго до того

с грустью расстался. Пока я командовал полком, было несколько эпизодов, когда жизнь висела на волоске.

Однажды выехал в головную походную заставу полка, которая, преодолев слабое сопротивление противника, захватила большое село. Застава выступила из села вслед за отошедшим противником, а я остался в селе, поджидая полк. Проезжая по селу, неожиданно увидел пешего поляка с винтовкой в руках, пробиравшегося между домами за плетнем. Я был на лошади, один, без ординарца. Приказал поляку положить винтовку и лезть через плетень (большинство поляков того времени понимали русский язык). Он беспрекословно положил винтовку, перелез плетень и пошел около моей лошади. В соседнем огороде работал крестьянин, старавшийся привлечь мое внимание знаками, заставившими меня обернуться. Оглянувшись, я увидел, что ко мне справа скачут семь вражеских кавалеристов. Что я должен сделать с пленным поляком? — промелькнуло у меня в голове. Рубить сдавшегося неудобно, а пустить на волю, усилить противника еще одним бойцом, который в другом бою может убить наших, и не одного? Но обнажать клинок и опускать его на голову идущего рядом безоружного человека рука не поднялась. Пришпорив своего коня, я галопом смог ускориться в сторону своих...

Так, за какие-нибудь три минуты я был на волоске от смерти: если бы пеший поляк не растерялся, он свободно мог меня застрелить из-за плетня, а я не мог причинить ему вреда. Если бы не крестьянин, заставивший меня оглянуться, я оказался бы жертвой польских кавалеристов...

Мы подошли к городу Ковелю. Оставили кавалерийский и пулеметный эскадроны для наступления с востока, а главными силами полка обошли город с севера и северо-запада и атаковали его.

Во главе одного из эскадронов я скакал по улице города, направляясь к центру. Белополяки спешили выйти из города по главной улице. Одна из групп противника задержалась, поставила четыре станковых пулемета и начала обстреливать нас. К счастью, поблизости оказался переулок, и нам удалось укрыться в нем с двумя легко ранеными бойцами.

На площадь города мы ворвались уже по другой улице вместе с другим эскадроном. Наибольшие потери противник понес от огня спешенного эскадрона, который был оставлен на западной окраине города, на путях отхода противника.

Наш полк овладел большим городом, крупным железнодорожным узлом в результате обходного движения, потеряв всего трех человек.

В одном из сел 2-й Доно-Кубанский полк ночевал вместе с кавполком 7-й стрелковой дивизии. Упоенные успешным наступлением, учитывая сильную усталость людей, мы решили дать отдохнуть большинству красноармейцев и выставили слабую охрану на ночь. Сам я спал в саду. На рассвете услышал редкую стрельбу и крики в селе. Предчувствуя что-то неладное, вскочил, оделся. Стрельба и крики все усиливались, и через несколько минут выяснилось, что интервенты ворвались в село. Я видел, что все мои кавалеристы скачут в назначенное для сбора место. После дополнительных указаний о сборе полка сам направился туда же. При подсчете на сборном месте не оказалось 35 человек вместе с командиром эскадрона, бывшим белым офицером.

По соседству собрался кавалерийский полк 7-й стрелковой дивизии, в котором недосчитывалось 18 человек и четырех орудий с упряжками. Чувствовалось, что в селе интервентов меньше, чем нас, поэтому я предложил соседнему полку совместно атаковать противника, но сочувствия не встретил. Тогда решил атаковать одними доно-кубанцами, чтобы спасти своих, оставшихся в селе, а также и батарею. Я обратился к полку со словами: «Белополяков в селе меньше, чем нас. Надо спасти своих и батарею». Скомандовал: «Шашки вон, в атаку за мной марш, марш!» — и ринулся вперед. За мной никто не последовал, вторая моя команда, и... тот же результат. У меня от досады выступили слезы, и в третий раз повторил команду. Но последовало за мной из полка не больше 50 человек! Понятно, что с таким малым количеством об атаке нечего было и думать. Через два часа противник оставил село, уводя и наших пленных и батарею...

Мы выступили за ними вслед.

В конце октября того же года мне довелось быть в бригаде Г.И. Котовского, где встретил ординарца комиссара кавалерийского полка 58-й стрелковой дивизии, и вот что он рассказал: комиссара Шумилова убили в одной из неудачных атак, а он, коновод, попал в плен и очутился в польском лагере. Туда же прибыли 35 «пленных» из Доно-Кубанского полка вместе с их командиром эскадрона, который там похвалялся, что их группа уже давно хотела перейти к белополякам, да все не было удоб-

ного случая, так как, уходя, хотели вместе с собой захватить командира полка Горбатова, искали его в штабе, да не нашли. Коновод рассказал и о том, как он убежал из плена. Бесхитростный рассказ молодого красноармейца заставил меня с горечью воскликнуть:

— А я-то хотел спасти их, мерзавцев!

После того как мы освободили город Ковель, я был назначен командиром Отдельной Башкирской кавалерийской бригады. Немного истории: до 19 августа 1919 года Отдельная Башкирская кавалерийская бригада в составе 27-го и 28-го кавалерийских полков входила в состав колчаковской армии. 19 августа 1919 года, находясь в селе Туркмен в районе Верхнеуральска, революционно настроенные солдаты и офицеры сговорились между собой арестовать неугодных офицеров и в тот же день в составе 850 сабель, при 2 орудиях, 16 станковых пулеметах, под командой Мусы Лутовича Муртазина перешли на сторону Красной Армии. Будучи в составе Красной Армии, башкиры в короткий промежуток времени сумели зарекомендовать себя стойкими бойцами за интересы советской власти. В боях против колчаковцев бригада имела большой успех и захватила 11 орудий, 28 станковых пулеметов и большой обоз.

1-й Башкирский кавалерийский полк сформирован колчаковцами. Перешел на сторону Красной Армии в начале 1919 года, уничтожив офицеров, не желавших служить трудовому народу. Позднее полк был переброшен в район Петрограда, где хорошо себя показал, отважно сражаясь против банд Юденича. За мужество и отвагу в боях под Петроградом личный состав 1-го Башкирского кавалерийского полка был удостоен высокой награды — Почетного Красного знамени от рабочих Петрограда.

Отдельная Башкирская кавалерийская бригада в апреле 1920 года была переброшена с Восточного фронта в район восточнее Киева. В тот же район из Петрограда 15 мая был переброшен и 1-й Башкирский Краснознаменный кавалерийский полк, влившийся в бригаду третьим полком.

28 мая бригада ликвидировала крупную банду севернее Киева и за ее счет значительно пополнилась конским составом. 1 июня она форсировала Днепр, овладела местечком Горностаиполь и рядом деревень.

Потом бригада под командованием М.Л. Муртазина была подчинена командиру 7-й стрелковой дивизии А.Г. Голикову и вместе с другими соединениями успешно наступала на запад.

За два с половиной месяца она преодолела пространство более 600 километров, форсировала реки Случь, Горынь, Стоход, а к 15 августа вышла к реке Западный Буг, овладев городом Устилут.

В это время М.Л. Муртазин был отозван в Башкирию, а я вступил в командование бригадой. Позднее я слышал много хорошего о Мусе Муртазине как о волевом и храбром командире.

20 августа в бригаду из Башкирии прибыла делегация, которая привезла «Обращение к личному составу от Военно-Революционного Комитета и Политуправления Башкирской Советской Республики», в котором говорилось:

«Дорогие товарищи!

Мы узнали о вашей героической деятельности против польских белогвардейских банд. Этим вы доказали свою преданность делу рабочего класса, коммунизму. Шлем вам горячий привет и посылаем подарки, собранные вашими братьями башкирами.

Посылая эти подарки, мы хотели засвидетельствовать солидарность между тылом и фронтом. Вы должны быть уверены, защищая с оружием в руках интересы рабочего класса Советской России и Башкирии, что трудящиеся с сохой и молотом не забывают о вас и в любую минуту по требованию Советского правительства придут вам на помощь всем необходимым.

Да здравствуют красные кавалеристы Башкирии!

Да здравствует единение тыла с фронтом!

Да здравствует Башкирская Советская Республика Российской Федерации!

4 августа 1920 года».

Послание было зачитано перед строем каждого полка. Шумно, радостно в этот день было в бригаде, долго не смолкало громкое «ура».

В бригаду поступили и подарки, в том числе: 200 пудов пшеничной муки, 20 пудов табаку, 3 пуда меду, 5 пудов мыла, 25 штук карманных часов, 10 стопок бумаги, 400 конвертов, 4 дюжины карандашей, 500 конских арканов.

Все это было распределено между отличившимися в боях рядовыми бойцами и командирами. Теперь эти подарки могут показаться необычными, даже несколько странными, но в то далекое время и в той обстановке были очень дороги и нужны. Тогда

Красная Армия нуждалась во всем: в мыле, конвертах, бумаге, карандашах и в другом.

Приятно было видеть радостные лица бойцов и слышать их слова: «Все это собрано у дорогих нам матерей и отцов, близкими и родными нашему сердцу людьми».

Война шла своим чередом. Помню разрушенные мосты на Западном Буге и переправу через реку без переправочных средств, кто на чем, а большей частью вплавь. Несмотря на невероятные трудности, и эта без бродов река была форсирована, захвачены плацдармы.

Вскоре после того, как я был назначен командиром бригады, она далеко оторвалась от стрелковых соединений и овладела Грубешовом. Противник, спешно покинувший город, оставил на винокуренном заводе большой запас спирта и водки. Об этом я узнал по громадному количеству пьяных, бродивших и валявшихся по улицам. Прибыв во двор винокуренного завода, я увидел ужасную картину поголовного пьянства. Шум, крик, ругань стояли просто ошеломляющие. Люди, забыв обо всем на свете, всеми способами доставали спирт, плотно облепив огромные чаны и отталкивая друг друга. Спирт тащили не только жители города, но и некоторые красноармейцы и командиры. Пришлось открыть донные отверстия и спустить спирт и водку на землю, но было уже поздно. Город был пьян, все ходили очумелые и сонные. Силен, однако, зеленый змий!

Я отправился на городскую каланчу, чтобы с нее посмотреть — не подходит ли противник с какой-либо стороны? С нетерпением я ожидал, когда испарятся винные пары из людских голов. Кажется, никогда часы не казались мне такими длинными, как на этот раз.

К счастью, противник не появился. Никогда больше в бригаде не было случаев серьезных нарушений воинской дисциплины — употребления спиртных напитков. Наоборот, воины бригады, особенно славные кавалеристы-башкиры, показывали высокую дисциплинированность и в бою, и в быту.

В то время стрелковые войска вели бои за город Холм. Бригада получила приказ: оторваться от пехоты, выйти в тыл города, отрезать путь отхода противнику. Оставив обозы у пехоты, мы далеко вырвались вперед. Были уже западнее Холма, подорвали три моста на железной дороге, идущей из Холма на Люб-

лин. В это время получили запоздалый приказ: немедленно вернуться к Бугу, отойти в район Грубешова.

Тогда мы еще не знали о резко изменившейся обстановке на фронте, о переходе белополяков в контрнаступление, но по тону приказа и по поведению противника чувствовали что-то нехорошее. Несмотря на усталость, отошли на 20 километров.

Поздно вечером после ряда стычек с противником бригада расположилась на ночевку в большом местечке. От каждого полка было выставлено по эскадрону сторожевое охранение, основные силы бригады и штабы разместились в центре местечка.

Около часа ночи я лег отдохнуть. Сквозь сон слышал, как кто-то спрашивал комбрига и что-то говорил о поляках, но усталость была столь велика, что я не мог превозмочь сон. Не знаю, сколько времени я проспал, но, проснувшись, вспомнил, что кто-то спрашивал меня. Вскочил — была полная тишина. Все спали мертвым сном. От дежурного я узнал, что один конник-башкир прибыл из соседней деревни с донесением: охранение выставлено, поляков нет, но когда он подъезжал к нашему местечку и был около кладбища, то его оттуда окликнули польски. Долго мы искали башкира, привезшего донесение, наконец нашли среди спящих. С трудом разбудили его, и он подтвердил то, что было доложено дежурным.

Кладбище, о котором шла речь, находилось на юго-восточной окраине местечка, в направлении нашего отхода. Все это очень насторожило меня, я усмотрел в этом большую опасность. Было четыре часа утра. Послали связных в охраняющие эскадроны с приказанием с рассветом сниматься и, не заходя в местечко, собраться в деревне, которая находилась в восьми километрах юго-восточнее. Все отдыхающие части без шума были подняты по тревоге, выстроены на площади местечка к пяти часам утра. Приказал частям выходить из местечка, но не на юго-восток, куда лежал наш путь, а на северо-восток.

Светало. Не успела еще голова колонны выйти из местечка, как два пулемета противника начали обстрел его с той стороны, куда мы держали путь, и два — с северо-запада, но пули летели поверх домов.

Головному эскадрону было приказано немедленно и самым решительным образом атаковать пулеметы противника, которые находились на нашем пути. Эскадрон с обнаженными клинками перешел на рысь, и вскоре мы услышали крики «ура!», а через де-

сяток минут я получил доклад о захвате двух пулеметов и двенадцати пленных во главе с офицером.

От перепуганного молодого офицера узнали, что задачей его и соседних двух пулеметов было разбудить нас пулеметным огнем, вызвать панику и заставить в беспорядке выходить в юго-восточном направлении, где нас ожидали основные силы пехоты противника, включая и часть, находящуюся на кладбище. Нашего выхода на северо-восток они никак не ожидали.

Мы достигли леса, пройдя около двух километров, и двинулись по его опушке в юго-восточном направлении. Оттуда мы увидели на дороге многочисленную пехоту противника, которая ожидала нашего выхода из местечка. Заметив наше движение с другой стороны, белополяки открыли огонь из большого количества пулеметов, но огонь, будучи на пределе дальности, не причинил нам вреда.

Не потеряв ни одного человека, мы благополучно вышли из этого серьезного положения. Трудно сказать, как бы все это обернулось для нас, если бы я проснулся часом позже и кавалерист-посыльный не доложил об окрике на польском языке.

Мы продолжали отход. Противник вторично вышел на путь нашего отхода, занял рокадную дорогу в нашем тылу, но, боясь атаки нашей конницы, занимал дорогу не сплошной редкой цепью, а расположился батальонными группами, одна от другой на расстоянии более километра, простреливая незанятые промежутки пулеметным огнем.

Мы считали нецелесообразным прорываться в каком-либо из простреливаемых промежутков, а решили атаковать один из батальонов, чтобы таким образом увеличить в два раза брешь для прохода. Конницу построили в три эшелона (полк за полком). Предварительно, перед атакой первого эшелона, обстреляли батальон противника из всех станковых пулеметов бригады.

При атаке я был впереди первого эшелона. Наш эшелон был уже за боевым порядком противника, мой сизо-вороной жеребец стал сбавлять ход и, наконец, упал. Соскочив с коня, я обнаружил на нем четыре пулевые раны на равных расстояниях. Сняв офицерское трофейное седло со своими пожитками, я с грустью взглянул последний раз на своего боевого друга, забрал седло и под тяжестью ноши стал уходить вслед за проскакивающими мимо меня конниками. Поскольку комбриг по одежде

ничем не отличался от красноармейцев, меня никто не замечал: каждый был в тот момент занят только собой, все скакали в восточном направлении. Вот мимо меня проскочил и последний эшелон. Оставшиеся в живых и не растерявшиеся поляки начали обстреливать уходивших на восток кавалеристов. Пули летели и в мою сторону. Тогда мне стало не до седла: бросив его, побежал за скачущими кавалеристами.

На пути попалась пасшаяся крестьянская лошадь. Вскочил я на нее без седла и уздечки; понукая ее шпорами, продолжал ехать к кустарнику. Лошадь оказалась малоподвижной, неуправляемой и упорно шла только шагом. Очутившись в кустарнике, через который проскакали наши конники, я был неприятно поражен: кустарник был забит обозом поляков. Белопольских обозников было очень много, но у них, по-видимому, не прошел еще шок от страха перед массой наших всадников, только что проскочивших через них, и, вероятно, они не знали, что я последний. Перепуганными глазами смотрели они на меня, а я на них, хотя я пробирался между ними, находясь в двух-трех шагах от того или другого поляка, — никто не проявлял никаких агрессивных намерений. Взволнованный, я благополучно выбрался из кустарника, бросил свою ленивую лошадь и пошел пешком гораздо быстрее. Километра через три присоединился к своим частям, которые разбирались по своим подразделениям и частям. Их командиры встретили меня с большим удивлением и смущением. Они оправдывались тем, что не заметили в массе скачущих, как подо мной был убит конь. Пожурил я старших командиров, но не за себя, а за то, что они не захватили по пути польский обоз.

На короткое время фронт стабилизировался. Наши войска удерживали плацдарм за рекой Западный Буг, 20 километров западнее города Устилута. Два полка бригады занимали оборону, а третий находился в резерве. Правее нас оборонялась пехота.

Получили приказ — с утра следующего дня перейти в наступление, овладеть населенными пунктами в 25 километрах от нас. Бригада наступала двумя полками, а третий по-прежнему оставался в резерве. В этот день мы продвинулись примерно на 8 километров, но получили уведомление, что пехота еще не готова к наступлению и оно переносится на утро следующего дня. Не

желая оставаться в положении, когда оба фланга открыты, мы на ночь вернулись в исходное положение.

На следующий день наступали в том же боевом порядке.

Через 30 минут после перехода в наступление двух полков мы с комиссаром Кузьминским и с комендантским взводом из 18 всадников поднялись на довольно крутой берег реки Западный Буг. Затем двинулись в северо-западном направлении, чтобы пересечь путь третьему полку и с ним следовать за наступавшими двумя полками. Навстречу нам показались десятка три всадников, шедших на нас слева. Шли они разомкнутым строем, рысью, а увидев нас, перешли на шаг. Нас удивило появление всадников, идущих на восток в боевом порядке. Всмотревшись, узнали в них белополяков. Посчитали их за разведку противника, проникшую в наш тыл. Решили ее атаковать, хотя нас было меньше, но, следуя поговорке «Дома стены помогают» (ведь противник-то в нашем тылу), я скомандовал: «Взвод, строй фронт, шашки вон, за мной в атаку марш, марш!»

Вражеские всадники остановились. Когда же мы были от них метрах в двухстах, то увидели, что вслед за ними из балки выходит еще колонна численностью до 200 сабель. Тогда я скомандовал: «Налево, кругом» — и стали отходить на галопе в село, из которого вышли. За нами погнались.

Уходя, я решил скакать до середины села; оттуда дорогой, идущей на север, проскочить в ту деревню, где находился наш третий полк, чтобы с его помощью ликвидировать неприятность в нашем тылу. Когда скакали по селу, предупреждали находившиеся там наши тылы о грозящей им опасности. Доскакав до середины села, повернули по дороге на север. Дорога проходила по узкому глубокому оврагу с крутыми берегами. Нас преследовало более 70 всадников. И вот, к нашей радости, увидели полсотни всадников, идущих шагом нам навстречу. Я подумал: «Вероятно, в полку стало уже известно о случившейся у нас неприятности, а это передовое его подразделение идет на выручку». Я стал давать знаки, чтобы они вернулись на поле и тем очистили нам дорогу.

Но — увы! И это были вражеские конники. Те, в свою очередь, увидели нас и скачущих за нами белополяков, всех посчитали за красных, запаниковали, но назад повернуть не могли — так дорога была узка. Стараясь открыть нам путь, они пытались свернуть в сторону, лезли на крутые берега узкого оврага, некоторые даже падали с лошадей, и только тогда, когда мы проска-

кали мимо, опознали в них не своих башкир, а растерявшихся вражеских кавалеристов.

Мы вырвались в поле. Комендантский взвод с комиссаром Кузьминским направился на восток — в сторону Устилута, а я с ординарцем поскакал в ту деревню, где находился резервный полк бригады. Большая часть поляков ринулась за комиссаром, а человек пятнадцать за мной.

С особым удовольствием я увидел, как наш полк выходил из деревни, выкатывая пулеметы. Огонь пулеметов велся и по белополякам, и по мне тоже. Только когда поляки поотстали, а я продолжал скакать к деревне, стрельба прекратилась. Велико было смущение командира полка, когда он узнал своего комбрига!

Мною было приказано очистить поле от поляков и овладеть селом, где находился наш обоз. Вскоре поле было очищено теми из наших кавалеристов, у которых были лучше лошади, но в это время из села навстречу вышла колонна противника, и наши кавалеристы, вырвавшиеся вперед, начали отходить. Стоя на бугре, я видел эту картину. По данному мною сигналу все наши стали собираться ко мне и строиться в одну шеренгу, лицом к противнику. Нас оказалось до 250 всадников. Старший из польских офицеров тоже собирал к себе своих, и у него оказалось примерно такое же количество солдат, построенных в одну шеренгу. Я и польский офицер находились впереди своих всадников, нас разделяло расстояние в два-три десятка шагов, а шеренгу от шеренги — в полсотни. Воцарилась зловещая тишина. Ее нарушали только команды — моя и польского офицера: «Вперед, в атаку!» Да еще слышно было позвякивание стремя и обнаженных клинков при движении разгоряченных коней, находившихся в шеренгах. Но... ни та ни другая шеренга не решалась броситься в атаку первой.

Я не исключал, что польскому офицеру удастся уговорить своих подчиненных броситься в атаку раньше, чем мне, и хорошо понимал: кто бросится первым, у того полная победа, а кто опоздает, будет бит!

Мы давали команды уже охрипшими голосами, секунды казались часами, а шеренги не двигались с места. Чем бы все это кончилось, неизвестно, но у меня появилось оригинальное решение: не спуская глаз с офицера, я поднял свой клинок кверху, медленно вложил его в ножны. На его лице появилась довольная улыбка: вероятно, он предвкушал мою подготовку к сдаче. Я же вы-

хватил револьвер, дал шпоры коню в бок и закричал: «Вот тебе!» Успел произвести три выстрела. Офицер быстро повернул своего коня на задних ногах и ускакал от меня. Его примеру последовали все стоявшие за ним. Но если этот маневр удался старшему офицеру и другим стоявшим впереди, то всадникам, стоявшим в сомкнутом строю, повернуться было невозможно. А в это время стоявшая за мной шеренга, по моему примеру, бросилась на противника. Началась рубка, но рубили только башкиры, а наши враги всецело были заняты тем, чтобы повернуть лошадей и удрать, не оказывая почти никакого сопротивления.

Противник оставил на месте схватки около двухсот человек ранеными и пленными, в том числе двух офицеров. У нас же было только двенадцать легкораненых.

Таков был результат трех револьверных выстрелов: они решились схватку в нашу пользу!

В Гражданскую войну действия кавалерии, подобные только что описанным, были нередки, они случались и во время больших массированных наступлений Первой Конной армии или дивизий Червоного казачества. Теперь такого рода стычки всадников кажутся седой стариной...

Наступление на этом участке фронта и в этот день не состоялось ввиду резко изменившейся обстановки. Мы получили приказ отойти на восточный берег реки Буг и стать в оборону. Один из наших наблюдательных пунктов находился на колокольне села Изов. Через неделю бригада была переброшена южнее, в район местечка Сокаль.

В этот период белополяки перешли на всем фронте в наступление. Дорогие моей памяти конники Башкирской бригады проявили большое упорство в обороне, отбили множество яростных атак. Ими были захвачены пленные и трофеи.

Но были и курьезные случаи.

Ко мне поступила жалоба местного священника: наши красноармейцы, наблюдавшие с колокольни в селе Изов, украли у него ризы. Заканчивалась жалоба нижайшей просьбой разыскать похищенное и вернуть. На другой день мы дали ответ: «Как только ризы будут найдены, немедленно возвратим».

На следующий день в воскресенье шел я по местечку и... о ужас! Встретил своих красноармейцев — двух башкир. Но их френчи и галифе были пошиты из риз... у одного из золотисто-желтой, у другого — из серебристо-синей. Шутник-портной искусно расположил крестики на боковых и грудных карманах, а

также на каждой половине задней части галифе. Вид у моих кавалеристов был фантастический, но они гордились своей «особой» формой...

Что делать?

Пришлось этих кавалеристов, неоднократно отличавшихся в боях, задержать, и встретившимся другим красноармейцам приказал отвести «франтов» в штаб бригады. Следовало бы их отдать под суд, но так как они были прекрасными бойцами, то наказание было условным. С ними обстоятельно поговорили председатель Ревтрибунала, комиссар бригады и лично я. Священнику были принесены извинения, компенсированы его материальные потери. Со священником уладить дело решил лично. Батюшку растрогало то, что я хорошо знал «божье слово», не уступал ему в знании других обрядов службы. «Подсудимым» с большим трудом нашли новую форму.

Было и такое. Однажды в штаб бригады пришли два крестьянина, которые искали комбрига. Их привели ко мне. Красноармеец, обращаясь ко мне, доложил: «Товарищ комбриг, вот они, — показывал на крестьян, — хотят вас видеть». На лицах крестьян появилось выражение недоверия и обиды: они приняли это за насмешку над ними. Один из крестьян сказал: «Сами долго служили в царской армии, понимаем, что такое командир бригады». И, обращаясь к красноармейцу, снова стали его упрашивать отвести их «к настоящему командиру бригады», убеждая, что он им очень нужен.

Тогда я начал их расспрашивать, зачем им так нужен комбриг. Они мне рассказали, что стоявшие у них на постое солдаты забрали их лошадей, а своих с набитыми спинами оставили им.

Несмотря на мое распоряжение о возврате взятых у них лошадей, крестьяне продолжали считать, что с ними шутят, и моему распоряжению не придавали значения. Вышли от меня обиженные и только после того, как получили обратно своих лошадей, они снова пришли ко мне и очень извинялись, что не признали во мне командира бригады. Оправдываясь, говорили:

— Мы служили в царской армии, командиры бригад были всегда солидные, уже седые, а вы как и все красноармейцы, да еще моложе многих из них.

— Мне не за что вас извинять, — сказал я. — Вы, как старые солдаты, еще больше удивитесь, если узнаете, что я сын такого же бедняка, как вы, и еще в прошлом году был рядовым красноармейцем. Все это стало возможным только при Советской власти.

В те же дни перед одним из наступлений было решено: стрелковые части прорвут оборону противника, а конница использует образовавшийся прорыв для развития успеха. Назначенные часы проходили один за другим, но пехота наступать не начинала. Прибыв к командиру стрелкового полка, я резко выразил ему свое неудовольствие. Пока командир полка в свое оправдание приводил различные причины, я заметил, что один из кавалерийских начальников постарался укрыться за кустами.

Кончив разговор с командиром полка, я пошел за кусты, чтобы узнать, кто это из кавалерийских командиров такой пугливый. К своему великому удивлению и радости, я узнал в нем друга своего детства Леньку, с которым расстался, уходя в армию. Это он когда-то познакомил меня с Олей...

Узнав друг друга, мы обнялись и расцеловались. Он рассказал, что служит в этом полку начальником конной разведки, сообщил о всех новостях в Шуе. Об Оле ничего нового не знал.

Я спросил: почему он, такой смелый среди девчат, хотел скрыться от меня за кустами?

— Я тебя не узнал, — ответил Ленька, — а увидев такого сердитого большого начальника, посчитал за лучшее не попадать к нему на глаза.

Поговорив несколько минут, мы с ним расстались, и, как оказалось, навсегда. Но в памяти моей всегда живет веселый голубоглазый друг юности — Ленька.

Память невольно отбирает из прошлого то, что так или иначе отозвалось в последующем. Два случая, две мои ошибки, я пронес через всю жизнь; и сам очутился в положении человека, считающего себя жертвой чужой ошибки.

В штабе нашей бригады начальником разведки был Виноградов. С первого взгляда он мне не понравился: рыжие волосы, одна нога короче другой. Окончил он Гатчинское военное училище еще при царе, был грамотным, интеллигентным человеком, обязанности свои выполнял добросовестно, но при всем этом я почему-то относился к нему с недоверием.

Как-то при отступлении я с пятью всадниками уходил из села последним; за мной километрах в четырех следовал только разъезд. Село уже осталось у нас сзади, и вот на дороге я увидел прихрамывающего человека, идущего с чемоданом в руке. Приблизившись, узнал в нем нашего начальника разведки Виногра-

дова. У меня мелькнула мысль: «Хочет попасть в плен к полякам, только не рассчитал, не знал, что я остался позади него». Меня взяло такое зло, что даже выругать его или плюнуть в его сторону не хотелось, и я подумал: «Пусть остается, одной сволочью у нас будет меньше!» Проезжая мимо, не сказал ему ни слова, но обратил внимание на его смущенный вид. На следующей ночевке в штабе я увидел его снова. Выяснилось, что он проспал при ночевке, а проснувшись, узнал, что все уже ушли, вот и догонял со своим неизменным чемоданом. Мне было очень стыдно встречаться с ним, ведь я проехал мимо него молча, не захватил его чемодан, нести который ему, хромоту, было очень трудно, а главное, что заподозрил его в таких подлых намерениях...

Задумался я и над тем, что первое впечатление может быть обманчивым. Работая с товарищем Виноградовым вплоть до 1923 года, я видел его старание и добросовестную службу.

Но вот он уехал в отпуск в Башкирскую Республику, а при возвращении в ту же ночь был арестован в полку и увезен в Житомир. Там, обвиненный в шпионаже, он просидел почти пять месяцев в камере смертников. Особый отдел сообщил мне, что Виноградов во время отпуска каждый год бывал в Польше, очевидно, работал на нее. У меня вновь шевельнулась мысль в правильности моего первого впечатления. Через пять месяцев, вернувшись в полк, Виноградов доложил, что был арестован по ошибке, и рассказал следующую историю: когда он возвращался из отпуска, вместе с ним в купе ехал какой-то человек, с которым он в дороге познакомился и играл в шахматы. Этот новый знакомый очень интересовался Виноградовым, расспрашивал его о том о сем, а он, Виноградов, допустил оплошность, сказав, что полк стоит в Староконстантинове. Этот новый знакомый оказался работником Житомирской ЧК, которая давно разыскивала Виноградова с таким же именем и отчеством. И вот в последний раз после пятимесячного следствия Виноградова вызвали к следователю. Войдя в комнату, он увидел там, кроме следователя, какого-то гражданина. Этот гражданин пристально приглядывался к вошедшему Виноградову, а потом сказал следователю: «Нет, это не он, того я знаю хорошо». С глубокими извинениями и сообщением в бригаду о допущенной ошибке Виноградова отпустили...

А вот другой случай, и совсем как будто иной, но чем-то близкий к рассказанному.

В 1920 году во время большого привала в лесу мне доложили, что поймали шпиона. При выяснении причин нахождения его в лесу молодой человек сказал, что искал пропавшую корову, что сам он является крестьянином села, которое находилось от нас в трех километрах. На мой вопрос, сколько лет он живет в указанном селе, был ответ — всю жизнь. А вот когда я ему предложил назвать окружающие села и деревни, он не смог назвать ни одного. Желая его припугнуть, сказал бойцу — «расстрелять», и в то же время был отвлечен другим вопросом, но сразу же вспомнил о задержанном. Зная дисциплинированность башкир, подумал, что они действительно расстреляют, приказал вернуть подозреваемого, но в это время услышал выстрел, и последовал доклад, что «шпион расстрелян». У меня было 99 процентов уверенности, что это действительно шпион, и, несмотря на то что за годы войны приходилось много убивать, колоть, рубить, сердце не совсем еще очерствело, так что нехватка одной сотой процента для полной уверенности заставила меня сильно сожалеть о поспешном и неосмотрительном приказании...

...После длительного и тяжелого отступления мы оказались на восточном берегу реки Случь, южнее города Новоград-Волынского. В начале октября конница противника прорвалась через прерывчатый фронт пехоты севернее нас и пошла по нашим тылам в восточном направлении. Нашей бригаде было приказано сняться с участка обороны, догнать и разгромить конницу противника.

На путь следования противника мы вышли на следующий день и находились от польской конницы в 40 километрах. Дистанция, разделявшая нас, с каждым днем сокращалась, несмотря на то что у противника были лошади крупные, настоящие кавалерийские, а у нас — небольшого роста, но выносливые, уральские; мы захватывали отстававших кавалеристов и их повозки. Первый бой, к тому же удачный, с прикрытием противника, мы имели южнее города Коростень в десяти километрах. Теснимые нами остатки прикрытия отходили не на Коростень, а в северо-западном направлении. Это дало нам понять, что противник почувствовал наше приближение, начал отход из Коростеня в западном направлении, но он уходил так быстро, что догнать мы его не могли. Позднее мы узнали: противник почувствовал угрозу нашего подхода; не успев причинить вреда городу и железнодорожному узлу, поспешил с отходом.

Итак, конница противника, прогулявшаяся по нашим тылам на глубину более ста километров, оставив много убитых, пленных и большое количество лошадей, ранив у нас всего до десятка красноармейцев, была вынуждена вернуться восвояси, не выполнив поставленной ей задачи.

Нашей бригаде довелось участвовать и в последних боях с белополяками.

Нам стало известно, что с 18 октября 1920 года начнется перемирие и будет зафиксирована линия, занимаемая нашими войсками и войсками противника. 17 октября мы наметили себе план действий на следующий день с задачей захватить как можно больше территории.

К вечеру 18 октября левым флангом бригады мы продвинулись на 35 километров до города Староконстантинов, но в это же время на правом фланге, у местечка Любар, поляки перешли в наступление и потеснили нас до восьми километров. К вечеру положение было восстановлено и захвачено около 250 пленных и трофеи. После перемирия, выполняя приказ, я отправился в местечко Любар к польскому генералу для установления линии, занимаемой обеими сторонами. При мне были два политрука эскадронов в качестве ординарцев и трубач с белым флагом. У линии польской обороны меня встретил польский офицер и проводил на квартиру генерала. Можно себе представить самочувствие вчерашнего солдата, а ныне комбрига, перед встречей с вражеским генералом, да еще на его территории!

Оставил трех человек у ворот, вошел в небольшой одноэтажный дом, где помещался генерал. Сначала поздоровался за руку с седовласым генералом, а потом также и с его двумя денщиками, возившимися с большими генеральскими чемоданами. При этом генерал сделал мне замечание, сказав: «Здесь не место агитировать за советскую власть». — «Ну и шельма, — подумал я. — То, что я поздоровался за руку с денщиками после генерала, он считает агитацией».

Когда стали устанавливать линию, занимаемую войсками, генерал упорно настаивал на том, что их часть находится в восьми километрах восточнее местечка Любар. «Да, она была там до пятнадцати часов 18 октября, — сказал я, — но теперь эта часть в качестве пленных находится уже в ста километрах от Любар и шагает на Киев».

Генерал задал вопрос: «Сколько вами захвачено пленных?» — «Более пятисот человек», — не задумываясь ответил я. Генерал стал что-то подсчитывать, а я в это время ругал себя за неправильно названное количество пленных, увеличенное в два раза. После целого ряда доказательств генерал был вынужден согласиться. Линия фронта, обозначенная на моей карте, была нами подтверждена, и я благополучно вернулся к своим.

На другой день рано утром прибежал ко мне запыхавшийся старшина комендантского взвода и взволнованно доложил: «Товарищ комбриг, в нашем селе поляки». На мой вопрос: «Сколько их?» — ответил: «Два вооруженных». Я приказал привести их ко мне. Поляки рассказали, что их часть трое суток находится в лесу, в двух километрах от нашего села; офицер прислал их в село узнать: началось ли перемирие?

Один из полков бригады был поднят по тревоге, с ним я направился в указанный лес. На поляне увидел много поляков, оружие их было составлено в козлы, одни ходили группами, другие завтракали, а третьи грелись у костра. Я приказал старшему офицеру сложить оружие на их же повозки, построиться и следовать за головным эскадром. Остальная часть полка шла за нашим бывшим противником. В селе, проходя мимо меня, офицер скомандовал: «Смирно!» Солдаты прошли стройными рядами, как на параде, повернув головы в мою сторону, а потом белопольские солдаты на ходу, к великому нашему удивлению, довольно стройно спели «Интернационал». Все задержанные были объявлены пленными.

За три часа, пока полякам варили обед, красноармейцы произвели тщательную замену своего порядком изношенного обмундирования, обнаруженного в захваченном обозе плененного противника. (Обувь, шаровары, тужурки, шинели попали на Украину из США.) Башкиры не забыли и меня — торжественно вручили планшет и отличного качества бинокль. Я с благодарностью принял от своих отважных конников бригады такой бесценный подарок. Подарок моих верных башкир служил мне до 1938 года.

18 октября 1920 года было объявлено перемирие. Захваченным в плен польским солдатам и офицерам было разрешено вернуться на родину.

По условиям мира к Польше отошли западные области Украины и Белоруссии, но установленная советско-польская граница проходила значительно западнее той, которую Советское правительство предлагало весной 1920 года. Прекращение советско-

польской войны предопределяло разгром последнего похода Антанты. Страна Советов получила возможность направить против так называемой Русской белогвардейской армии под командованием генерала П.Н. Врангеля мощным потоком вооружение, боевую технику, снаряжение, то, что необходимо для жизни и боя войск. Врангелевский фронт стал главным фронтом. Командующим Южным фронтом, сформированным 21 сентября 1920 года, был назначен выдающийся пролетарский полководец Михаил Васильевич Фрунзе.

Для нас на повестку дня была поставлена задача разгромить политический бандитизм, вошедший в историю Гражданской войны на Украине как петлюровщина — контрреволюционное буржуазно-националистическое движение, одним из главарей которого был С.В. Петлюра.

Для петлюровцев, банд Н.А. Григорьева, махновцев и других «атаманов» и «батек», в которых основной силой были деклассированные элементы, уголовники и другие антинародные силы, законом «боевой» деятельности были погромы, небывалый по масштабам грабеж населения, истребление коммунистов, чекистов, работников местных советских органов, причем истребление этих лиц производилось с небывалой жестокостью. Эти казни превращались в настоящие садистские оргии.

Наша Отдельная Башкирская кавалерийская бригада была переброшена для борьбы с петлюровцами в район города Литин (30 километров северо-западнее Винницы). В этом районе наше командование решило создать конную группу из двух полков бригады Котовского и трех полков нашей бригады под общим командованием Григория Ивановича Котовского. Но это не было осуществлено: бригада Котовского ушла южнее, а мы остались близ города Литина.

Башкирская бригада в этом районе обороняла полосу в 20 километров. По существу, это была не оборона, скорее охранение определенной территории отдельными эскадронами и взводами. Штаб бригады с двумя эскадронами 1-го кавалерийского полка располагался в селении Селище, которое от восточной окраины города Литина отделялось лишь рекой, а я находился в доме священника. Связь у меня с отдаленным охранением была через штабы полков, а с ближайшим — телефонная; со штабом бригады была прямая связь.

Однажды на рассвете зазвонил телефон. Взяв трубку, я услышал взволнованный голос командира эскадрона из села Кулыга, в шести километрах западнее города Литина: «Атакован большими силами конницы, отхожу на Литин». На этом разговор оборвался.

Командиру 1-го кавалерийского полка я приказал поднять по тревоге два резервных эскадрона и привести их к мосту. Принял решение выехать в город самому и оборонять этими силами его северо-западную окраину. Для выяснения обстановки правее и левее позвонил командиру эскадрона в село Багриновцы, севернее села Кулыга, но телефон там не работал. Позвонил в охранение, стоявшее южнее села Кулыга, и спросил командира взвода, что у них нового. Он доложил: «У меня все спокойно, но в направлении села Кулыга слышна сильная беспорядочная стрельба, взвод собрал и держу около себя». Я сообщил командиру взвода, что эскадрон из села Кулыга отходит на Литин под давлением превосходящих сил конницы противника, приказал поднять наблюдателей на строения или деревья, усилить бдительность, охранять свое направление, а что будет нового — немедленно докладывать в штаб бригады.

Пытался снова связаться с селом Багриновцы, но с ними связь не работала. В это время раздался звонок. На мой вопрос по телефону: «Откуда?» — услышал ответ на чисто русском языке: «Товарищ командир, мы ведем бой в селе Кулыга, имеем пленных, дайте нам скорее помощь». Я спросил: «Кто говорит?» Ответили не сразу, после заминки. Слышно было, как говоривший со мной повторял кому-то мой вопрос. Наконец он ответил: «Говорит красноармеец от имени командира эскадрона».

У меня закралось подозрение, и я сказал: «Назовите фамилии ваших командиров — эскадрона и полка». — «Вот черт!» — сказали на другом конце провода. Потом послышался смех, и положили трубку. Стало понятно, что наши, уходя, не успели снять телефон, и его хотел использовать противник.

Собираясь выступить, я на ходу приказал начальнику штаба предупредить командиров полков об обстановке; в случае отхода задача — оборонять свои направления; донести о положении начальнику 24-й стрелковой дивизии Муретову в Виннице; со штабом бригады отойти в село Дашковцы, а резервный эскадрон 27-го кавалерийского полка перевести в село Селище, в мое распоряжение.

Вскоре мне доложили, что эскадроны построены. Я вышел и вместе с командиром полка во главе двух эскадронов рысью пошел через мост, а потом и через город. Не успели мы выйти на окраину, как перед нами появился эскадрон, отступавший из села Кулыга. Командир эскадрона на ходу доложил: преследующий противник находится в полуверсте.

Решили ускорить выход на окраину города, чтобы двумя эскадронами оборонять его, а отошедший эскадрон иметь в резерве. Не успели выйти из города, как увидели идущие от села Багриновцы по большаку шесть эскадронов петлюровцев; головной уже подходил к северо-западной части города. Убедившись в этом лично, я решил, что оборонять город невозможно, приказал командиру полка повернуть эскадроны, отойти за мост и оборонять восточный берег реки и село Селище, сам же с семью всадниками перешел реку по имеющемуся броду. Взобравшись на высокий берег, я видел своих, отходящих на рысях через город, и идущего по городу противника, насчитал восемь полнокровных петлюровских эскадронов и, кроме того, увидел, что еще два подходят к городу.

Постояв на месте и убедившись, что противник не использует брод и не обходит город с севера, мы поехали в район моста, где наши должны были спешиться для обороны. Но сначала я подъехал к дому священника, чтобы узнать, выехал ли штаб бригады. Священник уже стоял около дома и с волнением предупредил меня: штабные все выехали, эскадроны не остановились на этом берегу реки, ушли по шоссе на Винницу, и противник уже на мосту. На мой вопрос, подходил ли наш эскадрон из села Ивча, получил отрицательный ответ.

Я поскакал на шоссе, чтобы присоединиться к своим. Выскочив на дорогу, увидел справа на шоссе колонну шагах в пятистах. «Это голова колонны противника», — подумал я. Видя на таком же расстоянии слева хвост другой колонны, этих посчитал за своих и к ним поспешил присоединиться. Но из колонны противника нас обнаружили, от нее отделилась группа для преследования. Нас это мало беспокоило, так как «своих» мы уже догоняли; но когда были от них шагах в двухстах, я, к своему ужасу, обнаружил, что это тоже не свои, а противник.

Наше положение было безвыходным. По инерции какое-то время мы еще приближались к противнику, обдумывая, что делать. Беда была не только в том, что впереди и сзади нас оказались враги, но и в том, что глубокие канавы по обе стороны

дороги были заполнены водой. К тому же справа была река, а слева улица...

Но вот слева показался переулок; я направил своего коня через канаву, и мой разгоряченный конь без труда ее перескочил, а за ним перескочили четыре или пять башкир на своих маленьких лошадках, но один завалился в канаву...

Преследуемые двумя группами врагов, мы скакали по переулку. Но тут, когда я скакал вдоль жердевой изгороди и хотел повернуть коня вправо, конец жерди, поцарапав бок лошади, зацепился за подпругу. К моей радости, осадив лошадь, я освободился от жерди.

Башкиры были уже впереди меня, а петлюровцы в пяти метрах за мной уже замахиивались клинками. Но конь набрал скорость, и мы, оторвавшись от преследователей, продолжали скакать по полю параллельно шоссе.

Преследующие нас два десятка петлюровцев все же находились в 50 метрах, но в это время мы смогли различить на шоссе, где находятся наши части и где — противник. Когда мы поравнялись с нашим эскадром, преследователи начали отставать, а мы на взмыленных и утомленных лошадях присоединились к своим. Командир 1-го полка находился в хвосте отступающих. Он был сильно озабочен нашим длительным отсутствием и очень обрадовался, увидев нас. Было ясно, что мы имеем дело с противником, раз в восемь превосходящим нас. В этой обстановке напрашивалось одно решение — драться за выигрыш времени, чтобы дать возможность изготовиться винницкому гарнизону. Я решил поделить свои силы на два эшелона, драться в пешем строю, занимая выгодные рубежи на шоссе, перекатываясь одним эшелонам через другой.

Ближайшие бугры были заняты двумя эскадронами, а бугры в трех километрах за ними — одним эскадром. Противник, подойдя на дистанцию нашего огня, был вынужден тоже спешиться. Когда петлюровцы сблизилась с нами в пешем строю, а в конном начали обходить один из флангов, два наших эскадрона отошли за третий обороняющийся эскадрон. Противник тоже садился на коней, но наталкивался на огонь нашего эскадрона, нес потери и снова спешивался.

Были случаи, когда мы не успевали спешиваться и, преследуемые противником, отходили рысью и даже галопом, тогда группа противника на лучших конях догоняла наших, скакавших на худших лошадях, начиналась рубка...

У меня конь был хороший, да и рубил я уверенно, а потому почти всегда отходил последним, прикрывая самых отстающих, и с болью в сердце обгонял нашего последнего лишь в том случае, когда ко мне подсакивала группа врагов.

Однажды, отскочив от преследователей, я вложил клинок в ножны, взял в руку револьвер и снова оказался последним. Передняя группа преследователей, состоящая из офицеров на лучших конях, вероятно, догадывалась, что я какой-то командир, и, полагая, что мой конь уже выдохся, направилась ко мне. Их было пять человек. У троих на плечах были красные башлыки с золотой обшивкой. Как только они подошли ко мне на пять шагов, я сделал пять выстрелов. В результате трое упали с лошадей, а их облегченные кони по инерции присоединились к нам. На двух были офицерские седла, и в кобуре одного из них мы нашли дневник офицера, который дал ценные сведения о его кавалерийской бригаде. После этого случая враги так близко к нам не подходили.

Позднее я видел, что непосредственно за нами в 150 метрах идет группа в 60—80 человек, остальные — на расстоянии двух с половиной километров. Я выскочил впереди своих отходящих, остановил их и повернул коней в сторону противника. Когда группа противника подошла шагов на сто, мы бросились на нее в атаку и гнали более километра. Лишь оказавшись недалеко от основных вражеских сил, мы повернули обратно.

На линии населенных пунктов Дашковцы и Лукашевка мы задержали противника более чем на три часа, потом были вынуждены отойти к селу Зарванцы; там к нам присоединились эскадрон и батальон стрелков. С этого рубежа мы перешли в контрнаступление и на другой день восстановили свое положение.

По показаниям пленных выяснилось, что мы имели дело, собственно, не с петлюровцами, а с белогвардейской бригадой Яковлева, численностью в 1200 сабель. По некоторым данным, эта бригада стремилась прорваться на юг Украины и присоединиться к дерущимся там войскам Врангеля.

Вскоре мы перешли в общее наступление против петлюровцев, овладели городом Летичевом, местечком Меджибожем, городом Проскуровом, Черным Островом, селом Клинины и вышли к старой русской границе.

Особо упорное сопротивление противник оказал при обороне села Лезнева (три километра северо-восточнее Проскурова), под Черным Островом и селом Клинины. Село Лезнево было

взято нами ночью обходным маневром с севера, там мы захватили пленных, а те, кто не посчитал нужным поднять руки, были уничтожены.

В районе города Проскурова наша бригада была подчинена прославленному в боях, способнейшему из кавалерийских начальников В.М. Примакову.

Виталий Маркович Примаков!

О командире 1-го корпуса Червоного казачества еще при жизни народом слагались легенды, а народ в своих симпатиях ошибается редко. Еще до революции Виталий Примаков, член РСДРП с 1914 года, за дело народа познал тяжесть царских тюрем и ссылок, пребывание в которых использовал для целенаправленного самообразования. В августе 1917 года, вернувшись из ссылки в Чернигов, был призван на службу и зачислен в 13-й пехотный запасной полк.

Солдатскими массами В.М. Примаков выдвинут делегатом Второго Всероссийского съезда Советов, на котором избирается членом ВЦИКа. Делегат съезда В.М. Примаков участвует в штурме Зимнего дворца и в ликвидации вооруженного мятежа Керенского—Краснова, целью которого было подавление революционного восстания рабочих масс в Петрограде. В январе 1918 года член ВЦИКа В.М. Примаков, находящийся на работе в Харькове, по решению Украинского Советского правительства формирует 1-й полк Червоного казачества. В 1919 году за рейд в тыл деникинцев во время Орловско-Курской операции начальник 8-й кавалерийской дивизии В.М. Примаков был удостоен ордена Красного знамени — первого, а дивизия в том же 1919 году была награждена Почетным революционным Красным Знаменем. В октябре 1920 года Виталий Маркович — командир и комиссар 1-го корпуса Червоного казачества. Конники корпуса активно участвуют в разгроме банд Петлюры. Киевский губревком вручает корпусу Почетное революционное знамя, а комкор награждается золотыми часами с надписью «Славному командиру 1-го Конного корпуса товарищу Примакову от Киевского губревкома».

В боях и сражениях прошел для кавалеристов Червоного казачества 1920 год. Прорвав фронт противника, воины корпуса наносят удары по его коммуникациям и тылам, нарушают управление, связь. За мужество, отвагу и воинское мастерство в июле 1920 года В.М. Примаков был награжден второй высшей наградой того героического времени — орденом Красного Знамени. Третьим орденом Красного Знамени он был награжден за

разгром басмаческих банд в Средней Азии. Переходя в подчинение командира корпуса Червоного казачества, наслышанный о его личном мужестве и бесстрашии, я представлял В.М. Примакова умудренным жизнью, таким запорожским казаком с могучими плечами, седыми усами. Но увидел стройного, подтянутого юношу с волевыми глазами, прикрытыми серебристыми дужками очков, и мягкой улыбкой.

— Примаков, — назвал он себя. — Что ж, будем жить, служить и побеждать... Помните, товарищ Горбатов, самое мощное наше оружие — это рейды по тылам противника, но в строгом соответствии с общими планами операции и строжайшей дисциплиной.

Обходительность и обязательность моего нового командира, душевность и теплота как-то отошли в сторону, и я беседовал уже с требовательным, волевым, даже суровым по-своему человеком. Добавлю, что в то время Виталию Марковичу было всего 23 года.

Прошли годы. Служба развела нас по разным краям нашей страны, но память постоянно напоминала о школе Примакова. Вместе с нашей армией рос и коммунист-ленинец Виталий Маркович Примаков, командир 1-го Конного корпуса орденов Ленина, Красного Знамени, ордена Трудового Красного Знамени Украины Червоного казачества имени Всеукраинского ЦИК.

Талант народного вожака, бесстрашного комкора Гражданской войны, военачальника, одаренного литератора-публициста, ярко проявился и на военно-дипломатической работе, на командной работе в высших объединениях РККА.

Его арестовали в 1936 году. В июне 1937 года Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР признало его виновным... в измене Родине, систематическом снабжении одного из государств шпионскими сведениями, вредительстве, восстановлении в СССР власти помещиков и капиталистов. Приговор перечеркивал дело всей жизни моего бывшего командира. Он был расстрелян. В день гибели В.М. Примакову не было и сорока лет.

Мне известно, что в период следствия Виталий Маркович стойко отвергал все нелепейшие обвинения. Но спустя девять месяцев после ареста В.М. Примаков и В.К. Путна дали «показания», которые были основанием для ареста М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, И.Э. Якира, А.И. Корка, Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана как активных деятелей контрреволюционного

военного заговора. Известно, что в «последнем слове» В.М. Примаков произнес «обвинительную речь» в свой адрес, в адрес тех, кто сидел рядом с ним на скамье подсудимых. Нам, прошедшим все девять кругов лефортовского ада, нельзя обвинять его в этом. Он мог подписать ложные показания, находясь в невменяемом состоянии¹. Но если вдуматься в так называемое «последнее слово» нашего комкора, его службу «под фашистским знаменем», то каждая фраза, каждое слово этих нелепейших обвинений — это же фразы Вышинского, Ульриха. Находясь у последней черты, после которой нет жизни, Виталий Маркович своим сарказмом шел в последний бой, отвергая «нелепейшим признанием» нелепость предъявленных обвинений.

Двадцать лет этот приговор не подлежал обсуждению. Но лично меня, тысячи и тысячи воинов школа Примакова вела в бой в годы Великой Отечественной войны от одной победы к другой. В его гибели — кровь, гибель без славы и пользы для Родины тысяч воинов нашей Отчизны на полях сражений с гитлеровскими захватчиками...

Боевые дела продолжались: нашу бригаду комкор В.М. Примаков подчинил начальнику 17-й кавалерийской дивизии П.М. Боревичу. Позже начальником этой дивизии стал знаменитый Григорий Иванович Котовский, награжденный тремя орденами Красного Знамени, Почетным революционным оружием — боевые отличия за мужество и отвагу, проявленные в боях за власть Советов. И я горжусь, что Г.И. Котовский был моим командиром. Ну а тогда, в том далеком 1920 году, В.М. Прима-

¹ Бывший начальник отделения НКВД Авсеевич А.А. на допросе в прокуратуре 5 июля 1956 г. говорил: «Примерно в марте 1937 года я вызвал на допрос Примакова. Он был изнурен, истощен, оборван, имел болезненный вид.

Примаков и Путна на первых допросах категорически отказывались признать свое участие в контрреволюционной троцкистской организации. Я вызывал их по 10—20 раз. Они сообщили мне, что, помимо вызовов на допросы ко мне, неоднократно вызывались к Ежову и Фриновскому. На одном из допросов Примаков заявил, что накануне вызывался к Ежову, там был серьезно предупрежден о последствиях, в случае если будет запыряться... Примаков обещал Ежову подумать и сейчас будет давать показания...»

Бывший работник НКВД Бударев В.И. вспоминал: «Дело Примакова я лично не расследовал, но в ходе следствия мне поручалось часами сидеть с ним, пока он писал сам свои показания.

Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить дать показания о своем участии в троцкистской организации. Таким образом, его не оставляли одного». (Красная звезда. 1988. 4 июня.) (Примеч. ред.)

ковым нам было приказано с ходу вступить в бой за село Клинины, которое, как и другие населенные пункты, мы хотели захватить в конном строю, но противник встретил нас сильным огнем; вдобавок перед селом с восточной стороны была заболоченная долина, а с севера протекал гнилой ручей. Мы готовились повторить атаку в пешем строю, но в это время подъехал командир 17-й кавалерийской дивизии; после моего доклада об обстановке и решения атаковать спешенными он приказал не торопиться с атакой и обождать еще один кавалерийский полк, который в ходе боя отставал.

У нас все было готово к атаке, и, боясь, что противник скроется за госграницей, которая находилась в 7—8 километрах, мы, не дождавшись подхода полка, атаковали село в пешем строю, с обходом его с севера. Село было захвачено, а вместе с ним штаб дивизии, до 600 пленных, 6 орудий, машины и другие трофеи, а остатки петлюровцев мы преследовали до границы. Город Волочиск был захвачен 8-й кавалерийской дивизией Червоного казачества.

К концу 1922 года недобитые петлюровские банды, действовавшие в Подольской губернии и в прилегавших к ней уездах, были рассеяны и полностью ликвидированы.

Так было покончено с организованными силами петлюровских войск. За этот бой В.М. Примаков наградил меня серебряным кинжалом. Это моя первая боевая награда в Красной Армии.

За бои с белополяками я был награжден орденом Красного Знамени.

Подводя итоги моей службы в должности командира Отдельной Башкирской кавалерийской бригады, считаю необходимым отметить, что бригадой в годы войны было проведено много удачных боев против белогвардейцев и интервентов, и не только против войск Колчака и помещичьей Польши, но также против петлюровцев и других банд. Много башкир отдали свою жизнь за дело революции. Среди них было множество отважных, преданных советской власти красноармейцев и командиров, которые всегда были готовы выполнить любой приказ и не щадили свою жизнь, отстаивая дело революции.

К сожалению, я не вел тогда записей и забыл имена и фамилии многих отважных людей. В моей памяти сохранились имена таких, как командир 27-го кавполка Файзулин Хусаметдин Шаранович — исключительно смелый, инициативный коман-

дир; командир 1-го кавполка Ашранов, неторопливый, расчетливый и отважный, пользующийся всеобщим уважением; командир полка Муртазин Ибрагим, который погиб смертью храбрых еще до моего прибытия в бригаду, но знакомый мне так, как будто я с ним встречался, столько я слышал хорошего о нем от многих башкир; Гасапов Усман, волевой, честный и боевой командир. Отличной репутацией пользовались политработники — комиссар бригады Кузьминский, комиссары полков Кучаев и Комалов Гали. Вся бригада хорошо знала фамилии своих отважных командиров эскадронов Ишмуратова, Заянчурина, Казнобаева, Гафурова и других.

А сколько еще было людей, фамилии которых я не могу припомнить! Многие из них уцелели от вражеских пуль во время войны, но погибли в 1937—1938 годах... Да, и такие люди гибли в сталинско-бериевских застенках, на лесоповале, на приисках, рудниках и шахтах.

2-й кавалерийской дивизией около года командовал Д.А. Шмидт, а после него беспрерывно двенадцать лет — П.П. Григорьев. Полками командовали молодые, энергичные и способные товарищи С.П. Синяков (ставший генерал-лейтенантом авиации), И.И. Карпезо и другие. Все они много раз рисковали своей жизнью, защищая завоевания Октябрьской революции...

Боевая судьба свела меня с И.В. Дубинским, членом КПСС с 1918 года, участником боев и сражений с деникинцами, врангелевцами, белополяками, политическими бандами Петлюры, Махно и другими «бело-зелеными», «повстанческими армиями» мелкобуржуазной контрреволюции, которая, по определению В.И. Ленина, «была более опасна, чем Деникин, Юденич, Колчак вместе взятые».

Военком 48-го Червонно-Казачьего полка И.В. Дубинский за «захват осенью 1920 года города Волочиск, бронепоезда петлюровцев и массы трофеев» был награжден орденом Красного Знамени, а через год командир И. Дубинский был награжден серебряными часами «За отличие полка в действиях против банды атамана Паляя, перешедшего польскую границу». Эти строчки я нашел в газете «Красная звезда» от 10 июля 1924 года, № 154. 1937 год своим черным крылом захватил коммунистобойца. 15 апреля 1955 года мой боевой друг и товарищ по оружию был полностью реабилитирован. Тогда мне неоднократно доводилось встречаться с бывшим полковым кузнецом корпуса Червонного казачества, к 1937 году ставшим комкором, Нико-

лаем Федоровичем Федоровым и его сыном Святославом Николаевичем, имеющим небывалые успехи в области микрохирургии глаза, и мы вспоминали службу в рядах Червонного казачества (И. Дубинский, Н. Федоров, как и многие тысячи других бойцов партии и верных сынов Отчизны, по 17 лет пробыли за колючей проволокой ГУЛАГа). В дружеских беседах мы вспоминали нашу командирскую юность, бои и походы, тех, кого нет с нами, но совсем не любили вспоминать Колыму, лесоповал и другие сталинско-бериевские тюрьмы и лагеря, опоясанный колючей проволокой ГУЛАГ.

По окончании Гражданской войны, после краха вооруженных походов внешней и внутренней контрреволюции, срыва экономической блокады страны, разгрома вооруженных контрреволюционных бандитских выступлений типа Н. Махно, С. Петлюры, Н. Григорьева и других я не думал оставаться в кадрах Красной Армии. Меня звали родные просторы Ивановщины, ждала мать. Из писем узнавал, что ждет, несмотря на свою сдержанность и суровость, отец, дорогие мне сестры. Руки истосковались по земле. Очень хотелось подержать в руках золотом налитое зерно, размахнуться косой по росистому сенокосу. Наряду с этим считал, что лично я как коммунист и воин свой долг перед революцией выполнил, поэтому полагал, что в мирное время найдутся командиры более грамотные, знающие военное дело лучше, чем я. Но В.М. Примаков, П.П. Григорьев, Д.А. Шмидт, И.В. Дубинский и другие командиры считали, что мое место в строю защитников Родины. Я был оставлен в кадрах Вооруженных Сил СССР для прохождения службы на командных должностях.

Глава 4

БОЕВАЯ СЛУЖБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Обстановка 1921—1922 годов — это был период перехода молодой Советской страны и ее Красной Армии от войн и борьбы с политическими бандами к работе и учебе в мирных условиях. Этот переход осуществлялся в весьма сложной обстановке как в международном, так и внутреннем положении страны.

Мировая реакция, три года возглавлявшая борьбу против советской власти, не хотела мириться со своим поражением в открытой вооруженной борьбе. Она не могла согласиться с существованием советской власти и, вопреки своим многократным

пророчествам о крахе власти Советов, видела укрепление этой власти в стране. Мировая реакция продолжала цепляться за Приморье на Дальнем Востоке, поддерживать марионеточные правительства на Кавказе, банды на Украине, Средней Азии, Дальнем Востоке, организовала мятеж в Кронштадте и т. д.

Внутреннее положение страны после окончания войн — мировой, Гражданской — было очень тяжелым. Промышленность и сельское хозяйство (и без того отсталые) пришли в полный упадок. Венцом этого бедственного положения оказался сильный неурожай 1921 года, в результате чего возник голод. Рабочие, крестьяне и служащие не имели самого необходимого, начиная от спичек, керосина, ситца, одежды, обуви, кончая хлебом, жирами и солью. Деньги катастрофически обесценивались.

Все это было настоящим испытанием жизнеспособности и крепости впервые организованной советской власти. Мы знали, что враги радуются нашему бедственному положению, что нам никто не поможет и что мы должны надеяться только сами на себя! И мы верили в свои силы, в светлое будущее! Работали, не считаясь со временем, с усталостью, с лишениями. На преодоление этих, казалось бы, непреодолимых трудностей нас воодушевляла Коммунистическая партия во главе с В.И. Лениным, которому мы верили больше, чем себе. В тяжелых условиях голода и разрухи Красная Армия продолжала бороться за ликвидацию различных банд, восстанавливала разрушенную промышленность, работала на полях, участвовала в субботниках.

В связи с окончанием Гражданской войны и укреплением международных позиций СССР возникли необходимые условия для перевода Красной Армии на мирное положение и сокращения расходов на ее содержание. При переходе на мирное положение встал ряд вопросов военного строительства. Следовало провести демобилизацию армии, реорганизовать структуру частей. Демобилизация была осуществлена в три этапа и завершилась к концу 1924 года. Ее численность уменьшилась с 5,5 миллиона до 562 тысяч человек.

Весной 1921 года, выполнив свою задачу, Отдельная Башкирская бригада была переформирована в отдельные эскадроны и поставлена на польскую и румынскую границы. Я находился в городе Каменец-Подольске при 15-м эскадроне, одновременно командуя им.

Численность соединений Красной Армии сокращалась, а задачи по борьбе с бандитизмом с нас не снимались, так как ос-

татки недобитых банд петлюровцев продолжали грабить местное население, пытались вступить в бой с мелкими подразделениями частей Красной Армии. Особенно издевательским, бесчеловечным надругательствам недобитые бандиты подвергали захваченных одиночных красноармейцев, о чем я скажу позже.

Усилиями всей страны армия становилась регулярной. Командный ее состав стал носить знаки различия в виде треугольников, квадратов, прямоугольников и ромбов. Петлицы на шинелях и на гимнастерках были разного цвета (по роду войск), а знаки различия обозначали: треугольники — младший командный состав, квадраты — средний, прямоугольники — старший, а ромбы — высший командный состав. После реформирования бригады отдельный полк под моим командованием включал в себя отдельные эскадроны, которые оперативно подчинялись командирам пограничных отрядов, так как бандитские формирования продолжали, прорываясь через границу или укрываясь в лесах, грабить местное население.

Начальник одного из пограничных отрядов на зеленых петлицах носил ромб. Однажды, будучи в подчиненном мне эскадроне, он увидел, что на моих петлицах нет знаков различия, и в резкой форме потребовал прикрепить мои знаки различия. Через несколько дней он встретил меня с двумя ромбами и выразил удивление: неужели я не умею отличить ромб от квадрата? Я ответил шутя: «Ну не все ли равно. Раз уж пришел, перешивать не буду». Этот ответ он воспринял как дерзость и повышенным голосом потребовал, чтобы я пришел себе три квадрата. Я же спокойно разъяснил ему, что командиру отдельной бригады положено носить два ромба. Мы от души посмеялись и с тех пор стали хорошими друзьями.

В конце ноября 1921 года был получен приказ: все эскадроны Башкирской кавалерийской бригады снять с границы, перевести в город Хмельник и влить в 17-ю кавалерийскую дивизию 1-го Конного корпуса Червоного казачества (позднее переименованную во 2-ю кавдивизию). Приведя эскадроны в город Хмельник, я явился к командиру дивизии Д.А. Шмидту.

В 1921 году прошла большая демобилизация. Отдельная Башкирская кавалерийская бригада была реформирована в 12-й Башкирский кавалерийский полк полного состава, часть дорогих моему сердцу башкир была направлена на доукомплектование 7-го кавалерийского полка.

Я не считал себя подготовленным для командования бригадой в мирное время и выразил желание командовать только Башкирским кавалерийским полком. Командир дивизии Д. Шмидт не согласился, поскольку им был уже назначен в этот полк другой командир. Но командир корпуса В.М. Примаков, узнав о моей просьбе, приказ командира дивизии отменил и назначил меня командиром Башкирского полка.

В конце 1920 года и первой половине 1921 года я был назначен начальником трех уездов (Брацлавского, Тульчинского и Гайсинского) по ликвидации банд и охране сахарных заводов. Штаб тогда еще бригады с учебной командой находился в селе Рачки (6 километров восточнее города Немиров Винницкой области). Полки и эскадроны были разбросаны на громадной площади. В течение двух месяцев бандиты перехватили у нас двенадцать кавалеристов-башкир, направленных в штабы полков и бригады с донесениями.

Все они подверглись бесчеловечным пыткам. У них отрезали уши, носы, вырвали языки, половые органы и, обезображенных, выбросили на дороги. Как правило, все они погибали в тяжелейших мучениях. Однажды и я, выходя из хаты, в которой ночевал, обнаружил подsunутую под входную дверь записку, в которой один из доброжелателей предупреждал меня, что в Рачки вернулись семь бандитов, которые хвалились в тесном кругу, что прибыли затем, чтобы в темноте поймать, кастрировать меня и изъятое послать Троцкому к Пасхе. Указаны были фамилии бандитов и хата, в которой они все ночевали. Сообщалось и о том, что они сегодня намерены присутствовать в волости на собрании.

Из учебной команды я вызвал тринадцать человек: сначала мы заехали в хату, где ночевали бандиты, но там их не оказалось. Живущая в хате бедная старуха подтвердила, что они действительно у нее ночевали, и в свое оправдание сказала: «Что же я могла с ними сделать, в свои хаты они не пошли ночевать, боясь, что обвинят их родных, а меня припугнули. Ушли от меня еще до рассвета, а куда — не знаю».

Поехали в волость, что находилась в семи километрах. У здания волостного управления толпились человек пятнадцать. Мы предложили им войти в помещение, оставили у здания трех красноармейцев, а с десятью я вошел в здание. Большой зал был полон народу, что-то активно обсуждали, но когда мы вошли, все притихло. Я попросил председателя сделать перерыв на 20—30 минут. Получив согласие, приступили к работе. Сначала попроси-

ли выйти из помещения женщин и стариков. Затем я назвал фамилии семи человек, перечисленных в записке, но, конечно, из названных мною никто руку не поднял и не встал.

Подошедший ко мне красноармеец шепнул: «Они здесь, мне сказал крестьянин».

На мой повторный и категорический приказ поднять руки или встать нехотя поднялась одна рука. Я потребовал, чтобы он отошел в указанный угол.

На следующее требование поднять руки тем, кто прибыл в село Рачки вообще, поднялись еще двое: у них я спросил, знают ли они кого-нибудь из перечисленных мною семи человек, и, получив утвердительный ответ, предложил им показать, и они показали на остальных.

На приказ отойти в указанный угол трое отошли, а еще трое попытались спрятаться за спинами других. Но мои помощники не дремали, к каждому бандиту подошли по два красноармейца и водворили в угол.

Когда подтвердилось, что все семь человек, которых мы искали, находятся в углу, мы связали им руки бечевкой и вывели из помещения.

Состоялось открытое заседание военного трибунала бригады. Все задержанные оказались матерыми бандитами, кроме одного. Крестьяне уличили шесть человек в жестоком отношении к местным жителям, убийствах, грабежах, насилиях. Не был уличен лишь тот, кто поднял руку первым. Шесть человек понесли заслуженную кару, а седьмому было объявлено условное наказание.

Бандитские действия в различной форме имели место до конца 1922 года. В районе юго-восточнее Летичева погибли около тридцати красноармейцев, а в районе севернее Литина был зверски убит командир 10-го кавалерийского полка 2-й кавалерийской дивизии Червоного казачества. Несмотря на террор и запугивания, мы продолжали выполнять свой воинский долг, помогая всеми силами восстановлению работы промышленных предприятий, нормальному ведению крестьянами сельскохозяйственных работ. Тот район Винницкой области, где мы дислоцировались, был богат сахарными заводами, но их нормальной работе мешали бандиты. Бандитам помогали бежавшие хозяева. Они использовали лиц, оставшихся на заводе, с которыми поддерживали нелегальную связь. Мы были вынуждены охранять заводы, их продукцию и обеспечивать нормальную ра-

боту, а с помощью рабочих выявлять тех, кто продолжал работать на своих прежних хозяев.

В те годы питание Красной Армии, как и страны, было очень скудным. Помню одно собрание, на котором стоял вопрос об отчислении от месячного пайка десяти процентов в фонд голодающих. Помню, как поднимались красноармейцы один за другим, предлагали отчисление не десяти процентов, а двадцати пяти и в течение не одного месяца, а трех месяцев.

Рабочие, крестьяне и служащие по всей стране не имели самого необходимого — хлеба, соли, одежды, обуви, керосина, спичек. Деньги катастрофически падали в цене, стоимость их понижалась не по дням, а по часам, и все стремились получить жалованье первыми, а не последними. Моя квартира была недалеко от шоссе, идущего от казарм в местечко. Я видел, как получившие жалованье командиры вместе с женами бежали в местечко на базар или в лавку, чтобы скорее отоварить деньги. И этот бег наперегонки себя оправдывал: кто получал и расходовал до двенадцати часов, больше покупал на ту же сумму, чем те, кто получал и покупал после двенадцати часов этого же дня.

Много лет спустя часто приходилось вспоминать то трудное время и задавать себе вопрос: как могло получиться, что молодая Красная Армия, разутая, голодная, при отсутствии самого необходимого вооружения, боеприпасов, военных кадров и тому подобного, могла победить в трехлетней ожесточенной борьбе столь оснащенного и опытного врага?

Тогда большинство отвечало так:

— рабочие и крестьяне были доведены до крайней нищеты и бесправия произволом капиталистов, помещиков во главе с царизмом, их терпение было переполнено почти четырехлетней войной, чуждой их интересам;

— лозунги Коммунистической партии — мир, земля и воля — были доходчивы и близки сердцу каждого рабочего, крестьянина, солдата;

— цементирующим свойством этой силы, ее двигателем были коммунисты, которые на фронте и в тылу личным примером увлекали массы на преодоление лишений и показывали пример мужества и самопожертвования в интересах общего дела;

— большую пользу принесла правильная национальная политика, проводимая в интересах любой национальности нашей страны, что подтверждалось проявлением массового героизма не только русскими, украинцами, белорусами, но и татарами, баш-

кирами и всеми народами, населявшими Среднюю Азию, Кавказ и другие районы.

Особенно это видно людям моего возраста, которые в детстве щепали лучины для освещения, которые помнят заграничное клеймо на таких элементарных изделиях, как коса, скудное обеспечение царской армии и другое.

В 1921 году Красная Армия в связи с демобилизацией резко сокращалась. В то время я думал: в кадрах армии после демобилизации останутся те командиры, которые имеют высшее и среднее образование, а такие, как я, учившиеся неполных три года, будут уволены.

Сложнейшие вопросы встали тогда и перед Вооруженными силами молодой Страны Советов. 1 марта 1921 года был объявлен приказ Реввоенсовета Республики, в котором говорилось:

«1. В основу оценки соответствия лиц комсостава с занимаемыми должностями и представления к продвижению... ставить боевые качества и преданность Советской власти. Если аттестуемый начальник в своей настоящей должности был способен управлять своей частью при боевой обстановке революционной войны и при этом проявил себя преданным работником Советской власти, то это вполне определяет как его пригодность к занимаемой должности, так и возможность продвижения на высшую...

2. С особым вниманием относиться к оценке тех начальников, которые выдвинулись на командные должности из красноармейской среды во время революционной войны... Если теоретические познания в военном деле этих лиц невелики, то необходимо стремиться поднять их военное образование...

3. Не допускать, чтобы лица командного состава, не имеющие боевого стажа, получили бы преимущества перед командирами, проявившими особые способности управления войсками в боевой обстановке...»

В соответствии с этим приказом, подписанным Э. Складским и С. Каменевым, я был оставлен в кадрах армии в должности командира полка.

Вступив в командование полком, я понял, что командовать им в мирных условиях, условиях разрухи, дело нелегкое, и уверен, что командиру полка царской армии в 1912 году командовать полком было значительно легче.

В 1912 году, когда я начинал службу солдатом, наш Черниговский гусарский полк располагался в казармах и конюшнях, подрядчики доставляли на полковой двор сено, дрова, на склады

регулярно поступало продовольствие, обмундирование, имелись манежи, столовые, тир, стрельбища, для офицеров — квартиры, учеба шла по твердо установившимся планам и порядкам.

В 1922 году полк, в который я был назначен командиром, был расквартирован по деревням. Приходилось много работать, чтобы обеспечить более или менее нормальную жизнь и учебу людей. Тревожил меня образовательный ценз. Мои соседи были со средним или незаконченным средним образованием, а я учился в школе всего три зимы. Я положил себе за правило по-настоящему учиться самому, все полезное перенимать не только у начальников, но и у подчиненных и соседей.

Из всех командиров, не только в полку, но и в дивизии, я в тридцать своих лет был самым старшим по возрасту. Несмотря на то что я был, как говорят, «старым» из кавалеристов, никогда не увлекался манежем. Манеж использовал постольку, поскольку он необходим для выездки лошадей, обучения молодых кавалеристов езде, преодолению стандартных препятствий, рубке лозы, вольтижировке. Всю тренировочную работу выносил в поле в комплексе с тактическими занятиями и преодолением полевых препятствий.

Поэтому в соревнованиях на фигурную езду, на высшую выездку лошадей мы немного уступали первенство соседям. Приходилось слышать от командира дивизии: «Горбатов не любит манежа, он увлекается полем». Так записано в моей аттестации того времени. Но я упорно не считал это недостатком, поскольку это давало возможность больше заниматься боевой подготовкой. Я получал полное удовлетворение при разборах учений, проводимых старшими начальниками. Не было случая, чтобы полк серьезно упрекнули на разборе какого-либо учения; часто мы слышали: «Поле для полка Горбатова — его стихия», «Полк в поле как рыба в воде», «Действия полка являются светлым местом этих маневров».

Моим верным помощником в то время был комиссар полка П.С. Дьяченко, член партии с 1918 года. Это был любимец бойцов, человек беспокойный, вникавший во все поры жизни и учебы полка. Участник штурма Зимнего дворца, он отважно воевал и в Гражданскую. Во время стычки с бандой вышел из строя командир эскадрона. Тогда эскадрон возглавил комиссар полка. Командовал он умело, смело и решительно. Банда была разгромлена. Конники захватили восемь пленных и станковый пулемет. Наш комиссар служил живым примером для каждого бойца. Он

был отличным кавалеристом — на дивизионных соревнованиях по рубке часто выходил победителем, ему вручались первые призы.

Наравне с тактической подготовкой нами большое внимание уделялось политическим занятиям, стремились, чтобы каждый боец знал внутреннее и международное положение страны, понимал, для чего он служит и что он защищает, мы повышали общеобразовательный уровень в общем-то малограмотных своих бойцов.

Старательно мы занимались и стрелковым делом: боевой стрельбой на неизмеренные расстояния, по замаскированным и появляющимся мишеням и стрельбой из станковых пулеметов с закрытых позиций. Поэтому полк уверенно удерживал первенство в полевой подготовке как по коллективным, так и индивидуальным стрельбам. Да и сам я стрелял, как правило, отлично: за успехи на дивизионных соревнованиях 1924 года я получил большие золотые часы с боем, секундомером, показывающие месяц, число, день недели. Этот подарок до сих пор берегу как память. Приз я взял и в 1926 году.

Однажды на дивизионных соревнованиях разыгрывались золотые часы большой ценности. Из полка нужно было выделить команду в составе десяти человек. Я был в большом затруднении, кого включить в список. У нас было много отличных стрелков, которые выбивали по 43—48 очков из 50 возможных. Когда список был составлен, командиры узнали, что я в него не включил себя, и опротестовали.

— Я выбиваю сорок одно — сорок два очка, а в список включены те, кто стреляет более метко, — ответил я.

— Меньше сорока двух вы никогда не выбиваете. А мы сегодня — сорок шесть, завтра — тридцать девять, — ответили они.

Товарищи настояли на включении в список и меня. На соревнованиях из 45 представленных командиров 43 выбили менее 40 очков. Лишь один комвзвода 10-го полка да я выбили по 41 очку. При перестрелке комвзвода выбил 37, а я 46 очков.

На нашем полком шефствовали рабочие Макеевского металлургического завода, крупнейшего по тому времени. На заводе я был два раза. В один из моих приездов директор, высококвалифицированный инженер, показывал мне завод. Сильное впечатление произвели на меня слаженность в работе многочисленных рабочих: опытные сталевары, словно шеф-повара, внимательно следили через маленькое оконце домны за бурлящей огненной массой, чтобы не переварить, чтобы вовремя выпустить ее в ги-

гантские ковши раскаленной струей, искрящей и брызгавшей миллионами звезд. Металлические полосы, как длинные извивающиеся змеи, выскакивали из прокатных станов. Всюду тянулись рельсы, по которым катились паровозы, вагоны и вагонетки.

От всего виденного я был в восхищении, высказал это директору, добавив: всю эту сложную работу в совершенстве должен знать директор.

— Да, — с чувством своего превосходства (как мне показалось) согласился со мной директор и добавил: — Это не то что у вас, военных: направо, налево.

Мне стало обидно за военных, за невысокую оценку их работы, и я сказал:

— По всему видно, что вы плохо представляете себе работу военных. Работа военных, если взять командира дивизии, не менее, а может быть, более сложная, чем ваша. Задача завода — выполнить план по количеству и качеству продукции. Чем больше и лучше работают рабочие, тем больше их заработок. Мы, военные, тоже должны качественно выполнить свой план боевой и политической подготовки, подготовить солдат и командиров так, чтобы они могли выполнять задачи с меньшими потерями в людях и технике. А еще разница в том, что на заводе результаты работы видны каждый день, а мы, военные, по-настоящему увидим свои результаты только на войне, где исправлять ошибки, устранять недоделки, наверстывать упущенное будет поздно. За все придется расплачиваться очень высокой ценой — человеческой кровью, а кровь людская, как известно, не водица.

21 января 1924 года, задолго до рассвета, я выехал с комсоставом полка в поле для проведения занятий. К вечеру возвращались домой. На большой дороге нам стали встречаться люди, шедшие из местечка с понуро опущенными головами, а некоторые — с заплаканными глазами. Сначала мы думали, что это от резкого встречного ветра, а когда приехали в военный городок, то и там увидели такую же картину среди красноармейцев и командиров. Я спросил одного из них:

— В чем дело, почему плачете?

— Да неужели вы еще не знаете? Умер Ленин...

От этой вести больно сжалось сердце. Взяв себя в руки, я посмотрел на приехавших со мной. У всех по щекам покатались слезы, а руки невольно тянулись к глазам, чтобы смахнуть их.

В этот и последующие дни только и было разговоров о страшной, невозполнимой утрате. Везде слышалось: «Не стало самого дорогого, самого нужного, самого любимого человека». Думалось, неужели нельзя было спасти, сохранить, ведь он был еще совсем не старым? Никогда ни до этого, ни после я не переживал столь великого горя.

Нельзя выразить словами и описать глубину безысходного горя, которое пережил в то время каждый советский человек. Да, было что оплакивать, ведь мы потеряли величайшего из организаторов, того, кто не только провозглашал идеи, изумлявшие весь мир, но и умел осуществлять, претворять их в жизнь.

Не было сомнения в том, что наши враги по-иному реагировали на смерть дорогого нам Ильича. Они, безусловно, радовались нашему горю, надеялись на разброд в наших рядах, на раскол в рядах Коммунистической партии.

Но их надежды не оправдались. Коммунисты еще крепче сплотились вокруг ленинского ядра — Центрального Комитета. На призыв партии откликнулась лучшая часть рабочих и крестьян, в короткий срок ее ряды пополнились новыми членами в количестве 250 тысяч человек.

В эти скорбные дни я и комиссар полка на собраниях горячо призывали каждого члена партии и партийную организацию в целом быть ближе к красноармейцам, проявлять больше бдительности и мобилизовать всех без исключения на более высокие достижения в боевой и политической подготовке и укрепление дисциплины.

Зимой 1925 года я был командирован в Москву на совещание высших кавалерийских начальников. Сидя в купе вагона, беседа с попутчиками, увидел через открытую дверь проходившего по коридору высокого, плотного человека в военной шинели. Мне были видны лишь его спина и затылок, но тем не менее показалось в его фигуре что-то давно знакомое, отчего у меня по спине даже пробежал холодок. Я быстро встал и вышел в коридор, чтобы посмотреть, куда пошел человек, который воскресил в памяти эпизоды солдатской службы. Он вошел в одно из купе нашего вагона. Я пошел по коридору, чтобы увериться в своем предположении — увидеть его лицо.

Да, я не ошибся, это был он, бывший штабс-ротмистр Сви-дерский (на фронтах Первой мировой войны он стал ротмистром и подполковником), который обучал нас, молодых солдат, в 1912—1913 годах и который в моей памяти оставил хорошее

впечатление как знаток военного дела и очень плохое как человек, безжалостно относившийся к солдатам.

Я был сильно взволнован этой встречей, ходил по коридору, думал: почему он в форме командира Красной Армии, почему он не за границей? Я решил непременно к нему подойти. В купе, где было место Свицерского, ехало трое пассажиров: двое из них гражданские, а третий он — военный, с тремя прямоугольниками на синих петлицах.

Входя в их купе, я извинился за свое вторжение и обратился к военному с вопросом:

— Если не ошибаюсь, вы Свицерский?

— Да, я Свицерский, — ответил он.

— Тогда мы с вами хорошо знакомы, — добавил я.

Он пригласил меня сесть рядом с ним на диван. Присев рядом и взглянув на Свицерского, я поймал его изучающий, настроженный взгляд.

— Вы знали Блохина, Пантелеева, Андриевского? — спросил я.

— О да, хорошо знал, — ответил мой собеседник. Назвал по имени и отчеству командира 17-го гусарского полка, командира 6-го эскадрона, в котором я служил, и братьев Андриевских знал хорошо — того и другого. (Это были сыновья орловского губернатора, большие шалопаи и пьяницы, и оба служили в 17-м гусарском полку.)

— А Горбатов не помните? — спросил я.

— Горбатов, — повторил он с растяжкой, — так вы и есть Горбатов? Вы, кажется, были в нашем полку вольноопределяющимся?

— Да, я Горбатов, но я не был вольноопределяющимся, а служил у вас в 1912—1913 годах солдатом.

Мне показалось, что, несмотря на свой громадный рост, он сразу стал как будто бы значительно меньше, но не растерялся и заметил:

— Мне очень приятно возобновить с вами знакомство, — и, показывая на мои знаки различия (как и у него), добавил: — Рад видеть, что мое обучение пошло вам впрок!

— Да, ваша учеба не пропала даром, за это вам спасибо, — ответил я.

Он рассказал, что является председателем ремонтной комиссии, закупающей лошадей в наших республиках и за границей и поставляющей их армии. Стал расспрашивать меня, где я служу

и в какой должности. Узнав, что я командир кавалерийского полка, спросил, имеются ли у меня претензии по поставляемому нам конскому составу. И, не дав ответить на этот вопрос, рассказал, что комиссаром в ремонтной комиссии работает у него Силиндрик, член партии с 1905 года, что он и его комиссар едут в Москву на совещание высших кавалерийских начальников.

Я сказал, что комиссара Силиндрика знаю хорошо, так как он когда-то был в нашей дивизии комиссаром одного из полков, и что я еду на то же совещание, а претензий к ремкомиссии не имеется. Так состоялось возобновление нашего знакомства. После этого разговора он стал часто заходить в наше купе, чтобы продолжить беседы на различные темы. Мне все время казалось, что он чувствовал себя несколько неловко и даже настороженно в моем присутствии, но все это я относил за счет его воспоминаний о суровом, крайне грубом отношении к солдатам. Он наверняка пытался вспомнить, не принадлежал ли я к тем солдатам, которых избивал за малейшую неточность в исполнении того или иного приема, а порой совсем беспричинно, и боялся, как бы я не поднял этот вопрос в Москве.

За время нашего пребывания на совещании он часто подходил ко мне, спрашивал мое мнение по затронутым на совещании вопросам, делился своими впечатлениями, не показывая своего превосходства в знаниях надо мной, а порой переоценивая мои знания того или иного вопроса.

На совещании, увидев комиссара Силиндрика, я попросил его рассказать о Свидерском, о его поведении и отношении к работе. Рассказал, что знаю Свидерского по 1912—1914 годам, умолчав о его отношении к солдатам. Силиндрик отозвался о Свидерском больше чем хорошо, высоко ценил его как прекрасного знатока лошадей, что не было случая, чтобы он не обнаружил хотя бы малейший недостаток в лошади. Рассказал о многих случаях, когда ему предлагали большие взятки, лишь бы он не замечал кое-какие недостатки при приеме лошадей, о его категорическом отказе от всяких взяток и махинаций. Это было за границей — в Венгрии и Германии. Рассказал, что однажды в Германии ему предлагали остаться работать директором государственного конного завода, соблазняя большим окладом. На все это Свидерский ответил: «Когда была революция в России, то некоторые из наших бежали к вам, а когда она будет у вас, куда вы побежите? Нет, я пережил одну революцию и другой не хочу, мне хорошо и в России».

Силиндрик уверял, что он ничего не преувеличивает, что Свидерский честный и добросовестный работник.

На третий день совещания Свидерский пригласил меня к себе отобедать, и я согласился: мне было интересно посмотреть, как он живет. В старые годы среди нас, солдат, ходили слухи, что Свидерский принадлежит к числу очень богатых людей. Я не раз видел его жену, молодую женщину выше среднего роста и очень интересную.

Шагая с ним рядом по узкому тротуару Сивцева Вражка, думал о тех изменениях, которые произошли в результате Великой Октябрьской социалистической революции: «Его, весьма богатого и страшного, как зверя, она укротила, а меня, когда-то солдата, дрожавшего перед ним, как лист на осине, сделала ему равным. Да нет, даже значительно больше, я шагаю уверенно, как хозяин, а он теперь боится меня!»

Дверь квартиры открыла его жена. Она мало изменилась, прошедшие годы почти не оставили своего следа, по-прежнему интересна, лишь немного пополнела. Встретила меня как хорошо знакомого, сказала, что муж много говорил обо мне, пыталась даже помочь мне раздеться, что я с благодарностью отклонил.

Квартира состояла из двух больших комнат, но чувствовалась теснота. Различные вещи стояли одна на другой до потолка как в коридоре, так и в столовой.

«Вероятно, уплотнились, — подумал я, — а продавать не хотели; а может быть, надеялись на «лучшие времена».

Стол был накрыт на три человека. В центре красовались бутылки различного вина. Приборы были серебряные. Много вкусных блюд приготовлено, вероятно, хозяйкой, а сама она за столом усиленно ухаживала за мной. Вообще все было хорошо, пока дело не дошло до выпивки. Но вот бокалы наполнены, хозяин произнес длинный и содержательный тост за укрепление Красной Армии и мое здоровье как ее представителя. Они выпили, а мой бокал остался полным. Это испортило настроение хозяев. Они никак не хотели поверить, что человек в моем возрасте не может выпить вина, даже попробовать его. Мой отказ выпить с ними прозвучал как вызов, как личная обида. Им (без того настороженным) казалось, что я затеваю против них что-то нехорошее. И, несмотря на то что я уделял много внимания вкусным вещам, стоящим на столе, было неприятно чувствовать их настороженность, которая усилилась в связи с моим отказом выпить. Чтобы в какой-то степени разрядить обстановку, я сказал:

— Во-первых, очень прошу верить, что я никогда в жизни не выпил рюмки вина, даже пива: я абсолютно непьющий. Во-вторых, я чувствую в отношении меня вашу настороженность, не исключаю того, что вы вспоминаете свое чрезмерно суровое отношение к солдатам, которых вы обучали, и боитесь, что я об этом буду говорить где-то. Меня вы ударили лишь один раз обнаженным клинком по ноге. Правда, это было больно, и я хорошо это помню до сих пор. Но я к вам не имею никаких претензий. Кроме того, я узнал о вашей добросовестной работе при советской власти, это обрадовало меня, и я считаю, что вы и впредь будете работать так же хорошо, а советская власть не останется у вас в долгу.

В ответ он встал и пожал мою руку в знак благодарности. Я увидел, что они переглянулись, оживились и повеселели, им стало легко, исчезло чувство напряженности, завязался непринужденный разговор.

Я спросил его об офицерах 17-го гусарского полка, кого помнил. Охотно отвечая на мой вопрос, Свидерский рассказал, что большинство, безденежные, находятся в Болгарии, Югославии, переквалифицировались на бухгалтеров, банковских работников и даже на официантов и парикмахеров. Те, кто имеет деньги, живут в Париже.

Я сказал ему:

— Солдаты считали вас весьма богатым человеком. Я полагаю, что вы за границей.

Он чистосердечно ответил:

— Мой отец был всегда русским патриотом и держал деньги только в русских банках, а вы знаете, что получилось с деньгами, лежавшими в банках? А главное, считаю, не это: во время революции мы все время находились в Москве. Трудно сказать, как бы поступили мы, если бы в это время были на юге, возможно, и совершили бы глупость, как и другие, разделив их горькую участь.

Рассказал он и о том, в какой большой тревоге и одиночестве жили они первые годы, потеряв всех прежних знакомых, «а теперь мы очень рады, что не оказались за границей, я работаю, мою работу ценят, мы приобрели много новых друзей и живем очень хорошо».

Многое мы вспоминали в тот вечер и расстались как хорошо знакомые, пожелав друг другу успеха в жизни. Но как бывает в жизни? Встретимся со старыми давними знакомыми, а общих

интересов нет. Поговорил — и нет желания видетсья, тем более встречаться. Так и произошло с бывшим моим командиром эскадрона. Тепло расставшись в тот вечер, больше бывшего моего командира и его обаятельную жену я не видел и ничего о них не слышал.

Не могу не вспомнить другого кавалерийского офицера царской армии, прожившего сложную жизнь, — Бориса Александровича Энгельгардта, полковника-гвардейца, отличного спортсмена, имевшего больше всего призов за конкурс-иппик (тот вид скачки, который описан Толстым в «Анне Карениной»). Сын артиллерийского офицера, известного своими изобретениями для полевой артиллерии, он окончил Пажеский корпус. Во время войны с Японией командовал эскадронам. Потом ушел из армии, где делал блестящую карьеру, и, по семейной традиции «смоленских Энгельгардтов» (в отличие от однофамильцев, остзейских баронов), занялся сельским хозяйством в своем небольшом имении, стал земским деятелем, добивался организации крестьянской сбытовой и закупочной кооперации, ратовал за поощрение льноводства и возделывания других технических культур в нечерноземной полосе. Между прочим, он племянник знаменитого Б.Н. Энгельгардта, автора писем «Из деревни», о которых с высокой похвалой отзывался Ленин. Как видный земский деятель, Б.А. Энгельгардт был выбран депутатом в Четвертую Государственную думу, где вернулся к прежним военным интересам, стал докладчиком комиссии по военным вопросам. Один из немногих, он понимал необходимость перевооружения русской армии и добивался его, преодолевая сопротивление царя и министерств.

После Октябрьской революции к царскому полковнику Генерального штаба, аристократу, помещику, да еще и «октябристу» (впрочем, довольно случайному), отнеслись с вполне понятным недоверием. Когда же после убийства Урицкого в Петрограде начались аресты подозрительных «бывших», он бежал на юг, к белым, и возглавил пропагандистский аппарат в деникинской армии. Убеждал Деникина и его «правительство» отдать землю крестьянам, но, разумеется, на такой шаг помещики не согласились. К Врангелю Энгельгардт не пошел, ибо считал его не русским патриотом, а человеком, защищающим исключительно корыстные интересы реакционной верхушки. Вообще он был убежден, что песенка помещичье-буржуазного строя в России

спета, и потому, оказавшись в Париже, не присоединился ни к одной из белоэмигрантских группировок. Работал шофером такси, затем переехал в Латвию и устроился тренером на Рижском ипподроме. Когда Латвия стала снова советской, он отказался эмигрировать, рассчитывая, что за «старые грехи» не понесет чрезмерно тяжелого наказания. Действительно, после длительного следствия он подвергся лишь административному выселению в Хорезмскую область, где находился вплоть до 1946 года.

Во время Великой Отечественной войны Энгельгардт подал заявление о том, что хотел бы служить в армии, хотя бы солдатом. Врачебная комиссия признала этого почти семидесятилетнего человека годным к военной службе без ограничений, но зачислять его в армию сочли нецелесообразным. После войны он продолжал работать на Рижском ипподроме и умер в возрасте около девяноста лет полноправным советским гражданином, получая трудовую пенсию.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы Б.А. Энгельгардту оказали доверие в 1918 году, он был бы таким же честным советским работником, как Свидерский, и принес бы еще больше пользы нашему коневодству и армии, так как обладал глубокими знаниями, трудолюбием, энергией, был человеком правдивым и искренним.

Б.А. Энгельгардт оставил интересные воспоминания, которые, насколько мне известно, у нас не переиздавались.

Я отлично понимал, что для командования полком моего образования мало. В те годы была своеобразная горячка, все, в том числе и я, стремились учиться. Старались как можно больше познать в короткий срок. Одни учились в академиях, училищах, на курсах, другие использовали для учебы время, положенное на ежедневный отдых, то есть учились без отрыва от производства, делая упор на самообразование. Много читали, особенно классиков литературы, как русской, так и зарубежной. Бывали на выставках и в музеях. Стремилась к знаниям по математике, физике, химии. И пожалуй, самообразование в короткие часы отдыха, личного времени давало нам то, что мы не могли получить в детстве и в юности. Выработывалось то, что можно назвать «внутренняя культура», «интеллигентность».

Некоторые из начальников, несмотря на просьбы, не отпускали на учебу нужных им командиров, говоря им: «Подожди,

чего тебе учиться, я за тебя, неученого, и двух ученых не возьму»; не отпускали и меня.

С тех пор прошло уже много времени, но я с удовольствием вспоминаю те времена, исключительно дружную и слаженную работу, начиная с младшего командира и кончая самым высоким начальником. С каким громадным энтузиазмом, азартом боролись все за высокие показатели в учебе и воспитании, как мало было самых незначительных проступков, а о преступлениях редко бывало слышно. Большое количество дней в месяце гауптвахта пустовала, а военному трибуналу судить было некого, правда, члены трибунала вели большую воспитательную работу. В то время больше внимания уделяли предупреждению проступков. Такой работой занимались все, не только командиры и политработники, но и члены трибунала, следователи, врачи и каждый коммунист.

Помню, как сильно я переживал малейшее замечание командира дивизии или других начальников за тот или другой недостаток в работе полка, как лишался аппетита, сна, мучаясь, думал, почему не смог сам заметить этого недостатка.

Наконец, мое желание исполнилось — осенью 1925 года меня направили на учебу на кавалерийские курсы усовершенствования в город Новочеркасск на отделение командиров полков без исключения из списков полка. Начальником курсов был старый мой знакомый А.Г. Голиков — тот, который во время войны с белополяками командовал 7-й стрелковой дивизией и конной группой, где я был командиром полка, а потом Отдельной Башкирской кавалерийской бригады.

В связи с отбытием мною был отдан по полку приказ, написанный лично. Поэтому привожу его дословно:

«П Р И К А З

7-му Черниговскому Червонного казачества
кавалерийскому полку

№ 398

6 октября 1925 г.

г. Старокостантинов

Согласно приказу по войскам УВО за № 266/3 и 2-й кавалерийской дивизии я убываю для прохождения кавалерийских курсов усовершенствования. Временно командовать полком остается тов. Дмаховский Николай Генрихович.

Дорогие товарищи!

Мне довелось принять полк в то время, когда он после расквартирования по обывательским квартирам переходил в казармы. Много трудностей вставало перед нами. В казармах не хватало самого необходимого: не были отремонтированы печи, не было зимних рам, керосин отпускался в четыре раза меньше, чем было нужно. Его не было даже для освещения. Отсутствовали постельные принадлежности. Не было конюшен. Но благодаря большому сознанию всего личного состава полка мы дружно взялись за работу своими силами. Была проделана колоссальная работа по оборудованию казарм и конюшен. Командный и политический состав делал ежемесячные отчисления от своего скудного жалованья, благодаря чему красноармейцы имели необходимый свет, тепло и уют в казармах и ленинских уголках.

Командный состав имеет хотя и без должного оборудования и небольшие, но необходимое количество квартир.

После короткого промежутка стояния в казармах и регулярной учебы были сколочены, окрепли сначала эскадроны и команды, а потом и полк в целом — в дружную, интернациональную семью, в крепко спаянную боевую единицу.

К настоящему моменту порядок и дисциплина значительно поднялись и окрепли. Личный состав научился многому, уход за конским составом значительно поднялся. Подразделения полка с возложенными на них задачами справляются успешно.

1. Штаб полка, несмотря на постоянное отсутствие помощника по строевой части, отсутствие начальника или помощника в штабе, успевал давать необходимые указания по учебе.

2. Хозчасть, получая на хознужды суммы денег недостаточные, сумела скопить около 4 тысяч рублей хозяйственных сумм; произвела постройку топчанов, столов, скамеек и табуреток; произведен ремонт помещения школы, создана хорошая библиотека, улучшился рацион красноармейской пищи...

3. Медицинская и ветеринарная части работали все время с некомплектом в личном составе почти в пятьдесят процентов, обслуживали не только полк, но и части гарнизона. Заболеваемость как людей, так и лошадей сократилась. Ковка коней, несмотря на некомплект кузнецов, однообразная и стоит на удовлетворительном уровне.

4. Командный и политический состав полка, работая в громадном некомплекте, добился больших результатов в области воспитания и обучения воина-гражданина.

Большим испытанием для нас была осень 1924 года, когда по демобилизации от нас ушел почти весь красноармейский состав. Оставшимся пришлось работать без устали, чтобы сохранить коней и материальную часть. Скажу прямо: сохранение за тот период конского состава и материальной части может служить примером высшего напряжения сил красноармейцев, командного и политического состава полка и высокой ответственности, чтобы исключительно добросовестно выполнить свой воинский долг, дорожить честью полка.

Дорогие товарищи! Расставаясь с вами, обращаюсь к вам с советом:

Уделяйте всегда должное внимание воспитанию бойца Красной Армии. Это больше чем необходимо. Когда каждый красноармеец поймет, что такое Советская власть и чего добивается Коммунистическая партия, мы можем быть уверены в том, что любую задачу решим успешно.

Добивайтесь в боевой подготовке того, что необходимо в бою. Это особенно нужно помнить, так как мы перешли на двухгодичный срок службы.

Ежедневно отдавайте хотя бы самое малое количество свободного времени, чтобы поговорить с казакон не как командир, а как товарищ. Уезжая от вас учиться, дорогие товарищи, я должен выразить сердечную благодарность начальствующему, политическому, административно-хозяйственному, медицинскому и ветеринарному составу за его сознательное отношение к делу и товарищеское отношение ко мне.

Лихим «червонцам» полка за их сознательность, дисциплинированность и хорошее ко мне отношение выражаю сердечное спасибо. Да здравствует славный и лихой 7-й полк Червоного казачества. Да здравствует единственная в мире Рабоче-Крестьянская Красная Армия! Да здравствует вождь РККА — Коммунистическая партия!

Приказ прочесть во всех эскадронах и командах.

Командир и военный комиссар
7-го кавалерийского полка
Горбатов».

Учеба мне очень нравилась и протекала хорошо. Я жадно ловил каждое слово преподавателя.

В октябре 1925 года было получено тяжелое, печальное известие: скончался всеми уважаемый нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР Михаил Васильевич Фрунзе.

От личного состава курсов я был послан в Москву делегатом для участия в его похоронах. Горько было смотреть на лежащего в гробу безвременно ушедшего от нас Михаила Васильевича, любимого наркома, гениального полководца, верного сына нашей партии, соратника товарища Ленина...

Курсы позволили мне систематизировать и в какой-то степени обогатить теорией имевшийся у меня опыт, научили методу проведения занятий с комсоставом.

Окончив курсы, вернулся в свой полк. С новыми силами и знаниями принялся за работу, чувствуя, что работа стала более целеустремленной и плодотворной. Много раз я привлекался к военным играм в округе, и все они для меня заканчивались благополучно.

Я всегда удивлялся молодости командующего войсками округа Ионы Эммануиловича Якира, его способности так проводить разборы учений и занятий, чтобы у одних не закружилась голова от успеха и не подорван был авторитет других командиров корпусов и дивизий в глазах их подчиненных.

Говоря о правильном решении, он, бывало, скажет, что оно соответствует сложившейся обстановке, но укажет и на неиспользованные возможности.

Разбирая решения, не удовлетворившие его, постарается найти в них хоть крупицы положительного, приведет другие возможные варианты решения, из которых становится ясно, что они лучше принятого, но все же не подрывает веру в свои силы у подчиненных. Возвращаясь с этих игр, я всегда чувствовал себя обогащенным новыми знаниями.

В августе 1928 года я проводил очередной отпуск в 12 километрах от Одессы на берегу Черного моря. На четырнадцатый день отдыха от командира дивизии П.П. Григорьева получил телеграмму: «Немедленно вернуться в дивизию». Не понимая, в чем дело, вечером того же дня выехал к месту службы.

По возвращении прибыл к командиру дивизии, который, усмехнувшись, встретил словами: «Как отдохнул?» А потом сообщил: «Предстоят большие окружные маневры, руководят ими нарком Ворошилов и начальник Штаба РККА Шапошников.

Наша дивизия участвует в учениях в составе одного сводного полка, сформированного по штатам отдельного кавалерийского полка военного времени, а командовать этим полком будете вы, Александр Васильевич. Вот и причина вызова. Отдохнете после маневров». Потом добавил: «Командир корпуса и я надеюсь, что вы полностью используете наши большие возможности, а теперь хорошо подумайте и послезавтра доложите свои соображения по формированию этого полка».

При очередной встрече с командиром дивизии доложил ему свои соображения по составу сводного полка дивизии. Ядром его должны были стать эскадроны нашего полка. Вливались в него и лучшие подразделения из соседних полков. Формирование мы завершили за пять суток. Двенадцать дней, оставшихся до маневров, использовали для учебы. Начали сколачивать новый полк. Занимались с увлечением, так как все стремились участвовать в больших маневрах. Приятно было во время построений и занятий видеть довольные лица красноармейцев и командиров, видеть прекрасно тренированных коней. Командовать таким полком — моя давнишняя мечта.

Перед выступлением в назначенный район полку был предусмотрен день отдыха. В этот день красноармейцы, командный состав стриглись, брились, мылись, приводили в порядок лошадей, чистили до блеска амуницию и стремена.

На окраине городка вместе с командиром дивизии мы заняли высотку, чтобы еще раз посмотреть полк, как выглядит он при выходе на маневры. Еще раз убедились, что сформированный полк выглядит солидно, все пригнано, ничего не болтается, не бренчит, в повозках все уложено аккуратно, затянуто брезентом и выглядит опрятно. Командир дивизии, пропуская подразделения, здоровался с каждым эскадроном и желал успеха на маневрах, того же пожелал на прощание и мне, добавив: «На разборе обязательно буду, послушаю, что скажет народный комиссар о ваших действиях на маневрах».

Маневры проводились в районе западнее Киева. Наш отдельный полк, несколько усиленный непосредственно перед маневрами, противопоставлялся 3-й кавалерийской дивизии, выступавшей на стороне «синих». Я знал, что во главе дивизии поставлен грамотный и волевой военачальник Елисей Иванович Горячев, активный участник Гражданской войны. О его заслугах перед Родиной, личном мужестве и отваге говорили три ордена Красного Знамени. Он только что занял этот пост, сдал коман-

дование отдельной кавалерийской бригадой, в которой подготовка к парадам начальство требовало уделять большее внимание, чем полевой выучке. Как и многие, комкор Е.И. Горячев погиб в 1938 году, на 46-м году жизни.

Посредником в наш полк был назначен хорошо знающий военное дело, опытный и требовательный командир, начальник военного училища Василий Степанович Попов. С генералом В.С. Поповым, командующим армией, мы плодотворно рука об руку работали в годы Великой Отечественной войны.

На первом этапе маневров отрабатывалось начало войны, нападение «неприятельских войск» на Советский Союз. Разведка, высланная нами, своевременно обнаружила главные силы «синих» — 3-ю кавалерийскую дивизию, нарушившую нашу условную границу и следующую по нашей территории двумя бригадными колоннами лесными дорогами, удаленными одна от другой на 7—13 километров. Разведка следила за продвижением противника и систематически доносила мне о виденном.

Мы решили сначала нанести решительное поражение одной бригаде противника, а потом и другой. Всем полком заняли лес близ дороги, по которой следовала бригада, с тем чтобы атаковать противника на марше во фланг. Но самую опушку леса мы не занимали, учитывая, что по ней может пройти разведка и дозоры противника.

Следили по часам и подсчитывали, где находится противник. Вот вдаль показалась разведка противника, ее головной дозор шел по дороге, а левый дозор проскакал по самой опушке леса. Прошло мимо нас и ядро разведки, но мы не были обнаружены.

Наши наблюдатели, сидевшие на деревьях, внимательно следили за дорогой. Мы доложили о появлении головы колонны в трех километрах от нас. Все напряжены, но спешка и проявление нетерпения может испортить все дело. Командиры эскадронов предупреждены: первые три эскадрона нашего полка под моей командой атакуют первый полк «противника», а следующие эскадроны под командованием моего заместителя атакуют другой полк «противника», предварительно обстреляв колонну «противника» пулеметным огнем.

Когда головной полк «противника» оказался перед нашими тремя эскадронами, он был сначала обстрелян, а потом атакован. Одновременно с ним был атакован и другой полк «противника», который шел в километре позади главного.

Наша атака была настолько неожиданной и стремительной, что противник не успел принять каких-либо контрмер.

Посредники пришли к единодушному мнению: признать успех нашего полка, бригаду «противника» считать разбитой, а командира бригады и часть штаба дивизии плененными.

К этому должен добавить: перед первым столкновением нашего полка с противником к нам прибыли командующий войсками округа Иона Эммануилович Якир и нарком обороны К.Е. Ворошилов. Командующий спросил меня: что знаю о противнике, как оцениваю обстановку и какое принял решение?

После того как я ответил на его вопросы и доложил: атакую в конном строю ближайшую к нам бригаду противника на марше, а судя по исходу боя, буду решать, что делать дальше, командующий и нарком переглянулись между собой и уехали.

Перед самым столкновением они снова появились в нашем полку. И. Якир строгим тоном вновь спросил меня: «Так вы, товарищ Горбатов, все еще придерживаетесь своего активного решения? Подумайте, пока не поздно».

Этим вопросом я был озадачен, стал проверять последние сведения о противнике и снова услышал голос командующего: «Ну как, товарищ Горбатов, изменили или остаетесь при прежнем решении?» — «Остаюсь при прежнем», — ответил я.

Они остались в нашем полку, чтобы наблюдать атаку. После нее что-то обсуждали с посредниками, а когда посредники объявили результат атаки, командующий подошел ко мне и сказал:

— Передайте от нас благодарность полку за лихую и успешную атаку, хочется верить, что она не последняя на этих маневрах. — И еще добавил: — Я не был уверен, что вы, товарищ Горбатов, не откажетесь от своего правильного решения, хорошо, что его не изменили.

Успех сопутствовал нам и дальше.

Мы были уверены, что «противник» через три-четыре часа повторит наступление, и готовились к этому бою более тщательно, подготовив все огневые средства. Мое решение было таково: оставить на занимаемом рубеже все станковые пулеметы и артиллерийскую батарею, а весь полк отвести за левый фланг в село и в перелесок; контратаковать «противника» в конном строю после того, как он захватит наш рубеж; из артиллерии и пулеметов по расположению «противника» вести огонь.

Наш расчет оказался правильным. «Противник» начал сильный обстрел нашего рубежа артиллерийским и пулеметным ог-

нем, кроме того, пустил дымовую завесу (которой мы не ожидали) на всем фронте. Наблюдатели доложили, что за дымом движется масса конницы «противника». Приказываю: пулеметам усилить огонь сквозь дым, а эскадронам полка изготoвиться к конной атаке, которую начнем, как только «противник» проскочит рубежи и подставит нам свой правый фланг.

Мы контратаковали три полка «синих». «Противник» был ошеломлен нашим ударом, его боевые порядки были скомканы. Посредники и на этот раз присудили нам полный успех.

В ходе маневров мы еще трижды наносили поражение «синим».

На различных этапах маневров два раза я докладывал оценку обстановки и свое решение, первый раз начальнику Штаба РККА Б.М. Шапошникову в присутствии начальника штаба округа, второй — наркому в присутствии командующего войсками округа И.Э. Якира.

Нарком, обращаясь к командующему войсками округа, сказал: «Придется Горбатова направить комбригом в третью дивизию. Он поучит ее командиров, как работать в поле».

На разборе маневров начальник Штаба РККА Б.М. Шапошников в своем обстоятельном четырехчасовом докладе много раз останавливался на действиях отдельного кавалерийского полка, его выгодном положении по отношению к противнику, отмечая большие «потери» 3-й кавалерийской дивизии. Несколько раз в качестве примера приводил твердость комполка Горбатова в доведении принятого решения до конца.

Народный комиссар в своем подробном разборе также много раз касался действий отдельного кавполка, каждый раз высоко оценивал его действия на всех этапах маневров. Особенно обращал внимание на хорошую разведку, правильность оценки обстановки и решения, инициативные действия полка. В заключение доклада сказал: «На фоне этих маневров светлым местом являются действия отдельного кавалерийского полка, которым командовал Александр Васильевич Горбатов». А затем приказал мне встать и показаться участникам маневров. Я поднялся и был рад тому, что находился в задних рядах: лишь немногие заметили мое сильное смущение.

После разбора киевских маневров все, знавшие меня, равные мне по должности и старшие начальники, подходили ко мне, поздравляли с высокой оценкой наркома. Только коман-

дир 2-го конного корпуса Николай Николаевич Криворучко, мой сослуживец по особой кавалерийской бригаде Г.И. Котовского, проявивший отвагу и мужество в боях с польскими интервентами, с петлюровцами и антоновщиной, косился на меня недоброжелательно, так как 3-я кавалерийская дивизия, «битая» нами на маневрах, была из корпуса, которым командовал он.

Словам же наркома относительно моего перевода в 3-ю кавалерийскую дивизию я не придавал большого значения, считал, что это было сказано так, между прочим, скорее всего в укор стороне, не имевшей успеха. Другого мнения держался командир нашей дивизии П.П. Григорьев, он говорил не раз мне: «За массой дел действительно нарком может забыть сказанное на маневрах, но ему напомнят те, кто находился при нем и записал сказанное им. Вот увидишь, заберут тебя от нас». Так оно и получилось.

Не прошло и трех недель, как был получен приказ о назначении меня на должность командира бригады в 3-ю кавалерийскую дивизию. На этот раз я с радостью встретил назначение. Но расставаться с полком, которым прокомандовал семь лет, мне было тяжело, да и, как говорится, «сжился» с личным составом, командирами и политработниками 2-й кавалерийской дивизии, в которой высоко ценилась моя работа. Специально изданным приказом я вновь поблагодарил своих подчиненных за хорошую работу и за оказанную мне помощь во время командования полком. У меня сохранилась копия и этого приказа.

«ПРИКАЗ

7-му Черниговскому Червонного казачества
кавалерийскому полку

№ 331/а

26 ноября 1928 г.

г. Староконстантинов

Приказом РВС СССР от 6 октября 1928 года я назначен командиром 2-й бригады 3-й Бессарабской кавалерийской дивизии, а посему предписываю начальнику штаба полка тов. Кармалюку вступить во временное командование 7-м кавалерийским полком.

На мою долю выпало семь лет командовать 7-м кавалерийским полком, начиная с тех пор, когда полк из расположения по селам — крестьянским хатам — перешел к казарменному распо-

ложению. Не легко было красным бойцам, участникам Гражданской войны, располагаться в казарме без окон и дверей, жить в холодной казарме, при свете постоянно гаснувших от сквозняка коптилок. Неудобно было размещать лошадей в таких же казармах ввиду совершенного отсутствия конюшен.

В 1923—1925 годах трудно было учиться, воспитывать воина-гражданина, соблюдать гигиенические условия для людей и конского состава: ощущался острый недостаток самого необходимого, начиная с уставов, кончая бачками, мисками, ложками, подковами и т. д. Легче стало в 1926—1928 годах, когда вместе с развитием нашего пролетарского государства мы живем в хорошо отремонтированных казармах, имеем достаточное количество конюшен, водопровод, электричество...

Командный и командно-политический состав полка на протяжении всего времени благодаря громадной затрате сил и энергии и дружных усилий, направленных к одной цели — подготовить вверенных ему бойцов в кратчайший срок как можно больше, добился больших результатов в деле воспитания и обучения воина-гражданина.

В этой упорной работе свою роль сыграли партийная и комсомольская организации, которые личным примером, дисциплинированностью и добросовестным отношением к делу оказали великую помощь в деле обучения состава полка.

Благодаря совокупным стараниям и усилиям лиц административно-хозяйственного, медицинского и ветеринарного состава за этот период возросло благоустройство полка, улучшилось его санитарное состояние, уменьшилось число заболеваний, развернулась санитарно-ветеринарная, просветительская работа,ковка стала своевременной, однообразной и удовлетворительной.

Оглядываясь на прошедшие годы, вспоминая неблагоприятную обстановку и большие трудности — с одной стороны, успех в преодолении трудностей и достижения — с другой стороны, отмечаю, что весь начальствующий, политический, административно-хозяйственный, медицинский и ветеринарный состав вкладывали в наше общее великое дело все свои знания, весь свой опыт, весь свой труд и желание работать, а казачий состав проявил максимум желаний научиться в двухгодичный срок как можно большему.

Расставаясь теперь с вами, дорогие товарищи, как ваш ближайший сотрудник и старший по полку товарищ, я обращаюсь к вам с советами:

1. Помните всегда о грозящей нам опасности, что враг силен, что он усиленно готовится к войне, и в первую очередь к войне с нами, что войны в конечном счете нам не миновать. А на войне быть не битым может надеяться только тот, кто хорошо обучен, кто сам может хорошо — от сердца — бить.

2. Берите пример с нашей Коммунистической большевистской партии, никогда не старайтесь приуменьшить или преувеличить свои достижения, считайте самым вредным, недопустимым хотя бы самое незначительное очковитирательство.

3. Храните единство полковой семьи казака и начальствующего состава. Старайтесь советом и делом поддержать дельное начинание другого. Здоровой критикой способствуйте исправлению ошибок товарищей.

4. Помните всегда, что больших результатов в нашем военном деле можно достигнуть только сообща, только дружной работой всего личного состава полка...

Я всегда буду рад услышать о ваших больших достижениях в деле учебы и воспитания бойцов, буду рад видеть вашу сноровистую, сознательную работу на будущих маневрах.

Я буду переживать неблагоприятные известия о 7-м кавалерийском полку.

Командование 7-м кавалерийским полком останется навсегда светлым и самым отрядным для меня впечатлением.

Пусть в рядах славной 2-й кавалерийской дивизии, боевого 1-го конного корпуса растет и крепнет лихой 7-й кавалерийский полк.

Да здравствует руководительница Красной Армии — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)!

Приказ прочесть во всех подразделениях полка.

Командир и военный комиссар
7-го кавалерийского полка
Горбатов».

Тепло распрощавшись с подчиненными и командованием 2-й кавалерийской дивизии, я убыл в 3-ю кавалерийскую дивизию, которая находилась в городе Бердичеве. Командир дивизии Елисей Иванович Горячев, замечательный кавалерист, отличившийся неоднократно в боях в составе Первой Конной армии и имевший боевой опыт командования полком и бригадой, удостоенный трех орденов Красного Знамени, встретил меня весьма

доброжелательно, выразил удовлетворение моим назначением, но командир 2-го кавалерийского корпуса Н.Н. Криворучко продолжал на меня смотреть косо и даже промолвил: «Посмотрим, каков ты есть, хваленый!»

1-й бригадой в дивизии командовал хорошо мне знакомый А.Е. Зубок, образованный офицер, получивший высшее образование еще до 1917 года. Он долгое время был начальником штаба дивизии. Небольшого роста, плотный и аккуратный, в какой-то степени был похож на Наполеона, а потому многие его с любовью называли: «Наш Наполеон». Мне было известно, что комбриг Зубок хорошо организует и поучительно проводит занятия с комсоставом и учения с войсками. Естественно, мне не хотелось выглядеть в этом отношении хуже, чем Зубок, но я чувствовал, что первенство будет за ним, и боялся далеко отстать от него, поэтому при первой возможности пошел к нему повидаться и познакомиться с порядками в дивизии. Охотно отвечая на мои вопросы, комбриг А. Зубок дал мне ряд советов и предупредил, что командир корпуса очень не хотел моего назначения, выдвигал своего кандидата, но у него ничего не получилось, «а поэтому учти». Он пригласил меня на свои очередные занятия с командным и политическим составом бригады. Я с радостью принял приглашение, но и получил предложение взять у него ряд методических разработок, заданий на различные виды занятий. Все это в значительной степени облегчало мою работу. Надо вспомнить, что у комбрига в то время в подчинении не было даже писаря, все приходилось писать самому.

Командир корпуса не раз бывал у меня на занятиях и учениях, но редко когда делал существенные замечания. К моему удовольствию, наши взаимоотношения стали быстро налаживаться, а когда должности комбригов были упразднены, я был оставлен в должности заместителя командира дивизии. В новой должности работать было легче, так как я мог при подготовке методических и учебных заданий опираться на штаб, начальником которого был Ю. Шейдеман, интеллигентный и образованный командир, отдававший все свои силы и способности на укрепление Красной Армии. С первого дня у меня с ним сложились доброжелательные отношения. Юрий Михайлович — бывший генерал-лейтенант старой русской армии. Каждая встреча с ним для меня — это уроки военного искусства, уроки интеллигентности и соблюдения воинской чести.

Бригада, которой я командовал, с гордостью носила присвоенное ей наименование — имени «Незаможных селян Украины». Почетным председателем этой организации был всеми уважаемый председатель ЦИК Украины Г.И. Петровский, которого рабочие избрали своим первым депутатом в Государственную думу.

Съезды незаможных селян Украины проводились систематически в Харькове, тогдашней столице республики, и, несмотря на свою занятость, Григорий Иванович от начала до конца принимал участие в их работе. Делегация бригады во главе с ее командиром всегда присутствовала на съездах, и я докладывал о состоянии боевой, политической подготовки и дисциплине в бригаде.

За высокий уровень боевой и политической подготовки Г.И. Петровский наградил меня письменным прибором изумительной работы из малахита, который храню до сих пор как дорогую реликвию о том исключительном времени и как память о Г.И. Петровском.

Над бригадой также шефствовал и Днепрострой — одна из крупнейших строек того времени. Бойцы бригады часто бывали на стройке, участвовали в работах, видели процесс разворачивания строительства. Рабочие живо интересовались ходом боевой и политической подготовки бригады, в каждый приезд приходилось делать в их примитивных клубах информацию по этому вопросу. Днепрострой помогал бригаде кровельным железом, цементом, гвоздями и другими материалами, в которых мы тогда так нуждались.

В то далекое время наша молодая Советская республика не имела нужного количества специалистов по сооружению крупных гидростанций. Поэтому на стройке работало много американских инженеров, которые жили в специально для них построенных красивых домиках, а их труд оплачивался золотой валютой.

На пуске Днепровской ГЭС присутствовал председатель ВЦИК СССР М.И. Калинин, который в своем содержательном и трогательном обращении к строителям отдал должное героизму советского народа как на фронтах Гражданской войны, так и в мирном труде. В памяти остался величественный праздник, освещенный невиданным ранее морем электрического света. Общее ликование и пение песен заглушалось ревом закованного в гранит свободолюбивого Днепра.

В 1929 году народный комиссар обороны проводил большие маневры в Белоруссии в районе города Рогачева. На маневрах присутствовали военные представители Германии во главе с ге-

нералом. В этих маневрах довелось участвовать и мне в качестве посредника при одной из кавалерийских дивизий. Воспроизводить ход и исход маневров не входит в мое повествование. Приведу лишь зарисовку заключительного этапа маневров.

Кавдивизии «красной» и «синей» стороны готовились к конной атаке. Расстояние между ними — 4—5 километров. Возвышенность разделяла «противников» и не позволяла им видеть один другого. На возвышенности был еще пригорок, на котором находились часть руководства маневрами и группа немецких военных, которые с большим интересом следили за ходом маневров. На этот пригорок прибыл и я с докладом о решении кавдивизии «красной» стороны. Сделав свое дело, еще раз обратил внимание на активное обсуждение немцами действий дивизий, видимых ими с возвышенности как на восточной, так и на западной сторонах. Отойдя в сторонку, я тоже вынул бинокль и увидел перестроение готовящихся к атаке кавалерийских дивизий обеих сторон, через некоторое время была дана команда. Незабываемая картина силы и мощи. Красота и стремительность масс конницы привели в изумление немецких военных. Глава германской делегации громко восклицал: «Романтично, красиво, романтично, романтично, романтично!»

В 1929 году и в последующие годы проводилась коллективизация крестьянских хозяйств. Сын крестьянина-бедняка, я по своему жизненному опыту знал и прекрасно понимал, что претворение в жизнь идей и мыслей В.И. Ленина было исторической необходимостью. Но лозунг Сталина о «сплошной коллективизации» любой ценой не может оправдать тех форм и методов, с помощью которых велась «сплошная коллективизация», «ликвидация кулачества как класса».

Все чаще и чаще красноармейцы бригады, бывшие крестьяне, становившиеся прекрасными наездниками, стрелками-пулеметчиками, артиллеристами, узнавали о раскулачивании своих отцов и матерей или близких родственников, о безжалостных акциях по отношению к раскулаченным. Горький закон о привлечении к судебной ответственности за воровство имущества колхозов, совхозов, МТС, прозванный народом «законом о семи колосках», ударил по семьям родных и близких красноармейцев, командиров и политработников армии и флота, что не могло не сказаться на их боеготовности.

Зимой 1932/33 года на Украине, в местах дислокации нашего корпуса, я стал свидетелем и очевидцем того, как разразился голод, унесший в могилу тысячи и тысячи крестьян-колхозников Украины. Также приходили скорбные вести с Поволжья, Северного Кавказа, из других зерновых районов страны.

Коллективизация привела крестьянскую массу к обезличиванию, лишению ее независимости, а жизнь колхозника стала отныне регламентироваться приказами: «выполнить», «сдать». Ленинский путь строительства социализма и преобразования в деревне был свернут.

Чрезвычайные меры насилия, возведенные в систему, приводили к моральному разложению, падению нравственности. Начался мощный поток уходящей в город крестьянской молодежи.

Проблема коллективизации не обошла и командно-политический состав РККА. Обкомы и горкомы партии часто в приказном партийном порядке посылали на село командиров и политработников для разъяснения сущности и роли коллективизации, для организации хлебозаготовок. В проведении подобных мероприятий доводилось участвовать и мне. Расскажу об одном из случаев, который прочно засел в моей памяти.

Меня послали в одно из больших сел для разъяснительной работы. Я увиделся с председателем сельсовета и председателем только что организованного колхоза. Объяснив им цель своего приезда, сообщил, что смогу сделать доклад о международном и внутреннем положении страны.

Мое предложение было принято. В свою очередь, меня ознакомили с положением в селе, назвали ряд людей, на которых они опираются в своей работе, и указали на лиц, которые им противодействуют.

На шесть часов вечера решили объявить общее собрание, сообщив, что приехавший командир РККА сделает доклад о международном и внутреннем положении страны, а там поговорим о хлебозаготовках.

Меня поместили в хате по соседству с председателем сельского Совета, порекомендовали пройтись по селу еще засветло, показаться, что командир действительно приехал. «Для возбуждения интереса» — так выразился председатель колхоза.

Первый раз по улицам села прошлись с председателем сельсовета, заходили в хаты активистов и говорили с ними о содержании их выступлений на предстоящем собрании. Второй раз я уже проходил по селу один, вступал в разговоры с мужчинами и

женщинами, интересовался, как они живут, говорил на близкие им темы о будущем урожае.

Около шести часов вечера зашел к председателю сельсовета, чтобы вместе с ним идти на собрание.

— Если объявили на шесть часов, — сказал председатель, — то раньше семи там делать нечего. Если мы выйдем даже в семь часов, и это будет рано.

В большой утепленный сарай мы пришли в восьмом часу вечера, где собралось более 150 человек. Собрание началось в десятом часу. Я сделал свой доклад, ответил на большое количество вопросов, в том числе на вопросы довольно каверзного характера. Вслед за мной выступили председатели колхоза и сельсовета, а за ними еще четыре активиста, которые указывали, у кого имеется много хлеба и где спрятан; утверждали: зерно по разнарядке легко заготовить. Были и критические выступления, вернее, выкрики с мест. Собрание затянулось. Наступило двенадцать часов ночи. Я выразил удивление председателю, что время позднее, а народ не убавляется, и спросил его, чем он это объясняет. Председатель сельсовета показал мне под столом ключи и сказал: «Як же вони уйдуть, колы я замкнув двери с той наружной стороны».

Несмотря ни на что, могу твердо сказать, что колхозное крестьянство выполнило свой долг перед Родиной, что особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны.

Воины-крестьяне защищали завоевания Великого Октября, не жалея своей крови и самой жизни. Героизм, отвага, помноженные на воинское мастерство колхозников, надевших солдатские шинели, были массовыми и ждут своего летописца.

В конце 1929 года меня снова направили в Москву учиться на Высших курсах по усовершенствованию высшего начальствующего состава (КУВНАС). Жили мы в только что отстроенной гостинице ЦДКА, а учились на улице Кропоткинской или на улице Фрунзе, где были учебные классы и кабинеты. Учили нас довольно основательно. Мы часто выезжали в поле, где практически применяли требования только что вышедшего Полевого устава, в котором были закреплены положения о взаимодействии родов войск, о решительном наступлении, при котором только и может быть достигнута победа. Новый Полевой устав трактовал положения об использовании танков, авиации, других родов войск. Несмотря на краткость обучения, мы все же успели почерпнуть многое, очень нужное для нас.

Возвращаясь в дивизию, делаясь своими впечатлениями с Шейдеманом о полученных новых знаниях, вздыхая, говорили о том, как многому можно научиться за год, а тем более за три года в академии и как счастлив тот командир, кому выпадет эта возможность!

И еще памятное, о чем считаю нужным сказать. На КУВНАСе я встретился с Г.К. Жуковым, командиром 2-й кавалерийской бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии, которой командовал К.К. Рокоссовский.

Первая встреча с Георгием Константиновичем запомнилась мне острыми дискуссиями о стратегии и тактике, о новых видах вооружения и боевой техники, поступавших в Красную Армию, о советской военной теории, передовой в то время. Он с интересом слушал мой рассказ о М.В. Фрунзе, создавшем первые рабочие вооруженные дружины, внесшем огромный вклад в разработку военной реформы 1924—1925 годов и в развитие советской военной науки, создание единой военной доктрины Красной Армии.

11 января 1933 года я получил назначение на должность командира 4-й кавалерийской дивизии. Мне было известно, что дивизия дислоцируется в городе Слуцке, входит в состав 3-го кавалерийского корпуса, штаб которого находится в городе Минске. Получил предписание выехать к месту нового назначения.

В связи с убытием из округа сделал остановку в Киеве, чтобы зайти к командующему войсками округа и попрощаться. Доложил ему о своем убытии, поблагодарил за хорошее ко мне отношение, за науку и за выдвижение на столь высокую должность. В то же время сказал: с удовольствием остался бы в его подчинении.

— Вы видите, товарищ Горбатов, — сказал Иона Эммануилович, — что вакантной такой должности в округе сейчас нет, а продолжать держать вас заместителем командира дивизии нецелесообразно, поэтому я согласился на ваш перевод. Буду иметь вас в виду.

И.Э. Якир поблагодарил меня за службу, пожелал успеха в новой должности и на новом месте.

Подъезжая к Минску, принял решение доложить о своем прибытии командиру 3-го кавалерийского корпуса С.К. Тимошенко. С ним лично я не был знаком, но кто из кавалеристов не был слышан о героическом бойце Первой Конной армии. Моя судьба тесно переплеталась с этим человеком, поэтому о Семене Кон-

стантиновиче Тимошенко, советском военном деятеле, полководце, Маршале Советского Союза, дважды Герое Советского Союза, кавалере полководческого ордена «Победа», скажу несколько подробнее. В Первую мировую войну, как и тысячи крестьянских сынов, воевал на Западном фронте. В 1917 году бывший рядовой царской армии участвует в боях по ликвидации контрреволюционных выступлений генералов Корнилова и Каледина. Через два года, командуя 6-й кавалерийской дивизией Первой Конной армии, отличился в боях под Воронежем и Касторном, на Дону и на Кубани, в боях за Житомир и Броды. Летом 1920 года, вступив в командование 4-й кавалерийской дивизией, отличился в боях под Замостьем; дивизия с честью пронесла свои боевые знамена по полям Таврии и Украины, громя войска Врангеля и отряды батьки Махно. В 1920 и 1921 годах был удостоен двух орденов Красного Знамени. За участие в боях на польском фронте и изгнание с советской земли интервентов Семен Тимошенко был награжден Почетным революционным оружием.

Вхожу в кабинет комкора. Навстречу мне Семен Константинович двинулся с протянутой рукой. Бритая голова, собранная, подтянутая фигура. Моя рука закаленного конника была не слабой, но и она ощутила крепость рукопожатия. Хотя и мой рост под метр восемьдесят, но мне пришлось поднять голову, чтобы рассмотреть его лицо.

— Ну, здравствуй, Александр Васильевич! Слышал о тебе, рад. Доволен, что придется работать вместе.

Благожелательная атмосфера, теплота располагали к откровенной беседе. Кратко рассказав о себе, о годах службы, вспомнили бои и походы по полям Гражданской войны, подумали о возможных, но несостоявшихся встречах. Семен Константинович, раскрыв карту дислокации полков и дивизий корпуса, стал рассказывать мне о дивизии, в командование которой я должен вступить.

С.К. Тимошенко детально остановился на основных недостатках в боевой и политической подготовке частей дивизии. Сказал свое мнение о каждом командире полка и о других старших командирах. Потом предупредил начальника штаба дивизии о моем прибытии.

Да, думал я, слушая комкора, он любит и знает свое дело, вникает в жизнь каждого соединения, а поэтому так хорошо знает плюсы и минусы 4-й кавалерийской дивизии, сильные и слабые стороны ее командиров.

Поскольку дело было к вечеру, Семен Константинович предложил переночевать у него. «Вечером побеседуем еще, а утром отправитесь в Слуцк». Я с благодарностью согласился. Вечер прошел в теплой семейной обстановке. Утром Семен Константинович отправил меня в штаб дивизии на своей машине. На прощание напомнил: «Ознакомьтесь с дивизией, доложите только лично».

Расстояние в сто километров в ряде мест преодолевали с трудом ввиду больших снежных заносов. Только благодаря опыту водителя каждый раз обходились без посторонней помощи. Часа через четыре въехали в Слуцк, который в то время выглядел довольно запущенным.

У штаба дивизии меня встретил командир, временно исполнявший обязанности командира дивизии. В тот же день я ознакомился со штабом, заслушал доклады должностных лиц дивизии, а в последующие два дня побывал в полках и ознакомился с их командирами. И вдруг, дня через три, поздно вечером, мне позвонили из управления кадров. Оказалось, получилась досадная ошибка. Я назначен командиром не 4-й кавалерийской дивизии, а 4-й Туркестанской горнокавалерийской, которая дислоцировалась в Туркмении, а не в Белоруссии. Я доложил С.К. Тимошенко об этом разговоре и утром снова был в знакомом мне кабинете. Моя рука вновь, как тисками, была сжата рукой Семёна Константиновича.

— Ну и ну... Путешественник, да и только. Еще чаем его поил, — шуточно басил Тимошенко. — И правильно, — с огорчением добавил он, — чему Горбатов научится у Тимошенко?..

Тут же лицо Семёна Константиновича стало серьезным, даже сердитым.

— Не судьба служить нам вместе, Александр Васильевич. Огорчен, и весьма. Но не будем забывать: впереди у нас годы. Встретимся, и обязательно. Ну а на прощание пожелаю: береги честь смолоду.

В 1936 году заместитель командующего войсками Киевского военного округа С.К. Тимошенко вновь тепло, по-товарищески встретил меня. Семен Константинович торопливо сказал о своей чрезмерной занятости. Другая встреча была, если можно так сказать, деловой, краткой, по не зависящим от нас причинам. И еще раз мне довелось встретиться с наркомом обороны Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко в марте 1941 года, а через пять месяцев — на объятый пламенем войны Смоленской земле. Но об этом мой рассказ ниже...

Через неделю я был уже в Ташкенте, у командующего войсками Среднеазиатского военного округа П.Е. Дыбенко, легендарного матроса революции, героя Гражданской войны.

От Павла Ефимовича получил необходимые сведения о дивизии и указания, побывал у начальника штаба округа, познакомился с ним. Он, в свою очередь, дополнил информацию и указания о состоянии дел штаба. В тот же вечер уехал в Мерв, куда прибыл через 30 часов.

Несмотря на раннее январское темное утро, меня встретил на вокзале начальник штаба дивизии Юрчик. По привычным для меня понятиям была зима, а температура днем поднималась до 20 градусов тепла. Мы проехали в предназначенный мне отдельный небольшой домик с самой необходимой мебелью. Часа три-четыре начальник штаба информировал меня о состоянии дивизии и давал ответы на интересовавшие меня вопросы. Позже пришли начальник политотдела Байназаров со своим заместителем Муравьевым.

Дивизия дислоцировалась в трех гарнизонах: Мерв, Байрам-Али, что в 30 километрах, и в Кушке — у афганской границы.

Когда-то в Кушку посылали за провинность, а потому среди командиров ходила поговорка: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют». Дивизия только что развернулась из отдельной бригады и укомплектована, за исключением одного полка, туркменами. Большинство командиров были также туркменами, которые в той или иной степени знали русский язык.

При знакомстве с частями я постоянно любовался людьми дивизии — туркменами — худощавыми, хорошо сложенными, стройными, подтянутыми, опрятными. Они производили прекрасное впечатление. Хороши были и кони. Одним словом, все произвело на меня хорошее впечатление. Смущало лишь одно обстоятельство: около казарм не было заборов. Это объяснялось полным отсутствием леса.

Ознакомившись с дивизией, пришел к выводу: условия для работы благоприятны и уж совсем не таковы, как мне их рисовали. Познакомился с городской и районной властью, был избран членом бюро райкома. Съездил в столицу Туркмении — Ашхабад, представился секретарю Центрального Комитета Компартии Туркмении Я.А. Попку, председателю Совнаркома республики К.С. Атабаеву и председателю ЦИК Н. Айтакову. Теплота и радушие руководителей республики радовали меня. Они хорошо были осведомлены о жизни и быте воинов дивизии. Было видно,

что свою дивизию любят, а мне обещали всяческое содействие и просили меня обращаться к ним при любой необходимости.

Вернулся в дивизию еще больше окрыленным. Собрал на совет начальника штаба, начальника политотдела и его заместителя, проинформировал о своей поездке в Ашхабад, совместно наметили ближайшие задачи, которые должны решить до мая месяца. Увеличили количество часов командирских занятий, ввели показательные и инструкторско-методические занятия для младших и средних командиров. Обязали всех командиров изучить военные уставы, знать их не для оценки, а для того, чтобы жить по уставам. Обратил внимание всех командиров на три вопроса: обязательный охват учебой, боевой и политической подготовкой всего личного состава, полное использование учебного времени только для занятий и на качественное их проведение. Особые требования были высказаны к повышению воинской дисциплины, проявлению постоянной человеческой заботы и внимания к подчиненным.

По минутам уточнили распорядок дня. Потребовали большего внимания на уставное несение караульной и гарнизонной служб, службы внутреннего наряда, отдавание воинской чести, строгое выполнение правил ношения военной формы.

Некоторые из этих требований для комсостава были новыми, так как полки, ведя борьбу с басмачами, не могли отдавать им должного времени, но все указания были приняты к руководству.

Имея достаточный боевой и командный опыт, полученный в ходе боевой службы на должностях командиров полка и бригады, все же предвидел трудности в командовании национальной дивизией, которые слагались из объективных факторов:

— дивизия только что сформирована, ее части и штабы не сплочены;

— в основу формирования дивизии легла отдельная бригада, которая длительное время вела боевые действия с басмачеством и имела большой боевой опыт, но не имела опыта в проведении регулярных занятий по боевой и политической подготовке;

— красноармейцы, младший комсостав не знали русского языка, а я, командир дивизии, не знал туркменского, что усложняло общение с личным составом, и прежде всего с красноармейцами и младшими командирами.

Но, живя по принципу: хочешь — ищешь способ, не хочешь — ищешь причину, общими усилиями нашли возможности для преодоления трудностей. После проведенных в январе совеща-

ний со старшим комсоставом дивизии и партактивом командиры всех специальностей, партийные и комсомольские организации приступили к работе по выполнению поставленных задач, укреплению воинской дисциплины. Проверочные итоги зимнего периода обучения показали хорошие результаты.

В первых числах мая 1933 года на дивизионное совещание собрали старших командиров. Начальник штаба дивизии доложил о результатах проверки за зимний период, предложил без стеснения высказаться, что еще мешает получить более высокую оценку.

Прения разгорелись по выдвинутым нами в январе трем вопросам: об охвате людей учебой, об использовании учебного времени и о качестве проводимых занятий и подготовке к ним. Все приводили факты невыполнения этих требований и давали свои предложения.

В заключение выступили мы с начподивом, ответили на затронутые вопросы, дали указания на летний период, обратив внимание на увязку каждого урока политзанятий с задачами, стоящими перед частью. Положительно было встречено предложение о постройке глинобитных заборов у казарм, о создании полковых дворов. После совещания проведены показательные занятия с отделением, взводом и эскадром. Цель этих показов — научить тому, как организовать, провести занятия и их разбор, как короткое учебное время сделать содержательнее.

Разъехавшись, все участники совещания принялись за работу с новой энергией.

Годовую работу дивизии проверяла окружная комиссия во главе с заместителем командующего войсками. К нашей общей радости, дивизия получила хорошую оценку. Многие из командиров и начальников получили подарки и денежные награды. Я был награжден двухмесячным окладом и приглашен на заседание Революционного военного совета СССР в Москву. Дивизия заняла первое место в округе среди кавалерийских дивизий.

Осенью провели методические сборы: в дивизионном масштабе для старших, в полках — для средних, а в эскадронах — для младших командиров; увольняли торжественно, отметив персональные заслуги старослужащих.

Молодое пополнение принимали торжественно, с выносом Боевого Знамени. Новичкам отдавалось много душевной заботы, не жалели времени для разъяснения требований уставов, распорядка дня, правил отдания воинской чести, ношения военной формы. Особенно в этом преуспевали младшие коман-

диры. Наблюдал и радовался: вчерашние неграмотные дехкане стали учителями, наставниками. И это без понуканий, оскорблений. Принципом обучения стал принцип: делай, как я. Все старались быть лучше, грамотнее, а самое главное — умелыми. Армия становилась школой воспитания внутренней культуры, интеллигентности в широком понятии этого слова.

С этого года в свой личный блокнот вписал дни рождения командиров, начиная с заместителя командира полка и выше, и не забывал поздравлять их с этими датами. Знал, насколько благоприятно это влияло на них. Такую практику я продолжал во все последующие годы.

После заседания Реввоенсовета мне представилась возможность отдохнуть в парке «Сокольники» Москвы, побывал я и в деревне, повидался с родителями, которых не переставал любить и уважать. Отвез им, как всегда, подарки.

Все, не только родители, но и родные, гордились моим высоким назначением. В Шуе зашел в дом бывшего моего хозяина, у которого работал более семи лет. Его в живых уже не было, но хозяйка и ее сыновья встретили меня доброжелательно, тепло, а хозяйка заплакала от радости. Что говорить: они были удивлены моим высоким положением и не скрывали своей зависти к бывшему мальчику на побегушках Саньке.

1934 год — второй год моего командования дивизией. Командиры всех степеней, окрыленные результатами истекшего года, похвалами и поощрениями, работали с еще большим напряжением.

В результате проверки наша дивизия получила отличную оценку, заняла первое место среди всех дивизий округа.

Той же осенью были проведены дивизионные двусторонние учения, на которых присутствовал заместитель командующего войсками округа и представитель инспекции кавалерии НКО. Оценка состояния дивизии и проведенного учения была дана весьма высокая. Достигнуто это благодаря тому, что за короткий срок командный состав дивизии сплотился в крепкий работоспособный коллектив. Я до сих пор вспоминаю с благодарностью совместную службу с товарищами по оружию Исмаиловым, Тишинским, Ивановым, Саултауровым и другими командирами, которые отдали столько сил обучению и воспитанию вверенных им подчиненных. С особой теплотой вспоминаю службу и дружбу с Александром Александровичем Лучинским, позднее генералом армии, Героем Советского Союза. Как и многие военачаль-

ники Советских Вооруженных Сил, А.А. Лучинский вступил в ряды Красной Армии в 1919 году. В годы Гражданской войны на командных должностях защищал советскую власть на Восточном фронте, под Уральском и Лбищенском.

В 1935 году командиры всех степеней продолжали работать с полным напряжением. Поскольку командный состав приобрел методические навыки, уже весной мы добились отличных результатов.

Осенью проверял дивизию командующий войсками округа М.Д. Великанов. Михаил Дмитриевич заслуженно пользовался славой одного из лучших военачальников РККА. М.Д. Великанов — участник Первой мировой войны. В феврале 1918 года он добровольно вступил в ряды Красной Армии и в ее рядах за двадцать лет прошел боевой путь от командира батальона до командующего войсками крупнейшего военного округа. Боевая слава красного командира, бывшего подпоручика царской армии, выросла в боях на Восточном фронте.

М.Д. Великанов, командуя Уфимской группой войск, группой войск обороны Оренбурга, а впоследствии в должности начальника 20-й Пензенской стрелковой дивизии, принимал самое активное участие в претворении в жизнь разработанного М.В. Фрунзе плана разгрома Колчака и в наступлении Восточного фронта в 1919 году.

Войска под командованием М.Д. Великанова обретали железную стойкость в обороне и высочайший порыв в наступлении. В боях и сражениях Гражданской войны М.Д. Великанов обогатил свой боевой опыт, который умело и целеустремленно передавал подчиненным. Добавлю и то, что он в деталях знал тактическую, оперативную подготовку, жизнь и хозяйственную деятельность войск. Сам он был образцом для нас не только своей выправкой, но и точностью: он никогда нигде не опаздывал и своевременно заканчивал предусмотренные мероприятия, а потому и пользовался уважением, даже любовью, как у командиров, так и у красноармейцев.

Дивизия без труда подтвердила прежнюю отличную оценку, закрепила и на сей раз первенство в округе и заняла четвертое место во всеармейском конкурсе кавалерийских дивизий. Я был награжден орденом.

В 1935 году туркменские конники на конях текинской породы удивили Советский Союз своим беспримерным пробегом Ашхабад—Москва. Этот заключительный пробег был замечатель-

ным не только дальностью расстояния в ограниченное время, но и выносливостью людей и лошадей. Путь лежал через всю северную часть пустыни Каракумы. Тысячи километров кавалеристы прошли по бездорожью, под палящим солнцем.

Отважных конников всюду встречали тепло и особенно радушно встретили в Москве. Правительство достойно оценило подвиг отважных туркмен. Все они довольные вернулись к себе на родину.

У меня было прекрасное настроение: дела в дивизии шли хорошо, я добился уважения со стороны подчиненных и сам любил их; командование войсками округа и туркменское правительство контролировали ход боевой и политической работы, но мы ощущали не только требования, но и реальную помощь.

А тем временем меня поджидало большое личное горе: мой горячо любимый и уважаемый отец скончался после непродолжительной болезни на 81-м году жизни.

Отец всегда легко заболел, но был вынослив, справлялся с недугами и продолжал упорно и добросовестно трудиться. Я уже отмечал его суровую требовательность, которая меня нередко возмущала. С годами, научившись понимать его характер и его жизнь, я горячо и навсегда полюбил отца, и мне важно было знать, что он живет в родных местах, всегда помнит обо мне, радуется и гордится, что его сыну удалось то, чего не смог добиться он сам. Я вспомнил его наказ в день ухода в Красную Армию. Будучи больным, отец лежал на лавке и, прощаясь, прошептал мне: «На войне мы потеряли двоих сыновей, ты, Санька, с первых до последних дней тоже честно защищал свою Родину, теперь успел поправить нашу покосившуюся избу. Иди в Красную Армию, да, да, и еще честнее защищай теперь уже нашу, советскую власть». А обратившись к матери, добавил: «И ты, мать, его не удерживай, не плачь, пусть идет. Помни, Санька, ты защитник Родины. Решил ты правильно».

Я опустился перед отцом на колени, крепко обнял его и трижды поцеловал. А он, как когда-то маленького, погладил меня по голове. И вот отца уже нет...

Когда я ехал к месту новой службы в январе 1933 года, от людей, ранее служивших в Средней Азии, слышал много устрашающего. Говорили, что там недостаток воды, невыносимая жара

летом, мало зелени, скорпионы, фаланги, каракурты, ядовитые змеи, которых можно встретить не только в пустыне и долинах рек, но и в кишлаках и в городе. Пугали москитами, которые своими укусами оставляют на лице человека незаживающие язвы, пугали жгучим «афганцем», несущим тучи песка из пустыни, и многими другими ужасами.

На все эти разговоры я отвечал: «Поживем — увидим!» Правда, меня, выросшего в лесной полосе, несколько смущало отсутствие в течение многих месяцев дождя. Смущало и незнание местного языка и обычаев.

С первых же месяцев моего пребывания в Туркмении я старался выкроить время для быстрейшего ознакомления с окружающей меня новой обстановкой, с работой и бытом туркмен.

Мне хотелось видеть все своими глазами, меня восхищал туркменский народ — честный, трудолюбивый, смелый и предприимчивый. С большим уважением и теплотой я вспоминаю женщин-туркменок, их тягу к новой жизни и учебе, их прекрасную работу на хлопковых полях, в ткацких ковровых мастерских и во многих других местах.

В Туркмении выращивается лучший в нашей стране хлопок. На весь мир славятся несравненные туркменские ковры: текинские, пендинские, иомудские, киркинские и другие. Великолепный каракуль: черный, серый, цветной, особенно высоко ценится шкурка цветного каракуля с золотистым или серебристым отливом. Сорт «сур» известен на меховых аукционах всех стран своей легкостью, блеском и рисунком завитка. Туркмения славится шелководством, особенно районы Мары, Карки, Ташауз, Чарджоу.

В Туркмении широко распространено искусство вышивки, резьбы по дереву и ювелирные работы. А о фруктах — какой разговор: чарджуйские дыни, персики, абрикосы, сливы и прекрасные разнообразные сорта винограда известны повсюду в нашей стране. На прилегающей к долине, не орошаемой водой местности, но не слишком песчаной, выращиваются овес, ячмень, дыни, земляной орех и картофель. Большинство этих культур убирают до июня месяца.

Правда, три месяца в году бывает очень жарко, но русские, живущие там, переносят это время не так уж плохо.

Лично я и моя жена Нина Александровна, уехав на Украину, с сожалением вспоминали о ярком туркменском солнце, о жарких безоблачных днях и темных, бархатных, звездных ночах Туркмении.

Столица Туркмении — город Ашхабад мне очень понравился. Это был зеленый, красивый, хорошо спланированный город. Много красивых зданий, парки, зеленые улицы, арыки, полные прозрачной, журчащей воды, делали его веселым и празднично нарядным.

Мерв (Мары) — второй по величине город в Туркмении. Мары, по-туркменски «змеиное место», вероятно, когда-то оправдывал свое название — жаркий, пыльный, кругом пески. В городе много глинобитных старых построек с окнами во двор. Низкие каменные здания с узкими окнами, забранными решетками, будят какое-то странное, тревожное чувство. Зелени маловато, только восточная часть города, очень зеленая, с арыками, полными воды, и домами европейской постройки, сразу переносит вас в уютную обстановку.

Через город протекает река Мургаб — Птичья вода по-туркменски. Река довольно глубокая, бродов в районе города не имеет, течение сравнительно медленное, цвет воды мутноватый от большого количества глинистых и песчаных примесей.

В тридцати километрах от города Мерв, близ города Байрам-Али, сохранились развалины древнего Мерва. Панорама развалин грандиозна, оставляют неизгладимое впечатление остатки городских стен с невероятной толщины кладкой городских ворот, мечети и мавзолея Мухаммед Ханапья и султана Санджара, мечеть Талхатан Баба близ старого Мерва, построенная в XI и XII веках.

Последние разрушения произвел Тамерлан, совершивший девять походов на Туркмению в период 1369—1380 годов, завоевания которого сопровождалось массовым истреблением населения и беспощадным разгромом покоренных стран.

По долине реки Мургаб на протяжении нескольких сотен километров на орошаемых полях выращивается прекрасный хлопок, рядом — богатейшие фруктовые сады, бахчи, в зарослях дичь, особенно много фазанов. В реке масса рыбы.

Крупных населенных пунктов мало, маленькие же кишлаки встречаются часто. Постройки примитивные: глинобитные одноэтажные мазанки с высоким глинобитным глухим забором и юрты, покрытые шерстяными кошмами. Юрты легко разбираются и переносятся с одного места на другое в зависимости от желания хозяина. Дома европейской постройки в то время были редки.

В заброшенных глинобитных постройках, в зарослях кустарника и камыша встречаются змеи, часто ядовитые, но случаи, чтобы люди погибали от укуса ядовитой змеи, редки.

Иногда встречаются довольно крупные экземпляры. Так, однажды в конце второй половины дня мы с женой возвращались из города Байрам-Али в открытой легковой машине и вдруг впереди увидели на дороге змею. Длина ее была примерно метра четыре. Змея, медленно извиваясь, переползала дорогу. Красивый серый чешуйчатый рисунок на теле змеи тускло поблескивал в лучах заходящего солнца. Мы остановили машину, так как боялись наехать на ее хвост, ибо тогда голова змеи легко могла бы оказаться у нас в машине (о таком случае нам рассказывали наши товарищи). Мы наблюдали за неторопливыми, гибкими движениями змеи, пока она совершенно не скрылась в зарослях кустарника, окаймлявшего большой глубокий арык, и только тогда продолжили свой путь.

Москиты, разносящие пендинскую язву, внешне не отличаются от других своих собратьев. Имеют за лето два вылета, кроме того, у них есть излюбленные районы, где они гнездятся, — это долина реки Тедженки, Пендинский оазис и некоторые другие места. Москиты больно кусают, их бывает очень много, а поэтому определить, который принесет тебе «пендинку», невозможно. Заболевших было довольно большое количество, а страх заболеть «пендинкой» был у всех. Каждого страшила перспектива длительного болезненного лечения, а в результате — обезображивающие рубцы.

Что же касается скорпионов, фаланг, каракуртов, то они встречаются редко, местом жительства чаще всего избирают заброшенные глинобитные постройки, но их также легко можно встретить в пустыне, в юрте, в жилых помещениях и даже в городе. Укусы их крайне болезненны и опасны для человека и крупных животных, особенно в мае месяце.

О пустыне Каракумы можно писать очень много. Каракумы — Черные пески по-туркменски. Как большие волны во внезапно остановившемся море, застыли пески, но их неподвижность кажущаяся, ибо они движутся. Двигутся незаметно, но неотвратимо, все засыпая на своем пути, впитывая безвозвратно каждую каплю влаги.

Песчаные холмы — барханы — высотой в 20—30 метров, тапиры — ровные глинистые поверхности, затвердевшие и растрескавшиеся летом и залитые ровным слоем воды весной, заросли саксаула, да ближе к долинам рек Мургаб и Тедженка скудная травянистая растительность разнообразят пустыню.

Саксауловые заросли — небольшие деревья, имеющие искривленный, корявый ствол высотой до пяти метров, вместо листьев серо-зеленые метелочки, дающие очень мало тени. Корни значительно толще стволов, отличное топливо, очень жарко и медленно горящее, не уступающее каменному углю.

Через южные и северные Каракумы когда-то проходил великий торговый караванный путь. По кажущемуся однообразию пустыни были проложены тропы, дороги для караванов, построены колодцы глубиной до ста и более метров. Некоторым колодцам двести и больше лет!

Интересно, что при постройке колодца очень хорошо учитывалось движение песков, чтобы как можно меньше было опасности при их движении засыпать колодец. В южных Каракумах колодцы построены в виде узкой трубы кирпичной кладки диаметром до метра, уходящей глубоко вниз. Кирпичики небольшие, серого цвета, очень прочные. Края колодца невысоко поднимаются над поверхностью земли. Вода в колодцах редко бывает прозрачной и хорошей на вкус, чаще мутновата, солоновата или имеет привкус глауберовой соли. Очень часто около колодцев построены круглые неглубокие бассейны для водопоя овец.

В северных Каракумах зарослей саксаула больше, они выше, а ранней весной по низинам пробивается трава. Колодцы с водой так же редки, как и в южных Каракумах, но построены они совсем по-другому. Низкие, почти вровень с уровнем земли, широкие, до двух метров в диаметре. Стены колодца выплетены из саксаула, как корзины, кроме того, они значительно мельче южных.

Совершенно особую красоту представляют в пустыне миражи. В очень жаркие дни, когда воздух струится и дрожит над раскаленным песком, вдруг вы совершенно ясно видите море, сады, леса, города и всегда обязательно воду — порой вам даже кажется, что машина идет по воде, но едешь дальше — и ничего нет! Иногда ты видишь мираж, как говорится, «вверх ногами», как будто отражение в воде. Это возбуждает, но нужно сказать, что, когда видишь мираж в раскаленной жгучим солнцем пустыне, хочется верить, что вода, зелень и жилище, а главное, вода и тень — вот тут, рядом, и тогда хорошо понимаешь тех людей, которые когда-то ходили караванными тропами от колодца к колодцу.

Мы часто проводили в пустыне рекогносцировку, учения, главным образом в южных Каракумах, на дороге или тропе, ведущей в направлении приграничного города Серакса. Неодно-

кратно встречали идущих пустыней из Серакса в Мерв людей, помогали им продуктами, водой, а иногда и подвозили их.

Однажды после ночевки в пустыне в 50 километрах от Мерва мы встретили туркменскую семью. Раннее, прохладное еще утро, солнце только восходило. Остывшие за ночь пески не излучали тепла, поэтому воздух был очень прозрачен, и далеко на горизонте в розовом свете восходящего солнца четко были видны фигуры идущих людей. Мы ехали навстречу идущим и скоро встретились с ними. Это было поистине невероятное зрелище: впереди шел мужчина, он нес на руках мальчика лет трех-четыре, за спиной у него был привязан мешок с каким-то имуществом, вокруг пояса и через плечо обмотана веревка, но, как нам показалось, недостаточно длинная, на конце которой была привязана бутылка, как видно, для того, чтобы доставать воду из колодца. За мужчиной гуськом шли трое детей — два мальчика лет восьми и десяти и девочка лет шести. Шествие замыкала женщина, согнувшаяся под тяжестью незатейливого домашнего скарба да еще вдобавок несшая на руках совсем маленького ребенка. Люди были худые, загоревшие на солнце до черноты, оборванные, на детях какие-то жалкие лохмотья, голодные, босые, страшно уставшие — и это в центре пустыни летом!

Как выяснилось потом из разговора, они, когда-то ушедшие к родственникам в Иран, снова перешли нашу границу: жить в Иране, не имея денег и скота, — значит медленно умирать от голода, и они решили вернуться на родину, рассчитывая расстояние от Серакса до Мерва пройти за восемь дней, а прошли за семь дней немного больше половины. Продуктов и воды у них уже не было, от жары и усталости они шли очень медленно; колодец, к которому шла семья, имел такую глубину, что всей веревки не хватило бы до поверхности воды, а до Мерва еще четверо суток пути!

Нам было трудно представить себе, как они смогли пуститься в такой тяжелый путь. Чем они питались эти семь суток? Как выдержали такую пытку взрослые, а тем более дети? Мне было физически больно, когда я смотрел на босые ножки детей, отважно шагавших по песку, а ведь днем, когда солнце накалит песок, даже обутому в легкие брезентовые сапоги неприятно идти по нему.

Думаю, что, если бы мы их не встретили, не снабдили бы продовольствием, водой, тонкой крепкой бечевой и котелком вместо веревки и бутылки, они, несомненно, погибли бы если не в этот, то на другой день.

До сих пор не могу забыть радость, сверкавшую в красных воспаленных глазах детей, а родители не верили своим глазам, получив столько продовольствия. Выпив лишь немного воды, они без конца благодарили нас, пытались целовать у нас руки и ноги. На прощание мы дали для детей сахар и старую палатку, рассказали, как идти, и предупредили, что через трое суток мы их догоним.

Возвращаясь через трое суток, увидели их в 25 километрах от Мерва под кустом, около колодца. На куст была наброшена данная нами палатка, и вся семья сидела под ней. Трое ребятишек, увидев нас, побежали навстречу. Куда девался их усталый вид — они были бодры, веселы, а главное — сыты. Мы довели их до города, отдали им оставшиеся у нас сахар, консервы, сухари. Мы были рады, что увидели их и оказали помощь, а они радовались, что спаслись от неминуемой смерти.

В тот же день, когда мы встретили утром семью, о которой я написал, к вечеру повстречался нам в пустые одинокий всадник. Солидный, свернутый кругами канат, до четырех сантиметров толщиной, был приторочен к седлу с одной стороны и небольшое ведерко — с другой. Поговорив со встречным, как того требует «пустынная вежливость», мы разъехались. Вспоминая экипировку всадника и семьи, встреченной утром, подумали, что всаднику будет крайне трудно вытянуть ведро с водой таким канатом из глубины колодца.

На больших площадях пустыни произрастает растение, имеющее длинные, как иглы, колючки, настолько острые, что без труда прокалывают не только брезентовый сапог, но даже кожаный. Как ни странно, но эти колючки являются даже в сухом виде любимым кормом верблюдов, а когда иглы колючек не отвердели, их охотно едят и овцы, так как они якобы содержат большое количество сахара и весьма питательны.

В пустыне Каракумы находится большое количество диких коз — джейранов, они бродят большими и малыми стадами. Их временами бывает очень много. Границ для них не существует, они все время кочуют, пробегая большие расстояния в поисках воды и корма. Мясо джейранов очень вкусное.

Мы боролись как могли с браконьерами, но пустыня велика! А браконьеров так много!

В южных Каракумах встречаются развалины селений, крепостей и других сооружений. В северных мы однажды увидели участок более чем в два гектара; когда-то он был окружен высокими тополями, их стволы достигали метровой толщины. Ложат

упавшие великаны до сих пор, но когда дотронешься до них, они превращаются в труху. Видимо, когда-то воды реки Мургаб доходили сюда, и все здесь росло и цвело, а сейчас царство сухих, бескрайних песков...

Неизгладимое впечатление оставил у меня переход через горные перевалы из района восточнее Самарканда в Таджикистан. Мы имели с собой верховых и вьючных лошадей, но большую часть пути шли пешие, ведя лошадей в поводу по горным крутым тропам.

До службы в Средней Азии я видел крымские и кавказские горы, но они по сравнению со среднеазиатскими были не так высоки и более культурны. Эти же были такие громадины, что просто подавляли своей высотой и дикостью.

Интересно менялась картина гор по мере подъема. До 2000 метров большею частью они покрыты крупным лесом вперемежку с густым кустарником и массой валежника, который никогда не убирался; здесь обитало много всевозможных зверей и птиц. До 2500 метров шел преимущественно кустарник с отдельными низкорослыми, искривленными деревьями, с редкой травой. Часто приходилось идти в гуще облаков, ощущать сильные, неприятные и небезопасные порывы ветра, даже лошади, чувствуя опасность, прижимались ближе к человеку.

Выше 2500 метров растительности почти не было, дышать становилось все труднее и труднее, а на высоте 3000 метров встречался снег и лед, дул сильный ветер, падал колючий, секущий снег. Выше 3000 метров — сплошной снег и вечный лед, небольшой подъем преодолевался нами, не натренированными для походов и подъемов в горах, с большим трудом, воздуха не хватало, все время стремились захватить его больше, но это не удавалось.

Жутко было идти над пропастью узкой тропой, страшно взглянуть вниз, где на глубине 500—700 метров редела в ущелье река. Лошади так близко прижимались к скале, казалось, что вот-вот оборвут часть седла и вьюка. Поскольку две лошади в ряде мест разойтись не могли, приходилось высылать вперед людей с тем, чтобы предупредить идущих навстречу.

Одна из вьючных лошадей сорвалась; мы видели, как она извивалась, ударяясь о скалы, удалялась от нас, даже лошади сочувствовали ей, тяжело и громко вздыхая. Каким счастливым чувствовал себя вьюковожатый, что повод не увлек его вместе с лошастью!

Трудны были подъемы, а еще труднее — спуски.

Но какая неопиcуемая красота и дикость природы представляла перед нами с высоких перевалов! Все было ново и интересно в этой поездке: пережитый страх сорваться, идучи по узкой тропе над пропастью, необыкновенная красота гор, покрытых облаками и шапкой вечных льдов и снегов. Мы с облегчением вздохнули, когда вышли, хотя и на плохую, колесную дорогу. Но с чрезмерной настороженностью расстались только тогда, когда вышли на настоящую дорогу.

ЦК Компартии Туркмении и правительство республики к Красной Армии относились вообще хорошо, но выделяли и любили Туркменскую кавалерийскую дивизию. Конечно, не только потому, что она туркменская, а потому, что она имела отличные показатели и была лучшей в округе и одной из лучших в Красной Армии. Как говорится, долг платежом красен. Поэтому каждый год ЦК республики и правительство поощряли наиболее отличившихся в боевой и политической подготовке по нашему представлению. В одинаковой степени награждали командиров как туркмен, так и воинов дивизии других национальностей, включая меня и начальника политотдела. Не раз были награждены командиры полков товарищи Исмаилов, Лучинский, Тишинский, Иванов, Саултауров и другие.

Летом 1934 года меня назначили (по совместительству) начальником конных заводов Туркмении. Правительство, полностью удовлетворенное ходом подготовки дивизии, хотело, чтобы мое руководство распространялось и на конные заводы. Через год я был избран депутатом Туркменского ЦИК.

ЦК Компартии Туркмении и правительство добросовестно выполняли свое обещание, данное в феврале 1933 года: «Дайте дивизией хорошие и отличные показатели в боевой и политической подготовке, а мы не останемся у вас в долгу».

Также прекрасно относилась к дивизии власть города и района Мары во главе с очень энергичным и способным товарищем К.К. Кулиевым, который был все время секретарем райкома, а его брат, столь же энергичный, был начальником штаба 2-го кавалерийского полка, позже ставший генералом и героически павший в боях Великой Отечественной войны.

В 1934 году правительство организовало для дивизии дом отдыха с бесплатным питанием. В нем одновременно могли отдыхать пятьдесят командиров или двадцать командиров семейных.

При доме отдыха был фруктовый сад с такими прекрасными фруктами, которые, вероятно, можно найти только в Туркмении. И их созревание удивляло меня. Одни — в мае, другие — летом, ну а большая часть — осенью.

Кстати скажу, что среди сада была большая круглая клумба полуодичавших роз. В центре этой клумбы кусты роз почему-то стали подсыхать, но на это мало кто обращал внимание... Вскоре в птичнике стали пропадать куры, а он находился близ клумбы, за забором сада.

Заведующий домом отдыха решил выследить вора. Вором оказалась трехметровая змея из семейства удавов — полоз, которая нашла себе прибежище в корнях центральной части клумбы. Обнаружил удава старый туркмен, он и обратился за помощью для поимки «вора» к начальнику санатория.

Правительством Туркмении было создано также подсобное хозяйство, в котором было до 500 кур, около 50 гектаров неполивных земель. К моему убытию из дивизии подсобное хозяйство уже имело более 3 тысяч кур, 460 жеребят, которых мы кормили главным образом овсом и ячменем, выращенными нами на неполивных землях.

Кроме ячменя и овса, собираемых во второй половине мая, мы выращивали скороспелые дыни, земляные орехи, овощи, которые шли на дополнительное питание красноармейцев.

Правительство республики организовало над дивизией шефство комбината Кара-Богаза, добывающего мирабилит в заливе Кара-Богаз. В то время шефы помогли нам в гарнизонах строить клубы, библиотеки, детские сады, дома офицеров, стадионы и другие сооружения культурно-бытового назначения. Конечно, ворота гарнизонов были открыты для местных жителей, а ребяташки для нас были свои — близкие и дорогие.

Делегации рабочих комбината часто бывали в дивизии, и мы, ничего не тая, знакомили их с жизнью и бытом воинов дивизии, а наши конники после увольнения со службы оставались работать на «своем» комбинате, находили там и своих суженых.

Осенью 1934 года я решил отпуск провести в Кисловодске, но ехать не через Москву, как обычно, а через Красноводск, с заездом на комбинат в Кара-Богаз. Красноводская гостиница хотя и душная, но было терпимо. На рассвете нас разбудил звон колокола. В окно увидели массу людей, бегущих с ведрами. Что это? Пожар?

Поразили отзывчивость и дисциплинированность людей, которые быстро, точно по команде, собрались с ведрами и дружно

бежали, как мы думали, к месту тушения пожара. Но признаков пожара мы не заметили. Лишь минут через пятнадцать мы поняли ошибочность нашего предположения, когда увидели спокойно возвращающихся людей с ведрами, наполненными водой. Оказалось, что колокол оповещал население города о том, что пароход из Баку привез пресную воду.

Город Красноводск, находящийся на восточном берегу Каспийского моря, не имел тогда своей воды и пользовался только привозной.

Вскоре мне доложили, что из Кара-Богаза пришла за нами машина вместе с сопровождающим и шофером. Выпив чаю и закусив, мы отправились к машине. Она была легкой, вместительной, с одетыми на колеса баллонами, чтобы не застрять в песках.

Сопровождающий предупредил, что путь в 160 километров будет нелегким, возможно, нас укачает, как на море, так как на всем пути будут сплошные барханы (песчаные бугры). Мы успокоили его, что качки не боимся, что много раз ездили по пустыне.

Наш путь от Красноводска на север проходил вдоль берега, то удаляясь, то приближаясь непосредственно к морю. В путь мы тронулись уверенно и даже между собой посмеивались над «укачиванием». Но когда проехали километров двадцать, почувствовали появление первых признаков тошноты и головокружения, в чем не хотелось признаться сопровождающему и шоферу. Самочувствие улучшалось, когда мы приближались к берегу моря и видели зеркало воды, то ли оттого, что дорога была ровнее, а может быть, и оттого, что мы сосредоточивали свое внимание не на дороге, а на море.

Море было изумительным: стоял полный штиль, и, сколько видел глаз, всю поверхность моря покрывала плавающая птица, как живой ковер. Это были утки, прилетевшие на зимовку с севера. Держались птицы от берега не более чем в ста метрах.

Когда мы оказались у комбината, уже темнело. Далеко впереди виднелась золотая россыпь огней, а приблизившись к Кара-Богазу, мы увидели над песками купол багровой мглы, как бы дым тихого пожара, горящего над пустыней... Это дымит Кара-Богаз... Вода Каспийского моря устремляется в залив со скоростью и силой неслыханной, как бы падая в пучину. Этим и объясняется название залива: «кара-бугаз» по-туркменски означает «черная пасть». Наподобие пасти залив беспрестанно сосет воды моря... «Течение в ней было стремительное, и весь пролив

был подобен Волге во время полной воды» — это написал Паустовский за четыре года до того, как мне довелось лично увидеть залив.

Залив большой, но не глубокий, с малопрозрачной водой, необыкновенно насыщен солями, дно залива состоит из глауберовой соли — мирабилита, ценнейшего сырья для многих производств химической промышленности.

Один из матросов рассказал, как старые рабочие любят иногда подшутить над молодыми, только что прибывшими на комбинат. При этом они выбирают таких, которые не умеют плавать. Соберутся три-четыре старожилы, схватят молодого да и выбросят с катера в воду. Барахтаясь, лежа на спине в воде, молодой кричит, боясь утонуть и не зная того, что здесь утонуть нельзя, так как плотность воды очень высока. Натешившись вволю, «старрики» возвращаются и подбирают новичка на борт. Прошло трое суток нашего пребывания на Кара-Богазском комбинате. Мы решили воспользоваться пароходом, который привез в поселок Кара-Богаз воду, и отправиться на нем в Баку.

Поздно вечером, распрощавшись на берегу с гостеприимными хозяевами, сели в катерок и отправились к пароходу, стоявшему на рейде. Каспий встретил нас вполне дружелюбно.

Прошли годы. Все чаще и чаще на страницах газет, других изданий я встречаю проекты создания дамбы, перекрывающей горло залива. И я открываю повесть К.Г. Паустовского «Кара-Богаз» и читаю диалог гидрографа лейтенанта И.А. Жеребцова и путешественника Г.С. Карелина:

«...Уничтожение залива преступление... Утверждение ваше, что залив вызывает обмеление Каспийского моря, равно как и сожаление о погибающей рыбе, преувеличено...

— А вы уж и проект приготовили! В Петербурге сидят дураки. Они размышлять не любят, а прямо брякнут — закрыть залив на веки вечные и удивить Европу...»¹

¹ В 1980 г. залив Кара-Богаз, уникальный по своим природным богатствам мирабилита (натрия сульфат), был перекрыт плотиной, строительство которой было вызвано необходимостью «сохранения» Каспийского моря. За короткий срок залив обмелел, его соленость повысилась в несколько раз. Тучи сухой соленой пыли теперь поднимаются в воздух и смыкаются с мертвыми солеными песчаными тучами Аральского моря, тысячами миллионов тонн уничтожают плодороднейшие оазисы. Солепылевые выносы Кара-Богазы и Аральского моря достигают Северного Ледовитого океана. Образуется новая горько-соленая пустыня. (Советский энциклопедический словарь. М., 1985. С. 541.) (Примеч. ред.)

Подошло время сказать несколько слов о моей жене, разделившей без ропота и упрека мою нелегкую судьбу, о Нине Александровне Горбатовой, при поддержке, и советах, и воспоминаниях которой эта книга увидела свет...

В 1920 году я связал свою жизнь с одной из двух прибывших в бригаду медсестер. Очень скоро стало понятно, что произошла ошибка в выборе, но она сказала, что ждет ребенка. Летом 1921 года родился сын, которого назвали Александром. В некоторой степени Шура скреплял наш союз и скрашивал жизнь, однако разногласия все росли и совместное проживание становилось просто невозможно.

В январе 1933 года я уезжал в Туркмению без семьи. Мы решили в течение года жить раздельно. Проверим свои отношения временем, а там решим — будем жить вместе или разойдемся.

Через три месяца совершенно неожиданно я получил от жены телеграмму: «Еду к тебе, встречай». Первые два месяца нашей совместной жизни прошли довольно гладко и тихо, а потом началось повторение прежнего, и, пожалуй, в еще более худшем виде.

В августе 1933 года я уехал на учения, вернувшись, обнаружил пустую квартиру. Жена собрала свои вещи и переехала к приятельнице. Я был больше обрадован, чем огорчен, и не торопился приглашать свою супругу домой. Через две недели я узнал, что она с сыном уехала в Ташкент, где и стала жить. Через некоторое время она пыталась снова помириться со мной, но я отказался, решил раз и навсегда покончить с таким «семейным счастьем».

В конце сентября 1933 года по делам службы я приехал в Ташкент. На трамвайной остановке мое внимание привлекла девушка. Невысокий рост, стройная фигура, типично русское лицо, серьезные серо-голубые глаза, шатенка, длинные волосы, гладко причесана на прямой пробор, скромно одета; тяжело нагруженные продовольственные сумки оттягивали ее руки.

Трамвай задерживался, мы разговорились, а когда пришел трамвай, я помог девушке внести ее сумки в вагон. Никогда бы не подумал в тот момент, что эта встреча свяжет наши жизни навсегда. Мы познакомились, и из довольно односложных ответов я узнал, что Нина учится в институте, живет с двумя братьями и сестрой, что отец — крупный работник на железной дороге, переведен на новое место работы в Сибирь. Мать уехала вместе с ним. Я проводил ее до квартиры и попросил разрешения зайти в начале вечера.

Вечер. Нина только что пришла из института. Готовя обед, она непринужденно разговаривала со мной. Временами бросала на меня настороженный взгляд, как будто бы думала: «Ну и странный человек этот военный, два ромба, а напоминает большого мальчика!» Я чувствовал себя неловко, считая свой поспешный визит большой ошибкой. Я присматривался к молодой хозяйке и думал: такая молодая, а все хозяйство, вероятно, лежит на ней, да плюс еще учеба. Видно было, что она все умела делать.

Не успела она закончить свою работу и поговорить со мной, как с шумом влетели в дом ее младшая сестра Леночка и брат Сережа — школьники. Удивленными, большими глазами смотрели они на меня и по очереди подходили к сестре, спрашивая шепотом — кто это? Через некоторое время приехал с работы ее старший брат Юрий Александрович, инженер одного из ташкентских заводов, очень приятный человек. Я чувствовал себя все более и более неловко и сделал попытку уйти, но Нина Александровна и Юрий меня задержали, говоря: «Нет, нет, сейчас мы будем обедать». Я вынужден был занять место за столом и с удовольствием отметил, что молодая хозяйка — опытный кулинар.

После обеда Юрий Александрович, побыв с нами некоторое время, ушел, оставив нас вдвоем.

Спускался теплый, темный среднеазиатский вечер, а я, увлекшись беседой, даже не замечал этого. В непринужденной, откровенной беседе я узнал многое о ее жизни, рассказал и о себе. Расстались мы друзьями, Нина Александровна приглашала заходить, когда буду в Ташкенте. Я возлагал надежды на очередную встречу, когда поеду через Ташкент в отпуск, а это будет через месяц. Написал несколько писем, получал короткие, лаконичные ответы. 6 ноября, приехав в Ташкент, зашел на квартиру, но мне сказали, что Нина «ушла в ботанический сад». Так и уехал вечером в Москву. Возвратившись в Ташкент 2 января 1934 года, оформил развод с первой женой и зарегистрировал брак с Ниной Александровной Веселовой...

Базой формирования 4-й Туркменской кавдивизии была Отдельная кавалерийская бригада, которой длительное время командовал Я.А. Мелькумов. Яков Аркадьевич — личность легендарная. Его участие в боях с басмаческой армией Энвер-паши и другими басмаческими формированиями было высоко оценено советской властью. Он был награжден двумя орденами Крас-

ного Знамени и орденом Красного полумесяца Бухарской Народной Советской Республики. Прославленный бесстрашный комбриг, гроза басмачей, Я.А. Мелькумов мне передал одноэтажный кирпичный особняк европейского типа, с четырьмя большими светлыми комнатами, большой террасой, кухней. Во дворе был сарай, туркменская юрта. Кроме всего этого, Яков Аркадьевич оставил мне чудесную собаку! Молодой, сильный пес, довольно крупного размера, с широкой грудью, большой головой и чудесными темными умными глазами. Он был очень красив и в такой же степени злой! Кличка его была Хапчик. Со своими Хапчик был ласков и послушен, но в отношении чужих — просто страшен.

Рано утром мы приехали в Мерв. Я все думал, как встретит новую хозяйку наш Хапчик. Нина, войдя в незнакомый ей еще дом, прошла в кабинет, села на диван. Хапчик сел напротив Нинуси, широко расставив передние лапы, склонив набок свою большую голову, внимательно и долго смотрел ей в глаза. Я спокойно и медленно говорил с ним, ласкал его, старался ему объяснить, что это новая хозяйка, но Хапчик мало обращал на меня внимание, а все смотрел на нее, потом подошел ближе.

Жена погладила его, и он, как бы в знак благодарности и покорности, положил ей на колени свою громадную голову. С этого момента они стали неразлучными друзьями.

Общество командирских жен приняло мою жену доброжелательно. Нина Александровна легко и тактично подходила как к жене старшего, так и младшего командира и умело разговаривала на любую тему.

Дом ожил, мне надоело жить одному и питаться в столовой, а Нина с ходу вошла в роль хозяйки, готовила очень вкусно. Стирала, гладила, чинила, шила, соблюдала чистоту в квартире — и все у нее спорилось. Иногда я брал жену на рекогносцировку далеко в пустыню, знакомил ее с особенностями региона.

Когда я уезжал на учения в округ, надежной охраной Нины Александровны оставался Хапчик да заряженный револьвер, а стреляла она из него прекрасно (тир у нас был во дворе), так как удара басмачей можно было ожидать в любой момент.

В начале мая 1936 года внезапно был получен приказ о назначении меня командиром 2-й кавалерийской дивизии, в которой семь лет я командовал полком до осени 1928 года.

Эту неожиданную для меня новость сообщил мне командующий войсками округа М.Д. Великанов; он протестовал про-

тив моего ухода, но украинское командование настояло на своем. Михаил Дмитриевич спросил, как я смотрю на это назначение.

Командующий войсками округа по-настоящему завоевал мое безграничное уважение своим знанием военного дела и личными достоинствами как человека и как коммуниста. Поэтому я ответил ему откровенно и доверительно:

— С одной стороны, неплохо поехать на Украину, в дивизию, в которой командовал семь лет полком, а с другой — жалко расставаться с Туркменской, уж очень хороший здесь коллектив, и я с ним сработался. При этом положении не скрою от вас, что больше всего не хочется расставаться с вами, товарищ командующий.

— Ну что же поделаешь, на этом наша служба не кончается, и я не вечно буду в Средней Азии, возможно, что увидимся с вами на работе в другом месте, — ответил он.

Настала пора расставания. Крепко пожав руки, мы обнялись, пожелали друг другу силы и успехов. Я посмотрел на часы. Мелькнула мысль: возвратить... В 1934 году на одном из учений между Ташкентом и Самаркандом за оригинально принятое мною решение Михаил Дмитриевич снял эти часы со своей руки и самолично надел на мою руку.

Командующий посмотрел на меня и, мягко улыбнувшись, сказал: «Возвратишь в другой раз, только другие. Помни, — неожиданно назвав меня только по имени, — Саша, это не только награда командующего, это и моя память...» Часы прошли со мной целую жизнь, но подарить часы моему командующему я не смог...

Съездил в Ашхабад попрощаться с правительством, был у секретаря ЦК Компартии Туркмении Попка, Председателя Совета Министров Атабаева и Председателя ЦИК Айтакова. «Чай и плов вечером, а сейчас просим с нами пойти и выбрать ковры». Два ковра, предварительно лично оплатив, они преподнесли нам в подарок. Речь шла о том, чтобы нами были выбраны те, которые понравятся по расцветке и по рисунку.

Вечером собрались небольшим кружком за стаканами душистого чая, пожалели, что я уезжаю, искренне поблагодарили за работу. Крепко пожали руки и расстались. Больше их видеть не удалось. Позже сообщение об их аресте, а затем о смертной казни потрясло. После XX съезда партии, делегатом которого был и я, имена их были возвращены народу.

Объехал гарнизоны, попрощался с частями. Без преувеличения можно сказать, расставание было трогательным и печальным. На вокзал к отходу поезда пришли проводить многие командиры и секретарь райкома Кулиев. Еще раз пришлось пережить грусть расставания, долго мы смотрели с Ниной Александровной в окна вагона на удаляющийся от нас Мерв, который оставил самое лучшее воспоминание. В Байрам-Али нас ожидала группа командиров. Хотя поезд стоял недолго, пришлось выйти и снова пожать руки, обнять на прощание и поблагодарить за их дружную и целеустремленную работу.

Уезжая из Туркмении на Украину, мы никак не могли взять с собой Хапчика. Расставались с ним с большой грустью, а жена много плакала, он же, чувствуя наш отъезд, не отходил от нее. Последний взгляд — и дверь квартиры разделяет нас, садившихся в машину, и Хапчика; мы слышали, как он жалобно скулил. Новых хозяев Хапчик не замечал.

Уже на Украине, в городе Староконстантинове, мы получили письмо, в котором нам сообщали, что Хапчик убежал из дома, бегал по городу, искал нас, был на вокзале, потом лег у калитки и лежал, никуда не уходил. Не пил, не ел, глаза потускнели; через некоторое время у входа в бывший наш дом Хапчика нашли мертвым...

Прибыв в Ташкент, я позвонил командующему войсками округа М.Д. Великанову, чтобы на прощание сказать несколько теплых слов. Он извинился за то, что не мог приехать на вокзал и пожать мне руку. Больше моего командующего и друга мне видеть не довелось. На пороге стоял страшный 1937 год. В 1938 году командарм 2-го ранга М.Д. Великанов был расстрелян, как и многие видные военачальники и полководцы Советских Вооруженных Сил.

В Москве мы пробыли двое суток. В инспекции кавалерии получил некоторые сведения о 2-й кавдивизии и указания о моей дальнейшей службе и работе.

Прибыв в Киев, доложил командующему войсками округа И.Э. Якиру о своем возвращении на Украину. Он встретил меня словами: «Много пришлось мне положить труда, чтобы вернуть вас, товарищ Горбатов, никак не хотел отдавать вас Михаил Дмитриевич Великанов. Он, да и руководство Туркмении также противились переводу, но нарком посчитал, что вы здесь нужнее». К этому добавил: «Петр Петрович Григорьев командует сейчас корпусом, дивизия после него осталась как бы беспри-

зорной, а фашизм в Германии поднимает голову все выше и выше. Вам, Александр Васильевич, придется поработать не меньше, а больше, чем в Средней Азии».

Помощник Якира по коннице С.К. Тимошенко встретил меня по-дружески, подробно ознакомил меня с состоянием 2-й кавалерийской дивизии, дал ряд указаний и советов. «Остальное, — сказал, — получишь от знакомого командира корпуса П.П. Григорьева в Шепетовке».

П.П. Григорьев длительное время командовал 2-й кавалерийской дивизией, в которой мне довелось семь лет командовать полком, так что мы хорошо знали друг друга. Наша встреча была обоюдно радостной. Петр Петрович спросил: «Представлялись ли вы командующему войсками округа, виделись с Тимошенко, какие они дали указания?» А получив от меня подробную информацию, сообщил: «Долго упиралось ваше командование и не хотело вернуть вас на Украину, но все же Якир и Буденный настояли на своем».

Вместе с командиром корпуса на его машине отправились во 2-ю кавалерийскую дивизию, которая дислоцировалась в городе Староконстантинове, в 50 километрах от Шепетовки. Были собраны командиры частей, и я был представлен им как новый командир и комиссар дивизии. Был рад, что в дивизии и в корпусе встретил много знакомых, которые за прошедшие восемь лет заметно продвинулись по службе.

Да и во мне за это время произошли большие изменения. Командование бригадой и дивизией в большой степени обогатило мой опыт, кроме того, я учился на опыте многих других.

Мне к дивизии пришлось сначала присмотреться и, кстати сказать, со многими нововведениями согласиться.

Техники во 2-й дивизии было больше, чем в Туркменской. Вместо бронетанкового дивизиона в ней уже был танковый полк с новыми быстроходными танками, более совершенной была артиллерия, один из полков с лошадой пересел на машины и стал механизированным.

Присмотревшись к командному составу, нашел его вполне соответствующим. Начальник штаба Свирченко, мой заместитель Мосин и начальник политотдела Куликов были опытными и работоспособными командирами, то же можно сказать и про командиров частей и начальников родов войск и служб. Вообще дивизию принял сколоченной.

Однако при этом обнаружил, что много людей не охватывается повседневной учебой. Докладывали: весь эскадрон в наряде, а оставшиеся в расположении части десять—пятнадцать человек болтаются без дела. Случилось, что выделили на день двадцать человек разгружать два вагона, хотя с этим делом могли легко управиться восемь человек за четыре часа и остальные могли бы быть на занятиях.

Не учитывалось, что некоторые занятия без ущерба для их качества можно проводить возле казарм, не тратя полтора часа учебного времени на бесцельные переходы в поле. Переходы на стрельбище и обратно не использовались для учебы. Пробудут на стрельбище шесть часов, бывало, за это время произведут три выстрела, бросят пять-шесть раз учебную гранату, сделают еще кое-что, а все это можно было выполнить за один час и не трать целый учебный день.

Отметил и низкий уровень некоторых занятий. Выяснилось, что некоторые командиры не готовились к занятиям, полагаясь на память и прежние знания. Бывало и так: командиры, обучая быстроте изготовления орудия для стрельбы по танку, не обращали внимания на правильность наводки; на полигоне из года в год не менялись места мишеней и места огневых позиций, все получалось хорошо и отлично, но стоило изменить положение мишеней, места наблюдательного пункта, и результаты стрельбы стали значительно хуже.

Пришлось заняться и поварами. Пища была обильная, но некусная.

Серьезный разговор произошел с врачами. В дивизии было много случаев заболеваний и несчастных случаев. Происходило это потому, что врачи только лечили и не думали о профилактике заболеваний и несчастных случаев. С эскадронами на занятия не выезжали, редко бывали на физподготовке.

Сначала эти требования некоторым не понравились, а потом все поняли, что все это нужно для дела. Лето 1936 года было богато событиями. В начале июня С.К. Тимошенко проводил полевую поездку, в которой принимали участие все командиры и начальники штабов кавалерийских корпусов и дивизий. В начале сентября 1936 года были проведены маневры в районе города Шепетовки с выброской парашютистов. Маневрами руководил командующий войсками округа И.Э. Якир, на маневрах присутствовали К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, М.Н. Тухачевский,

А.И. Егоров. На маневрах наша 2-я кавалерийская дивизия получила высокую оценку.

После маневров в Киеве проводились большие конные соревнования. Вечером в Киевском оперном театре появились Маршалы Советского Союза. Встреча труженников Украины с высшими представителями армии была теплой и искренней, выражала единство народа и армии.

Над нашей кавалерийской дивизией шефствовала Коммунистическая партия Германии. Вильгельм Пик подолгу находился в Москве, как член исполкома Коминтерна и как представитель германской Компартии, всегда приезжал в дивизию на праздники 1 Мая и 7 Ноября.

6 ноября 1936 года он прибыл к нам в дивизию, беседовал с красноармейцами и командирами, а вечером того же дня присутствовал на торжественном собрании, посвященном празднику Октябрьской революции. Вечером 7 ноября Вильгельм Пик был у нас на квартире. За праздничным столом он поднял бокал и, обращая ко мне, провозгласил тост за встречу в свободном от фашизма Берлине. Так как я никогда не пил, за меня с ним выпила Нина Александровна.

В то время эта мечта казалась явно несбыточной. Забегая вперед, скажу, что в 1945 году, когда я был командармом и по совместительству комендантом Берлина, Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт прибыли к нам в штаб. Мы сели за стол, Вильгельм Пик снова поднял бокал и сказал: «Помните 1936 год? Я пил за будущую встречу в свободном, демократическом Берлине, а вы не верили и не выпили, так давайте выпьем сейчас за состоявшуюся встречу». Я подтвердил сказанное и поднял бокал вина. После Победы меня можно считать уже пьющим. Тогда, 9 мая 1945 года, я выпил в своей жизни первый бокал вина.

Приведу еще один памятный случай, относящийся к той же поре.

В марте или апреле 1937 года я был делегатом на областной партийной конференции в Виннице. Мне она запомнилась. Слово для приветствия конференции было дано колхознице из Красиловского района, собравшей тысячу центнеров свеклы с каждого гектара.

Пока «тысячница» приветствовала конференцию, голова моей соседки наклонялась все ниже и ниже, потом я заметил на ее глазах слезы.

— О чем вы грустите? — спросил я. — Ведь она ничего плохого не сказала.

— Вы ничего не знаете, — ответила женщина сквозь слезы. Когда она успокоилась немного, рассказала: — Я тоже давала слово собрать свеклы тысячу центнеров с каждого гектара, а своего слова не сдержала, собрала по девятисот шестидесяти центнеров с гектара. Вот почему я плачу. — И снова слезы градом покатались по ее щекам.

Мне было известно, что обычно собирают по 160—250 центнеров с гектара, а потому был поражен ее честностью и переживаниями!

Невольно сравнивал себя и моих офицеров с этой колхозницей и находил: мы так-то не переживали, когда у меня и у других не получалось с выполнением обещания, и мне стало неловко.

Не раз приводил этот пример своим подчиненным, которые, обещав добиться хороших и отличных показателей, в результате получали лишь удовлетворительную и даже неудовлетворительную оценку, не стыдились этого и не переживали так, как та девушка-колхозница!

Глава 5

ТАК БЫЛО

Страна уверенно шла вперед, крепла, развивалась и наполнялась жизненными силами, вызывая восхищение трудового народа всего мира. И каждый из нас, советских людей, с гордостью и радостью отдавал все свои силы и знания во имя полной победы социализма.

В один из весенних дней 1937 года, развернув газету, я прочитал, что органы государственной безопасности раскрыли «военно-фашистский заговор». Среди заговорщиков назывались имена крупных советских военачальников, в их числе Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский.

11 июня 1937 года над этой группой крупнейших военных деятелей Красной Армии состоялся суд, который объявил смертный приговор Михаилу Николаевичу Тухачевскому и еще семи военачальникам — героям Гражданской войны, организаторам и строителям Советских Вооруженных Сил. Все они немедленно были расстреляны. За что же?

«Как могло случиться, — думал я, — чтобы люди, игравшие видную роль во время Гражданской войны в организации борьбы и разгроме иностранной интервенции и внутренней контрреволюции, так много сделавшие для совершенствования нашей армии в послевоенный период, коммунисты, могли стать врагами народа, пойти на предательство Родины?»

Этот мучительный вопрос не давал мне покоя. В конце концов в поисках причины «изменнической» деятельности этих людей я пришел к единственному в тех условиях выводу: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит». Этот вывод у меня напросился потому, что М.Н. Тухачевский и некоторые другие лица, вместе с ним арестованные, были выходцами из состоятельных классов, бывшие офицеры царской армии. Очевидно, бывая за границей в командировках и на лечении, они попали в сети иностранных разведок и встали на путь измены. Так думал я, так думали в то время многие, и это в какой-то степени успокаивало и меня.

Особенно мне врезались в память горячие выступления делегатов с трибуны Киевской окружной партийной конференции, а также кулуарные беседы в перерывах между заседаниями конференции. Все единодушно клеймили позором «врагов народа».

Мы, делегаты конференции, заметили, что командующий войсками округа командарм 1-го ранга Иона Эммануилович Якир, всегда веселый и жизнерадостный, выглядел за столом президиума сосредоточенным и угрюмым. «Неужели и он замешан в заговоре?» Но эта нелепая мысль рассеивалась как дым. Многие делегаты, старые бойцы, знали И.Э. Якира как глубоко принципиального человека и хорошего коммуниста. Да и весь его жизненный путь, как говорится, был на виду. Ничего отрицательного никто о нем сказать не мог.

В 1918 году член КПСС с апреля 1917 года И.Э. Якир, командуя сводным отрядом Тираспольского соединения, отличился в боях с австрийскими и германскими интервентами. В сентябре того же года он назначается начальником политотдела Южного участка отрядов завесы, а через месяц, в октябре 1918 года, 24-летний И.Э. Якир назначается членом РВС 8-й армии, одновременно командуя группой войск в районе крупного узла железных дорог Лиски, а также Коротояка и Острогжска. За бои в 1918—1919 годах и проявленное при этом мужество и отвагу И.Э. Якир был награжден орденом Красного Знамени. Для него это была первая столь высокая боевая награда. В июле 1919 года И.Э. Якир вступает в командование 45-й стрелковой дивизией,

действовавшей в южной части Левобережной Украины, отражая при этом сильные удары перешедших в наступление войск Деникина.

9 августа 1919 года в связи с тем, что под угрозой захвата противником оказались Одесса и Киев, В.И. Ленин потребовал от Реввоенсовета Республики: «Обороняться до последней возможности, отстаивая Одессу и Киев, их связь и связь их с нами до последней капли крови». Эта задача возлагалась на 12-ю армию. Положение осложнялось. Так, дивизии 47-я и 58-я, а также 45-я стрелковая под командованием И.Э. Якира потеряли связь со штабом 12-й армии. Решением командования они были сведены в Южную группу войск 12-й армии. Через несколько дней командующим Южной группой был назначен И.Э. Якир. Под угрозой полного окружения и уничтожения войск группы И.Э. Якир разрабатывает план прорыва вражеского кольца из района Балта, Бирзула (Котовск), Рыбница с движением на север.

В середине сентября Южная группа под командованием И.Э. Якира вышла в район Сквир, Белая Церковь и установила радиосвязь с 44-й стрелковой дивизией, сражавшейся под Житомиром. Все усилия петлюровцев и деникинцев совместными ударами разгромить дивизии Южной группы были безуспешны. Части Южной группы прорвались через боевые порядки врага и во взаимодействии с 44-й стрелковой дивизией 18 сентября освободили Житомир, начав подготовку к освобождению Киева. Так завершился 600-верстный поход Южной группы 12-й армии по тылам противника.

Постановлением РВСР от 22 сентября 1919 года 45-я и 58-я стрелковые дивизии были награждены Почетными революционными Красными знаменами, а командующий Южной группой войск Иона Эммануилович Якир был удостоен второго ордена Красного Знамени. Прорыв Южной группы войск из окружения позволил восстановить боеспособность 12-й армии. Орденами Красного Знамени были также награждены многие бойцы и командиры, в том числе И.Ф. Федько, А.В. Немитц.

В последующие годы Иона Эммануилович командовал группами войск, 14-й армией на Юго-Западном фронте. Проводя искусно и смело задуманные операции, он вел подчиненные ему войска от одной победы к другой. Боевой подвиг полководца Якира был отмечен тремя орденами Красного Знамени — редким в ту пору бантом наград. Главной его должностью в мирное время была должность командующего войсками Киевского округа.

Постоянно занимаясь самообразованием сам, Иона Эммануилович подталкивал к этому и подчиненных. В беседах он неизменно называл книги крупнейших писателей и доверительно просил:

— И я прочту эти книги, прочтите и вы, поговорим и обсудим вместе. Договорились?

На учениях и маневрах командарм 1-го ранга И.Э. Якир на практике претворял принципы теории глубокого боя и операции, организации взаимодействия в бою различных видов войск, использования массированных ударов артиллерии и авиации. Нас, кавалеристов, как говорится, от бога, как-то незаметно приучил к технике, мы уже знали тактико-технические данные танков, авиации. Надо знать, постоянно напоминал Якир, что будущая война будет войной моторов.

Без преувеличения с гордостью могу сказать, что считал и считаю себя учеником Якира. Я постоянно на себе испытывал его благотворное влияние. Он терпеливо работал над моим общим образованием, расширением оперативного и тактического кругозора, духа творчества, повышенной требовательности к себе и партийной заботы о подчиненных. «Делай, как я» — вот один из главных жизненных принципов нашего командующего.

Многие, в том числе я, объясняли его угрюмость тем, что, по слухам, он переводится командующим в Ленинградский военный округ, меньший, чем Киевский. Но все это были только догадки и ничего достоверного.

С неприятно тяжелым чувством разъезжались делегаты с этой партконференции. А через несколько дней нам стало известно, что в поезде, на пути из Киева в Ленинград, где-то под Москвой командарм 1-го ранга И.Э. Якир был арестован «как участник заговорщицкой группы Тухачевского». Для меня это был удар грома среди ясного дня. Но все-таки где-то в глубине души теплилась еще надежда, что это роковая ошибка, что разберутся и освободят. Так думали многие из тех, кого я близко знал, но... об этом вслух говорили между собой только очень близкие люди.

Вскоре в Киевский военный округ прибыло новое руководство. Командующим войсками Киевского военного округа был назначен Иван Федорович Федыко, один из четырех героев Гражданской войны, награжденный за совершенные им подвиги и умелое руководство войсками четырьмя орденами Красного Знамени.

Командарм 1-го ранга И.Ф. Федько пережил своего предшественника всего на год с небольшим. По приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР бывший крестьянин Роменского района Сумской области И.Ф. Федько был обвинен в измене Родине, шпионаже, вредительстве стране, в которой был удостоен высших наград и высших воинских званий...

Член Военного совета округа Е.А. Щаденко с первого дня вступления в должность подозрительно приглядывался, а говоря проще — «принюхивался» к каждому командиру и политработнику войск округа, особенно это чувствовали на себе командиры штаба округа, старший командный состав корпусов, дивизий, полков. Приглядывался, даже не скрывая того, к людям, а вскоре развернул активную деятельность по компрометации командного и политического состава, которая сопровождалась массовыми арестами кадров.

На его совести, на его руках кровь и смерть тех, кто был репрессирован, не встал в строй защитников Родины в годы Великой Отечественной войны.

С Е.А. Щаденко мне довелось лично встречаться в те годы и в первые годы войны, и о нем свое мнение выскажу на последующих страницах своего повествования.

Прокатилась волна арестов гражданских ответственных советских, партийных работников. Однако чем больше разрастался круг арестованных, тем меньше верилось в предательство, вредительство, в измену. Но в то же время как этому было не верить? Печать изо дня в день писала все о новых и новых арестах, разоблачениях «врагов народа». В печати, на собраниях и митингах постоянно, как заклятие, были слова: «Никакой пощады изменникам!», «Уничтожить банду предателей и убийц!», «Смерть шпионам!».

В начале августа 1937 года командир нашего 7-го кавалерийского корпуса Петр Петрович Григорьев был срочно вызван в Киев. Командиры дивизий, и я в том числе, насторожились. Узнав, что он возвращается в Шепетовку вечером в субботу, я позвонил жене Григорьева Марии Андреевне и сказал ей, что приедем к ним в воскресенье узнать о результате вызова ее мужа в Киев.

Вместе с женой Ниной Александровной мы приехали к Григорьевым и застали их в весьма подавленном настроении. На

мой вопрос Петру Петровичу, зачем его вызвали в Киев, он ответил:

— Вызывали в окружную партийную комиссию и предъявили обвинение в связях с врагами народа. Вот вам и причина плохого настроения.

Нас очень поразило это сообщение. «Ну, положим, что те были выходцы из богатых семей, — подумал я, — но он-то ведь рабочий и сын рабочего! Что-то тут не вяжется!»

Когда мы собрались уезжать, Мария Андреевна заплакала, а Григорьев, пожимая нам руки, грустно сказал:

— Кто знает, увидимся ли еще?

Желая как-то успокоить Григорьевых, я сказал Петру Петровичу:

— Ну уж тебе, потомственному рабочему, беспокоиться нечего! Выкинь мрачные мысли из головы. Там разберутся.

Но сами мы уехали от Григорьевых тоже грустные, весь путь до Староконстантинова молчали и думали, конечно, об одном.

Назавтра мы узнали, что Григорьев арестован. В тот же день во 2-ю дивизию, которой я командовал, прибыл начальник политотдела корпуса Богданов. Он приказал собрать дивизию на митинг и объявил, что командир корпуса «оказался врагом народа».

«Оказался» — это было в то время своего рода магическое слово, которое как бы объясняло все: жил, работал и вот — «оказался»...

На митинге было предоставлено слово и мне. Я сказал, что знаю командира корпуса Петра Петровича Григорьева более 14 лет. За это время мы вместе боролись с различными антипартийными уклонами. Никаких шатаний у Григорьева в вопросах партийной политики не было. Это один из лучших командиров во всей Красной Армии. Если бы он был чужд нашей партии, это было бы заметно, особенно мне. Верю, что следствие разберется и невиновность П.П. Григорьева будет доказана.

Выступавшие после меня ораторы подчеркивали чрезмерную, как они говорили, придирчивость, то есть деловую требовательность, Григорьева и выискивали недостатки в его работе. Мой голос как бы потонул в этом недобром хоре.

После митинга начальник политотдела корпуса Богданов и начальник политотдела дивизии Куликов упрекнули меня в «либерализме». Лишь моя жена — единственная из всех людей, бывших на митинге, — сказала, что я выступил правильно и правдиво.

А дня через два я узнал, что командир 7-го кавалерийского полка нашей дивизии Хижняк отдал своего прекрасно выезженного коня, завоевавшего первенство на окружных соревнованиях, уполномоченному особому отделу, который даже не умел ездить на лошади. Никогда не мог бы я прежде подумать, чтобы этот командир мог унизиться до такого поступка.

Вызвав его в штаб, я сказал:

— Вы, по-видимому, чувствуете за собой какие-то грехи, а потому и задабриваете особый отдел? Немедленно возьмите обратно коня, иначе он будет испорчен не умеющим с ним обращаться всадником!

На другой день командир полка доложил мне по телефону, что мое приказание выполнено. Я же чувствовал, как отношение ко мне со стороны сослуживцев становилось каким-то настороженным. Даже те, кто стремился со мной сразиться в шахматы, избегали встречи и ходили опустив глаза. В частях корпуса проводились митинги, на которых утверждалось, что бывший комкор участвовал в контрреволюционном заговоре, связан с иностранной разведкой. Высказывались и другие более «крепкие» обвинения и требования расправы с ним. Выискивали всякую грязь, какой можно было облить славного и от важного воина-коммуниста.

Прошел еще месяц. Приказом командующего округом я был освобожден от командования дивизией, а вскоре и исключен из партии штабной парторганизацией «за связь с врагами народа». Меня отчислили в распоряжение Главного управления кадров Наркомата обороны.

Все мои попытки отстоять себя в окружной парткомиссии оказались безуспешными. Посоветовавшись с женой, мы решили уехать из Старокопстантинова в Москву. Прибыв туда, мы на первых порах устроились в гостинице ЦДКА. После того как пришли наши вещи, мы их сдали на склад НКО, а сами с разрешения Главного управления кадров уехали в Саратов к родителям жены, так как жить в гостинице нам было не по карману.

Мой тесть, Александр Васильевич Веселов, и его добрейшая жена, Любовь Сергеевна, встретили нас очень радушно. Александр Васильевич был в то время начальником службы движения в управлении Рязано-Уральской железной дороги. Вместе с ними жили дочь Лена, теперь уже студентка мединститута, и сын Сережа, ученик средней школы. Семья занимала трехкомнатную квартиру и одну из комнат любезно предоставила нам.

Положение мое продолжало оставаться неясным, и, конечно, настроение было невеселым. Мы прожили в Саратове несколько месяцев.

Наконец в первых числах марта 1938 года я был вызван в парткомиссию Главного политического управления и восстановлен в партии. В связи с этим ко мне резко изменилось отношение и в Главном управлении кадров. Через два с половиной месяца, 15 мая, мне был вручен приказ о назначении на должность заместителя командира 6-го кавалерийского корпуса, которым командовал Г.К. Жуков. Радости нашей не было конца, хотя я с гораздо большим удовольствием пошел бы командовать дивизией, так как по своему характеру предпочитал самостоятельную работу. Да и стаж самостоятельной работы у меня был большой: семь лет командовал полком, пять с половиной лет бригадой и столько же дивизией. «Видимо, — подумал я, — опала с меня еще не совсем снята».

Мы отправились в город Осиповичи, где в то время находился штаб корпуса.

Георгий Константинович принял нас хорошо:

— Жить будете в этом же доме, только на втором этаже.

Смотрю на командира корпуса и вспоминаю нашу первую встречу в конце 1929 года в Москве, на Курсах по усовершенствованию высшего начальствующего состава, наши жаркие споры на оперативно-тактические и специальные темы. И снова встреча через восемь с лишним лет.

Жуков оставался по-прежнему Жуковым. Собранным, энергичным, волевым и подчас нетерпимым к проступкам сослуживцев и подчиненных. О высокой боевой выучке 4-й Донской казачьей дивизии, которой четыре года командовал Г.К. Жуков, было хорошо известно Красной Армии. В этой славе дивизии колоссальный труд ее командира Г.К. Жукова.

Тогда, восемь лет назад, он дал высокую оценку деятельности начальника Высшей кавшколы В.М. Примакова, его образованности, знанию военного дела. Во время наших жарких дискуссий Г.К. Жуков не раз говорил:

— Вот она, школа Примакова.

И в дни нашей встречи, как будто в чем-то виноватые, мы старались не бредить тем, что иссушало наши сердца.

Отдавая должное железной выдержке командира корпуса, я внутренне был благодарен ему, что он, не вдаваясь в подробности моего перевода, сказал, как отрезал, всего два слова:

— Ты прав!

К этому вопросу ни тогда, в 1938 году, ни в годы Великой Отечественной войны Георгий Константинович не возвращался.

В краткой, но емкой беседе комкор сообщил мне, что в командование войсками округа вступил Михаил Прокофьевич Ковалев. Тактику он знает, любит.

— Ну а нам, Александр Васильевич, надо служить, учить войска, учиться самим.

По работе я очень соскучился и старался быть полезным и нужным командиру корпуса, быстро включился в работу.

Вскоре Г.К. Жуков получил назначение на должность помощника командующего округом по коннице и уехал в Смоленск, оставив на меня временное командование корпусом. Я предполагал, что буду утвержден в должности командира корпуса, но моя надежда не сбылась. «Значит, мое предположение, что опала не вполне с меня снята, подтверждается», — подумал я.

Вскоре прибыл командир корпуса А.И. Еременко. Андрея Ивановича я знал по Новоград-Волынскому, где в 1937 году он был заместителем командира дивизии, и мы быстро нашли с ним общий язык. Жизнь налаживалась. А.И. Еременко оказался энергичным командиром и хорошим хозяином. Но течение трудовых будней было внезапно прервано.

В сентябре 1938 года кладовщик штаба корпуса доложил мне, чтобы я получил причитающееся по зимнему плану обмундирование; когда же я пришел к нему на другой день, то со смущенным видом показал мне телеграмму от комиссара корпуса, старшего политрука А.Я. Фоминых, находившегося в это время в Москве: «Воздержаться от выдачи Горбатову планового обмундирования».

Со склада я уходил более смущенным, чем кладовщик. Так и эдак прикидывал предусмотрительность А.Я. Фоминых. Дома об этом рассказал жене. Нина Александровна выслушала мои опасения и промолвила:

— В лучшем случае нужно ожидать повторения пройденного, а может быть, и худшего.

Вслед за этой странной телеграммой пришел приказ о моем увольнении в запас...

Забегу вперед. Через 24 года, весной 1962 года, в кругу генералов и офицеров ко мне подошел генерал-лейтенант, который сказал:

— Я чувствую, товарищ генерал армии, что вы меня не узнаете. Я — генерал-лейтенант Фоминых, бывший комиссар 6-го кавкорпуса. С начала войны был членом Военного совета Западного фронта, а теперь в отставке, живу в Ленинграде.

— Да, товарищ Фоминых, — ответил я. — Сперва я вас не узнал, но мне все-таки показалось, что где-то я вас видел. А теперь я вас совсем вспомнил. Особенно мне запомнилось, как вы, будучи комиссаром корпуса в звании старшего политрука, прислали из Москвы телеграмму, рекомендуя воздержаться от выдачи мне планового обмундирования. Через несколько дней я был уволен из кадров армии, а затем арестован и осужден.

После этих слов генерал-лейтенант Фоминых поспешил уйти. Чувствовалось, что он был не рад, что захотел возобновить наше знакомство...

Итак, 15 октября 1938 года я выехал из города Осиповичи в Москву, чтобы выяснить причину моего увольнения из армии. К наркому обороны меня не допустили. 21 октября начальник Главного управления кадров Е.А. Щаденко, выслушав меня в течение двух-трех минут, сказал: «Будем выяснять ваше положение», не забыв спросить, где я остановился.

Днем я послал жене телеграмму: «Положение выясняется» — а в два часа ночи раздался стук в дверь моего номера в гостинице ЦДКА. На мой вопрос: «Кто?» — ответил женский голос:

— Вам телеграмма.

Очевидно, от жены, подумал я, открывая дверь. Но в номер вошли трое военных, и один из них с места в карьер объявил мне, что я арестован. Я потребовал ордер на арест. В ответ услышал:

— Сами видите, кто мы! Конечно, не бандиты.

После этого ответа один начал снимать ордена с моей гимнастерки, висящей на спинке стула, другой — срезать знаки различия с обмундирования, а третий, не сводя глаз, следил за тем, как я одеваюсь. У меня отобрали партийный билет, удостоверение личности и другие документы. Под конвоем этих лиц я вышел из гостиницы. Меня втокнули в легковую машину. Ехали молча. Трудно передать, что я пережил, когда машина мчала меня по пустынным ночным улицам Москвы.

Я недоумевал, считая, что все это не серьезно и что сегодня, ну, завтра все выяснится и я снова буду на службе, хотя освобожденных пока еще не видел.

Но вот закрылись массивные ворота на Лубянке, а потом и дверь камеры. Я окинул взглядом камеру, увидел каких-то лю-

дей, поздоровался, и в ответ услышал дружное: «Здравствуйте, товарищ военный!»

Их было семь. После недолгого молчания один из них сказал:

— Товарищ военный, вероятно, думает: сам-то я ни в чем не виноват, а попал в компанию государственных преступников... Если вы так думаете, то напрасно! Мы такие же преступники, как вы. Не стесняйтесь, садитесь на свою койку и расскажите нам, что делается на белом свете, а то мы давно уже от него оторваны и ничего не знаем.

Мои товарищи по несчастью особенно интересовались положением в гитлеровской Германии. Позднее я узнал, что все они в прошлом ответственные работники. Произвели они на меня впечатление культурных и серьезных людей. Однако я пришел в ужас, когда узнал, что все они уже подписали на допросах у следователей несусветную чепуху, признаваясь в преступлениях за себя и за других. Одни пошли на это после физического воздействия, а другие потому, что были запуганы рассказами об этих ужасах.

Все же мне было совершенно непонятно. Я говорил им: ведь ваши оговоры приносят несчастья не только вам и тем, на кого вы лжесвидетельствуете, но также их родственникам и знакомым. И наконец, говорил я, вы вводите в заблуждение следствие и Советскую власть. Ведь некоторые подследственные подписывались под клеветническими измышлениями на умершего Сергея Сергеевича Каменева, бывшего Главнокомандующего Вооруженными Силами республики, начальника штаба РККА, чья урна с прахом покоится у Кремлевской стены на Красной площади.

Но мои доводы их не убедили. Они придерживались странной теории: чем больше посадят, тем лучше, потому что скорее поймут, что все это вреднейший вздор. Рекомендовали и мне следовать их примеру.

— Нет, ни при каких обстоятельствах я не пойду по вашей дороге, — сказал я, и, так как они доказывали мне свою правоту, у меня сначала пропало к ним сострадание, а потом я почувствовал даже отвращение к этим трусам. Я так рассердился, что сказал им: — Своими ложными показаниями вы уже совершили тяжелое преступление, за которое положена тюрьма...

На это они мне иронически ответили:

— Посмотрим, как ты заговоришь через неделю!

Трое суток меня не вызывали. Обдумывая в эти дни свое положение, я пришел к мысли, что, вероятно, некоторые из моих

соседей по камере действительно замешаны в каких-то нехороших делах, а другие нарочно подсажены, чтобы «обрабатывать» новичков, психологически подготавливать их к подписыванию любой чепухи, тем самым облегчая задачу следователю.

На четвертый день вечером меня отвели к следователю. Своей фамилии он не назвал. Сверив мои анкетно-биографические данные и посадив меня напротив себя, он дал мне бумагу, ручку и предложил «описать все имеющиеся за тобой преступления».

— Если речь идет о моих преступлениях, то мне писать нечего, — ответил я.

— Ничего! — сказал он. — Сначала все так говорят, а потом подумают хорошенько, вспомнят и напишут. У тебя есть время, нам спешить некуда. Кому писать нечего, те на свободе ходят, а ты — пиши.

Он вышел из комнаты.

Прошло много времени, пока он вернулся. Увидев, что я ничего не написал, он сделал вид, будто удивился:

— Ты что, разве не понял, чего я от тебя требовал? Имей в виду: мы шутить не любим! Так изволь выполнять мое требование. Тебе не выгодно портить со мной отношения. Не заставляй мое хорошее к тебе отношение менять на грубость или на что-то иное, покрепче. Знай, что у нас не было еще случая, чтобы кто-либо отказался написать о своих преступлениях. Понятно?!

Он опять вышел из комнаты.

Приблизительно через час, увидев, что я не пишу, следователь сказал:

— Ты плохо себя повел с самого начала. Жаль! Ну что ж, подумай в камере.

Два дюжих солдата, скрутив мне руки назад, повели по безлюдным длинным коридорам и водворили меня в камеру. Как только за мной захлопнулась дверь, меня засыпали вопросами:

— Что спрашивали? Как отвечал? Что показал?

Выслушав меня, они пришли к выводу, что метод допроса не изменился. Мне нужно ждать следующих вызовов, на которых я или начну писать, или меня повезут в Лефортово.

Прогноз подтвердился. Через сутки повторилось то же как со стороны следователя, так и с моей. На этот раз следователь вел себя крайне грубо, ругался и угрожал отправить меня в Лефортово. В этот же день он меня вызвал еще раз на короткое время. Разговаривал со мной уже присутствовавший в комнате следователя более «высокий чин». Он предложил мне писать показан-

ния, а услышав мое твердое «не буду», начал тоже ругаться и закончил угрозой:

— Пеняй на себя.

На следующий день открылась дверь камеры, вошедший спросил:

— Чья тут фамилия на букву «Г»?

Я назвал свою фамилию.

Мне было приказано готовиться на выход с вещами.

Всем стало ясно: меня повезут в Лефортовскую тюрьму. Мне неподдельно сочувствовали, давали советы и желали мне всего хорошего.

Сев в черную глухую машину, я слышал, как зашумел мотор, как захлопнулись ворота Лубянки. До моих ушей иногда долетали говор и смех на улицах. Потом я слышал, как открылись и захлопнулись ворота Лефортовской тюрьмы. И вот я оказался в маленькой, когда-то, наверное, одиночной, камере. Там уже были двое — я третий, и три койки стояли буквой «П».

Моими соседями оказались комбриг Б. и начальник одного из главных комитетов Наркомата торговли К. Оба они уже написали о себе и о других чепуху, подsunутую следователями. Предрекали и мне ту же участь, уверяя, что другого выхода нет. От их рассказов у меня по коже пробегали мурашки. Верилось с трудом, что может быть что-либо подобное.

Мнение моих новых коллег было таково: лучше писать сразу, потому что все равно — не подпишешь сегодня, подпишешь через неделю или через полгода.

— Лучше я умру, — сказал я, — чем оклевету себя, а тем более других.

— У нас тоже было такое настроение, когда попали сюда, — отвечали они мне. — Но с нами поступали так жестоко, что вынудили писать всякие небылицы.

Прошло три дня. Начались вызовы к следователю. Сперва они ничем не отличались от допросов, которые были на Лубянке. Только следователь был здесь грубее, площадная брань и слова «изменник», «предатель» были больше в ходу. Убедившись, однако, что я писать ничего не буду, следователь прошипел:

— Напишешь. У нас не было и не будет таких, которые не пишут!

Мои соседи, узнав, что мне сказал следователь, опечалились:

— Вот так было и с нами, теперь перейдут от слов к делу...

В четвертый раз меня вызвали к кому-то из начальников. Сначала он спокойно спросил, представляю ли я, к чему себя готовлю, хорошо ли это продумал и оценил? Потом, когда я ответил, что подумал обо всем, он сказал следователю: «Да, я с вами согласен!» — и вышел из комнаты.

На этот раз я долго не возвращался с допроса.

Когда я, мокрый, с трудом добрался до своей камеры, мои товарищи в один голос спросили:

— Били?

— Да, до потери сознания. Два или три ведра вылили на меня холодной воды, — еле шевеля разбитыми в кровь губами, ответил им я.

— Вот! А это только начало.

А товарищ Б. тихо мне сказал, покачив головой:

— Нужно ли тебе все это?

Допросов с пристрастием было пять, с промежутком в двое-трое суток.

Мне не хочется описывать отработанные до автоматизма формы и методы выколачивания необходимых следователю сведений. Но тут уж коса нашла на камень, и чаще всего после «любезных» ночных бесед со своим следователем меня приносили в камеру на носилках. Затем дней двадцать давали отдышаться. И как ни было мне тяжело, но больше всего меня волновало, что с моей женой. Вдруг я получил передачу в 50 рублей; это дало мне основание думать, что она на свободе.

Мои товарищи, как ни были мрачно настроены, передышку в допросах считали хорошим предзнаменованием...

Но вскоре меня стали опять вызывать на допросы. Во время одного из них я случайно узнал, что фамилия моего изверга-следователя Стовбунский. Не знаю, где он сейчас. Если жив, то я бы хотел, чтобы он мог прочитать эти строки и почувствовать мое презрение к нему не только теперь, но и тогда, когда я был в его руках. Думаю, он это знал...

Кроме следователя, в «активных» допросах принимали участие два дюжих костолома. И сейчас в моих ушах звучит зловещи-шипящий голос Стовбунского, твердившего, когда меня, обес-силенного и окровавленного, уносили:

— Подпишешь, подпишешь.

Выдержал я и эту муку во втором круге допросов.

Дней двадцать меня опять не вызывали. Я был доволен своим поведением. Мои товарищи завидовали моей решимости, ругали

и осуждали себя, и мне приходилось теперь их поддерживать. Но когда началась третья серия допросов, как хотелось мне скорее умереть!

Мои товарищи, потеряв надежду на мою победу, совсем пали духом.

Однажды товарищ Б. меня спросил:

— Неужели тебя и это не убеждает, что твое положение безвыходно?

— Нет, не убеждает, — ответил я. — Умирать буду, а все буду повторять: нет и нет!

Наконец меня оставили в покое и три месяца не вызывали. В это время я снова поверил, что близится мое освобождение, и мою уверенность разделяли и товарищи по камере. Случалось, что я стучал в дверь и требовал начальника тюрьмы или прокурора. Разумеется, эта дерзость в лучшем случае оставалась безнаказанной. Но надо же было как-то коротать время!

Много передумал я за эти три месяца. В первый раз я не жалел, что родители умерли (отец в 1935, а мать в 1938 году). Эти простые, трудолюбивые, честные люди так гордились своим Санькой! В каком горе умерли бы они, если бы дожили до моего ареста! Много думал я и о Нине Александровне. Ее положение было хуже, чем мое. Ведь я находился среди таких же отверженных, а она — среди свободных людей, и, как знать, может быть, среди них найдутся такие, что отвернутся от нее как от жены «врага народа»... Эта мысль не давала мне покоя.

Помню — это был предпоследний допрос, — следовательно спросил меня:

— Вашу жену зовут Нина Александровна? И какие у вас с ней взаимоотношения?

Я ответил, что жили мы дружно.

— Ах вот как. Ну тогда мы ее арестуем и заставим писать на себя и на тебя, — злорадно заявил Стовбунский.

Как я ругал себя за откровенность! Но меня успокаивало то, что я продолжал ежемесячно получать передачу по 50 рублей. Это был верный признак, что жена на свободе.

Позднее я узнал, что опасения за ее участь были не напрасными. Последнюю мою телеграмму, посланную в день ареста, она получила. Прошло несколько дней, от меня вестей не было. С каждым днем ее беспокойство росло. Наконец она пошла к командиру корпуса.

— Вероятно, его куда-либо послали, — сказал А.И. Еременко.

Перед Октябрьскими праздниками ее беспокойство достигло наивысшего предела. Она решила ждать меня до 7 ноября, а если седьмого меня не будет и не будет от меня вестей, то 8 ноября ехать в Москву.

Перед отъездом она снова зашла к Еременко.

— Если бы Александра Васильевича арестовали, я бы об этом знал, — сказал Андрей Иванович.

Однако он пригласил к себе начальника особого отдела и в присутствии моей жены высказал опасение, не арестован ли я.

— Если бы это случилось, мы бы об этом знали и давно сделали на квартире обыск, — взглянув на Нину Александровну, ответил начальник особого отдела.

Все это мою Нину не успокоило, и 9 ноября жена приехала в Москву. Знакомые сказали ей, что с 20 октября они меня не видели и думали, что я уехал домой, в Осиповичи. В гостинице Центрального дома Красной Армии ей ответили только, что я убыл 22 октября. Но когда жена уходила, ее обогнала в коридоре девушка и, не останавливаясь, тихо сказала: «Его арестовали в ночь на двадцать второе».

Несмотря на то что жена предполагала, что меня арестовали, все же сообщение девушки-горничной сразило ее как молнией!

Выйдя в сквер, что напротив гостиницы, жена опустилась на скамейку, долго там сидела, плакала и обдумывала, что же ей делать? Решила идти на Лубянку. Оттуда ее послали в справочную, на Кузнецкий мост. Дождавшись своей очереди, она спросила:

— Где мой муж? Где мне его искать?

— А почему вы думаете, что ваш муж арестован? — задали ей встречный вопрос.

— Я думаю, что он арестован, потому что долго не имею от него никаких известий, — ответила она.

— У нас вашего мужа нет.

Однако ей дали адреса всех тюрем, кроме Лефортовской, и сказали:

— Ищите сами, нам о нем ничего неизвестно.

В тюрьмах и на пересыльных пунктах ей давали тот же ответ.

Наконец, обойдя весь круг, она снова пришла в справочную НКВД и встала в очередь. Здесь она случайно встретила женщину, с которой когда-то познакомилась в Сочи, и поделилась с ней своим горем. Женщина посоветовала ей ехать в Лефортовскую тюрьму и научила, как все разузнать.

Войдя во двор тюрьмы, жена подошла к окошечку и обратилась к дежурному с просьбой принять передачу для ее мужа Горбатова. Окошечку захлопнулось. Через некоторое время тот же дежурный спросил у жены паспорт и взял 50 рублей. Так ей стало ясно, что я нахожусь в Лефортовской тюрьме.

Из тюрьмы жена зашла к нашим хорошим московским знакомым, обо всем рассказала и поехала в Осиповичи.

После получения ее денег у меня появилась надежда. Пусть бесконечно горько на душе от несправедливости, но сознание того, что Нина узнала, где я и что со мной, дало ей возможность узнать хоть горькую, но правду, думал я, пусть надеется, что все будет хорошо, что во всем разберутся.

В дороге жена надумала уехать из Осиповичей в Саратов, к своей матери, чтобы вместе с ней мыкать горе: дело в том, что 30 апреля 1938 года был арестован отец моей жены, а несколько раньше, в 1937 году, и ее брат, инженер. «Да и работу в Саратове, — думала она, — найти будет легче, чем в Осиповичах».

Андрей Иванович верил в мою невиновность, поэтому решение Нины Александровны одобрил, содействовал ее выезду, что было редкостью в то время, и сказал ей, что уверен в моей невиновности. Мы и сейчас с большой благодарностью вспоминаем благородный поступок А.И. Еременко и его гражданское мужество, едва ли не более трудное, чем мужество на поле боя. Вот, пожалуй, в таких поступках и проверяется чувство локтя и войсковое товарищество.

В ночь перед ее выездом, около двух часов, в дверь квартиры кто-то громко застучал. Жена и домработница еще не спали, собирая вещи к отъезду. Домработница, плача, сказала: «Это за вами, Нина Александровна» — и не хотела открывать дверь. Собравшись с силами, жена быстро сбежала по лестнице и спросила: «Кто там?» В ответ два полупьяных голоса наперебой спросили: «Где здесь гостиница?» Опустившись на ступеньки лестницы, жена горько зарыдала от своего бессилия против несправедливости... Тем временем работница, проклиная ночных гуляк, указывала им дорогу в гостиницу.

Прибыв в Саратов, Нина Александровна нашла свою мать на окраине города. Она там снимала комнату и жила с дочерью и сыном, после ареста мужа ее выселили из квартиры. Об арестованном брате ничего не было известно (позднее узнали, что в то время он уже погиб), а отцу «особое совещание» определило 5 лет концлагеря.

Продавая вещи, посланные багажом из Осиповичей, Нина Александровна получала скудные средства на жизнь и на помощь мне и отцу. Ежемесячно она устраивалась на работу, но через несколько дней, узнав, что и ее муж, и отец, и брат «враги народа», ее увольняли без объяснения причин.

Все это я узнал впоследствии, когда вышел на волю.

После трехмесячного перерыва в допросах, 8 мая 1938 года, в дверь нашей камеры вошел человек со списком в руках и спросил:

— У кого из вас фамилия на букву «Г»?

— Горбатов, — ответил я.

— Приготовиться к выходу с вещами!

Радости моей да и моего товарища по несчастью Б. не было конца.

К., уверенный, что меня выпускают на свободу, все спрашивал, не забыл ли я адрес его жены, просил передать ей, что он мерзавец и негодяй, потому что не смог вытерпеть — подписал ложные обвинения против себя и других, просил, чтобы она его простила, верила, что он ее любит. Я ему обещал побывать у его жены и передать ей все, о чем он просит. На прощание обнялись и расцеловались.

Безгранично радостный шел я по коридорам тюрьмы. Затем мы остановились перед боксом. Здесь приказали оставить вещи, а меня повели дальше. Остановились у какой-то двери, один из сопровождающих ушел с докладом. Через минуту меня ввели в небольшой зал: я оказался перед судом военной коллегии.

За столом сидело трое. У председателя, что сидел в середине, я заметил на рукаве черного мундира широкую золотую нашивку.

«Капитан первого ранга», — подумал я.

Радостное настроение меня не покидало, ибо я только того и хотел, чтобы в моем деле разобрался наш справедливый советский суд.

Суд длился четыре-пять минут. Были сверены мои фамилия, имя, отчество, год и место рождения. Потом председатель спросил:

— Почему вы не сознались на следствии в своих преступлениях?

— Я не совершал преступлений, потому мне не в чем было и сознаваться, — ответил я.

— Почему же на вас показывают десять человек, уже сознавшихся и осужденных? — спросил председатель.

У меня было в тот момент настолько хорошее настроение и я был так уверен, что меня освободят, что я ответил в свободной форме, в чем впоследствии горько раскаивался. Я сказал:

— Читал я книгу «Труженики моря» Виктора Гюго. Там сказано, насколько помню, что в XVI веке на Британских островах как-то раз привлеклись к ответственности одиннадцать человек за связь с дьяволом. Десять из них в этой связи признались — правда, не без помощи пыток, — а одиннадцатый не сознался. Тогда король Яков Второй приказал этого одиннадцатого сварить живьем в котле, чтобы по навару узнать, что и он, бедняга, имел связь с дьяволом, но только не сознался. По-видимому, — продолжал я, — те десять, которые показывали на меня, испытывали то же, что и десять англичан, и им не захотелось испытать то, что испытал одиннадцатый.

Судьи, усмехнувшись, переглянулись между собой, и председатель — кажется, Никитченко по фамилии — спросил сидящего слева:

— Как, все ясно?

Тот кивнул. Меня вывели в коридор.

Признаться, я был доволен своим, как мне казалось, остроумным ответом и предвкушал скорую свободу.

Прошло минуты две. Меня снова ввели в зал и объявили приговор: 15 лет заключения в тюрьме и лагере плюс 5 лет поражения в правах...

Это было так неожиданно, что я где стоял, там и опустился на пол. Меня отвели в камеру, где лежали мои вещи, и в тот же день перевели в Бутырскую тюрьму, в камеру, где сидели только осужденные, ожидавшие отправки. Войдя, я громко поздоровался и представился по-военному: комбриг Горбатов. После Лефортовской эта тюрьма показалась мне санаторием. Правда, в камере, рассчитанной на 25 человек, было более семидесяти, но здесь давали ежедневно полчаса прогулки вместо 10-минутных прогулок через день в Лефортово.

Мой приход в камеру не привлек ничего внимания. Староста указал мне место у двери и параши. Когда я занял свои 50 сантиметров на нарах, сосед спросил:

- Сколько дали, подписал ли предложенное?
- Пятнадцать и еще пять. Ничего не подписал.
- Репрессии применяли?
- В полном объеме.

— Сижу давно, по разным камерам, но не встречал неподписавших, — сказал сосед. Задумался и добавил: — И в этой камере вы первый такой.

С этого момента я стал здесь заметным человеком.

По мере того как одни уходили, а другие приходили, я становился уже старожилом и продвигался от параши и двери ближе к окну.

Староста камеры был выборным из числа тех, кто пробыл тут долго. Уходя, он рекомендовал преемника. Обязанности старосты были немалые; он следил за правильной раздачей хлеба, сахара и другой пищи, разбирал ссоры, разнимал драки (они были редки). Он нес какую-то долю ответственности перед администрацией тюрьмы и в некоторой степени отстаивал интересы заключенных.

В нашей камере собрались люди образованные, различных профессий и специальностей. Они много знали и, сходясь кучками, вели интересные беседы на различные темы. Никто не знал, в какой уголок нашей необъятной Родины он попадет. Предполагали, что на Крайний Север или Дальний Восток. Поэтому особенно мы прислушивались к тем, кто когда-то работал в отдаленных местностях Союза, кто лучше знал географию.

Среди моих сокамерников я действительно оказался единственным, кто не сочинял сам, как говорилось, «романы» и не подписывал протоколы допросов, состряпанные следователем. Все остальные клеветали на себя, а часто и на других. И чего только не было в этих «романах»! Один, например, сознался, что происходит из княжеского рода и с 1918 года живет по чужому паспорту, взятому у убитого им крестьянина; признавался, что все это время вредил советской власти и т. д. Многие, узнав, что мне удалось не дать никаких показаний, негодовали на свои вымыслы и свое поведение. Другие успокаивали себя тем, что «все-му одна цена — что подписал, что не подписал, ведь Горбатов тоже получил пятнадцать лет плюс пять». А были и такие, что просто мне не поверили...

И вот, наконец, большинству из нас было приказано подготовиться к выходу с вещами во двор. Потом нас в специальных крытых машинах повезли по улицам Москвы на платформу одной из дорог и усадили в товарные вагоны. Все молчали и думали в это время кто о чем. Я все еще верил, что правда торжествует и я буду на свободе.

Когда миновали Волгу, стало ясно — везут в Сибирь. В Свердловске нас направили в пересыльную тюрьму. По городским улицам мы шли понуря головы, окруженные охраной с овчарками, как опасные преступники. Нам стыдно было взглянуть в лица советским людям, идущим по тротуарам, а люди смотрели на нашу разношерстную колонну одни с презрением, другие с недоумением и жалостью. Как хотелось громко крикнуть: мы не преступники, нет, нет, мы жертвы творящегося в стране преступления! Но этого никто не осмелился сделать. Мы, глядя под ноги, шли медленным шагом. Вероятно, некоторые граждане, идущие навстречу, хотели кому-то что-то передать, так как от времени до времени были слышны резкие оклики: «Не подходи, не передавай!» да рычание четвероногих помощников конвоя.

В тюрьме нам впервые было разрешено купить бумагу и написать письма — «только чернилами и ничего лишнего». Я написал в Саратов, по сохранившемуся в памяти адресу матери моей жены, потому что был уверен, что, если Нина Александровна и не вернулась в свою семью, это письмо ей перешлют туда, где она находится. Сообщил, где я и что, вероятно, через несколько дней мы тронемся дальше. Просил не горевать, заботиться о себе и не ехать в Свердловск — все равно меня там не застанет.

Многие из нашей группы написали близким, чтобы они приехали в Свердловск повидаться. К некоторым из них родные приехали, но свидания им не дали, взяли только передачу. Но именно этого не хотели я и те мои товарищи, которые просили близких не приезжать: мы знали, в каком бедственном положении, должно быть, находятся они сами.

Моя жена, удрученная тем, что очередные 50 рублей, посланные в адрес Лефортовской тюрьмы, были ей возвращены, поехала в Москву. В справочной НКВД на Лубянке ей сообщили, что я осужден, как нераскаявшийся и неразоружившийся преступник, но с правом переписки и что, когда доеду до одного из лагерей в районе Магадана, вероятно, ей напишу. Поскольку она «молодая и интересная», пожелали ей «скорее выйти замуж». Как ни противно ей было выслушивать эти наглые комплименты и советы, она правильно оценила слова «нераскаявшийся», так как она узнала таким образом, что я не признался в возведенных на меня ложных обвинениях.

Отправилась к юристу, составила и послала жалобу в Верховный суд. Добилась свидания с главным военным прокурором. Тот разводил руками, но одобрил подачу жалобы.

Возвратясь в Саратов, жена получила мое письмо из Свердловска, написанное десять дней тому назад. Хотела ехать в Свердловск, да ее, к счастью, отговорили — все равно не застанет меня там, так как 10—15 суток держать в пересыльной тюрьме не будут.

Перед отправкой мы прошли через очередной тщательный обыск. Особо искали, не оставил ли кто у себя бумагу. После обыска нас сводили в баню, снова посадили в товарные вагоны и отправили в дальний путь. Знойным летом везли нас в переполненных вагонах, горячую пищу давали редко, все больше сухой паек, воды давали мало. Ведь мы уже не люди, мы — враги народа!

Предоставленная нам возможность дать о себе весть не могла меня удовлетворить. Я был уверен, что жена не знает о моем поведении на следствии и о том, что меня послали на Колыму. Я искал случая отправить нелегально письмо с описанием существа моего дела.

У одного из пяти уголовных, ехавших с нами в вагоне, был небольшой кусочек сердцевины карандаша, который он утаил при обыске; он согласился продать его за две пачки махорки. Выписав из лавочки эти две пачки и две книжечки папиросной бумаги, я отдал ему махорку, взял карандаш и написал на тонких, малюсеньких листиках письмо, пронумеровав каждый листок. Конверт я сделал из плотной бумаги, в которую была завернута махорка, и заклеил его хлебом. Чтобы письмо не унесло ветром в кусты при выброске из вагона, я привязал к нему корку хлеба нитками, которые вытащил из полотенца, а между конвертом и коркой вложил рубль и четыре листочка с надписью: кто найдет конверт, прошу приклеить марку и опустить в почтовый ящик. Проехав какую-то большую станцию, я устроился у окна вагона и опустил письмо, когда мы миновали последнюю стрелку; я опасался, что если письмо поднимут при свидетелях, оно не будет отправлено по адресу, а возможно, и передано будет туда, куда оно менее всего должно было попасть.

Спустя два года Нина Александровна мне рассказала, что получила это письмо без марки и почтового штемпеля. Оно влило в нее новые жизненные силы и помогло еще упорнее бороться за мое освобождение.

— Трудно описать мое хождение по мукам, — рассказывала впоследствии жена, — особенно когда я обивала пороги тех учреждений, для которых мой муж был врагом народа, осужденным по большинству пунктов 58-й статьи Уголовного кодекса.

Но в прокуратуре и в Верховном суде некоторые ее выслушивали внимательно и жалобы принимали...

В то время как жена хлопотала за меня, наш эшелон медленно увозил нас на восток, все дальше и дальше от родных мест, от родных людей, и каждого из нас терзала мысль: за что? Кто виноват в наших мучениях? Что нас ожидает?

Я думал: как хорошо шли дела, как уважали меня подчиненные и начальники, как я гордился каждой новой стройкой и достижением в стране, как гордилась мной моя семья... А теперь, вероятно, все знакомые отвернулись от моих близких из-за меня...

Для санитарной обработки наш печальный эшелон останавливался в Новосибирске, Иркутске, Чите. Боясь, как бы во время мытья в бане меня не обокрали уркаганы, я мылся правой рукой, а в левой держал деньги. Помню — это было в Иркутске, — вымывшись, мы шли одеваться. Неожиданно один из уголовников повалил меня на пол, а двое других разжали мой левый кулак и отняли деньги под громкий смех одних и гробовое молчание других заключенных.

Протестовать и жаловаться было бесполезно.

В пути и на остановках мы видели много воинских эшелонов с войсками, артиллерией, танками и машинами на платформах. Мы не знали, куда эти эшелоны следуют: может быть, началась война с Японией? Я думал, что, если японцы прикуют наши силы к востоку, немцы ударят с запада...

Все эти возможные события мы как-то связывали с нашей судьбой. Одни говорили: если начнется война, будет недоставать продовольствия, и мы погибнем; другие говорили: нет, тогда нужны будут люди, умеющие воевать, и нас освободят; третьи уверяли, что теперь нас на Колыму не повезут, так как путь туда закрыт... Военных, которые были среди нас, больше, чем собственная судьба, волновал вопрос: если действительно началась война, то сколько будет излишних потерь в частях и соединениях, которые лишились, в связи с арестами, опытных командиров!¹

¹ В результате необоснованных массовых репрессий 1937—1938 гг. был нанесен огромный ущерб Красной Армии. Жертвами сталинского произвола стали: 3 Маршала Советского Союза из 5; 2 командарма 1-го ранга из 4; 12 командармов 2-го ранга из 12; 60 комкоров из 67; 136 комдивов из 199; 221 комбриг из 397. Подвергшихся репрессиям командиров и политработников в воинском звании «майор» и ниже десятки тысяч, что повлекло за собой острую нехватку командного состава, неукomплектованность частей, соединений, объединений и их штабов квалифицированным офицерским составом. (Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 22—29.) (Примеч. ред.)

Миновав Нерчинск, мы уже воинских эшелонов не видели. Я подумал: «Вероятно, войска передвигаются в Монголию». Действительно, в это время начались военные действия на Халхин-Голе. О них я узнал много позже.

Наконец нас привезли во Владивосток и разместили за городом в деревянных бараках, обнесенных колючей проволокой. В бараках было много заключенных, прибывших ранее. Здесь нас продержали дней десять. Стало ясно, что, во-первых, войны с Японией нет, а во-вторых, что везут нас на Колыму. Задержали же нашу отправку потому, что поджидали другие эшелоны, чтобы заполнить большой корабль.

Однажды я услышал голос дежурного по лагерю: «Кто хочет пойти на работу, носить воду в кипятильники?» Соскучившись по работе, я немедленно изъявил желание пойти туда и боялся только, как бы кто не перехватил эту работу; на мое счастье, конкурентов не оказалось.

Воду для заключенных кипятили в двенадцати походных военных кухнях старого образца, стоявших неподалеку от барачных, а водонапорная колонка была оттуда примерно в ста метрах. Очувтившись в стороне от общей сутолоки, не видя грустных лиц и не слыша охов и вздохов, я насколько можно успокоился, расправил плечи и с большим удовольствием стал трудиться. Погода была хорошая, светило солнце, дул приятный ветерок. Расстегнув ворот военной гимнастерки, я подставил ветру грудь, с упоением вдыхал свежий воздух и думал: спасибо вам, солнце и ветер, за то, что вы милостивы к нам, невинно осужденным...

Осужденный по «бытовой» статье бригадир рабочих у кипятильников, видя мое усердие, сказал, что всегда будет приглашать меня на работу. Я был этому рад — работа мне нравилась, и я старался вовсю, работал днем и ночью и уходил в барак лишь на поверку и поесть.

Как-то утром пришла за кипятком большая группа женщин. У каждой было в руках по два ведра. От них я узнал, что прибыл эшелон женщин, осужденных по статье 58. Командир 7-го кавкорпуса Григорьев был арестован год назад; не исключено было, что среди арестованных находится и его жена. Еще будучи на свободе, я слышал о том, что часто арестовывали сперва мужа, а потом жену. Я спросил женщин, нет ли среди них жены командира корпуса Григорьева — Марии Андреевны Григорьевой.

— Нас так много... Мы не знаем, есть ли среди нас такая, — сказала одна из женщин. — А что ей передать, если ее найдем?

— Скажите, чтобы пришла за кипятком завтра утром, что ее хочет видеть Горбатов, бывший командир дивизии.

— Хорошо, поищем, спросим, — раздались голоса.

На следующий день утром женщины снова пришли за кипятком, но среди них оказалась не жена Григорьева, а ее племянница, которая воспитывалась у них с малых лет, а затем вышла замуж за начальника особого отдела дивизии Бжезовского. Сперва арестовали ее мужа, а потом вскоре и ее.

— Вот где встретились, Александр Васильевич, — сказала она.

— Да, Любочка. Не ожидал увидеть вас когда-нибудь в такой обстановке.

Ее обвинили в шпионаже, осудили, и она следует на Колыму.

Нам удалось поговорить через проволочный забор еще один раз.

Наш пересыльный лагерь пополнялся все новыми и новыми людьми, прибывшими с очередными эшелонами. Затем нас перевезли в бухту Находка, загнали в трюмы парохода «Джурма», и мы отплыли в Магадан.

Тоска, безысходное горе еще сильнее придавили несчастных людей, когда корабль удалялся от материка. Даже меня, ни на минуту не терявшего надежды на реабилитацию и освобождение, временами охватывало чувство обреченности.

На пароходе нас было около семи тысяч, скученных, без каких-то элементарных удобств, в отдельных отсеках. К скоту относились доброжелательнее, милосерднее, чем к нам, безбилетным «пассажирам» парохода «Джурма».

Время от времени нас выводили на палубу подышать свежим воздухом. Однажды во время прогулки мы видели, как проходил через ворота Лаперуза наш советский транспорт; справа виднелся японский берег, а слева — южная оконечность Сахалина, захваченного японцами в 1904—1905 годах. Нас охватила какая-то тревога, мы даже говорили от волнения тихо. Я думал в то время: если не освободят до войны, которую считал неизбежной, с Германией и Японией, то во время войны отсюда не вырвешься — эти ворота закроются для пароходов, и останется единственный маловероятный путь по воздуху...

До ворот Лаперуза погода стояла хорошая, а когда вошли в Охотское море, начались штормы, качка была невероятной, наш океанский пароход бросало как щепку. Хотя меня мучило мень-

ше, чем других, я тоже страдал, потому что в трюмах было очень душно, а в шторм на палубу нас не выпускали: капитан и начальник конвоя опасались, как бы кого из нас не смыло волной, а потом отвечай за нас, если не хватит по счету!

В Охотском море со мной стряслось несчастье. Рано утром, когда я, как и многие другие, уже не спал, ко мне подошли два уркагана и вытащили у меня из-под головы сапоги. Сильно ударив меня в грудь и по голове, один из уголовных с насмешкой сказал:

— Давно продал мне сапоги и деньги взял, а сапог до сих пор не отдает.

Рассмеявшись, они с добычей пошли прочь, но, увидев, что я в отчаянии иду за ними, они остановились и начали меня снова избивать на глазах притихших людей. Другие уркаганы, глядя на это, смеялись и кричали:

— Добавь ему! Чего орешь? Мы знаем, что сапоги давно не твои.

Лишь один из политических сказал:

— Что вы делаете, как же он останется без сапог?

Тогда один из грабителей, сняв с себя опорки, бросил мне.

Я не раз слышал в тюрьме рассказы о скотской грубости уголовных, но, признаться, никогда не думал, что они могут так безнаказанно грабить заключенных на глазах у всех. Как бы там ни было, я лишился сапог, а жаловаться было бесполезно, так как охрана, во главе с начальником, ладила с уркаганами, давая выход их склонности к насилию и пользуясь ими для еще худшего угнетения нас, «врагов народа».

Моим соседом по нарам был крупный инженер, не раз бывавший за границей, — Л.И. Логинов. С ним мы быстро сошлись и частенько беседовали на различные темы.

Самым приятным временем суток были те 30 минут, когда нас выводили на палубу подышать свежим воздухом. Плохо было в трюме, где мы, не видя ничего, слушали, как почти всегда беспокойное Охотское море бьет своими волнами наш пароход, усиливая не покидавшую нас тревогу.

В эти изнурительные семь суток плавания мы питались сухим пайком, который доходил до нас в сильно урезанном виде, да получали немного кипятку. Многие не выдержали такого режима и заболели.

По уменьшавшемуся ходу, ослабшей работе двигателей, беготне по палубе и крикам мы догадались, что подходим к берегу.

Вот застопорились машины, слышен был топот ног над головой. Через час открылся наш люк и раздалась команда: выходи на палубу! Началось обычное построение по пятеркам и передача человеческого груза новому конвою.

Перед нами виднелся небольшой новый город, за ним теснились горы.

Опять команда: «Шагом марш!» Заключенные молча двинулись колонной в неизвестный путь, бросая последний взгляд на море, на пароход. Вероятно, у каждого было на душе одно и то же: увидим ли море еще раз, придется ли плыть на пароходе при более счастливых обстоятельствах?

Наконец мы пришли в Магадан, в центр Колымского края, ныне Магаданской области. На площади громадной, дикой, горной, а частью всхолмленной и покрытой лесом протекает река Колыма. Свои воды эта большая река несет в Восточно-Сибирское море. Недра этого края богаты золотом, нельзя исключить того, что они хранят в себе много других богатств. В лесах и кустарниках много зверя, а летом и птицы. Лето короткое, зима длинная, суровая. Правильно отражено в песне, которую все пели на Колыме: «Колыма ты, Колыма, дивная планета! Десять месяцев зима, остальное лето». На Колыму есть только два пути: морем или по воздуху.

Обживать и более или менее эксплуатировать этот край начал с тридцатых годов, вернее, с 1937 года. Особенно сильно стал развиваться и расстраиваться город Магадан (столица этого края), с портом в бухте Нагаева в Охотском море. Начали развиваться и удлиняться шоссейные и грунтовые дороги и улучшаться таежные тропы, больше стал использоваться речной транспорт.

Магадан нас встретил неприветливо: моросил дождь, было холодно, выбоины на дороге полны воды.

Здесь не то что в Свердловске: встречные магаданцы мало обращали внимания на нас — вероятно, эта картина им уже примелькалась.

В одной из луж остался мой опорок. Я наклонился, стал его искать, этим затормозил движение и нарушил четкость строя. Получил за это увесистый тумак, от которого упал боком в лужу. Соседи помогли встать. Порядок в колонне восстановлен. Я мог ответить конвоиру только укоризненным взглядом, которого он и не заметил.

Мы оказались на нарах деревянного барака. После кое-какой «санобработки» и разбивки по группам всех нас, кроме явно

больных, направили на отдаленные прииски, в 500—700 километрах от Магадана.

Нет сомнения, что большая роль в первоначальном развитии и эксплуатации Колымского края принадлежала заключенным — с тех пор, конечно, как сюда стали посылать так называемых «врагов народа», то есть людей высокой квалификации в самых различных отраслях труда, привыкших трудиться не за страх, а за совесть. Но нет сомнения и в том, что эти же люди могли бы принести пользу неизмеримо большую, если бы они не были удручены неотвязной мыслью о своем незаслуженном унижении, если бы их не терзала тревога за судьбу своих близких, если бы они жили в сколько-нибудь человеческих условиях и если бы их трудовыми усилиями распоряжались знающие и добросовестные руководители, а не упоенные случайно доставшейся им бесконтрольной властью «надзиратели».

Пройдет еще много времени, прежде чем в полной мере будет оценен этот мрачный период в жизни нашей страны, прежде чем будет оценена эта эпоха, когда по наговорам, без суда и следствия, преданные стране люди бросались в тюрьмы. Когда случайные люди без санкции прокурора и суда срывали с военных ордена, знаки различия, а у коммунистов без разрешения парторганизации отнимали партбилеты. Но тогда будет труднее разобраться: сойдут в могилу те немногие из невинно осужденных, которые работали в этом крае, вынесли на себе все незаконное, не уступавшее «специальному следствию». Некому будет сказать, что было правдой, а что — вымыслом...

Цель моего бесхитростного рассказа — поведать молодому поколению о людях, даже в этих условиях не потерявших веру в справедливость, в нашу великую Ленинскую партию и родную советскую власть, хотя многие из этих несчастных потеряли надежду вернуться когда бы то ни было на свободу.

Но встречались среди нас, заключенных, и такие люди, которые утратили веру во все самое дорогое для советского человека и, думая лишь о том, как бы выгородить себя, шли на все, чтобы не высказать созревшую мысль о том, что за все чудовищные преступления — массовые репрессии и произвол — несет ответственность Сталин, его ближайшее окружение и обер-палачи Ежов, Берия и другие. И мы, находясь за кровавой колючей проволокой Колымы, часто задавали вопрос: знал ли об этом Сталин, понимал ли тяжесть своих преступлений? Да, конечно,

Сталин личность незаурядная. И ему верили, так как не знали истинного Сталина — палача и убийцу советского народа, врага коммунизма.

Свое отступничество некоторые из этих трусов прикрывали всякими «философиями».

Моим соседом по нарам был в колымском лагере бывший начальник политотдела одной железной дороги, который даже хвалился тем, что оклеветал около трехсот человек. Он говорил: «Чем хуже, тем лучше — скорее все разъяснится». Кроме того, в массовых арестах, репрессиях, жестокости он видел какую-то «историческую закономерность», приводил примеры из времен Ивана Грозного и Петра I...

Хотя я не скрывал крайнее нерасположение к этому теоретизирующему клеветнику, он всегда старался завести со мной разговор. Меня это сначала злило; потом я стал думать, что он ищет в разговорах успокоения своей совести. Но однажды он вывел меня из терпения, и я сказал:

— Такие, как ты, сильно запутали клубок, и распутать его будет трудно. Но все равно распутают. Если бы я оказался на твоём месте, то давно бы повесился.

На следующее утро его нашли повесившимся. Несмотря на мою большую к нему неприязнь, я долго и болезненно переживал эту смерть.

В июле 1939 года я попал на прииск Мальдык, что в 650 километрах от Магадана. Везли нас на машинах пять суток, первые 450 километров — по выбитому шоссе, а остальные 200 километров — по грунтовой дороге.

Дорога проходила по сильно всхолмленной местности, поросшей лиственницей, осиною, березой и кустами кедровника. Во время остановок мы с жадностью набрасывались на спелые кедровые шишки и запасались ими на дорогу. Углубляться в лес не разрешалось под угрозой смерти.

«Шаг вправо, шаг влево считается побегом. Стреляю без предупреждения» — эти слова вместо молитвы произносили наши конвоиры, молодые воины, прежде чем будет подана команда: «Шагом марш!»

Мы удалялись от Магадана в глубины неизвестного нам края. Поднимаясь все выше, мы все реже видели человеческое жилье. На перевале невольно залюбовались красивым нагромождением гор. Один из осужденных даже воскликнул, странно смешивая восхищение с горькой иронией:

— Смотрите, как высоко вознесла нас судьба! Когда бы мы еще увидели такую красоту?

— Судьба? — ответил ему другой. — Ну что ж, можно сказать и так. Как в песне: «То вознесет его высоко, то бросит в бездну без стыда...»

Глядя на низкие искривленные деревья, третий нашел грустное сравнение:

— Вот так и нас согнут там, куда везут.

— Да нет, худшее осталось позади, — ответили ему без особой уверенности.

На перевале дул такой сильный ветер, что на поворотах мы чуть не вылетали из машины. Я заметил, что, видно, вольному хозяину гор не нравится приезд невольников.

— Да, — ответил сидящий рядом, — но ведь и мы когда-то были вольными как ветер...

Строили догадки, кто были первые, что шли пешком по этим местам в поисках золотого клада. Гибли одни, за ними шли другие. И вот пришла наша очередь.

Поселок при золотом прииске Мальдяк состоял из деревянных домиков в одно—три окна. В этих домиках жили вольнонаемные служащие. В лагере, огороженном колючей проволокой, было десять больших, санитарного образца, двойных палаток, каждая на 50—60 заключенных. Кроме того, были деревянные хозяйственные постройки: столовая, кладовые, сторожка, а за проволокой — деревянные казармы для охраны и там же шахты и две бутары — сооружения для промывки грунта.

Нас пересчитали, завели за проволоку. Первый раз за пять суток дали горячую пищу.

В нашем лагере было около 400 осужденных по 58-й статье и до 50 уркаганов, закоренелых преступников, на совести которых была не одна судимость, а у некоторых по нескольку, даже до восьми ограблений с убийством. Именно из них и ставились старшие над нами.

Грунт для промывки золота добывался на глубине 30—40 метров. Поскольку вечная мерзлота представляет собой крепкую, как гранит, массу, мы работали шахтерскими электрическим отбойными молотками. Вынутый грунт подвозился на тачках к подъемнику, поднимался по стволу на-гора, а затем доставлялся вагонетками к бутарам.

Наш прииск был на хорошем счету, там добывали за сутки до нескольких килограммов, а то и десятков килограммов золота.

Попадались и довольно крупные самородки; сам я их не видел, а только слышал о них; мне удалось найти лишь три маленьких самородка, самый крупный весил 150 граммов.

Некоторые из старожил-заклученных были настоящими старателями. Они спускались в шахту с водой и лотком для промывки грунта и редко когда не намывали 25—30 граммов золота. Я часто наблюдал, как они осматривают стены шахты, иногда освещая их дополнительно карманным фонариком. Найдя подходящее место, эти мастера своего дела начинали отбивать грунт и промывать его в лотке. Был случай, когда один из таких старателей не выходил из шахты 70 часов. Еду и воду ему приносили в шахту. В результате за это время он намыл почти два килограмма золота.

Работа на прииске была довольно изнурительная, особенно если учесть малокалорийное питание. На более тяжелую работу посылали, как правило, «врагов народа», на более легкую — уркаганов. Из них же, как я уже говорил, назначались бригадиры, повара, дневальные и старшие по палаткам. Естественно, что то незначительное количество жиров, которое отпускалось на котел, попадало прежде всего в желудки урок. Питание было трех категорий: для не выполнивших норму, для выполнивших и для перевыполнивших. В числе последних были уголовники. Хотя они работали очень мало, но учетчики были из их же компании. Они жульничали, приписывая себе и своим выработку за наш счет. Поэтому уголовники были сыты, а мы голодали.

На зиму палатки, где мы жили, утеплялись толстыми стенками из снега. Топка железных печей не лимитировалась: сколько принесем дров из леса после рабочего дня, столько и сожжем. Морозы в 40—50 градусов в этих местах — обычное явление. Бежать было некуда, поэтому выход за проволоку особенно не контролировался. Пойдешь, бывало, к охраннику, скажешь, что «иду за дровами», и выходишь за проволоку свободно. Если хочешь поесть, кроме того, что получаешь в столовой, сначала принесешь дров хозяину какого-нибудь деревянного домика и за это получишь кусок хлеба, в зависимости от объема твоей вязанки. Но так как вольнонаемные едут работать «туда» из-за длинного рубля, то эти люди не особенно были щедры и лишней корки хлеба не давали. Конечно, и среди них были добрые люди. Этими людьми мы дорожили как единственной возможностью подкормиться, но у них имелись свои постоянные носильщики и пильщики дров. Бывали и такие случаи. Мы и уркаганы

наряжались за дровами в лес. Мы, «враги народа», шли в лес, а уголовники туда не ходили, а поджидали нас недалеко от лагеря, отбирали дрова, в лучшем случае со словами: «Мы вам поможем поднести дрова», а затем уходили с дровами в лагерь, а мы, не имея права возвращаться без дров, снова шли в лес за три километра. Но бывало и хуже, на кого попадешь: и дрова отнимут, и вдобавок изобьют, а били они сильно, со злобой, приговаривая: «Ты — коммунист, ты защищал советскую власть в Гражданскую войну, ты ее укреплял, так вот тебе в благодарность от власти и от нас!»

Моим соседом по нарам был Михайло Иваныч с Украины. Он был архитектором, в лагерь прибыл раньше меня на год. Человек наблюдательный, он умел делать правильные выводы. Однажды вечером Михайло сказал мне:

— Смотрю на тебя, Васильевич, и вижу: ты неправильно, горячо взял с места, тебя ненадолго здесь хватит. Имей в виду: сколько бы ты ни работал, все равно у тебя ста процентов не будет, баланду будешь есть третьего сорта, а уркаганы, не работая, будут получать первого сорта. Они твою выработку запишут себе, а свою — тебе. Здесь так было и так будет. А еще я вижу, ты очень строптив, часто указываешь уркам на их недостатки и споришь с ними. Поверь мне, это к добру не приведет, ты этих ублюдков не перевоспитаешь, а только ожесточишь против себя и причинишь себе большой вред. Уркаганы здесь крепко спаяны между собой, как говорится, все за одного, один за всех. Охрана и администрация на их стороне. — И еще тише добавил: — Наш бригадир — отъявленный бандит, он у них за главного, что он скажет своим, то с тобой и сделают.

— Я вижу, что мне со своим непримиримым характером будет плохо в этой обстановке, главное — то, что не могу смириться с этим издевательством и безобразием, — отвечал я.

— А ты и не смиряйся, но и не вступай с ними в ссоры — в могиле будет хуже.

— Не могу так, поверь мне, я уступаю только силе.

— Так это и есть сила. Я тебя предупредил, — сказал Михайло, — а делай как хочешь.

Прошла осень, а вслед за ней наступила суровая зима. Мнение Михайлы, высказанное когда-то, подтвердилось. Работавшие рядом вырабатывали меньше, чем я, но, будучи более покладистыми, с наружных работ были переведены в шахту, где было тихо и относительно тепло. Я и мне подобные остались наверху.

Мороз с сильным ветром делал свое дело. Сил становилось все меньше и меньше, работать стало труднее, еле дотягивали вагонетку до отвала. Заветной и постоянной мечтой было: скорей добраться до палатки, под свое дырявое одеяло. Но и на нарах холод находил меня. Он хватал то за грязные ноги, то за бока и за спину и не давал заснуть. Но не только холод мешал заснуть, а сонное бормотание, несшееся со всех сторон. Чего не наслушаешься: «Коленька, спи, сынок», «Дорогая, ты пришла»; другие тяжело вздыхают или вскрикивают: «Я не враг, не враг!»

Вскоре со мной приключилось несчастье: начали пухнуть ноги, расшатались зубы. Мой организм, считавшийся железным, стал сдавать. Если сляжешь как больной — беда: исход будет один... Ноги стали как бревна, уже не сгибались. Вечерами собирались около меня самые близкие, на всякий случай взяли адреса моих родных. Но голова была ясная. Начал даже спокойно думать о самом плохом... Товарищи заботились как могли. А через три дня мне стало лучше. Пошел к врачу. Его обязанности выполнял фельдшер, осужденный за какую-то безделицу на десять лет. Человек он был порядочный и большой чуткости. Фельдшер записал меня в инвалиды и устроил сторожем для охраны летней бутары. Эта работа считалась привилегированной, там не нужно гонять тяжелую тачку и вагонетку, только посматривай, чтобы не растащили сухой лес на отопление палаток.

В сторожах я пробыл две недели. Сидел в сделанном мною из снега шалаше, жег в нем небольшой костер. У меня были кирка и топор, при помощи которых я откалывал куски пеньков, стаскивал их в свою снежную землянку и поддерживал огонь.

Часто, сидя у костра в этом снежном доме с лазом вместо двери, я чувствовал, как приятное тепло пробирается за бушлат, и думал. О чем же мог думать полуживой человек, спрятавшийся в снегу от 50—60-градусного мороза? Конечно, как у всех моих товарищей по несчастью, думы мои были о прожитой жизни, о семье и близких, о том, удастся ли когда-нибудь выйти на свободу.

Мысленным взглядом я окидывал всю свою жизнь. Пять лет службы солдатом в царской армии, потом комбед и сельсовет, служба в Красной Армии — от солдата до командира дивизии. Разные бывали у меня начальники, но почти каждый из них оставался доволен моей работой, несмотря на мой, как говорили, непокладистый характер. Партийная организация всегда меня поддерживала, считая, что я правильно понимаю свои обязанности коммуниста. И я, полный благодарности Коммунистической

партии и Советскому правительству за их доверие ко мне, отдавал все свои силы на благо социалистической Родины, много раз рискуя при этом жизнью. И в сотый раз я спрашивал себя: за что я здесь? Но я думал не только о себе. На сколько лет замедлится теперь рост нашей страны, лишившейся большей части агрономов, ученых, врачей, архитекторов, инженеров, партийных и советских работников, которых с таким трудом и заботой выпестовала наша партия и которые теперь сидят в тюрьмах или гоняют тачки и вагонетки...

Из лагеря я много раз писал в прокуратуру, в Верховный суд и Сталину. Первые две инстанции отвечали: «Оставлено без последствий». Сталин не отвечал вовсе.

Был у нас в лагере некто Султанов, малосильный и замкнутый человек. Своими думами и переживаниями он ни с кем не делился. К тяжелому труду был плохо приспособлен. К нему часто придирался, а иногда и прикладывал свою увесистую пятерню негодяй бригадир. Как-то раз я, увидев Султанова вдалеке от палаток, подошел к нему и спросил:

— Почему слезы на глазах?

— Там, в тюрьме, над нами издевались ученые обезьяны, здесь издеваются шакалы. Как подумаешь... — Он помолчал и добавил: — Получил письмо. Родные уведомяют, что навестили в детдоме моих детей, чувствуют себя хорошо. А от жены вестей нет.

Из палатки вышел бригадир и грубо крикнул:

— Чего уединились, что у вас там за секреты? Жалуешься комдиву? — желчно спросил он Султанова. — Бесполезное занятие! Он свое откомандовал, кончилась его власть. Мы здесь командуем и будем командовать.

Султанов и я продолжали ходить.

— Одному, без друзей, здесь быть нельзя, — уговаривал я его. — Посмотри вокруг: никому не сладко, но каждый старается держаться с кем-нибудь вместе — вдвоем, в малой или большой группе. А ты все один и один. Одиночество — не поддержка.

В один из зимних холодных дней ветер вдруг завыл, загудел, закрутил снег так, что в десяти шагах ничего не было видно. Наружные работы были прекращены: людей сбивало с ног. Султанов еще до того, как поднялся ветер, ушел в лес за дровами. К ночи он не вернулся, а наутро его нашли в 50 шагах от лагеря замерзшим; недалеко от него лежали дрова, которые он нес. Вместе с ним похоронили и другого замерзшего.

На похоронах присутствовали пятеро заключенных, считая тех, кому приказали отрыть и зарыть могилу; из охраны и администрации не было никого.

Над могилой кто-то сказал:

— Отмаялся, бедняга.

Другой добавил:

— Он был всегда один, теперь они вдвоем и останутся вместе неразлучно.

Грустными возвращались мы с похорон. Кто-то нарушил молчание:

— Люди у нас тут разные бывают. Одни замкнутые, как на замок, страдают в одиночестве. Другие, хотя ни с кем близко не дружат, но и не унывают, у них душа нараспашку, им со всеми легко. Третьи живут в группах. Хуже всех тут первым, а лучше всего последним: всегда найдется кто-нибудь, кто их поддержит...

До нас дошел слух, будто арестован Ежов со своими «опричниками». Многие этому сразу поверили и говорили, что Ежов и его приближенные просто куплены нашими врагами. В связи с этим слухом поднялось настроение у лагерников. Говорили даже, что скоро начнется массовый пересмотр дел. В числе многих и я надеялся на скорое освобождение.

Лишь меньшая часть заключенных не придавала никакого значения этим слухам.

К сожалению, они оказались правы. Изменений никаких не последовало.

Прошла зима, морозы стали слабее. Но мы уже недосчитывались многих товарищей.

Я получил посылку, правда изрядно опустошенную; все, что в ней оставалось съестного, мы съели коллективно, нашей небольшой сплоченной группой. Получил и письмо. Жена скрывала горе, но я читал между строк: никаких перемен в нашей судьбе не предвиделось.

Не раз и не два уркаганы делали на мой снежный домик налеты, забирали запасы дров, с таким трудом расщепленные пеньки, а в благодарность ругали на чем свет стоит или избивали до полу-смерти.

Работа моя была нетрудная, и я не раз благодарил в душе доброго фельдшера. Но ноги продолжали пухнуть, и колени перестали сгибаться. Пришлось снова идти к фельдшеру. Он полностью меня «активировал», то есть составил акт, что я инвалид, и

написал заключение о том, что необходимо отправить меня из Мальдяка в лагерь, что в 23 километрах от Магадана.

Теперь все зависело от начальника лагеря. На мое счастье, он утвердил акт, и в конце марта 1940 года я оказался под Магаданом. Это, только это спасло меня от неминуемой гибели. К моему великому сожалению, я забыл фамилию фельдшера, который работал в то время на Мальдяке. Но чувство благодарности к нему я сохранил навсегда и очень сожалею, что не могу его отблагодарить.

Когда я в первый раз прибыл из Владивостока в Магадан, то его окрестности показались мне дикими. Но теперь, после того, как я пожил в Мальдяке, район Магадана показался мне уютным и воздух там совсем другим — как будто я попал в ноябре из северных окраин в Сочи!

Размещены мы были в большом барачном лагере у подножия гор. Четыре дня нас, обессиленных болезнью и долгим, трудным путем, на работу не посылали.

Приближалась весна 1940 года. Весна и лето здесь короткие. Если зимой очень холодно, то весной и летом бывает очень тепло, растительность быстро произрастает, как будто боится не успеть. Трава в низинах высокая и пахучая. В лесу много черники и похожей на нее ягоды, но более крупной (забыл ее название). Из моря в реки и ручейки много заходит рыбы для нереста.

Даже в тех местах и на нас, обреченных, весна оказывала благотворное влияние, вливала в организм новые силы. В то же время острее ощущалась подневольность — полетел бы, да некуда...

Лежа на нарах, мы, прибывшие из Мальдяка, вспоминали своего бригадира, имевшего шесть судимостей, из которых четыре — за убийства. Он часто, как попугай, кричал, подбадривая нас: «Грузи быстрее, гони быстрее! (тачку или вагонетку)» И угрожал: «За такую работу начальник баландой и хлебом не накормит!» Он, никогда в жизни не работавший, заставлял нас работать. Ставил нам в вину, что мы всю жизнь учили людей работать по советским законам, и с важностью говорил, что он теперь над нами бригадир и начальник, что его приказ заменяет здесь конституцию и закон, а потом цинично заключал: «Подохнете — не беда, других пригонят. Таких врагов, как вы, в России теперь много!» Мы отдыхали от него.

Но быстро, как сон, промелькнули эти четыре дня отдыха. Потом мы снова взялись за работу — носили на себе или стаскивали волоком с гор за четыре километра по 0,54 кубометра

древесины в день. И новая действительность заслонила как туманом мальдякские воспоминания.

Читателям будет трудно представить себе картину, как по склонам гор, растянувшись на четыре километра, вереницей бредут исхудалые люди — не люди, а тени, вытянув, как журавли в перелете, шеи вперед, и, напрягая последние силы, тянут древесину. Тяжело тащить груз с горы, еще тяжелее по ровной местности, а при самом незначительном подъеме он становится просто убийственным. Люди спотыкаются, падают, встают и снова падают, но груз трогается с места лишь тогда, когда приходит на помощь кто-нибудь другой, сзади идущий. Так доставляется древесина в лагерь.

День ото дня работать становилось тяжелее. Вечерами судили и ржали: почему это? Одни говорили:

— Доходим, братцы!

Другие уверяли:

— Всему причиной долгожданная весна, она влагой снег пропитала, из-за этого и тянуть древесину стало труднее, от этого и ноги так болят.

— Всему причиной, братцы, плохой харч, — авторитетно замечал третий. — Он не лучше, чем на Мальдяке, а работа одинаково тяжелая.

Так что же делать? Объявить, что болен, — нельзя, урежут хлеб, а чем будут лечить? От всех болезней одно лекарство — стойка хвои. Тогда уж одна дорога — под бугор! Значит, тяни, пока сможешь...

Как-то, во время четырехдневного отдыха, мы рассказывали друг другу свою прошлую жизнь. Рассказывал и я свою. Один из моих знакомых по переходу, Л.И. Логинов, спросил:

— А теперь, Александр Васильевич, не бранишь себя за честный труд, за то, что столько в жизни старался? Не настроило по-другому решение шемякина суда?

— Нет, Леонид. Если бы пришлось начать жизнь сначала, я бы повторил ее, хотя бы и знал, что окажусь на Колыме. Если окажусь на воле, то снова буду служить, хоть сверхсрочником в роте или эскадроне. А суд — что с него взять? Ему так кто-то приказал...

— Иного ответа я от тебя и не ожидал, — сказал Леонид Игнатьевич и добавил: — Я тоже так. Согласился бы всю жизнь быть простым рабочим, но только на воле и чтобы знали, что я ни в чем не виноват.

«Враг народа», прекрасный инженер Леонид Игнатьевич Логинов пробыл на Колыме до 1954 года. Наша дружба еще более окрепла; он часто, когда было время, бывал нашим дорогим гостем в Риге, в мою бытность командующим войсками Прибалтийского военного округа, и в Москве, на улице Качалова, когда я был переведен на службу в Москву. Думая о моем друге Леониде Логинове, с которым свела нас тяжкая участь, скажу кратко: с таким и за таким человеком можно идти в огонь и в воду.

Однажды мне снилось, что пришел приказ о моем немедленном освобождении, что все знают об этом приказе, но проходят дни, недели, а его мне не объявляют. Как я поносил начальство! После оклика «поднимайся» был рад, что это только сон. Иначе за мои речи не избежать бы мне прибавления срока.

Но в тот же день мне пришлось пережить прискорбный случай. Получив от жены очередной денежный перевод, я решил полакомиться и соблазнился на покупку у одного из уркаганов банки рыбных консервов. В то время как я доставал из платка деньги, к нам подошли еще два уркагана, выхватили у меня платок с деньгами и под смех остальных спрятались в толпе людей, шедших в столовую. Обида страшная! И не так было жалко денег, как пачки писем от жены и ее фотографии. Их вместе с деньгами выхватили у меня из рук эти мошенники. Каждое письмо я перечитывал множество раз, а оставаясь один, глядел на фото. Этих злодеев я встречал не раз, просил их вернуть хотя бы фотографию, но они лишь смеялись в ответ. Когда я вскрыл банку, то вместо рыбы обнаружил в ней песок.

Люди по-разному реагируют на тяжелый труд. Одни, едва добравшись до нар, сразу же отдаются сну, хотя и тревожному; другие, ворочаясь с боку на бок, долго не засыпают. Я спал плохо. На работе не было времени отдаваться думам, а ночью, при тусклом освещении, думаешь о прошлом, настоящем и будущем.

Вспоминал я и Лефортовскую тюрьму. Как тогда мечталось поскорее попасть в какой-либо лагерь, работать, дышать свежим воздухом! Но я никогда не предполагал, что есть такие лагеря, как наш. Теперь, голодный, лежа на нарах, я мечтал: как было бы хорошо попасть в тюрьму хоть дней на пять, отлежаться, отдохнуть в тепле, досыта поесть хлеба!

Много думал о жене — как трудно ей, многострадальной, сразу лишиться отца, брата и мужа. Вспоминал о том, как мы с ней жалели арестованных наших знакомых, не подозревая, что и наше горе стоит уже за дверью.

Но больше всего мои думы были заняты судьбой моей Родины. Если бы, думал я, арестовали только меня — это было бы мое личное горе. Но арестовано столько преданных и ответственных работников всех специальностей. Это уже горе всей страны. Считая неизбежной и близкой войну, я думал: как будут вести бои и операции только что выдвинутые на высокие должности новые, не имеющие боевого опыта командиры? Пусть они люди честные, храбрые и преданные Родине, но ведь дивизией будет командовать вчерашний комбат, корпусом — командир полка, а армией и фронтом — в лучшем случае командир дивизии или его заместитель... Сколько будет лишних потерь и неудач! Что предстоит пережить стране в связи с этим!

Мучил также и такой вопрос. Неужели руководители нашей партии и правительство верят в то, что столько советских людей вдруг стали продажными, встали на путь шпионажа в пользу империалистических стран? На ком же, в таком случае, держалась и держится советская власть?

Нет, этого быть не может!

Но опять вставал проклятый вопрос: так что же случилось? На этот вопрос я ответа не находил, и это меня страшно мучило...

Так шли дни.

Уголовников в нашем лагере было много, и, как на Мальдяке, они работали мало, а жили хорошо. Один из этих субъектов давно приставал ко мне, чтобы я продал ему свою шерстяную гимнастерку. Этот уркаган был старостой в одной из палаток; он получал и раздавал заключенным хлеб, так что у него всегда были «излишки». Однажды я получил от жены письмо. Она уведомила меня, что мне послана вещевая посылка, в которой я получу новую гимнастерку, брюки, белье и сапоги, а также и сухую колбасу. Это письмо я показал уркагану и сказал:

— Ту гимнастерку, что на мне, я продать не могу, а продам тебе ту, которую получу, но при условии, что ты будешь снабжать меня дополнительным хлебом.

— Хорошо, буду давать пайку по шестьсот граммов в день, — ответил он и, надо отдать ему справедливость, добросовестно выполнял обещание.

Но я знал по длительному опыту, что хорошие вещи до меня не доходят — всегда я получал не те, о которых писала жена, а некоторые посылки не получал совсем. Поэтому, не очень-то надеясь получить и на этот раз то, о чем писала жена, я был уверен, что и лишний паек хлеба, позволяющий держаться на но-

гах, я буду получать недолго. Надо было заблаговременно искать какой-либо работы полегче. При содействии заключенного М.М. Горева (который имел некоторый служебный вес, заведя частью мастерских) я устроился колоть дрова и кипятить воду. Эта работа была мне по силам, да и работать можно было в тепле.

По соседству с кипяильником находилась хозчасть лагеря, бухгалтером в которой работал некто И. Егоров, бывший финансовый работник из Ярославля; я с ним познакомился и предложил постоянно убирать и подметать его канцелярию в надежде получить за это лишнюю корку хлеба. Егоров согласился и был не внакладе. Не ошибся и я: сметая со столов крошки, корочки, а иногда и кусочки хлеба в свою торбу, я в какой-то степени стал лучше утолять свой голод.

Недалеко от места моей работы были расположены землянки с картофелем, морковкой и луком, находившиеся в ведении Егорова. Я и здесь работал (голод не тетка!), помогая перебирать овощи. Так как у меня шатались зубы и невозможно было грызть сырую картошку и морковку, то я смастерил себе терку: нашел кусочек белой жести и пробил в нем гвоздем дырочки. Теперь я мог есть сырые овощи и мои зубы стали укрепляться, а опухоль ног пошла на убыль. Я мог даже кое-чем помочь своим товарищам по несчастью, в числе которых был Л.И. Логинов.

Однажды я получил письмо от жены. Она писала, чтобы я не беспокоился о ней — она здорова, получила нетрудную, хорошо оплачиваемую работу контролером на заводе, с работой уже освоилась, товарищи по работе и начальство ею довольны. (На самом деле, как потом стало мне известно, все это было только фантазией. Была она в это время без работы.) Но все-таки, писала жена, она решила приехать в Магадан, чтобы поступить на работу здесь, быть ближе ко мне, и ей уже обещали дать пропуск в Магадан.

Меня это испугало. Немедленно я написал ей два почти одинаковых по содержанию письма и послал их с промежутком в семь суток, надеясь, что хоть одно из них дойдет. Радуюсь, что она получила хорошую работу, я категорически возражал против ее приезда в Магадан и, пойдя на ложь, в свою очередь сообщал, что я уезжаю на дальний прииск. Я убеждал ее — и в деловом смысле это была правда, — что она нужнее мне там, вблизи от Москвы.

Когда в конце концов я поправился и набрался сил, наступило короткое колымское лето. И больных, и здоровых, жаждущих

занять мое теплое местечко у кипяtilьника, было очень много. А в это время происходил набор на рыбные промыслы — туда я и записался одним из первых. Через неделю, распрощавшись со своими приятелями, я оказался в поселке Ола, на берегу моря. Там я встретил своего товарища, бывшего командира 28-й кавдивизии Николая Федоровича Федорова, который работал, как когда-то его отец, кузнецом. Обнялись, расцеловались и обменялись новостями. В поселке Ола было неплохо, режим там был более слабым, заключенные свободно ходили по поселку; мы часто виделись с Н.Ф. Федоровым.

Через несколько дней раздался клич: кто хочет ехать в тайгу, косить траву сроком на месяц? Я изъявил желание немедленно.

Четыре человека — я и три уркагана — получили косы, грабли, принадлежности для отбивки кос, продовольствие на неделю: хлеб, крупу и соль, а также рваную сеть. Уложили все это добро на повозку и тронулись лесом вверх по реке Ола. Через двое суток мы нашли большую поляну с высокой густой травой и на ней обосновались. Построили из веток шалаш, покрыли его накошенной травой, сделали загон для лошади недалеко от шалаша, заготовили дров и разожгли в шалаше костер, чтобы изгнать тучи комаров и мошек. Затем закинули рваную сеть в ручей и расположились на ночевку.

Рано утром я был разбужен фырканием лошади. Полагая, что она отбивается от гнуса, я уснул снова. Но проспал я недолго, а когда вышел из шалаша, то обнаружил пропажу трех караваев хлеба, которые лежали в повозке: мы потеряли три четверти хлебных запасов... Следы примятой травы вели от повозки к лесной опушке. У самой опушки трава была сплошь примята, и здесь же валялись хлебные крошки. Кто же здесь был? Сначала я заподозрил бежавших заключенных, но, увидев свежий помет какого-то зверя, понял, что ошибся. Разбудив уркаганов, я рассказал им о происшествии. Пришли к выводу, что это не иначе как проказы Михаила Ивановича Топтыгина. Мои товарищи были озабочены — чем же мы будем питаться целую неделю? А я думал о другом: Топтыгин хорошо позавтракал сегодня, теперь он знает адрес и обязательно придет завтра и, не обнаружив хлеба, как бы не принялся за нашего коня, а потом и за нас.

Наше настроение резко понизилось. Но делать нечего, нужно было приниматься за работу. Я пошел к ручью за водой, а попут-

но заглянул в сеть. Радости моей не было конца: в сети я нашел с десяток рыб горбуши и кеты. На мой радостный крик прибежали мои сотоварищи и вытащили сеть с неожиданно большим уловом. Рыбу забрали, а сеть снова бросили в ручей.

Завтрак получился у нас на славу, необычно сытный. Особенно вкусной показалась уха, в которой вместо крупы была сваренная икра. К хлебу мы даже и не прикоснулись.

После сытного завтрака принялись за работу с хорошим настроением, погода нам благоприятствовала, и мы забыли о страшном соседе.

Обязанности повара, уход за лошадьё и разведка покосных угодий — все это было возложено на меня.

На рассвете следующего дня меня снова разбудила лошадь. Она храпела и била ногами о землю. С трудом разбудив своих молодых помощников, я выскочил из палатки и увидел Михаила Ивановича. Он на задних лапах поспешно уходил к опушке леса, а в передних, прижав к груди, уносил мешок с отрубями. Он часто оглядывался на наш шалаш. Увидев меня, мишка остановился, повернулся ко мне мордой и осторожно, как будто боясь, что может рассыпать содержимое, поставил мешок на землю, но мешок повалился. Стоя на задних лапах, мишка начал переминыться. Мне было не ясно, хочет ли он извиниться, как пойманный с поличным, или собирается пойти «на кулачки». На мой крик из шалаша выскочили мои спутники. Я сказал: возьмите в руки хоть косы! Двое из них потянулись за косами, что висели на шалаше, а третий, младший, подняв камень, пустил его в зверя. Камень глухо ударился в живот двухметрового вора. Он, как будто обидевшись, отвернулся, опустил на все четыре лапы и медленно побрел в лес, все время оглядываясь на нас. Мы напустились было на товарища, самого молодого, по имени Вася, бросившего камень. Но услышали в ответ:

— Трудно сказать, что было бы, если бы я этого не сделал.

Так закончилось наше первое знакомство с Топтыгиным.

В этот же день посчастливилось мне увидеть супругу и деток Михаила Ивановича. Приготовив рыбный обед, я пошел полакомиться черникой, в лесу ее было очень много. Вдруг, метрах в двухстах от меня, увидел медведицу, которая плескалась в ручье с сыном или дочкой. Другой отпрыск сидел на берегу и щурился на яркое солнце. Медведица вытолкнула детеныша из воды, загнала, толкая мордой, в воду другого медвежонка и на-

чала его мыть. Потом они все уселись на берегу сушиться. Вдруг медведица подняла морду, нюхая воздух, оглядываясь по сторонам, а затем вся милая семья поднялась и тихо пошла в лес. Я, стоя за кустами, с удовольствием наблюдал эту семейную идиллию, забыв даже страх, и очень сожалел, что такую картину не видели мои спутники-уркаганы.

Третья встреча с медведем произошла у меня на четвертый день. Я шел по лесу в поисках новых укусных площадей, то и дело наклоняясь за черникой. Вдруг я услышал хруст веток и, разогнув спину, к ужасу своему, увидел идущего метрах в ста от меня медведя, очень похожего на первого знакомого. Увидев меня, мишка тоже остановился. Признаться, я дрожал от страха. Вероятно, он тоже узнал меня. Но чувствовал себя, видимо, уверенно, как хозяин. Постояв немного, пошел дальше. Может быть, почуяв мой испуг, он этим и удовлетворился, доказав тем свою терпимость и отсутствие злых намерений.

Больше наши лесные хозяева к нам в гости не приходили.

Тут у меня неожиданно мелькнула мысль: сильное животное, а проявило такое благородство, которого не хватало многим ничтожным людям из тех, кто встретился на моем пути за последние два года. А ведь многие из них считали себя людьми.

Из трех уркаганов, которые со мной работали, двое были матерыми преступниками, а третий — еще совсем молодой человек, лет двадцати двух, не больше. После работы мы обычно сидели в шалаше, поддерживали в костре огонь и болтали кому что придет в голову.

Старший, Алексей, по кличке Обрубок, был невелик ростом, но широк в плечах, со скуластым, некрасивым лицом и обладал большой физической силой. На его левой руке не было трех пальцев. Он был угрюм и неразговорчив. Однажды с трудом выдал из себя:

— Имею на своем счету два крупных ограбления: первое — с одним убийством, а второе — с тремя.

А когда я спросил его, где он потерял три пальца, он только усмехнулся и посмотрел на своих товарищей.

— Расскажи, расскажи ему, Алексей, и мы еще разок послушаем, — сказал младший.

— Ну и расскажу. Пальцы я потерял в лагере, но не на Колыме, а еще раньше. Играл я в карты, проигрался, денег уже не

было, поставил я на карту хороший костюм — не мой, конечно, а тот, который был на только что доставленном политическом, — и проиграл. Костюм я хотел забрать ночью, когда новичок его снимет, ложась спать, а отдать должен до восьми часов утра. Но взять костюм мне не удалось — политического в этот же день увезли в другой лагерь. Значит, мой долг не был уплачен. По этому случаю собрался наш совет старейшин, чтобы определить мне наказание. Истец потребовал лишить меня всех пяти пальцев левой руки. Совет предложил два пальца. Поторговались и согласились на трех. Я положил руку на стол, истец взял палку и пятью ударами отбил у меня три пальца.

Все это Обрубок рассказывал хладнокровно. Похоже было, что все это правда, а в заключение он добавил:

— Не только у вас, политиков, у нас тоже есть своя честь, есть самолюбие, свои законы, да еще покрепче, чем у вас. Провинился перед своими товарищами — отвечай.

Второй уркаган, по имени Борис, носил кличку Карьерист. Эту кличку ему присвоили в одном из северных лагерей, где он до Колымы отбывал наказание. Карьерист рассказал следующее:

— В том северном лагере старшим среди уголовников был тот, кто имел на своем счету больше важных преступлений. Когда я туда прибыл, у старшего числилось пять убийств и четыре важных ограбления. Я заявил, что имею шесть убийств и пять крупных ограблений. Я должен был доказать на внеочередном заседании совета старейшин, что это так. К заседанию я хорошо подготовился и убедительно рассказал про то, что сделал в Одессе, Ташкенте и Новочеркасске, каким важным человеком был там, в уголовном мире. Мне поверили и назначили старшим. Прошло около года, я вершил дела, получал преподношения и жил не хуже, чем на воле. Но вот прибыло в лагерь много новых, в том числе из Одессы и Ташкента. И в совете стало известно от прибывших, что я обманул, что ни в Одессе, ни в Ташкенте я авторитетом не пользовался и убийств и крупных ограблений не совершал. Мне пришлось сознаться и рассказать, что я вор-одиночка. Тогда меня с треском сместили с должности старосты и присвоили мне кличку Карьерист. А раскопал все это тот, кто был старшим до меня. Он был на меня зол за то, что я вместо него стал старшим... — с огорчением закончил Борис.

Третьего, самого молодого, звали Вася, а клички он еще не удостоился. Его история такова: без матери остался двухлетним

ребенком. Отца на Украине повесили белые. Воспитывался у тетки, а затем убежал от нее, был беспризорником, попал в обучение «вот к таким, как эти» — показал он пальцем на сидящих рядом «друзей». Вместе с ними участвовал в ограблении сберегательной кассы, сначала поймали одного, а потом и всех. Суд дал 12 лет, с отбыванием наказания на Колыме.

— Все, — объяснил Вася, — случилось потому, что не было у меня родителей и что убежал от тетки.

Ругал он себя и сильно раскаивался в своих поступках.

Жалел я Васю и верил в его искренность. Работал он хорошо. Меня он звал «папаша». Когда мы оставались вдвоем, я старался вселить в него уверенность, что, если сумеет сохранить себя в лагере, на свободе он непременно будет, обзаведется семьей и заживет счастливо; я старался уберечь его от дурного влияния Обрубка и Карьериста.

Когда я рассказал ему о величии, справедливости и гуманности нашей большевистской партии, он задал мне вопрос:

— А почему же и вы, папаша, попали сюда?

— Оклеветали нехорошие люди, — ответил я.

Это он понял и мне поверил. Наш небольшой «коллектив» попросил меня рассказать о себе — о детстве, молодости, военной службе. Рассказ мой им понравился, и они просили рассказать в подробностях.

Мои рассказы обычно выслушивались с интересом. Товарищи по несчастью задавали много вопросов, а потом горячо обсуждали поступки как мои, так и других людей. Вася с грустью говорил: как хорошо расти в семье, иметь родителей, пусть даже будет бедность и суровый отец. Как ни странно, Карьерист в большинстве случаев разделял это мнение. Обрубок же редко вмешивался в наш разговор. Но когда речь шла о моем детстве, он проворчал: «Так много работать — и так жить! Нет, лучше уж сидеть в тюрьме».

Самое глубокое впечатление на моих слушателей произвел рассказ о том, как я первый раз полюбил и по доброй воле расстался навсегда с любимой и любящей меня девушкой. Вася и Карьерист удивлялись моему отношению к Оле и одобряли меня. Обрубок процедил сквозь зубы: «Ну уж это не по-моему. Я смотрю так: хоть час — да мой!» Но я заметил, что во время моего рассказа и у Обрубка взгляд смягчился и потеплел. А когда я окончил все рассказы о своей жизни до самого ареста, он неожиданно сказал:

— Пожалуй, и я бы согласился на такую жизнь, какую прожили вы, Александр Васильевич. — Впервые назвал меня на «вы» и по имени-отчеству.

В конце третьей недели нам привезли продукты — хлеб, крупу, соль и отруби. Человек, привезший продукты, проверил и похвалил нашу работу, все записал и передал задание на следующие недели.

Привезенный им хлеб оказался совершенно сырым и несъедобным. Мы возмутились и вернули хлеб, сказав, чтобы он отвез его обратно и показал кому следует. Приехавший человек отозвал меня в сторону, разъяснил лагерную обстановку, а в заключение сказал:

— Что горячатся те трое — это неудивительно, с них взятки гладки. Но вы имеете пятьдесят восьмую статью. Ваш протест могут расценить как бунт, неповиновение и подстрекательство, а за это припаяют дополнительно пяток, а глядишь, и десяток лет. Я сам вижу, что хлеб есть нельзя, но другого сейчас вам не пришлют, все равно придется ждать неделю. Так лучше оставьте его у себя и не заставляйте меня выполнять неприятную миссию: ведь я такой же, как вы!

Но мои сожители никак не хотели принимать хлеб и всячески ругались. В конце концов возница был вынужден взять хлеб обратно. Мы подарили ему четыре больших семги.

Пять дней я мучился, прикидывая, что нам может быть за это, и поделился опасениями с тремя членами группы.

— А при чем мы тут? — сказал один из уркаганов (уже не помню кто). — Хлеб не понравился комдиву, а мы и не такой ели...

Только тут я понял, насколько серьезны были предупреждения возницы и в какую неприятную историю я попал.

Все это время мы питались прекрасной свежей рыбой. В это время кета и семга поднимались из моря по рекам и притокам на нерест. Мы даже перестали есть горбушу, брали из нее только икру, а ели семгу, приготавливая из нее уху.

Однажды, хорошо пообедав, мы пошли сгрести сено и вновь увидели нашего старого знакомого. Мишка, упершись передними лапами в обрыв ручья, внимательно всматривался в воду.

— Вероятно, готовится к свиданию, — пошутил я, — вот и смотрится в воду, как в зеркало.

Но мишка бросился в воду и начал барахтаться в ней.

— Нет, по-видимому, она ему изменила или не понравилась своя физиономия, — сказал один из уркаганов, — и он решил с горя утопиться.

Мы продолжали наблюдать, спрятавшись за кусты.

Мишка пошел по ручью и на задних лапах вышел из него, где берег был пологим. В передних лапах он держал трепыхавшуюся большую рыбу, сел на берегу, закусил и скрылся в лесу, через который мы должны были идти. Мы не знали, далеко ли он ушел, не знали и его намерений. В связи с этим мы решили после обеда отдохнуть и переждать, пока он уйдет подальше. Эта встреча с лесным хозяином была четвертой и последней за три недели.

У меня вошло в привычку и в самом плохом находить крупинки хорошего, а в этих лесных встречах видел не крупинки, а редкостные картины самобытной природы. Невольно я подумал: сколько бы москвичи заплатили, чтобы увидеть своими глазами, как неповоротливый миша ловит рыбу; как он у нас воровал хлеб и пытался унести отруби; как медведица умело и любовно мыла своих детенышей, заботясь о том, чтобы они были чистыми. А вот мы бесплатно наблюдаем такие живые картины! Когда мы увидели, как миша без труда ловит рыбу, нам стало ясно, что он не голоден, а потому так безразлично относится к нашему присутствию в его суверенных владениях.

Когда-то я много читал о поведении и проделках косолапых и, признаться, не очень-то верил, считал многое плодом фантазии писателей, а теперь убедился, что писатели многого и не знают о медвежьих способностях.

С покосом у нас все обстояло благополучно, высокие копны сухого душистого сена росли и росли, погода была хорошая, — в общем, мы чувствовали себя как на курорте и хорошо отдохнули. У меня, однако, не выходила из ума история с возвращением хлеба.

И вот в неурочное время, среди недели, пришла к нам повозка. Незнакомый возница передал приказ начальника лагеря:

— Горбатову вернуться немедленно!

Почему — он сам не знал.

Я распрощался со своими «знакомыми» по работе, пожелал им сокращения срока и в дальнейшем честной жизни. Вася расстался со мной как с родным отцом и дал слово выполнить все, что я ему советовал. Я же с тревогой отправился в путь. Дойдя до сплавщиков леса, ничего нового там тоже не узнал. Утром спустился на одном из плотов к селению Ола, где находился лагерь.

Прежде всего я пошел к своему товарищу Николаю Федоровичу Федорову, рассказал ему историю с хлебом. На мой вопрос, что он думает о причине моего возвращения, он ответил, что ничего об этом не слышал.

— Но думаю, — добавил он, — что твои дела плохи.

С еще большей тревогой я пошел к начальнику лагеря. К моему удивлению, он принял меня хорошо. Свой разговор со мной он начал издалека. Сначала расспросил, как идет заготовка сена. Я доложил, и он остался доволен нашей работой. Затем с усмешкой спросил, знаю ли я причину моего возвращения в лагерь. Хотя у меня и напрашивался ответ: «Знаю», но я этого не сказал и твердо ответил:

— Нет, не знаю.

— Вы командовали дивизией, ваша фамилия Горбатов, зовут Александр Васильевич, имеете пятнадцать плюс пять лет? — спросил начальник.

Получив мой утвердительный ответ, он сказал:

— Вас вызывают в Москву для пересмотра дела.

— Вы это серьезно говорите, не шутите? — переспросил я.

— Да, серьезно, и рад за вас.

Первое обращение на «вы» со стороны начальства за все это мучительное время было верным доказательством того, что это не шутка.

— Очень благодарен вам, гражданин начальник, за такое приятное сообщение. Я все время ждал его.

— Нас привыкли считать какими-то извергами, но это мнение ошибочное. Нам тоже приятно сообщать радостное известие заключенным. К сожалению, это случается редко, — заметил начальник.

На прощание он добавил:

— Нужно быть готовым завтра утром отправиться на катере в Магадан. Кроме того, мой совет: будьте осторожны в разговорах и поступках, пока не доедете до Москвы.

И тепло со мной распрощался, на прощание крепко пожав мне руку.

От начальника я пошел к Федорову, чтобы поделиться с ним сверхрадостной новостью. По дороге встретил того возницу, который привозил продукты и увозил обратно опростесствованный нами хлеб. Увидев меня, он спросил, почему я так рано вернулся с сенокоса. Я поделился с ним своей радостью. Он сказал:

— Как это было удачно, что я не повез ваш хлеб обратно в лагерь, а часть его скормил лошади, остальное выбросил. Чего доброго, это могло бы повредить вашему хорошему настроению. Я поблагодарил его крепким объятием без слов.

Тяжело было расставаться с Николаем Федоровым и другими товарищами, остающимися в лагере. Все просили сказать в Москве, что они ни в чем не виноваты, а тем более не враги своей родной власти. Удаляясь на катере, я долго видел их, стоящих на берегу, прощально машущих руками.

Позднее я узнал, что жена не переставала обивать пороги НКВД, прокуратуры, Верховного суда и Наркомата обороны. Наконец 20 марта 1940 года жена получила конверт со штампом Верховного суда. Долго она не решалась его вскрыть, а вскрыв — заплакала. Ее уведомили, что пленум Верховного суда отменил приговор в отношении меня и предложил пересмотреть мое дело заново.

Жена не раз писала мне о ходе моего дела в Москве, но в течение года я об этом ничего не знал, так как многие письма до меня не доходили, а другие были исчерканы цензурой.

Путь мой в Москву тянулся мучительно долго; из поселка Ола я выехал 20 августа 1940 года, а в Москву, в Бутырскую тюрьму, попал только 25 декабря. Длительное время нас не отправляли из Магадана, долго томили в бухте Находка и на пересыльных пунктах в Хабаровске, Чите, Иркутске, Новосибирске и Свердловске. С каждого этапа я посылал жене письма.

Вера моя в благоприятный исход моего дела была абсолютной. Она не поколебалась даже оттого, что на пересыльных пунктах мне встречалось много людей, возвращающихся обратно в лагерь после пересмотра их дела.

В Магадане едущих на переследствие собралось около ста человек. Нас использовали на менее тяжелых работах. Боясь заболеть или отстать от партии, предназначенной на отплытие с последним перед зимой рейсом парохода, мы старались экономить силы, а потому, пользуясь привилегией «преступников под вопросом», как могли уклонялись от работ. Наконец, на том же пароходе «Джурма», который нас привез сюда, мы отчалили от горестных берегов.

Как и в тот раз, бушевало Охотское море, и мы снова испытывали неприятности от качки. Но не было уже того строгого режима, как тогда, когда нас везли в лагерь: мы часто торчали на палубе. Радость проявлялась во всем — и в наших движениях, и в разговорах; мы радовались свежему ветру, широким далям, даже громадам волн. Все стало как будто моложе и выглядели прямо-таки молодцевато!

Вот снова и ворота пролива Лаперуза. Но какая разница во впечатлениях — тогда, когда плыли на восток, и теперь, когда плыли на запад, навстречу свободе!

В бухте Находка, торжественно-радостные, мы покинули пароход и вступили, как говорили тогда, на Большую землю, хотя для нас она была всего лишь деревянными бараками.

В тот же день, придя за кипятком, я встретил К. Ушакова, бывшего командира 9-й кавдивизии. Его когда-то называли лучшим из командиров дивизий; здесь наш милый Ушаков был бригадиром, командовал девятью походными кухнями и все же считал себя счастливым, что получил такую привилегированную работу!

Мы обнялись, крепко расцеловались. Константин Петрович Ушаков не попал на Колыму по состоянию здоровья: старый воjak, он был ранен 18 раз во время борьбы с басмачами в Средней Азии, за боевые заслуги имел четыре ордена — редкость в те годы!

За то время, что мы жили в бухте Находка, у Ушакова произошли перемены к худшему: его сняли с должности бригадира и назначили на тяжелые земляные работы; только лишь потому, что начальство спохватилось: осужденным по 58-й статье занимать такую должность не полагалось, если под рукой были бытовики или уркаганы...

Я уже говорил, что ехавшие на преследование пользовались некоторыми привилегиями и могли более свободно ходить по лагерю. В один из вечеров я присутствовал на концерте лагерной самодеятельности заключенных женщин. Никогда не изгладится из моей памяти выступление бывшего первого секретаря районного комитета партии, женщины лет сорока пяти. Она пела популярную песню «Катюша». Это было не пение, а крик отчаяния, тоска истерзанной души. Я не мог удержаться от слез. Жаль, что не знаю ее имени и фамилии и жива ли она теперь. Прошло с тех пор вот уже 20 лет, но и сейчас в моих ушах звенит песня, и сейчас вижу примитивную дощатую сцену, а на ней женщину в буш-

лате и кирзовых сапогах, и когда я слышу эту песню, передо мной встает лицо этой женщины.

Посмотрел на зрителей... Ведь это были наши матери, жены, сестры, дочери, чаще всего осужденные как члены семьи так называемых «врагов народа». Если мы не знали за собой никакой вины, то нас хоть в чем-то обвиняли, а эти несчастные были просто жертвами жестокого и открытого произвола.

Частое упоминание о появляющихся у меня слезах может вызвать недоумение: как это у военного, который считался волевым человеком, так часто появляются слезы? Дело в том, что в нашем положении у заключенного для протеста ничего не оставалось, кроме слез.

Накануне отъезда из бухты Находка я нашел Костю Ушакова в канаве, которую он копал. Небольшого роста, худенький, он, обессиленный, сидел, склонив голову на лопату. Узнав, что я завтра уезжаю, он просил сказать там, в Москве, что он ни в чем не виноват и никогда не был врагом народа.

Снова крепко обнялись, поцеловались и расстались навсегда. Конечно, я добросовестно выполнил его просьбу, все передал, где было возможно. Но вскоре после нашей встречи он умер.

Путь от бухты Находка до Москвы нам показался бесконечно длинным и нудным.

Ехали мы уже не в товарном, а в купированном арестантском вагоне. Само собой разумеется, мы не имели закрепленных мест: полка было шесть, а человек было тринадцать. Мы строго соблюдали очередь для отдыха по одному на четырех верхних полках, а девять человек сидели на нижних двух полках и через маленькое зарешеченное окошко смотрели на волю.

Не скрою, что вид у меня был довольно неприглядный. Исхудал я сильно: рост у меня 177 сантиметров, а весил я в то время 64 килограмма. Признаком военного человека была лишь гимнастерка, служившая мне бессменно эти годы; из-за грязи и заплат было трудно определить, какого цвета она была раньше. Ватные брюки заплатаны. Ноги обернуты портянками и обуты в шахтерские галоши (полуботинки). Была на мне ватная фуфайка, лоснившаяся от грязи. На голове — растрепанная и грязная шапка-ушанка. Думая о своем виде, я мог тешиться лишь надеждой на то, что сохранил бодрость духа и, вероятно, развил волю и стойкость.

Еще был у меня мешок. Он служил главным образом чехлом для обрывка одеяла, с которым я не расставался. В нем я хранил пару белья и свой неприкосновенный запас на случай заболеваний: до десятка небольших баранок и пять кусков колотого сахара — все настолько почерневшее от грязи, что даже уркаганы на них не зарились.

Вот в таком виде меня и других привезли в Москву и водворили в знакомую уже Бутырскую тюрьму.

В камере, в которой мы оказались, было человек сорок. Все они прибыли на переследствие из различных лагерей и тюрем. У половины из них пересмотр дела уже закончился, и они снова направлялись в лагерь.

Меня это не испугало. И прежде, когда я покидал камеру Лефортовской тюрьмы или находился перед судом Военной коллегии, я верил, что мне поможет то, что я не клеветал ни на себя, ни на других.

— Все вы, дорогие товарищи, подписали себе приговор тем, что написали, наклеветали на себя и других, — говорил я. — Но я ведь не писал и не клеветал, а потому и убежден, что меня освободят.

Через семь суток меня вызвали к следователю. Перед ним лежало мое дело с прежней фотокарточкой. Увидев меня в таком виде, следователь сначала засмеялся, а потом резко оборвал смех и стал серьезным. Несколько раз он переводил свой взгляд с фото на меня, предложил мне пройти по комнате, потом сел сам и предложил сесть напротив.

Он спрашивал год, день моего рождения, кто были командующими округами при мне в Средней Азии и на Украине, кто был командиром корпуса и т. п. После этого началось следствие.

Предъявляя те и другие обвинения, он сверял мои ответы с прежними показаниями. Все это делалось в довольно вежливой форме, но тем не менее не давало пока никакого повода думать, что дело клонится к освобождению.

Так продолжалось до 1 марта, когда меня перевели из Бутырской тюрьмы во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Вечером 4 марта мне сообщили, что следствие закончено и меня этой ночью освободят. Следователь спросил меня, есть ли в Москве какие-либо знакомые, у которых жена, приезжая в Москву, останавливалась.

— Есть, — ответил я.

— Как вы думаете, не оставила ли она там для вас обмундирования? — спросил он.

— Моя жена верит, что я буду освобожден. Возможно, что она привезла и оставила обмундирование.

Я сообщил ему номер телефона знакомой семьи. Следователь удалился, но, вернувшись, сообщил:

— Жена ничего не оставляла, а в таком виде вас выпускать даже ночью невозможно.

Я попросил следователя повторить мне, что он говорил по телефону.

Выслушав его, я сказал:

— На ваш вопрос естественно было ожидать только отрицательный ответ. Вы скажите иначе: мы освобождаем Горбатова, а одеться ему не во что. Тогда вам ответят иначе.

Он ушел снова и после второго звонка получил тот ответ, который и следовало ожидать. Он сам съездил к нашим знакомым и привез полный комплект обмундирования.

В ночь на 5 марта 1941 года, в два часа, на легковой машине следователь доставил меня на Комсомольскую площадь к Ирине Павловне. Сдав меня ей, вежливо распрощался:

— Вот мой телефон. Если что, звоните ко мне в любое время. Рассчитывайте на мою помощь в любом деле.

Как реликвию я взял с собой на память мешок с заплатами, галоши и черные как смоль куски сахара и баранки, которые хранил для подкрепления на случай болезни в пути.

До рассвета мы не ложились спать. Ирине Павловне, ее дочери Лиле и зятю Виктору я рассказывал, где был, что видел. По вполне понятным причинам в то время я не мог сказать и сотой доли того, о чем пишу сейчас: уходя с Лубянки, я дал подписку о молчании.

В нашей затянувшейся ночной беседе я коротко обрисовал мои «странствия», где был, что видел.

Нетерпеливо спрашивал своих друзей о моей дорогой Нине Александровне, обо всех ее родных — да обо всем на свете! Ведь только тот может понять мои переживания, за кем захлопывалась дверь камеры, кто познал все до конца... и вышел на свободу!

5 марта — день моего второго рождения на свет! Помню, как мы смеялись до слез над рассказом Лили и Ирины Павловны —

наших друзей. И как Лиля переволновалась, когда в 11 часов вечера раздался телефонный звонок.

Взяв трубку, услышала незнакомый мужской голос, который спросил:

«Это Ирина Павловна?»

«Нет, она на работе, будет дома через час», — ответила я.

Через час снова звонок, тот же голос просил маму.

«Говорю, нет еще, а кто ее спрашивает?»

«Это из НКВД, я позвоню еще».

У меня опустились руки... Зачем ночью матери звонят из НКВД? В тревоге ждала, когда придет мама. Только мама вошла, как снова раздался звонок.

«Это снова он!» — сказала я маме.

Ирина Павловна быстро взяла трубку:

«Да, Ирина Павловна, а с кем говорю я?»

«Это говорит следователь из НКВД. Скажите мне, пожалуйста, у вас была Нина Александровна Горбатова, не оставляла ли она у вас форму комдива Горбатова?»

«Нет, ничего не оставляла», — совершенно не подумав, как-то машинально ответила мама и села на стул у телефона.

«Вот как, значит, нет... Жаль... Ну до свидания».

Как же я сказала «нет», рассказывала позже Ирина Павловна, когда есть давно привезенная экипировка для Александра Васильевича?! Что я сделала? Ведь мы все были уверены, что скоро вас увидим. Пока я сидела раздумывала, что же теперь сделать, снова раздался телефонный звонок. Подняв трубку, я услышала тот же голос:

«Ирина Павловна, вы, вероятно, меня не поняли. Дело вот в чем: этой ночью мы освобождаем Александра Васильевича Горбатова, но он одет не по форме. Не оставляла ли у вас какого-либо обмундирования для Александра Васильевича его жена?»

«Да, да, оставляла!» — громко и радостно закричала я.

«Прошу все приготовить, я через двадцать минут буду у вас».

Наше тревожное настроение сменилось на приподнятое, радостное. Через двадцать минут приехал молодой человек, познакомился с нами, взял приготовленные вещи и через полтора часа приехал с вами.

До утра мы не спали, пили чай и без конца говорили. Жалели, что нет Нинуси и всех остальных.

Узнал, что жена была в Москве две недели назад. Из НКВД прилетела как на крыльях, рассказала, что ее очень хорошо при-

няли, говорили вежливо, интересовались, как живет, не надо ли ей денежной помощи? На вопрос: «Скоро ли я увижу мужа?» — получила ответ: «Это сказать еще трудно!»

Сказали, что следствие идет к концу; вот если бы она могла пожить две-три недели в Москве, все будет ясно. В вечер отъезда ее лихорадило, но мы решили, что это от нервной встряски.

Тогда же друзья сообщили мне печальную весть, что Александр Васильевич, отец Нины Александровны, этот честнейший, неутомимый труженик, погиб в концлагере 21 декабря 1940 года, а о ее брате Юрии ничего неизвестно. Это омрачило мое радостное настроение.

Отдохнув два-три часа, позавтракал, пошел отправить жене телеграмму, в которой сообщал, что вернулся из дальней и длительной командировки, и просил скорее приехать в Москву.

Утром же сходил в Главное управление кадров, а затем к наркомом обороны.

Помня обещание, данное когда-то товарищу Б. в Лефортовской тюрьме, сходить к его жене, как только буду на свободе, и рассказать ей, как обстоят дела ее мужа, я днем отправился на розыски, быстро нашел нужную мне квартиру, позвонил, дверь открылась, и, к моему величайшему изумлению, увидел его самого. Это было так неожиданно, что в первый момент я потерял дар речи. Мы были рады видеть друг друга на свободе, но я никак не мог понять, почему же он уже дома. Оказалось, что когда меня вызвали из камеры с вещами (как мы думали — на свободу), а на самом деле в суд и затем на Колыму, его же некоторое время поддерживали в Лефортовской тюрьме, а затем выпустили на свободу.

Уходя от него, я долго не мог привести свои мысли в должный порядок: как же могло так получиться?! Человек когда-то служил младшим офицером в старой армии, подписал всю предложенную следователем чепуху на себя и других — освобожден тогда же, прямо из Лефортовской тюрьмы, а меня, бедняка по происхождению, которого выучила и подняла советская власть, все пережившего, но не подписавшего клеветы на себя и других товарищей, послали на Колыму.

Моя встреча с наркомом обороны Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко была очень теплой и сердечной. Я доложил о своем возвращении из «продолжительной и опасной» командировки...

«Рад вас видеть, Александр Васильевич, живым, ну а здоровье будет! Отдохнете, поправитесь, а там и за работу. Я дал уже ука-

вание о восстановлении вас в кадрах армии и выплате содержания по занимаемой должности за все время». Горячо поблагодарив Семена Константиновича за все сделанное для меня, вышел из кабинета. Хотелось каждому рассказать о своей радости, о своем счастье... И прежде всего моей Нинусе!

На следующий день был подписан приказ о восстановлении меня в кадрах армии и выплате содержания за тридцать месяцев. С большим нетерпением я ждал приезда жены в Москву, но пришла телеграмма о печальном сообщении, что она больна, приехать не может и ждет меня как можно быстрее к себе. Это меня сильно опечалило и обеспокоило, и, как только уладил все свои дела, поехал в Саратов.

В Саратове, на вокзале, меня встречали мать жены Любовь Сергеевна и брат Нинуси — Сережа. По дороге они мне рассказали о болезни Нинуси.

Жила Нинуся и ее родные в крохотной комнатке в рабочем поселке за вокзалом. Рады были и этому углу, ибо никто не хотел в 1937—1938 годах иметь дело с людьми, близкие которых были арестованы по страшной пятидесят восьмой...

Маленькие, узкие улочки, домики деревянные с небольшими садиками — сколько раз на Колыме я старался себе представить, как все это выглядит! Я никогда не помню фамилий, адресов, но этот адрес запомнился мне навсегда!

Мы вошли в комнату. Нинуся, бледная, похудевшая, лежала на сундуке. Увидев меня, приподнялась, слезы ручьем хлынули из глаз.

— Роднуля, мой роднуля, живой!

Мы все обнимались, смотрели друг на друга и плакали, но это были слезы радости. Прибежала с работы сестра Нинуси Леночка — и снова слезы и бесконечная радость встречи. Известил я и сестер о своем благополучном возвращении. Их радость была беспредельна!

Как только я приехал, Нина Александровна, как по щучьему велению, стала быстро поправляться, и через восемь дней мы были уже в Москве. Несколько дней мы занимались покупкой необходимых вещей, затем получили путевки в подмосковный санаторий «Архангельское». Через месяц, окрепшие, мы отправились продолжать свое лечение и отдых в Кисловодск, куда приехали в первых числах мая. Нам везло: погода была на редкость хороша. Цвела сирень. Было много других цветов. Яркое солнце, теплый живительный воздух, спокойное состояние нервной системы

быстро восстановили здоровье и силы. Мы каждый день бродили по горам, даже пошли на Большое Седло. Взойдя на него, Нинуся не смогла побродить там и осталась под кустом на солнышке, а я прошел по всей площадке один, снова видел горы Кавказа и восхищался их величавой красотой. Возвращаясь, увидел под кустом жену спящей; она была еще слаба, сильно устала на подъеме в гору. Мы так были счастливы, что недавнее тяжелое прошлое вспоминалось нами как нехороший сон.

В кисловодском санатории встретили многих знакомых. Одни были генерал-лейтенанты, другие генерал-полковники, а некоторые и выше. По-разному в то время они отнеслись ко мне, но меня это не печалило! Мы были довольны своим положением, и я не раз говорил жене о том, как мечтал о воле, о должности сверхсрочника, старшины эскадрона или роты.

Вернулись мы в Москву веселыми, жизнерадостными. На прием к наркому я явился уже другим человеком.

— Нужен ли еще отдых? — спросил Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

— Нет, — ответил я.

— Снова пойдешь в конницу или в другой род войск?

— Нет, в конницу не пойду. С большим удовольствием пойду в стрелковые соединения.

— Пойдешь пока на должность заместителя командира стрелкового корпуса, чтобы оглядеться и ознакомиться со всякими новшествами. А там видно будет.

Затем нарком информировал меня о сложности международной обстановки.

— Видимо, мы находимся в предвоенном периоде, работать придется вовсю, — сказал он на прощание и пожелал мне успеха в работе.

В тот же день я получил предписание отправиться в 25-й стрелковый корпус на Украину.

Разговаривая с женой о своем назначении, я сказал:

— Ты знаешь мой характер. Я всегда держался и сейчас держусь мнения: лучше быть вполне соответствующим своему назначению на низшей должности, чем посредственным на более высокой. Должностью заместителя командира корпуса я удовлетворен.

Заехав в Саратов за вещами, мы отправились в Харьков. Я явился к командующему войсками округа. Получив необходимые сведения о 25-м стрелковом корпусе, поспешил к командиру корпу-

са Самохвалову. С женой мы договорились, что она вернется на Волгу, а как только я устроюсь, придет ко мне. Таким образом, мы расставались ненадолго. Однако настроение у нас было невеселое, как будто мы предчувствовали, что опять расстанемся на годы.

Я ознакомился с дивизиями. Они были укомплектованы, но настоящей слаженности я в них не почувствовал, и общее состояние их оставило у меня впечатление неважное. Чем больше вникал в дело, тем больше убеждался я в правильности своих первоначальных впечатлений. Не было необходимого порядка, организованности и должной воинской дисциплины. Хуже всего было то, что многие командиры не замечали этих недостатков.

Вернувшись в корпус, я без преувеличений, но ясно и четко доложил о всем виденном командиру. Он со всем согласился. Но на устранение недостатков времени у нас уже не было — в воздухе пахло войной.

Ее ждали все, и не так уж много было среди военных людей, у которых теплилась еще надежда на то, что войны можно избежать. Однако, когда было объявлено о внезапном нападении авиации противника на Житомир, Киев, Севастополь, Каунас, Минск, на железнодорожные узлы и аэродромы и о переходе дивизий противника через нашу границу, это сообщение всех поразило. Почему? Причин тому было много. Но я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что главная наша беда заключалась в роковом заблуждении Сталина.

Ему мы тогда верили безоговорочно, а он оказался слеп и дезориентировал всех пресловутым «Сообщением ТАСС» от 14 июня 1941 года...¹

Первой моей мыслью после начала войны было: как хорошо, что я на свободе и успел уже набраться сил! Но вторая мысль была о жене: каким ударом это будет для нее и увижу ли я ее еще?

Я говорил с ней по телефону, слышал ее голос. Переживая сама безысходное горе, она старалась ободрить меня, говорила, что все самое плохое осталось позади, что она была так счастлива эти три месяца и у нее хватит сил ждать дня победы.

¹ В «Сообщении ТАСС», на которое ссылается здесь автор, прямо указывалось, что, «по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». (*Примеч. ред.*)

Глава 6

ФРОНТ ОТКАТЫВАЕТСЯ НА ВОСТОК

Несмотря на то что войну ожидали с каждым новым днем, все же в народе хоть и небольшая, но теплилась надежда, что ее можно избежать. Пришла она внезапно и обрушилась как молот на голову каждого советского человека. Лица стали озабоченными, но и более сосредоточенными и решительными.

После разговора с женой по телефону в тот же час, как говорят, по уши ушел в лихорадочную работу в условиях уже военного времени. Находясь в дивизиях, отрадно было видеть результаты двух с небольшим пятилеток: увеличившееся количество танков, отечественных автомашин и усовершенствованной техники. Не напрасно, значит, за это время мы «подтягивали ремешок» то на одну, то на другую дырку, думал я. Численность Советских Вооруженных Сил к июню 1941 года составляла свыше 5 миллионов человек: в сухопутных войсках и войсках ПВО — свыше 4,5 миллиона человек, в ВВС — 476 тысяч человек, в ВМФ — 344 тысяч человек. На вооружении армии состояло свыше 67 тысяч орудий и минометов, 1860 новых танков и свыше 2700 боевых самолетов новых типов. Кроме того, в войсках было большое количество устаревшей бронетанковой и авиационной техники. Военно-морской флот имел 276 боевых кораблей основных классов, в том числе 212 подводных лодок.

К 22 июня 1941 года фашистская Германия и ее сателлиты сосредоточили против Советского Союза 190 дивизий (в том числе 19 танковых и 14 моторизованных) и большое количество боевой техники. Эта группировка насчитывала 5,5 миллиона человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, 47,2 тысячи орудий и минометов, 4980 боевых самолетов и свыше 190 боевых кораблей. Дивизии противника были полностью укомплектованы личным составом, вооружением и боевой техникой, транспортными средствами, обладали высокой подвижностью и имели боевой опыт. На ряде направлений противник превосходил советские войска в 3—4 раза, а на направлении главных ударов — и более.

Я остро переживал радость оттого, что снова нахожусь в строю и могу быть полезным в своем любимом деле.

Первый и второй день войны дивизии приводили себя в боевое состояние. В это же время командование корпусом вместе со штабом выехало к Днепру, южнее Киева, к находящимся там двум дивизиям.

Сводки Информбюро за первые дни войны приносили только печальные вести: следя по карте, было видно, как быстро продвигается на восток противник, несмотря на сопротивление, оказываемое ему нашими войсками. 25 июня 1941 года мы узнали, что противник занял города Каунас и Вильнюс. На восточном берегу Днепра появились беженцы, целыми селениями уходившие с Правобережной Украины. Они рассказывали об ужасах и жестокости только что начавшейся войны. Тревожное настроение населения еще больше усугублялось.

Основной причиной столь быстрого продвижения немецко-фашистских войск считалась внезапность нападения. Большое значение придавалось и тому, что коалиция Германии в составе Австро-Венгрии, Болгарии и Турции в войне 1914—1918 годов была небольшой, а против этих четырех государств в войне, кроме России, Англии, Франции, выступили США, Италия, Испания, Япония и Китай. Война длилась четыре года. Теперь Германия подчинила себе почти всю Европу, поставила на службу промышленность этих стран. Я видел более грозную силу, чем в войне 1914—1918 годов. Считал, что в этой ожесточенной войне нам придется надеяться только на себя. Учитывал, конечно, что Советский Союз является несравнимой силой с той, какую имела Россия в 1914—1917 годах, что руководит страной не царское правительство, а Коммунистическая партия. В этом я видел залог нашей победы. Но меня не покидали прежние опасения: «Как же будем воевать, лишившись стольких опытных командиров еще до войны?»

Это, несомненно, была по меньшей мере одна из главных причин наших неудач. Хотя о ней не говорили или представляли дело так, будто 1937—1938 годы, очистив армию от «изменников», увеличили ее мощь. Не случайно гитлеровская разведка накануне войны отмечала ухудшение качественного и количественного командно-политического состава Красной Армии, что сказалось на боевых действиях советских войск в начальном периоде войны...

Тем временем дивизии нашего корпуса сначала перешли Днепр у Киева и сосредоточились в лесах северо-восточнее, но в связи с быстрым продвижением противника на западном направлении и сдачей нашими войсками Минска мы снова вернулись на восточный берег Днепра и погрузились на станциях Дарница и Бровары для переброски на Западный фронт.

По планам советского высшего военного командования, а точнее Сталина, предполагалось, что основной удар немецко-

фашистских войск будет нанесен по важнейшему экономическому региону страны — на юго-западном направлении. Поэтому из внутренних военных округов к рубежу Днепра и Западной Двины началось выдвижение 22, 16, 19-й армий и 25-го стрелкового корпуса. На юго-западное направление были выдвинуты к началу войны 19-я и 16-я армии под командованием генералов И.С. Конева и М.Ф. Лукина. На западное направление выдвигалась только лишь 22-я армия (командующий генерал Ф.А. Ершаков).

Фактически, исходя из директивы немецкого командования от 31 января 1941 года, вошедшей в историю как план «Барбаросса», основной удар немецкие войска наносили на западном направлении силами группы армий «Центр». Он ставил целью: «Разгромить войска противника в Белоруссии. Затем, сосредоточив подвижные соединения, наступающие южнее и севернее Минска, возможно быстрее выйти в район Смоленска и создать тем самым предпосылки для взаимодействия крупных танковых и моторизованных сил с группой армий «Север» с целью уничтожения войск противника, действующих в Прибалтике и в районе Ленинграда»¹.

«Группа армий «Центр» фельдмаршала фон Бока в составе двух армий и двух танковых групп, насчитывающих тридцать одну пехотную, семь моторизованных, одну кавалерийскую и девять танковых дивизий, была наиболее сильной из всех групп армий».

В то же время группа армий «Юг» фон Рундштедта, насчитывавшая в общей сложности двадцать шесть пехотных, четыре моторизованных, четыре егерских и пять танковых дивизий, «наносила главный удар своим сильным левым крылом с выдвинутыми вперед подвижными силами в направлении на Киев».

Так как немецко-фашистское командование именно на западном направлении ввело в действие мощные сухопутную и воздушную группировки, советскому командованию пришлось в первые же дни войны перегруппировать туда 19-ю и ряд соединений 16-й армии и с ходу бросать их в сражение в составе Западного фронта. В силу этих обстоятельств на западное направление был передислоцирован и наш 25-й стрелковый корпус.

Следуя с одним из эшелонов, я думал: ведь мы неплохо воевали у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, почему же отступаем сейчас? На остановках переходил из одного вагона в другой, говорил

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» М., 1967. С. 162.

с солдатами и офицерами, рассказывал им о том, как 27 лет тому назад ехал впервые на войну, веря, что меня не только не убьют, но и не ранят. Тогда, на второй год войны, у русской армии своего почти ничего не было — седла были канадские, ботинки американские, винтовки японские, а воевали храбро и стойко. А в Гражданской войне защищали ту же Родину, но уже свою рабоче-крестьянскую власть. Говорили и о том, что особо страшно бывает лишь в первом бою, а потом привыкаешь. Разъяснил, что в результате индустриализации страны мы вооружение имеем свое, советское, хорошее, и нам нельзя воевать хуже, чем воевали русские солдаты в Первой мировой войне.

Узнал у командиров, что многие призванные из запаса красноармейцы плохо знакомы с новым оружием. Я дал указание, чтобы в пути проводили с ними занятия, а на длительных остановках, которых в пути было много, организовывали даже стрельбы боевыми патронами.

В голове и хвосте поезда были установлены наблюдатели и пулеметы, чтобы отражать нападения с воздуха; но всякий раз, когда обнаруживался самолет противника, поезд останавливался, все люди без команды покидали вагоны и разбежались по полю. Самолет скрывался, трубач играл сбор, и солдаты не спеша возвращались в вагоны...

Я видел в этом чрезмерную боязнь, проявление недисциплинированности. Относил это к недостаточной требовательности командиров, недостаточной подготовленности к руководству подразделениями, не хватало жизненности и энергии.

Наш эшелон предназначался к выгрузке на станции Рудня; не доезжая до города Витебска, он задержался на несколько часов в Смоленске. Проходя по путям железной дороги и между эшелонами, я встретил генерал-лейтенанта И.С. Конева, командующего 19-й армией, представился ему и доложил о прибытии эшелона.

Внимательно всматриваясь в меня, Иван Степанович спросил:

— Мне кажется, что были с вами соседями в Ворошиловском санатории в Сочи в 1935 году. — И, услышав мой утвердительный ответ, дополнил: — Уж очень вы похудели с того времени, да, кажется, было тогда у вас два ромба, а теперь один?

— В 1935 году была переаттестация, и мне тогда было присвоено звание комбрига, — ответил я, — а поправиться, по известным причинам, еще не успел.

— Приятно встретить на фронте старого, хотя и малознакомого военного, — сказал генерал. — Не так-то часто это случается теперь... — Он коротко меня проинформировал о положении на Западном фронте, предупредил, что Витебск уже занят противником, предложил беречь, как свой глаз, витебское направление, пожелал успеха, и мы расстались.

После встречи с генералом я сравнивал его с другими: те командиры, которые командовали полками в 1936—1937 годах, теперь командуют армиями или стали заместителями командующих фронтами; кто командовал в то время дивизией, даже командуют фронтами. Так уже упомянутый мною А.Я. Фоминых в 1938 году был старшим политруком, а теперь уже корпусной комиссар, член Военного совета Западного фронта, а Иван Степанович Конев, командовавший стрелковым корпусом, а затем 2-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией, войсками Забайкальского и Северо-Кавказского военных округов, оставался в воинском звании генерал-лейтенанта. После встречи в июле 1941 года за годы войны нам встречаться не доводилось. Я встретился с дважды Героем Советского Союза, кавалером ордена «Победа» Маршалом Советского Союза И.С. Коневым в Берлине, летом 1945 года.

Вспомнили мы жестокие бои под Витебском. Я поздравил Ивана Степановича с блестящими успехами войск 1-го Украинского фронта в Пражской наступательной операции, И.С. Конев в свою очередь поздравил меня с боевыми успехами 3-й армии.

— Не скрою, Александр Васильевич, ваш служебный рост и боевые успехи радовали меня, — тепло добавил маршал.

Такие же доброжелательные личные и требовательные взаимоотношения по службе у меня сохранились с И.С. Коневым в те годы, когда я командовал войсками Прибалтийского военного округа, а он был первым заместителем министра обороны и главнокомандующим Сухопутными войсками...

Эшелоны 25-го стрелкового корпуса выгружались на станциях юго-восточнее Витебска. Командир корпуса Чистохвалов, выполняя приказ командования, строго следил за тем, чтобы, не ожидая сосредоточения дивизий, а тем более корпуса, полки и даже батальоны, едва закончив выгрузку, занимали оборону и вступали в бой.

В тот период, особенно в первый месяц войны, часто можно было слышать: «Наш фланг уже обойден», «Мы окружены»,

«В нашем тылу выброшены парашютисты» и т. п. Не только солдаты, но и необстрелянные командиры были излишне восприимчивы к таким фактам, обычным в ходе современной войны, многие из них были склонны верить преувеличенным, зачастую просто нелепым слухам.

Однажды утром я услышал артиллерийскую канонаду в стороне Витебска, обратил на нее внимание командира корпуса и получил у него разрешение поехать для выяснения обстановки. На шоссе сначала встречал небольшие группы солдат, идущих на восток, устало и стыдливо опустив головы.

На мой вопрос: «Куда, почему?» — получал невнятные, сбивчивые ответы. Приказывал им вернуться назад, а сам увеличивал скорость. Чем дальше, тем больше видел идущих на восток, останавливался, стыдил, приказывал вернуться. Предчувствуя в этом что-то очень нехорошее, торопился добраться до командира полка. Мне надоело останавливать и спрашивать солдат, хотелось скорее узнать истинную причину отхода.

Не доехав километра три до переднего края обороны, я увидел общий беспорядочный отход по шоссе трехтысячного полка. В гуще солдат шли растерянные офицеры различных рангов. На поле рвались отдельные снаряды противника, не причиняя вреда.

Сойдя с машины, громко закричал отходящим: «Стой! Стой! Стой!» После того как все остановились, scomандовал: «Всем повернуться кругом». А после поворота их лицом к противнику подал команду: «Ложись». Лишь после этого всем командирам приказал подойти ко мне.

Стал выяснять причину отхода. Одни отвечали, что сами слышали команду на отход, переданную по цепи, другие это подтверждали, а третьи отвечали: «Видим, что все отходят, начали отходить и мы!»

Из группы лежащих недалеко солдат раздался голос: «Смотрите, какой огонь открыл противник, а наша артиллерия молчит». Другие также поддержали его мнение.

Мне стало ясно, что первой причиной отхода явился огонь противника, второй причиной — провокационная передача не отданного старшими начальниками приказа на отход, а командиры, неправильно реагиовавшие на то и другое, не приняли необходимых мер и подчинились стихии отхода.

В нескольких словах разъяснив это командирам, приказал им отправиться к своим подразделениям, собрать солдат, объ-

яснить недопустимость случившегося и учесть всех, кто в наличии.

— Если в вашем подразделении окажутся солдаты других подразделений, надо записать их фамилии и подчинить себе. Немедленно окопаться на этой линии.

Проехав еще километра полтора, дальше пошел пешком. Ни справа, ни слева не было никого. Наконец я услышал оклик и увидел человека, идущего ко мне. Это был командир 501-го стрелкового полка Костевич; из небольшого окопчика невдалеке поднялись начальник штаба полка и связной ефрейтор.

На мой вопрос: «Как вы дошли до такого положения?» — он беспомощно развел руками: «Я понимаю серьезность случившегося, но ничего не мог сделать, а потому мы решили здесь умереть, но не отходить без приказа».

На его груди красовались два ордена Красного Знамени. Недавно призванный из запаса, оторванный от армии много лет, он, по-видимому, совершенно утратил командирские навыки. В прошлом боевой и отважный защитник Родины, не раз смотревший смерти в глаза, он за прошедшие годы не прошел переподготовки, не знал новых видов оружия, способов ведения боя. Мне казалось со всей очевидностью, что он лично выполнит свой воинский долг и действительно способен умереть, но не покинуть свой пост. Но кому от этого польза?

Я понимал, что с возвращением полка на прежнюю позицию ничего не получится. Я привез Костевича в полк, указал подходящее место для наблюдательного пункта и как лучше расположить полк. Приказал установить связь с батальонами.

В лесу, справа от шоссе, нашел корпусной артиллерийский полк, обнаружил, что его орудия не имеют огневых позиций, а у командира полка, дивизионов и батарей нет наблюдательных пунктов. Собрав артиллерийских командиров, пристыдил их и дал необходимые указания, а командира артиллерийского полка связал с командиром стрелкового полка Костевичем и установил их взаимодействие. Кроме того, Костевичу приказал выслать от каждого батальона взвод в боевое охранение на прежнюю линию обороны, а командиру артиллерийского полка произвести необходимую пристрелку.

Я доложил обо всем командиру корпуса Чистохвалову, но, к своему удивлению, увидел, что на него эта информация произвела слабое впечатление, как будто доложено было об очередной благополучной выгрузке эшелона.

После этого переговорил с командиром 162-й стрелковой дивизии, спросил его: знает ли он о случившемся в подчиненном ему 501-м стрелковом полку? Он не знал.

Вызвал начальника артиллерии корпуса и в присутствии командира корпуса спросил его: где и что делает корпусной артиллерийский полк? Он ответил:

— Стоит на огневых позициях за обороняющимся 501-м стрелковым полком 162-й стрелковой дивизии на витебском направлении.

— Уверены вы в этом?

— Да, мне так доложили, — промолвил он неуверенным голосом.

— Вам должно быть очень стыдно за то, что не знаете, в каком положении находится непосредственно подчиненный вам корпусной артиллерийский полк.

Мне было непонятно полное невмешательство командира корпуса генерала Чистохвалова в мой разговор с командиром дивизии и начальником артиллерии корпуса.

После 13 часов снова послышались отзвуки канонады с того же направления. Позвонил командиру 162-й стрелковой дивизии: слышит ли он стрельбу?

Получив от него утвердительный ответ, я добавил: «Почему вы еще не выехали в 501-й стрелковый полк и что вас задерживает до сих пор? Подумайте об этом и доложите мне на шоссе в расположении 501-го стрелкового полка, я туда выезжаю».

На шоссе на этот раз не встречал отходящих групп, хотя снаряды рвались на линии обороны полка. Я уже льстил себя надеждой, что полк обороняется, и подумал: оказывается, не так много нужно, чтобы полк начал воевать. Внимательно осмотрев с только что прибывшим командиром дивизии участок обороны, присутствие полка нигде не обнаружил. Командир дивизии высказал мне два предположения: первое — что они, вероятно, хорошо замаскировались, второе — что заняли прежнюю свою позицию, в трех километрах впереди.

Первый вариант уже отпал. На второй вариант у меня теплилась еще надежда. Решили оставить машины на шоссе и пошли вперед по полю, к редкому березовому перелеску. Прошли около километра, и, когда стали подниматься на бугор, сзади нас раздался один за другим три выстрела, пули прожужжали мимо нас.

— Вероятно, наша оборона сзади, — сказал мой адъютант, — думают, что мы хотим сдаться противнику, вот и открыли по нас огонь!

Мы повернулись и пошли на выстрелы. Как и в прошлый раз, нам навстречу поднялся из окопчика командир полка Костевич, а за ним верные ему начальник штаба и ефрейтор.

— Это мы стреляли, — сказал командир полка со смущенным видом, — не знали, что это вы.

Доложил, что полк снова отошел, как только начался артобстрел наших позиций, но не по шоссе, а вон по той ложине лесом.

По ложине пролегала широкая притоптанная полоса в высокой и густой траве — след отошедших. Не пройдя и 300 шагов, увидели десяток солдат, сидящих у костра и сушивших свои портянки. У четверых не было оружия.

Обменявшись мнениями с командиром дивизии, мы решили, что он отведет эту группу к командиру полка, потом вызовет часть дивизионного резерва, чтобы прикрыть шоссе, а я с адъютантом сяду в машину, поеду по шоссе и буду возвращать отошедших.

Вскоре мы стали догонять группы, идущие одна за другой на восток к станциям Лиозно и Рудня. Подъезжая к голове группы, я стыдил, ругал, приказывал вернуться, смотрел, как нехотя они возвращались, и снова продолжал догонять следующие группы. Не скрою, что в ряде случаев, подъезжая к голове большой группы, выходил из машины и тем, кто ехал впереди верхом на лошади, приказывал спешиваться. По отношению к самым старшим я переступал границы дозволенного; сильно себя ругал, испытывал угрызения совести, но ведь порой самые добрые слова были бессильны. Вспоминая проведенный день и свою грубость, находил утешение в том, что никого не пристрелил, хотя в этом случае мог применять высшую кару.

В тот же день командир 162-й стрелковой дивизии доложил, что вызванным батальоном прикрыл шоссе, а позднее укрепил этот участок возвратившимися группами.

Доложив командиру корпуса обстановку, я предложил немедленно отстранить командира 501-го стрелкового полка, предупредить командира дивизии. Он не задал мне ни одного вопроса, хотя не возражал против предложенных мер. Внешне он был невозмутим, а внутренне — не знаю. Ясно было одно, что мы были слишком разные люди, наши характеры противоположны. Мне было трудно понять генерала Чистохвалова, его пассивность: то

ли он абсолютно мне доверяет, то ли полностью меня игнорирует. Я решил действовать как облеченный полным доверием.

В эту ночь я почти не сомкнул глаз, вспоминая двукратное самовольное оставление позиций 501-м полком. Все думал: в чем основная причина? В первую очередь стал размышлять над словами командира полка: «Ничего не мог сделать, решил умереть, но не отходить без приказа».

Сразу же возник вопрос: а что он сделал, чтобы предотвратить отход полка, почему не доложил командиру дивизии о чрезвычайном происшествии? Поведение командира мне казалось преступным и заслуживающим строгого расследования.

Остановившись на его решении «умереть, но не отходить без приказа», я думал: какая польза в том, что они втроем остались на своих позициях и умрут от руки противника или попадут к нему в плен? Почему бы им не сообщить о своем решении командиру дивизии? И в результате это страшное и безрассудное решение повторилось точь-в-точь два раза в один день.

Я мучительно пытался понять, почему в полку все отошли в первый и второй раз. Почему же никто не остался в обороне, кроме этой злополучной тройки? Перебирал много вариантов и пришел к единственному выводу: кто-то крикнул отходить, и отход превратился в стихийный. Никто этому не противодействовал, а артиллерийский обстрел противника способствовал.

Нить размышлений тянулась дальше: почему командир 162-й стрелковой дивизии, слыша обстрел 501-го стрелкового полка, не выехал к нему, ведь он был ближе и слышал обстрел лучше, чем я? Почему не выехал к полку немедленно даже после того, как я сообщил о страшном преступлении, которое там делается, а только тогда, когда я поехал туда лично и приказал ему явиться ко мне на шоссе в районе полка? Что это — недомыслие или полное безразличие?

Возвращаюсь мысленно к корпусному артиллерийскому полку. Несмотря на то что командиры его знали о стремительном наступлении противника за последние дни, находясь от него в десяти километрах, тем не менее расположились в сосновом бору, как на привале: не имели ни огневых позиций, ни наблюдательных пунктов. Даже видя, как в беспорядке отходит стрелковый полк, и разрывы снарядов противника на поле, командование артполка никак не реагировало на происходящее. А отношение начальника артиллерии корпуса к своим обязанностям? Все это меня так сильно беспокоило, что я не мог сом-

кнуть глаз. Беспokoило и безразличное отношение к этим фактам со стороны генерала Чистохвалова.

Мне, только что вернувшемуся в армию, это казалось плохим сном, не верилось, что видел своими глазами; лишь несгибающиеся пальцы правой руки и ноющая кисть подтверждали действительность. Пытался отгонять навязчивую мысль, что 1937—1938 годы подорвали веру солдат в своих командиров, по видимому, и сейчас солдаты думают, что ими командуют враги народа, что нужно отходить, а не обороняться. А выдвинутые молодые, неопытные и необстрелянные командиры несмело и неумело берутся за исполнение своих высоких обязанностей. Эта мысль не давала мне покоя и сверлила мой мозг. Я даже пытался уверить себя в том, что я, вероятно, уподобляюсь тому командиру роты, который говорил, что «вся рота идет не в ногу, а один я иду в ногу». Чувствовал свое одиночество и в то же время свою правоту. Решил с утра поговорить начистоту по этим вопросам с командиром корпуса в присутствии начальника политотдела.

Разговор состоялся. Мною было предложено освободить Костевича от командования полком, расследовать причины отхода полка и принять соответствующие меры. События быстро развивались, и мне неизвестно, были ли сделаны какие-либо выводы по командиру 501-го стрелкового полка Костевичу, командиру 162-й стрелковой дивизии Н.Ф. Колкунову и начальнику артиллерии корпуса. Костевич мне рассказал, что он вышел из окружения без партбилета, но сохранил орденскую книжку.

В 1959 году видел Костевича в Москве. Вспомнили начало войны, то, как отходил 501-й стрелковый полк и как он с начальником штаба и связным-ефрейтором пытался оборонять широкий участок под Витебском. Костевич рассказал, что он был в плену, но из плена бежал и сражался в партизанском отряде. Когда наши войска освободили советскую территорию, то партизаны, в том числе и он, соединились с войсками действующей армии.

Узнав о его нелегкой судьбе, я, учитывая все это, уже стал упрекать себя за предложение командиру корпуса (в то время) о привлечении его к строгой ответственности.

Спустя пару лет узнал большие подробности: спустя 15 лет Костевич возбудил ходатайство о восстановлении в партии. Он заручился положительным отзывом одного из генералов и ходатайством райкома. Его дело разбиралось в Москве, но там выяс-

нилось, что Костевич, будучи в плену, вступил в армию изменников нашей Родины — к Власову. Был от власовцев представителем в одной из немецко-фашистских армий. И лишь тогда, когда наша армия успешно наступала и наша победа обозначалась с полной ясностью, только тогда Костевич оказался в партизанском отряде. Учитывая все это, в выдаче ему партбилета было отказано.

Не знаю, насколько я прав, но склоняюсь к мысли: Костевич не хотел остановить стихийный отход полка, не хотел докладывать об этом командиру дивизии, а сам оставался в районе обороны с офицером и ефрейтором под видом «умереть, но не отходить без приказа», желая, видимо, сдаться в плен...

На следующее утро было получено сообщение, что один из наших флангов оголен, а затем обойден противником, и эти сведения были подтверждены. У командира корпуса и в штабе чувствовалась растерянность. Чтобы не допустить выхода противника в наш тыл, захвата им города Демидова и узла шоссейных дорог, что был за центром нашего корпуса, было решено послать для обороны Демидова один стрелковый полк с артдивизионом.

На витебском направлении было спокойно, по-видимому, противник предпочел обходное движение. За два часа до темноты командир корпуса послал меня в Демидов, чтобы помочь полку и дивизиону организовать там оборону. Через час я был уже в городе, но наш полк и дивизион туда еще не прибыли. Нашел там разведывательный батальон не подчиненной нам дивизии.

Информировал командира батальона о том, что не исключено появление противника ночью, перед Демидовом, и что на усиление придет стрелковый полк с дивизионом артиллерии. Приказал ему организовать оборону северо-западной и юго-западной окраины города, выслать разведку на машинах в этих направлениях и проявить особую бдительность до прибытия полка.

Уже стемнело, но полк и дивизион еще не прибыли. Ожидая их прибытия, я расположился на ночевку в крайнем доме на восточной окраине города, предупредив об этом командира батальона. На рассвете меня разбудил пулеметный и артиллерийский обстрел. Быстро оделся, вышел с адъютантом на улицу, увидел несущиеся мимо меня машины.

Из краткого доклада командира батальона узнал, что наш полк так и не пришел. Много танков и пехоты противника ворвалось в город, и они преследуют отходящий батальон.

Действительно, в 500 метрах от нас появились три танка и начали обстреливать улицу, на которой мы находились. С основной частью малочисленного батальона мы оставили город, заняли оборону у отдельных домов на высотках в двух километрах от него, 45-миллиметровые пушки поставили по сторонам шоссе.

Противника долго ожидать не пришлось. Через час из города показалась густая цепь солдат и до 15 танков, ведущих с ходу по нас огонь. Мы были вынуждены отходить по шоссе на город Духовщину. Несколько раз высаживались мы с машин и, ведя огонь, тормозили продвижение противника.

Таким образом, я оказался отрезанным от корпуса, не зная ничего о его положении. В Духовщине находился тыловой эшелон штаба нашего корпуса, и там я узнал, что главнокомандующий западным направлением со своим штабом расположился в лесу у города Ярцево, в 25 километрах к юго-востоку.

Я считал своим долгом явиться к главнокомандующему и доложить ему об угрозе со стороны Духовщины. С.К. Тимошенко не выразил удивления моему появлению, но мой доклад о том, что противник находится от его штаба в 30 километрах, был для маршала неожиданным. В мое распоряжение было выделено 60 человек из охраны штаба и шесть грузовых машин с четырьмя счетверенными пулеметами и приказано выехать в район Духовщины, прикрыть, насколько возможно, ярцевское направление, удерживать город Ярцево и узел дорог, подчинив себе всю имеющуюся в этом районе артиллерию и отходящие с фронта части и подразделения. Время дорого, была слышна в лесу команда: «Быстро собираться». Это собиралось управление штаба западного направления к перемещению в район Вязьмы.

Мы были на шести грузовых машинах, в трех километрах от Духовщины, когда увидели выходящую из города нам навстречу колонну противника, состоящую из танков и моторизованной пехоты.

Развернув свои машины, мы из трех счетверенных пулеметов, находящихся на машинах, открыли огонь по этой колонне с дальней дистанции. Четвертую машину я послал к мосту, который находился сзади нас в трех километрах, чтобы облить его бензином, взятым из бака машины, и подготовить к сожжению после нашего отхода.

Под воздействием нашего огня пехота противника начала высаживаться с машин и разворачиваться в цепь, оставив машины на дороге, а танки — одни сходили с дороги и двигались по

полю вместе с пехотой, другие продолжали идти по шоссе, ведя огонь. По мере подхода противника мы отходили, а после отхода за ручей подожгли мост.

Скрыв свои машины за буграми, но сохраняя возможность ведения огня из пулеметов, мы стреляли сначала с дальних, а потом и с ближних дистанций, давая возможность пламени полностью охватить мост.

Лишь после того, как пехота залегла перед нами в 200 метрах, а танки стали перебираться через ручей правее и левее вброд, мы отошли.

Используя выгоды местности, высаживались еще два раза и отошли на бугры, прилегающие к автострате у города Ярцево: там уже имелись наблюдательные пункты наших артиллеристов, и появившийся противник был встречен мощным шквалом огня. Это значительно повлияло на действия противника и уменьшило его наступательный пыл.

Продвижение противника от Духовщины к Ярцево было задержано более чем на четыре часа. За это время штаб командующего западным направлением успел выбраться из ярцевского леса и уйти в район Вязьмы.

В Ярцевском районе находилось более 150 стволов артиллерии, кроме того, мы использовали артиллерию, отходящую по автострате. При помощи находящейся здесь, главным образом, артиллерии и задержанных отходящих групп стрелков мы удерживали ярцевский узел дорог и город Ярцево четверо суток.

В ходе ожесточенных боев на западном направлении группа армий «Центр» понесла большие потери, ее ударная мощь была серьезно подорвана. 4 августа Гитлер заявил, выслушав доклад о больших потерях особенно в войсках 2-й и 3-й танковых групп (Гудериана и Гота), что если бы он перед войной был в достаточной степени информирован о силе Красной Армии, то принять решение о необходимости нападения на СССР было бы ему значительно труднее.

«Общая обстановка, — отмечал в своем дневнике начальник германского генерального штаба сухопутных войск Гальдер, — показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия, подготовка которого к войне была связана со всеми затруднениями, свойственными странам, в состав которых входят различные народности, был недооценен нами».

В ходе Смоленского сражения был сорван план немецко-фашистского командования на безостановочное продвижение к

Москве. На главном стратегическом направлении войска противника были вынуждены перейти к обороне, что дало возможность советскому командованию провести крупные и важные оборонительные мероприятия, сыгравшие в последующем решающую роль в обороне Москвы и Московской битве в целом.

Особенностью обороны первого дня было то, что в течение этих суток артиллерийские наблюдательные пункты, расположенные на буграх, не были прикрыты даже отделением стрелков; при мне была всего одна рота в 60 человек.

Во вторые сутки из отходящих были сформированы до десяти рот и два батальона, которыми уплотнили оборону. Оборона на этом участке стала похожа на организованную.

Поскольку у меня не было средств управления, приходилось пользоваться только артиллерийскими средствами связи, а главное, полностью было использовано живое руководство с моим постоянным хождением с одного бугра на другой, особенно там, где противник наступал, а наступал же он по несколько раз в день то на одном, то на другом направлении.

В этот второй день увидел появившуюся с запада легковую машину, и из нее вышел генерал-лейтенант А.И. Еременко. Обнялись, расцеловались, поскольку видел его впервые после моего освобождения. Я поблагодарил его за смелое и доброе отношение к моей жене после моего ареста. Проинформировал его об обстановке у Ярцево... Видя наше пиковое положение, Андрей Иванович сказал: «Нужно удерживать позицию во что бы то ни стало, потому что есть еще наши соединения, которые находятся еще западнее» — и уехал к этим соединениям.

Встреча с моими давними начальниками и сослуживцами, их должная оценка моих действий убедила меня в правильности моих решений, что в значительной мере и укрепило мой боевой дух.

Третий день нашей обороны был особо трудным, противник атаковал более настойчиво, но и наша артиллерия, хорошо пристрелявшись за два предыдущих дня, была наверняка, что называется, не в бровь, а в глаз, стволов у нас было более трехсот.

Проходя от одного дерущегося подразделения к другому, видел, как один красноармеец, согнувшись под тяжестью другого, сходил с бугра, положив раненого на землю, сел около него передохнуть. Когда я подошел к ним, исполняющий обязанности санитаря красноармеец, лет сорока, встал и доложил: «Вот снял с этого бугорка тяжело раненого». У раненого были накрепко сжаты губы, глаза закрыты, а щеки влажны от слез. Услышав

разговор, раненый открыл большие серые глаза и, как будто оправдываясь передо мной, сказал:

— Я плачу не от боли, нет, я плачу оттого, что не выполнил своего слова. Уходя из деревни, дал слово не умереть раньше, пока не убью хоть пять фашистов. Если бы убил, я бы не плакал. И вот приходится умирать сейчас...

Красноармеец-санитар скороговоркой, как будто боялся опоздать сказать что-то важное, промолвил:

— Ты из своего пулемета убил не пять, а может, пятьдесят, я сам видел, как они падали от твоих очередей.

Не знаю, правду сказал санитар или хотел лишь успокоить тяжело раненного, но после его слов раненый закрыл свои серые глаза, из них не текли больше слезы, а на лице появилась довольная улыбка.

И вот с такими людьми отступить!..

Я вызвал свою машину, стоявшую за бугром, приказал шоферу немедленно отвезти раненого на медицинский пункт и возвращаться на то же место.

Обойдя оборону, дал необходимые указания разрозненным подразделениям, укомплектованным за счет отходящих, приказал шоферу ехать на медпункт, хотел узнать и видеть еще раз славного паренька-патриота, который так жаждал выполнить данное им слово.

В пути сравнивал слова молодого человека со словами колхозницы, что сидела со мной рядом на партконференции в 1937 году и тоже проливала слезы, что собрала лишь девятьсот шестьдесят, а не тысячу центнеров свеклы с гектара и тем не выполнила данного ею слова! Думал о том, как много патриотов воспитала наша партия, но мы их пока еще мало знаем!

Прибыв на медпункт, нашел красноармейца Морозова, уже покрытого палаткой под кустом вместе с другими. Отвернув край палатки, увидел сохранившуюся на его лице довольную улыбку, но, к великому сожалению, знал, что он не откроет больше своих прекрасных серых глаз. И с чувством горечи думаю о том, что не записал его имя, отчество, не сообщил о его героической гибели в бою родным...

День 22 июля 1941 года был особо памятен: в наш район прибыла укомплектованная дивизия, потом прибыл с группой генерал-майор К.К. Рокоссовский. В тот же день, как обычно, я про-

верял оборону. И, идя по левому краю автострады, с расстояния 40—50 метров был подстрелен автоматчиком из группы немцев, проникшим через нашу неплотную оборону. Я спрыгнул в глубокий кювет; скача на одной ноге с помощью шофера Шиманского, добрался до своей машины. Доложил обстановку К.К. Рокоссовскому, сообщил ему о моем ранении; получив первую медицинскую помощь, убыл в госпиталь в город Вязьму. Там я узнал, что наш 25-й стрелковый корпус был окружен. Соединения отдельными частями выходят из окружения, а командир корпуса Чистохвалов с офицерами штаба попал в плен. Я был потрясен.

Наутро самолетом меня отправили в Москву в Центральный госпиталь. Мое пулевое сквозное ранение ниже колена не повредило кости, рана быстро заживала. Через 13 суток я уже выписался из госпиталя, только подошва была онемевшая, как чужая.

Поселившись в гостинице Центрального дома Красной Армии, пошел в Главное управление кадров, где был зачислен в резерв, кроме того, там мне сказали:

— Отдыхайте и зайдите через неделю.

Через 10 дней меня зачислили слушателем курсов для высшего комсостава.

Еще до зачисления на курсы говорил по телефону с женой; она услышала мой голос, от радости потеряла дар речи. До них дошла весть о пленении командира корпуса и других командиров, считали пленным и меня. Я рассказал ей о своем ранении, хорошем настроении, жена, необычно радостная, рассказала свои новости...

Мне стыдно было ходить по улицам Москвы, поскольку с фронта не поступало радостных вестей; мне казалось, что все на меня смотрят и хотят спросить, почему так плохо там получается, почему я болтаюсь в тылу. Исходя из этого, мне очень хотелось попасть скорее снова на фронт, но, несмотря на мое старание, назначения не получал. Корпусные управления к тому времени были ликвидированы.

Прошло около месяца моей учебы. За это время сильно ухудшилось положение на фронте. Не раз слышали прискорбные известия об оставлении нашими войсками городов и других важных пунктов. И несмотря на это, я много раз ставил вопрос о посылке меня на фронт, но вместо фронта получил предписание об убытии в глубокий тыл, к новым формированиям в районе Омска.

Связался по телефону с женой, она сообщила, что едет в Ташкент, к жене своего брата, которая ее приглашает; узнав о том,

что я еду в Омск, обрадовалась, и мы решили, что она тоже придет туда и побудем вместе, пока я буду занят формированием. Условились, что справки один о другом будем наводить у коменданта города Омска. На этом закончился наш непродолжительный разговор.

На другой день пошел в гостиницу «Савой» к Вильгельму Пик; до 1937 года он регулярно бывал у нас во 2-й кавалерийской дивизии как представитель Компартии Германии, которая шефствовала над нами с 1926 года. Товарищ Пик знал о моем аресте и встретил меня с распростертыми объятиями и искренней радостью. Пробыл у него часа два. Естественно, наш разговор был о положении на фронте и о Германии. Оба мы твердо верили в победу над гитлеровской Германией. Он напомнил нашу встречу в 1936 году. Тогда, поднимая бокал с вином, сказал: «За встречу в Берлине».

— Несмотря на ваши большие неудачи, верю, — сказал товарищ Пик, — что фашизм будет разгромлен и мы встретимся в свободном Берлине.

Поговорив со мной, Вильгельм Пик позвонил к Л.З. Мехлису и из самых лучших побуждений сказал ему:

— После ранения зашел ко мне комбриг Горбатов, он многое видел и, вероятно, больше, чем мне, может рассказать вам, может быть, выкроите время и поговорите с ним...

Не опуская трубки, Вильгельм Пик спросил меня, где я остался, передал мой адрес Мехлису.

Через сутки, в час ночи, в дверь моего номера в гостинице ЦДКА постучали, как и в ночь ареста в 1938 году. Когда открыл ее, вошел офицер НКВД и сказал, что меня вызывает товарищ Мехлис и он может меня проводить к нему. Трудно описать мое состояние, когда я ехал в машине по пустым улицам ночной Москвы.

Когда вошел в кабинет, Л.З. Мехлис повышенным тоном спросил:

— Почему действуете в обход? Что это за связь у вас с Пиком, который не имеет советского гражданства? Почему не обратились прямо ко мне?

Не дав мне ответить на этот вопрос, присутствующий здесь же Е.А. Щаденко зло добавил:

— По-видимому, его мало научили на Колыме.

Не ожидавший такой встречи и особенно таких вопросов, на минуту я растерялся, а потом доложил о своем давнишнем зна-

комстве с Вильгельмом Пиком и о шефстве германской Компартии над дивизией, которой я командовал.

Отвечая на дополнительные вопросы о содержании разговора с В. Пиком, пересказал его. Рассказал и о том, что получил назначение в Омск.

В обращении со мной Мехлиса и Шаденко все время чувствовалась угроза, а когда Мехлис, отпуская меня, отменил мою поездку в Омск, приказал положить на стол командировочное предписание, в моей голове был полный сумбур.

Выйдя из кабинета, оказавшись на пустынных улицах, первой моей здоровой мыслью было идти на телеграф, предупредить жену, чтобы ехала прямо в Ташкент. Но не только в это утро, а и в следующие два дня вызвать ее не мог. Связь была прервана. На третий день узнал, что она в это время уже выехала в долгое, мучительное и бесполезное путешествие в Омск.

На мое счастье, в этот период Маршал Советского Союза Тимошенко, командовавший уже юго-западным направлением, прислал начальника отдела кадров в Москву, чтобы отобрать состав из находящихся в резерве. Первым в списке едущих на юг был я.

По прибытии в Харьков 1 октября 1941 года начальник отдела кадров полковник Портянников представил нас главнокомандующему юго-западным направлением Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко и члену Военного совета Н.С. Хрущеву.

Полковник Портянников доложил обо мне.

— Товарища Горбатова я знаю хорошо, — сказал главнокомандующий и, обернувшись к Хрущеву, добавил: — Недавно реабилитирован, прибыл с Колымы, уже ранен. Этот будет воевать как требуется! — И обращаясь ко мне: — Ну а как у вас дела с ранением и с чего начнем — с конницы или со стрелковых войск?

— С ранением все обстоит благополучно, — ответил я, — а начать хотел бы со стрелковой дивизии, уж очень соскучился по самостоятельной работе!

— Такое удовольствие доставить вам легче всего. — И, обращаясь к Портянникову, спросил: — В каких дивизиях у нас нет командира дивизии?

— Нет командира в 226-й стрелковой дивизии, находящейся в вашем резерве, в двадцати километрах от Харькова. — И перечислил ряд других.

— Оформить приказом назначение Горбатова командиром 226-й стрелковой дивизии, — приказал маршал и, обращаясь ко мне, сказал: — Главное сейчас — не унывать, работать засучив рукава, не на страх, а на совесть!

Н.С. Хрущев добавил:

— Всеми силами и способами стараться вселять в подчиненных преданность Родине и партии и уверенность в нашей победе, а она будет обязательно!

Я был весьма доволен. Во-первых, получил самостоятельную работу, во-вторых, ту работу, которая мне нравилась больше всего, которую начал девять лет назад. Но тогда была дивизия кавалерийская, обстановка мирная, теперь — война и дивизия стрелковая. Я соскучился по настоящей работе.

От полковника Портянникова узнал, какие должности старших офицеров дивизии не укомплектованы. Отправился в пункт сосредоточения офицеров резерва фронта, отобрал группу, в том числе на должность начальника штаба дивизии молодого майора Бойко, который оказался способным и трудолюбивым. Вместе с офицерами прибыл в дивизию, находившуюся в местечке Ольшаны.

В первые дни ознакомился с личным составом дивизии, с построениями солдат и офицеров и с боевым прошлым дивизии. Как и ожидал, у одних видел, несмотря ни на что, непоколебимую веру в победу, у других — мрачность, неразговорчивость, отпечаток длительного и безрадостного отступления.

Тогда же узнал, что дивизия была сформирована в июле—августе 1941 года в Запорожской области, что она в составе 6-й армии Южного фронта не раз успешно отражала натиск превосходящих сил противника. Боевая слава дивизии была приумножена в ожесточенных боях северо-восточнее Полтавы в сентябре 1941 года. Добавлю, что ровно через два года, 23 сентября 1943 года, за отличие в боях при освобождении Полтавы дивизии было присвоено почетное наименование «Полтавская».

Через два дня был собран партактив, потом совещание старшего комсостава дивизии с вопросом — наши задачи по укомплектованию дивизии и приведению ее в боевое состояние. Мои выступления по этому вопросу на собрании и совещании были дополнены начальником политического отдела дивизии Н.И. Урьевым.

В связи с продолжающимися неудачами на фронте мы учитывали сложность настроений, психологическое состояние как ве-

теранов дивизии, так и прибывающего пополнения. В прибывающем пополнении многие были уволены из армии в запас много лет тому назад, следовательно, почти не знакомы с новым вооружением и техникой. Но в то же время мы с удовлетворением отмечали наличие среди них участников Гражданской войны, членов партии и комсомольцев, их-то и считали своей опорой и цементом, способным спаять личный состав дивизии.

Исходя из обстановки, указаний Военного совета и опыта первых месяцев войны, наметили план работ, а по мере получения пополнения проводили регулярные занятия по 8—10 часов в сутки со всеми категориями комсостава и солдатами различных специальностей. Уже в первые два дня было выбрано поле и оборудовано под стрельбище, на котором изучали оружие, проводили стрельбы от зари до зари, включая минометные. Большое внимание уделяли тактическим занятиям, а политические занятия проводили три раза в неделю.

Много раз в различных подразделениях рассказывал командирам и солдатам, как чувствительны немцы к нашему огню и как мало они имели успеха там, где встречались с ним. Приводил пример обороны у Ярцево: как одни артиллеристы, не имея перед собой наших стрелковых подразделений, отбили три атаки немцев в течение одного дня, в последующие дни отбивали их атаки незначительным количеством стрелковых подразделений и артиллерии.

Приятно было наблюдать дружную работу командиров и политработников, да и все начальники спецподразделений работали много, но все казалось нам мало.

226-я стрелковая дивизия отошла в район Харькова в составе только 940 человек. По существу, пришлось формировать ее заново. В укомплектовании дивизии встречались большие трудности: не хватало командиров батальонов и рот, таких специалистов, как связисты, саперы, артиллеристы и другие. Не хватало оружия. В наличии было 25 процентов винтовок, почти 90 процентов ручных и станковых пулеметов, 70 процентов минометов, 100 процентов полковых орудий, 50 процентов средств связи, 60 процентов автотранспорта (а из имевшихся 40 процентов требовали ремонта), 75 процентов походных кухонь, большой некомплект обозных лошадей и 75 процентов верховых седел. У красноармейцев было только по одной паре белья.

Чтобы подготовить недостающих специалистов, мы выделяли людей и усиленно с ними занимались, рассчитывали ликви-

дировать этот недочет через полтора-два месяца, недостающих верховых лошадей надеялись дополучить.

Через восемь суток нами было послано «слезное» донесение начальнику штаба юго-западного направления о ненормальности в укомплектовании дивизии. В ответ была прислана комиссия, которая после дня работы выразила удовлетворение ходом укомплектования и учебы. Причем комиссия предупредила, чтобы на полное укомплектование специалистами не надеялись: «Учите сами!» Обещали подбросить оружие. Нам оставалось лишь усилить занятия.

Боевой подготовкой мы занимались много, но качеством были не удовлетворены, так как имели большой некомплект командиров батальонов и рот, батальонами командовали старшие лейтенанты, а их подготовка была низка...

Смушало нас распространившееся мнение о непобедимости и большой мощи противника. Чтобы убедить часть личного состава в противоположном, нужна была кропотливая и целеустремленная партийно-политическая работа и время. Но времени у нас было мало, а тот громадный некомплект, о котором знали командиры и красноармейцы, значительно усложнял нашу работу в этом направлении.

Кроме того, усложнялось положение на фронте: противник, как удав, несмотря на увеличивавшиеся у него потери, продолжал наступать, приближался к Харьковку.

В первых числах октября штаб Юго-Западного фронта распорядился, чтобы от нашей дивизии был выслан передовой отряд на рубеж Шаровка, Марьино, совхоз «Перебудово».

В передовой отряд был выделен батальон от 989-го стрелкового полка и взвод саперов с минами (артиллерии у нас еще не было). Чтобы передовой отряд качественно выполнил первую боевую задачу, я выехал с батальоном на указанный рубеж.

В Шаровку прибыли 9 октября 1941 года, утром выслали разведку в западном направлении и через сорок минут уже слышали перестрелку с разведкой или передовыми подразделениями противника, занимавшими лес в двух километрах западнее Шаровки.

За четыре часа моего там пребывания не только была поставлена задача командиру батальона, но и установлена связь с 10-й танковой бригадой в Высокополье. Побывал у стоящего на поле исправного истребителя, у которого не было летчика, приказал командиру батальона обеспечить охрану, а в случае угрозы про-

тивника — уничтожить его гранатами. Был на станции Репки, где вторые сутки стоял артиллерийский полк и ждал погрузки; предупредил его командира о близости противника, необходимости принятия мер охранения, кроме того, высказал мнение о возможной неподаче подвижного состава, быть готовым к движению своим ходом. Побывал на спиртзаводе в местечке Шаровка, обнаружил там большие запасы спирта, предложил спустить его, но администрация еще не решилась на это, ожидала распоряжений из Харькова. Предупредил командира батальона об охране цистерн со спиртом, а в случае необходимости — уничтожить его.

Вернувшись, донес обо всем начальнику штаба Юго-Западного фронта.

Некоторым читателям (из военных) может показаться странным, что командир дивизии сам поехал с батальоном, выделенным в передовой отряд, как будто такую работу нельзя поручить командиру полка. А я, читая архивный материал через двадцать лет, и сейчас свои действия считаю правильными. Нельзя забывать уровень подготовки того командира батальона и его неопытность; для командира батальона и для его подчиненных это был первый бой, удачные действия которого благоприятно отразятся на последующих боях, а неблагоприятные — наоборот; нужно представить растерянность командира батальона, старшего лейтенанта, который, прибыв в Шаровку, не нашел бы там 133-й танковой бригады и батальона 692-го стрелкового полка, с которыми они должны действовать, и не знал также, что противник от него в двух километрах. Командир батальона, наверное, не поехал бы на станцию Репки, он не предупредил бы командира артполка и не принял мер по охране самолета и цистерн со спиртом.

Моя помощь в этом случае должна была проявиться в том, чтобы научить молодого командира батальона действовать в будущем самостоятельно, в пределах возможного, смело и быть предусмотрительным. Учитывая, что первыми задачами для дивизии будут задачи на оборону, мы заняли 10 октября всеми полками оборону и во всех звеньях круглые сутки отрабатывали вопросы обороны, управления, взаимодействия с соседом, с минометами и артиллерией.

18 октября ознаменовалось тремя событиями. В дивизию прибыл сформированный наконец артполк с двадцатью гаубицами (эта радость омрачилась тем, что лошади у артиллеристов были очень малорослые и обессиленные). В наш район отошла 212-я стрелковая дивизия, которой мы сдали полосу оборо-

ны. Третье событие — мы получили приказ выступить в район 40 километров севернее Харькова и войти в состав 21-й армии. К этому времени мы уменьшили некомплект в вооружении и кое в чем другом.

Прибыв в район села Казачья Лопань, связались с командармом 21-й, получили приказ на оборону рубежа Толоконное, Наумовка, Крестовой, Нехотеево, Анисово, Казачья Лопань (штаб див в Журавлевке).

21 октября двумя полками заняли оборону, поставив третий полк во втором эшелоне. Из особо смелых солдат создали подразделения истребителей танков: в роте — отделение, в батальоне — взвод, а в полку — роту, вооружили их бутылками с зажигательной смесью, противотанковыми гранатами, связками гранат и посадили их на танкоопасных направлениях; выслали вперед разведку и охранение.

С волнением весь личный состав дивизии ожидал первой встречи с противником. Если каждый солдат тревожился о себе и товарищах, то командир подразделения еще и о всем своем подразделении и своем районе, и, в конце концов, все мы, солдаты и офицеры, — о всей дивизии. Трудно описать это напряженное состояние. Я ощущал здесь у каждого офицера и солдата то чувство личной ответственности, ту спайку, которых не хватало в частях, оборонявшихся под Витебском.

В это время в дивизию прибыл новый комиссар И.С. Горбенко. Он сразу расположил к себе людей и действительно оказался исключительно честным, подвижным и целеустремленным работником. Сразу найдя с ним общий язык, я вместе с ним переживал и горечь неудач, и радость, когда было чему радоваться.

Первой нашей радостью было отражение передовых подразделений наступающего противника. Но эта радость была недолгой: мы получили известие об оставлении Харькова и о том, что Казачью Лопань, атакованную основными силами противника, удержать не удалось. В 17.00 24 октября было получено распоряжение отступать на реку Северский Донец, станции Волоконовка, Валуйки. Отход был исключительно тяжелым, и не так из-за активности противника, как из-за труднопроходимых дорог — шли непрерывно дожди, недоставало тягловой силы, гаубицы больше ташили люди, чем истощенные лошади.

Вот что я доносил командованию: «Горючее полностью отсутствует, нет надежды на его подвоз колесным транспортом. На дороге г. Волчанск — ст. Бибаково-Новый брошено шоферами

большое количество машин с грузом, принадлежащим 14-й кавдивизии. Кроме того, в Волчанске оставлено много машин, даже танков без горючего, принадлежащих 3-й танковой бригаде, хотя боевые части уже отошли восточнее». Доносил я и о том, что команды, отступающие впереди войск, подрывают мосты, не ожидая частей, уничтожают тысячи тонн горючего, в то время когда исправные машины остаются стоять на дорогах, не имея бензина.

В результате отхода 226-я стрелковая дивизия заняла оборону на восточном берегу реки Северский Донец. В ноябре шли бесконечные дожди со снегом, и это очень затрудняло создание оборонительных рубежей. Чтобы избежать отрывки траншей на невыгодной для обороны местности, я обошел с командирами полков каждый батальонный район. Сначала спрашивал у командира батальона его решение на оборону: где и как он будет располагать живую силу и огневые средства? Потом спрашивал командира полка, с чем он не согласен и какие намерен внести уточнения. Почему он намерен делать так, а не иначе? Лишь после этого я давал свои указания, как расположить батальон и как окапываться. Приходилось учить командиров на переднем крае, чтобы развить у них умение находить выгодное расположение боевых порядков и избегать лишних работ для красноармейцев.

В войну мы вступили с укоренившимися взглядами на ведение оборонительного боя подразделениями из одиночных окопов, с распылением взвода почти по всему обороняемому району. При этом красноармейцы теряли чувство локтя, не видели не только командира взвода и командира отделения, но и порой своего соседа. Не слышали команд, то есть были неуправляемы. С тех пор как я начал сознательно относиться к тактическим вопросам, я стал ярким противником такого расположения в обороне и считал, что мы его неудачно скопировали у «веймарских» немцев, которые таким образом теоретически закрепили свою тактику того времени, когда у них была стотысячная армия с двенадцатилетним сроком службы. При таком длительном сроке службы каждый солдат приобретал знания офицера и был готов к индивидуальной ориентировке и самостоятельным действиям. Но немцы от этой тактики отказались, как только нарушили Версальский договор и перешли к строительству массовой армии, а мы почему-то догматически продолжали руководствоваться устарелой для них системой. Такая разобщенность на поле боя в известной мере оправдывала тех, кто покидал оборону, ничего не зная о своих, воображая, что «уже все отошли, я ушел последним».

Прослужив пять с половиной лет солдатом, я хорошо знал, на что солдат способен в той или иной обстановке. Понять, какое отрицательное действие производит быстрое и продолжительное отступление, совсем не трудно. Поэтому от подчиненных нам командиров мы потребовали: не распылять взвод, располагать его на одном из бугров в общей траншее, не более 120 метров по фронту, чтобы командир видел своих подчиненных, а они — своего командира, чтобы он мог контролировать их поведение и заставлять их стрелять в наступающего противника, а не отходить, кому когда вздумается. Рекомендовал не бояться оставлять незанятыми промежутки между взводами и ротами, простреливаемые управляемым огнем.

Находясь в обороне, мы производили анализ потерь за время отступления. Большая часть падала на пропавших без вести, меньшая часть — на раненых и убитых (главным образом командиров, коммунистов и комсомольцев). Исходя из анализа потерь, мы строили партийно-политическую работу, чтобы повысить устойчивость дивизии в обороне.

Если в дни первой недели мы выделяли 6 часов на работы по обороне и 2 часа на учебу, то в последующие недели соотношения было обратное.

На одном из совещаний со старшими офицерами я сказал, в чем, по-моему, состоит сейчас долг командира, стремящегося укрепить веру в нашу победу в сердцах солдат.

Для воинской части, ведущей в течение месяцев непрерывную борьбу в тяжелых условиях, основная сила обороны сосредоточена на переднем крае, и этой силой являются в первую очередь люди, а потом уже вооружение и боеприпасы. Люди в этой трудной обстановке нуждаются в общении со своим командиром, помогающим преодолевать усталость и сомнения. Каждое слово и поступок офицера солдаты обдумывают; они судят о внутреннем состоянии самого командира: верит ли он в победу или сомневается в ней, непоколебим он в своих убеждениях или неустойчив? Солдата обмануть нельзя — у него, как говорится, не одна, а тысяча голов. Об этом должен помнить каждый офицер. Кто желает найти путь к сердцу солдата, тот должен доказать, что не закрывает глаза на трудность положения, но абсолютно уверен, что оно совсем не безнадежное, и знает, что надо делать, чтобы добиться победы над врагом...

Хорошо известно, что в каждой войне моральное состояние войск имеет решающее значение. Во всякой войне бывали пери-

оды успеха и неуспеха, наступления и отступления. Свои трудности мы знаем даже слишком хорошо, но не все знают, какие трудности приходится переживать немцам. Они несут большие потери, их тыл крайне для них опасен, растянутые фронты имеют много уязвимых мест, а расчет на молниеносную войну окончательно провалился. Надо, чтобы солдаты это поняли. Короче говоря, речь идет о самом главном: сохранить веру солдата в победу и провести его с этим чувством через все испытания. И в решении этой задачи откровенность и правдивость командира — решающий метод. Солдаты должны убедиться, что командир о них думает, что под их настроение не подлаживается, а говорит то, во что верит сам. Солдаты дерутся всегда гораздо лучше, если понимают обстановку. В понятие откровенности входит также и вера человека в свои силы.

Наша дивизия оборонялась на фронте до 30 километров. За 20 дней ноября много было сделано для укрепления обороны, обучения и воспитания личного состава дивизии и укрепления дисциплины.

Мы выяснили, что после успеха своего летнего наступления противник стал самоуверенным и в холодную погоду отсиживался в населенных пунктах, между которыми оставлял большие промежутки, не занятые войсками. И это нас не удовлетворяло. Мы хорошо понимали, что даже самой упорной обороной противника не победишь, что, сидя в обороне, нужно готовить людей к наступлению. А это значило, что обучение войск и партийно-политическую работу необходимо подкрепить активными действиями. Поэтому мы решили использовать это положение, чтобы проникать в тыл противника и уничтожать его гарнизоны.

«Только убив или пленив немца, — думали мы, — или хотя бы захватив трофеи, наши бойцы поверят в свои силы».

Первый лихой налет был произведен под командой лейтенанта Заярного на деревню Огурцово, находящуюся на переднем крае обороны. Пленных взять не удалось, но противник оставил в деревне десять убитых. Нами были захвачены миномет, винтовки, гранаты, патроны, лошади с повозками, продовольствие, документы убитых, обмундирование, одеяла, белье и другие вещи. Потеряли мы одного убитым. Даже на этом опыте можно было убедиться, что работа не пропала даром, что с нашими солдатами

можно осуществлять нападения на тылы противника в более крупном масштабе.

Мы преследовали при этом, главным образом, три цели: 1) доказать противнику, что мы способны крепко его бить; 2) выработать у нашего личного состава уверенность в своих силах; 3) убедиться, на что способны в бою наши батальоны (в частности, каков будет процент пропавших без вести).

Для первой операции была намечена деревня Коровино. По имевшимся у нас сведениям, здесь находилась вражеская батарея, которая нас сильно беспокоила, систематически обстреливая оборону и местечко Шибенино. Необходимо было во время операции выставить прикрытие на дорогах, идущих к Коровино, чтобы действовать наверняка, было решено взять по одному батальону от полков, разведроту дивизии и придать им командира-сапера с восемью солдатами и взрывчаткой. Поскольку этой операции мы придавали большое значение, командование я взял на себя, а Горбенко взял на себя обязанности комиссара отряда. За моего заместителя с нами пошел командир 985-го полка Шепеткин.

Ночью на 27 ноября была произведена разведка прочности льда в интересующих нас местах на реке. Днем 27 ноября мы с Горбенко провели беседы в каждом выделенном батальоне, обратив внимание еще раз на соблюдение тишины и дисциплины на марше. Предупредили, что курить можно только там, где будет разрешено. Напомнили, что нападающие должны действовать дружно и решительно, ибо совокупность этих действий и внезапность нападения безусловно обеспечат нам полный успех. «Вы должны бить, а сами жить, жить для того, чтобы снова бить врага. Вот что нужно для каждого из вас и для всех нас», — говорил я. Затем напоминал и о способах действия отдельного бойца: «Гранату, приведенную в боевое состояние, не бросать, а проламывать ею стекло окна, опускать ее в хату, а самому прятаться за стенку или опускаться на землю. Кто окажется в прикрытии, должен внимательно смотреть не только вперед, но и в сторону Коровино, чтобы бить немцев как подходящих к Коровино, так и убегающих из Коровино. Подпускать противника как можно ближе, чтобы стрелять наверняка. Провода, идущие в Коровино, резать только после первых выстрелов. Каждый должен знать своего правого и левого соседа, и если соседа постигнет несчастье, немедленно докладывать командиру».

Кроме того, мы предупредили, чтобы при отходе не только раненых, но и убитых уносили с собой, предварительно перенося их на опушку леса, в указанное место.

Иван Сергеевич Горбенко довел до сведения солдат рассказ убежавшего из плена красноармейца Фролова о зверском обращении немцев с нашими пленными, об изнурительных работах и голодном пайке. В числе пленных Фролов видел и тех, кто сдался добровольно, и к ним отношение было таким же зверским. И они сильно ругали себя за то, что, поверив пропаганде противника, сдались в плен.

Всех участников накормили плотным ужином, снабдили бутербродами и в 19 часов уложили спать.

Поскольку разведрота имела самую ответственную задачу по прикрытию, она была усилена 4 минометами со 100 минами. Возглавлял ее смелый и решительный начальник разведки дивизии Боков.

Артполку поставили задачу на ведение огня по прилегающим к Коровино населенным пунктам; огонь открыть с первыми выстрелами атакующей пехоты.

Ночь на 28 ноября была теплая, с низкой облачностью. Не замеченные противником, мы перешли Северский Донец, потом шли лесом. На просеке, идущей от реки, сделали последний привал. Здесь мы подтянули колонну, уточнили ранее отданные распоряжения, напомнили сигналы, место сбора и путь отхода.

Когда мы тронулись вперед, чтобы пройти последние 500 метров, вернувшийся от головного взвода красноармеец доложил мне: «Мы увидели двух людей, идущих нам навстречу, услышали окрик по-немецки, а потом топот. Они убежали к деревне».

Было ясно, что эти двое обнаружили нас и поспешили предупредить своих. Нельзя было медлить: противник имел несколько минут на изготовку. Мы ускорили движение, чтобы начать атаку на четверть часа раньше. Атаковали деревню одновременно и решительно, но внезапность атаки была утрачена, и к половине восьмого противник еще удерживал те хаты, у которых на огородах стояла батарея. Часть батальона 989-го стрелкового полка дрогнула и начала было отходить к лесу, однако ее удалось остановить. Бой затянулся. Противник дрался ожесточенно, но и мы не намеревались останавливаться на полпути и к половине девятого полностью овладели деревней, уничтожив гарнизон, — бежало лишь человек двадцать, из них половину

расстреляло наше прикрытие, встретившее огнем также и подкрепление, которое пыталось пройти к деревне Коровино.

В течение последнего часа мы подрывали орудия, боеприпасы, сжигали машины их же горючим, бросали в огонь все, что не могли взять с собой, обыскивали закоулки уцелевших строений. В 9 часов был дан отбой, и мы тронулись в обратный путь. Прикрытие вело бой с подходящим противником. Особенно сильный напор сдерживала разведрота под командой волевого начальника разведки дивизии Бокова; занимая выгодную позицию, она за полтора часа отбила три атаки во много раз превосходящего противника.

При переходе через реку мы смогли из взятых нами 130 рослых и здоровых артиллерийских, верховых и обозных лошадей перетянуть на наш берег только семь, а остальные провалились на слабом льду и остались в реке или были пристрелены нами на берегу; жалко было, конечно: они оченьгодились бы под наши гаубицы, но другого выхода не было.

В этом бою противник потерял в живой силе по меньшей мере втрое больше нашего, мы уничтожили батарею 105-миллиметровых орудий, 8 машин, боеприпасы, повозки, захватили 16 пленных, унесли с собой рации, фотоаппараты, продовольствие и много вещевого имущества. Кроме того, каждый из участников — а их было больше тысячи — захватил для себя различные трофеи.

Таким образом, задачу мы выполнили. Отрадно было видеть крепкую дисциплину не только на марше, но и в бою. К недостаткам мы относили недостаточно быстрые и умелые действия красноармейцев и некоторых командиров, неполное использование укрытий при ведении огня; некоторые подразделения все еще болезненно реагировали на возгласы: «Обходят!», «Окружают!».

Несомненно, встреченные и убежавшие два немца в какой-то степени усложнили выполнение задачи и увеличили наши потери. Если бы они несли охрану, трудно было бы избежать встречи с ними, но выяснилось, что красноармейцы из передового взвода, обнаружив провода, идущие к реке (вероятно, к артиллерийскому наблюдателю), перерезали их по своей инициативе. Так что те два немца, видимо, были связисты и шли исправлять порванную линию.

Я спросил солдат, резавших провода, почему они это сделали, зная, что я запретил нарушать телефонные линии до первых выстрелов.

— Думали, так лучше будет, — ответил один.

— Считали, приказ касается только прикрытия, а мы не прикрытие, — ответил другой.

Значит, вина была наша, командиров: надо тщательнее обдумывать, достаточно ли точны и достаточно ли понятны наши распоряжения.

Много было разговоров в дивизии. Каждый из рассказчиков несколько приукрашивал храбрость свою и товарищей, но мы считали, что в этом случае даже фантазия пойдет на пользу общему делу. Ведь главное-то было правдой! Особо отличившихся командование посылало в другие батальоны и батареи рассказывать, как побеждали немцев.

Немало был удивлен Военный совет армии, когда я доложил о нашей вылазке. Командарм Гордов выразил удовлетворение, но добавил:

— Военный совет, как правило, должен знать не только результаты ваших действий. Не стоит скрывать от нас и ваши намерения, особенно если операция связана с выходом в тыл противника и возглавляется лично вами.

— Учту ваше замечание, — ответил я, — о следующей вылазке донесу заблаговременно.

30 ноября по 21-й армии был издан приказ:

«Основной задачей усиленным батальонам ставлю: решительными, смелыми и внезапными действиями очистить от противника восточный берег р. Сев. Донец. Образец такой работы показал 28 ноября отряд 226-й стрелковой дивизии под непосредственным руководством комбрига тов. Горбатова».

Мы предприняли еще две вылазки. Во второй раз имели успех не меньший, чем в первый, главным образом потому, что на этот раз мы поставили себе задачу 5 декабря уничтожить гарнизон, находящийся в селе Графовка, в тылу противника. По имевшимся сведениям, в этом большом селе находились батальон пехоты, батарея и другие подразделения. Было решено взять с собой другие три батальона от разных полков и разведроту.

Ввиду того что ближее большое село Маслово Пристань, расположенное на восточном берегу реки, было занято немецким гарнизоном в 500 человек, мы взяли для этой операции еще четвертый батальон и оставили его как прикрытие против Маслово Пристани.

Руководство отрядом, как в прошлый раз, я взял на себя, со мной шел комиссар Горбенко, моим заместителем был командир 987-го стрелкового полка.

Поскольку ночь была светлая, атаку наметили на 4 часа 30 минут, отбой примерно в 6 часов 30 минут и возвращение на восточный берег реки в 7 часов 30 минут. Как всегда, назначены были сигналы атаки и отбоя, предусмотрено артиллерийское и другое обеспечение.

Я и Горбенко провели беседы во всех батальонах, обратили внимание на те же вопросы, что и прошлый раз, и указали недостатки в прежнем налете. Помню, в заключение я сказал: «Главное завтра — пусть каждый атакует решительно, не оглядываясь на соседа, это не только ускорит выполнение задачи, но и резко уменьшит потери».

Поскольку до Графовки путь длиннее, чем до Коровино, а планировался ночной бой и раннее возвращение, то накануне был дан полный отдых.

Мы с комиссаром шли в голове переднего батальона, имея впереди в 200—300 метрах взвод охранения. Я не раз останавливался, пропуская подразделения мимо себя, проверяя порядок движения; трудно было мне по глубокому снегу выбираться снова в голову колонны. Обгоняя бойцов, я советовал им следить за щеками, носом и ушами — мороз был до двадцати градусов. Каждый раз, присоединяясь к комиссару, я делился с ним радостным впечатлением: в колонне был образцовый порядок.

Реку мы переходили там, где, безусловно, противника не могло быть, где берег был более крутым. Приходилось взбираться, цепляясь за кусты, помогая друг другу. Шли мелким лесом, занесенным глубоким снегом. Когда оказались на опушке в одном километре севернее Графовки и подтянули колонну, были слышны веселые разговоры и остроты солдат по адресу противника: «Хотелось бы знать, что снится сейчас фрицам. Какие удастся захватить трофеи?»

Абсолютная тишина нарушалась лишь редким лаем собак в Графовке и соседних деревнях.

На последнем привале командиры взводов проверили своих людей. Я отдал указание: одним батальоном атаковать село с севера, другим — с северо-запада, чтобы не поражать друг друга своим же огнем. Условились, что через 30 минут я буду на окраине села, у ветряной мельницы, что вырисовывалась на горизонте, и оттуда введу третий батальон в ту часть села, где сопротивление будет наибольшим. Разведроту оставили на дороге у опушки леса в виде прикрытия.

Атаку наметили на 5 часов. Условились первыми огня не открывать. Батальон, который атакует с северо-запада, отделился от нас в 4 часа 20 минут, а другой — в 4 часа 30 минут. В 5 часов услышали первые выстрелы и разрывы гранат. Потом стрельба и разрывы участились и усилились, донеслись громкие крики.

С первыми выстрелами мы тронулись к мельнице. Вскоре резервный батальон был введен между двумя батальонами, ввязавшимися в бой.

К 6 часам 30 минутам мы захватили почти все село, кроме десятка хат на западной окраине; противник успел подтянуть туда подкрепление. На этом я приказал дать отбой — условленные ракеты, выброшенные в трех местах. Батальоны начали собираться на знакомой нам опушке леса. Командиры проверили своих людей, обождали еще 15 минут и тронулись в обратный путь. В 8 часов мы были уже на восточном берегу реки.

Наши потери: убитых — 10, из них 3 средних командира, 2 младших и 5 красноармейцев, раненых 39 человек (5 средних командиров, 3 младших и 31 красноармеец), пропало без вести 17 человек, из них 1 младший командир.

Было убито и сожжено в хатах более 200 немцев, уничтожены батарея 75-миллиметровых орудий, много стрелкового оружия, большое количество лошадей, с десятков автомашин и другого имущества. В плен взяли четырех немцев, а каждый из участников вылазки захватил трофеи: как правило, автоматы, пистолеты, гранаты, а два красноармейца — пулемет МГ-34, значительное количество пулеметных лент, коробки с патронами. Все это «богатство» тащили на себе три рослых немца. На этот раз мы в более короткое время сделали больше, чем в предыдущем бою, и недостатков у нас было меньше.

Несмотря на остроту напряженного боя, настроение участников было прекрасное.

Командующий 21-й армией, выслушав мой доклад о втором походе в тыл врага, сказал:

— Все это очень хорошо. Но, — смеясь, добавил он в заключение, — есть такая поговорка: «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить». Учтите это.

В приказе по армии № 1012 от 9 декабря было отмечено: «Выполняя указания Ставки, в 21-й армии проведен ряд операций по уничтожению врага. В этих операциях части тов. Горбатова показали образцы храбрости, мужества, преданности в деле

служения народу, они беспощадно уничтожали немецких оккупантов и захватили матчасть...»

В ответ на наши налеты на Коровино и Графовку противник с рассветом 6 декабря повел наступление на деревни Титовка и Устиновка, вытеснил из них передовые подразделения и оказался перед местечком Шебекино. Организованной контратакой 989-го стрелкового полка под командованием энергичного и храброго майора Кучеренко противник был вынужден к поспешному отступлению, оставляя на поле боя убитых и оружие. Положение было восстановлено.

Очередным объектом нашего нападения было намечено большое торговое село Маслово Пристань, на берегу Северского Донца.

Хорошо изучив расположение противника, мы решили напасть на рассвете 15 декабря одновременно на охранение и на гарнизон. Я взял с собой по батальону от 985-го и 987-го стрелковых полков, а своим заместителем, как прежде, назначил командира 989-го стрелкового полка.

Выступили в 4 часа. Шли по занесенной снегом просеке, в промежутке, не занятом нашими войсками. Погода благоприятствовала — мороз был не более 10 градусов.

Впереди шла разведрота Бокова. Поравнявшись с заброшенным домиком лесника, он решил осмотреть его. Дверь была открыта, но, войдя в комнату, Боков почувствовал запах жилого помещения и тлеющих сигарет. Осветив комнату своим фонариком, он обнаружил на полу рацию, а выйдя из дома и присмотревшись, увидел следы, идущие в лес в западном направлении. Об этом Боков доложил мне, когда я подошел с колонной.

— Это неудивительно, — сказал я. — Если мы батальонами проходим в тыл немцев, то и они, пользуясь большими промежутками в наших боевых порядках, выставили здесь свои посты или засаду, а обнаружив подход роты, так поспешно убежали, чтобы предупредить своих, что не успели даже унести рацию.

Было ясно, что противник уже предупрежден — по рации или отошедшей группой. Более правдоподобным был второй вариант, и вот почему: если бы немцы успели передать по рации о нашем подходе, то, уходя, успели бы и захватить ее с собой. Вероятно, наше приближение обнаружено дозорным, стоявшим вне хаты. Он-то и вызвал из дома остальных, и они удрали, не возвращаясь перед тем в хату.

Наш план нападения на Маслово Пристань, рассчитанный на внезапность, заключался в следующем: незаметно проникнуть

между двумя точками боевого охранения противника и одновременно напасть главными силами на село, а специально выделенными ротами — на боевое охранение. Остановясь у дома лесника и ожидая, пока подтянется колонна, я решал — продолжать ли движение, чтобы выполнить задачу, или вернуться назад? Поскольку внезапность нападения была утеряна, решил отказаться от атаки села, но двумя выделенными ротами попытаться уничтожить боевое охранение. Главные силы я задержал в лесу, а сам с тремя ротами направился на опушку леса, чтобы оттуда на рассвете лично наблюдать за нападением на боевое охранение.

Я видел, как роты развернулись и наступали на отдельные два перелеска, удаленные один от другого на два километра. Боевое охранение немцев нас уже ожидало и встретило огнем. Наши роты флангами пытались обойти противника. Его боевое охранение, отстреливаясь, стало отходить, а когда роты заняли перелески, то противник открыл по ним минометный и артиллерийский огонь.

Ротам был дан сигнал на отход. Когда они отступали к опушке леса, противник перенес минометный и артиллерийский огонь туда. Одна из мин разорвалась метрах в пятнадцати от меня. Отдавая в это время распоряжение, я почувствовал укол в шею, но не обратил на него внимания. Один из командиров, увидев кровь, потянулся ко мне, вынул маленький осколок, застрявший в коже, и дал его мне. Принимая осколок, я сказал:

— На такой большой войне поневоле обращаешь внимание и на мелочи.

Осколок я оставил себе на память как сувенир.

На этот раз, не выполнив задачи, мы вернулись на свое исходное положение. Было удовлетворение оттого, что мы вовремя отказались от выполнения основной задачи. Но возможно, я все же допустил ошибку, атаковав боевое охранение. Вероятно, правильнее было бы просто отойти без боя. На этом примере мы лишний раз убедились, какое огромное значение имеет хотя и малочисленное, но бдительное охранение и потеря внезапности.

После этих активных действий дивизия наша стала боевой силой, на которую могло положиться наше командование и которой должен был опасаться противник.

Чтобы закончить воспоминания о 1941 годе, расскажу еще про одну операцию, проведенную по приказу командарма. 28 декабря дивизия, оставив в обороне на 20 километрах один 985-й стрелковый полк, основными силами сосредоточилась на восьмикилометровой полосе правого фланга. 29-го, еще до рассвета,

мы перешли вместе с правым соседом в наступление, используя внезапность. К 12 часам удалось овладеть четырьмя большими селами: Севрюково, Ястребово, Беловская и Ближняя Игуменовка. Однако в каждом из этих населенных пунктов противник оставался в окружении, удерживая по одному-два каменных и по столько же деревянных домов, опутанных проволокой, с минными полями на подступах к ним. Только в селе Ястребово мы захватили артбатарею и огнем прямой наводки из немецких орудий полностью уничтожили засевший в домах гарнизон. К 16 часам подошедшими из Белгорода резервами с танками противник восстановил свое положение, вынудил нас отойти на исходное положение. Но потери здесь были у противника много больше, чем у нас, хотя и у нас они были весьма чувствительными: убитых 193, раненых 369. Мы захватили две артбатареи, много вооружения, семь складов с боеприпасами, продовольствием и вещами.

Запомнился мне еще один мелкий, но характерный эпизод. Однажды в нашу дивизию приехал проверить один факт офицер из политотдела армии. Он мне доложил, что прибыл выяснить дело об аморальном поведении командира стрелкового полка подполковника Ш., на которого «поступил сигнал». На мой вопрос, в чем заключается аморальность, инструктор ответил:

— В сожительстве с врачом.

Бывая у Ш., я встречал у него симпатичную женщину-врача лет сорока. Я знал, что они из одного с ним города, имеют общих знакомых. Об этом я сообщил прибывшему к нам проверяющему и спросил его:

— Неужели вам нечего делать, неужели нет у вас более важных дел в это тяжелое для нас время?

Он промолчал. Я еще спросил, кто его послал, но и на это не получил ясного ответа. Тогда я счел нужным прямо высказать свое отношение к этому вопросу. Во-первых, я не могу позволить, чтобы у нас в дивизии поднимали такого рода «дела»; мне кажется, что, выясняя интимные взаимоотношения людей, их оскорбляют и мешают им воевать. А во-вторых, если бы я зашел в комнату или землянку Ш. и нашел его и женщину-врача спящими на одной кровати, я бы тихо закрыл дверь и никогда ни им, ни тем более посторонним не сказал об этом ни слова. Другое дело, если бы она жаловалась, что он к ней пристает, держит себя некорректно. Но этого ведь нет?

Так, не проявив себя на этом поприще, и уехал «важный инспектор» восвояси.

25 декабря 1941 года мне было присвоено первое генеральское звание. Командующий армией В.Н. Гордов, вручая мне генеральскую папаху, сказал: «Вручаю как знак полного к вам доверия нашей партии и правительства, поздравляю с первым и, уверен, не последним генеральским званием». Член Военного совета армии З.Т. Сердюк, крепко обняв, заставил надеть новую папаху и, держа в своих руках мои руки, с волнением в голосе произнес:

— И я поздравляю вас с этим давно заслуженным вами высоким воинским званием. — Потом тихо, отчетливо Зиновий Тимофеевич добавил: — Вы лично, Александр Васильевич, много и целеустремленно работаете. Желая вам еще больших успехов.

Я поблагодарил командующего и члена Военного совета за доверие и за добрые товарищеские поздравления. И уже позже, в неофициальной дружеской беседе им растроганно сказал:

— Более четырнадцати лет я носил один и два ромба на петлицах, сроднился так, что даже как-то жалко расставаться с ними...

Многие в нашей дивизии были награждены орденами и медалями. В их числе и я был удостоен ордена Красного Знамени.

С этими верными сыновьями Отчизны вскоре мне довелось расстаться. Генерал Василий Николаевич Гордов в июле—августе 1942 года командовал Сталинградским фронтом. Какой мерой оценивать полководческое искусство военачальника — дело историков. Но в те тяжкие дни боев в большой излучине Дона, на подступах к Сталинграду я со всей ответственностью могу заявить: фронт сдерживал всесокрушающий удар полков и дивизий гитлеровского вермахта. Полки и дивизии фронта В.Н. Гордова оставляли свои позиции в донских степях, когда от них оставались только номера и их честь и слава — боевые знамена. В составе фронта 62, 63 и 21-я армии, 8-я воздушная армия имели 50 процентов техники, 16-я воздушная армия находилась в стадии формирования. Можно сказать: первые дни оборонительного сражения происходили при явном и значительном перевесе сил и средств противника и относились к числу критических. Решающим в сохранении устойчивости обороны являлось удержание обороны в районе Клетская—Калач, где развернулись ожесточенные бои. В районе Клетская—Калач план гитлеровского командования предполагал, что «движение на Сталинград будет безостановочным и город будет взят так же легко, как все другие населенные пункты на пути от Харькова к Дону»¹. В то же время

¹ Адам В. Трудное решение. М., 1967. С. 61—62.

немецкое командование повернуло 4-ю танковую армию с Кавказского направления на Сталинград.

13 августа Ставка возложила командование Сталинградским и Юго-Восточным фронтами на генерал-полковника А.И. Еременко. В.Н. Гордов был назначен его заместителем по Сталинградскому фронту. В последующие годы В.Н. Гордов командовал рядом армий. Великую Отечественную войну он закончил в составе 1-го Украинского фронта в Чехословакии. За годы Великой Отечественной войны он был удостоен звания Героя Советского Союза, награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I степени, Кутузова I степени и другими наградами.

В 1948 году В.Н. Гордов был репрессирован и 12 декабря 1951 года в возрасте 55 лет погиб в сталинско-бериевских застенках.

11 апреля 1956 года Василий Николаевич Гордов определением Военной коллегии Верховного суда СССР был посмертно реабилитирован.

С Зиновием Тимофеевичем Сердюком у меня сохранились прекрасные отношения. Его всегда отличало доброжелательное отношение к людям, полное отсутствие того, что принято называть комчванством, с ним было просто и легко. Высокая принципиальность и честность не вписывались в служебные отношения с окружением Хрущева и со всей резкостью проявились во взаимоотношениях с Брежневым, Сусловым, Подгорным и другими. В расцвете сил З. Сердюк был отправлен «на заслуженный отдых»...

В ноябре 1941 года стало известно об освобождении от противника на юге — Ростова, на севере — Тихвина, а в декабре — о разгроме немцев под Москвой. Это был триумф.

Эти успехи были лучшим подарком нашей многострадальной Родине к новому, 1942 году. На суровых, окаменелых за пять месяцев неудач лицах людей сначала проявлялись проблески радости, а потом довольная, во все лицо улыбка и облегченный вздох.

Для меня Новый год ознаменовался радостью личного характера. Наконец-то я получил первое письмо от жены Нины Александровны. Она сообщала, что из Омска добралась до Ташкента, хорошо принята Зоей, женой своего погибшего брата, и что, прибыв в Ташкент, нашла три моих письма и «безгранична рада тому, что жив и благополучен». И ни слова о тех горестях и мытарствах, которые она перенесла в поисках и ожидании меня в Омске... Все это я узнал только при свидании с нею...

В ходе боевых действий советские войска, несмотря на тягостные испытания и невосполнимые потери, смогли остановить немецко-фашистских захватчиков под Москвой, на других участках огромного советско-германского фронта. Мы познали сильные и слабые стороны противника.

И хотя гитлеровская пропаганда постоянно уверяла своих солдат и офицеров в близкой победе, но условия ведения войны для противника осложнились морозами, его потери возросли. С наступлением холодов немцы располагались, как правило, в населенных пунктах, приспособливая их к обороне, прикрывая подступы колючей проволокой и минными полями. Из населенных пунктов на переднем крае обороны население выселялось, в этих пунктах размещались сравнительно небольшие гарнизоны. Эти гарнизоны располагались компактно в ограниченном количестве домов, которые занимали выгодное положение для боя. Дома приспособливались к круговой обороне и тоже опутывались проволокой.

В то время немцы дрались ожесточенно, до последнего, сдавались в плен редко и лишь тогда, когда находились в безвыходном положении. Попадая в окружение, они дрались до подхода своих резервов, которые располагались в населенных пунктах, находящихся в глубине. На этом этапе войны немцы не боялись оставлять большие промежутки между населенными пунктами, не занятыми их войсками, просматривая и простреливая их из глубины...

Ставка Верховного Главнокомандования своим письмом от 10 января 1942 года требовала не давать немцам передышки, сосредоточенными силами взламывать их оборону на большую глубину, обеспечивая наступление артиллерией, и не только артподготовкой, но и мощной артиллерийской поддержкой в ходе всего наступления.

Последовательно выполняя указания письма, успех наступления мы бы обеспечили. Но мы по-прежнему получали приказы, противоречащие требованиям письма, а поэтому не имели успеха и несли лишние потери. Так проводились операции в районе Белгорода в начале января и сел Сажное и Гостищево в феврале.

В той обстановке мне казалось естественным, что командир дивизии сам выбирает объекты для частных операций, учитывая положение частей, пути подхода к противнику, определяет силы для атаки, время нападения с использованием внезапности.

В этом случае противник имел обычно потери в два, три, а то и в четыре раза больше, чем мы.

Другое дело, когда тебе издалека все распишут и прикажут захватить 17 января — Маслову Пристань, 19 января — Безлюдовку, 24 января — Архангельское и так далее, с указанием часа атаки, определяют силы (к тому же не соответствующие ни задаче, ни твоим возможностям). В этих случаях результат почти всегда бывал один: мы не имели успеха и несли потери в два-три раза больше, чем противник.

Указания сверху о времени взятия населенных пунктов или об участках для активных действий целесообразны только тогда, когда требуются совместные действия двух или нескольких соединений.

И уж совсем непонятными для меня были настойчивые приказы: несмотря на неуспех, наступать повторно, притом из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях обливалось мое сердце кровью. Было больно смотреть со своего наблюдательного пункта, как все увеличиваются бесполезные и безвозвратные потери... А ведь это был целый этап войны, на котором многие наши командиры учились тому, как надо воевать. Медленность, с которой усваивалась эта наука — как ни наглядны были кровавые примеры, — была результатом тех общих предвоенных условий, в которых сложилось мышление командиров.

Опишу коротко одно наступление, которое проводилось беспрерывно в течение шести дней подряд.

После крепких морозов началась с 10 февраля 1942 года оттепель с дождями. Поверх льда на Северском Донце образовался слой воды глубиной в 20—40 сантиметров. В это время нами был получен приказ о наступлении на села Сажное и Гостищево.

Сажное — большое село, расположенное вдоль правого берега реки, — было занято относительно сильным гарнизоном противника. Гостищево — тоже большое село — было левее, в трех километрах от Сажного, за чистым полем. Выполняя приказ, мы форсировали реку против Гостищева двумя полками: одним — чтобы наступать прямо на Гостищево, а другим — охватывать Сажное с юга и юго-запада.

Мой наблюдательный пункт находился в кустарнике, в полукилометре от реки, с него было видно, как три батальона дружно и смело вступили по колено в ледяную воду и по льду преодолели реку. Используя внезапность, с небольшими потерями они за два с половиной часа овладели двумя десятками хат на южной окраине села Сажного, кустарником, что южнее и юго-западнее этого села, и продвинулись по чистому снежному полю на два километра к Гостищеву. Однако наступление захлебнулось, встретив сильное огневое сопротивление из Гостищева и с флангов — справа из оставшейся у противника части села Сажного и слева из села Киселева. Противник, огонь которого подавить не удалось, перешел к активным действиям: нами были отбиты две сильные и настойчивые контратаки. В этот день обе стороны понесли большие потери. Мы потеряли отважного начальника штаба 989-го стрелкового полка майора Макарова, был ранен и командир полка майор Кучеренко; во временное командование полком вступил начальник разведки дивизии Бокков. Предпринятое нами ночное наступление успеха также не имело. Использовать темноту удалось лишь для того, чтобы заменить промокших солдат батальонами вторых эшелонов, переведя их через реку по наскоро наведенным переходам.

Ночью я доложил командарму о результатах наступления и получил указание: «Выполнять приказ». С рассветом наши части снова перешли в наступление, но под сильным огнем противника залегли. Одну контратаку мы отбили, в результате другой были выбиты из хат Сажного, которые заняли вчера.

Чувствуя безуспешность наступления, видя все увеличивающиеся потери, я решил на свою ответственность, когда стемнеет, отвести наши батальоны на восточный берег реки. В это время я получил донесение об идущих в нашу сторону 18—20 танках противника. В бинокль было видно, как отдельные танки втягивались в село Киселево, левее наступающего на Гостищево полка. Дал указание начальнику артиллерии дивизии подполковнику В.М. Лихачеву огнем всех батарей не допустить выхода танков из села. Учитывая, что пехота, не имея противотанковых средств, кроме бутылок с горючей смесью и гранат, обычно болезненно реагирует на атаки противника с танками, я вызвал к телефону командиров полков, предупредил их о подходе танков противника в Киселево и высказал предположение, что одновременно с контратакой танков нужно ожидать контратак пехоты из сел Сажного и Гостищева. Приказал командиру 987-го стрелкового

полка подготовить по одному батальону к отражению контратак с двух этих направлений. Командиру 989-го стрелкового полка приказал два батальона, находящиеся на поле, отвести в кустарник, обороняться там и уничтожать танки, которые попытаются войти в наши боевые порядки. Уведомил, что вся наша артиллерия будет использована для стрельбы по танкам.

Было видно, как 14 танков противника вышли из Киселева; наш сильный огонь заставил их ускорить движение, но не против наших боевых порядков, а к Гостищеву и скрыться в нем. Однако через 25 минут танки вышли из Гостищева вместе с густыми цепями пехоты. Противник был встречен огнем артиллерии и пулеметов, его пехота залегла, но танки продвигались, ведя с ходу огонь из пушек и зажигательными пулями из пулеметов. В это время один из наших батальонов уже втягивался в кустарник, а другой спешил к нему. Я видел, как на снежном поле все увеличивалось количество темных точек — лежащих тел.

Когда на поле не осталось наших войск, артиллерия получила возможность бить по танкам и пехоте противника, не боясь поразить своих. С радостью мы заметили дым и пламя на одном, а потом на втором и третьем танке. Только один вошел в кустарник, но был там подожен бутылками. Немецкая пехота была вынуждена поспешно отходить в Гостищево.

В это время, закрыв от нас поле боя, сгустилась вечерняя темнота, и мы, так желавшие ее в этот день, облегченно вздохнули. Но связь с командирами полков не работала. Строя различные предположения, мы считали, что в лучшем случае прорваны провода или что полки под давлением противника меняют свои позиции.

Через полчаса доложили, что связь есть — у телефона комиссар 989-го стрелкового полка. Я не узнал его голоса — он был так взволнован, что нельзя было его толком понять. Я уж подумал было, что НП захвачен противником и комиссар говорит по принуждению гитлеровцев. Но подошел к телефону командир полка и членораздельно доложил о положении: батальоны вовремя и без больших потерь отошли в кустарник, он просил разрешения отвести их на восточный берег. Волнение комиссара объяснялось его огорчением и смущением по поводу неудачи. К 22 часам все были на восточном берегу, в том числе и раненые; принесли с собой и убитых, кроме тех, что остались в чистом поле. Утром подсчитали потери — к счастью, они оказались не такими большими, как мы предполагали. Но тем же утром был получен приказ снова наступать в том же направлении, и мы наступали еще

четыре дня все так же безуспешно — до тех пор, пока обескровленная дивизия не стала неспособной к активным действиям.

Вести боевые действия стало еще труднее с 1 марта, когда наша 226-я стрелковая дивизия вошла в состав 38-й армии, в командование которой 4 марта 1942 года вступил генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко.

4 марта мы сосредоточились в 10 километрах восточнее Верхних Салтов, 5 марта получили приказ: в ночь на 6-е сменить части 300-й стрелковой дивизии, а с 7-го уже перейти в наступление, как говорится, с корабля на бал.

6 марта, после смены, я с начальником штаба дивизии, командирами полков и батальонов и начальниками родов войск произвел рекогносцировку. Мы ознакомились с местностью, выработали план действий и взаимодействия.

227-я стрелковая дивизия — наш правый сосед — должна была овладеть селом Рубежным и наступать на Непокрытое. Левый сосед — 124-я стрелковая дивизия — овладеть местечком Старый Салтов и через село Молодовое наступать на деревню Большая Бабка. Рубежное и Старый Салтов были крупными населенными пунктами, расположенными на западном берегу Северского Донца. Эти пункты были важными и для нас, и для противника, так как прикрывали мосты через реку, которые находились в 7 километрах один от другого. Наша дивизия должна была наступать между этими пунктами на село Новый Салтов, которое вытянулось одной улицей по западному берегу реки почти на 3 километра.

Каждая из дивизий прорывала оборону на фронте более 4 километров и никакого дополнительного усиления не имела.

В день наступления была необычно сильная по этим местам пурга, в 20 метрах ничего не было видно. Командиры взводов не видели своих людей, роты и батальоны были неуправляемы, поэтому наступление у нас и у соседей не увенчалось успехом. В 18 часов я доложил командарму о неудаче.

— Кому вы служите? — спросил в ответ командарм.

— Не понял вашего вопроса, товарищ командарм, прошу повторить.

— Не притворяйтесь, а отвечайте. Советской власти или Гитлеру служите?

— Служу советскому народу и нашей партии, товарищ генерал, — ответил я и в свою очередь спросил: — Будут ли еще вопросы?

— Вопросов больше нет, мне и так все ясно.

— Тогда разрешите мне доложить свое мнение. — И, получив согласие командующего, доложил: — Село Верхний Салтов, которым мы должны овладеть, вытянулось одной улицей вдоль западного берега реки на два с половиной километра. Перед ним река с широкой открытой долиной. За селом высота, с которой противник просматривает впереди лежащую местность на три километра. Смена 300-й дивизии, полагаю, была замечена противником, он подвел резервы и уплотнил свои боевые порядки. Внезапности не было в начале наступления, тем более не может быть сейчас. Если мы и овладеем Верхним Салтовом, то слишком дорогой ценой.

— Короч! Что вы предлагаете? — перебил меня командующий. — Отменить наступление вашей дивизии?

— Нет, я не этого хочу, — ответил я и продолжал: — Противник, имея стрелков и пулеметчиков в каждой из ста пятидесяти хат на фронте в два с половиной километра, занимает очень выгодное положение, и мы вынуждены подставлять себя под огонь. Поэтому наступление в лоб на этом участке нецелесообразно. Сомневаюсь, чтобы мои соседи своими силами овладели Рубежным и Старым Салтовом.

— Вы очень плохого мнения о своих соседях, посмотрите лучше на себя, — заметил командарм.

Я продолжал докладывать, не обращая внимания на этот выпад командующего армией, и предложил сначала усилиями двух дивизий — правого соседа и нашей — овладеть одним Рубежным. Оттуда сосед будет наступать в первоначальном направлении, а мы во фланг и тыл противнику, занимающему Верхний Салтов. При этом варианте мы скоро овладеем Рубежным, а наступая на Верхний Салтов во фланг, встретим огонь не из ста пятидесяти хат, а лишь из двух крайних, во столько же раз меньше понесем потерь и больше будем иметь успеха. Овладев Верхним Салтовом, поможем левому соседу, продолжив наступление на Старый Салтов. Исходя из этого, я просил разрешить мне большую часть сил нашей дивизии привлечь к овладению селом Рубежным.

После небольшой паузы услышал:

— Не возражаю, договоритесь с Тер-Гаспарьяном, только не тормозите выполнение моего общего приказа.

Окончив разговор, я был в недоумении: почему такой тон, почему оскорбления? Ведь командующий К.С. Москаленко

меня совсем не знает, только позавчера мы прибыли в его подчинение.

Как я и ожидал, с командиром 227-й стрелковой дивизии мы легко договорились о совместных действиях против села Рубежного. К овладению селом мы привлекли два полка, а третий растянули против села Новый Салтов для сковывания противника. 8 марта мы занимались перегруппировкой и не наступали. 9 марта заняли лишь 15 хат в Рубежном, но к 12 часам следующего дня с помощью двух танков дошли до половины этого села. Когда мы дрались у церкви, я, находясь в это время в 100 метрах от нее, получил неожиданную и чувствительную пощечину. Мне принесли два документа за подписью Военного совета армии. Приведу их дословно, поскольку они были необычного содержания:

«Отмечаю исключительно *плохое, позорное* (здесь и далее курсив мой. — А. Г.) действие, *граничащее с преступлением* перед войсками армии. Несмотря на мое категорическое требование об использовании момента внезапности, командиры 226-й стрелковой дивизии генерал-майор Горбатов, 124-й стрелковой дивизии полковник Берестов не только не использовали пургу 7.03, а наоборот, *как бы нарочно* сорвали внезапную атаку, дали возможность противнику отражать атаку в светлое время.

Кроме того, действия дивизий нерешительны, пассивны, особенно 124-й стрелковой дивизии: не успели вступить в бой, как уже доносят о потерях, совершенно ничего не сделав, не взяв ни одного пункта и не продвинувшись ни на один метр.

Приказываю положить конец *преступным действиям*. В то время как Красная Армия громит фашистов на всех фронтах, эти дивизии топчутся на месте, ведут себя пассивно, а их командиры не умеют поднять массы на разгром врага.

За плохое руководство в первый день операции, пассивность и нетребовательность генерал-майору Горбатову, полковнику Берестову ставлю на вид, предупреждаю о неполном соответствии. Подполковнику Бойко объявляю выговор, а о командующих артиллерией дивизий подполковниках Лихачева и Воскресенского возбудить ходатайство об отстранении от должности и предании суду военного трибунала».

Второй документ, подписанный Военным советом тогда же, 9 марта, гласил:

«Командиру 226-й сд генерал-майору Горбатову.

Ваши *преступные действия* сорвали выполнение боевого приказа. Перейдите в решительное наступление вдоль Рубежное на Верх. Салтов».

Наскоро ознакомься с этими документами, я вернул их привезшему и приказал ему ехать обратно. «Плохое, позорное, граничащее с преступлением, нерешительное, пассивное поведение... предать суду военного трибунала...» Вспомнился и вопрос: «Кому служите?» Но от этих незаслуженных оскорблений меня отвлекли вражеские пули и снаряды.

К 17 часам мы с соседом очистили от противника Рубежное, захватили пленных, десять орудий (из них четыре — 150-миллиметровых). Я приказал наступать на Верхний Салтов.

11-го мы освободили Верхний Салтов и Петровское, а 12-го овладели большим торговым местечком Старый Салтов и даже заняли еще село Молодовое. За три дня боев мы захватили 42 орудия, 51 миномет, 71 пулемет, 55 автоматов, 400 винтовок, 82 лошади, 16 кухонь, 72 повозки, 6 раций, 41 склад с боеприпасами, продовольствием и вещевым имуществом и другие трофеи.

13 марта овладели деревнями Федоровка, Октябрьское, селами Песчаным и Драгуновка. В этот день самый малолюдный 989-й стрелковый полк прикрывал на широком фронте открытый правый фланг далеко выдвинувшихся других полков, занимал Федоровку, Октябрьское, Песчаное и далее. В полдень из села Непокрытого на село Песчаное противник перешел в контратаку, которая в яростном бою была отбита. В Песчаном нами было захвачено 56 пленных.

Перед вечером противник, как бы мстя за захваченных пленных, снова перешел в контратаку, но уже с танками при яростной бомбардировке 26 самолетами. Песчаное нами было оставлено, а два полка, находящиеся далеко впереди, оказались отрезанными, и связь с ними была прервана.

В то же время правый сосед был выбит из Перемога, Купьеваха и Драгуновки, а левый сосед успеха не имел. Организованная нами попытка овладеть селом Песчаным успеха не принесла.

Тяжело было думать об участи двух наших полков, отрезанных противником. А тут еще командарм постоянно грозил судом, от него неслись выкрики: «Это предательство, проявление трусости и бездеятельности, сниму с должности, предам суду» и т. п.

На другой день прибыл в дивизию прокурор армии для расследования и предания суду моего заместителя по артиллерии В.М. Лихачева. Но я не допустил расследования, резко заявив прокурору:

— Товарищ Лихачев — честный и преданный нашей Родине командир, он добросовестно выполнял все мои приказания, а потому ни в чем не виноват. Если вам это не нравится, то судите меня.

Прокурор уехал.

В ходе войны мое высокое мнение о личных качествах, знании дела, самоотверженности Владимира Матвеевича Лихачева полностью подтвердилось. Он заслуженно признан одним из выдающихся артиллерийских начальников. Ныне он генерал-полковник артиллерии.

Много мы пережили, передумали в эту ночь, и не так из-за циничных и незаслуженных угроз командарма, как из-за отсутствия связи с двумя полками. Полки в это время, отразив сильные контратаки у Червоной Роганки, искали выхода и без дорог, полями и лесами, в течение ночи выходили из окружения. Утром 16 марта полки появились в районе Молодовое—Старый Салтов. С неопишуемой радостью я обнял командиров и комиссаров полков!

Нельзя не отметить, что те большие успехи, которых добилась наша дивизия за шесть суток наступления, были результатом проявленной нами инициативы. Правда, мы брали на себя очень многое, но добросовестно все выполняли, как то: овладение за нашей правой границей сначала селом Рубежным, а потом деревней Драгуновкой, за левой границей — селом Молодовым, и этим дали возможность соседу форсировать реку. А какое громадное значение имело наступление во фланг и овладение селами Верхний Салтов и Старый Салтов с минимальными потерями!

Мне могут сказать, что это делалось по приказу сверху. Нет, это по нашему подказу, по нашей инициативе, таких приказов не было.

Приказов было много, и все они с 12 марта по 1 апреля говорили одно и то же: 38-я армия блокирует Огурцово¹, овладевает селами Старица, Непокрытое, Большая Бабка, каждому соединению приказывалось перейти в решительное наступление.

¹ О г у р ц о в о — маленькая деревня на восточном берегу реки, и ее блокировали 20 дней.

Сколько там совершенно бесцельно потратили сил! Все приказы, кроме приказа от 5 марта, опаздывали. Например, по приказу № 0042/оп мы должны начать наступление на село Червоная Роганка в 10.00 15 марта 1942 года. Мы же Байрак захватили 14 марта. Другие писались на догадках и вымыслах. Таковы приказы № 0226/оп и 0278/оп, из которых один отменен, другой повис в воздухе. Приказ № 00258/оп содержал сплошную клевету.

Сменив части 169-й стрелковой дивизии, 21 марта мы наступали на село Драгуновка Западная, ворвались в него, захватили 3 орудия и 4 миномета, а потом контратакой противника были выбиты и отошли в исходное положение. 22 марта повторили атаку, но успеха не имели.

Вечером донес о результатах двухдневного наступления и больших потерях. Кроме того, высказал мысль, что здесь до нашей дивизии велось наступление другими соединениями десять дней подряд и они ничего не добились. Считал целесообразным прекратить наступление. В тот же вечер мы получили приказ № 0226/оп, в котором говорилось: «16 марта отряд противника силой до 2-х рот с двумя танками общей численностью 200 человек появился перед селом Песчаное. Части 226-й стрелковой дивизии, увидев противника, сбежали, оставив село противнику». Эти сведения получены от захваченных пленных.

Я вызвал к телефону командующего и спросил его, откуда они взяли такие нелепые сведения.

— Читайте внимательно мои приказы, там сказано откуда, — услышал я в ответ.

— Мы вам доносили, что первая контратака на Песчаное была в полдень 14 марта отбита, и не частями 226-й стрелковой дивизии, а одним подразделением 989-го стрелкового полка нашей дивизии, причем были захвачены пленные. Лишь в результате второй контратаки противника превосходящими силами пехоты с танками и при ожесточенной бомбардировке авиации село было оставлено. Почему вы верите больше пленному, чем мне? Почему не задали пленному простой вопрос: если наши оставили село, только завидя немцев, то кто же захватил пятьдесят шесть пленных? Считаю приказ сплошным вымыслом и клеветой на 226-ю дивизию.

В ответ я получил лишь новую серию отборных оскорблений.

В тот же вечер я позвонил Маршалу Советского Союза Тимошенко и попросил его вызвать меня к себе вместе с командармом, чтобы в его присутствии объяснить. Через несколько

дней, по пути к главкому, я взял с собой семь приказов, направленных в дивизию армией за последние десять дней, в которых все командиры и комиссары дивизии получили взыскания и, кроме того, были предупреждены о неполном служебном соответствии, с угрозой снятия с должности и предания суду. Большинство командиров дивизий имели уже до четырех взысканий и предупреждений. Приказы составлены были в оскорбительных выражениях: «В частях армии прочно свила себе гнездо ложь, граничащая с предательством, что особенно развито в 300, 124, 227-й стрелковых дивизиях... (указаны звания и фамилии командиров), военному прокурору немедленно начать следствие на предмет предания суду виновных».

Приказ № 0230/оп: «Боевые действия у села Байрак показали преступную беспечность 1-й гвардейской стрелковой дивизии и 81-й стрелковой дивизии, граничащую прямо с изменой и предательством. Таковую же позорную роль сыграла 227-я стрелковая дивизия.

Командира и комиссара 81-й стрелковой дивизии отстранить от должности и предать суду военного трибунала. Командиру и комиссару 227-й стрелковой дивизии объявить выговор» (третий или четвертый по счету).

Остальные приказы были подобного содержания.

В приказе № 0209/оп обвиняются в неудовлетворительных действиях все командиры и экипажи танков в 10-й танковой бригаде, кроме экипажей, приданных 226-й стрелковой дивизии.

Я решил рассказать Военному совету фронта все по порядку, начиная с бесцельных, непрерывных атак на одни и те же пункты в течение 10—15 дней, при больших потерях.

Когда я вошел к маршалу Тимошенко, в комнате были член Военного совета Н.С. Хрущев, начальник штаба И.Х. Баграмян и командующий 38-й армией К.С. Москаленко. После того как я представился и поздоровался, главнокомандующий юго-западным направлением Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко спросил меня:

— Ну, рассказывайте, что вы там не поделили?

Доведенный оскорблениями до белого каления, в запальчивости я, показывая рукой на командарма, ответил:

— Это не командарм, это бесплатное приложение к армии, бесструнная балалайка.

Ко мне подошел Н.С. Хрущев и, положив на мое плечо руку, укоризненно сказал:

— Товарищ Горбатов, разве можно так говорить о командарме, да еще во время войны?

— Товарищ генерал, — ответил я Хрущеву, — прошу меня извинить за резкость, но то, что сказал, я доложил Военному совету фронта в присутствии командарма, а не шепотом на ухо, кому-то на базаре.

Н.С. Хрущев посмотрел на главкома, а затем вновь с вниманием выслушал мои взволнованные слова:

— Больше терпения нет, товарищ член Военного совета. Я сказал то, что думаю. За пять дней наши дивизии захватили не одну сотню пленных, десятки орудий и минометов, и все потому, что действовали по своей инициативе, вопреки приказам командарма. Все руководство командарма заключается в самом беспардонном отношении к подчиненным. Мы только и слышим: «Гитлеру помогаешь, фашистам служишь, предатель!» Надоело слушать и бесконечную брань. Неужели командарм не понимает, что своим поведением не мобилизует подчиненных, а только убивает их веру в свои силы? Подобные оскорбления я слышал в Лефортовской тюрьме от следователя и больше слушать не хочу. Сначала я думал, что командарм позволяет себе так разговаривать только со мной, недавно прибывшим с Колымы. Но это трафарет и применяется к каждому из подчиненных. Все мы честно служим и будем служить нашей Родине и партии, но незаслуженная ругань на любого человека действует отвратительно. Прошу оградить нас от нее, так как она приносит колоссальный вред нашему делу.

Главком выслушал меня очень внимательно и, обращаясь к командарму, сказал:

— Я же вас предупреждал, что грубость ваша недопустима, но вы не сделали нужного вывода из этого замечания. Надо с этим кончать.

А мне посоветовал не горячиться. Расспросил о состоянии дивизии и, уточнив, что и у члена Военного совета ко мне вопросов больше нет, разрешил ехать в дивизию.

За все это время командарм не сказал ни одного слова.

Возвращаясь в дивизию, я обдумывал все сказанное и слышанное. Ругал себя за то, что погорячился: нельзя на грубость отвечать грубостью, нужно было спокойно рассказать все по порядку. И потом, если командарм так плохо относился ко мне до этого разговора, то что же будет теперь? Он может поставить дивизию в тяжелейшее положение, чтобы обвинить меня, и из-за

меня пострадают сотни людей. «Но нет, — возражал я себе. — С таким грубияном иначе и нельзя. Ведь он ни разу не был на наблюдательном пункте, не слышал вражеских пуль. За любую осечку в наступлении или в обороне он сыплет угрозы. Нет, пусть Военный совет призовет его к порядку. Но нужно быть начеку, он этого не простит никогда».

После моей поездки в Военный совет оскорбительных приказов стало заметно меньше. Но командарм меня полностью игнорировал и сносился со мной только через начальника своего штаба генерал-майора С.П. Иванова. Мне с Семеном Павловичем было куда приятнее иметь дело — я уважал его за хладнокровие и знание дела. Он всегда спокойно выслушает, расспросит, даст ценный совет и если необходимо, то поможет.

После того как наши дивизии были обескровлены в беспешных боях, 24 марта противник нанес контрудар, овладел рядом деревень и важным населенным пунктом Байрак. Дивизии 1-я гвардейская, 81-я, 227-я, оборонявшиеся правее нашей 226-й стрелковой дивизии, были вынуждены отойти к селу Рубежному.

Для восстановления положения армия привлекла 3-й кавкорпус, 6-ю танковую бригаду, 81-ю и 227-ю стрелковые дивизии. Частью оно было восстановлено, но важный пункт — село Байрак — остался у противника, хотя 3-му кавкорпусу и 6-й танковой бригаде было приказано перейти в решительное наступление и овладеть Байраком. Я думал: как бы командарм их ругал, если бы своевременно не был вызван в Военный совет.

В результате появился приказ с объявлением благодарности командиру кавалерийского корпуса В.Д. Крюченкину, комиссару Ф.П. Лучко, командиру 6-й танковой бригады А.М. Хасину. Василия Дмитриевича Крюченкина я знал как отважного командира, но на этом пяточке плацдарма конница не могла проявить полностью своих преимуществ. Для меня было понятно: командарм хотел показать, что он умеет не только оскорблять, но и благодарить. Поскольку среди захвативших плацдарм и трофеи «не было достойных похвалы», он похвалил тех, кого еще не успел унижить и оскорбить. Но 226-ю стрелковую дивизию, и особенно меня, командарм не забывал. 30 марта в приказе по армии был объявлен новый вымысел, будто 40 человек из нашей дивизии сдались в плен. Расследование, назначенное по моей просьбе, подтвердило, что у нас такого случая не было, а 5 апреля был получен новый приказ с объявлением мне выговора. В этом прика-

зе говорилось: «В течение всей операции, особенно в последнее время, генерал-майор Горбатов занимается критиканством, писаниной, волокитой, огульным охаиванием нашей авиации и частей армии. Успех прорыва приписывает себе и напрашивается на похвалу». В заключение было сказано: «По-видимому, этот порок у него был и раньше...»

Прочитав приказ, начальник штаба Бойко с возмущением сказал:

— О какой писанине и волоките, о каком критиканстве идет речь? Мы, кроме боевых приказов, оперативных и разведывательных сводок и заявок, ничего в армию не писали.

А комиссар Горбенко шутя заметил:

— Как — не писали? Писали, что один наш самолет бомбил наш полк, писали о бесцельных атаках на Драгуновку, опровергли возведенную на нашу дивизию клевету. Чем не критиканство?

Я же подумал: «Не знаете вы, мои товарищи по оружию, о моей характеристике, данной командарму на Военном совете. Вот где собака зарыта». А еще подумал: «Как я прав в оценке этого человека, что он труслив». Ведь он не мог набраться смелости и сказать, в чем не прав я, а поэтому критику в мой адрес перевернул на критиканство частей и соединений армии. Ну а насчет похвалы, то я не напрашивался на похвалу, но считал бы достойным, если бы 226-ю стрелковую дивизию похвалили за ее боевые действия. Я опасался, что командарм не забудет моих предерзостных речей в присутствии главнокомандующего, члена Военного совета, и это подтвердилось: многие из представленных нами к награде красноармейцев, командиров и политработников дивизии за мартовскую операцию оказались не награжденными. Ну а обо мне, как «помогавшему фашистам», и не могло идти и речи.

Вскоре были подведены итоги мартовской операции. Штаб армии извещал войска о захвате 500 пленных, 63 орудий, 173 пулеметов, 115 автоматов, 858 винтовок и 14 раций. Командирам дивизий предлагалось представить отличившихся к наградам.

Горбенко вынул свою записную книжечку, перелистал странички и сказал, что среди десятка дивизий, принимавших участие в наступлении, наша выглядит неплохо. Из всего захваченного армией 226-я стрелковая захватила больше половины всех пленных, 48 орудий (из них половину тяжелых), 71 пулемет, 55 автоматов, 400 винтовок, 82 лошади, 16 кухонь, 12 раций. Не-

понятно, почему в приказе ничего не сказано о захвате минометов — нами одними взято 55. Придется многих вновь представить к наградам...

Мы были горды за свою славную 226-ю стрелковую дивизию, довольны работой, проведенной командирами, партийными и комсомольскими организациями¹.

Скучно было сидеть на плацдарме во время весеннего паводка, когда долина реки шириной в километр была залита водой, когда нас с восточным берегом соединяла узкая насыпь, размываемая вешней водой, а мост у Старого Салтова систематически разбивала авиация противника. Немецкие самолеты засыпали плацдарм листовками, в которых нам предлагалось уйти с него подобру-поздорову, чтобы «не купаться в воде Северского Донца»...

Я часто бывал у своего правого соседа, прекрасного товарища и волевого боевого командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии А.И. Родимцева, а он в свою очередь бывал у нас. Мы обсуждали создавшееся положение, обменивались мнениями о работе в дивизиях, а иногда отдыхали за шахматами. Я рассказывал о мартовских событиях в 1917 году, о гибели трех наших пехотных дивизий на плацдарме за рекой Стоход. Тогда немцы сначала разрушили все переправы на реке, а потом, приме-

¹ В своих воспоминаниях «На юго-западном направлении» К.С. Москаленко пишет:

«В мемуарной литературе... до настоящего времени никто не освещал этого периода боев под Харьковом. Те, кто участвовал в операции, предпочитают писать только о своих личных переживаниях, не касаясь основных событий и своего места в них...»

Днем 6 марта под прикрытием сильной снежной пурги и в ночь на 7 марта войска заняли исходное положение для наступления... Несмотря на значительные недостатки, все же некоторые результаты первого дня радовали. Особенно важно было то, что удалось в нескольких местах форсировать Северский Донец и захватить плацдармы на его западном берегу...

Хуже складывалась обстановка в центре, где не удалось ликвидировать опорные пункты врага на восточном берегу Северского Донца. Тут вели бои 226-я и 124-я стрелковые дивизии. Ими командовали соответственно генерал-майор А.В. Горбатов и полковник А.К. Берестов...

Мы попытались хоть отчасти поправить дело и послали на центральный участок офицеров штаба для оказания помощи в организации дальнейшего наступления... Но, к сожалению, и это не помогло. 226-я и 124-я стрелковые дивизии продолжили по существу топтаться на месте».

(Москаленко К.С. На юго-западном направлении. М., 1979. Т. 1. С. 141, 145, 147, 148.) (Примеч. ред.)

нив много артиллерии и газы, после третьей атаки захватили плацдарм.

— Тогда немцы не предупреждали листовками о предстоящем наступлении, — говорил я Родимцеву, — а сейчас предупреждают. Похоже на то, что у них здесь нет сил для наступления. И все-таки нам нельзя сидеть сложа руки: кто знает, не сделают ли они попытку сбросить нас в реку.

Я же с интересом слушал воспоминания Александра Ильича о его участии в национально-революционной войне испанского народа в 1936—1937 годах. О боях против мятежных войск генерала Франко, вооруженных германским и итальянским оружием, под Мадридом, Гвадалахарой, Брунете, Тэруэлем. Глядя на него, гордился его Золотой Звездой Героя Советского Союза, орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени, которых он был удостоен в те далекие, трудные годы на испанской земле. В Великой Отечественной войне генерал Родимцев, командуя той же 13-й гвардейской дивизией, особенно отличился в жесточайших сталинградских боях. И как память о тех суровых днях, жестоких боях за Мамаев курган, вокзал Сталинград-1, улицы и дома Сталинграда на откосе Волги горят слова: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева и, выстояв, победили смерть». Он участвовал в Берлинской и Пражской операциях. Был награжден второй медалью «Золотая Звезда». С А.И. Родимцевым было легко и приятно, наше боевое чувство локтя было обоюдным.

Мы проводили большую работу по укреплению нашей обороны, совершенствовали систему огня. Дивизионная артиллерия, отведенная на восточный берег, находилась в самой высокой готовности к открытию огня, полковая была поставлена на прямую наводку для стрельбы по танкам. Пользуясь системой наблюдательных пунктов, поднятых до вершин деревьев, мы старались просматривать глубину обороны противника и видеть то, что он тщательно скрывает от нас: при обороне плацдарма особенно важно, чтобы враг не напал внезапно.

На наблюдательные пункты (НП) мы назначили по четыре человека, одного из них старшим. Эти люди не сменялись ежедневно, а закреплялись за определенным сектором на десять суток. Их учили хорошо запоминать местность и каждое утро проверять, не произошло ли за ночь изменений. Службу наблюдатели несли круглосуточно, меняясь через час или два (в том числе и старший). В тетрадь наблюдений записывали виденное и слышанное днем и ночью.

Как важно закреплять людей за определенным сектором наблюдения, мы убеждались не раз.

Я прибыл на один из НП и задал обычный вопрос:

— Что нового, товарищи?

— Нового ничего нет, — ответил старший. Но один из красноармейцев сказал:

— Что-то мудрит немец. Вчера ночью привез бревна вон на ту высоту, весь день держал там, а этой ночью снова их увез.

— А как думаете вы?

— Наверно, хотел строить НП, а потом раздумал.

Похвалив его, я сказал, что и по-моему это очень вероятно. И тут другой боец, наблюдавший во время нашего разговора в бинокль, вдруг воскликнул:

— Да он его уже за ночь построил! Мы всегда видели на этой высоте высокий куст, а сейчас он совсем маленький, только верхушка видна.

Старший взял бинокль, присмотрелся и сконфуженно признал:

— Да, правильно. Как это я не заметил?

На другом НП мне доложили, что за ночь противник вспахал длинную полосу шириной метров в тридцать, один ее конец упирается в кусты, а другой скрывается за бугром. Когда бойцы спросили меня, зачем это, я ничего не мог сказать определенно. Похвалил их за наблюдательность и предложил внимательно присматриваться.

— К люльке маленького ребенка, — сказал я, — подвешивают что-то блестящее. Ребенок смотрит, увлекается и не плачет. Глядите, может, противник и ваше внимание хочет отвлечь этой вспаханной полосой. Наблюдайте за всем сектором.

Придя на этот пункт через два дня, я узнал, что на вспаханной полосе появилась еле заметная зигзагообразная полоска.

— Это ход сообщения, — сказал боец. — Видно, в кустах расположен немецкий наблюдатель или туда выставляют на ночь секрет.

Вот для чего нужна была пахота: если бы ход сообщения проложили по стерне непаханого поля, он был бы хорошо виден, а на вспаханном черном поле его разглядеть нелегко.

Мне осталось только поблагодарить солдат за зоркость и бдительность.

На некоторых НП я подолгу задерживался, всматривался сам в каждую подозрительную деталь в глубине обороны про-

тивника, расспрашивал бойцов, с удовольствием замечал, как они бывают довольны, наводя меня на решение какой-нибудь очередной загадки.

11 мая 1942 года мы готовились к большому наступлению.

После суровой зимы весна на юге началась рано: в конце апреля появилась травка на лугах, затем и лес оделся листвой, а сейчас и черемуха стояла в полном цвету.

Артиллерийская подготовка была назначена на 6 часов, а начало наступления на 7 часов 30 минут. Учитывая, что день будет тяжелый, — трудно было сказать, когда и где бойцы получат передышку, — мы дали указание: ужином накормить до 20 часов, в 21 час людей уложить спать и обеспечить всем девятичасовой сон, подъем произвести в 6 часов утра, с началом артподготовки, а до семи раздать сытный завтрак.

Как всегда перед боем, я, стараясь справиться с неизбежным волнением, мысленно проверял, все ли предусмотрено. В этих случаях хочется побыть одному. Я ходил взад-вперед по лесу, где расположился 985-й стрелковый полк. Вечер был очень теплый. Проходя по расположению батальонов, я видел, что все лежат, обняв свое оружие, но никто не спит; кое-кто тихонько перешептывался с соседом. Как знакомы мне эти солдатские думы перед наступлением! Одни думают о близких, о родных, другие — о том, будут ли живы завтра, третьи ругают себя за то, что не успели или забыли написать нужное письмо. Вспомнилось, что и сам вот так не мог заснуть перед наступлением, когда был солдатом, хотя смерти или ранения я не ожидал никогда. Вспомнилось и то, как по молодости лет я думал: самая тяжелая служба солдатская, легче быть отделенным командиром, а еще легче командовать эскадронам. Поднимаясь по командной лестнице, я убеждался: чем выше пост, тем труднее, тем больше ответственности ложится на плечи.

Когда я подходил к какой-нибудь группе, шепот затихал, некоторые солдаты закрывали глаза, хотели казаться спящими. Я останавливался и спрашивал: «Почему не спите?» или: «Почему замолчали?» Одни отвечали просто: «Не спится», другие: «Увидели вас, вот и замолчали, потому что приказано спать». Когда спросил, как они меня разглядели в темноте, кто-то ответил: «Мы вас хорошо знаем», и другие голоса из-под кустов это дружно подтвердили. Я был так тронут таким ответом, что поспешил уйти, чтобы не выдать своего волнения, и только посо-

ветовал скорее засыпать, ни о чем не думать и твердо верить, что завтра будешь жив и здоров.

Но я знал, что враг, стоящий против нас, силен и многим из тех, с кем я разговариваю, не придется больше писать писем.

С четырех часов я был на ногах и снова прошелся по лесу. Было уже светло, но все спали крепким сном, хоть птицы щебетали на все голоса. В первый раз я был зол на них в это раннее майское утро, особенно на тех, которые пели громко. Я боялся, что они разбудят солдат, которые, вероятно, заснули лишь перед рассветом, — им надо было поспать еще хоть часок.

«Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» Не случайно появилась эта прекрасная песня, так верно отвечающая переживаниям фронтовиков.

На НП дивизии мой заместитель подполковник Лихачев доложил, что все готово, часы сверены, осталось пять минут.

Ровно в 6 часов дружно заговорили все стволы артиллерии. Пока шла артподготовка, солдат подняли, накормили сытным завтраком. В 7 часов 30 минут мы пошли в наступление и овладели высотой 199.0 — основным опорным немецким пунктом, прикрывавшим село Непокрытое. К 16 часам Непокрытое было в наших руках. На другой день мы овладели Червоной Роганкой и рядом высот западнее. Противник контратаковал нас, но без успеха. Мы захватили пленных.

В это время от левого соседа, 124-й стрелковой дивизии, поступило уведомление, что его контратакуют с юго-запада пехота и до сотни танков. Несколько позднее мы наблюдали отход этой дивизии; противник занял Песчаное за нашим левым флангом. А на нас двигалась пехота с 50 танками. Сутки мы отбивали атаки, а потом вынуждены были оставить Непокрытое и высоту 199.0. За три дня боев мы захватили 126 пленных, 28 орудий (из них 15 тяжелых), 20 минометов, 45 пулеметов, много боеприпасов и других трофеев.

Вторая половина дня прошла для нас в обороне и безрезультатных попытках взять высоту 199.0.

Противник перешел в общее наступление. 11 июня мы получили приказ отойти за Северский Донец, а потом за реку Гнилушку. На этой реке все наши три полка оборонялись на широком фронте. Когда левый сосед — 38-я стрелковая дивизия — под давлением противника отошел, не предупредив нас, противник атаковал нас во фланг и с фронта и потеснил наши полки. В этом бою был тяжело ранен комиссар дивизии Горбенко, на-

ходившийся рядом со мной. Я с грустью расстался с моим боевым товарищем, прекрасным коммунистом.

20 июня наша дивизия — впервые за восемь месяцев боев — была выведена в резерв в район Волоконовки. Мы в это время находились уже в составе 28-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Д.И. Рябышев. Членом Военного совета был Н.К. Попель, начальником штаба — А.А. Мартьянов.

22 июня я закончил командование 226-й стрелковой дивизией, с которой успел сродниться¹. Грустно было расставаться с товарищами, которых учил и у которых сам многому научился. Но не стыдно было сдать новому командиру полковнику М.А. Усенко дивизию, на счету которой числилось более 400 захваченных пленных, 84 орудия (из них половина тяжелых), 75 минометов, 104 пулемета и много других трофеев. В тот период такому количеству захваченного могли позавидовать не только многие дивизии, но и некоторые армии.

Сдав 226-ю стрелковую дивизию и тепло распрощавшись со своими сослуживцами, убыл на Юго-Западный фронт, где я должен был вступить в должность инспектора кавалерии. Не могу сказать, что это назначение мне нравилось. В 1912 году я с радостью встретил весть, что направляюсь на службу в конницу, хотя там придется служить лишний год. В коннице я прослужил 28 лет; этот род войск я любил больше, чем какой-либо другой. Но с появлением авиации и танков, начиная с 1935 года, у меня появилось сомнение в современных возможностях конницы. Особенно, думал я, будет трудно коннице проявить себя на западном театре войны. Именно из этих соображений перед началом войны и высказал желание служить в стрелковых войсках.

Первый год войны подтвердил мое мнение, что на смену коннице пришли танки, авиация и моторизация войск. Вот почему без энтузиазма я встретил свое назначение. Кроме того, долж-

¹ 226-я стрелковая дивизия в составе 66-й армии (с 1943 г. 5-я гвардейская армия) участвовала в Сталинградской битве. 14 мая 1943 г. за мужество и отвагу, стойкость и героизм личного состава 226-я стрелковая дивизия была преобразована в 95-ю гвардейскую дивизию. Ее удостоили почетного наименования «Полтавская», ордена Ленина, орденов Красного Знамени, Суворова и Богдана Хмельницкого. Вступив в первый бой 31 августа 1941 г. на левом берегу Днепра, северо-восточнее Днепропетровска, свой боевой путь дивизия завершила в Пражской операции. (*Примеч. ред.*)

ность инспектора в значительной мере канцелярская и противоречила моей натуре — я больше всего не любил писанины. Ну какой из меня инспектор? — думал я. Несмотря ни на что, пришлось мучиться три месяца в этой должности, но и в ней я находил себе интересную работу.

В результате неудачи советских войск под Харьковом и общего отступления на юге линия фронта в июле—августе переместилась на Дон и на восток от Ростова. В связи с прорывом немецко-фашистских войск в большую излучину Дона 17 августа 1942 года началось величайшее сражение Великой Отечественной войны — Сталинградская битва, в ходе которой армии фашистского блока потеряли до 1 миллиона 500 тысяч человек.

В августе наша инспекция оказалась в Сталинграде. Меня, в течение десяти месяцев не удалявшегося от противника дальше чем на пушечный выстрел, город поразил своей обычной, почти как в мирное время, деловитостью и спокойствием. Заводы, учреждения работали четко. Странно как-то было видеть по-мирному одетых людей, отдыхающих в теплые августовские вечера на улицах города или на набережной Волги.

Прибытие штаба фронта для горожан было как будто неожиданным, оно сняло облик тылового города и наложило отпечаток прифронтового. Лица горожан делались суровыми, разговор стал тише, доходящим до шепота, часто и с тревогой возникали вопросы о положении на фронте, взгляды в сторону военных казались укоризненными, но в разговорах не допускали мысли, что город будет оставлен противнику.

Мне вспоминалась Москва, когда десять месяцев назад я был там после ранения, встречал такие же укоризненные взгляды. Как стыдно было видеть эти взгляды, как хотелось быть в это время не в городе, а там, вблизи противника, где идут жестокие бои.

Чем ближе приближался фронт, чем больше наводнялся город военными, тем тревожнее и лихорадочнее билась в нем жизнь. Потом началась эвакуация города, а вместе с ней переход второго эшелона штаба фронта на восточный берег Волги. За Волгой мне стало совсем невыносимо. Оставил за себя отважного командира, донского казака из станицы Клетской Ивана Федоровича Сухорукова, в котором я был уверен, что служба им будет организована, порядок в инспекции будет должным, и выехал к А.И. Еременко, командующему Сталинградским фронтом.

Командный пункт находился в одном из оврагов города. Когда я вошел к командующему фронтом, у него были член Во-

енного совета Н.С. Хрущев и приехавший из Москвы генерал А.М. Василевский. На их лицах я прочел тревогу и понял, что я прибыл не вовремя.

Представился и поздоровался. Обращаясь ко мне, Андрей Иванович сказал:

— Давно не виделись с вами, Александр Васильевич, что скажете?

— Не могу сидеть на восточном берегу в этой обстановке, прошу дать какую-нибудь оперативную работу, на инспекторской работе задыхаюсь от безделья, с моей работой и майор справится.

Мне показалось, что на вопросительный взгляд А.И. Еременко, брошенный в сторону Н.С. Хрущева, который стоял в стороне и сбоку от меня, Никита Сергеевич ответил каким-то знаком. А.И. Еременко сказал:

— Зайдите через часок.

Этот час я ходил около командного пункта и думал: вероятно, хотят обменяться мнением о моей персоне без моего присутствия. Ровно через час я зашел снова, у командующего уже было готово для меня поручение.

Обращаясь ко мне, командующий сказал:

— Ну вот. Обстановка такова. Противник форсировал Дон, устремился к Волге, — полагаю, к южной окраине Сталинграда. С севера к городу идет наш корпус в составе трех стрелковых дивизий. — Он указал, по каким дорогам. — Вам нужно их встретить и поставить для обороны юго-западной окраины города.

На моей карте начертил рубежи обороны. Убедившись, что задача понятна, сказал:

— Ну, в час добрый, спешите.

Я был очень рад, что получил хотя временную, но работу, которая мне нравится. Подъезжая к Городищу, встретил одну дивизию, нашел ее командира, поставил ему задачу. А когда ехал, чтобы встретить третью дивизию, увидел танки, идущие двумя колоннами прямо по полю, за ними пехоту на машинах, а в воздухе большое количество авиации. У меня не было сомнения в том, что это противник, хотя колонны находились от меня далеко, и что он идет не к южной, а к северной окраине города. Я остановился, какое-то время думал, что делать. Решил, во-первых, не ехать дальше для встречи дивизии, да и не мог из боязни быть отрезанным противником от города; во-вторых, изменить задачу уже встреченным дивизиям, но прежде заехать на зенитные батареи, которые стояли недалеко от дороги и вели огонь по са-

молетам противника. Сначала подъехал к ближайшей батарее; к счастью, на ней оказался полковник-зенитчик; показав ему на колонны танков и пехоты противника, приказал всеми зенитными стволами этого района бить не по самолетам, а по наземным колоннам противника, чтобы выиграть время. Полковник еще при мне приказал батарее опустить стволы и начать обстрел танков и обещал дать такие же указания другим батареям. Я видел, как под ливнем снарядов зениток нарушился стройный порядок походных колонн противника, а на суровых лицах зенитчиков появились довольные улыбки.

После этого я поспешил изменить задачу первым двум дивизиям, предположив, что огонь зениток по танкам насторожит третью по счету дивизию и противник не застанет ее врасплох. Догнал одну и другую, объяснил изменившуюся обстановку и указал им рубежи для обороны северо-западной окраины города.

Получилось удачно: вместо того чтобы дивизиям идти еще 15 километров, им пришлось перейти к обороне почти в том же районе, где они находились, с выдвижением отдельных частей на 3—5 километров. Я рекомендовал командирам дивизий немедленно поставить артиллерию на огневые позиции, выбросить вперед наблюдательные пункты и обеспечить ведение огня по противнику еще до занятия оборонительных рубежей стрелковыми полками с КП фронта, рассказал им, как связаться с командным пунктом, после этого поехал для доклада командующему фронтом.

Сдерживая возбуждение, вошел к командующему фронтом.
— Ну что, встретили? — спросил он.

Я доложил, что видел, что сделал и где КП двух дивизий. Видно было, что мой доклад был первым сообщением о такой близости противника и о том, что он идет не на южную, а на северную окраину города.

Командующий согласился с изменением задач дивизиям, поблагодарил за выполнение задания и тут же послал меня на Тракторный завод, чтобы все отремонтированные танки отправить в две стрелковые дивизии, занявшие оборону. Кроме того, приказал проехать в военное училище, находившееся в северной части города, и изготовить его к бою как воинскую часть.

Когда я прибыл на завод, там уже было получено аналогичное распоряжение по телефону, мне пришлось лишь уточнить, куда направить танки, и распорядиться, чтобы танки, отремонтированные на следующий день, были направлены на усиление военного училища.

Лишь поздно вечером 22 августа вернулся усталый, но очень довольный своим рабочим днем. Когда докладывал командующему, снова видел у него не только Н.С. Хрущева, но и члена ГКО Г.М. Маленкова и начальника Генерального штаба генерала А.М. Василевского.

На другой день противник вышел к Волге севернее города. На направлении главных ударов войск противника при его огромном превосходстве в силах и средствах развернулись ожесточенные бои, но расширить прорыв и захватить северную часть города противник не смог. Необходимо добавить: в этот день на город было совершено около двух тысяч вылетов бомбардировщиков. Город горел. В дни ожесточенных боев мне поручали много различных заданий оперативного характера, не думаю, что их нужно описывать, коснусь нескольких наиболее интересных случаев, характерных для первой недели обороны на Волге.

Случай первый. Тогда же, 23 августа, поздно вечером не успел прилечь, как вызвали к командующему. Прибыв к нему, получил приказание в течение ночи проехать в западном направлении и встречным соединениям передать приказание о переходе к обороне на рубеже, который командующий начертил на моей карте.

Выполнение этой задачи в условиях совершенно темной ночи и однообразной местности было нелегко. Не случайно командующий фронтом предупредил, что нужно быть осторожным. Я понимал, что в этих условиях придется смотреть больше на спидометр машины, чтобы учитывать пройденное расстояние, и ориентироваться по количеству оврагов, а поэтому, удалившись в одну из комнат, хорошо изучил по карте маршрут, сосчитал количество оврагов и измерил расстояние между ними.

Ночь была исключительно темная. Однако первые 25 километров мы проехали быстро, потом часто останавливались, людей из встречных машин спрашивали, из какой части, где их штаб. На первый вопрос отвечали определенно, на второй — просто «не знаем», потом машины перестали нам встречаться.

Мы ехали с потушенными фарами, часто останавливались и прислушивались. На одной из таких остановок в 40 километрах от Волги услышали отдаленный шум танков, идущих без света навстречу. Чьи? Наши или противника? Без света могут идти те и другие. Решил съехать с дороги метров на сто и пропустить их, надеясь услышать русскую речь: ведь люки ночью открыты и танкисты могут переключаться между собой.

Александр Васильевич Горбатов

А.В. Горбатов в период службы в 17-м гусарском Черниговском полку. 1912 г.

Командир Отдельной Башкирской кавалерийской бригады А.В. Горбатов (*сидит третий слева*) с ее командным составом

Командиры и политработники 2-й кавалерийской дивизии. *Сидят:* в центре — комдив П.П. Григорьев, второй слева — А.В. Горбатов

А.В. Горбатов на стрельбище проверяет подготовку пулеметчиков

Командный состав Среднеазиатского военного округа. Второй справа – А.В. Горбатов

Командир 4-й Туркменской горнострелковой кавалерийской дивизии А.В. Горбатов (в первом ряду третий слева) с командным составом соединения, 1933 г.

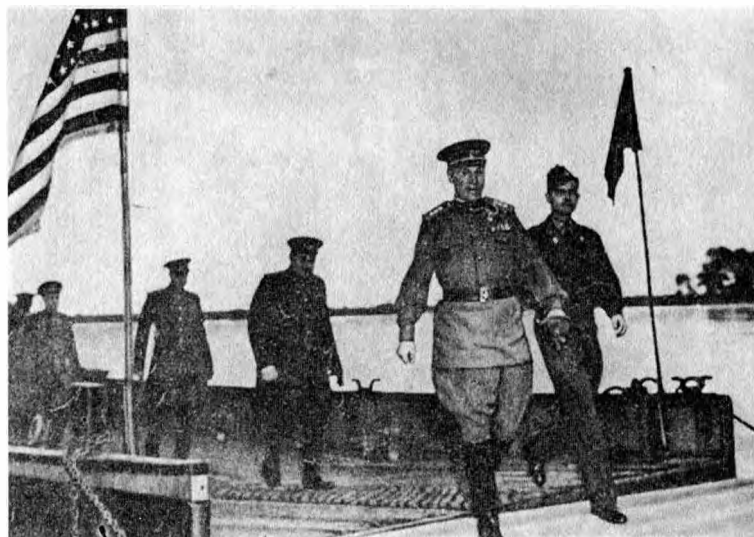
На рекогносцировке. Справа — командующий 3-й армией генерал-лейтенант А.В. Горбатов

В ходе операции «Багратион». Белоруссия, 1944 г.

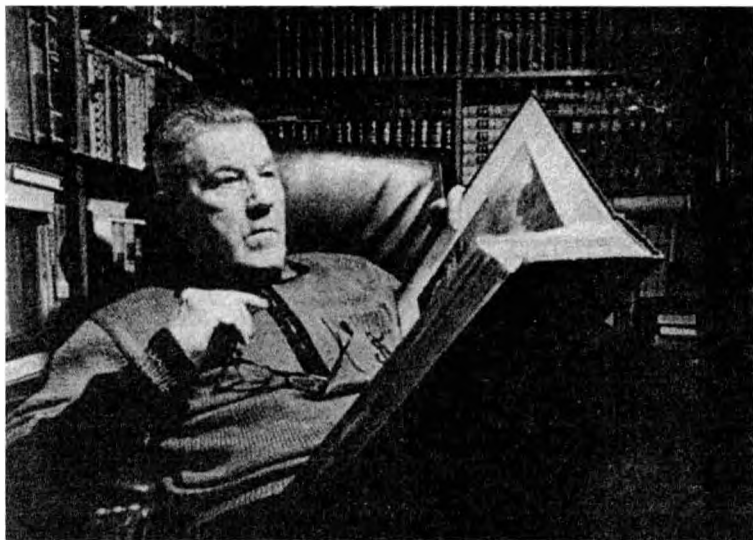
Советский военный комендант Берлина А.В. Горбатов с военными комендантами от Великобритании, Франции и США. 1945 г.

Представители Красной Армии переправились через реку Эльбу для встречи с командованием американских войск. Впереди – А.В. Горбатов

Первая в жизни рюмка в честь Дня Победы

В период работы над мемуарами

Встреча в редакции газеты «Труд». Слева направо сидят: генерал армии А.В. Горбатов, Г.Д. Киевская, Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, Л.П. Панчишкин, маршал артиллерии Н.Д. Яковлев. Стоят: А.И. Волощенко, П.М. Дунаев. 1970-е гг.

По шуму определили два танка. Вот танки подходят к тому месту, где мы стояли. Действительно, шли два танка, а за ними три машины с людьми, разговоров не было слышно; полагая, что это свои, приказал шоферу оставаться на месте, а сам подошел ближе к дороге, чтобы получить от них нужные нам сведения. На полпути остановились и ясно услышали немецкую речь. Круто развернув машину, мы стали уходить от дороги в сторону. Проехав три-четыре километра, наскочили на населенный пункт, в котором нашли штаб одной из наших дивизий, а в нем и бодрствующего начальника штаба. Узнали, где части этой дивизии. Оказалось, что дивизия обороняет примерно тот рубеж, который начерчен командующим фронтом на моей карте.

Передав начальнику штаба дивизии приказание командующего фронтом, попросил нанести их положение на мою карту и предупредил, что дорога севернее не перекрыта, по ней прошла разведка противника с двумя танками. Выразил даже опасение, что, может быть, это и не разведка, а походное охранение, а потому просил перекрыть дорогу или установить за ней наблюдение.

Второй и третий случаи имели место в один из солнечных дней, когда я был послан в танковый корпус для уточнения его переднего края обороны к северо-западу от города.

Прибыв на наблюдательный пункт, сообщил командиру корпуса о цели моего приезда. Командир корпуса на местности и по карте стал знакомить меня с обстановкой. Подробно остановился на глубоком и длинном овраге, который был перед нами и тянулся с запада на восток к Волге, и на значении двух больших сел, находившихся за оврагом. Гребень возвышенностей, что перед нами за оврагом в трех километрах, занят подчиненными ему частями, а дальше находится такой же овраг и за ним противник.

Командиру корпуса я задал два вопроса: был ли он сам в обороняющихся впереди батальонах? И где находятся его артиллерийские наблюдательные пункты?

— Вот здесь, правее и левее меня, — показал он рукой.

Я удивился: ведь оттуда ничего не видно, кроме тыла своих войск. Почему бы НП не вынести вперед, на высоты, где обороняются батальоны? Более того, командир корпуса добавил:

— Сам в батальонах не был, но были мои командиры.

Поскольку командующий фронтом послал меня уточнить передний край обороны корпуса, памятуя поговорку: «Доверяй, но проверяй», считал нужным проверить. Расспросил, где лучше ехать, чтобы попасть на высоту, что перед нами и левее. Я спус-

тился в село, что было в овраге и левее нас, проехал через мост и, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание, оставил машину у крайних домов, а дальше полтора километра решил пройти пешком. Первую половину пути я шел по дороге, а когда осталось около 800 метров до гребня пологой высоты, старался идти непосредственно по краю отрога оврага, идущего с севера, из расчета, чтобы видеть не только впереди, но и что находится в овраге, а если меня обстреляют, то спрыгнуть в овраг.

В то время когда я находился от гребня в 400—500 метрах, из овражка высунулась голова старшего лейтенанта.

— Товарищ генерал! Там противник, прыгайте скорее ко мне.

Едва успел прыгнуть в овраг, застрочили два пулемета, но пули летели уже поверх наших голов. Командир роты рассказал, что здесь нельзя высунуть голову — сразу обстреливают, да и стреляют метко. До противника всего около 300 метров.

В роте было убито четверо неосторожных бойцов. Командир роты высказал также предположение:

— Если они по вас не стреляли, то только потому, что думали захватить живым или бить наверняка, как подойдете ближе. А пулеметы у них уже были нацелены и держали вас на мушках. Счастье ваше, товарищ генерал, что шли по самому краю оврага, а то мы вас и не увидели бы и вам было бы плохо.

У командира роты узнал, что вся его малочисленная рота находится в этом овраге. Положение роты старший лейтенант оправдывал тем, что высота очень пологая, она простреливается с гребня до села, и если находиться вне оврага, тогда нельзя подносить роте пищу и боеприпасы. Да и на случай наступления противника отход по оврагу лучше. Его объяснение считал простым, честным, хотя и наивным. Я подумал: «Какой смысл сидеть в овраге, как в мышеловке, не имея никакой обороны? Повидимому, отступая тысячи километров, научились думать в первую очередь о том, как отступать, но не научились еще прочно и активно обороняться». Уже без риска я спустился по оврагу, сел в машину и вернулся к командиру корпуса. Упрекнул его в незнании рубежа, где обороняются его подчиненные, в отсутствии обороны на этом направлении.

После этого случая я уже не мог верить, что и правее гребень высот находится в наших руках, и решил проверить оборону за правым селом. Попросил комкора послать за мной танкетку и спустился по дороге в овраг к селу правее нас.

Проехал село, увидел впереди себя уходящую по дороге грузовую машину с сидящими в кузове людьми, в то же время обратил внимание на движение точек на горизонте высоты. Машина быстро скрылась за гребнем, ее никто не остановил и не обстрелял. Все это как будто бы подтверждало наличие наших на высоте, а с другой стороны, я подумал: если наши на высоте, так зачем машина пошла к противнику? Я замедлил ход своей машины, проехал еще немного и, когда до гребня высоты осталось метров семьсот, заметил снова перебежки группы людей, низко наклоняющихся с целью маскировки. Это показалось мне подозрительным, наши так низко не пригибаются и так хорошо не маскируются, вероятно, противник хочет меня поймать, подумал я, приказал шоферу свернуть в лошину, откуда не виден был гребень высоты, и мы стали поджидать танкетку.

Когда танкетка поравнялась с нами и остановилась, я вышел из машины, подошел к ней и старшему сказал:

— Командир вашего корпуса заверил меня, что на самом гребне этой высоты обороняется батальон вашего корпуса, но я этому не совсем верю. Чтобы не было с нашей стороны ошибки, давайте используем старый испытанный способ: проезжайте по дороге еще триста—четыреста метров, а потом на большой скорости развернитесь и уходите назад, но только так разворачивайтесь, чтобы у танкетки не слетела гусеница. Если этот гребень занимает противник, то он откроет огонь, а если огня не будет, тогда решим, что делать.

Убедившись, что все понятно, предложил двум человекам из четырех находящихся в танкетке выйти, но бойцы были такие боевые, что в один голос ответили:

— Мы поедem все вместе, как всегда!

— Ну, тогда в час добрый.

Танкетка, набирая скорость, уходила, а я вышел вперед, чтобы в бинокль наблюдать за ней и, главным образом, за поведением людей, находящихся на горизонте. Снова заметил на гребне оживленное передвижение точек. Мое предчувствие недоброго оправдалось, ибо, когда танкетка стала разворачиваться и уходить, я видел по грудь высунувшихся из окопа людей, услышал стрельбу из трех крупнокалиберных пулеметов. Танкетка под градом пуль уходила на большой скорости, пули летели над нею. Мы отошли назад. Когда танкетка поравнялась с нами, ее командир взволнованно доложил о выполнении задания и что один человек из экипажа ранен.

Для меня было все ясно. Когда перевязали голову раненого танкиста, я приказал скорее ехать на НП.

Возвращаясь в село, спросил у жителей, что за машина 30 минут тому назад проехала в сторону противника.

— Да, видели мы машину, кричали, но она не остановилась...

Вернувшись к командиру корпуса, я еще раз, но уже с возмущением упрекнул его за незнание обстановки:

— Если вы не знаете, где обороняются ваши подчиненные, так и скажите, что не знаете, и не вводите в заблуждение других, до командующего фронтом включительно, не подвергайте их жизнь опасности. При такой обороне противнику всюду открыта дорога к Сталинграду.

Командир корпуса оправдывался тем, что знает, где обороняются его подчиненные, что жизнь других он не подвергал опасности:

— Все время наблюдал за вашей машиной, видел ее стоящую за селом, далеко не доходя до гребня высоты.

— А вы не видели грузовую машину с людьми в кузове, которая ушла по дороге к противнику? Разве это не подтверждает правоту моих слов? Скоро вернется танкетка и экипаж, они подтвердят, кто занимает эту высоту. Кстати, там раненый, что послужит вам доказательством и подтверждением моих слов. Ваши подчиненные находятся в оврагах, как в ловушках, на скатах этого гребня в нашу сторону, не перекрывают даже дорогу, по которой уходят наши машины.

Посоветовал все дороги, идущие в сторону противника, перекопать, поставить на них знаки, что идти и ехать дальше нельзя, кроме того, прикрыть все дороги не только днем, но и ночью. Рекомендовал съездить в каждый батальон и посмотреть, как там несут службу, обеспечивают ли они выполнение стоящей задачи, а кстати, спросить у крестьян правого села, живущих на выезде к противнику, сколько за эти дни прошло наших машин в сторону противника.

В это время подошла танкетка и привезла раненого. После этого командир корпуса изменил свое мнение. При моем отъезде комкор заверил меня, что сделает необходимые выводы из моих замечаний и положение будет исправлено.

Но что я мог доложить командующему фронтом по возвращении? Оборону танкового корпуса нельзя назвать плохо организованной, вернее будет сказать, что никакой организации нет.

Был и такой случай: в Сталинграде я размещался в деревянном домике, выходящем на улицу двумя окошечками. Весь корпус домика вытянулся во двор, имел три комнатки одну за другой, кухню и коридорчик. Я спал в самой передней комнате, рядом со мной в комнате спали две девочки 10 и 14 лет, а в следующей — их мать.

На рассвете я был разбужен разрывом авиационной бомбы большой силы. Когда вскочил с кровати, обратил внимание на большой крен моей комнаты в сторону двора. Дверь в соседнюю комнату не мог открыть, она оказалась перекошенной и заклиненной. Одевшись, я вылез через окно. Когда вышел во двор, заваленный рыхлой землей и обломками, то увидел вместо двух следующих комнат нашего домика и кухни зияющую громадную воронку. Признаков моей хозяйки и девочек не могли найти, машина моя была разбита и лежала в другом месте кверху колесами...

28 сентября был образован Донской фронт. Его командующим был назначен К.К. Рокоссовский, а членом Военного совета — А.С. Желтов. Меня назначили на этот фронт инспектором кавалерии. Когда я уезжал из города, он уже пылал сплошным огнем; никто не пытался тушить пожары — это было невозможно. На машине было очень трудно проехать из-за огня и обломков на улице. Машину с пристани отправил обратно в штаб, а сам с адъютантом на пароме переправился на восточный берег Волги к Красной Слободе и оттуда добирался в штаб Донского фронта по восточному берегу, через Камышин.

Ночь была темная, мы уже прошли более пяти километров, когда увидели две догоняющие нас машины, шедшие с открытыми фарами. Я встал на дороге и поднял руку. Машины остановились, и ко мне подбежали два автоматчика со второй машины, но в это время с первой машины раздался голос А.М. Василевского:

— Так это вы, товарищ Горбатов, в чем дело?

Я извинился, сказал:

— Я не знал, товарищ генерал, что едете вы. Руку поднял потому, что хотел просить подвезти.

Меня посадили на первую машину, где был член ГКО и секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков, так мы и добрались до второго эшелона штаба.

На другой день получил машину и убыл на Донской фронт. В Камышине переночевали, а потом выехали в село, где разме-

щался штаб; там явился к новому командующему К.К. Рокоссовскому, члену Военного совета А.С. Желтову и начальнику штаба М.С. Малинину. Должен сказать, что меня встретили радушно.

Вскоре был послан в кавкорпус И.А. Плиева, который выполнял одну из самых ответственных задач, обороняя вместе со стрелками плацдарм на правом берегу Дона — станицу Клетскую. Приятно было видеть бодрых и уверенных в себе конников, которые, спешившись, сидели в окопах, а лошадей оставили на левом берегу Дона. Несмотря на то что кавалеристы занимали широкий фронт обороны, на их счету уже был ряд отбитых атак противника. Клетский плацдарм сыграл важную роль в нашем контрнаступлении. С этого плацдарма войска 21-й и 65-й армий И.М. Чистякова и П.И. Батова 19 ноября нанесли по противнику всесокрушающий удар и, пройдя по заснеженным донским степям, встретились с героями 62-й армии В.И. Чуйкова на Мамаевом кургане. С Клетского плацдарма вошли в прорыв кавалеристы 3-го гвардейского кавалерийского корпуса И.А. Плиева, чем способствовали окружению и разгрому группировки немецко-фашистских войск на Волге.

В это время в штаб Донского фронта прибыли член Государственного комитета обороны, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков и Г.К. Жуков.

Я получил приказание прибыть в землянку, где находился Маленков. Он был один. Я представился, а он сказал:

— Я вас знаю по Сталинграду, садитесь, поговорим. У меня есть к вам вопросы. Думаю, и у вас есть что доложить мне.

После короткого обмена мнениями о положении на фронте секретарь ЦК спросил:

— Скажите, товарищ Горбатов, почему мы оказались на Волге?

Этого вопроса я меньше всего ожидал, смутился и все свел к неожиданному нападению противника — вообще к тому, что помнил из сказанного Сталиным.

— Ну, это уже сказал Сталин. А как думаете вы?

— Я согласен со Сталиным.

— Да и я, и все мы согласны. А как по-вашему, только ли в этих причинах дело или есть еще какие-то? Подумайте, скажите.

Какой-то момент я раздумывал: что это значит и почему он мне задает такой вопрос? Пришел к выводу: вероятно, хочет знать мысли недавно реабилитированного, дескать, не испортился ли я, будучи в заключении. Однако, подумал я еще, секретарю ЦК нужно отвечать то, что я думаю.

Прежде всего я извинился за то, что отвечу, может быть, не гладко, но так, как я понимаю дело.

— Вот этого я и хочу от вас, — сказал секретарь ЦК.

— У нас долгое время существовал лозунг «Кадры решают все». Живет ли этот лозунг сейчас? — спросил я.

— Конечно живет.

После небольшой паузы я сказал:

— Над этим вопросом я думал и пришел к выводу: основной причиной неудач является то, что нам не хватает квалифицированных военных кадров. Должности командиров соединений и выше занимают люди честные, преданные, но неопытные. Этот недостаток в ходе войны не исправляется, а усугубляется неумелым подбором людей. Кто ведает этим вопросом в Главном управлении кадров НКО? — спросил я и сам ответил: — Саша Румянцев. Если бы вы, товарищ секретарь ЦК, видели, как он подбирает кадры, как он разговаривает с людьми, вы бы убедились, что кадры подбираются больше с биологической точки зрения. По-моему, генерал Румянцев больше подходит для роли следователя, чем для роли заместителя Верховного Главнокомандующего по кадрам. Военного дела он не знает. На его место необходимо назначить понимающего военного.

Я видел, что Г.М. Маленков что-то записывает, но в его лице не заметил удивления или раздражения, а потому продолжал:

— Идет война, соединения несут потери, получают пополнение старших возрастов, состоящее из людей, давно уволенных из армии в запас. Одни из них забыли военное дело, другие приходят в дивизии, даже не ознакомившись с новым вооружением и техникой. Все они способны умереть за нашу Родину, но, к сожалению, не умеют бить врага, и в округах их этому не учат. А происходит все это потому, что этим руководит Ефим Афанасьевич Щаденко. Нужно заменить его седовласым и хотя бы безруким или безногим генералом, который знает в деле толк.

Примерно в том же духе отвечал я и на другие вопросы. Но когда зашла речь о моем аресте и реабилитации, я предварительно спросил: можно ли говорить о том, что запретил мне говорить НКВД, о чем дана мною подписка?

— За все сказанное мне вы отвечать не будете, — ответил секретарь ЦК ВКП(б).

Я кратко рассказал о Лефортовской тюрьме, о суде, о порядках на Колыме и о 125-суточном пути в Москву на переследствие. Я даже предложил услуги — поехать вновь на Колыму, чтобы ото-

брать там командиров дивизий, которые будут творить большие дела. Секретарь ЦК предложил мне дать список этих лиц; я припомнил восемь человек.

Наша беседа продолжалась более двух часов. В заключение мне был задан вопрос, насколько удовлетворяет меня работа.

— Не удовлетворяет, — ответил я. — С большим удовольствием командовал бы дивизией.

Когда я уходил, Г.М. Маленков предложил позвонить ему, если буду в Москве: «Запишите мои телефоны».

Чтобы закончить, забегу несколько вперед. После битвы на Волге я был в Москве, позвонил Г.М. Маленкову, представился и доложил о своем прибытии в Москву.

Секретарь ЦК ВКП(б) ответил на мое приветствие и сказал:

— Прошу быть у меня в девятнадцать часов, но предварительно позвонить.

Должен признаться, что наш разговор был деловым, и я прекрасно знал, кому я звоню, но определение времени приема меня обескуражило. Я молча держал трубку телефона, а Г.М. Маленков уже требовательно повторил:

— Вы слышите меня?

— Да, слышу и все понял, но дело в том, что я встретился с женой и на семь вечера купил билеты в театр, в Большой.

Я услышал смех, а после краткой паузы Маленков ответил:

— Причина уважительная, а поэтому жду завтра в двенадцать дня.

— Есть, — ответил я уставным, — но как быть с пропуском?

— Вас встретят.

В назначенное время я был в бюро пропусков ЦК ВКП(б). Тут же ко мне обратился молодой человек:

— Вас ждут.

Первыми словами Г.М. Маленкова было сообщение о том, что генералы А. Румянцев и Е. Щаденко от своих постов освобождены.

Наша беседа на этот раз длилась сорок пять минут. Мы разговаривали о положении на фронте, о боевых действиях войск, моральном духе личного состава, его вооружении и боевой подготовке. Касались и других вопросов. В частности, Г. Маленков сообщил мне, что названных мною командиров дивизий в живых нет. «Поэтому ваша просьба, товарищ Горбатов, мною не выполнена», — с жесткой интонацией сказал он.

Вскоре после беседы с секретарем ЦК, во второй половине октября 1942 года, я был назначен в 24-ю армию заместителем генерал-майора Д.Т. Козлова. По слухам, он должен был скоро уйти на другую работу, а меня как бы держали в резерве. Но это были только слухи. После освобождения Д.Т. Козлова по рекомендации Г.К. Жукова командующим армией был назначен генерал-майор И.В. Галанин.

Должность заместителя командующего тоже была не по моему характеру, с большей охотой я командовал бы дивизией. Но это положение скрашивалось тем, что генерал И.В. Галанин ни в чем не стеснял мою работу: он находился на КП, а я, как правило, в дивизиях.

24-я армия оборонялась фронтом на юг, между Доном и Волгой, упираясь правым флангом в Дон, а левым примыкала к 66-й армии. В сентябре и октябре армия провела наступательную операцию с целью разгрома войск противника, севернее Сталинграда наступавших к Волге, а затем в упорных боях отражала ожесточенные атаки немецких войск.

Как я уже отметил выше, я редко находился в штабе армии, часто оставался ночевать в той или другой дивизии. В периоды затишья многие командиры собирались у меня в землянке и вели беседы на различные темы. Желая выяснить взгляды командиров на тот или иной вопрос, я вслушивался в их разговоры, одних подогревал, а разговор других переводил в нужное мне направление и лишь потом говорил свое мнение.

Помнится, однажды вечером, вернее ночью, в землянке, скудно освещенной коптилкой, разговор о взаимной выручке затянулся до двух часов ночи, и никто не хотел уходить спать. В результате общего разговора и спора приходили к единому мнению: успех в любом бою и операции достигается решительными действиями всех родов войск, как говорится: все за одного, один за всех.

Говорили о том, как опасно при атаке залечь в 200 метрах перед позицией противника и насколько целесообразно дружно атаковать его, не спускаться в его траншею, а перескакать через нее и наступать дальше. В этих беседах один из командиров вспомнил, как две роты одного из батальонов атаковали деревню, обе были встречены огнем противника.

Первая рота залегла в 150 метрах от деревни и за 3—5 минут понесла значительные потери. Трудно сказать, что бы осталось от нее через 30 минут боя, если бы ее не спасла вторая рота, ко-

торая, встретившись с огнем такой же силы, не только не залегла, а усилила движение и ворвалась в деревню, имея всего лишь трех раненых. А потом эта рота повернула и ударила во фланг взводу противника, который вел огонь по первой роте, и пленила его. На этом примере была показана разница в поведении рот при атаке, находившихся в одинаковом положении, разница их потерь и успехов, решительность действий второй и нерешительность первой роты.

Каждый вечер, где бы ни останавливался, командиры заходили ко мне: «А мы к вам на огонек». Мне эти беседы были очень дороги.

Но вот настала пора общего нашего наступления, в том числе и нашей 24-й армии. Сжималось кольцо вокруг группировки Паулюса в районе Сталинграда. В один из пасмурных январских дней я был в 84-й стрелковой дивизии генерал-майора П.И. Фоменко. Два полка его дивизии наступали рядом, а третий полк был в отрыве.

От левого полка было получено донесение о занятии им железнодорожного разъезда. Через некоторое время командир дивизии с командующим артиллерией собрались ехать к левому полку, поехал и я с ними.

Втроем уселись в «виллис», отправились ложиной к железной дороге. Командир дивизии уверял, что местность в своей полосе знает как пальцы на своей руке. Снег был неглубокий, мы ехали довольно быстро. Вдали и правее виднелась группа деревьев. Показывая на них, комдив сказал:

— Это и есть тот разъезд, который захватил полк.

Вскоре мы подъехали к железнодорожной будке, от нее до разъезда было не более километра. Около будки увидели много опрятных и хорошо оборудованных землянок, нам захотелось их осмотреть. Остановили машину и вышли из нее. Заходили в землянки по очереди; чувствовалось, что они недавно оставлены противником. В последней увидели тяжело раненного немца, задали ему несколько вопросов. Но он не мог внятно отвечать. Мы посчитали, что его захватили в плен и оставили здесь.

Подошли к будке, осмотрели ее. Будку от разъезда отделяла высотка, но через выемку вдоль полотна дороги видна была небольшая часть разъезда. По обеим сторонам полотна было видно много следов, идущих в сторону разъезда. Все говорило за то, что наши шли к разъезду, и потому мы решили ехать к нему прямо по полотну.

Мы ехали тихо, а когда были в центре выемки, возможность обзора расширилась, и на снегу по эту сторону разъезда я увидел много темных точек. Для меня стало ясно, в какой громадной опасности мы очутились. В этих точках я усматривал противника, а мы от него находились в метрах четырехстах.

Я сказал шоферу, чтобы он не останавливался, но ехал как можно тише. Сообщил об опасности своим спутникам и приказал:

— Буду считать до трех, и все должны выскочить из машины, двое — в правый, двое — в левый кюветы.

Как только сказал «три», машина остановилась, и мы мгновенно оказались в кюветах. В это время противник открыл огонь по нас и машине, слышались удары пуль по металлу и звон разбитого стекла, но из нас никто не был ранен.

Мы ползли по канавам в сторону будки, перекликаясь через полотно, не скрывая своей радости по поводу благополучного избавления от большого несчастья. Когда скрылись за бугром, распрямили плечи и спины.

И вот мы снова у будки. Не имея машины, решили идти обратно пешком, но в это время увидели густую цепь, идущую к будке с другой стороны, то есть с нашей. Кто-то сказал: «Ну, из огня да в полымя», а второй добавил: «Это отходят немцы».

Поскольку противник спереди и сзади, наше положение было безвыходным, генерал Фоменко сказал:

— Вот объяснение, почему землянки имеют жилой вид.

— И раненый там, — добавил шофер.

Уходить по следам машины, откуда мы прибыли, было невозможно. Цепь была широкой, и нас все равно перехватили бы. Из оружия у нас были только револьверы.

— У нас оружие недальнобойное, — заметил я, — но достаточно убойное, чтобы уничтожить врага на близком расстоянии, а последним выстрелом пробить свою голову.

Из цепи нас уже заметили и открыли огонь. Мои соседи совсем пали духом, только комдив Фоменко держался бодро. А я смеялся, смеялся от радости, так как заметил, что немцы у полустанка изготовились к обороне, и, стало быть, к нам идут свои. Немного смущал меня только оставленный в землянке раненый немец. По мере подхода цепи мы выглядывали, стараясь определить и узнать, с кем имеем дело. Когда цепь подошла близко, мы предупреждающе закричали: «Свои! Свои!» И нас признали. Какое было удивление и смущение тех, кто стрелял по нас, когда увидели своего командира дивизии, командующего артиллерией

и меня. Так наше положение, казавшееся безвыходным, сменилось большой радостью...

Стойкость наших войск на Волге вошла в историю. Они отразили бесчисленные атаки. Фашисты не вышли к Волге, хотя она находилась от них всего лишь на дальности пистолетного выстрела. Почему же мы не смогли организовать оборону, когда враг был от города на расстоянии артиллерийского выстрела?..

Наша 24-я армия в ходе контрнаступления под Сталинградом действовала в малой излучине Дона и вела упорные бои по уничтожению окруженных войск противника. С 10 по 26 января 1943 года, действуя в составе главной группировки Донского фронта, армия ударом в направлении Западновка, Городище во взаимодействии с 65-й и 21-й армиями последовательно прорвала оборону окруженной вражеской группировки на двух оборонительных рубежах и создала условия для ее полного уничтожения. 16 апреля 1943 года была преобразована в 4-ю гвардейскую, в составе 20-го, 11-го гвардейских стрелковых и 3-го гвардейского танкового корпусов. Участием в освобождении Вены 4-я гвардейская армия завершила боевой путь в Великой Отечественной войне...

Агония гитлеровских войск в Сталинграде продолжалась. 31 января был пленен генерал-фельдмаршал Паулюс и чины штаба 6-й немецкой армии. В тот же день закончилась ликвидация всей Южной группы немецко-фашистских войск. 2 февраля после мощного огня артиллерии и бомбовых ударов авиации в Заводском районе города капитулировала Северная группа войск. Свыше 40 тысяч немецких солдат и офицеров под командованием генерала Штреккера сложили оружие.

Немецко-фашистские войска на Волге и на Дону были разбиты и пленены. В донесении Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину представитель Ставки маршал артиллерии Н.Н. Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал-полковник К.К. Рокоссовский сообщили: «Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.2.1943 г. закончили разгром и уничтожение Сталинградской группировки противника...

В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились»¹.

¹ Правда. 1943. 3 января.

Город и Волга оказались в тылу наших войск. В ходе Великой Отечественной войны произошел коренной перелом. Полки шли на запад!

Глава 7 ВПЕРЕД

13 апреля 1943 года был получен приказ о присвоении мне звания генерал-лейтенанта и назначении командиром 20-го гвардейского стрелкового корпуса, входившего в состав 4-й гвардейской армии, которая с Дона была передислоцирована в район Воронежа.

А в июне меня назначили командующим 3-й армией, которая оборонялась в районе Мценска, на реке Зуша.

Прибыв в штаб Брянского фронта, я представился командующему фронтом Маркиану Михайловичу Попову и члену Военного совета Л.З. Мехлису. Командующий фронтом принял меня очень хорошо, попросил кратко рассказать о прохождении службы и оставил меня ночевать. Несколько раньше он вызвал своего заместителя — генерала И.И. Федюнинского; познакомив нас, сказал ему: «Прошу вас завтра утром с генералом Горбатовым выехать в войска армии и представить его на месте руководящему составу». Узнав также о моем представлении члену Военного совета, Маркиан Михайлович добавил: «Освободитесь, приходите ко мне, будем обедать».

Настороженным я шел к Мехлису, вспоминая разговор, который он и Щаденко вели со мной в сентябре 1941 года в Москве. Представляясь ему, я встретился с колючим, вопросительным взглядом, как бы желающим предугадать, что за командарм получится из меня, но это был уже не прежний Мехлис, — очевидно, для него не прошла без следа тяжелая неудача в Керчи.

— Вы назначены к нам? — спросил Мехлис.

— Да, к вам, — ответил я.

— Хорошо, знакомьтесь с армией. Когда встретимся в следующий раз, доложите о ее состоянии. Тогда и поговорим.

И весь сказ.

За обедом я познакомился с командующим фронтом несколько ближе и, к моей радости, увидел в нем молодого, но хорошо знающего военное дело генерала, находчивого и жизнерадостного человека. Неторопливо, обстоятельно командующий войс-

ками фронта ознакомил меня с состоянием армии, которую мне предстояло принять.

— Врылась в землю, засиделась в обороне, в прошлом провела ряд неудачных наступательных операций. Но все это в прошлом, — подчеркнул он. — Не буду характеризовать командиров, чтобы не привязывать вашего мнения к своему. Скажу одно: безнадежных нет. Нужна работа и работа — как с генералами, так и с солдатами.

Рано утром мы с генералом Федюнинским выехали в село Ержино, где находился штаб 3-й армии. Иван Иванович представил меня как нового командующего армией генералам и старшим офицерам. И.И. Федюнинский уехал, увозя мой рапорт о вступлении в командование армией, а я остался при исполнении своих новых обязанностей.

Исходя из этого, наметил личный план работы. Первые три дня работал в управлении армии, познакомился с членами Военного совета И.П. Конновым и И.Д. Пинчуком, начальником штаба М.В. Ивашечкиным, своим заместителем П.П. Собенниковым, начальником политотдела Н.Н. Амосовым, начальником оперативного отдела штаба армии А.В. Владимирским, начальником отдела контрразведки Смерш А.А. Вяземским и другими офицерами управления армии. Генералы и офицеры, с которыми мне суждено было работать, произвели на меня хорошее впечатление, которое позже не изменилось. Со многими мы дошли до Эльбы. Учитывая, что на этом большом боевом пути никто из них не был заменен, можно сделать вывод, что работа их была должным образом оценена. Те, кому положено по должности, были произведены в генералы, а генералы получили очередные воинские звания. Их мужество и вклад в победу были отмечены высокими боевыми наградами. С 3-й армией мне пришлось участвовать во многих нелегких боях и сражениях. Поэтому считаю необходимым рассказать о первых моих делах при вступлении в командование 3-й армией.

В связи с предстоящим через 15 суток наступлением дел было много. Мне же предстояла двойная работа: кроме обычной, связанной с подготовкой к наступлению, нужно было ознакомиться с обороной, с людьми и самому освоиться в новой должности и на новом месте.

Я убедился в том, что дивизии 3-й армии воодушевлены успехами на других фронтах, но они сидели в этом районе в обороне уже более года, а длительная оборона разлагает войска даже пос-

ле больших побед. К тому же дивизии армии перешли к обороне не после побед, а после большого отступления. Проведенные частные неудачные операции с большими потерями не способствовали, как говорится, подъему духа.

В изучении руководящих кадров большую помощь мне оказывали член Военного совета армии И. П. Коннов, а в изучении настроений личного состава больше других помогал начальник политотдела армии Н. Н. Амосов. Если изучению этих вопросов мною постоянно уделялось большое внимание, то перед первым большим наступлением — вдвойне.

Беседуя с солдатами и офицерами, я чувствовал их боевое настроение. Невольно вспоминались слова: «Мы долго молча отступали, досадно было, боя ждали...»

Когда же в кругу своих ближайших помощников я выразил удовлетворение таким настроением, Н. А. Амосов ответил:

— Успехи на других фронтах мы полностью использовали, разъясняя их значение солдатам и офицерам.

— Да, все это хорошо, — ответил я, — но нельзя забывать уроки недавнего прошлого.

Насколько позволяла обстановка в обороне, мы собирали большой круг офицеров и солдат, беседовали с ними, отвечали на вопросы. Рассказывали им, насколько подл и коварен враг, а вместе с тем и труслив, если против него выступаем согласованно, решительно и бьем его не только в лоб, но и с фланга. Приводил в пример 226-ю стрелковую дивизию, которая в боях к 15 мая 1942 года имела много пленных и трофеев. Не жалели времени на пребывание в 235, 308, 380-й дивизиях 41-го стрелкового корпуса, которым до конца войны командовал генерал-майор (потом генерал-лейтенант) В. К. Урбанович. В первой наступательной операции Виктор Казимирович Урбанович не имел еще опыта активных боев, но проявил большой организаторский талант, умение учиться на опыте других, дисциплинированность и желание постигнуть это искусство. Он внимательно выслушивал каждое замечание, как губка впитывал все для него новое и старался выполнить каждую задачу как можно лучше. И в этой и последующих операциях генерал Урбанович показал себя командиром волевым, инициативным, стремящимся с максимальным эффектом использовать силы и средства для достижения успеха.

Почти все работники штаба и политотдела армии в те дни находились в частях. Надо было подготовить к напряженным боям каждого офицера, сержанта, солдата. В первую очередь мы

добивались, чтобы все уяснили главное, от чего зависит успех. Призывали атаковать решительно, не останавливаясь ни минуты. Всего опаснее — залечь под огнем противника: это грозит не только срывом задачи, но и большими потерями. Как можно быстрее сближаться с противником.

Если мы наступаем и атакуем, то только с решительной целью, не останавливаясь на полпути. Для роты и батальона всего опасней — залечь под огнем противника в ста—двухстах метрах от его траншей; в этом случае не только не выполняется задача, но бывают и самые большие потери. Несмотря на огонь противника, надо как можно быстрее довести атаку до конца, не опускаться в траншею противника, а перескакивать через нее, продолжать ускоренное продвижение. В этом случае потерь бывает меньше и задача выполняется. Учили бойцов и молодых офицеров не бояться контратак противника. Для нас выгоднее, когда батальоны противника, выйдя из своих траншей, контратакуют нас, сближаются с нами. В этом случае он меньше ведет огня, огонь его не меткий, а нам проще поражать его, идущего в рост. При контратаках, как правило, способные офицеры и дисциплинированные войска поступают так: огневыми средствами и небольшой частью сил встречают контратакующего огнем, а основными силами спешат вперед, обходя его с фланга, чтобы захватить оставленную его войсками траншею и отрезать пути отступления.

Немцы занимали и укрепляли орловский выступ двадцать месяцев, используя на работах массу гражданского населения. Особое внимание уделялось ими мерам для удержания городов — Орел, Волхов, Мценск, Карачев. Сами эти города и их районы приспособлялись к круговой обороне и связывались системой рубежей. Этот выступ представлял для них особую ценность, ибо с него они намерены были ударом через Поныри на Курск и из Белгорода на Обоянь окружить и уничтожить наши войска, находящиеся на Курской дуге.

15 апреля 1943 года ставкой вермахта был отдан оперативный приказ № 6, подписанный Гитлером, в котором войскам были поставлены конкретные задачи на проведение летней наступательной операции: «Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом... В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие

соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира»¹.

Для осуществления операции были привлечены наиболее боеспособные гитлеровские соединения — 50 отборных дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, сосредоточенных в группах армий «Центр» и «Юг» севернее и южнее курского выступа. Их общая численность превышала 900 тысяч человек. Группировки имели на вооружении до 10 тысяч орудий и минометов, около 2,7 тысячи танков и штурмовых орудий, свыше 2 тысяч самолетов. Большие надежды возлагались на тяжелые танки типа «Тигр», «Пантера», штурмовые орудия «Фердинанд», самолеты «Фокке-Вульф-190А» и «Хейнкель-129». После того как удалось вскрыть замысел противника, Ставка ВГК приняла решение о переходе к преднамеренной обороне, чтобы сорвать наступление противника, обескровить его и создать тем самым предпосылки для полного разгрома путем последующего контр-наступления.

Группировка Центрального и Воронежского фронтов (командующие генералы К.К. Рокоссовский и Н.Ф. Ватутин) в районе курского выступа имела в своем составе свыше 1,3 миллиона человек, 19,1 тысячи орудий и минометов, 3444 танка и самоходных артиллерийских установки, 2172 самолета. В тылу этих фронтов был развернут вновь созданный Степной фронт под командованием генерала И.С. Конева — мощный стратегический резерв Ставки, готовый как к обороне, так и к активным наступательным действиям.

Сражение невероятной силы на земле и в воздухе на Курской дуге началось 5 июля 1943 года. Враг рвался вперед, его не останавливали громадные потери, понесенные на северном и южном фасах Курской дуги; к 12 июля войска противника продвинулись с юга на север до 35 километров, а с севера на юг лишь до 10—12 километров.

12 июля 1943 года началась операция «Кутузов» — Орловская наступательная операция войск нашего Брянского, Центрального и левого крыла Западного фронта — составная часть Курской битвы, имевшая целью ликвидировать орловский выступ

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» (С. 502.)

и освободить Орел. Советским войскам предстояло разгромить 9-ю полевую и 2-ю танковую армии немецко-фашистских войск в составе 37 дивизий.

В первых числах июля, проверяя подготовку к наступлению, на фронт прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. На КП 63-й армии Г.К. Жуков, М.М. Попов, В.Я. Колпакчи и я обменивались мнениями по предстоящей операции.

Обращаясь ко мне, Жуков спросил:

— Ну как, входите в курс наступления?

— Да, уже вошел в курс всего дела. Можно сказать, что мы готовы к выполнению задачи, — ответил я и попросил разрешения высказать свое мнение о предстоящей операции.

Я высказал сомнение, удачен ли будет прорыв обороны силами одной 63-й армии; немцы орловскому выступу придадут большое значение. Само собой разумеется, что они уделяли много внимания участку против нашего плацдарма, наверное, имели там плотные и глубокие минные поля. Нельзя исключать и того, что противник заметил нашу подготовку к наступлению с плацдарма и принял меры к своевременному уплотнению своих боевых порядков. Во изменение ранее поставленной нам задачи внес предложение: отвести 3-й армии самостоятельный участок для прорыва обороны противника с форсированием реки, включая Измайлово и Вяжи, усилив нашу армию одной артиллерийской дивизией. В этом случае мы, во-первых, отвлечем на себя часть внимания противника, а во-вторых, выходом в тыл его отсечного рубежа на реку Паниковка, в районе Ивань и Грачевка, значительно облегчим задачу 63-й армии.

Развивая дальше свою мысль, выразил уверенность, что если нам будет дан участок для прорыва, то танковые корпус и армию придется вводить в нашей полосе. В этом случае мы будем прикрывать фланг соседа, идя впереди него.

Сначала Г.К. Жуков отнесся с недоверием и к моим опасениям, и к моим предложениям, а относительно ввода в полосе 3-й армии танкового корпуса и армии даже заметил с усмешкой:

— Вы, товарищ Горбатов, все хотите по-кавалерийски, налетом, шапками закидать противника.

Подумав немного, сказал:

— Пожалуй, это было бы неплохо, но планирование уже закончено, а до наступления осталось мало времени, и 3-я армия не успеет изготовиться.

Я заверил, что успеем. Меня поддержал командующий фронтом. После этого Жуков согласился и передал нам одну из трех артиллерийских дивизий, отобрав ее у 63-й армии.

Из сказанного видно, что основная роль в этой операции по-прежнему отводилась 63-й армии, имевшей несравнимо больше сил и средств, хотя и наступавшей в полосе более узкой, чем наша. Мы по-прежнему обеспечивали ее фланг.

Возвращаясь от командующего фронтом, я думал над своим предложением, по-прежнему видел его целесообразность и в то же время понимал всю серьезность принятого на себя обязательства прорвать оборону. Думал и о том, что все будет зависеть от поведения в бою дивизий первого эшелона, которые я еще плохо знаю. А главное — для развития успеха у нас нет свободных сил, так как остальные дивизии обороняются на широком фронте.

Еще одна забота: как встретит мое сообщение руководящий состав армии? Не поймет ли превратно, не посчитает ли поспешной и несерьезной выходкой нового командующего?

Собрав в штабе членов Военного совета, своих заместителей, начальников родов войск и отделов, сообщил им о новой задаче для армии. Видел, что это было для всех большой неожиданностью. Я предложил высказаться по этому вопросу.

После небольшой паузы слово взял член Военного совета генерал И.П. Коннов. Свое беспокойство он выразил словами: «Не напрасно ли вы, Александр Васильевич, взяли на армию задачу прорыва, да еще с форсированием? Да и хватит ли у нас времени на такую перестройку? До наступления дней осталось немного».

Вслед за ним выступил мой заместитель генерал П.П. Собенников. Он высказал следующее: для 63-й армии прорыв является задачей естественной, так как она сосредоточена в полосе в четыре раза более узкой, чем наша, мы же обороняем полосу более 60 километров, а для активных действий имеем только один корпус: если мы даже форсируем реки и прорвем оборону, то развивать успех нам будет нечем.

— Мы к форсированию не готовились, переправочных средств у нас мало, лесов поблизости нет, — сказал начальник инженерных войск полковник Б.А. Жилин. — Но все же, несмотря на все это, инженерные войска свои задачи по форсированию выполняют.

— Если сегодня будет принято окончательное решение, — сказал начальник штаба генерал М.В. Ивашечкин, — то, несмотря на

крайне ограниченный срок, могу заверить, что не только писаниной, но и всем необходимым штаб обеспечит принятое решение.

Мне было интересно слушать выступающих, изучать на таком крутом повороте характер и способности малознакомых мне подчиненных. Высказались не только эти четыре товарища, но и другие; решение уже было мною принято, но я его не объявлял — хотел послушать, кто что скажет и предложит.

После выступлений старожилы армии я обратил внимание присутствующих на то, что сейчас не сорок первый и не сорок второй год, прошло то время. Настала пора принимать смелые решения и претворять их в жизнь. Я здесь недавно, но уже убедился, что 3-я армия имеет в руководстве сколоченный и работоспособный коллектив, а войска готовы к решительным наступательным действиям. Из этого я и исходил, когда делал предложение маршалу Г.К. Жукову и командующему фронтом о самостоятельном прорыве обороны нами.

Неоценимую помощь в эти напряженные дни мне оказывал начальник штаба армии генерал-майор М.В. Ивашечкин. Его познания расположения своих войск и войск противника были удивительны. Отработка оперативных документов, карт и других документов тщательно перепроверялась. На карте с нанесенной боевой обстановкой, с безупречной графикой, — только то, что имело место в действительности, на данное время.

(Узнав, что я работаю над своими мемуарами, Макар Васильевич предложил мне свои записи о боях за Орел. Некоторые из них я с благодарностью моему боевому другу и товарищу использовал.)

...Направление удара нашей армии было определено не под корень орловского выступа, где противник мог ждать удара, а в наиболее выдвинутую к востоку точку выступа, представляющую немцам менее угрожаемой. Это обеспечивало оперативную и тактическую внезапность нашего наступления.

Такой точкой прорыва явился район Вяжи. В селе Вяжи на западном берегу реки Зуши находился наш небольшой плацдарм, захваченный еще в декабре 1941 года. Он должен был теперь сослужить свою службу и явиться трамплином для наступления.

Удар из района Вяжи на Протасово сматывал и отрезал боевые порядки противника и выводил наши силы на основные его коммуникации — железную дорогу и шоссе Мценск—Орел.

Однако плацдарм, которым мы владели в районе Вяжи, облегчал выполнение задачи лишь в ее начальной стадии. Отсюда

нельзя было развернуть широкую фронтальную атаку ввиду отсутствия скрытых подступов к плацдарму со стороны нашего переднего края и наличия в этом районе у противника отсечной позиции по ручью Паниковец. Немцы могли бить наши части во фланг. Кроме того, к западу от Вяжи в руках противника находились гребни высот, с которых простреливались все выходы из этого пункта на запад.

Вот почему мы решили включить в полосу прорыва смежные к северу от Вяжи участки: Малое Измайлово и Клин. Здесь были свои трудности, связанные с форсированием реки Зуши. Но этот участок имел и свое преимущество: он обеспечивал тактическую внезапность атаки, потому что основное внимание немцы обращали на то, чтобы прикрыть выходы из района Вяжи. К тому же наш удар на участках Малое Измайлово—Клин давал возможность выйти в тыл и во фланг отсечной позиции противника по ручью Паниковец, обойти с севера гребни высот, лежащие западнее Вяжи, и тем самым содействовать нашей основной ударной группировке, которая должна была действовать с вяжинского плацдарма.

В принятое, но еще не объявленное решение мне пришлось внести некоторые изменения: я стремился использовать все положительное, пусть даже крупницы здравой мысли, в довольно курьезных предположениях. Такое отношение к чужим мнениям благоприятно влияло на присутствующих; чувствовалось, как естественная настороженность к еще малознакомому командующему исчезает, как дистанция между мной и моими подчиненными заметно уменьшается. Это было подлинное начало нашей совместной работы, начало той согласованности, которая должна будет сказаться в любом, в большом и в малом, деле.

Наше решение было простым и смелым.

Форсирование и прорыв осуществить 41-м стрелковым корпусом; двум дивизиям первого эшелона придать по танковому полку. Для развития успеха корпус располагал еще одной дивизией, но мы считали это недостаточным, несмотря на то что силы корпуса не отвлекались на сворачивание обороны противника к северу. Поскольку мы наступали на крайнем левом фланге армии, то решили из трех дивизий, оборонявшихся на широком фронте, снять правофланговую, вывести ее в резерв армии, а ее полосу целиком передать 342-й стрелковой дивизии. Таким образом 342-я стрелковая дивизия должна будет оборонять полосу в 40 километров, имея во втором эшелоне один полк за левым флангом.

269-я стрелковая дивизия, имея полосу в 20 километров, правым полком должна была оборонять участок в 15 километров, а остальные силы дивизии иметь на пяти километрах левого участка, чтобы сворачивать оборону противника к северу.

Несмотря на крайне ограниченное время, оставшееся для подготовки, благодаря усидчивости и работоспособности штаба армии, родов войск и служб, а также подчиненных соединений вся работа была выполнена в срок и качественно. Командиры соединений и частей уяснили свои задачи, произвели необходимую перегруппировку, изучили местность и оборону находящегося перед ними противника. Их действия и взаимодействия отработаны были на рельефном плане. Артиллеристы генерала Иорданского уточнили цели для уничтожения как с закрытой позиции, так и орудиями прямой наводки, наметили районы для перемещения артиллерии и наблюдательных пунктов. Особенно трудно пришлось саперам: им нужен был лес для мостов и штурмовых мостиков, но он был далеко, а кроме того, требовалось много сил для массового разминирования. Но они не боялись трудностей. «Выполним в срок», — коротко говорил начальник инженерных войск Б.А. Жилин. Действительно, места для мостов и мостиков были выбраны, наблюдательные пункты построены, дно брода в реке обследовано и обезврежено, свои мины сняты за двое суток до операции. Скрытно от врага они подготовили переправы через реку, броды и подходы к ним, построили надежные наблюдательные пункты.

В ночь перед атакой они проделали проходы в минных полях и в проволочных заграждениях противника, подготовили штурмовые мостики, по которым наша пехота могла перейти реку Зушу, и три капитальных моста для танков и артиллерии.

Сложную сеть связи в короткий срок подготовили наши связисты. Центр управления боем — наблюдательный пункт командарма — находился на небольшой высоте у села Вяжи-Завершье. Сотни проводов связывали меня с наблюдательными пунктами командиров дивизий, артиллерийских и танковых начальников, со штабами и переправами. Наготове были коротковолновые радиостанции, офицеры связи, конные и пешие, посыльные.

Для артиллерии была подготовлена специальная сеть связи. Она тянулась от командующего артиллерией армии генерал-майора Иорданского к командирам артиллерийских дивизий и полков, а оттуда — к командирам дивизионов, батарей, к огневым позициям, к пехотным командирам.

Линии связи закапывались в землю на глубину до полметра; их не могли повредить ни огонь противника, ни танки, ни передвигавшиеся войска. Круглые сутки связисты следили, чтобы ни на минуту не прерывалась связь. В случае обрыва линии они быстро исправляли повреждения.

В тесном контакте с саперами работали танкисты. Они изучали исходные позиции, с которых им предстояло атаковать врага, и пути движения к ним. Через бинокли всматривались они в глубину немецкой обороны и по картам намечали пути, по которым поведут свои танки, чтобы обеспечить бросок пехоты в атаку, помочь ей сломить сопротивление врага и овладеть его опорными пунктами.

С той же целью — обмануть врага — были оборудованы огневые позиции; днем в обратном направлении мчались пустые автомашины; на широком фронте велась усиленная артиллерийская стрельба, пристреливались орудия.

Все принятые нами меры предосторожности и хитрости, как выяснилось позже из опроса пленных, полностью достигли цели. Они помогли скрыть от врага наши истинные намерения, дезорганизовали его, отвлекли его внимание от действительного участка прорыва.

Химики следили за направлением ветра, выбирали пункты для дымопуска и проверяли противогазы. За пятнадцать минут до начала атаки была поставлена дымовая завеса, которая сыграла свою роль.

Танкисты изучали маршруты, исходные районы, входы в реку и выходы из реки, противотанковую оборону противника, узлы сопротивления и обходные пути.

Авиация фотографировала и изучала объекты для подавления, условливалась с войсками о взаимном опознавании. Особенно тщательно согласовывали свои действия командиры штурмовых авиационных частей, которым было приказано уничтожить силы противника в узлах сопротивления.

Разведка установила, что противник продолжает обороняться известными уже нам частями на прежнем рубеже. Была уточнена система его огня. Нашим разведывательным отрядам удалось овладеть конюшней, закрепиться в ней. Они отбили контратаки немцев. Это было хорошее предзнаменование.

От момента наступления нас отделяла только ночь — короткая последняя ночь нашей обороны.

Всю ночь накануне атаки наши тяжелые самолеты и маленькие У-2 освещали и энергично бомбили глубину обороны про-

тивника: районы скопления его войск, артиллерийские позиции, командные и наблюдательные пункты, тылы и коммуникации. Было светло как днем от многочисленных ракет и сброшенных самолетами ярких парашютных фонарей.

Враг притаился. Враг молчал.

Наши пехотинцы проверяли свое оружие, запасались патронами. По траншеям они пробирались на исходные рубежи для атаки.

В темноте через мосты на реке Зуше ползли наши танки. Они сосредоточивались на небольшом плацдарме по ту сторону реки, в районе Вяжи-Завершье и Полевые Вешки.

Автоматчики-десантники здесь же, у танков, рыли себе щели.

В штабах армий, дивизий, полков и батальонов проверялась связь, собирались последние данные о готовности войск к атаке.

Все с нетерпением ждали рассвета. Он приближался...

Разведку боем силой отдельных батальонов мы провели, подчиняясь приказу, накануне наступления, хотя этот способ разведки я ненавидел всеми фибрами своей души, и не только потому, что батальоны несут при этом большие потери, но и потому, что она настораживает противника, побуждает его заранее принять меры против нашего возможного наступления.

Начало наступления, как уже было сказано, было назначено на 12 июля.

Вечером 11 июля я доложил командующему фронтом о готовности к наступлению. В 4 часа утра 12 июля мы обрушили на противника всю мощь артиллерии и поддерживающей нас авиации. В 5 часов 40 минут мощный залп «катюш» призвал наши соединения к форсированию реки и атаке противника.

По заявлению пленных, немцы нашего наступления ожидали, но только с плацдарма и никак не предполагали, что мы будем форсировать реку. Таким образом, наш удар для противника был внезапным: все же в первый день полностью прорвать оборону на всю тактическую глубину нам не удалось. 235-я стрелковая дивизия полковника Ф.Н. Ромашина с 114-м танковым полком продвинулась на три километра, а 380-я стрелковая дивизия полковника А.Ф. Кустова с 82-м танковым полком продвинулась на четыре километра.

На второй день наступления была введена для развития успеха 308-я стрелковая дивизия генерала Л.Н. Гуртьева и своим левым

флангом для сворачивания противника к северу 269-я стрелковая дивизия полковника А.Ф. Кубасова. Мы овладели населенными пунктами Евтехово, Ивань и Грачевка, завершив прорыв тактической обороны в этом районе.

Темп операции не ослабевал.

Несмотря на расширение общего фронта наступления, ширина фронта дивизии нигде не превышала в среднем 4—5 километров. Такая постоянная плотность достигалась тем, что вводились в прорыв не только дивизии второго эшелона, но и части обороны, которые мною решительно снимались и вводились в прорыв, наращивая удары. Так, последовательно были включены в наступление части дивизий генерал-майора Мерзлякова и полковника Коновалова. Они сматывали боевые порядки противника вдоль реки Зуши и одновременно сковывали его силы с фронта.

34-я пехотная дивизия немцев, находившаяся в обороне на реке Зуше севернее участка прорыва, была настолько скована активной обороной, которую вели части полковника Червония, что не смогла выделить ни одного батальона, чтобы помочь соседу.

Достигнутый нами успех позволил командованию фронта изменить первоначальное решение о вводе 1-го гвардейского танкового корпуса на участке соседней слева армии. Танковый корпус был направлен для удара во фланг группировки противника, действовавшей против упомянутой уже соседней слева армии. Танкисты помогли ей ускорить темп своего продвижения.

На третий день нашего наступления — 14 июля — шли ожесточенные бои за водораздел между реками Зушей и Олешней, по которому пролегал основная рокадная (параллельная фронту) дорога от города Мценска на станцию Ворошилов. Здесь находились крупные населенные пункты Высокое, Хаустово, Суворов, Кочеты. Каждый из них и прилегающие к ним высоты немцы превратили в мощные узлы сопротивления. Отсюда простреливались все подступы с востока на глубину 3—5 километров. Сюда подоспели и вступили в бой ближайшие резервы противника: штурмовые батальоны 56-й пехотной дивизии (2-й танковой армии) и передовые части оперативных резервов, которые немцы поспешно выдвигали на промежуточный рубеж реки Олешни.

По показаниям пленных, с курского направления сюда были переброшены 2-я танковая дивизия и 36-я мотодивизия, а из района Ново-Сокольники подошла 3-я танковая дивизия. Подошедшие свежие части противника сделали бои еще более ожесточенными.

Опорные пункты немцев были до предела насыщены огневыми средствами: каждый из них имел 1—2 батареи артиллерии, 2—3 минометные батареи, 4—6 малокалиберных орудий противотанковой обороны, 2—3 метательных аппарата, 5—6 станковых пулеметов. Кроме того, фланги прикрывались подразделениями автоматчиков. Противник выделял в район обороняемого пункта как маневренную группу для контратак роту, батальон, усиливая его 5—6 танками и 3—4 самоходными орудиями. При приближении наших боевых порядков непосредственно к опорным пунктам с целью их окружения немцы внезапно с закрытых исходных районов бросались в контратаки.

Особенно сильные контратаки были предприняты ими на левом фланге нашей армии, против 380-й дивизии полковника А.Ф. Кустова. 14 июля части полковника А.Ф. Кустова отбили четыре контратаки в районе Кочеты. Они уничтожили при этом до 900 немецких солдат и офицеров, 12 самоходных пушек и 8 орудий противотанковой обороны. В районе Желябуг были отбиты две контратаки силою от двух рот до батальона при поддержке 10—12 танков и нескольких самоходных орудий.

Из рук в руки переходило село Суворов. Части 308-й дивизии генерал-майора Л.Н. Гуртьева овладели им лишь после сильных боев.

Тогда командование фронта изменило свое первоначальное решение о вводе 1-го танкового корпуса в полосу 63-й армии и, как мы предвидели, ввело его в полосу нашей армии с задачей — войти в прорыв у Евтехова и Грачевки и ударом на деревню Сетуха наступать в тыл противнику, сопротивляющемуся перед 63-й армией, и тем содействовать ей в прорыве и дальнейшем наступлении.

1-й танковый корпус состоял из трех танковых бригад, механизированной бригады, разведбатальона и приданного ему танкового полка. Корпус переправился через реку у деревни Измайлово во второй половине дня 14 июля и сосредоточился в районе Евтехова. В этом районе корпус, задержавшись больше чем нужно, подвергся ожесточенной бомбардировке с воздуха и понес большие потери. В результате, не выполнив своей задачи, он остался позади наступавших 235, 380 и 308-й стрелковых дивизий.

Когда я с оперативной группой прибыл в район Евтехова и нашел там командира корпуса, то, хотя он был мне не подчинен, упрекнул его за бездеятельность и беспечность, повлекшие большие потери, поставил ему в пример активные и решительные

действия 114-го и 82-го танковых полков, приданных 235-й и 380-й стрелковым дивизиям. Так были упущены благоприятные условия для ввода танкового корпуса, и он сильно пострадал за нерешительность и топтание на месте.

Авиация противника по-прежнему неистовствовала. Немцы бомбили наши боевые порядки, центры управления, тылы, переправы, танки. Когда были брошены в прорыв танки, немецкие самолеты преследовали их буквально по пятам. Враг понимал, что прорыв танковых сил грозил ему потерей Орла.

Сопrotивляясь всеми возможными средствами, немцы могли лишь оттянуть исход битвы, но не решить его. Мы били немцев на земле и били в воздухе. Наша авиация весь день находилась над полем боя. Работала и зенитная артиллерия. За один день боев ею было сбито 12 вражеских бомбардировщиков.

За пять дней тяжелых боев, с 12 по 16 июля, фронт наступлений ударной группы нашей армии расширился до 22 километров, а глубина прорыва достигла 17—22 километров. Успеху боев в значительной мере способствовала четкая система управления с командирских наблюдательных пунктов.

В современном бою, когда обстановка быстро меняется, командир обязан лично наблюдать за полем боя и влиять на его ход огнем артиллерии, вводом подкреплений, своевременными распоряжениями и авторитетным советом. В начале боев некоторые командиры отставали от своих быстро продвигавшихся частей. Они не видели поля боя и, следовательно, не могли гибко и оперативно влиять на его развитие.

Мне приходилось жестко требовать наибольшего приближения командиров к боевым порядкам.

Результаты сказывались немедленно: управление боем улучшалось, командиры твердо держали в руках свои части и подразделения.

Обходя опорные пункты противника, окружая и уничтожая его живую силу и технику, дивизии генерал-майора Мерзлякова, генерал-майора Гуртьева, полковника Кубасова и полковника Кустова к исходу 16 июля вышли к реке Олешне.

Несмотря на то что в полосе нашей армии к противнику подошли 2-я танковая и 36-я моторизованная дивизии противника и он упорно сопротивлялся, предпринимая многочисленные контратаки, имея сильную поддержку с воздуха, наши дивизии к исходу дня 17 июля развернули бои за населенные пункты на берегу реки.

В этот же день был отмечен подход новых сил противника к реке Олешне через село Доброводы. К этим сведениям нельзя было не отнестись со всей серьезностью. Ввиду резкого отставания 63-й армии наш левый фланг был оголен, а перед ним, в районе деревень Подмаслово и Моховое, сосредоточились две дивизии противника, готовясь к контрудару. Чтобы обеспечить свой левый открытый фланг, 380-й стрелковой дивизии было приказано перейти к обороне, и дивизия эта была усилена 12 батареями противотанковых орудий. Со своей задачей дивизия, во главе с решительным и волевым командиром Алексеем Федоровичем Кустовым, блестяще справилась: в течение двух суток днем и ночью она отражала и отразила все яростные атаки противника.

Четыре дня приводивший себя в порядок 1-й танковый корпус был вновь введен на плацдарме за рекой Олешней — и еще раз проявил нерешительность и был наказан: снова подвергся авиационной бомбардировке и отошел на восточный берег реки. Лишь 19 июля его отдельные танки опередили 186-ю стрелковую дивизию и овладели селом Олешня, содействуя продвижению 380-й стрелковой дивизии. Вот и весь успех, которого добился целый корпус... После этого он был выведен в резерв фронта.

Мы заканчивали очистку восточного берега реки Олешни и готовились к форсированию ее на всей нашей полосе. За левым флангом нашей армии командование Брянского фронта сосредоточило 3-ю гвардейскую танковую армию с задачей развить наш успех. Утром 19 июля, после короткой, но мощной артиллерийской подготовки, соединения нашей армии перешли в наступление. Противник не выдержал натиска и стал отходить, а когда мы захватили плацдарм на реке Олешне, была введена в сражение и 3-я гвардейская танковая армия Павла Семеновича Рыбалко. Поскольку наша армия успешно продвигалась, а продвижению 63-й противнику удавалось препятствовать, 3-я гвардейская танковая армия получила приказ помочь ей, нанося удар в юго-западном направлении. Выполняя этот приказ, 3-я гвардейская танковая армия ушла от нас в полосу левого соседа.

18 июля 1943 года я находился в левофланговой 380-й дивизии. И без этого широкая полоса нашей армии была приказом фронта увеличена на десять километров за счет левого соседа. Если раньше овладение Орлом было задачей 63-й армии, а мы

лишь ей помогали, то теперь проведение боя за город целиком возлагалось на нас. Сосед выводил свои войска из нашей полосы: нам надлежало принять решение, кем заменить эти соединения, и создать группировку для овладения Орлом. На созванном мною совещании высказывалось мнение, что надо создать сильную группировку на левом фланге, однако неясно было, где взять для этого силы и средства, так как полоса армии превышала 60 километров и наши полторы дивизии оборонялись еще на реке Зуше, на 40-километровом фронте. Мною было обращено внимание присутствующих на то, что Орел делится на две равные части — восточную и западную — рекой Окой, а западная его часть, в свою очередь, делится на северную и южную рекой Орлик. Если мы создадим ударную группировку для наступления на город с востока и захватим его восточную часть, а противник удержит западную, мы будем вынуждены бить по ней из орудий и авиабомбами, а противник будет бить по нас и разрушать восточную часть города. Если же мы овладеем южной частью западной половины города, то противник будет удерживать ее северный сектор, и мы опять же будем разрушать город совместно с противником. Исходя из этого я поставил вопрос: нужно ли создавать группировку для наступления на город с востока и для ведения уличных боев, не лучше ли поискать другое решение?

В результате поисков и размышлений было решено брать Орел обходом с севера и северо-запада, для этого создать ударную группировку армии на правом фланге, форсировать Оку в 20—30 километрах севернее города, нанося удар с северо-западного направления. Мы будем угрожать окружением противнику, обороняющемуся по реке Зуше и находящемуся в Мценске, а наступая по западному берегу Оки и обходя Орел, будем также угрожать окружением противнику, если он вздумает оборонять город. Левое крыло армии не будем усиливать — наоборот, 41-й корпус растянем на дополнительные десять километров и лишь одной дивизией этого корпуса будем наступать с востока, а остальными двумя форсировать Оку севернее Орла.

Это решение вполне себя оправдало. В то время как мы повернули основные силы армии на северо-запад, энергичный и предусмотрительный командир 342-й стрелковой дивизии полковник Л.Д. Червоний оставил по реке Зуше на 30-километровом фронте один полк, а остальные силы дивизии сосредоточил против Мценска и зорко следил за противником. Как только

противник начал отход, дивизия полковника Червония форсировала Зушу на всем фронте и повела преследование. Правда, форсировав реку, Червоний излишне задержался в комфортабельных, поспешно оставленных немцами землянках и отстал от своих полков, — мне пришлось посадить его в свою машину и перевезти туда, где ему надлежало быть. Но с тех пор он больше не пользовался моей машиной и перемещался только на своей.

20 июля 1943 года древний русский город Мценск, оккупированный 11 октября 1941 года, был освобожден воинами 342-й стрелковой дивизии полковника Логвина Даниловича Червония и частью сил 283-й стрелковой дивизии полковника Василия Андреевича Коновалова.

В крайне напряженный для группы армий «Центр» момент еще 13 июля решением Гитлера командование 2-й танковой и 9-й армий, занимавших орловский выступ, было объединено, и в командование этими армиями вступил генерал-полковник В. Модель, которого в вермахте называли «львом обороны». Вступая в командование орловской группировкой, Модель обратился к войскам 2-й танковой армии с приказом.

22 июля этот приказ командующего оказался в наших руках, и, поскольку он представляет интерес как характерный пример демагогии предвидящего свой скорый конец фашиста, привожу из этого приказа выдержку:

«Солдаты 2-й танковой армии! Спокойствие на Восточном фронте нарушено. Вам предстоят бои, которые должны решить все.

Солдаты! Подумайте о том, что взор родины, участвующей в тотальной войне, направлен на вас. Наша родина с удовлетворением воспринимает то, что противник встретил испытанную уже в борьбе волю нашей армии. Но мы должны вновь доказать нашей родине, что германская армия, где бы ни встретилась с противником, всегда нанесет ему мощный удар. Нам предстоит ожесточенная борьба. Но мы к ней привыкли. Противник знает, о чем идет речь, поэтому все зависит от вас, солдаты...»

Приказ не помог, хотя враг упорно сопротивлялся, умело используя рельеф местности, каждый бугор и ручей.

Выйдя на рубежи рек Оки и Оптухи, мы встретились со 2-й и 8-й танковыми дивизиями, 34, 56, 221-й пехотными, 20-й моторизованной дивизиями, частью 12-й танковой дивизии противника. Его авиация предпринимала массированные налеты. Несмотря на это, мы захватили ряд плацдармов на Оке.

Было решено из всех захваченных нами плацдармов основными силами расширять один — у населенных пунктов Городище, Каменка, Хватнево и Нарыково.

Особой ожесточенности бои разыгрались на этом плацдарме за узел сопротивления у деревни Апальково и высоты 250.6. Этот узел сопротивления закрывал нам путь на Орел с севера.

Четыре дня и четыре ночи шли напряженные бои за овладение апальковским узлом сопротивления. Здесь оборонялись 34-я и 221-я пехотные дивизии противника и его 20-я мотодивизия. Наши танки, действовавшие с дивизией полковника Червония, ворвались было в Апальково; за нашими танками поднялась в атаку пехота, но противник сковал ее шквальным огнем и отрезал от танков. Немцы ввели в бой самоходные орудия, танки открыли сильный огонь с прилегающей к Апалькову высоты 250.6 и восстановили положение. Безуспешными оказались и наши последующие атаки.

Немцы подбрасывали свежие моторизованные части. Их авиация совершала частые и ожесточенные налеты.

На наши атаки они отвечали контратаками. За один только день — 27 июля — мы предприняли четыре атаки на Апальково и отбили 13 немецких контратак. В этот день немецкая авиация произвела более 600 налетов.

В разгар боев, которые мы вели, части соседней правофланговой армии овладели городом Волховом. Это был крупный успех. Левый фланг нашего соседа приближался к нашему правому флангу. 28 июля уже шел бой за Брагино в непосредственной близости от наших правофланговых частей.

Нас держало Апальково. 31 июля снова разгорелся бой. Части дивизии полковника Ревуненкова захватили деревню Шумово в 22 километрах севернее Апалькова. Дивизия полковника Червония, которая вела бой за Апальково, предприняла перед заходом солнца последнюю и решительную атаку.

Лишь 31 июля нам удалось сломить сопротивление противника в этом районе, после того как наши две дивизии обошли этот узел с севера и овладели населенными пунктами: 362-я стрелковая дивизия — Калугином, 186-я стрелковая дивизия — Сальниковом, а с наступлением темноты штурмовой батальон 342-й стрелковой дивизии проник к Апалькову и атаковал внезапно. Вслед за батальоном ворвались танки. Нападение с этой стороны было столь неожиданным для опасавшегося лишь обхода противника, что он бежал, не оказав сопротивления. Наш штурмовой

батальон потерял лишь двух человек убитыми и трех ранеными. В этом районе противник оставил убитыми до 200 солдат и офицеров. Нами было захвачено 18 танков, 5 самоходных орудий, 28 орудий, 23 пулемета, много других трофеев и 20 пленных.

В течение 1 и 2 августа наша ударная группировка продвинулась на 20—22 километра, вышла к рекам Моховая и Неполодь. Против города Орла 308-я стрелковая дивизия захватила за рекой Оптухой две деревни, а 380-я стрелковая дивизия — большой плацдарм с рядом населенных пунктов.

Вечером 2 августа я был в 308-й стрелковой дивизии и упрекнул ее командира, обычно очень энергичного в наступлении, генерала Л.Н. Гуртьева за недостаточное использование успеха 380-й стрелковой дивизии. Этот случай запомнился мне навсегда.

Утром 3 августа мой НП был в Тайнинских Двориках, в 500 метрах от противника, на левом берегу реки Неполодь. В бинокль я видел перед собой Орел. Один за другим слышались глухие взрывы в городе, и видны были поднимавшиеся над ним клубы черного дыма: немцы взрывали склады и здания.

В это время я получил от генерала Гуртьева донесение о том, что его частями занят Крольчатник. Это было очень важно: Крольчатник был основным опорным пунктом противника на пути к городу. Но когда я перевел бинокль в том направлении, то увидел, что Крольчатник еще в руках противника. Я был уверен, что к этому времени командир 308-й дивизии уже переместился на новый КП и лично убедился в ошибочности посланного мне донесения. Зная Л.Н. Гуртьева как волевого, честного и решительного командира, я представил себе, как он болезненно пережил мое вчерашнее замечание за недостаточное использование успеха, а тут еще подчиненные ввели его в заблуждение с Крольчатником! Мне стало больно за него. Опасаясь, как бы он не сорвался и не стал искусственно форсировать события, решил к нему поехать, чтобы его ободрить. По прямой он находился от меня в двух километрах, но объезжать надо было километров пять—шесть. Его НП оказался в чистом поле, между железной дорогой и шоссейной, в полутора километрах перед Крольчатником. «Да, — подумал я, — он уже и сам не прочь пойти в атаку!» НП был выбран крайне неудачно: вокруг него виднелись частые разрывы снарядов. Остановив свою машину у обсадки железной дороги, я пошел по ржаному полю; рожь была невысокой, часто приходилось ложиться на землю, пережидать разрывы. Мое появление на НП удивило Гуртьева, он смущенной скороговоркой произнес:

— Как это вы здесь, товарищ командующий? Спускайтесь скорее ко мне в окоп, здесь у противника пристреляна нулевая вилка!

Я прыгнул в узкую щель. Мы оказались прижатыми один к другому. Гуртьев, видимо, готовился выслушать новое замечание, но я сказал:

— Сегодня у вас дело идет хорошо. Не сомневаюсь, что и Крольчатником скоро овладеете.

Он облегченно вздохнул, повеселел, и мне это было приятно, так как я высоко ценил его скромность, даже застенчивость, совмещающуюся с высокими качествами боевого командира.

Мы услышали новые артвыстрелы у противника.

— Наклоняйтесь ниже, это по нас, — сказал Гуртьев.

Окопчик был не глубоким, мы пригнулись, но головы оставались над землей. Один из снарядов разорвался перед нами в 10—15 шагах. Мне показалось, что я ранен в голову, но это была лишь контузия. Гуртьев приподнялся, проговорил:

— Товарищ командующий, я, кажется, убит, убит... — и уронил голову мне на плечо.

Да, он был убит. На память мне он оставил свою кровь на моей гимнастерке и фуражке. Эту гимнастерку и фуражку я хранил до конца войны.

В тот день Военный совет армии выразил глубокое соболезнование 308-й стрелковой дивизии в связи с утратой их командира, доблестного генерала, коммуниста, одного из храбрейших защитников Сталинграда. Леонтию Николаевичу Гуртьеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тот же день Военный совет обратился с воззванием ко всем солдатам и офицерам армии: «Бойцы и командиры! На ваших глазах гитлеровские бандиты уничтожают город Орел. Вы находитесь в 6—10 километрах от него. 2—3 часа быстрого наступления не только сохранят вас от лишних потерь, но и не позволят врагу окончательно разрушить родной город. Вперед, за скорейшее его освобождение!» Призыв был доведен до каждого командира и солдата.

4 августа части 308-й стрелковой дивизии подполковника С.А. Грекова, 380-й стрелковой дивизии полковника А.Ф. Кустова и 17-й танковой бригады под командованием полковника Бориса Владимировича Шульгина ворвались в восточную часть города, части 308-й дивизии, переправившись через Оку у Щекотихина, с боем ворвались в город с севера, а ударная груп-

пировка, форсировав реку Неполодь, охватывала город с северо-запада по западному берегу Оки. С юга ворвались в город части 5, 129, 348-й стрелковых дивизий, 231-й отдельный танковый полк и другие части 63-й армии генерала В.Я. Колпакчи.

5 августа к 5 часам 45 минутам Орел был полностью очищен. Население города восторженно встречало своих освободителей.

В этот день в Москве впервые в истории Великой Отечественной войны был дан салют из 120 орудий в честь освобождения городов Орла и Белгорода.

380-й стрелковой, 129-й стрелковой и 5-й стрелковой дивизиям было присвоено почетное наименование Орловских.

В районе города Орла нашу армию посетили многие известные писатели. В гостях у нас побывали Александр Серафимович, Борис Пастернак, Константин Симонов, Павел Антокольский, Константин Федин, Всеволод Иванов. В своих корреспонденциях они описали бои за Орел.

Выведенная после освобождения Орла во второй эшелон 380-я стрелковая дивизия приводила в оборонительное состояние западную окраину города. Остальные соединения армии продолжали наступление. С 6 по 16 августа преследовали противника, не прекращавшего попыток организовать сопротивление.

Отходя, немцы сформировали отряды факельщиков, имевшие задание сжигать населенные пункты и хлеб не только в копнах, но и на корню. Разрушались не только большие мосты, но даже трехметровые. Каждый железнодорожный рельс подрывался иногда в двух-трех местах. Портились даже обычные колодцы. Сельскохозяйственные орудия и инвентарь бросали в огонь пылавших домов и надворных построек. Много скота и лошадей было угнано или пристрелено во дворах и на поле. Производилось массовое минирование, особенно перекрестков дорог и обочин, внаброс и на глубину 20—40 сантиметров ставились противопехотные и противотанковые мины нажимного и натяжного действия, «прыгающие» мины. Минировались и различные предметы, специально оставляемые. Впервые в этих боях мы встретились с новым противотанковым средством противника — фаустпатроном.

Работоспособное население, не успевшее скрыться, немцы угоняли в Германию. Одна только наша армия отбила много колонн угоняемых, общей численностью более 30 тысяч человек...

В Орел прибыла чрезвычайная государственная комиссия под председательством одного из основоположников советской нейрохирургии, крупнейшего организатора военно-полевой хирургии, главного хирурга Красной Армии академика Николая Ниловича Бурденко для расследования злодеяний гитлеровцев.

При работе этой комиссии, при раскопках огромного количества уничтоженных людей, опросе оставшихся случайно в живых, анализе системы уничтожения людей присутствовал от армии майор, писатель С.А. Трегуб. Вот что он написал:

«...На улице Ленина жили две женщины, имевшие троих детей. Чтобы избежать захода немцев в их небольшой домик, они написали бумажку «сыпной тиф» и приклеили к двери. Немцы, прочитав записку, облили домик бензином и подожгли его. При попытке женщин и детей бежать из дома их пристрелили из автоматов.

В раскопанных больших могилах тюремного двора, в траншеях лежало до пяти тысяч трупов военнопленных и советских граждан. Трупы подверглись медицинской экспертизе. Был составлен акт, и в нем записано: «Жировая клетчатка отсутствует» — это значит, что человек замучен голодом.

«Во рту земля» — это значит, что человека бросили в могилу и закопали еще живым.

«Шея перетянута веревкой или проволокой» — это значит, что человека задушили.

«Пальцы сломаны и разможены» — их руки просовывали в дверную щель и прихлопывали.

Обреченных на смерть людей немцы заставляли нагибать голову и расстреливали в упор в затылок.

Тех, кого мы застали в тюрьме живыми, трудно было назвать людьми. Они больше походили на призраки.

Подобные траншеи с трупами нашли и в районе кирпичного завода, и на хуторе Малая Гать, и в Медведевском лесу, и в деревне Некрасово.

Девушек, проявивших упорство в свою защиту, гнали на минные поля. Там они подрывались. Так было с Марией Буровиной, Милей Тимоновой, Галей Леденевой и Зоей Шилиной.

В селе Ивот из 6000 жителей было истреблено или угнано 4200 человек.

В селе Трудки из 912 дворов осталось целыми 25, колодцы были забиты трупами людей...»

8 августа нашей армии была передана полоса наступавшей правее 61-й армии. 16 августа мы вышли к городу Карачеву и левее его

и были выведены в резерв фронта, где мы находились до 31 августа, комплектовались, приводя себя в порядок, и по 9—10 часов в день занимались боевой и политической подготовкой.

Член Военного совета фронта Л.З. Мехлис, по-видимому, принадлежал к числу тех, кто имеет слишком цепкую память и с великим трудом меняет свое мнение о людях. Я не сомневался, что он хорошо помнил грубый разговор со мной у него в кабинете в Москве, после моей встречи с Вильгельмом Пиком, помнил и то, как он отобрал у меня предписание на выезд для формирования конницы. После того разговора я не спал несколько ночей, ожидал повторения 1938 года и был очень рад, что меня забрал к себе на юг С.К. Тимошенко.

Л.З. Мехлис, при каждой встрече со мной до освобождения Орла, не пропускал случая задать мне какой-нибудь вопрос, от которого можно было стать в тупик. Я отвечал просто и, вероятно, не всегда так, как ему хотелось. Однако заметно было, что он, хотя и с трудом, к лучшему изменяет свое прежнее отношение ко мне. Когда мы уже были за Орлом, он вдруг сказал:

— Я долго присматривался к вам и должен сказать, что вы мне нравитесь как командарм и как коммунист. Я следил за каждым вашим шагом после вашего отъезда из Москвы и тому, что слышал о вас хорошего, не совсем верил. Теперь вижу, что был не прав.

Поблагодарив за откровенность, я сказал:

— Не скрою и я от вас, что вы тогда, в Москве, мне очень не понравились, я пережил много неприятных часов. Видел также, как настороженно вы встретили меня на фронте. Но я привык прежде всего думать о деле. Очень рад тому, что вы только что мне сказали.

После этого разговора Л.З. Мехлис стал чаще бывать у нас в армии, задерживался за чаепитием и даже говорил мне и моей жене комплименты, что было совершенно не в его обычае. Он был неутомимым работником, но человеком суровым и мнительным, целеустремленным до фанатизма, человеком крайних мнений и негибким, — вот почему его неутомная энергия, стремление «понять все насквозь» и сделать все как можно лучше не всегда имели хорошие результаты. Характерно, что он никогда не поручал писать кому-либо шифровки и писал их только сам, своим оригинальным почерком.

По его инициативе мы встречались с ним много раз после войны, когда он был министром госконтроля, и мне казалось,

что он относился ко мне с полным доверием. В свою очередь я ставил перед ним ряд вопросов, которые должны были контролироваться его аппаратом.

Нет ни одной операции, о которой не хотелось бы рассказать. Условия, в которые попадала 3-я армия, и характеры людей, встретившихся между собой в ее командовании и вскоре сблизившихся по взглядам, были основой того, что ни одна операция нами не осуществлялась «по трафарету»; всякий раз мы старались принимать решения, отвечающие именно данному случаю, и они кажутся мне не менее поучительными, чем простое усвоение правил и приемов, как будто одинаково пригодных в любых типовых обстоятельствах. Дело, однако, не только в этом. Даже в то время, когда я находился на высоких командных должностях, отношения с подчиненными, несмотря на мою требовательность, не ограничивались служебной официальностью. Может быть, солдаты и молодые командиры чувствовали, что мне пришлось за мою жизнь много перенести нелегкого, не знаю, — во всяком случае с их стороны встречал по большей части открытость и нечто личное, вполне уживающееся с уважением к старшему. Память сохранила много лиц, немало и имен. Если бы достало сил и умения, я написал бы о «незаметных героях», показывавших величие духа и простоту подвига, гибкость и силу ума. Здесь я могу лишь упомянуть о немногих. Разумеется, я пропускаю также очень важные эпизоды в ходе войны, но мои воспоминания — не история Великой Отечественной войны, даже не история хотя бы одной 3-й армии.

После Орловской операции наша армия была выведена в резерв фронта и находилась в районе Карачева. В первые дни мы собрали командиров частей, их заместителей, вышестоящих командиров и других начальников и провели с ними подробный разбор этой операции. На положительных и отрицательных примерах боевых действий батальонов, полков и дивизий показали, как надо и как нецелесообразно вести бои. Показали положительную и отрицательную работу ряда командиров и начальников.

Чтобы развить еще больше инициативу у командиров, научить организации ведения боя и разведки, проводили двусторонние учения на специально подобранной и поучительной ме-

стности. Поскольку времени у нас было мало, на этой местности пропускали конвейером все батальоны, а потом и полки.

Учили, по каким признакам отыскивать слабые места в обороне противника и незанятые промежутки, атаке во фланг и тыл. Как лишь частью сил отражать контратаку противника, а основными силами ускорять наступление, выходить на пути отхода контратакующего. Показывали преимущества наблюдателей, поднятых на строение или высокие деревья, насколько вредно отставание командира дивизии от наступающих частей, так как по его примеру будут отставать командиры частей и батальонов. Стремилась предупредить чувства боязни и страха, разъясняли, что страх и боязнь появляются инстинктивно и бывают у каждого, но силой воли их нужно и можно преодолеть, побороть так, что с течением времени вместо них вырабатываются мужество и бесстрашие, что может подтвердить любой давно находящийся на фронте, что страх и боязнь понижают способность бить врага, а кто больше боится, тот всегда бывает больше бит; естественно, если ты не убьешь врага, то он убьет тебя! Страх доводит иногда до того, что солдат забывает свой долг, присягу, покидает свое место в бою, как это было с Е., которого Военный трибунал приговорил к расстрелу.

Не хвляясь можно сказать, что благодаря большой работе всех офицеров за десять дней мы добились многого.

Из боевых действий проведенной операции мы выбрали ряд проверенных фактов, которые ярко показывали, что может сделать проникнувшая в тыл врага хорошо организованная разведка во главе со смелым и решительным командиром. Значение роты, даже взвода, проникших в промежутки боевых порядков противника и атаковавших его с фланга или с тыла. Эти отличные действия доводили до всего личного состава через армейскую газету. Вот одни из многих отличившихся.

Лейтенант Ушаков со своей ротой проник в тыл врага у Затишья, атаковал с тыла. Деревня была захвачена почти без потерь, а противник разбит и пленен.

Лейтенант Лисицкий со взводом зашел в тыл к противнику, занимавшему высоту у деревни Одинок, атаковал, захватив ее и 40 пленных.

Рота старшего лейтенанта Бакишева пробралась в тыл к противнику, обнаружила в овраге скопление бронемашин, обстреляла, а потом атаковала противника, который бежал, оставив бронемашину. Рота захватила 15 бронемашин и 2 пленных.

Лейтенант Добрынин в районе Апалькова зашел в тыл к противнику со своим взводом, уничтожил расчет 75-миллиметрового орудия и пулемет, тем содействовал занятию высоты.

Старший сержант Сергиенко с 5 автоматчиками проник в деревню, атаковал взвод противника, захватил 10 пленных, остальных уничтожил.

Группа разведчиков во главе с лейтенантом Мамедовым захватила и привела 7 пленных.

Младший лейтенант Денисов с группой разведчиков захватил и привел 8 пленных вместе с унтер-офицером.

Батальон под командованием капитана Турина был контратакован противником. Капитан оставил против контратакующего одну роту с пулеметами и противотанковыми ружьями, с двумя ротами ускорил наступление, чтобы занять окопы противника, а одним взводом стал выходить в тыл контрнаступающего. Противник дрогнул, стал отходить в беспорядке, оставив на поле 90 убитых и раненых и два подбитых танка.

Эти и многие другие выписки из боевых донесений были направлены в батальоны и полки армии и доведены до солдат и офицеров.

И еще мне вспоминаются осторожность и сметка одного старого колхозника. Это было в 1943 году. На учебном двухместном самолете я вылетел из Воронежа в Москву. Как всегда, я интересовался местностью, над которой пролетали, и сличал ее со своей картой. Перед обратным вылетом я спросил летчика:

— Каким маршрутом полетим?

— Тем же, каким летели, — ответил он.

В течение первого часа полета я видел под крылом самолета знакомые мне объекты. На втором часу полета обратил внимание на незнакомую местность, что заставило меня забеспокоиться. Мое беспокойство возросло до такой степени, что я потребовал от летчика произвести посадку. Летчик долго выбирал подходящую площадку в поле и наконец совершил удачную посадку.

Летчик спросил меня:

— В чем дело?

Мною ему было спокойно разъяснено, что с начала полета я видел знакомые ориентиры нашего маршрута, а потом, на втором часу, уже не видел ни одного объекта из тех, которые должны быть на пути нашего маршрута:

— Боюсь, что мы сбились с пути и можем попасть на территорию, занятую противником.

Мои слова насторожили летчика. Мы вылезли из самолета и, увидев пожилого человека, подошли к нему и спросили, как называется ближайший город и сколько до него километров. Наш вопрос ему показался подозрительным. По всему было видно, что нас он принял за немцев, а с ответом медлил, обдумывал, что сказать, и все оглядывался по сторонам, не увидит ли кого из своих. Не ответив на наш вопрос, в свою очередь спросил нас:

— А вы кто будете, откуда летите?

— Летим из Москвы, нам кажется, что мы сбились с пути, вот и сделали посадку, чтобы не попасть к немцам и уточнить, где мы находимся, — ответил я.

— Да, дело ваше плохое, вы уже находитесь на территории, занятой немцами. Ближайший от нас город Мценск, но в городе немцы, и до него около тридцати километров. — Говоря это, старик испытующе смотрел на нас из-под нависших густых бровей и, видимо, испытывал беспокойство. Мне показалось, что он боится разговаривать с нами и удивлен тому, что никто из деревни, которая находилась в километре от нас, не идет к самолету.

Обращаясь к летчику и колхознику, я спросил:

— Но почему же нас никто не обстрелял, когда мы пересекали линию фронта?

Мой вопрос остался без ответа...

Наше беспокойство для колхозника было достаточно убедительным, чтобы признать в нас своих, а не шпионов, и он заявил:

— Я сказал вам правду, что ближайший город Мценск, до него тридцать километров. Город, как известно вам, занят противником, но эта территория немцами не занята.

Хотя я и догадывался, но спросил колхозника, почему же он сказал, что эта местность оккупирована немцами?

— Сначала мне показалось, что вы немцы, а что я мог сделать с вами двумя? — услышали мы в ответ. Потом он добавил: — Если бы вы оказались чужими и узнали, что сели на стороне красных, вы бы сели на самолет и улетели, а если бы я сказал, что здесь немцы, то вы пошли бы со мной в деревню, а там вас цап-царап, — и засмеялся.

Мы были удивлены смекалке и находчивости русского мужика. Выразили ему свое восхищение, поблагодарили и попросили пойти с нами к самолету. Колхозник опять усомнился:

— А зачем?

Но когда мы сказали, что снабдить куревом, тогда он согласился. Идя втроем к самолету, я думал: «Еще бы минут пятнадцать

промедлили бы с посадкой — и оказались бы мы в руках немцев». Спасла привычка следить и сравнивать местность с картой.

Подошли к самолету, летчик дал колхознику три пачки папирос, а я большую белую булку и полкило колбасы. Стали обдумывать, как быть дальше. Решили продолжать полет с большой поправкой на отклонение компаса. Распрошались с бдительным колхозником и поднялись в воздух. Мы летели 30 минут на восток, потом повернули в юго-восточном направлении. Хотя и с приключением, но благополучно вернулись в Воронеж.

Был и другой случай, несколько не совпадающий с первым.

Через два с половиной месяца после этого полета я прибыл в район Мценска, чтобы командовать 3-й армией, а еще через дней пятнадцать по соседству с тем полем, на котором мы приземлились три месяца назад, произвел посадку немецкий связной самолет.

Летчик и самолет были захвачены. Летчик дал нам ценные сведения и сообщил номера подобных самолетов. Небольшая неисправность в самолете была быстро устранена.

Мы решили использовать этот самолет для разведки противника. Наш летчик и наблюдатель несколько раз перелетали передний край обороны, летая над боевыми порядками противника на высоте 300—400 метров, и тщательно обследовали интересующие нас районы. Поскольку летали низко, мы каждый раз меняли номер самолета: рисовали один из тех номеров, который был на других немецких самолетах.

С каждым возвращением самолета мы получали подтверждение сведений, сообщенных пленным летчиком, получали и другие ценные сведения. Самолет немцами ни разу не был обстрелян. Для маскировки наши обстреливали его, но с таким расчетом, чтобы не попасть в самолет с нашими летчиками, но с немецкими опознавательными знаками.

Историческая победа Советской Армии под Орлом, Курском и Белгородом явилась решающим событием и фактически главным содержанием третьего года Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии. Курская битва — одна их крупнейших битв Второй мировой войны 1939—1945 годов, в ходе которой немецко-фашистская армия потерпела поражение, от которого она уже не могла оправиться до самого конца войны. Советские войска разгромили 30 дивизий противника, в том числе 7 танковых, вермахт потерял свыше полумиллиона солдат и офицеров, 1500 танков, свыше

3700 самолетов. Из того числа за период с 12 июля по 5 августа войсками только 3-й армии было уничтожено и захвачено солдат и офицеров — 24 200, орудий разных калибров — 564, минометов — 481, самоходных орудий — 84, самолетов — 68, танков — 213, бронемашин — 92, пулеметов — 842, автоматов и винтовок — 19 650, мотоциклов — 306, автомашин — 465, тягачей — 219, раций — 52. Разрушено 244 оборонительных сооружения противника, снято 63 тысячи мин; захвачен 71 склад с боеприпасами (41 тысяча мин, 76 750 артснарядов, 118 600 патронов). Противник оставил 70 паровозов, 80 вагонеток, 20 понтонных лодок, десятки тысяч километров телефонного кабеля и много другого ценного имущества.

Освобождено до 4 тысяч квадратных километров с тысячами населенных пунктов.

Противник не только лишился так называемого орловского плацдарма, захваченного осенью 1941 года (треугольник Волхов, Мценск, Орел), но и полностью был срезан весь выступ немецкого фронта восточнее Брянска. Победой на Курской дуге и выходом советских войск к Днепру завершился коренной перелом в ходе войны. Германия и ее союзники были вынуждены перейти к обороне на всех театрах боевых действий Второй мировой войны. В Курской битве окончательно потерпела крах наступательная стратегия вермахта и прошло суровую проверку советское военное искусство. Разгром гитлеровских войск в Курской битве создал исключительно выгодные условия для высадки англоамериканских войск в Сицилии и в Южной Италии.

Верховное командование Советских Вооруженных Сил поставило перед действующей армией задачу в течение лета и осени 1943 года выйти на реку Сож и среднее течение реки Днепра, захватить плацдармы на западных берегах этих рек.

Решение задачи возлагалось на несколько фронтов. Не успело затихнуть сражение на Курской дуге, как вспыхнуло сражение на орловском выступе, а когда шли бои за Орел, включились в наступление Западный, а потом и Калининский фронты. Продолжали наступать и войска Брянского фронта.

Во второй половине августа перешли в наступление Юго-Западный и Южный фронты.

6 августа 1943 года президент США Ф. Рузвельт в послании главе Советского правительства писал:

«В течение месяца гигантских боев Ваши вооруженные силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью

и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия... Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами»¹.

Глава английского правительства У. Черчилль отмечал: «Три огромных сражения — за Курск, Орел и Харьков, все проведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте»².

Буржуазные историки фальсифицируют роль и значение Курской битвы и считают эту битву только лишь эпизодом минувшей войны.

В 1956 году в переводе с немецкого языка в Советском Союзе вышла книга генерала Курта Типпельскирха «История Второй мировой войны». Рассматривая важнейшие операции советских и немецко-фашистских войск, он вынужден признать: 1943 год принес немцам окончательную потерю инициативы в войне на Востоке «как из-за тяжелых потерь прошедшего года, так и в силу растущей мощи Красной Армии»...³ Но «негибкое руководство становившегося все более упрямым Гитлера губило в оперативном масштабе все с трудом достигнутые тактические успехи войск»⁴. Генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль вынужден признать то, что «северная ударная группировка скоро наткнулась на глубокоэшелонированную оборону русских. Попытки пехотных и инженерных частей расчистить дорогу танками... оказались безрезультатными... Особую тревогу вызвали потери танков в «белгородской мясорубке»⁵, но, как и у К. Типпельскирха, «невероятное упрямство Гитлера... облегчало крупные победы русских, а иногда даже являлось их причиной»⁶. Американский генерал периода Второй мировой войны Омар Н. Бредли в своих рассуждениях идет дальше. Подробно описывая десантную операцию в Сицилии, начавшуюся 9 июня 1943 года, в разгар битвы на Орловско-Курской дуге, он находит возможным вспомнить, что «в России в первый раз летнее наступление начала Красная Армия,

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957. С. 76.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945). М., 1965. Т. 3. С. 294.

³ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 311.

⁴ Там же. С. 318.

⁵ Роковые решения. М., 1958. С. 212.

⁶ Там же. С. 215—216.

а не немцы»¹. В конце сентября 1943 года, когда Красная Армия гнала гитлеровские войска на Запад, прочно овладев стратегической инициативой, Бредли пишет, что союзники опасались, «что Сталин может пойти на сделку с Германией и оставить нас один на один с фашистами»², хотя известно: Советские Вооруженные Силы даже в 1941 и 1942 годах были полны решимости довести борьбу с фашизмом до победного конца. Такие оценки никак не способствуют утверждению правды о роли Советского Союза в разгроме гитлеровского вермахта.

Брянский фронт имел задачу к 28 августа выйти на линию Жуковка—Брянск и захватить на реке Десне плацдармы: в дальнейшем, охватывая Брянск с севера и юга, овладеть брянским плацдармом и наступать на Гомель.

3-я армия за десятидневное пребывание в резерве фронта, в районе севернее Карачева, в какой-то степени укомплектовалась, отдохнула и, учтя опыт проведенных боев, провела много занятий и учений, начиная с отделения и кончая полком. К 3 сентября она сосредоточилась юго-восточнее города Людинова, где стала готовиться к наступлению.

Перед войсками армий были сплошные леса, бездорожье, много рек с большим количеством заболоченных притоков. Мы понимали, насколько эта местность будет способствовать обороне противника и затруднять нам наступление.

Разрабатывая лучший вариант для действий нашей армии при выполнении ближайшей задачи, мы выбрали тот, который позволял форсировать меньше рек, но избежать наступления через брянские леса и болота мы, разумеется, не могли. Поскольку лесной бой имеет много особенностей, командование армии тщательно продумало вероятную систему обороны противника в лесах, составило короткую инструкцию и отправило ее в дивизии для руководства.

Одновременно мы поставили в известность командиров соединений, что противник запретил колхозникам производить озимый посев в районах Гомеля, Новозыбкова и Климова, а это признак того, что он не надеется организовать упорную оборону к востоку от рек Сож и Днепр. По-видимому, на такую оценку противником своего положения влияло и то, что в его тылу активно действовали наши партизаны, которые мешали отходу

¹ Бредли О. Записки солдата. М., 1957. С. 217.

² Там же. С. 282.

действующих частей, подходу резервов и подвозу всего необходимого.

В наш Брянский фронт после изгнания немцев из орловского выступа входили: 11, 3 и 63-я общевойсковые армии, 11-я гвардейская армия и 15-я воздушная армия, 2-й кавкорпус и части усиления. Позднее с Западного фронта в Брянский была передана 50-я армия.

Фронт имел задачу прорвать оборону противника у города Людинова и, наступая в западном направлении, к 28 сентября выйти на линию Жуковка—Брянск и захватить плацдармы на реке Десне. В дальнейшем, охватывая Брянск с севера и юга, овладеть брянским плацдармом и наступать на Гомель.

Командующий Брянским фронтом М.М. Попов в поисках лучшего решения отправился на правый фланг 50-й армии генерал-лейтенанта И.В. Болдина, только что вошедшей в его подчинение. Вскоре мы с радостью узнали, что он отказался от намерения наступать из района южнее Людинова, а принял новое решение: нанести удар силами правого крыла фронта из района северо-западнее Кирова в южном направлении. Командующий фронтом пошел еще дальше: он побывал на переднем крае левого фланга Западного фронта, недавно имевшего успех и повернутого теперь на юго-запад, нашел там более выгодный участок для прорыва обороны противника и решил использовать его для наступления основными силами 50-й армии в районе Дубровки (в 30 километрах западнее Кирова).

Были определены задачи войскам правого крыла фронта: 50-я армия переходит 7 сентября в наступление главными силами из района Дубровки, прорывает оборону, наступает в юго-западном направлении и во взаимодействии с 3-й армией уничтожает группировку противника, не допуская ее отхода за реку Десну.

3-я армия, используя успех 50-й армии и взаимодействуя с ней, начинает наступление 9 сентября с задачей на своем крайнем правом фланге наступать на города Бытош, Жуковка и захватить плацдарм на реке Десне.

11-я армия сосредоточит главные силы на своем правом фланге, перейдет в наступление 9 сентября и, взаимодействуя с 3-й армией, овладеет Бежицей, захватив плацдарм на реке Десне, и будет наступать на Брянск с целью овладения им.

15-я воздушная армия основные свои усилия будет направлять в полосу наступления 50-й армии.

Первое решение командования 3-й армии заключалось в следующем: 380-я и 308-я стрелковые дивизии прорывают оборону противника между реками Болва и Неполодь, а 17-я дивизия своим правым флангом наступает по восточному берегу реки Неполодь на юг. Но после того как стало известно, что ударная группировка 50-й армии нанесет удар не из своей полосы, а западнее, то есть из полосы 10-й армии, мы, с согласия командующего фронтом, передвинули эти две дивизии в полосу 50-й армии. Тем самым мы избегали форсирования ряда рек при выполнении ближайшей задачи.

Наступление 50-й и 3-й армий началось своевременно и протекало успешно. К исходу 10 сентября оборона была прорвана на 60-километровом фронте. Наши правофланговые дивизии продвинулись на 30 километров и овладели городом Бытош. Три другие дивизии очистили от противника плацдарм (35 километров по фронту и 7 километров в глубину) восточнее рек Неполодь и Болва и овладели городом Людиновом. Поскольку мы захватили выступ, на котором оборонялся противник, к северо-востоку от Людинова полоса наступления 3-й армии сократилась с 60 до 35 километров. Но это не упростило нашу задачу, так как на столько же сократился и фронт обороны трех пехотных дивизий противника, они оказались даже в более выгодном положении, обороняясь в лесу при полном бездорожье. Противник стал оказывать на новом рубеже сильное сопротивление. Но мы не вводили в сражение свой второй эшелон — 80-й стрелковый корпус, который сосредоточился в районе Людинова и восточнее его, прибегая для развития успеха, который надеялись иметь в недалеком будущем. Действительно, за следующие 7 суток, включая 17 сентября, наша армия с боями продвинулась правым крылом еще на 30, а левым на 60 километров, вышла на всем фронте к реке Десне и захватила плацдармы на ней. Правее нас успешно наступала 50-я, а левее 11-я армии.

Противник, отступая от Людинова и Бытоша на юго-запад и на запад, отрезал вторгнувшийся в его глубину 2-й кавалерийский корпус от тылов и от стрелковых соединений; живая связь с корпусом была утрачена. Но корпус, оказавшийся отрезанным, не только отражал атаки противника, но еще и захватил плацдарм за Десной. Связь с корпусом через 36 часов была восстановлена. С ним соединились 380-я и 308-я стрелковые дивизии, наступавшие в полосе 50-й армии.

50-я и 3-я армии форсировали Десну и, успешно развивая наступление, угрожали обходом противнику, занимавшему Брянск. Таким маневром они вынудили его к отходу 17 сентября 1943 года. Город Брянск освобожден! В этот же день был освобожден город Бежица.

20 сентября временное полевое управление нашей армии перешло в село Соколья Слобода, где находился командный пункт 80-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Ивана Леонтьевича Рагули. Его левофланговая 342-я стрелковая дивизия с рассветом перешла в наступление, встречая слабое сопротивление, а 362-я и 17-я дивизии к 13 часам не продвинулись ни на шаг.

На мой вопрос: «Где сейчас находится 342-я дивизия и чем вы больше всего обеспокоены?» — командир корпуса генерал Рагуля ответил:

— Не могу сказать, где сейчас находится 342-я стрелковая дивизия, так как с ней не могу связаться в течение более двух часов, и это меня беспокоит.

— Откуда вы получили последнее донесение?

— Из Печни Слободы.

По карте было видно, что Печня Слобода находится в 12 километрах за левым флангом переднего края обороны 362-й дивизии. Я высказал предположение: когда штаб 342-й дивизии доносил об успешном наступлении из Печни Слободы, их наступающие полки находились значительно дальше. Штаб и командир дивизии не хотели отставать от полков и пошли вперед. Вероятно, 342-я стрелковая дивизия продвинулась на 20—25 километров, поэтому с ней и нет связи. Думая о ней, надо беспокоиться главным образом за ее открытый фланг и заботиться о том, чтобы она не сбавила темпов своего наступления. Не меньше следует беспокоиться о соседних с ней 362-й и 17-й стрелковых дивизиях, которые топчутся на месте. Можно сказать уверенно, что противник перед этими двумя дивизиями давно отошел.

Вставали две задачи: не допустить остановки 342-й стрелковой дивизии и обеспечить немедленное продвижение 362-й и 17-й стрелковых дивизий.

Как ни странно, я решил поехать в 342-ю стрелковую дивизию сам, командиру корпуса приказал ехать в 362-ю и начальнику штаба в 17-ю дивизию, чтобы обеспечить немедленное их продвижение и как можно быстрее вывести хотя бы один полк 362-й по маршруту 342-й стрелковой дивизии. Заместителю на-

чальника штаба армии генералу Б.Р. Терпеловскому я приказал довести до сведения войск армии о смелых, решительных действиях и успешном продвижении 342-й дивизии полковника Логвина Даниловича Червония. Принимая к исполнению это приказание, Борис Робертович настойчиво отговаривал меня от поездки в 342-ю дивизию, советуя послать в нее кого-нибудь из корпуса. Но я настоял на своем.

Когда я прибыл в Печню Слободу, от оставленных там солдат узнал, что командир дивизии выехал вперед часа четыре тому назад.

По отвратительной, покрытой глубокой грязью дороге проехал десять километров и увидел колонну противника силой до батальона. За ней тянулся обоз. Отходящая колонна двигалась в полутора-двух километрах левее нас по большаку, на который мы хотели выехать. Конечно, мы продолжали ехать по проселочной дороге, но, увеличив скорость, через три километра обнаружили еще две колонны, шедшие по большаку одна за другой, каждая в батальон. Наших не было видно, не слышно было и артиллерийской стрельбы впереди.

Проехав еще десять километров, догнали своих. Сначала встретили в деревне Поляховке резервный батальон, а потом доехали и до тех подразделений, которые вели бой. Таким образом, наш левый фланг оказался открытым на расстоянии более чем в 30 километров. На высоте 205.5 у деревни Поляховки наконец нашел командира дивизии полковника Л.Д. Червония и лично убедился, что подталкивать его не придется: он использовал все свои возможности, вел бой не только в западном, но и в северном направлениях, а ведь с востока к нему подходили три отступающих батальона противника, о которых он еще и не знал.

Мне осталось только выразить восхищение «суворовским» 40-километровым переходом 342-й дивизии, да еще в такую грязь. Я поблагодарил командира, просил его передать мою благодарность подчиненным ему частям и сообщить, что я нахожусь на наблюдательном пункте их дивизии.

Мое восхищение несколько омрачалось заботами. Куда повернут три батальона противника, которые я видел в пути? Не замкнут ли они кольцо вокруг дивизии? Удалось ли генералу Рагуле вывести хотя бы полк 362-й дивизии на маршрут 342-й? И как буду возвращаться обратно в штаб армии?

Сообщил командиру дивизии, что командир корпуса принимает все меры, чтобы продвинуть 362-ю стрелковую дивизию по его маршруту, тем уменьшить разрыв и обеспечить его левый фланг.

Командир дивизии, докладывая, показывал рукой: противник обстреливает нас пулеметным огнем: с севера — с высоты 192.6; с запада — из села Осколкова и деревни Работка; из-за роши и высоты ведет минометный огонь. Доложил и о том, что в резерве у него два батальона — один в Поляховке, другой в Трусовке. Наблюдатели подняты на строения и деревья и наблюдают во все стороны. Как бы оправдываясь, добавил: подавив пулеметный огонь на высоте 192.6, можно было бы продвинуться еще, но снарядов и мин маловато, не хочется расходовать последние, да и люди приустиали; поэтому он решил перейти к обороне, пока не подойдут соседи.

Я одобрил его решение и сообщил командиру дивизии, что час тому назад видел в тылу у него две колонны противника, которые спешили на запад. Рекомендовал послать в резервные батальоны артнаблюдателей для своевременного предупреждения, чтобы можно было обстрелять подходящего противника артиллерией, заранее подготовив данные для стрельбы в этих направлениях. Заметно было, что мое сообщение произвело неприятное впечатление на командира дивизии, но я не считал нужным скрывать от него ничего — надо знать истину, хотя и горькую. «Лучше пусть понервничает при мне, чем получит внезапный удар от противника, когда я уеду», — подумал я.

Еще раз поблагодарил командира дивизии, пожелал дальнейших успехов. На прощание, пообещав подогнать 362-ю стрелковую дивизию, я просил донести на командный пункт армии, что я убыл.

Возвращались тем же путем. Иногда останавливались, чтобы в бинокль тщательно рассмотреть все подозрительное впереди. Особенно настороженно въезжали в населенный пункт. Противника нигде не было видно. Вспоминая слова генерала Терпеловского, я признавал, что он был прав, отговаривая меня от этой поездки, но исправить ошибку было уже невозможно. Подыскивал мотивы, оправдывающие мою рискованную поездку. Я их не находил, так как смелый полковник Червоний и без моего подталкивания сделал все, что от него зависело. Пытался оправдать себя и тем, что кто-то другой, кого бы послали, мог бы выехать на большую дорогу и попасть в плен, не предупредил бы полковника Червония о грозящей опасности с тыла, и командир дивизии не выставил бы артнаблюдателей на эту дорогу. Но и эти гадания не подходили для оправдания по существу неоправданного риска.

Так с переживаниями, но без приключений я доехал до своих. Сначала встретил части 362-й стрелковой дивизии, а потом по-

сланную мне навстречу машину. Не могу сказать, чтобы не доставили тревог и эти встречи с частями и машиной — ведь неизвестно было, чьи они.

Следующий этап наступления — выход на реку Беседь и захват плацдарма на ней — был завершен за шесть суток. За это время 41-й корпус прошел 70 километров, а 80-й корпус — 100 километров по чрезвычайно труднопроходимой местности, особенно в районе рек Воронуса, Уданка, Ипать со множеством притоков и под непрерывным дождем.

Освободили 22 сентября 1943 года города Мглин и 25 сентября Сураж (хотя последний был за нашей левой границей). Овладели городами Самотичи и Костюковичи 28 сентября.

Честь освобождения Костюковичей — города на белорусской земле, который был оккупирован 14 августа 1941 года, — выпала воинам 283-й и 120-й гвардейской стрелковых дивизий под командованием полковника В.А. Коновалова и генерал-майора Н.К. Масленникова. Освобождению города способствовали партизанские отряды 2-й Клетнянской партизанской бригады Тимофея Михайловича Коротченко.

Человек, владеющий пером, мог бы занять описанием Брянской операции — от города Кирова и Людинова до реки Сож через брянские леса, реки и болота, при полном бездорожье и осенней распутице, — целую книгу. Я же, не имеющий этой способности, уложился, к сожалению, в несколько страниц. Я действительно об этом жалею: легко сказать — расстояние в 280 километров по прямой преодолели в 22 суток. Но если учесть ожесточенные бои и то, что у солдат нет крыльев, они ходят не напрямик, а по кривым дорогам и большей частью совсем без дорог, совершают обходные движения, перегруппировки, отступают и снова наступают, то для солдата эти 280 километров превращаются в целых 500 километров. Легко сказать — «преодолевали реки», но даже малоизвестная заболоченная речка Ветьма оказалась настоящей «Ведьмой», как называли ее солдаты. На ней шли ожесточенные бои в течение трех суток. Деревни и села на ее берегу по несколько раз переходили из рук в руки. А таких речек было множество на нашем пути.

В этих боях особо отличились части полковника Крылова, подполковника Подольского и саперы майора Белуха. Эти соединения и части за стойкость и мужество, дисциплину и организованность, проявленные в боях, были переименованы в гвардейские.

Колоссальную помощь Красной Армии оказали боевые действия партизан.

В войсках противника моральное состояние резко ухудшалось. Пленные говорили: «Нам обещали большое успешное летнее наступление, оно и было успешным, но только не для нас. После июльских неудач нам говорили, что русские израсходовали все свои людские резервы и больше не в состоянии наступать, что дальше Десны отступить не будем, а все отступаем и отступаем. Теперь говорят, что на реках Сож и Днепр построен восточный вал, но никто этому не верит».

Сопrotивление противника его не спасало. Наши солдаты и офицеры рвались вперед. Спешили потому, что знали: каждый день промедления приносит неисчислимоe горе и слезы советским людям, находящимся на оккупированной немцами земле. Освобождая родную землю, солдаты повсюду видели развалины, а вместо деревень — пепелища, но на лицах освобожденных жителей светились счастье, безграничная радость. И боевой порыв дивизии полковника Логвина Даниловича Червония был одним из замечательных свидетельств, на что способен советский воин, защищающий свой народ. Дивизия полковника Червония, по бездорожью сделавшая переход более 40 километров в один день, с такой энергией атаковала противника, что он не успел подорвать заранее минированный мост на Десне.

Много приказов противника попало в тех боях в наши руки. Приведу один из них, поскольку он не лишен интереса.

«ПРИКАЗ

командующего 9-й армейской группой генерала Моделя

№ 792/43

17 сентября 1943 г.

О СОХРАНЕНИИ СИЛ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Война, которую в продолжение четырех лет ведут против нас исполненные ненависти враги, поглощает, вследствие потерь на фронтах, лучшую кровь немецкого народа. К этому теперь добавляются очень тяжелые потери от подлых террористических воздушных налетов на внутренние области Германии, что не оставляет сомнений в стремлении противника полностью уничтожить силы нашего народа. Если дело дойдет до невозстано-

вимога, в смысле крови, ослабления сил нашего народа, то мы проиграем войну, даже выиграв ее в собственно военном отношении. Поэтому приобретает совершенно исключительное значение вопрос заключения браков и повышения рождаемости. Он настолько существенный, что все командиры частей должны со всей серьезностью заняться им.

Каждый немец и каждая немка должны отнестись к этому вопросу с чувством глубокой ответственности за будущее нашего народа. Забота о продлении, в смысле крови, существования нашего народа должна быть рассматриваема теперь — и это нужно высказать со всей ясностью — как святая обязанность, по значению своему ни в коем случае не уступающая долгу вооруженного служения родине.

Я настоятельно предлагаю каждому солдату, будь он офицер или рядовой, еще не основавший своей семьи, решиться выступить против смерти, грозящей нашему народу. Было бы не по-солдатски откладывать это решение до более благоприятного времени, ибо тогда, возможно, будет уже поздно. От солдата требуют мужества перед лицом врага. Но такое же мужество он должен обнаружить и в решении того, какую форму придать будущей своей жизни.

Я вменяю в обязанность всем командирам основательно проинструктировать по этим вопросам всех своих офицеров и проследить за тем, чтобы в каждой воинской части эти мысли были бы доведены до каждого солдата. При распределении отпусков следует позаботиться о том, чтобы солдаты, которые просят об отпуске в целях обзаведения семьей, а также отцы семейств получали бы во всех случаях предпочтение перед другими.

Я войду в высшие инстанции с предложением, чтобы офицеры, достигшие 30-летнего возраста и оставшиеся холостяками, всегда, даже при равной пригодности к службе, состояли бы на втором плане в отношении продвижения и поощрения по сравнению с женатыми офицерами.

Модель».

В этом приказе выражены не только обычное для фашистов зоологическое отношение к людям, не только подход к человеческим отношениям с биологической точки зрения. В нем проявились фактор деморализации вследствие тяжелых потерь фашистской Германии, неверие в возможность победы в войне,

мысль о реваншистской войне через 20—25 лет, когда вырастет новое поколение солдат, которых производить на свет приказывал Модель, соблазняя ускоренным продвижением по службе...

При подходе к реке Сож, на последних 80 километрах, наступательный порыв в наших войсках был настолько силен, что ни одна дивизия не хотела оставаться в резерве, а на последних 20—30 километрах ни один полк не хотел оставаться во втором эшелоне своей дивизии. Все хотели быть впереди, и мы согласились на такое построение боевых порядков, ибо исключали на восточном берегу Сожа возможность не только контрудара, но и крупных контратак.

Правда, наши дивизии имели большой некомплект в личном составе, если он существовал еще до Орловской операции, то, естественно, еще больше возрос после Орловской, а тем более после Брянской операции. Централизованное пополнение поступало слабо — мы пополнялись главным образом за счет партизан и выздоравливавших от ран и болезней в госпиталях нашей армии. Однако мы не думали останавливаться на реке Сож, а рассчитывали на передышку только по выходе на Днепр. Вот почему, когда наши передовые дивизии 1 октября вышли к Сожу, на другой день рано утром я был уже на берегу реки и проводил рекогносцировку на предмет ее форсирования.

Эту реку я видел впервые. Ширина ее была 90—150 метров, глубина 3—8 метров, долина шириной в 2 километра, со множеством протоков, а за ней — высокий западный берег, занятый противником, отошедшим на заранее подготовленные позиции.

Форсирование мы начали 2 октября. Находясь на командном пункте, на опушке леса у реки, я и мой штаб прислушивались к трескотне вражеских пулеметов и разрывам снарядов, по которым определяли силу сопротивления противника. Он наращивал огонь. В воздухе появились немецкие разведчики, потом бомбардировщики нанесли удар по нашим войскам в долине реки; начались и пехотные контратаки с танками, при сильной артподдержке. Наблюдая эту картину и слыша разговоры об огневом превосходстве врага, что мы могли сказать в ответ? Доставка боеприпасов у нас отставала... и мы говорили своим подчиненным: «Да, возможно, сегодня и не удастся выбраться на высокий берег, занимаемый противником, но ничего — удастся позднее, когда подвезем боеприпасы. Сегодня берегите силы».

Все же в этот день мы захватили и удержали три небольших плацдарма в долине реки. Это было в то время очень важно.

После выхода на реку Сож положение соседей нашей армии было следующим: правее нас 50-я армия находилась на нашем уровне на реке Проня, захватив на ней два небольших плацдарма; на реке Сож и смежными флангами захватили небольшой плацдарм севернее города Гомеля. Южнее слияния реки Сож с Днепром, от города Лоева и далее на юг, наши войска были уже за Днепром.

10 октября 1943 года Брянский фронт был расформирован. Командующий фронтом М.М. Попов вместе с членом Военного совета Л.З. Мехлисом прибыли к нам. Было жаль расставаться с Маркианом Михайловичем Поповым — большим мастером военного дела, товарищем по оружию, боевым другом. При проходах мы впервые узнали в нем новое качество — мастера слова, и не потому, что он в адрес нашего коллектива сказал много доброго и дал войскам 3-й армии высокую оценку, но и потому, что он говорил необыкновенно просто, умно и естественно.

Конечно, мы не могли говорить так красиво о его работе как командующего, как нам хотелось. Мы просто говорили, что многому у него научились, в частности — беспристрастному, хорошему отношению к людям, которое безусловно содействовало успеху боевых действий.

С апреля 1944 года и до конца войны М.М. Попов был начальником штабов Ленинградского, 2-го Прибалтийского фронтов, где с присущей ему обстоятельностью, мастерством и блестящей штабной культурой способствовал боевым успехам этих фронтов. И действительно, в ходе войны и после ее окончания, в мирное время, мы все тепло вспоминали и вспоминали командующего нашим Брянским фронтом Маркиана Михайловича Попова.

Остается добавить: после войны он командовал войсками Львовского и Таврического военных округов. В 1956—1962 годах генерал армии М.М. Попов с наилучшей стороны проявил себя в должности начальника Главного штаба — первого заместителя главнокомандующего Сухопутными войсками. Любой вопрос, большое или малое дело начальник Главного штаба Сухопутных войск М.М. Попов разрешал деловито, спокойно, без какой-либо проволочки.

С большой гордостью и радостью мы восприняли 7 мая 1965 года Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении генералу армии М.М. Попову звания Героя Советского Союза за умелое командование войсками в годы Великой Отечественной войны и личное мужество, проявленное в борьбе

с немецко-фашистскими захватчиками. Маркиан Михайлович Попов безвременно ушел из жизни 22 апреля 1969 года. Для нас всех, кому довелось служить с этим замечательным человеком — от солдата до маршала, — это была невосполнимая утрата.

Война шла своим чередом. Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед Советской Армией, войсками фронтов задачу развивать наступление с целью освобождения Белоруссии и Правобережной Украины, изгнать гитлеровских захватчиков с советской земли. В частности, Калининскому, Западному и Центральному (переименованному в октябре в Белорусский фронт) предстояло разгромить немецкую группу армий «Центр» и выйти на рубеж Минск — Слуцк — река Случь. Исходя из этого войскам Белорусского фронта под командованием Константина Константиновича Рокоссовского было приказано главный удар нанести армиями левого крыла в направлении Жлобин, Бобруйск, Минск, овладеть столицей Белоруссии и выйти на рубеж Минск, Слуцк и река Случь. Начало наступления было назначено на 15 октября. Армиям правого крыла (50, 3 и 63-й) на первом этапе приказано было вести бои местного значения, чтобы не допустить переброски войск противника в районы Гомеля и Речицы, так как и в районе Гомеля велись уже бои по расширению плацдарма для освобождения города, а на направлении Речица—Бобруйск должно было начаться наступление.

Задача, поставленная армиям левого крыла фронта, оказалась для них непосильной. Вместо выхода на линию городов Минска и Слуцка войска этих армий продвинулись лишь до города Речицы.

Три армии правого крыла, как уже было сказано, вели бои местного значения: в частности, нашей 3-й армии рекомендовалось расширить один из захваченных плацдармов до размера в 16 квадратных километров. Имея такую задачу, мы оставили в обороне три дивизии, а четыре вывели во второй эшелон и приступили к регулярным занятиям: стоящие в обороне изучали противника, его цели, поведение, отрабатывали варианты оборонительных боев и совершенствовали оборону, а дивизии второго эшелона отрабатывали варианты наступления для расширения плацдарма, изучали противника и местность в глубине его обороны.

Одной из важных работ этого времени была подготовка к разбору и разбор со старшими офицерами в армейском масштабе Брянской операции.

Изучая достоинства этой операции и недостатки, ошибки, какие-либо другие факты, мы прежде всего из этой поучительной операции извлекли уроки для будущего. Несмотря на успех операции в целом, внимание офицеров главным образом обращалось на недостатки в действиях войск. А недостатков оказалось много.

Мы уже убедились, что противник стал очень бояться окружения, обхода и охвата флангов. А мы по-прежнему нередко атакуем его опорные пункты в лоб, несем при этом лишние потери. Происходит это потому, что мы плохо ведем разведку, не знаем слабых мест во вражеской обороне.

Когда противник отходит, мы почему-то стараемся преследовать его по пятам, из-за этого подолгу задерживаемся перед огнем его прикрывающих подразделений. Надо чаще прибегать к параллельному преследованию. Встретил батальон огонь вражеского прикрытия, пусть оставит против него взвод с пулеметами и минометами, а остальными силами обходит противника и отрезает ему пути отхода. При таких действиях можно продвигаться значительно быстрее и потери будут меньше.

Некоторые офицеры все еще болезненно реагируют на контратаки противника. С этим пора кончать. Если нечем поразить танки — пропускай их, уничтожай идущую за танками пехоту, а танки будут уничтожены артиллерией в тылу. Самое лучшее — оставлять перед контратакующим противником часть сил, а остальными ускорять движение вперед с целью выхода ему в тыл. А у нас еще бывают такие случаи: немцы контратакуют один наш батальон, а другой прекращает наступление и выжидает, что получится у соседа, вместо того чтобы помочь ему своими действиями.

Беда наша — из-за плохих дорог отстают тылы, затруднен подвоз боеприпасов. Между тем каждая из наших дивизий в бою захватывает исправные орудия, минометы, пулеметы и автоматы противника, десятки тысяч снарядов и мин, миллионы патронов. Почему не используются трофейные оружие и боеприпасы?

Большое место в разборе занимали отличившиеся части, подразделения и отдельные солдаты, сержанты и офицеры. Особое внимание было уделено саперам, которые, несмотря на малолюдность саперных батальонов, провели в эту операцию колоссальную работу. Так, лишь один батальон 283-й стрелковой дивизии за 20 дней наступления построил 26 новых мостов и отремонтировал 38, построил 200 погонных метров пешеходных мостиков, 661 погонный метр дорог с деревянным покры-

тием, 1575 метров дорог с хворостяным покрытием, 35 переездов через железные дороги, проложил 4 километра колонных путей в лесу, поставил 165 дорожных указателей, разминировал 46 километров дорог, отрыл 325 погонных метров щелей для КП и НП — и это далеко еще не полный перечень его работ.

Я обошел передний край каждой дивизии. На определенную точку вызывал командира дивизии с группой офицеров. Выслушивал сначала разведчиков: что они знают о стоящем перед ними противнике, о его группировке, численности, намерениях. Потом спрашивал начальника оперативного отделения о частях дивизии и о соседях. Требовал от заместителя командира дивизии оценить обстановку и высказать предложения о подготовке активных действий, а также и о том, где отрывать первую и вторую траншеи для обороны. После этого давал слово командующему артиллерией, инженеру и, наконец, командиру дивизии.

Лишь выслушав все ответы на вопросы — мои и прибывших со мною генералов и офицеров, — я давал указания. Если ответы казались мне неудачными, помогал наводящими вопросами, добиваясь, чтобы подчиненные сами приходили к правильной мысли. После этого я одобрял их решение и утверждал его, не подчеркивая, что оно в большей или меньшей части было подсказано. Я хорошо запомнил, как нас учили когда-то И.Э. Якир, М.Н. Тухачевский и М.Д. Великанов, как они оберегали авторитет командира и его веру в себя. Мне всегда казалось вредным для дела, когда начальник с руганью обрушивается на подчиненного за предложенное неверное решение. Нет, не ругать, не наказывать нужно в таких случаях, а поправлять, помогать, учить. От этого куда больше пользы!

Учитывая, что границы армии могут измениться в ту или другую сторону, я детально изучил положение не только в своей полосе, но и побывал у правого и левого соседей, ознакомился с местностью, прилегающей к нашим границам, и с обстановкой, которая там сложилась.

Срок решительных действий по расширению нашего южного плацдарма, намеченный на 12 октября, приближался. Но, несмотря на старание службы тыла, боеприпасы прибывали медленно, их едва хватало на покрытие текущей потребности. Причин этому было много: отставание фронтовых складов, подвоз конным транспортом, ибо шоссейных дорог не было, а проселочные из-за дождей стали непроходимыми для машин, да и большая часть машин была неисправной, и один рейс занимал 14 суток.

Что же получалось? С одной стороны, нельзя проводить активных действий с таким количеством боеприпасов, которого и для обороны мало; с другой стороны, при каждом докладе командующему фронтом мы слышали требование — вести активные действия. Мы были вынуждены отбирать боеприпасы у одних соединений, прибавлять их другим — тем, которые готовились к наступлению.

На рассвете 12 октября после десятиминутного артналета мы пошли в наступление. Используя внезапность, в течение первых трех часов мы захватили на высоком берегу реки деревни Костюковка, Салабута и Студенец, а в последующие два часа, ломая сильное сопротивление, продвинулись еще на два километра. К этому времени противник подтянул свои резервы с танками, начал контратаки при поддержке мощной артиллерии и бомбежки с десяти самолетов. Наши дивизии, поддержанные лишь слабым артогнем, были вынуждены отойти к деревням, что на берегу реки, в немецкие траншеи и оказались в невыгодном положении, так как траншеи имели хороший обзор и обстрел к востоку, а к западу местами всего на 50 метров.

Мы превосходили противника на этом участке численностью войск и количеством пулеметов и орудий, но значительно уступали ему в боеприпасах и не имели танков. Учитывая также, что мы у противника ничего не видим, а он с высокого западного берега просматривает на всю глубину наши боевые порядки, мы сделали вывод, что дальнейшая активность будет безрезультатной и лишь увеличит наши потери. Решили продержаться до темна и отойти на исходное положение.

В 18 часов я доложил командующему фронтом о результатах боя, о решении отойти и о том, что в дальнейшем надо отказаться от активных действий, если нельзя обеспечить их боеприпасами. Командующий фронтом генерал армии К.К. Рокоссовский хотя и не выразил неудовольствия по поводу нашей неудачи, но проведение боев местного значения нашей армией не отменил. Тогда я ему доложил, что был на переднем крае обороны перед фронтом правого соседа, 50-й армии, — там, на реке Прони, шириной 30—40 метров, есть брод и хорошие подступы с нашей стороны. Просил прирезать к нашей армии 15 километров из полосы соседа. На том участке наши активные действия себя оправдают — можно будет захватить большой плацдарм с меньшими потерями в людях и средствах.

Мне показалось, что предложение прирезать полосу в 15 километров удивило командующего фронтом: обычно командармы просят уменьшить, а не увеличить их полосу. После небольшой паузы Рокоссовский спросил:

— Сколько времени вам потребуется, чтобы начать там активные действия?

— На перегруппировку потребуется пять—семь суток, — ответил я. — Но нас по-прежнему будут лимитировать боеприпасы. Прошу резко увеличить их отпуск.

На другое утро мы получили шифровку о прирезке нам от соседа полосы в 15 километров с предоставлением 50-й армии права вывести из нее свою дивизию.

После рекогносцировки новой полосы совместно с командирами тех дивизий, которые переходили в нее, было решено: реку Проню форсировать у села Красная Слобода, где есть брод и хорошие подступы к реке. Форсирование начать 25 октября, до того дня перевести в этот район пять из семи дивизий и обеспечить их боеприпасами — одним боекомплектом.

Была уверенность, что, имея хотя бы такое количество боеприпасов, мы захватим и удержим плацдарм. Основывалась она на том, что свои силы мы сосредоточим незаметно для противника и, используя брод, атакуем его внезапно. Из имеющихся боеприпасов намеревались израсходовать в первые два дня захвата плацдарма 60 процентов, на отражение контратак 20 процентов и 20 процентов иметь в резерве. Кроме того, мы подвезли трофейные пушки и минометы с боеприпасами к ним и рекомендовали командирам использовать их в первую очередь.

Саперам дано было приказание в первый день форсирования реки построить два свайных моста и четыре пешеходных мостика; места для них были выбраны такие, которые не будут наблюдаться противником, если мы удержимся на плацдарме. Командиры дивизий получили указания захватить как можно больший плацдарм в первый день, пока противник не успел подвести резервы, и захваченное без промедления закреплять. Мы сказали также командирам, чтобы они не боялись за свои фланги: мы будем их оберегать огнем с восточного берега. С рассветом, после артналета, мы начали наступление и захватили плацдарм в 6 километров по фронту и 3 километра в глубину. Было взято 46 пленных, 14 орудий, 10 минометов, 18 пулеметов и другие трофеи. Ночные действия успеха в первые сутки нам не принесли.

Мы обратили внимание командиров и начальствующих лиц на усиление местных заготовок продовольствия и фуража по нарядам уполнаркомзага, на более полное использование ветряных и походных мельниц для помола зерна и выпечку в крестьянских печах хлеба.

26 октября, возобновив наступление, мы расширили и углубили плацдарм на один километр, захватили еще пленных, орудия, минометы. Контратаки мы отбили, но потери несли не меньше, чем в первый день, при форсировании. С 27 по 29 октября мы уже не наступали, а только отбивали атаки противника, поддержанные танками и авиацией. Его артиллерия каждый день выпускала три-четыре тысячи снарядов и мин по захваченному нами плацдарму. За эти три дня мы во время своих контратак захватили еще 28 пленных, 11 орудий, 7 минометов, 33 пулемета. В эти дни потерь у нас было меньше, и все поле перед плацдармом было усеяно вражескими трупами. Удержав плацдарм протяженностью четыре километра, мы закрепились на достигнутых рубежах.

Я доложил комфронтом, что армия перешла к обороне. Он сказал:

— Хорошо, что удержали плацдарм. Мы видим, что армия не может сейчас действовать активно, но не давайте противнику разгадать это. Заставьте его думать, что вы готовились продолжать наступление, а в это время накапливайте боеприпасы. Продумайте план поведения своих войск.

На совещание в наш штаб собрались мои заместители, начальники родов войск и служб и командиры корпусов. Были заслушаны доклады начальников отделов — разведывательного (Туманяна), оперативного (Владимирского) и начальника тыла армии. Было решено: временно перейти на всем фронте нашей армии к обороне и готовиться к наступлению; четыре дивизии оставить в обороне, а три вывести во второй эшелон; принять меры к более активному обеспечению армии боеприпасами, горюче-смазочными материалами и т. д.

Чтобы приковать внимание противника к северному участку и создать у него впечатление, что мы не отказались от расширения плацдарма и наступления с него, мы выработали план дезинформации, которым предусматривались дополнительная пристрелка целей перед северным плацдармом и установка макетов орудий, маскированное движение войск на юг и не маскированное на север, разведение и поддержание костров за первым флан-

гом в лесу на глубине 5—10 километров, временами шум моторов, имитирующий подход танков, постройку и укрепление мостов ко всем плацдармам, заготовку и подвоз запасного леса.

План начали осуществлять со следующего же дня. Противник стал проявлять нервозность — он усиленно освещал передний край по ночам, производил мощные артналеты на ложные орудия, на районы, где поднимался дым от костров и где был слышен шум моторов, ежедневно расходуя от двух до трех тысяч снарядов на протяжении 10—12 суток. Было видно, что он придал большое значение нашим мероприятиям. Потом противник, вероятно, понял наш обман — он перестал реагировать на наши выдумки. Но мы на большее и не рассчитывали.

Однажды мне доложили, что перед нашим самым маленьким плацдармом у села Рудня противник сосредоточивает силы. Мои помощники делали вывод — противник хочет прогнать нас с плацдарма, а судя по сосредоточиваемым там силам, возможно, затевает и что-то более серьезное. Чтобы выяснить истинное положение, я выехал на наблюдательный пункт, и там мне доложили, что два вечера отмечался подход подразделений из глубины к селу Рудня, примерно по два батальона каждый вечер, за 20—30 минут до наступления темноты; место, где видны были колонны противника, находится от нас примерно в трех километрах, и всякий раз наблюдать удавалось примерно 5—7 минут. Доложили еще, что противник ведет в эти дни пристрелку по плацдарму и по нашему берегу орудиями разных калибров, до тяжелых включительно. Мне все стало ясно: если бы противник имел намерение ликвидировать наш плацдарм, а тем более если бы замышлял более крупную операцию, он не стал бы показывать свои батальоны перед наступлением темноты, а использовал бы для их движения темноту, обеспечивая себе внезапность удара. Более вероятно, что немцы уводят часть сил с этого участка и хотят создать обратное впечатление. Возможно, они перебрасывают подкрепления на участке юго-западнее Гомеля к Речице, где наши войска уже месяц ведут наступление.

Я приказал всем дивизиям, стоящим в обороне, усиливать наблюдение днем, внимательно прислушиваться ночью и обо всем замеченном доносить, уделяя особое внимание не тому, что противник показывает, а тому, что он тщательно скрывает. Командующему артиллерией дал указание — с временных позиций орудиями разных калибров произвести пристрелку реперов против нашего южного плацдарма, записав данные пристрелки и

температуру, имея в виду, что они могут нам пригодиться, когда на эти позиции будут поставлены целые дивизионы.

Комфронтом при очередном разговоре мне сообщил:

— Пленные, захваченные у Речицы, принадлежат 36-й дивизии, снятой с вашего фронта. Нужно сделать новую попытку расширить один из ваших плацдармов, чтобы не допускать дальнейшего снятия сил, находящихся против вас. Подумайте, где это лучше сделать, и доложите мне завтра.

Мы не могли не верить командующему: действительно было много случаев, когда противник в трудные моменты снимал целые дивизии с более спокойных участков; но бывало и так, что он снимал всего лишь один полк или даже батальон и перебрасывал его далеко от своей дивизии.

Хотя нашей разведке пленного захватить не удалось, напрашивался вывод, что обстановка благоприятствует активным действиям. Решено было не только расширить один из плацдармов, а перейти в решительное наступление всей армией с целью выхода на Днепр.

В тот же день я по телефону ВЧ доложил командующему фронтом:

— Вы обещали выслушать нашу комбинацию и помочь ее осуществлению, если она заслуживает внимания. Так вот, во-первых, мы просим полосу, прирезанную нам от 50-й армии, вернуть обратно соседу с тем, чтобы он, сменяя наши войска, ввел на плацдарм за реку Проня две дивизии. Я полагаю, что ввод соседом войск на плацдарм будет замечен противником, который может принять это как усиление наших войск с целью активных действий именно на том участке. Тем временем мы, незаметно для него, выведем с плацдарма наши дивизии. Во-вторых, все силы нашей армии мы сосредоточим у нашего южного плацдарма и начнем там активные действия, но не с целью его расширения, а для перехода в решительное наступление, чтобы выйти к Днепру в полосе армии. По выходе к Днепру прикроемся справа частью сил, а всеми остальными поведем наступление на Довск для захвата этого узла шоссейных дорог,отрежем пути отхода на север гомельской группировке противника. Если нам удастся захватить Довск, противник будет вынужден оставить район Гомеля вместе с городом. Конечно, при выполнении этого варианта мы рассчитываем и на то, что вы прикажете активно действовать нашим соседям — 50-й армии левым флангом с переданного ей нами плацдарма, а 63-й армии — правым флангом.

Я не был бы удивлен, если бы командующий фронтом плохо подумал о нас в этот момент, сопоставляя факты: месяц тому назад Горбатов просил прирезать полосу, теперь просит забрать ее обратно. От него требуется расширить один из плацдармов, а он решает наступать всеми силами на Днепр, да еще сделать решительную попытку отрезать пути отхода гомельской группировке.

Мне послышались в голосе командующего фронтом ирония и легкая усмешка, когда он сказал:

— Ну что ж, это неплохо... — а потом спросил: — Когда думаете наступать?

Услышав, что 25-го, он снова спросил:

— А нельзя ли ускорить дня на три?

— Можно, — ответил я, — если вы поможете подвезти боеприпасы своими машинами.

— Подвозить будете сами, наши машины заняты. Будете успешно наступать к Днепру, прикажу соседям не отставать от вас.

На другой день мы получили шифровку о возвращении полосы соседу с правом вывода наших войск из нее, а вместе с этим приказание 50-й армии о передаче нам 40-й истребительной противотанковой артбригады, минометных полков. Тогда я понял, что командующий говорил вполне серьезно.

Перед наступлением наши дивизии были укомплектованы до 4500 человек, а две из них доведены до 5000. Боеприпасов накопили до одного боекомплекта. На плацдарме построили два свайных моста под грузы в 60 и 16 тонн, два пешеходных мостика, в последнюю ночь должны были навести наплавной мост и еще два мостика.

От захваченных до 9 ноября пленных мы имели сведения о наличии против нас лишь 267-й и 110-й пехотных дивизий и о резервах невыясненной численности и принадлежности. Наблюдатели отмечали, что противник продолжает укреплять свои позиции, уплотняет минные поля и усиливает проволочные заграждения.

Нами было принято следующее решение: всеми силами армии перейти в решительное наступление с южного плацдарма с целью выйти на Днепр и захватить узел шоссейных дорог Довск. Наступление начать с небольшого плацдарма, имея четыре дивизии в первом и три во втором эшелоне.

На рассвете 22 ноября с первыми выстрелами десятиминутного, но мощного артиллерийского налета головные батальоны поднялись и пошли в наступление. Преодолев нейтральное про-

странство, они с последними пушечными выстрелами атаковали ошеломленного противника и ворвались в его первую траншею.

К концу первого часа мы овладели населенными пунктами Костюковка, Салабута, Студенец, а к исходу дня, несмотря на то что сопротивление противника не ослабевало, вышли: 362-я стрелковая дивизия к селам Гайшин и Селище; 283-я стрелковая дивизия перерезала шоссе Пропойск—Довск; 17-я стрелковая дивизия вышла к Славне и на шоссе; 121-я гвардейская стрелковая дивизия — к реке Костелянка, овладев селами Рудня и Костелянка.

41-й стрелковый корпус (186-я и 120-я дивизии) к 20.00 сосредоточился на плацдарме в районе Новый Путь, Лобаревка и в лесу, что западнее, очистив его от мелких групп противника. 269-я стрелковая дивизия, как резервная, сосредоточилась к 24.00 на плацдарме у села Хлебного. Артиллерия с помощью саперов, преодолевая невероятные трудности, частью взобралась на крутой берег, но небольшая ее часть находилась еще в долине реки.

Личный состав этой отстающей части артиллерии, состоявшей главным образом из орудий крупных калибров, хорошо понимал, насколько необходимо поддержать огнем наступающих с рассветом. А потому всю длинную осеннюю ночь на руках вытягивали из долины реки на обрывистый берег свои орудия и, несмотря на усталость и бессонную ночь, все же успели занять свои позиции и обеспечили дальнейшее наступление.

За день был захвачен плацдарм в 20 километров по фронту и 10—14 километров в глубину. Противник понес большие потери в живой силе и технике, нами было захвачено 200 пленных, 41 орудие, 50 минометов и много других трофеев.

Все наши оптимистические предположения на этот день были превзойдены. Я долго ничего не докладывал командующему фронтом, и в свою очередь из штаба фронта не спрашивали, как идут дела.

— Не потому ли, — сказал я генералу Коннову, — что считают наши действия довольно обычным безрезультатным активничаньем?

— Конечно, — подтвердил мою догадку Коннов. — Константин Константинович, наверное, сомневается в том, что нам удалось протащить все силы армии через такой маленький плацдарм.

Позвонив командующему, как всегда, в 17 часов, я доложил о результатах первого дня. Константин Константинович только сказал:

— Да неужели это правда?

— Да, правда, — ответил я.

Тогда он воскликнул:

— Так развивайте, жмите сколько хватит сил! Это отлично — и неожиданно...

Резервы противник подтягивал издалека, и, хотя сопротивление он постоянно усиливал, наше наступление продолжалось своевременным введением в сражение 41-го стрелкового корпуса.

Командир 362-й дивизии генерал В.Н. Далматов, хороший командир и прекрасный товарищ, донося мне на третий день о занятии села Рудня, поставил необычное условие: «Город Пропойск не входит в полосу нашей армии, но мы можем им овладеть при условии, что вы не будете возбуждать ходатайство о присвоении дивизии наименования «Пропойская». Конечно, Василию Никитичу я дал обещание, и в 13 часов того же дня дивизия В.Н. Далматова овладела городом Пропойском¹, а к исходу дня заняла и деревни Шеломы и Ржавку.

283-я стрелковая дивизия под командованием отважного и расчетливого В.А. Коновалова, преодолевая сопротивление контратакующего противника, к 17 часам 30 минутам вышла к Днепру, овладев селом Селец-Холопеев. Таким образом, боевые порядки противника на восточном берегу Днепра были рассечены и он лишился рокадного шоссе, идущего от Могилева на Довск и далее на Гомель и Рогачев.

Четыре дивизии армии наступали по расходящимся направлениям, не имея связи между собой, кроме радио, соревнуясь в беге вперед. Лишь три дивизии имели тактическое взаимодействие. Они наступали в юго-западном направлении, их целью было овладеть узлом шоссе дорог у Довска, чтобы лишить противника отхода из района Гомеля

К исходу третьего дня для противника, находившегося в районе Гомеля, создалось критическое положение: ему не осталось иного выхода, как перебрасывать войска против нашей группировки. Но и положение нашей армии было исключительно сложным, можно даже сказать — опасным. Наши дивизии понесли, конечно, потери, резерв армии был уже израсходован, а между нами и правым соседом образовался разрыв в 35 километров; артиллерия и мин оставалось 0,35 боекомплекта, а автобат, занятый

¹ В 1945 г. Пропойск преобразован в город районного подчинения Славгород Могилевской области. В летописных источниках упоминается в 1150 г. (*Примеч. ред.*)

подвозом боеприпасов, был 22 ноября отобран и возвращен в распоряжение фронта.

Оценивая сложившуюся обстановку, мы были убеждены, что успех достигнут: противник не сможет удержать район Гомеля и будет вынужден отступить. В то же время мы понимали, что, оставив район Гомеля, противник всю свою ярость обрушит на нас. Не исключались также возможности удара с севера, по шоссе от Могилева. Беспокоил нас и огромный разрыв с 50-й армией, которая еще не перешла в наступление своим левым флангом. Успокаивали мы себя тем, что без риска на войне не обойтись, а наш риск мы считали обоснованным. Надеялись, и, как оказалось, не напрасно, что правый сосед подтянет свой левый фланг, уменьшая образовавшийся между нами разрыв, а левый сосед (63-я армия), используя наш успех, перенесет свои усилия на правый фланг и также облегчит этим наше положение.

Особенно мы боялись за разрыв с 50-й армией и за шоссе, идущее от Могилева, а потому 362-й стрелковой дивизии приказано было одним полком захватить и оборонять село Хачинка до подхода частей 50-й армии, а остальными силами сосредоточиться в Большой Зимнице, образуя армейский резерв. В этой сложной обстановке хотелось иметь в резерве хоть что-нибудь.

Четвертый день операции ознаменовался такими событиями: 283-я стрелковая дивизия овладела селом Обидовичи на берегу Днепра, но в то же время испытала сильное давление со стороны 95-й пехотной дивизии, переброшенной противником из района Орши. Полк 283-й дивизии, отбивая атаки противника, захватил 23 пленных, подбил 8 танков, но был вынужден оставить село Селец-Холопеев. Надо заметить, что в ходе сражения колоссальную работу проделали саперы.

121-я гвардейская стрелковая дивизия овладела районным центром Корма у нашей левой границы на реке Сож и продвинулась к западу от него.

Противник начал отход из Гомеля и его района.

Пятый день был отмечен салютом Москвы в честь освобождения Гомеля. Нашим 283-й и 121-й гвардейской стрелковым дивизиям под командованием полковника Василия Андреевича Коновалова и генерал-майора Логвина Даниловича Червония, 584-му истребительному противотанковому артиллерийскому полку подполковника Петра Николаевича Ушакова и 295-му гвардейскому артиллерийскому полку подполковника Бориса Васильевича Подольского было присвоено наименование «Го-

мельских». Хотя наши соединения и части находились далеко от Гомеля, их участие в его освобождении было высоко оценено командованием.

В этот же день мы получили уведомление, что из состава 63-й армии нам передается 5-я Орловская стрелковая дивизия и что 40-й стрелковый корпус 63-й армии, используя наш успех, начал форсирование реки Сож у левой нашей границы. Услышав эти новости, один из наших генералов вспомнил поговорку: лучше поздно, чем никогда.

Уроки этой смелой и доведенной до конца операции были для нас, принадлежащих к командованию 3-й армии, очень важны. В результате ее обстановка на нашем фронте к 2 декабря резко изменилась: 3-я армия вышла на Днепр от села Селец-Холопеев до села Гадиловичи; лишь в правом углу полосы нашей армии 267-я пехотная дивизия удерживала на восточном берегу Днепра район 12 на 12 километров у деревни Прибор.

От захватчиков освободили обширную территорию между реками Сож и Днепр. Если продвижение за Днепром армий левого крыла фронта способствовало успеху 3-й армии, то выход этой армии к Днепру и продвижение за ней 50-й и 63-й армий, овладение Гомелем и его районом значительно облегчили положение армий левого крыла фронта, встречавших большие трудности в своих наступательных боях.

Только на фронте нашей армии, не считая потерь, понесенных противником от наших соседей, большой урон понесли 267, 95, 292 и 110-я пехотные дивизии, 50, 321, 532-я строительные, один специальный батальон и армейский батальон СС.

Освобожден был крупный промышленный и областной центр Гомель и значительная часть Гомельской области. Большую роль в этой операции сыграли захваченные и удержанные нами плацдармы, несмотря на то что они были очень малы (самый большой — 2,5 на 2 километра). Я, как и прежде, предпочитал активные действия, но избегал безрезультатных потерь людей. Вот почему мы так тщательно изучали обстановку не только в своей полосе, но и в прилегающих к нам районах соседей, при каждом захвате плацдарма полностью использовали внезапность и одновременно с захватом предусматривали закрепление и удержание его. Я всегда лично следил за ходом боя и, когда видел, что наступление не сулит успеха, не кричал: «Давай, давай!» — а приказывал переходить к обороне, используя для нее, как правило, выгодную и сухую местность, имеющую хороший обзор и обстрел.

Как ни велика была наша вера в боеспособность армии, действительность превзошла ожидания. Мы считали бы большим достижением, если бы прошли 50-километровое расстояние до Днепра к исходу четвертого дня; но армия выполнила эту задачу на сутки раньше, в условиях, когда даже патроны доставлялись самолетами У-2 (поддержка с воздуха отсутствовала — погода была нелетной). В этой операции заслуживают похвалы действия сотен тысяч солдат и сотен командиров.

Большая заслуга наших артиллеристов заключалась в точном и быстром нахождении целей как при прорыве обороны противника, так и в ходе всего наступления. Большую роль сыграли орудия прямой наводки, число которых доходило до 30 процентов всех имеющихся стволов.

Как и в предыдущую операцию, колоссальная работа была проделана саперами всех батальонов, и особо почетная роль выпала на 57-ю инженерную бригаду. Только одной этой бригадой построено через реку Сож 7 мостов, 12 штурмовых мостиков, разминировано 26 проходов на переднем крае и 275 километров дорог во время наступления, снято 13 500 мин, отремонтировано 33 моста, 155 километров дорог и проложено 109 километров колонных путей. А сколько было работы в долине реки при приведении ее в проходимое состояние и устройстве выходов на крутой берег!

Несмотря на быстрое продвижение войск, телефонная и радиосвязь работали безотказно, в этом заслуга всех связистов, начиная от рядового и кончая начальником связи армии генерал-майором войск связи Г.Ф. Мишиным.

В этой операции мы еще раз убедились, как велико значение личного общения старших начальников с подчиненными, особенно в трудные моменты боя. Даже в тех случаях, когда старший не может помочь силой или средствами, он помогает своим авторитетным советом.

Глава 8

ДНЕПР

Успешно завершив Гомельскую операцию, 3-я армия вышла 2 декабря 1943 года на фронте от реки Бобровка до села Гадиловичи на Днепр. Наши соседи до Днепра еще не дошли, и нам со спокойной совестью можно было бы до общего наступления фронта остановиться на этом рубеже. Но обстановка, как я ее

понимал, сама подсказывала: как только лед окрепнет, надо захватить плацдарм за Днепром. Нами уже был облюбован район в излучине реки у села Шапчинцы, и три дивизии из восьми мы вывели во второй эшелон, чтобы готовить их к этой операции.

На нашем правом фланге в границах армии немцы продолжали удерживать так называемый быховский боевой участок, находившийся на восточном берегу Днепра. Этот участок представлял собой четырехугольник площадью около 140 квадратных километров, ограниченный с запада Днепром, с юга — рекой Бобровка, с севера — рекой Ухлясть, а с востока — населенными пунктами Узники и Палки. Участок имел важное значение и для противника, и для нас. Для противника, как уже было сказано, он обеспечивал нормальную работу железной дороги Жлобин—Могилев, идущей по западному берегу Днепра. Для нас он являлся постоянной угрозой активных действий противника с севера, вдоль шоссе, идущего по восточному берегу Днепра от Могилева на Гомель через Довск. Кроме того, он не позволял нам обстреливать железную дорогу и станцию Быхов. Главное же — мы были вынуждены держать против этого выступа лишние две дивизии в обороне. Этот участок раздражал самолюбие нашей армии, ибо лишь на нем мы не вышли к Днепру. Он, как говорится, был у нас бельмом на глазу. Поскольку мы уже решили захватить плацдарм за Днепром, нам нужно было сначала ликвидировать быховский боевой участок, выйти к Днепру, высвободить для активных действий еще две дивизии и подтянуть еще ближе к реке нашего правого соседа.

У нас созрела мысль ликвидировать этот участок в первых числах января 1944 года, а плацдарм захватить в январе или в первых числах февраля. Операция по ликвидации участка была подготовлена, спланирована, доложена командующему фронтом и одобрена им.

Суть этой операции, проведенной 4—5 января, заключалась в следующем.

Главный удар по быховскому боевому участку наносился с востока на запад из Узников на Никоновичи и Вороново, вспомогательный — на север по шоссе. Кроме того, в эту ночь специально подготовленный лыжный отряд должен был пробраться по долине реки Днепра в тыл противника и до рассвета 4-го уничтожить штаб 267-й пехотной дивизии в деревне Прибор — это была небольшая, но интересная операция.

О месте нахождения штаба 267-й пехотной немецкой дивизии мы знали из показаний пленных, подтвержденных жителем Селец-Холопеева А.В. Загрищевым, который был заподозрен немцами в излишней любознательности, арестован и избит, но ему удалось бежать и перейти к нам через линию фронта. Знание местности и обороны противника дало нам возможность использовать его в качестве проводника лыжного отряда, сформированного из двухсот лучших лыжников, добровольно изъявивших желание участвовать в этой операции. Отряд сопровождали, кроме проводника, переводчик и несколько человек, научившихся произносить несколько немецких фраз. Отрядом командовал смелый капитан Тайвакайнен, прекрасный лыжник.

Подготовкой отряда руководил мой заместитель генерал-майор П.П. Собенников. Заклучалась она в выработке умения двигаться ночью по азимуту в незнакомой местности, совершать нападения на охраняемые объекты, отвечать на оклики на немецком языке. Отряд имел группы захвата, охранения и резерв. Нападение начинали и заканчивали по сигналам, собирались после схватки в указанных незнакомых местах. Учились различать своих и противника: в темноте пропуск-отзыв давался голосом, а днем и на расстоянии — поднятием руки: кверху — «кто идет?», в сторону — «свои». Для связи отряда со штабом армии к отряду был прикомандирован майор Георгий Левченко, офицер исключительной смелости и доблести.

В ночь на 4 января отряд под командованием капитана Тайвакайнена спустился в долину реки. По указанному маршруту он, не замеченный противником, вошел в его тыл. Ночь была теплая, пасмурная, отряд шел не спеша. Впереди отряда двигалось охранение с проводником А.В. Загрищевым и офицером, изучившим маршрут и знающим немецкий язык. Учитывая, что придется несколько раз преодолевать русло Днепра и его протоки, передний шел с острым шупом и был обвязан веревкой, конец которой находился у идущих сзади. Эта предусмотрительность несколько раз спасала провалившихся под лед. Вымокшие немедленно переодевались в запасное обмундирование и валяную обувь.

За несколько часов движения отряд четыре раза пересек русло реки и шесть раз — протоки. Через пять часов увидели справа на берегу очертания строений. Это и была деревня Прибор. В селении было тихо, лишь изредка перекликались петухи. На окраине встретили немецкий проволочный забор. Во время последней перед нападением передышки проделали проходы в проволоке,

офицеры ориентировались на местности и ориентировали своих подчиненных; уточнили задачи группам отряда, напомнили сигналы и места сбора по сигналу «отбой». Напомнили всему личному составу, что обнаруженные телефонные провода (чтобы не насторожить противника) резать можно не раньше первых выстрелов. Отдохнув, оставили у проходов «маяк» и приступили к операции.

Впереди группы, двигавшейся к штабу дивизии, шел переводчик старший сержант Телеш. «Хальт!» — послышался оклик. Телеш ответил, что идет свой офицер, а приблизившись к часовому, ударом кинжала убил его наповал. Однако пост был парным, и стоявший в стороне другой часовой очередью из автомата ранил Телеша в ногу. Телеш убил и другого часового ответной очередью. Эти первые выстрелы были сигналом для применения огнестрельного оружия.

Охрана немецкого штаба была почти полностью уничтожена. Наши солдаты врывались в помещения или забрасывали их гранатами и уничтожали находившихся там немцев, а те, что выскакивали на улицу в одном белье или пытались уйти из деревни Прибор за Днепр, уничтожались засадой у дороги.

Через 40 минут был дан сигнал «отбой». Как было договорено, на сборном пункте отсутствующих ждали 15 минут, после чего отряд направился на юг, по заранее намеченному пути. На сборный пункт не явилось 18 человек, но 12 человек из них присоединились к отряду немного позднее.

В 5 часов 30 минут от майора Левченко была получена радиограмма: «Благополучно. Задача выполнена». Мы же в это время наблюдали большое зарево над деревней Прибор.

Дерзкая вылазка лыжников увенчалась крупным успехом: было убито более 300 немцев, из них много офицеров, в том числе начальник штаба дивизии полковник фон Шлиер; уничтожено более 50 различных машин, узел связи, склады с горючим и продовольствием, захвачены важные документы и трофеи.

Героические действия лыжного отряда 6 января 1944 года были отмечены в сводке Совинформбюро.

Около двух часов ночи один из полков дивизии полковника Я.А. Романенко перешел в наступление между шоссе и Днепром навстречу лыжному отряду, а с рассветом, после артподготовки, из района Узников на Никоновичи перешли в наступление основные силы 80-го стрелкового корпуса генерала И.Л. Рагули.

В первые часы наступления наши части продвинулись на 4—5 километров, а в районе деревни Палки противник был ок-

ружен и уничтожен, так как этот пункт имел круговую оборону и сдаваться немецкое командование не захотело. Противник пытался задержать нас на промежуточном рубеже Никоновичи, Усоха и Лужки, но, нанеся ему новый удар, мы овладели этим рубежом. 267-я пехотная дивизия противника понесла большие потери и отошла.

4—5 января 1944 года быховский укрепленный участок немцев был ликвидирован. Войска нашей 3-й армии во всей своей полосе вышли на Днепр, сократив фронт обороны на 12 километров; мы получили возможность воздействовать артогнем на железнодорожную станцию Быхов.

Наш правый сосед — 50-я армия, — предупрежденный о начале операции, в какой-то степени подготовился и, перейдя вслед за нами в наступление своим левым флангом, продвинулся к Днепру еще на 5—7 километров.

После этой операции в первом эшелоне армии в обороне мы оставили три дивизии, а пять были выведены во второй эшелон с целью подготовки их к захвату плацдарма на западном берегу Днепра. На этом закончилась наша третья частная операция.

В долине реки, там, где Днепр своим изгибом подходил близко к нашей обороне, мы забили сваи в двух местах и уже заготовили верхнее строение. Но в это время противник контратаковал войска 65-й армии за Днепром. Нужно было ее усилить, но свободных сил у командующего фронтом не было. Где взять? Конечно, у 3-й армии, поскольку у нее в это время во втором эшелоне было пять дивизий и она вышла на Днепр. У нас взяли три дивизии. Пытаться захватить плацдарм на западном берегу Днепра оставшимися двумя дивизиями не имело смысла, ибо если бы нам и удалось его захватить, используя внезапность, то удержать его мы не смогли бы.

63-я армия, стремясь выйти на Днепр, много раз переходила в наступление, но успеха не имела.

Немцы чувствовали себя за Днепром уверенно, надеялись спокойно провести зиму, имея передний край обороны не по урезу реки, а по высокому берегу ее долины.

Наше внимание привлекли две излуины, у Шапчинцы и у Свержня, где река в трехкилометровой долине подходила близко к нашей обороне. Захватив эти излуины, мы выдвинули за реку боевое охранение, забивали сваи в реке и заготавливали детали для верхнего строения двух мостов. Забивка свай производилась ночью, для смягчения звука ударов на сваи накладывали

слой изношенных фуфаяк. Чтобы отвлечь внимание противника, забивали сваи в первой траншее обороны, в одном-двух километрах в стороне от строящихся мостов. К рассвету работы прекращались и места работы маскировались снегом.

Пристрелку позиций противника, как обычно, мы проводили отдельными орудиями разных калибров, данные пристрелки и погоды записывали, а уводя орудия, на их месте оставляли макеты.

К реке прокладывали колонные пути, строили на них мосты, а в низких местах — деревянные настилы.

Отрывали убежища, строили вышки для наблюдательных пунктов. Все, что противнику удавалось видеть, засекать и слышать, он обстреливал мощными огневыми налетами. Но мы не имели потерь и продолжали свою работу.

В соединениях велись систематические занятия: учились дружной атаке, преодолению крутого берега, обходным движениям населенных и опорных пунктов; лыжные отряды тренировались в выполнении специальных задач, артиллеристы учились быстрому обнаружению, подавлению и уничтожению целей; командный состав большое внимание уделял изучению своих направлений, и не только переднего края обороны противника, но и его глубины; саперы учились разминированию в зимних условиях, проделыванию проходов в проволочных заграждениях, заготавливали лес для устройства мостов. Работы было много, и все работало с большим напряжением.

В те дни с членом Военного совета генералом Иваном Прокофьевичем Конновым много времени проводили в дивизиях. Так однажды, будучи в дивизии второго эшелона, задержались в одном из ее полков и решили переночевать. День клонился к вечеру. Вокруг нас собралось большое количество офицеров и солдат. Собранным мы предложили поговорить по душам, чтобы ответить на все интересующие их вопросы. Один из командиров батальонов, находившийся недалеко от нас, задал вопрос:

— Что такое страх и можно ли его изжить?

— Да, вы задали мне важный и сложный вопрос, с которым нам, находящимся на войне, часто приходится иметь дело. Хотя и трудно, но попытаюсь на него ответить так, как я его понимаю, — сказал я.

Мой ответ был примерно следующим:

— Чувство страха знакомо каждому человеку, его переживали и переживают все, переживали его в мирное время и особенно часто переживаем его в военное. Страх или боязнь возника-

ет в результате переживания за себя, за что-то дорогое, чему угрожает опасность, бывают различные степени страха или боязни.

В мирное время нам тоже приходилось переживать страх, отчаяние, когда серьезно болели близкие, дорогие нам люди или когда нам угрожали стихийные бедствия и всякого рода жизненные неудачи и происшествия.

В военное время каждому из нас пришлось пережить наибольший страх за самое дорогое — за судьбу Родины в 1941 и 1942 годах, когда враг вероломно напал на нас. В то же время каждый думал: что будет с нашим самоотверженным, свободолюбивым и трудолюбивым народом, если враг победит, что будет с нашей социалистической Родиной, октябрьскими завоеваниями, во имя которых жил, страдал и умер наш дорогой Владимир Ильич? Теперь эта боязнь отпала, но нам, военным, приходится еще чаще переживать чувство страха: солдату — за свою жизнь, особенно во время атаки и наступления, командиру — за свою жизнь и за жизнь своих подчиненных.

Но почему я сказал, что разные люди переживают страх по-разному, и даже за самое дорогое? А вот почему. У нас есть правильная поговорка: «В семье не без уродов». А Советский Союз — семья очень большая, нельзя исключать того, что в ней найдется какое-то количество уродов, у которых нет ничего за душой. Им не дороги ни родители, ни родные, ни Родина. Эти отщепенцы трясутся только за свою шкуру. К нашей гордости можно сказать, что таких у нас совсем немного. Доказательством этого является то, что весь наш народ, как один человек, поднялся против ненавистного врага, мы уже видим результаты; оправившись от внезапного нападения сильного врага, мы гоним его на запад.

Стремление всех честных людей в нашем тылу заключается в том, чтобы помочь фронту всем, чем только могут. Каждый из них переживает страх за близких, находящихся на фронте. На фронте мы видим проявление массового героизма: солдаты и офицеры не задумываясь отдают свою жизнь при выполнении боевых задач для достижения полной победы. В то же время и здесь есть еще отдельные личности, которые ловчат-прячутся за спину честного человека, чтобы сохранить трусливую свою душу!

Второй вопрос — можно ли изжить страх? Конечно можно, и тем быстрее он преодолевается, чем сильнее хочет и стремится к этому трусливый человек. Примеров этому можно привести

бесконечное множество. Больше всего страдает от страха только что прибывший на фронт новичок, и больше боится тот, кто плохо владеет своим оружием, кто не уверен в том, что поразит врага. Меньшему страху подвержен прекрасно владеющий своим оружием, уверенный, что поразит врага. Взять хотя бы в пример орудийный расчет сержанта Болмашева и его поведение при отражении контратаки с танками в последнем наступлении на Днепр. У них на орудие было всего пять снарядов. Сержант Болмашев не вел огонь по танкам, когда они были в 500—400 и даже в 300 метрах. Его воля и бесстрашие передались и подчиненным. Чтобы каждым снарядом поразить танк противника, расчет открыл огонь только тогда, когда передний танк оказался в 200 метрах, второй танк в 150 метрах, а третьим снарядом поразил третий танк в 50 метрах. Таким образом, все три танка были поражены, а два снаряда были еще в резерве, и контратака была отбита.

Другой пример говорит о бесстрашии красноармейца Федотова. Когда рота заняла траншею противника, она была контратакована пехотой с танками. У красноармейца Федотова была связка гранат, но танк противника шел к траншее далеко от него. Федотов не только не испугался танка, но и побежал по траншее, чтобы сблизиться с ним и наверняка поразить его. Когда танк был в пяти шагах от траншеи, он подбросил под него связку гранат, гусеница была перебита и танк завертелся на месте.

Подобные примеры были подтверждены бывалыми солдатами, которые рассказали, как сильно они боялись идти в атаку в первый раз и насколько меньше боятся теперь.

Я привел примеры, как парашютисты боятся прыгать из самолета в первый раз, а потом применяют различные уловки, чтобы прыгнуть лишний раз, и бывают сильно огорчены, если им это не удастся.

Чувство страха можно предупредить развитием чувства воинского долга, уверенности в своих силах, в чувстве собственного достоинства и нашего превосходства над врагом. Развитию этих чувств могут помочь изучение боевых традиций своей части и дивизии, боевые рассказы о доблести героев — бывалых воинов и орденоносцев. Боевые традиции создают благоприятную обстановку для воспитания воинов. Подобно тому как наше тело укрепляется и расслабляется в зависимости от пищи и физической нагрузки, так и психика человека склонна к восприимчивости данной среды и воспитания. Особенно это касается только

что прибывших на фронт людей — их психика весьма восприимчива, на них сильно действует обстановка, примеры и рассказы окружающих.

К 20 января 1944 года обстановка складывалась следующим образом: правее нас 50-я армия оборонялась на рубеже Петуховка—Долгий—Мах—Смолицы и далее к северо-востоку, до реки Проня; левее нас 63-я армия после неоднократных неудачных попыток сбросить противника с плацдарма также перешла к обороне на рубеже Турский—Малые Козловичи—Варня—озеро Погребы, имея в обороне четыре дивизии и 115-й укрепленный район (УР), а одну дивизию — в резерве. 3-я армия имела три дивизии в обороне и две во втором эшелоне. Конечно, в этом положении нам можно было более спокойно сидеть на Днестре, но армии этого было мало.

Несмотря на то что в составе армии осталось только пять, к тому же далеко не полных, дивизий, мы не отказались от намерения захватить плацдарм за Днестром. Командующему фронтом был послан доклад с подробной оценкой обстановки и выводом: условия благоприятны для захвата плацдарма за Днестром, если армию усилят тремя дивизиями. Был получен ответ: «Усилить не могу, продолжайте обороняться, для этого у вас сил достаточно».

7 февраля мы снова послали доклад с оценкой обстановки и выводом, что противник перед армией не силен, что можно захватить плацдарм. Мы снова просили для этой операции усилить армию. Был получен ответ: «Усилить армию не могу. Проведите две операции, захватите два плацдарма, каждый силами дивизии».

Мы считали, что проведение даже одной операции двумя далеко не полными по личному составу дивизиями нецелесообразно через такую реку, как Днестр, и еще менее целесообразно проведение двух операций этого рода. Запросил разрешение прибыть в Гомель для личного доклада. Разрешение было получено с оговоркой: «Все равно усилить армию не смогу; даже полком».

Прибыв к командующему фронтом, доложил:

— Мы не исключаем, что дивизии хотя и понесут некоторые потери, но смогут, используя внезапность, захватить небольшие плацдармы. Но трудно будет их удержать. А при весеннем разливе, который ожидается через полтора месяца, когда долина реки шириной в три километра будет залита водой, наши части на плацдармах могут быть просто уничтожены.

— Но что же мне с вами делать, если вам так не терпится захватить плацдарм? — пожал плечами командующий.

Я обратил внимание на то, что в 3-й и 63-й армиях мало людей, что ослабленная 63-я армия, желая прогнать противника с плацдарма, затратила уже много сил и средств, но не имела успеха. Вполне сознавая и на этот раз необычность предложения, я попросил объединить войска и полосы обеих армий под моим командованием. Тогда не пройдет и десяти дней, заверил я, как мы прогоним противника на восточном берегу с его плацдарма и захватим еще больший плацдарм за Днепром. Поэтому просим пять дивизий и укрепленный район (УР) 63-й армии передать 3-й армии.

Такое необычное и смелое до нахальства предложение в практике взаимоотношений между командармами поразило даже К.К. Рокоссовского, заслуженно пользующегося большим авторитетом и привыкшего к самым разнообразным планам и замыслам.

Командующий фронтом, обращаясь к начальнику штаба генерал-полковнику М.С. Малинину, с усмешкой сказал:

— А что, если поверить обещанию товарища Горбатова и согласиться с его предложением? Только куда тогда девать штаб и командующего 63-й армией?

Михаил Сергеевич Малинин, немного помедлив, ответил:

— Нужно сначала послушать соображения товарища Горбатова: каким способом он намерен прогнать противника с плацдарма и захватить еще больший за Днепром? А что до штаба и командующего 63-й армией, то их всегда можно вывести в резерв Ставки.

Я доложил:

— Когда в армии было восемь дивизий, мы собирались форсировать Днепр и захватить плацдарм на шесть километров у изгиба реки против села Шапчинцы и надеялись его удержать. Нами уже забиты сваи для моста и заготовлено верхнее строение. Если вы объедините силы 3-й и 63-й армий под моим командованием, мы поставим перед собой значительно большие задачи. Но придется форсировать Днепр не у села Шапчинцы — этот участок слишком удален от занимаемого противником плацдарма и от самого уязвимого у противника пункта — от города Рогачева. Мы всеми силами объединенной армии будем форсировать Днепр в районе населенных пунктов Свержень и Кистени. В течение двух-трех дней мы захватим плацдарм за Днепром вместе с городом Рогачевом и создадим реальную угрозу противнику, на-

ходящемуся на восточном берегу Днепра. Он будет вынужден сам уйти с плацдарма. После этого мы продолжим наступление на север до села Новый Быхов, до реки Друть и попытаемся захватить на ней плацдарм. Вспомогательный удар будем наносить в районе Шапчинцы. В форсировании будут участвовать все десять дивизий. Пять дивизий 3-й армии пойдут в первом эшелоне, а пять дивизий 63-й армии — во втором.

— А кто же в это время будет обороняться у вас против плацдарма противника и по Днепру на север от села Шапчинцы? Ведь это восьмидесятикилометровый фронт! — спросил командующий.

— Против этого плацдарма будут оставлены для обороны 115-й укрепленный район и два бронепоезда. А до перехода через Днепр пяти дивизий второго эшелона они будут находиться за частями укрепленного района. Вообще же я исключаю возможность активных действий противника с плацдарма во время форсирования нами Днепра. К северу по Днепру от села Шапчинцы будут поставлены в оборону запасной армейский полк, заградотряд, заградроты и хирроты. Кроме того, у меня будет к вам просьба сузить полосу армии на семь километров, передав их 50-й армии с тем, чтобы она поставила на этот участок одну стрелковую дивизию и прочно обеспечила бы наш фланг по шоссе от Могилева по восточному берегу. А еще лучше, если бы 50-я армия, хотя бы небольшими силами, зацепилась за западный берег Днепра в то время, когда мы приступим к форсированию реки. Что касается нашего левого соседа — 48-й армии, — продолжал я, — то она должна своими действиями удерживать перед собой противника, не допустив переброски его против нас.

На подготовку операции дать десять суток, чтобы мы незаметно для противника могли вывести из обороны сначала 115-й укрепленный район, а потом его батальонами сменить четыре дивизии 63-й армии, находящиеся в обороне.

На этом мой доклад был окончен.

— Ваши просьбы будут удовлетворены. Готовьтесь. А я переговорю с Москвой, — сказал командующий.

Вернувшись в армию, сообщил о результатах своей поездки членам Военного совета, своему заместителю и другим, не умолчал, конечно, и о данном мною обещании. Собравшимся оно показалось, как я и ожидал, слишком большим и трудновыполнимым. Мне оставалось только сказать: да, обещание большое, но не слишком, задача трудная, но выполнимая. Будем готовить себя и подчиненных для того, чтобы ее выполнить.

13 февраля нами было получено уведомление, что полоса и войска 63-й армии передаются 3-й армии, а штаб и командование 63-й армии переходят в резерв Ставки. В тот же день вечером комфронтом говорил со мной по ВЧ. Между прочим он сказал:

— Я насчет вашего третьего условия, Александр Васильевич. Не хватит ли вам восьми дней вместо десяти на подготовку к операции?

— А почему вы хотите сократить срок нашей подготовки?

— Если восемь дней, то вы начнете наступление 21 февраля, 23-го можете овладеть Рогачевом. Неплохо будет, если в день нашего праздника будет салют нашим войскам, а то его давно не слышали. Есть, конечно, и еще причина, но она выходит за рамки нашей с вами компетенции.

Против второго довода спорить не приходилось. Я согласился.

18 февраля 1944 года была получена следующая директива фронта:

«3-й армии частью сил упорно оборонять занимаемые позиции на правом фланге — участок (иск.) Селец-Холопеев, Обидовичи, Ветвь, Ильич; на левом фланге — участок: Гадиловичи, Грабов, Мал. Козловичи, Рассвет, Фрунзе, озеро Осушное, озеро Великое. Всеми остальными силами армии — не менее семи стрелковых дивизий со всеми средствами усиления — с утра 21 февраля 1944 года перейти в решительное наступление с задачей переправиться по льду через Днепр на участке Виляховка, Кистени и, нанося главный удар в общем направлении на Кистени, Еленово, Близнецы, Заполье, Поболово, овладеть рубежами:

а) 21 февраля 1944 г. — Покровский, Виляховка, хутор Роговское, Жияховка, Станьков, Тереховка, Щибрин, а передовыми отрядами захватить переправы на реке Друть на участке: Большая Коноплица—Рогачев;

б) 22 февраля 1944 г. овладеть городом Рогачев и рубежом: Новый Быхов, Красный Берег, Дедово, Озеране, Фалевичи, Тихничи, Колотовка, Березовка, Лучин;

в) 23 февраля 1944 г. овладеть городом Жлобин и рубежом Комаричи, Золотое Дно, Хомичи, Репта, Осовник, Добрица, Пареневский, Барки, Найдакочи, Поболово, Тортеви, станцией Жлобин.

В дальнейшем развивать успех в общем направлении на Бобруйск, выйдя за Днепр на 45 километров.

Операцию организовать и проводить на принципе внезапности, на быстром и стремительном продвижении войск армии».

Задачи, поставленные армии вообще, особенно по дням (за трое суток форсировать такие реки, как Днепр и Днестр, с продвижением на 45 километров), показались преувеличенными не только моим заместителям и члену Военного совета, но и мне в особенности, потому что при слиянии армий какого-либо дополнительного усиления дано не было.

Ознакомившись с директивой фронта, всегда сдержанный член Военного совета генерал И.П. Коннов не вытерпел и сказал: «Да... Верна поговорка: «Аппетит приходит во время еды». А у нашего начальства разгорелся аппетит еще до еды. Когда мы просили подбросить нам дивизий, чтобы захватить плацдарм, нам ответили «обороняйтесь», а когда мы дали обещание прогнать противника с плацдарма и захватить еще больший плацдарм, то от нас требуют перейти в наступление на Бобруйск... Таких задач, даже при общем наступлении фронта, никогда не ставили армиям, не усиливая танковыми и артиллерийскими корпусами».

Вопросительные взгляды присутствующих были устремлены на меня. Ждали моего мнения. Но что мог я сказать? Мне вспомнился момент, когда я впервые внес свое предложение и давал обещание командующему, его удивление, недоверие к обещанию. Припомнил его приказ захватить два плацдарма, каждый одной дивизией, с полученной теперь директивой... «Начать наступление через четыре дня, за три дня захватить плацдарм площадью 80 километров по фронту, 45 километров глубиной с городами Рогачев и Жлобин, с форсированием таких рек, как Днепр и Днестр, и наступать на Бобруйск». При условии, что противник занимает такой большой плацдарм на нашем берегу с одной стороны и прочно сидит на восточном берегу севернее нашей армии. Действительно, такую задачу можно ставить только пятишести усиленным армиям, да и то трудно надеяться на выполнение ее в течение трех дней.

Обращаясь к начальнику штаба армии генералу М.В. Ивашечкину, я сказал:

— Наш приказ с задачами уже доведен до войск. Чтобы не было разнобоя в требованиях, задачи корпусам нужно будет увеличить, как приказано в директиве, и дать указание о дальнейшем наступлении на Бобруйск.

Что было нам известно о противнике? Из опроса пленных мы узнали, что перед нашими войсками обороняются 31, 296, 6 и 211-я пехотные дивизии противника, в Бобруйске находится еще одна пехотная дивизия, которая может принять участие в операции на второй день; там же находится 150 бомбардировщиков и 30 истребителей.

Передний край вражеской обороны проходил по высокому берегу Днепра, в том числе там, где мы намеревались форсировать реку, так как считали, что немцы здесь меньше всего ожидают нашего удара.

Днепр имел здесь ширину до 300 метров, глубину до 5 метров, долина реки простиралась на 2,5—3 километра в ширину, пересекалась протоками и хорошо просматривалась с высокого западного берега. Толщина льда в основном русле — 8—12 сантиметров, а в протоках и озерах достигала 20 сантиметров.

Первая позиция врага состояла из трех траншей, имелись минные поля и проволочные заграждения.

Вторая позиция проходила в 5 километрах от первой и состояла из двух траншей. На реке Друть была подготовлена вторая полоса обороны противника. Ее ширина 25—60 метров, глубина 3,5 метра, толщина льда 10—12 сантиметров, ширина заболоченной, слабо промерзающей долины до полутора километров.

Снежный покров был незначительным. В связи с исключительно теплой погодой и прошедшими дождями в лощинах и впадинах скопилась вода.

По данным Центрального института прогнозов погоды, весенняя распутица ожидалась 15 марта. Это требовало принятия мер по устройству настилов в низких местах, постройки сначала низководных, а в течение 10—15 дней и высоководного моста через всю долину Днепра.

Из-за сильной оттепели на реках образовались полыньи, лед местами отошел от берегов. Начало вскрытия реки предсказывали 15 марта.

Предстояла серьезная операция, многое нужно было предусмотреть, и не только при захвате плацдарма, но и при удержании его. Прокладывались колонные пути к реке, почти вся артиллерия была поставлена на новые огневые позиции, как можно ближе к берегу. Проведено совещание с командирами корпусов и дивизий и их заместителями.

Мы отдавали себе отчет, насколько рискованно идти за Днепр всеми десятью дивизиями при крайне ослабленной обороне на

остальном 85-километровом фронте, но мы верили в свои силы, в успешный исход операции. В обороне оставались на 25-километровом фронте от Селец-Холопеева до Шапчинцев запасной армейский полк, заградительные отряды и химроты, а против противника, занимающего плацдарм 45 километров по фронту, оставлены лишь части 115-го укрепленного района и два бронепоезда. Десятую по счету 169-ю стрелковую дивизию решил сосредоточить за УРом как свой резерв.

Правда, я особенно опасался возможного удара противника с севера. Но после того как на этот участок была поставлена одна из дивизий 50-й армии, эта опасность миновала.

16 февраля, за пять дней до форсирования и через трое суток после получения приказа о слиянии армий, были собраны командиры стрелковых корпусов, стрелковых дивизий, начальники политотделов, штабов и родов войск армии. У рельефного плана полосы наступления армии были заслушаны решения командиров корпусов и дивизий. Командармом даны замечания по их решениям, ответы на все интересующие их вопросы и увязаны способы взаимодействий. К.К. Рокоссовский, командующий фронтом, и К.Ф. Телегин, член Военного совета фронта, присутствовавшие при этом, дали свои указания.

17—19 февраля командиры стрелковых корпусов и дивизий заслушали решения командиров полков, а командиры полков — командиров батальонов. Все это проводилось в районе переднего края обороны, откуда был виден берег противника на рельефном плане полосы наступления дивизии. Мы с членом Военного совета армии присутствовали на докладах многих командиров полков.

Командующий 50-й армией генерал-лейтенант Иван Васильевич Болдин с пониманием относился к той задаче, которая легла на нас. При личном общении заверил меня:

— Действуйте, за свой фланг не беспокойтесь. Штабом армии и лично мною будет установлен жесткий контроль.

Иван Васильевич 50-й армией командовал с ноября 1941 года. Мы верили и знали слово и дело воинов этой армии, отличившейся в боях в ходе героической обороны Тулы и последующих боях и сражениях.

Личная храбрость И.В. Болдина, помноженная на зрелость военачальника, его недюжинные организаторские способности особенно ярко проявились в ходе жестоких боев в первые месяцы Великой Отечественной войны. Собрав значительные силы войск, оказавшихся в окружении, в тылу далеко ушедшего впе-

ред противника, будучи отрезанным от основных сил Западного фронта, он вывел группу войск из окружения, сохранив боевую технику, не отдав на поругание гитлеровцам ни одного боевого знамени. В его слово, честь офицера, верность воинскому долгу солдат и офицеров пятидесятой мы верили...

К утру 20 февраля были закончены все предусмотренные планом мероприятия: произведена смена дивизий на 25-километровом фронте от Селец-Холопеева до Шапчинцев. Армейский запасной полк, заградительные отряды и химроты заняли оборону на широком фронте по Днепру; перед противником, занимающим плацдарм, в обороне остался лишь 115-й укрепленный район. Выводя из обороны дивизии 63-й армии, мы не исключали того случая, что кто-либо из их личного состава может попасть в плен, а потому смену их батальонами 115-го укрепленного района объясняли тем, что мы «производим перегруппировку войск, чтобы с началом ледохода на Днепре выкупать в реке тех немцев, которые обороняют плацдарм на восточном берегу».

В ночь на 20 февраля на заранее забитых сваях были построены из изготовленных деталей мосты: у Шапчинцев грузоподъемностью в 60 тонн, восточнее Кистени — на 9 тонн и юго-западнее Свержени — 60 и 30 тонн. К этому времени уже были отремонтированы старые дороги, мосты и колонные пути.

В ночь на 20 февраля для проводки батальонных колонн были проведены телефонным кабелем пути, проходящие через всю долину реки в обход промоин по льду, до исходных рубежей на том берегу, в 400—500 метрах от первой траншеи противника. Эти сотни метров атакующие должны были пройти за время десятиминутного огневого налета, а с окончанием его ворваться в траншею противника на высоком берегу реки. Артиллерийскую пристрелку и подвоз боеприпасов закончили 18 февраля. Батареи заняли свои огневые позиции и наблюдательные пункты в ночь на 20 февраля. На дорогах и в долине реки организовали весьма строгую комендантскую службу. Проход и проезд подразделений и машин разрешался начальниками штабов дивизий. Ограничены радиопереговоры, разговоры по телефону жестко контролировались. Днем, с целью демаскировки, организовывалась отрывка траншеи, имитировалась забивка кольев для проволочных заграждений... Установили связь с моего наблюдательного пункта в деревне Свержень со всеми соединениями.

Весь день 20 февраля был дан для отдыха; были лишь проведены получасовые митинги по батальонам с целью мобилизации

внимания солдат и сержантов на моментах, необходимых для лучшего выполнения задач. Вечером, после более раннего и обильного, чем обычно, ужина, в шесть часов всех уложили спать.

21 февраля подготовка войск армии к нанесению внезапного удара была закончена, и они заняли исходные позиции в двухстах метрах от противника. В одиннадцать часов ночи были подняты два лыжных батальона, в которые были включены лучшие из лучших воинов армии, отличившиеся в боях под Москвой, на улицах Сталинграда, в битве за Орел. У каждого бойца лыжного батальона две-три боевые награды, а еще больше желтых и красных нашивок на гимнастерке — отличительных знаков ранений. Как всегда, на это трудное дело вновь шел майор Г.В. Левченко, кавалер двух орденов Красного Знамени. Мы верили, что ветераны выполнят боевую задачу.

Ян Янович Фогель, командир 120-й гвардейской стрелковой дивизии, беседовал с бойцами, зачисленными от гвардейцев дивизии в сводный батальон захвата. По личной просьбе офицеров 8-й штрафной роты, дабы искупить свою вину перед Родиной, наиболее храбрым, до дерзости, моим распоряжением было дано право идти на нелегкое дело — быть в одном боевом строю с лучшими воинами армии. И офицеры штрафной роты заверили командование: они будут равняться на лучших и выполняют свой долг.

В час ночи двум батальонам лыжников, батальону гвардейцев 120-й дивизии и штрафникам 8-го офицерского батальона был подан обусловленный сигнал: «Первый, время!»

Первым всегда трудно. Первые идут в неизвестность, и от их молчаливого мощного удара зависит судьба боевой операции армии. Сводный отряд должен был бесшумно перейти линию фронта, ворваться в Рогачев и захватить его или — в зависимости от сложившейся обстановки — воспрепятствовать подходу резервов противника к городу.

Я долго и внимательно прислушивался после отправки отряда к малейшим звукам с запада, прикидывал, удастся ли отряду незаметно перейти фронт и что случится во время проникновения во вражеский тыл, пока на том берегу Днепра, западнее деревни Гадилевичи, не послышались беспорядочная стрельба, взрывы гранат и стало видно, что там выпускают множество ракет. С 1 часа 30 минут 21 февраля были слышны лишь отдаленные выстрелы, а в 2 часа получен по радио условный сигнал, что сводный отряд на лыжах находится уже в тылу противника. Я вернулся в домик, чтобы немного отдохнуть. Как всегда, перед на-

ступлением спалось плохо; за выполнение задачи я в это время был более или менее спокоен, но, как ни тренируй свою волю, невозможно прогнать мысль о том, сколькими безвозвратными потерями операция будет оплачена. В 5 часов 30 минут мне доложили, что в 4 часа получен другой сигнал — отряд подходит к селу Озераны.

В 6 часов 30 минут полки дивизий первого эшелона заняли исходное положение за рекой.

Накануне наступления к нам прибыл член Военного совета фронта генерал К.Ф. Телегин. Ночевал он в одной из землянок на наблюдательном пункте командующего армией. О нем у меня сложилось такое мнение: тактичен, дипломатичен, не всегда верит на слово, особенно много внимания уделяет партийно-политической работе и материальному обеспечению войск. Как ни был он сдержан, видно было, с каким нетерпением ожидает результатов от необычной и организованной в сжатые сроки операции. С Константином Федоровичем работалось легко. С глубоким пониманием дела он оказывал необходимую помощь. Все становилось на свои места, и от одного его присутствия силы удваивались.

Едва в предутреннем свете стали неясно вырисовываться очертания строений и деревьев на правом берегу Днепра, как выстрелы из 800 орудий и минометов на десятикилометровом фронте слились в общий грохот. Пехота поднялась и пошла. Саперы в это время резали проволоку на крутом склоне берега, занятого противником. После перенесения огня в глубину стрелковые части начали преодолевать скользкую крутизну, подсаживая друг друга, помогая один другому; некоторые скатывались вниз, но снова настойчиво и упорно карабкались. И вот раздался взрыв массы почти одновременно брошенных ручных гранат и началась ружейно-автоматная стрельба.

— Овладевают первой траншеей, — сказал я генералу Телегину.

На ряде участков поднялись сигналы, говорящие об овладении первой траншеей противника. Я вздохнул с облегчением и сказал:

— Уже это очень хорошо.

К 10 часам утра передний край противника, с двумя-тремя траншеями и населенными пунктами на берегу реки, почти всюду был занят нашими войсками. В некоторых местах они продвинулись на два-три километра. Особенно упорно противник дрался за село Кистени, превращенное в сильный опорный пункт с круговой обороной.

Дальнейшее продвижение давалось пехоте все труднее. Противник не жалел снарядов, а одна часть нашей артиллерии стреляла на пределе и не могла оказать эффективной поддержки, другая же часть уже снялась с огневых позиций, с большим трудом продвинулась через долину реки с ее протоками, а преодолевшие это препятствие скучились у крутого берега и не могли подняться на него. Лишь 36-й танковый полк при помощи саперов овладел крутым берегом и с ходу атаковал Мадоры, но, встреченный организованным огнем орудий и самоходок противника, он оставил сгоревшими шесть своих танков из шестнадцати и отошел в боевые порядки стрелковых частей.

Получено было новое донесение лыжного отряда, что он ведет бой с подходящими с запада гитлеровцами и имеет пленных. Решение перехватить пути отхода из Рогачева было правильным, так как противник, видимо, успел предупредить рогачевский гарнизон о появлении в тылу нашего отряда. Внезапность была утеряна, и поэтому атаковать Рогачев в этой обстановке не имело смысла.

Много неприятностей наступавшим войскам причиняла немецкая авиация.

Сводный отряд на лыжах еще ночью вошел в лес юго-западнее Озеране. Высланная им разведка встретила перед городом Рогачевом с противником, сидевшим в траншеях, и, считая, что внезапность утрачена, решила действовать по тылам противника, перешла в лес, что юго-восточнее Старого Села, перекрыла дороги, идущие от Рогачева на Мадоры и Быхов, перерезала железную дорогу Рогачев—Быхов, тем не допуская отхода противника и подхода его резервов.

В течение дня отряд захватывал обозы, машины и вел бои с подходящими резервами. Распустили группу советских граждан в 300 человек, которые под дулами немецких автоматов отрывали траншеи, и уничтожили 13 охранников-немцев, принуждавших их работать.

В то же время авиация противника группами по 30—50 самолетов воздействовала на наши войска на плацдарме и на переправе и наступавшим войскам причиняла много неприятностей.

В итоге трехдневного наступления армия очистила от противника плацдарм на восточном берегу Днепра (45 километров по фронту и от 12 до 6 километров в глубину), потеряв всего несколько человек раненых, подорвавшихся на минах, захватила еще больший плацдарм за Днепром и ворвалась в город Рогачев.

К исходу третьего дня наступления наши войска овладели Рогачевом и вышли на реку Друть. В ходе боев к войскам армии присоединилось до 5 тысяч партизан. Противника отбросили за реку Друть, где он начал закрепляться.

24 февраля в честь наших войск в Москве был дан салют.

Следующий день операции характеризовался яростными контратаками врага. Тем не менее все они были отбиты, и наши войска захватили небольшой плацдарм за рекой Друть, 11 километров по фронту и 3 километра в глубину. Был захвачен также плацдарм у города Рогачева.

40-й корпус прочно удерживал небольшой плацдарм за рекой Друть. 26 контратак отбили воины корпуса. Противник, неся большие потери, откатывался на исходные рубежи. Героизм воинов был массовым. Сержант Дудко Михаил Романович был награжден двумя медалями «За отвагу». Через несколько месяцев сержант Дудко стал кавалером четырех медалей «За отвагу».

Приказом Верховного Главнокомандующего от 24 февраля 1944 года 120-й гвардейской, 169-й и 269-й стрелковым дивизиям, 13-й зенитной артиллерийской дивизии, 40-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригаде, 554-му армейскому пушечному артиллерийскому полку, 286-му армейскому минометному полку, 36-му и 160-му отдельным танковым полкам, 2-й штурмовой инженерно-саперной бригаде, 48-му понтонно-мостовому батальону, 9-му гвардейскому инженерному батальону, 141-й отдельной огнеметной роте было присвоено наименование «Рогачевских».

Однажды я пережил несколько неприятных минут. Узнав, что 269-я стрелковая дивизия овладела селом Близнецы, я по карте увидел, что это село расположено на восточном берегу реки Друть и что в этом месте долина реки не заболочена. Решил поехать, чтобы лично убедиться, так ли упорно за рекой сопротивляется противник, как мне докладывают, и нет ли возможности форсировать реку в этом районе.

Без особых осложнений въехал в село, вышел из машины, стал всматриваться в западном направлении. В 400 метрах был виден обрывистый западный берег. Вдруг я услышал зовущий меня голос и увидел за домом начальника инженерных войск армии Б.А. Жилина, который делал мне знаки, чтобы я поскорей прятался за дом. Опасность понял только тогда, когда вокруг меня начали рваться мины и я оказался под градом пулеметных очередей.

Мы успели спрятаться за ближайшим домом вместе с машиной. Б.А. Жилин сказал, что дотемна выехать отсюда, вероятно, не удастся. Но как только стрельба утихла, мы сели в машину и газанули. Более двух километров ехали по избитой дороге, сопровождаемые, к счастью, неудачными усилиями немецких минометчиков и пулеметчиков нас прикончить. Я убедился, что противник просматривает и обстреливает здесь все подходы и без тщательной подготовки начать форсирование Друти здесь нельзя.

В этот день противник понес большие потери во время своих контратак: мы захватили 60 пленных, 27 орудий и минометов, 14 танков и самоходных орудий.

25 февраля, несмотря на решительные действия наших соединений, несших значительные потери, мы не только не имели успеха, но и оставили южную окраину села Озеране под сильным нажимом противника.

Пленные подтвердили наличие перед фронтом армии 31, 221, 296, 6-й пехотных дивизий, подошедших трех танковых дивизий (4, 5 и 20-й) и множества отдельных частей усиления. Кроме того, имелись сведения о переброске в полосу нашей армии 260-й пехотной дивизии из Чаусы, 211-й из Витебска и 7-й пехотной дивизии.

Вечером на собранном мною совещании, после докладов начальников разведывательного и оперативного отделов и выводов начальника штаба Ивашечкина, мы приняли решение перейти к прочной обороне на всем фронте; особое внимание обратить на закрепление плацдарма за рекой Друть и на северное направление между реками Днепр и Друть; немедленно приступить к постройке высоководного моста через долину Днепра против Вишин ввиду ожидаемого через три-четыре недели весеннего паводка; с 10 марта в каждом из стрелковых корпусов иметь по дивизии во втором эшелоне.

Об этом было доложено командующему фронтом. В итоге четырехдневных наступательных боев с 21 по 25 февраля достигнуты были следующие оперативно-тактические результаты. Форсирована крупная река Днепр, захвачен выгодный в оперативном отношении плацдарм размером 62 километра по фронту и до 30 километров в глубину, сыгравший позднее исключительно большую роль в летней Бобруйской операции 1944 года. Очищен от противника плацдарм на восточном берегу Днепра, площадью 45 километров и глубиной 12—6 километров. Выведена из пользования противника важная железнодорожная линия

Жлобин—Могилев. Захвачен плацдарм на реке Друть. Насколько он был опасным для противника, несмотря на свою небольшую площадь (3 на 1,5 километра), видно из ожесточенного боя, который за него велся 2 марта 1944 года. Нанесено тяжелое поражение трем пехотным и одной танковой дивизии, многим полкам, батальонам и дивизиям усиления 9-й армии противника. Уничтожено свыше 8000 солдат и офицеров, большое количество фашистской техники. Захвачено 18 танков, 5 самоходок, 22 бронемшины, 170 орудий и минометов, 2100 винтовок и 300 пулеметов, 102 автомашины, 240 лошадей, 63 тысячи снарядов, 80 тысяч противотанковых мин, 12 миллионов патронов и другое имущество и техника. Взято около 400 пленных.

16-я воздушная армия под командованием отважного генерала С.И. Руденко, хотя и малым количеством самолетов, оказала существенную помощь 3-й армии в проводимой ею операции. Позже Сергей Игнатьевич немногословно, но с гордостью вспоминал о тех совместных боевых действиях, и до сих пор в памяти остались фамилии мужественных воздушных бойцов Ивана Разуваева, Николая Зотова, лейтенанта Ильи Маликова, блестяще летавшего на бомбардировщике после потерянной в бою ноги и удостоенного звания Героя Советского Союза.

Большую, исключительной ценности работу выполняли инженерные части и саперы. Сделано проходов в заграждениях противника — 144. Снято и обезврежено 9120 мин противника и 1230 своих в зимних условиях. Построено мостов под грузы 60 тонн — 18, протяженностью более 700 метров, под грузы 16 тонн — 12, протяженностью 345 метров, под грузы 20 тонн — 4 моста. Объездных путей — 19. Разминировано и отремонтировано дорог — 338. Уложено жердевого настила дорог — 3,7 километра. В течение 12 часов сделано два въезда на крутой берег с выемкой 10 тысяч кубических метров грунта, а к 10 марта построен высокосвайный мост через долину реки протяженностью более двух километров.

Связь в управлении войсками работала бесперебойно.

У некоторых читателей может возникнуть вопрос: почему, имея приказ наступать на Бобруйск, 3-я армия не продолжала наступление, а перешла к обороне?

В той обстановке, когда к отходящему противнику подошли три танковые дивизии, если даже не принимать в расчет еще трех пехотных дивизий, которые пленными не были подтверждены, и другое крупное усиление, мы не могли рассчитывать

в дальнейшем на успех, а потому и не наступали. Мы могли бы продвинуться с плацдарма на реке Друть еще на три-четыре километра, но такое продвижение не оправдало бы потерь. 25 февраля мы пробовали наступать, но не имели никаких успехов, а за этот один день увеличили на целую треть цифру общих потерь.

Не скрою, что командование фронта, несмотря на сложившуюся обстановку, категорически требовало продолжать наступление на Бобруйск. Но мы с такой же настойчивостью, с какой раньше просили активных действий вместо обороны, доказывали: «Наступать нельзя!»

Тогда командующий фронтом лично приехал в армию и вновь категорически объявил:

— Наступать! — а затем с небывалой требовательностью добавил: — Товарищ Горбатов, приказ остается в силе, — и, резко повернувшись, вышел. И тут же уехал.

Я понимал, что значит не выполнить боевой приказ, и, оставшись в одиночестве, думал о том, что делать.

Решил: вместо убийства армии поставить под удар свою голову. От наступления отказался.

Это был первый случай, когда мы разошлись во мнениях с таким авторитетным и бесконечно любимым и уважаемым войсками и лично мною военачальником, каким был Константин Константинович Рокоссовский. Я побаивался, что после этого у нас испортятся отношения, но дело не в личных отношениях, а в выполнении своего воинского долга, партийного долга на том посту, на который был поставлен волею партии и Советского правительства. Я принимаю решение и направляю командующему фронтом обоснованный рапорт о том, что наступать нельзя, а потому перехожу к обороне. Просил мой рапорт доложить в Ставку и возбудить вопрос о переводе меня на другой фронт. Через трое суток получил шифровку, уведомлявшую меня, что рапорт направлен в Ставку. Еще через трое суток меня вызвал по ВЧ заместитель начальника Генерального штаба Алексей Иннокентьевич Антонов, который передал мнение Верховного Главнокомандующего, который считает целесообразным, чтобы я остался на этом же фронте, и что это мнение поддерживает и командующий фронтом.

— Но основная суть моего рапорта не в переводе, а в невыполнении мною боевого приказа. Как на это смотрит Верховный, кто из нас прав? — спросил я.

— Товарищ Иванов (так тогда называли Сталина) считает, что правы вы, — ответил А.И. Антонов.

— Тогда я согласен остаться на фронте.

Надеюсь, что читатель, особенно военный, не примет этот случай доказательством в пользу правила — не выполнять боевые приказы. Я — человек строгих правил, служу в армии более пятидесяти лет и стою за беспрекословное выполнение всех приказов, особенно боевых, но при максимальном проявлении личной инициативы. Приведенная операция, ее возникновение, проведение и окончание составляют исключение, а поэтому не рекомендую так поступать, хотя надеюсь, что подобное и не повторится.

После острого разногласия с командующим фронтом я не исключал, что наши хорошие взаимоотношения изменятся. Но я ошибся: командующий и впоследствии по-прежнему ровно и хорошо ко мне относился¹.

...Имея перед армией крупные силы противника, мы не исключали возможности, что он попытается отрезать наши войска, находящиеся за Днепром, особенно когда долина реки будет залита весенними водами. Считали, что контрудар противника может последовать в самом уязвимом нашем месте — с севера, по западному берегу Днепра. Допускали также, что враг попытается ликвидировать наш плацдарм за Друтью еще до разлива.

Исходя из этих соображений, мы спешили, не теряя минуты, лучше окопаться, создать систему огня и глубину обороны. Особое внимание уделялось направлению Быхов и Новый Быхов и плацдарму за Друтью. На этих направлениях мы по возможности создавали минные поля, сильные артиллерийские группировки для стрельбы как с закрытых позиций, так и прямой наводкой.

Обороняющим плацдарм за Друтью было указано, что их основная задача — не допустить вклинения противника с фронта. Обеспечение флангов было поручено войскам, оборонявшимся на восточном берегу. Через эту реку уже к 28 февраля было построено два свайных моста.

¹ Позже о тех днях Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский в своих воспоминаниях писал: «3-я армия форсировала в исключительно тяжелых условиях Днепр, овладела Рогачевом и плацдармом на западном берегу, вынудив противника очистить плацдарм на восточном берегу Днепра у Жлобина... Эти операции проводились войсками фронта при голодной норме боеприпасов» (*Рокоссовский К.К. Солдатский долг.* М., 1968. С. 255). (*Примеч. ред.*)

Артиллерийские группы произвели пристрелку подступов к нашей обороне с быховского направления и к плацдарму за рекой Друть. Мои наблюдательные пункты были подготовлены на высоте против Быхова и на высоких деревьях против плацдарма.

Наши опасения за плацдарм на реке Друть полностью оправдались. Противник не заставил себя долго ждать. Уже 1 марта после мощной и длительной артподготовки он предпринял три атаки днем и две ночью. Все они были отражены с большими для немцев потерями. Между населенными пунктами Озеране и Веричев противник в двух местах врвался в нашу первую траншею, но рукопашной схваткой был выбит, оставив в траншее 83 человека убитыми и ранеными.

В течение 2 марта противник непрерывно обстреливал плацдарм и мосты мощным артогнем и наносил удары сорока «Юнкерсами». Мосты не раз разрушались, но неутомимые саперы под руководством опытного, знающего свое дело и требовательного генерала Б.А. Жилина, несмотря на губительный огонь противника, быстро их восстанавливали. Двумя батальонами, усиленными танками, противник провел утром разведку боем; возможно, он рассчитывал, что наши войска не выдержат артиллерийской и авиационной подготовки и оставят плацдарм. Но и эта атака была отбита с большими для противника потерями. Бои не прекращались ни днем ни ночью.

В ночь на 3 марта противником возобновилась особо сильная артподготовка: огонь сосредоточивался на плацдарме по нашим первой и второй траншеям, в целях их беспрепятственного занятия.

В 20 часов противник перенес артогонь на переправы, чтобы не допустить подхода наших резервов, и пошел в наступление пехотой. Потом заревели и двинулись танки. Не обогнав еще своей пехоты, танки включили фары. Стало светло как днем, на фоне света были видны густые цепи наступающей пехоты. Со своего НП я по свету фар насчитал 50 танков и на этом прекратил счет, определив, что их значительно больше. Мы наблюдали частые вспышки выстрелов наших орудий прямой наводкой по танкам, слышали сплошной треск стрелкового оружия по наступающей пехоте и грохот орудийной стрельбы. Видели море разрывов артснарядов: наших — по наступающему противнику и противника — по плацдарму и мостам. С тревогой ожидали мы результатов, и я уверен, что каждый думал про себя: выдержат ли защитники плацдарма такое суровое ночное испытание?

Мы наблюдали, как немецкие танки обогнали свою пехоту и ее не стало видно. Я пожалел об этом. Считал, что огонь нашего стрелкового оружия уменьшится и не будет столь метким, но треск стрелкового оружия не ослабел, а стрельба из орудий прямой наводки все нарастала.

Вдруг освещение фарами почти одновременно на всем участке возобновилось, но это были уже отдельные и короткие вспышки света и в эти мгновения была снова видна пехота противника, но уже отступающая. На моем НП раздались восклицания: «Танки повернули назад!», «Атака отбита!». Немного позднее было получено донесение с плацдарма, подтверждающее, что атака гитлеровцев всюду отбита.

От имени Военного совета армии всем защитникам плацдарма и артиллерии, стрелявшей с восточного берега, я объявил благодарность. В то же время предупредил их, чтобы готовились к последующему отражению повторных атак.

Действительно, через два часа противник перешел снова в еще более яростное наступление, но уже с меньшим количеством танков. Герои обороны, воодушевленные предыдущим успехом, отбивали эту атаку с еще большим мужеством, и она, а также следовавшие за ней третья, четвертая и пятая атаки в эту ночь были отбиты с громадными для противника потерями. До самого утра даже на переднем крае никто не думал об отдыхе, ликование и радость были общими. Изредка слышалась то там, то здесь пулеметная стрельба; как выяснилось позднее, предусмотрительные командиры батальонов приказали пулеметчикам мешать противнику подбирать раненых и трупы, находившиеся в нейтральной полосе: все с нетерпением ожидали рассвета, чтобы своими глазами взглянуть на поле перед нашим плацдармом. И вот, чуть забрезжил рассвет, многие тысячи глаз начали всматриваться в лежащую впереди местность. Первыми показались силуэты 16 подбитых танков и самоходок, некоторые из них еще дымились. А когда стало совсем светло, мы увидели поле, усеянное телами фашистов. «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» — сказал кто-то из офицеров.

В эту ночь лейтенант Шапкин и сержант Беляков подбили танк из пушки недалеко от нашей траншеи. В промежутке между атаками противника они решили взять «языка» из числа оставленных на поле боя раненых, вылезли из своей траншеи и отправились к подбитому танку, но все три человека его экипажа были убиты. Тогда наши воины повернули башню танка в сто-

рону противника, выпустили в его сторону весь запас снарядов, сняли рацию и, забрав документы убитых, благополучно вернулись к своим. Вскоре началась новая атака противника.

— Если бы мы чуть запоздали вернуться, — сказал Беляков, — нам пришлось бы сидеть у танка до утра, а могло быть и того хуже.

В ту же ночь капитан Березкин со своей ротой в рукопашной схватке выбивал противника, занявшего часть нашей первой траншеи. Капитан был ранен сначала в одну, а потом и в другую руку, но не оставил роты до тех пор, пока траншея не была очищена от гитлеровцев. Многие воины армии, отличившиеся в тех боях, были удостоены высоких боевых наград. Спустя 23 года с большим удовлетворением я вручил орден Отечественной войны I степени ефрейтору Мефодию Сороке. Этому ордена он был удостоен за три подбитых танка, но в бою был ранен, попал в госпиталь, а орден много лет искал своего владельца. Конечно, все мы радовались этому, но скольким героям заслуженные боевые награды не вручены и на сегодняшний день!

Командующий фронтом приказом от имени Военного совета фронта объявил благодарность всем защитникам плацдарма, а тех, кто проявил в этих боях особую доблесть, отражая атаки из орудий, бронебоек, пулеметов и стрелкового оружия, назвал поименно. Спустя годы я с гордостью называю их: это капитаны Никишов П.С., Сорокин И.В., Пазенко П.Ф.; старшие лейтенанты Ефим В.М., Соколов И.П., лейтенант Шатный Н.К.; старший сержант Седов Л.С, сержанты Чикирев, Дудоев Я.С., Шумилов С.М., Блохин А.П., Крысин И.М., Морозов И.П., Беляков А.П., Яковлев И.С., Баранов В.Ф., Терехов И.С.; ефрейтор Распопов И.А.; рядовые Горбачев А.П., Старовойтов В.А., Ковалев И.Д., Слезко Е.Е., Андриенко Г.А., Карчевский Т.Н.; генерал Пинчук И.В.; майор Левченко Г.В.

О майоре Левченко, мужественном и отважном воине, человеке высочайшего воинского долга и офицерской чести, скажу особо. Георгию Васильевичу доверялось выполнение таких боевых заданий, цена которых — жизнь. В моей памяти хранятся слова о том, что «человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно... он стойкий работник, он знает цену труду, он знает красоту действия в пылу труда...». С полным основанием отношу эти прекрасные слова великого патриота России Н.К. Рериха к ветерану 3-й армии Г.В. Левченко. Майор Левченко был удостоен высоких боевых наград: он награжден двумя орденами Красного Знамени, Отечественной войны I сте-

пени, другими высокими боевыми наградами. Тяжелейшее ранение в ноги, ампутация не смогли сломить волю, дружелюбие, душевность майора Левченко. Рядом с ним, рука об руку шагает по жизни его боевая подруга, ветеран 3-й армии Вера Семеновна Левченко.

Несравнимо больше, чем за плацдарм на реке Друть, приходилось беспокоиться за основные силы армии, находившиеся за Днепром. Противник, прикрывая свой левый фланг рекой Днепром, мог отрезать основные силы нашей армии за рекой. Это опасение усугублялось в связи с приближением весеннего разлива, когда вся долина реки в 2—3 километра будет залита водой. Мы боялись, что не успеем построить высоководный мост до начала разлива. Во время наступления противника от Быхова на юг нам могла бы помочь лишь 50-я армия и только недостаточно сильным артиллерийским огнем. На большее мы ни от кого рассчитывать не могли, а потому все силы направили на ускорение постройки высоководного моста через всю 2-километровую долину Днепра. Чтобы обезопасить себя на случай неготовности моста или его разрушения, мы завезли за Днепр 5—10-суточный запас продовольствия и достаточное количество боеприпасов. Сверхчеловеческими усилиями наших мостостроителей и инженерных частей под руководством опытных генералов — начальника инженерных войск фронта И.И. Прошлякова и армии Б.А. Жилина — мост был построен за пять суток до паводка. Кроме того, у нас был еще понтонный мост у Нового Быхова, с использованием высокой насыпи, которая вела когда-то к постоянной паромной переправе. Эти два моста и связывали наши войска с восточным берегом. С того времени как долина реки начала наполняться водой, на высоком мосту все время дежурили офицеры инженерной службы, которые следили за повышением уровня воды и за тем, как на него реагирует 2-километровый мост на 1920 высоких сваях. Когда вода подошла под верхнее строение моста, сваи у двух пролетов подмыло. Для спасения моста были брошены строители. Но эти два пролета оторвало и вместе с людьми понесло вниз по течению. Положение осложнялось тем, что 15 километрами ниже наши войска находились только на восточном берегу, а на западном был противник. Оторванный кусок моста, как плот, с громадной быстротой уносило течением к противнику.

Но у генерала Жилина все было предусмотрено: у моста все время дежурили три катера, которые и были посланы вдогонку.

К вечеру все люди были сняты и спасены, когда оставалось лишь 4 километра до противника. Много усилий потребовалось от героических инженерных частей, чтобы восстановить разрушенную часть моста. Но они трудились не напрасно: мост был восстановлен.

Боясь за быховское направление, мы подобрали квалифицированных наблюдателей, обо всем замеченном, даже о мелочах, они немедленно докладывали, а мы анализировали данные наблюдения и принимали нужные меры.

В период разлива мы трижды проверяли готовность войск к отражению внезапного нападения противника. В этот период мы провели много бессонных ночей, и я не раз вспоминал и рассказывал своим ближайшим помощникам о событиях 28 марта 1917 года, когда немцы уничтожили наши три пехотные дивизии на плацдарме реки Стоход во время ее разлива; спаслись тогда всего лишь единицы из 25 тысяч. Рассказывал и о марте 1942 года, когда мы с генералом А.И. Родимцевым обороняли захваченный нами плацдарм за рекой Северский Донец, когда вешние воды залили долину шириной в один километр. Немцы тогда забрасывали нас листовками, предупреждая, что будут нас купать в реке, но я говорил: «Раз они нам угрожают, то более чем вероятно, что активничать не будут, но ушки на макушке держать все равно надо».

Оберегая быховское направление, мы имели на нем и против него, кроме сильной артиллерии, основные резервы и танки. Артиллерия, включая тяжелые калибры, продолжала повышать свое огневое мастерство, проводя пристрелку и стрельбу по живым целям с временных позиций, училась решать эти задачи ограниченным количеством снарядов. Танкисты учились стрельбе с хода, преодолению препятствий.

В морально-политической подготовке к операции большую помощь нам оказали партизаны, которые за Днепром влились в наши дивизии. Они не только пополнили наши поредевшие ряды, но и образно, доходчиво рассказывали, как тяжело жилось белорусам под фашистским игом, что один из каждых шести белорусов замучен или расстрелян за участие в партизанской борьбе или за оказание партизанам помощи, угнан в немецкую неволю; о геройстве партизан, о том, как и сколько пустили они под откос вражеских поездов, как уничтожали не только отдельных солдат, офицеров, но и целые роты и батальоны.

Вступив на землю Белоруссии, наши радисты армии стали принимать ценнейшие сведения о противнике: его силах и сред-

ствах, местах дислокации, расположении штабов. Узнавали почерк радистов-операторов, выпускников 3-й специальной школы Центрального штаба партизанского движения, в частности радиста-оператора Сергея Ивановича Руднева, а также радиста-оператора, а позже шифровальщицы оперативной группы Белорусского штаба партизанского движения полковника А.А. Архангельского, бывшей школьницы из города Ливны Орловской области Розы Николаевны Агарковой.

Начальник оперативного отдела штаба армии генерал-майор Н.Ф. Гарнич установил тесную связь с начальником оперативного отдела БШПД полковником А.И. Брюхановым. Такие контакты были для нас весьма полезны.

В этот период в армии было получено письмо от освобожденных колхозников Белоруссии, под которым было 8 тысяч подписей. Оно было немедленно размножено и доведено до рот. В этом письме колхозники горячо благодарили своих освободителей, вернувших им свободу, жизнь на родной земле. В нем были перечислены зверства фашистов.

Прочитав письмо, солдаты говорили:

— Там, по ту сторону фронта, каждый час гибнут от рук фашистов наши братья, сестры, скорей бы приходил тот час, когда нам скажут — вперед!

Накануне подготовки перехода советских войск в решительное наступление, в ночь на 6 июня 1944 года, войска наших союзников из антигитлеровской коалиции высадись в Европе. В своих воспоминаниях отмечу лишь одно: сразу же в послевоенные годы западные историки начали чрезмерно преувеличивать роль так называемого второго фронта, но ясно и то, что второй фронт в Европе был открыт лишь тогда, когда стало очевидно, что Красная Армия, при поддержке антифашистского движения, будет в состоянии разгромить немецко-фашистские войска и войска сателлитов гитлеровской Германии и освободить Европу. Конечно, с высадкой англо-американских войск в Европе положение гитлеровской Германии ухудшилось.

Но мне хочется показать, с какими симпатиями встретили рядовые, сержанты и офицеры это сообщение. Их охватило глубокое и радостное настроение в связи с известием о высадке войск западных союзников на нормандское побережье Франции. Оно облетело за 30 минут все войска, даже находившиеся вне средств телефонной связи. Всюду были слышны радостные

восклицания: «Наконец-то они решились!», «Высадились, высадились, высадились!!!». Старший сержант при мне сказал не без упрека в голосе:

— Решились все же выполнить Тегеранский договор.

Таким образом, хотя вторжение на территорию Франции не сняло возникшее прежде недовольство задержкой активных действий со стороны союзников, все-таки все, от солдата до генерала, еще больше укрепились в надежде на скорую победу.

Рядовой саперного батальона Суйков, которого я знал лично, сказал:

— Теперь дело должно пойти еще быстрее. К уборке хлеба в этом году, может быть, будем уже дома.

Его поддержал сержант Колосов, добавив:

— К осени этого года обязательно будем дома.

А Тихонов даже спросил меня:

— Как будут отпускать домой, по приказу из Москвы или командира дивизии?

Старшина Щербаков ответил за меня:

— Не спешите домой, пока не узнаем, будут ли наши союзники спешить с наступлением. Готовьтесь сами добивать фрица, как до сих пор готовились! А легче нам, само собой, будет.

Один из солдат, услышав это, опечалился:

— Да, высадились и будут действовать патрулями, как у них говорится. Вот и получится, что радовались мы напрасно.

Пулеметчик Попов ободрил его, но, по своему характеру, умеренно и рассудительно:

— Нет, почему же напрасно? Второй фронт — это дело хорошее во всяком случае. А чтобы они действовали активно и высадились бы не только на севере, но и на юге, надо, чтобы мы свое дело не хуже прежнего делали. Пусть знают, что и без них обойдемся, тогда больше себя показывать будут.

Ефрейтора Зарубина это не убедило.

— У них все офицеры, а особенно генералы своей жизнью дорожат и с наступлением не спешат. Ну а раз не спешат офицеры, так и солдаты тоже.

Кто-то из окружившей меня кучки солдат заметил:

— Ну, если они будут сидеть на захваченном берегу, немцы их всех перебьют. Хочешь не хочешь, надо закрепиться и сейчас же расширять плацдарм.

Были и такие мнения:

— Ну, теперь пусть они воюют, мы уже повоевали.

В общем, нельзя сказать, чтобы наши фронтовики имели в очевидном большинстве чрезмерное доверие к союзнической честности и военным качествам западных держав. Но почти все соглашались с тем, что «раз уж дело завязалось», уклониться от него невозможно никому. Открытие антигитлеровского фронта в Европе ускорит разгром врага. Таким образом, союзный десант в Нормандии помог нам в морально-политической подготовке к наступлению.

Но, как бы ныне ни изощрялись западные историки, советско-германский фронт оставался решающим фронтом Второй мировой войны. Не с Восточного фронта на Западный фронт, а наоборот — с Западного фронта гитлеровское командование перебрасывало десятки и десятки наиболее боеспособных, полностью укомплектованных дивизий. Умалить великий подвиг советского народа в разгроме гитлеризма невозможно.

31 мая командующие фронтами получили директиву Ставки на проведение операции под кодовым названием «Багратион». В войсках началась конкретная подготовка войск к действиям. Приступили к проведению операции и войска нашей армии.

Хотя, как уже отмечалось, у нас было достаточно времени для подготовки к наступлению, в ходе которого штаб армии и командиры соединений хорошо изучили оборону противника.

В состав армии входили: 35, 40, 41, 42, 46 и 80-й стрелковый, 9-й танковый и артиллерийский корпуса. Мы создали рельефный план нашей полосы до реки Березины. На нем проводили занятия с командирами корпусов, дивизий и их заместителями. Командиры корпусов и дивизий, в свою очередь, проводили занятия со своими подчиненными на таких же планах, но уже тех полос, в которых они должны были наступать.

К наступлению готовились тщательно. Много занятий проводилось в ротах и батальонах. Учились вести бой в лесисто-болотистой местности, с преодолением рек, с переправой на подручных средствах.

80-му корпусу предстояло форсировать реку на участке, где долина не только заболочена на протяжении километра, но и прорезана многими протоками. Противник на этом участке имел лишь слабую оборону — считал, что здесь наступать невозможно. Но командир 80-го корпуса И. Рагуля и исключительно смелые

командиры 5-й Орловской и 283-й дивизий П.Т. Михалицын и В.А. Коновалов рассуждали иначе. Они готовили своих людей к наступлению. В корпусе построили 150 лодок, на которых собирались форсировать реку.

Артиллеристы во главе с командующим артиллерией армии генералом Н.Н. Семеновым, прекрасным знатоком своего дела, тщательно изучали огневые точки противника, анализировали их, отсеивали ложные и временные. Пристрелка по различным целям была произведена заблаговременно. Артиллерия, обеспечивающая первые три корпуса, имела до 200 стволов на один километр фронта.

С громадной работой справилась тыловая служба под руководством генерала М.П. Еремина. Нужно было каждый день подвозить только одних боеприпасов 30 вагонов, а сколько еще всего прочего для восьми корпусов и многих отдельных частей!

Высокая дисциплинированность войск особенно проявилась при сосредоточении, перегруппировках, занятии исходного положения и маскировках. Неутомимые офицеры штаба каждый день поднимались на самолете на рассвете, днем и ночью, контролировали маскировку — не видно ли где дыма костров, излишней пыли на дорогах? — и всюду поддерживали порядок.

До последнего дня 46-й стрелковый и 9-й танковый корпуса мы оставляли на восточном берегу Днепра: не хотелось лишним передвижением войск заронить у противника подозрение, что мы готовимся наступать. Особо трудной задачей в последние дни было скрытное размещение более 300 орудий прямой наводки под самым носом противника.

Всю напряженную и многогранную подготовительную работу к наступлению возглавляли наши неутомимые труженики — начальник штаба армии генерал М.В. Ивашечкин и его заместители Б.Р. Терпеловский, Н.Ф. Гарнич и начальник политотдела армии Н.Н. Амосов.

Глядя на их самоотверженный труд, порой казалось, что у нас в армии собраны самые лучшие, самые преданные нашей социалистической Родине люди.

Большую работу провели, оберегая армию от проникновения в ее ряды разведчиков противника и другой нечисти, контрразведчики отдела контрразведки Смерш во главе с ее начальником, человеком безукоризненной честности, интеллигентности и образованности, полковником Александром Александровичем Вяземским. Надо сказать, что между нами сохранились самые

добрые отношения и сейчас. А.А. Вяземский живет в Киеве и, бывая в Москве, никогда не обойдет наш дом.

Одним словом, все знали свои задачи, все верили в успех предстоящего наступления. Но нам казалось, что сделано все еще мало, хотелось большего, чтобы выполнить стоящие перед армией задачи с наименьшими потерями, как в людях, так и в технике.

В начале июня 1944 года на 1-й Белорусский фронт прибыл из Ставки Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, чтобы проверить ход подготовки к наступлению. Он побывал в первой траншее на реке Друть в полкилометре от противника. Трудно сказать, заметил ли противник наше неосторожное по траншее продвижение или начал обычный плановый артобстрел этого участка, но ранил одного офицера, прибывшего с маршалом и находившегося от него в трех шагах.

Георгий Константинович, ознакомившись с обстановкой и узнав, что в состав нашей армии входит шесть стрелковых корпусов, а в состав 48-й армии только два корпуса, выразил удивление и приказал: левофланговый 42-й стрелковый корпус генерала К.С. Колганова, который должен был наступать от Рогачева по шоссе на Бобруйск, немедленно передать в состав 48-й армии генерал-лейтенанта П.Л. Романенко.

9 июня 1944 года была получена директива фронта на наступление. Она гласила: «Прорыв произвести двумя стрелковыми корпусами, основной удар наносить с имеющегося плацдарма на реке Друть. Танковый корпус и второй эшелон армии (два стрелковых корпуса) вводить на левом фланге ударной группировки армии. Северное направление между реками Днепр и Друть оборонять усиленным стрелковым корпусом трехдивизионного состава. На Березину выйти на девятый день операции». Наше решение 17 июня было доложено командующему фронтом и подчиненным армии командирам корпусов, дивизий и бригад. Здесь же присутствовал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

Мы решили: прорыв осуществить на указанном участке, как и приказано, двумя корпусами, но исходить из того, что перед плацдармом у противника имеются сплошные минные поля, проволока в пять-шесть рядов, огневые точки в металлических колпаках и бетоне, сильная войсковая и артиллерийская группировка и противник ожидает нашего наступления с плацдарма. Мы поделили плацдарм с мостами на реке Друть пополам между корпусами, но с плацдарма наступать лишь частью сил, а ос-

новными силами форсировать реку: 35-м корпусом генерала В.Г. Жолудева правее у села Озеране, а 41-м корпусом генерала В.К. Урбановича левее плацдарма.

Кроме указанных двух корпусов, назначенных для прорыва, решили наступать 80-м стрелковым корпусом генерала И.Л. Рагули севернее, с форсированием особо заболоченной части долины реки Друть, между Хомичами и Ректой, используя специально сделанные лодки. Задача этого корпуса — наступать в северно-западном направлении, выйти на шоссе Могилев—Бобруйск, тем обеспечивать ударную группировку армии от контр-удара противника справа.

9-му танковому корпусу генерала Б.С. Бахарова и 46-му стрелковому генерала К.М. Эрастова были даны указания, чтобы они готовились к вводу в бой вслед за 41-м стрелковым корпусом, для наращивания удара на левом фланге, как указано в директиве, но одновременно они были предупреждены о том, что должны быть готовы к вводу и за 35-м стрелковым корпусом.

При втором варианте 9-й танковый корпус по выходе на шоссе Могилев—Бобруйск выходит по нему к Бобруйску, захватывает мост через реку Березину или выходит в районе села Титовка, тем отсекает пути отхода противнику из района Рогачев и Жлобин, а 46-й стрелковый корпус выходит к местечку Свислочь и захватывает плацдарм на реке Березине вместе с железнодорожным мостом.

Ввод второго эшелона армии на левом фланге мы считали менее целесообразным и потому, что кроме реки ему придется преодолевать еще три заболоченных речки, кроме того, мы не окружали, а выталкивали противника.

Вместо корпуса трехдивизионного состава для обороны северного направления между реками Днепр и Друть мы решили поставить лишь армейский запасной полк с заградотрядами, а 40-й стрелковый корпус генерала В.С. Кузнецова решили держать в кулаке, сосредоточенным для развития успеха. Это отступление от директивы мотивировали тем, что если противник не нанес нам удара с севера до сих пор, то не будет наносить его тогда, когда мы и наш сосед, 50-я армия генерала И.В. Болдина, перейдут также в наступление.

Выход на реку Березину планировали не на девятый день, как указано в директиве, а на седьмой.

После моего доклада был объявлен перерыв, и все вышли из большого сарая, в котором проходило совещание. В ходе докла-

да по нескольким резким репликам, которыми Г.К. Жуков прерывал мой доклад, было заметно, что ему не нравится такое сильное отступление от директивы фронта. Первый заместитель Верховного Главнокомандующего подозвал к себе командира 35-го стрелкового корпуса В.Г. Жолудева. Я услышал громкую, резкую фразу Георгия Константиновича: «Я был о вас лучшего мнения».

Потом он подозвал к себе командира 41-го стрелкового корпуса В.К. Урбановича и закончил разговор с ним словами: «Как вижу, вы все смотрите в рот Горбатову, а своего мнения не имеете!»

Позднее ко мне подошли Жолудев и Урбанович и доложили, что у того и у другого Г.К. Жуков раздраженно спросил, почему они основными силами не хотят наступать с плацдарма, а думают форсировать реку. Оба, преодолевая некоторую боязнь перед Г.К. Жуковым, ответили так, как докладывал командарм: «Наступать легче...»

— А последние слова Жукова вы, наверное, слышали, — сказал Урбанович. — Как же он на нас рассердился!

После перерыва К.К. Рокоссовский спросил участников совещания, кто хочет высказаться. Желающих не было. Тогда он утвердил мое решение, добавив, что 42-й стрелковый корпус генерала К.С. Колганова, который только что был передан в 48-ю армию, будет наступать вдоль шоссе Рогачев—Бобруйск, как было нами намечено по предварительному решению, имея локтевую связь с 41-м стрелковым корпусом.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков информировал нас об успехах на всех фронтах, дал ряд практических ценных указаний, а потом сказал:

— Где развивать успех, правым или левым флангом, будет видно в ходе прорыва. Думаю, что сами откажетесь, без нашего давления, от ввода второго эшелона на правом фланге. Хотя командующий фронтом и утвердил решение, но я считаю, что северное направление нужно упорно оборонять силами усиленного корпуса, а не запасным полком. 80-му стрелковому корпусу нечего лезть в болото, он там увязнет и ничего не сделает. Рекомендую отобрать приданный ему армейский минометный полк. — И добавил, что обстановка покажет, как быть с ударом вторым эшелоном армии.

Перед нашим правым соседом, 50-й армией, противник держался еще на восточном берегу Днепра, соединения правого фланга 50-й армии находились на реке Проня, а крайние левые —

на Днепре. Перед самым наступлением я узнал о решении командующего 50-й армией И.В. Болдина. Оно было принято на основании директивы командующего 2-м Белорусским фронтом: армия имела задачу наступать в западном направлении, имея два корпуса в первом эшелоне и один корпус во втором эшелоне.

Мне казалось, что могло быть лучшее решение. Почему бы командованию 2-го Белорусского фронта не договориться с командующим 1-м Белорусским фронтом о том, чтобы корпус второго эшелона 50-й армии перевести на западный берег Днепра? Он мог и вместе с другими корпусами своей армии повести наступление между реками Днепр и Друть. При этом варианте противник, оказывая сопротивление на восточном берегу Днепра, мог бы оказаться в окружении, а боясь окружения — быстрее бы отходил; 50-я армия имела бы меньше потерь.

23 июня 1944 года — знаменательный день, день общего наступления — приближалось. Все, начиная от солдата и кончая командармом, переживали, но у всех было торжественное настроение. Все верили в успех. Нет сомнения, что солдаты много думали о предстоящих атаках, о превратностях судьбы, о родителях, родных и дорогих, в письмах ободряли их как могли. Командиры беспокоились о том, какой ценой будет выполнена эта большая задача.

Но вот настал канун операции. Как обычно, этот день был предоставлен для отдыха. Помылись, надели чистое белье, было зачитано обращение Военного совета армии:

«...Настал и наш час громить фашистское зверье... Нас ждут родные нам люди, наши братья и сестры, томящиеся в немецкой неволе. Советская Белоруссия, стонущая под немецким ярмом, ждет своих освободителей.

Великая наша Родина с надеждой и верой смотрит на нас — ее сынов. Она снабдила нас всем необходимым для разгрома врага. Оправдаем доверие матери-Родины.

Летнее наступление Советской Армии уже началось. Наши товарищи на Ленинградском фронте успешно громят немецко-финских фашистов. Гитлеровцы дрожат, ожидая нашего удара.

Мы хорошо подготовились к этому наступлению. Осталось только полностью использовать полученные знания и технику. Решительно рвите оборону врага...

Вперед и только вперед! Ничто не должно нас задержать: ни реки, ни леса, ни болота. Они нам помогут. Наша возьмет.

Военный совет армии призывает Вас умножить славу советского оружия. Очистим нашу землю от немецких захватчиков — добьем раненого зверя в его берлоге.

Вперед к славе и победе!»

Следует отметить, что еще совсем недавно на совещании в Минске в мае 1944 года командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Буш, командующий 9-й танковой армией генерал Иордан, командир 35-го армейского корпуса генерал барон фон Лютцев, генерал-майор Гоман, комендант Бобруйска, утверждали, что в ближайшие месяцы 1-й Белорусский фронт наступать не будет. Его войска готовятся к обороне. «В генеральном штабе сухопутных войск у Гитлера, — пишет в своих воспоминаниях генерал К. Типпельскирх, — глубоко укоренилось... мнение о наибольшей вероятности русского наступления на фронте группы армий «Северная Украина»¹.

Таким образом, наши усилия скрытности подготовки к столь грандиозному наступлению четырех фронтов в Белоруссии не пропали даром.

Но в последние дни перед операцией мы отмечали большую нервозность в обороне противника. Особенно перед нашим плацдармом за рекой Друть было заметно, как он укреплял оборону день и ночь, несмотря на наш огонь.

В последнюю июньскую ночь перед наступлением, как только сгустились сумерки, засветились фары наших автомашин, которые были окопаны у первой траншеи на плацдарме за рекой Друть: они, бросая лучи света к востоку, обозначали наш передний край. На восточном берегу реки Друть зажглись костры. Створ костров и фар обозначал путь нашей авиации и страховал наши войска от бомбежки своими самолетами.

Когда настала полная темнота, услышали сначала нарастающий шум нашей ночной авиации, идущей поражать огневые позиции и траншеи противника. Потом этот шум дополнялся нарастающим гулом тяжелых самолетов дальней авиации, которую возглавлял боевой и предусмотрительный генерал-полковник авиации Н.С. Скрипко: они шли для поражения резервов и целей в глубине обороны противника. Наши артиллеристы изготовились для засечки результатов бомбежки. Самолеты шли беспрерывными волнами одна за другой, воз-

¹ *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. С. 441.

буждая гордость и уверенность в победе у наших солдат и офицеров.

Вскоре послышались взрывы, и видна была масса огненных фонтанов. Всю ночь бомбила наша авиация. Артиллеристы с радостью отмечали, что груз сбрасывается в точно намеченных районах.

В эту же ночь, под шум и грохот бомбежки, наши бесстрашные труженики-саперы осуществляли большую ответственную работу: разминировали проходы в минных полях и проволочном заграждении, обеспечили сотни проходов для нашей пехоты, танков и артиллерии, делая свое опасное дело в непосредственной близости от противника, зачастую под его пулеметным и ружейным огнем.

Читатель уже знает, что я являюсь большим противником разведки боем отдельными батальонами, особенно накануне наступления, и не только потому, что эти батальоны несут, как правило, большие потери, но и настораживают противника, усложняют работу саперов, проделывающих проходы в минных полях и проволоке. А самое главное — предупреждают противника о нашем наступлении, и он может усилить это направление за счет других участков, может и отвести свои войска с менее выгодных позиций на другие.

Хотя мы были уверены, что противник не отведет своих войска с выгодного западного берега реки Друть, но, имея приказ о проведении такой разведки, не могли его не выполнить, а потому решили ее провести перед самой артподготовкой. Разведка подтвердила то, что мы уже знали: противник решил упорно обороняться.

В 3 часа 24 июня командиры корпусов доложили мне, что все находятся на своих местах, а проходы в минных полях и проволоке проделаны. Было слышно, как генерал Н.Н. Семенов звонил на основные артиллерийские наблюдательные пункты, сверяя до секунды их часы со своими, чтобы открыть огонь одновременно.

Вопреки моему приказу в эту ночь многие из генералов и офицеров почти не спали, но вид у всех был бодрый и торжественный.

Армейский командный пункт был в 5 километрах от противника. Начальник штаба армии генерал М.В. Ивашечкин не мог усидеть в штабе и находился на вышке моего наблюдательного пункта. Макар Васильевич часто с нетерпением поглядывал на часы, а за десять минут до артподготовки сказал:

— Удивительно медленно движутся стрелки часов, особенно в последнем получасе.

— Это потому, Макар Васильевич, что вы много и хорошо поработали со своими помощниками при подготовке к наступлению, — ответил я. — Если бы вы не успели сделать всего, что надо и что вам хотелось бы, стрелки двигались бы быстрее.

Наш НП был поднят на уровень вершин самых высоких деревьев, в наикратчайшем расстоянии от противника, с него просматривалась вся долина реки Дуть. Мы видели, как саперы под гром артподготовки, несмотря на пулеметный огонь противника, приступили к постройке мостов на заранее забитых сваях и наводили штурмовые мостики из заготовленного леса. Сигналом к наступлению был повторный залп «катюш».

Поскольку наш НП находился в 2 километрах от противника, невооруженным глазом было отчетливо видно, как дружно выскочила из окопов наша пехота и пошла ускоренным шагом в наступление, соблюдая указанный интервал 10—12 шагов вместо 6—8. Вот через мосты прошли танки. Впереди них шли танки с полуторатонными тралами, которые должны будут продублировать работу наших саперов и проделать дополнительное количество проходов в минных полях и проволоке. Наступление пехоты и танков надежно обеспечивалось артиллерией и штурмовой авиацией, руководимой молодым, но на редкость способным и волевым генералом С.И. Руденко.

По распоряжению Г.К. Жукова на наблюдательный пункт армии в 22 часа 23 июня прибыл генерал С.И. Руденко с группой офицеров штаба армии. В девственном лесу были сооружены, как можно ближе к переднему краю, вышки для скрытого наблюдения за полем боя.

Для средств связи и управления авиаторами были оборудованы добротные блиндажи в несколько накатов. С генералом Руденко работалось легко. Мы понимали друг друга с полуслова. В период подготовки этой наступательной операции Сергей Игнатьевич для организации взаимодействия многократно бывал у меня, а начальник штаба воздушной армии генерал П.И. Брайко кропотливо, до мелочей отрабатывал вопросы совместных действий, организации связи, по согласованию времени, выделения целей, которые должны обработать доблестные авиаторы, с начальником штаба армии М.В. Ивашекиным. В результате такой кропотливой работы все вопросы были полностью ими согласованы. Еще с большим вниманием и дотошностью работали, дополняя друг друга, начальник оперативного отдела штаба 16-й воздушной армии полковник И.И. Островский и начальник опе-

ративного отдела нашей 3-й армии генерал-майор Гарнич. Остается добавить, что за первый день операции авиаторы произвели 3191 боевой вылет, несмотря на неблагоприятные метеоусловия.

Сигналом к началу артподготовки был залп гвардейских минометов. Их грохот был дополнен громом выстрелов более чем 2 тысяч артиллерийских и минометных стволов. Огненные фонтаны были видны всюду на территории противника. Противник был так ошеломлен, что не отвечал на наши выстрелы в течение часа, лишь со второго часа начал отвечать слабым артиллерийским огнем.

Все наше внимание в этот момент было сосредоточено на одном: ворвутся ли с ходу наши цепи в траншею противника или залягут перед ними? Вздох облегчения и выкрики «Ворвались!», «Ворвались!» были слышны вокруг, когда наши цепи врывались в траншею, и тревожное, без слов, переглядывание было тогда, когда наши залегали, хотя и ненадолго. Саперы добросовестно проделали проходы в минных полях и проволочном заграждении, но не могли сделать проходов в тех минных полях, которые находились за проволокой, непосредственно перед траншеей противника или на бруствере.

К исходу первого дня 35-й стрелковый корпус своим правым флангом, а 41-й — левым, преодолевая сильное огневое сопротивление и глубокое минирование, продвинулись на 3—4 километра, а наступающие с плацдарма продвинулись лишь на 1—1,5 километра, заняв одну и частично две траншеи. Столь малое продвижение наступающих с плацдарма объяснялось тем, что сплошное минирование оказалось не только перед первой, но и перед второй траншеей.

80-й стрелковый корпус по плану наступал на второстепенном направлении, через заболоченную долину, то есть там, где противник совершенно не ожидал его. Этот корпус начал наступление лишь после 20-минутной артиллерийской подготовки, продвинулся до 12 километров, части 283-й стрелковой дивизии генерала В.А. Коновалова овладели сильным узлом сопротивления — селом Хомичи на восточном берегу реки Друть. Во второй половине дня 80-й стрелковый корпус уже отбивал мощные контратаки противника, подошедшего с северного направления.

Левее нас в тактическом взаимодействии с 41-м стрелковым корпусом наступал 42-й стрелковый корпус соседа, он продвинулся на три километра.

Таким образом, уже в первый день была видна безошибочность нашего решения: наибольший успех одержан правее и левее

плацдарма. Расчеты на успешное продвижение 80-го стрелкового корпуса вполне себя оправдали, 9-й танковый и 46-й стрелковый корпуса приходилось вводить только на правом фланге.

Наши попытки продолжить наступление ночью успеха не имели.

Второй день наступления начался мощной 45-минутной артиллерийской подготовкой. В результате всюду прорвали первую полосу обороны. Расширили плацдарм до 35 километров по фронту и на 5—13 километров в глубину. В этот день результативно работали авиаторы 16-й воздушной армии под командованием талантливого молодого генерала С.И. Руденко, будущего маршала авиации.

Захваченные пленные показали: «В этом наступлении, как никогда, овладела воздухом русская авиация».

К полудню я окончательно убедился, как бесцельно держать 40-й стрелковый корпус трехдивизионного состава, да еще с мощным усилением для обороны северного направления между реками Днепр и Друть. Решил под свою ответственность снять его с обороны и использовать для развития наступления. Но нельзя было не считаться и с категорическим приказом: «Прочно оборонять северное направление усиленным корпусом». Приходилось поступать так: сегодня — вывести из обороны и сосредоточить у села Литовичи 129-ю Орловскую стрелковую дивизию генерала И.В. Пинчука, завтра — вывести из обороны 169-ю стрелковую дивизию вместе с управлением 40-го корпуса, сменив ее запасным полком. Чтобы командование фронта не посчитало, что его мнение игнорируется, мы оставляли пока в обороне самую западную 283-ю стрелковую дивизию В.А. Коновалова, которая своими основными силами уже участвовала в наступлении и в овладении селом Хомичи. Ей подчинили запасной полк и заградотряд.

25 июня в приказе Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность войскам 1-го Белорусского фронта за прорыв обороны противника.

Победным салютом в Москве за прорыв сильно укрепленной обороны противника, прикрывающей бобруйское направление, чествовали и воинов 3-й армии, отличившихся в боях при прорыве сильной, глубокоэшелонированной обороны немцев с форсированием реки Друть.

В этом приказе Верховного Главнокомандующего были названы фамилии командиров дивизий и полков, особо отличившихся в ходе ожесточенных двухдневных боев.

На третий день успех нашего наступления превзошел все ожидания. Несмотря на то что противник видел сосредоточение наших сил на правом фланге и чувствовал наше стремление выйти на шоссе, а потому и подготовился к отражению нашего удара, натиск 35-го стрелкового корпуса, поддержанного бригадой танков, был таким стремительным, что противник был вынужден отступить. Наша пехота вышла на шоссе, а танкисты, выполняя поставленную им задачу, на предельных скоростях понеслись по шоссе к Бобруйску. Не давая противнику опомниться, 9-й танковый корпус без выстрела пленил все, что было на шоссе, включая танки, артиллерию, транспортные средства, освободил 5 тысяч советских людей, угоняемых в Германию, и к 20 часам того же дня вышел к реке Березине у Бобруйска, захватив район села Титовка на стыке двух шоссе, идущих от Могилева и Рогачева на Бобруйск. Основной путь отхода рогачево-жлобинской группировке был отрезан. Ворваться в город Бобруйск танкисты не смогли лишь потому, что мост через Березину был разрушен.

В этот день ударная группировка армии форсировала две заболоченные речки — Добрица и Добысна. Ее продвижение обеспечивал 80-й корпус, продвинувшийся на правом фланге на 10, а на левом фланге на 20 километров и весь день отражавший ожесточенные контратаки противника на шоссе. 46-й стрелковый корпус был введен между 35-м и 41-м корпусами. 40-й корпус, выведенный во второй эшелон, предназначался для ввода вслед за 46-м корпусом.

В это время наш правый сосед — 50-я армия — теснил противника от реки Прони к Днепру. Левее 48-я армия силами 42-го стрелкового корпуса вышла к реке Добысне; 65-я армия П.И. Батова продвигалась к Бобруйску вдоль западного берега Березины, а 28-я армия А.А. Лучинского устремилась к городу Слуцку.

Интересны показания пленного фельдфебеля Фридриха Лаубштера: «Наша 20-я танковая дивизия выступила из Бобруйска по шоссе на Рогачев, чтобы остановить наступление русских, но, пройдя 30 километров, получила уведомление, что русские танки в нашем тылу заняли село Титовка. Мы свернули с шоссе на проселочные дороги и пошли к северу, чтобы избежать окружения, но попали в болото, где увязли не только пушки, но и танки, а те, что не увязли, попали под артогонь и бомбежку авиации. У нас создалась паника, экипажи стали бросать танки, а расчеты разбегаться по кустам, бросая пушки. В этот день, не вступая в бой, мы потеряли до 50 процентов личного состава и техники».

Поскольку каждый из последующих дней наступления резко отличался от других и представлял свой интерес, я опишу операцию и следующих дней.

На рассвете четвертого дня 9-й танковый корпус, удерживая район села Титовка (3 километра восточнее Бобруйска), попал в трудное положение: не допуская отхода противника, он сам оказался в полуокружении — противник наступал на него с юга и востока и обстреливал с запада, из Бобруйска. К 6 часам утра тревожные сигналы, поступавшие из танкового корпуса, превратились в сигналы бедствия. Наши успокоительные ответы по радио не оказали нужного влияния, и сигналы поступали через каждые 30 минут, один другого тревожнее.

Мы приказали командирам 41-го и 46-го стрелковых корпусов ускорить наступление и указали жесткие сроки для вхождения в живую связь с 9-м танковым корпусом; авиации приказали бомбить противника, оказывающего давление на 9-й танковый корпус. Но так как разрыв между стрелковыми и танковыми корпусами был все же большим, мы решили использовать еще одно, во многих случаях верное, средство — личное общение. Решено было ехать самому с членом Военного совета генералом И.П. Конновым, командующим бронетанковыми и механизированными войсками армии полковником В.А. Опариным. С адъютантами и четырьмя автоматчиками сели в два «виллиса» и добрались до шоссе, в 3 километрах от которого вел бой 35-й стрелковый корпус. Ознакомившись наскоро с обстановкой у командира корпуса В.Г. Жолудева, мы связались со штабом армии и, узнав, что командир танкового корпуса продолжает взывать о помощи, на большой скорости вырвались по шоссе к Бобруйску, где вчера прошли наши танки.

Решаясь на такое мероприятие, мы понимали, что подвергнемся риску, но он оказался значительно большим, чем мы предполагали. Первые 5 километров мы не видели на шоссе и около него ни своих, ни немцев; на шестом километре на минутку остановились у взвода с пулеметами, выставленного 35-м стрелковым корпусом как прикрытие. Не узнав ничего нового, продолжали ехать со скоростью около 40 километров в час. На следующих 5 километрах увидели две группы немцев, которые, боязливо оглядываясь, спешили пересечь шоссе в северо-западном направлении. Чем дальше мы ехали, тем больше видели групп противника, все более крупных, перебежавших шоссе впереди и сзади нас. Встретили и машины с пушками на прицепе,

перезжавшие шоссе. В двух местах мимо нас просвистели пули, выпущенные откуда-то из кустов. Путь в 30 километров, который мы преодолели, показался нам бесконечно длинным. Назад не вернулись только потому, что возвращение по той же дороге считали еще более опасным. Мы напряженно вглядывались в кусты и в опушку леса, надеясь увидеть своих, кого-нибудь из состава танкового корпуса. Вскоре мы увидели подбитые, еще дымящиеся танки и машины противника — по-видимому, результат только что закончившегося боя — и наконец-то увидели свои танки, башни которых были обращены в нашу сторону. Удивленные и обрадованные танкисты окружили нас. А еще через пять минут к нам подъехал командир корпуса генерал Б.С. Бахаров с начальником политотдела. Мы обнялись и крепко расцеловались, поблагодарили окруживших нас танкистов за вчерашний марш-маневр и за сегодняшнюю оборону и отправились на командный пункт корпуса.

Командир корпуса удивлялся:

— Ведь мы окружены, как вы могли проехать?

Вид у него был довольно смущенный. «Вероятно, он раскаивается за свои тревожные сигналы, видя теперь, что его положение не такое уж плохое», — подумал я и ответил:

— Да, ваше положение нелегкое. Но положение противника, в связи с вашим выходом в этот район, значительно хуже. Ваше нелегкое положение сложилось по вашему желанию, а противник очутился в плохом положении благодаря вашим отличным действиям.

Глядя на танкистов, мы видели, как с их лиц исчезают озлобленность и тревога, которые появились в момент приезда. Когда на КП мы заслушали доклад о сложившейся обстановке в тех местах, где начальник штаба несколько сгущал краски, командир корпуса его поправлял. Трудно было сказать, как оценивалась обстановка до нашего приезда, но сейчас она выглядела невыгодной только для противника, и это нас радовало. Я подумал: «Какое большое значение имеет личное общение старшего с подчиненным, особенно в такую трудную минуту».

Несмотря на то что район командного пункта обстреливался артиллерией противника с трех сторон, мы слышали от офицеров: «Не позволим немцам отойти, расширим район обороны, будем стрелять только на поражение». (Надо заметить, что боеприпасов у корпуса было в обрез.)

Мы рассказали танкистам о положении стрелковых корпусов армии, об их успешном продвижении навстречу танкистам, выражали уверенность, что 41-й стрелковый корпус соединится с танкистами не позднее завтрашнего дня. Правда, я видел, что, когда я назвал этот срок — завтрашний день, некоторые лица вытянулись, но я добавил, что сегодня уже вводится 129-я Орловская стрелковая дивизия 40-го корпуса в промежуток между 41-м и 46-м стрелковыми корпусами, с целью выхода к северной окраине Бобруйска, а вслед за ней идет 169-я стрелковая дивизия, что 65-я армия обходит Бобруйск с юго-запада и город завтра будет окружен, а 28-я армия успешно наступает на запад. В результате положение танкового корпуса уже сейчас становится значительно легче.

Стремительный прорыв корпуса Б.С. Бахарова к Бобруйску и захват 26 июня единственного моста через Березину отрезал путь отхода войск противника. Танкисты корпуса М.Ф. Панова, выйдя северо-западнее Бобруйска, перекрыли пути отхода немецко-фашистских войск непосредственно из Бобруйска.

Связались мы по радио с командным пунктом армии, сообщили генералу Ивашечкину о нашем благополучном прибытии к танкистам и о намерении сегодня же вернуться к нему. Выполнить это намерение было совсем не просто: если утром на шоссе мы видели столько отходящих немцев, то что же там делается теперь, когда натиск наших частей усилился? Но оставаться у танкистов до соединения с ними 41-го стрелкового корпуса было невозможно.

За завтраком генерал Коннов рассказал обо всем виденном нами на шоссе и о том, что два раза по нас стреляли из кустов. Командир корпуса и его офицеры пришли в ужас. Сначала нас просили остаться до соединения с 41-м стрелковым корпусом, но, когда я решительно отказался, нам предложили прикрытие из трех танков и двух машин пехоты. Мы согласились на три танка. Распрощавшись с хозяевами, пожелав им стойкости и успеха, мы не без тревоги тронулись в обратный путь. Два танка на большой скорости шли впереди нас с открытыми люками, из которых наблюдали за нами, а один шел следом.

На обратном пути мы видели еще больше немцев, группами и в одиночку перебегающих шоссе; некоторые из них, добежав до середины шоссе, возвращались обратно и залегали в кустах, ожидали, пока мы проедем. Иногда наши танки открывали по ним огонь. Мы немало удивлялись тому, что за весь путь нас только в трех местах обстреляли, да и то неорганизо-

ванным огнем; по-видимому, отход противника на этом участке происходил стихийно. Однако вряд ли наше возвращение было бы таким благополучным, если бы нам не дали прикрытие. Проводив нас до КП 35-го корпуса, танкисты вернулись к своим, не задерживаясь.

Пятый день наступления был замечателен тем, что 129-я стрелковая дивизия, снятая с обороны во второй день операции, совершила за три дня марш в 110 километров, вышла к реке Березине, форсировала ее, вошла в связь с частями 65-й армии и тем самым завершила окружение города Бобруйска.

Воины дивизии стойко удерживали захваченный плацдарм. Подчас безымянные высотки южнее деревни Шатково переходили из рук в руки по нескольку раз. Отличился в тех боях старший лейтенант В.Н. Петров. За бой на безымянной высоте старшие лейтенанты Н.А. Колодко и В.Н. Петров были удостоены звания Героя Советского Союза.

Дивизия захватила в плен за один пятый день более 5 тысяч немцев из числа тех, которые просачивались в промежуток между 9-м танковым и 46-м стрелковым корпусами.

169-я стрелковая дивизия под командованием полковника Ф.А. Веревкина вместе со штабом 40-го стрелкового корпуса находилась на марше, следуя за 129-й стрелковой дивизией.

35-й стрелковый корпус форсировал реку Ольса, то есть ту реку, на которую мы должны были выйти лишь на девятый день операции по директиве фронта, и далеко перешагнул нашу правую армейскую границу, чтобы отрезать пути отхода противнику, дерущемуся перед 50-й армией. Кроме того, корпус освободил районный центр Кричев.

46-й стрелковый корпус вышел к реке Березине и городу Свислочь, овладел исправным железнодорожным мостом и захватил плацдарм.

80-му стрелковому корпусу было приказано свернуть боевые порядки и следовать за 46-м стрелковым корпусом во втором эшелоне армии.

41-й стрелковый корпус вместе с 9-м танковым сжимал кольцо вокруг окруженного противника и уничтожал его.

В течение шестого дня было захвачено еще более 5 тысяч пленных и громадное количество техники. Много немцев, пытавшихся выйти из окружения, были уничтожены.

Попадая в безвыходное положение, гитлеровцы идут на любое коварство. Все об этом знали давно, но иногда забывали и

дорого расплачивались. К одному из батальонов 41-го стрелкового корпуса в сумерках подходила большая группа немцев, размахивающая белыми платками в поднятых вверх руках. Идущие впереди были без оружия и кричали: «Плен, плен!» Наши, доверившись им, встретили их со смехом и подпустили шагов на пятьдесят. Вдруг первые ряды немцев расступились, а идущие за ними автоматчики открыли огонь. У нас были убитые и много раненых, в их числе подполковник Матвеев, умерший от ран. Немцы прорвались к лесу. Этот случай немедленно был доведен до сведения всех войск. На следующий день группа немцев вышла на один из полков 129-й стрелковой дивизии и попыталась повторить вчерашний подлый поступок. Но командир батальона, изготовив свой батальон к открытию огня, приказал гитлеровцам остановиться в 300 метрах и переходить к батальону по 10 человек. Они этого приказа не выполнили, бросились в разные стороны, но огнем батальона были полностью истреблены; из 400 человек никому не удалось уйти, лишь 25 человек были захвачены в плен. От них узнали, что это была та самая часть, которая накануне воспользовалась доверчивостью подполковника Матвеева.

В этот же день командир немецкого 35-го армейского корпуса фон Лютцев прорвался из окружения во главе группы в 6 тысяч человек с танками и артиллерией, выбил наш полк из поселка Октябрьское и двинулся к северу, но был снова окружен.

Немецкие солдаты и офицеры лезли напролом. Бои нередко переходили в рукопашные схватки. Подчас артиллеристы выкатывали свои орудия на прямую наводку и губительным огнем громили ненавистного врага. Так действовали артиллеристы И.Ф. Масловский, А.А. Бурнашов. Четырнадцать раз немцы пытались прорвать боевые позиции роты 457-го стрелкового полка 129-й дивизии капитана А.И. Черныша и взвода лейтенанта С.А. Палавина. Подвиг И.Ф. Масловского, А.А. Бурнашова, А.И. Черныша, С.А. Палавина был отмечен присвоением им звания героя Советского Союза. Капитан Александр Иванович Черныш погиб в этом бою, а Сергей Асафьевич Палавин тогда же был трижды ранен, но поле боя не покинул и продолжал с воинами роты отражать контратаки гитлеровцев. Неоценима братская помощь авиаторов, которые мощными бомбовыми ударами и прицельным огнем превратили немецкую технику в металлолом. В решительной схватке часть группы противника была уничтожена, а остальные вместе с генералом фон Лютцевом попали к нам в плен.

На другой день я проезжал по железнодорожному мосту через Березину, приспособленному противником для автотранспорта, и был поражен увиденной картиной: все поле около моста было усеяно трупами немцев. Их было не меньше 3 тысяч. Это было то место, где группа, вырвавшаяся из одного окружения, попала в новое и пыталась прорваться из него на север, к 4-й армии.

Больше всего мертвых тел было поблизости от моста, где зенитчики майора Панченко расстреливали колонны противника из своих пушек и из счетверенных пулеметов. Противник много раз атаковывал мост, но взять его не мог.

Видя эту картину, я изменил маршрут двум дивизиям, которые шли на переправу в 5 километрах севернее, и приказал им идти через этот мост. Я считал, что пройденные этими дивизиями лишние 5 километров сторицей окупятся в моральном отношении: пусть их состав своими глазами увидит тысячи убитых врагов, сам оценит подвиг своих товарищей, дравшихся на этом направлении.

Нужно сказать, что у нас в 3-й армии вообще был заведен такой порядок: перед каждым наступлением в дивизиях создавались команды, которые должны были идти по той дороге, где будет следовать второй эшелон, хоронить наших убитых, но оставлять трупы немцев, и только тогда, когда пройдут войска, останки уничтоженного врага немедленно предавались земле.

К исходу седьмого дня 35-й стрелковый корпус, форсировав реку Березину и обходя город Березино с юга, продолжал наступать на север и в двух местах перехватил шоссе Могилев—Минск (хотя оно было в 20 километрах за нашей правой границей), тем самым отрезав основной путь отхода противника, дерущегося перед 50-й армией и 2-м Белорусским фронтом.

Воины 1-го Белорусского фронта, взломав долговременную оборону гитлеровцев, 29 июня овладели городом, крупной железнодорожной станцией Бобруйск — важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны немецко-фашистских войск на минском и барановичском направлениях. Были разгромлены главные силы 2-й немецкой армии. Войска 1-го Белорусского фронта к исходу 29 июня продвинулись на 110 километров. В этот же день Москва салютовала отважным воинам 1-го Белорусского фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий. В победном салюте Родины честь и слава, доблесть и воинское мастерство воинов 3-й армии.

На боевых знаменах 9-го танкового корпуса и входящих в его состав бригад, 108, 250, 348-й стрелковых дивизий и 313-го гвардейского минометного полка золотом засияло почетное наименование «Бобруйских»¹.

В ходе боевых действий 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов и 1-го Прибалтийского фронта только в период с 23 июня по 4 июля 1944 года немецко-фашистской группе войск «Центр» был нанесен мощный, всеокрушающий удар, и практически эта группа армий была поставлена перед катастрофой.

К началу операции в составе трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов имелось 1,4 миллиона человек, свыше 36 тысяч орудий и минометов, 5200 танков и самоходных орудий

¹ В мемуарной и военно-исторической литературе отмечается, что войска 3-й армии и лично ее командующий все сделали для достижения успеха в Бобруйской операции. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих воспоминаниях «Разгром фашистских войск в Белоруссии» пишет:

«При подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления. В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва... Я, как представитель Ставки, вовремя не поправил командование фронта.

Необходимо отметить и еще одно обстоятельство, которое повлияло на замедление наших действий в этом районе. Когда готовилось решение о прорыве обороны, командующий 3-й армией генерал-лейтенант А.В. Горбатов предложил нанести удар танковым корпусом Б.С. Бахарова несколько севернее — из лесисто-болотистого района, где, по его данным, была очень слабая оборона противника. С А.В. Горбатовым не согласились и приказали ему готовить прорыв на участке, указанном командованием фронта, так как иначе пришлось бы передвигать на север и главный удар 48-й армии.

Началось сражение, прорыв обороны противника развивался медленно. Видя это, А.В. Горбатов обратился с просьбой разрешить ему выполнить свой первоначальный план и нанести удар танковым корпусом севернее. Я поддержал предложение А.В. Горбатова. Операция удалась. Противник был опрокинут, и танкисты Б.С. Бахарова, выигрывая фланг, стремительно двинулись к Бобруйску, отрезая единственный путь отхода через реку Березину.

После этого удачного маневра наших войск немцы начали отход с рубежа Жлобин—Рогачев, но было уже поздно. Единственный мост у Бобруйска 26 июня был в руках танкистов Б.С. Бахарова.

Танковый корпус М.Ф. Панова, выйдя в район северо-западнее Бобруйска, отрезал все пути противнику, находящемуся в самом городе.

Таким образом, 27 июня в районе Бобруйска образовалось два «котла», в которых оказались немецкие войска 35-го армейского и 41-го танкового корпусов общей численностью до 40 тысяч человек».

(Освобождение Белоруссии. М., 1974. С. 30, 31.) (Примеч. ред.)

и более 5300 боевых самолетов. В противостоявшей им вражеской группировке было 1,2 миллиона человек, свыше 9,5 тысячи орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, более 1300 боевых самолетов.

За 12 дней войска трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов провели Витебско-Оршанскую, Могилевскую, Бобруйскую, Полоцкую и Минскую наступательные операции, в ходе которых были разгромлены главные силы группы армий «Центр», освобождены Витебск, Могилев, Орша, Бобруйск, столица Белоруссии Минск и другие города БССР. В стратегическом фронте немецко-фашистских войск образовалась огромная брешь, закрыть ее врагу не удалось. Свыше 100 тысяч солдат и офицеров противника было окружено восточнее Минска. В ходе непрерывных наступательных боев советские войска продвинулись на 225—280 километров.

Выполняя задачи, поставленные перед войсками 1-го и 3-го Белорусского фронтов, танковый корпус генерала Бахарова, обходя Минск с юга, рвался навстречу 2-му гвардейскому танковому корпусу генерала А.С. Бурдейного. 1-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала М.Ф. Панова с пехотинцами 82-й стрелковой дивизии нашей 3-й армии овладел районом Пуховичей. Судьба столицы Белоруссии была предрешена. 35-му стрелковому корпусу Виктора Григорьевича Жолудева выпала честь освобождать южную часть Минска. Вечером 3 июля 1944 года над Минском взвилось победное красное знамя. Многострадальная столица социалистической Белоруссии была освобождена.

К нашему огорчению, 3-я армия в приказе Верховного Главнокомандующего в связи с освобождением столицы советской Белоруссии города Минска не была объявлена. Не была объявлена благодарность воинам 35-го корпуса В.Г. Жолудева, которые сражались на улицах Минска. Мои запросы командующему фронтом К.К. Рокоссовскому остались без ответа.

С чувством гордости мы восприняли правительственное сообщение о присвоении 26 июня 1944 года нашему командующему фронтом К.К. Рокоссовскому звания Маршала Советского Союза. Считаю высокой оценкой боевой деятельности войск 3-й армии присвоение мне 29 июня 1944 года воинского звания генерал-полковник.

Будучи 3 июля 1944 года выброшенным из Минска, а через десять дней из столицы Литовской ССР — Вильнюса, против-

ник оказывал упорное сопротивление только на выгодных рубежах и у важных объектов.

Мы, пройдя с тяжелейшими боями за десять дней 200 километров, продвигались на запад по 25—30 километров в сутки, выделив от каждой дивизии по усиленному полку в походное охранение, и вели параллельное преследование.

На следующей неделе после освобождения Минска наша армия из состава 1-го Белорусского фронта была передана в состав 2-го Белорусского фронта — командующий генерал-полковник Георгий Федорович Захаров, член Военного совета фронта генерал-лейтенант Лев Захарович Мехлис, начальник штаба фронта генерал-лейтенант Александр Николаевич Боголюбов.

Нашим правым соседом стали войска 3-го Белорусского фронта, которые вели ожесточенные бои за Неман и выход к Восточной Пруссии.

В тот же день, 4 июля, распоряжением командования 1-го Белорусского фронта из состава армии были выведены: 9-й танковый корпус, 46-й стрелковый корпус трехдивизионного состава и управление 80-го стрелкового корпуса с одной дивизией. К 10 июля 1944 года войска 3-й армии вышли на реку Шара и приступили к форсированию ее, в ходе которого захватили небольшой плацдарм.

Первое, что мы ощутили как следствие нашего перевода на другой фронт, был острый недостаток всего необходимого, начиная с боеприпасов и горюче-смазочных материалов, кончая продовольствием, так как наступательные бои продолжались, а подвоз на время перебазирования прекратился. Если от нерегулярности подвоза нередко случались большие трудности и в обычных условиях, то они не могли не стать много ощутительней в это время; надо к тому же принять во внимание, что еще не были ликвидированы группы противника в нашем глубоком тылу.

Мы послали командованию 2-го Белорусского фронта полное тревоги донесение и одновременно, чтобы не остаться без самого необходимого, дали строгие указания командирам корпусов и дивизий: не надеясь на улучшение подвоза в ближайшие четыре дня, шире использовать трофейные боеприпасы (исправных захваченных орудий, минометов и стрелкового оружия было больше чем достаточно), поставить на прикол трофейные грузовые и легковые машины, горюче-смазочные материалы использовать только для машин, перевозящих орудия и минометы, очистить автотранспорт и весь обоз от хлама (шкафов, сту-

льев, столов и пр.) и взять под строгий контроль продовольствие, чтобы каждый грамм положенного выдавался солдатам.

В эти дни были захвачены пленные из подошедших новых соединений противника, в том числе из 12-й танковой дивизии; они показывали, что до середины июня их дивизия комплектовалась людьми и танками, занимаясь боевой подготовкой в Латвии. 28 июня она выгрузилась в 20 километрах северо-западнее Осиповичей с задачей обороняться на реке Березине, но, не успев туда дойти, вступила в бой и понесла большие потери. Однако другие пленные показывали, что на реку Сервич прибыли новые подкрепления и дальше этой реки отступать не приказано.

Штаб армии предупредил командиров соединений, что на ближайших рубежах противник постарается задержать наше наступление, попытается контратаковать нас на марше, ночевке или привале. Беспечность поэтому недопустима. Между тем в последнее время, вследствие того что противник сопротивлялся слабо и наши войска быстро продвигались, маршевая дисциплина понизилась: артиллерия, минометы и даже пулеметы иногда двигались отдельно от пехоты, а некоторые батальоны шли просто толпой. Бывали случаи, когда разведка и охранение на марше и на месте остановок не высылались, причем командиры это объясняли усталостью людей, а также надеждой на то, что противник не нападет, тем более что впереди идут армейские передовые отряды. К рекам и выгодным для обороны рубежам соединения и части подходили зачастую не задумываясь о том, как обеспечить их захват. Командование армии напомнило, что это может привести к печальным последствиям: враг еще не добит, он крайне озлоблен и можно от него ждать любого коварства.

Пусть это не покажется современному читателю преувеличением, к которому я решил прибегнуть, чтобы резче обрисовать недостатки и не допустить ни малейшего ослабления дисциплины. Нет, в различные периоды войны и в различных видах боя возникают свои опасности и трудности. В это время нам приходилось считаться с теми недостатками, которые порождены были огромными успехами после долгих боев, потребовавших от всего личного состава невероятного напряжения воли и всех душевных сил. «Размагничивание» могло очень плохо сказаться на дальнейшем ведении войны.

Я приказал на марше командирам находиться в голове своих колонн, систематически проверять дисциплину. В хвосте баталь-

онов иметь наблюдающего за порядком дежурного офицера. На повозках везти только больных или раненых. Разведку и охранение инструктировать самим командирам, указывая способы и варианты действий. Начальникам штабов осуществить контроль за службой обеспечения. На ночевках и привалах, кроме разведки и охранения, иметь дежурные подразделения в полной боевой готовности и назначать сборные места. На внезапные нападения отвечать только активными действиями. Делать на марше регулярные малые привалы и один большой, особенно при суточных переходах в 25—30 километров. Усиленное внимание обращать на личную гигиену солдат, на регулярное мытье ног и стирку портянок, правильное обертывание ног портянками, а также на сохранение конского состава, его кормление и уход за ним; установить отличившихся в предшествующих боях, наградить их или представить к боевым наградам.

Предупреждая командиров о соблюдении осторожности, мы не ошиблись: на реке Сервич противник оказал упорное сопротивление. Правда, и здесь оборона его была вскоре прорвана. Первыми форсировали реку в ночном ожесточенном бою гвардейцы 120-й стрелковой дивизии, заставив противника на рассвете отступать. В этом бою командир дивизии Ян Янович Фогель был, как всегда, впереди; он получил в этот раз тяжелое ранение и скончался. Для дивизии это была вторая невосполнимая потеря. В августе 1943 года погиб в бою ее первый командир генерал-майор Л.Н. Гуртьев. Под командованием старого большевика, отважного бойца революции, защитника Родины Я.Я. Фогеля дивизия форсировала Днепр, за освобождение города Рогачева была удостоена почетного наименования «Рогачевская»; отличились воины дивизии при прорыве глубокоэшелонированной обороны противника под Бобруйском и развитии наступления в направлении Новогрудка. С отдаением воинских почестей генерал-майор Я.Я. Фогель был похоронен в местечке Дятлово. Именем Героя Советского Союза Я.Я. Фогеля, члена КПСС с 1914 года, латышского рабочего, в Минске названа улица; в Дятлове Гродненской области ему установлен памятник.

Будучи сформирована в Сибирском военном округе, дивизия прошла путь от Сталинграда до Берлина. В самых напряженных боях воины дивизии проявляли железную стойкость в обороне и несокрушимый порыв в наступлении. Боевые подвиги гвардейской стрелковой Рогачевской дивизии, боевая слава ее командиров генералов Л.Н. Гуртьева и Я.Я. Фогеля живет в золоте

боевых орденов на знамени дивизии — Красного Знамени, орденов Суворова и Кутузова.

При занятии населенного пункта Дворец 8 июля особенно отличилась 269-я стрелковая дивизия под командованием генерала А.Ф. Кубасова, которая в этот день, совершив марш в 65 километров, захватила мост через реку целым и, несмотря на яросные контратаки, удержала его.

Отряд 1901-го самоходного артополка, состоящий из семи самоходок и нескольких машин со стрелками, шел по дороге лесом, обходя противника, отходящего на город Новогрудок. Отрядом командовал подполковник Т.Ф. Зирка. Как только отряд углубился в лес у деревни Рудка, он был обстрелян плотным ружейно-пулеметным огнем и крупнокалиберными пулеметами с двух бронетранспортеров. Командиры в отряде, бывшие всегда начеку, немедленно организовали ответный огонь из самоходок и из оружия соскочивших с машин стрелков. После короткой перестрелки самоходки оставили дорогу и по редкому лесу пошли на противника; вслед за ними поднялись и стрелки. Немцы, не ожидая контратаки, стали отходить. Наш отряд преследовал их по пятам.

Лес оказался небольшим. Когда противник был оттуда выгнан, его расстреливали в поле с расстояния 50—100 метров, пока не уничтожили полностью. В результате этой стычки противник оставил 5 орудий (которые так и не успели открыть огонь), 2 бронетранспортера, 45 автомашин и 145 трупов. Мы потеряли убитыми двух человек, в том числе комсорга полка Давтяна.

Лишь 10 июля была окончательно разгромлена окруженная в нашем тылу группировка противника, которой командовал генерал Фолькерс.

Хотя наступление еще продолжалось и после 10 июля, этой датой можно обозначить день, после которого уже можно подвести итог пути, пройденному с 24 июня.

Благодаря исключительно сильному наступательному порыву всего личного состава армии и инициативности командиров всех категорий за эти 17 дней кроме мощной обороны противника на реке Друть преодолены десятки оборонительных рубежей, прикрытых заболоченными речками. Армия продвинулась на 350 километров, форсировала Березину, Неман, вышла к реке Шара, вместе с соседями овладела городами Бобруйск и Минск, освободила 5 тысяч населенных пунктов, в том числе районные центры: Червень, Духовичи, Руденск, Негорелое,

Столбцы, Новогрудок, Новосельня, Дятлово, Кареличи, Городище, Дворец.

Громадные потери были нанесены большому количеству соединений противника, в том числе: 6, 12, 31, 35, 36, 45, 78, 134, 286, 29, 383-й пехотным дивизиям; 12, 18, 20-й танковым дивизиям, 511-му полку связи, 17-му аэродромному полку и многим частям усиления. Захвачено было 27 900 пленных, в их числе командир 35-го армейского корпуса генерал-лейтенант барон фон Лютцев, командир 6-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Гейне, командир 36-й пехотной дивизии генерал-майор Конраци, бывший комендант города Орла Хамман, коменданты Карачева, Брянска, палач Бобруйска генерал-майор Гоман и свыше 900 офицеров.

Исправного вооружения захвачено было: 92 танка и самоходных орудий, 482 артиллерийских орудия, 549 минометов, 2278 пулеметов, 13 104 винтовки и автомата, 31 тягач, 1310 автомашин, 2900 повозок с различным грузом и другие трофеи.

Вполне понятно, что живой силы, вооружения и техники уничтожено было во много раз больше.

По директиве фронта армия на девятый день наступления должна была выйти на реки Ольса и Березина; эту задачу мы выполнили на пятый день, а на десятый — были уже в Минске.

Такие темпы наступления, такой разгром противника объясняются неслыханным героизмом и боевой выучкой солдат и офицеров, их инициативой и решительностью действий в бою, умелой организацией воспитательной работы со стороны партийных, комсомольских организаций и всех офицеров. Большую роль сыграли операции, которые армия провела в конце 1943 года и начале 1944 года по своей инициативе. О значении захваченного ранее плацдарма за Днепром я уже писал. Если бы мы начали наступление с восточного берега реки Сож, то все было бы сложнее и результат был бы другим. И наконец, очень помогли нам партизаны Белоруссии. Множество их бригад, отрядов и групп срывали действия противника, мешали его перевозкам, содействовали нашим войскам в форсировании рек. Вливаясь в наши дивизии, народные мстители не просто пополняли их, а умножали героизм и воинскую славу армии.

Взятию такого количества пленных способствовало также и то, что ее командование сумело отстоять и осуществить свое решение, то есть:

прорывали оборону на реке Друть не двумя корпусами, как было приказано, а тремя. 80-й стрелковый корпус именно пото-

му, что он наступал через самую заболоченную часть долины реки Друть, добился в первый день наибольших успехов и, хотя действовал на второстепенном направлении, сыграл значительную роль в общем ходе операции, так как не допустил подхода резервов противника с севера. 35-й и 41-й стрелковые корпуса наступали не только с плацдарма. Их части, проводившие форсирование реки, добились больших успехов, чем наступающие с плацдарма;

нам было приказано вводить 9-й танковый корпус и 46-й стрелковый корпус на левом фланге, а мы ввели их на правом, так как на левом фланге они были бы вынуждены форсировать ряд заболоченных рек и встретились бы с 20-й танковой немецкой дивизией. Кроме того, мы тогда выталкивали бы рогачевско-жлобинскую группировку на северо-запад и помогали бы ее соединению с 4-й армией. Введя танковый корпус на правом фланге, мы позволили ему обходить истоки речек и окружили немецкую группировку, большое значение имел частичный ввод в действие 9-го танкового корпуса на второй день наступления для довершения прорыва главной полосы обороны противника и на третий день — выход его к Березине у Бобруйска, захват района села Титовка;

нам было категорически приказано оборонять северное направление усиленным корпусом трехдивизионного состава, а мы, постепенно заменив его запасным полком и заградотрядами, использовали его для развития успеха. Этот корпус под командой неторопливого и в меру осторожного генерала Кузнецова, много раз проявлявшего свою воинскую доблесть, захватил наибольшее количество пленных;

окружению орша-могилевской группировки (4-й армии) противника способствовал выход 35-го стрелкового корпуса на 20 километров за нашу армейскую границу, перехват шоссеиной дороги Могилев—Минск, западнее города Березино;

общему огромному успеху наступления 3-й армии помогло наличие плацдарма на западном берегу Днепра, который был захвачен зимой по нашей инициативе. Если бы начинали наступление с восточного берега, то не имели бы такого успеха;

действия народных мстителей Белоруссии. Множество их бригад, отрядов и групп сковывали противника в его тылу, препятствовали подвозу к фронту, помогали нашим войскам форсировать реки. Влившись в ряды нашей армии, они не просто пополнили, а умножили ее героизм.

На 10 июля мы подвели первые итоги наступления. Но оно было еще в полном разгаре. Противник, отходя, сильно воздействовал на нас огнем артиллерии и минометов, расходуя по 3—5, а иногда до 7 тысяч снарядов и мин в день. Дороги были почти сплошь заминированы, также и обочины, взрывались даже трехметровые мостики, причем минировались их обходы.

11 июля мы захватили пленных из вновь подошедших соединений и частей противника, в том числе из штурмовой бригады РОА трехполкового состава, сформированной из предателей нашей Родины. Командовал бригадой Каменский, поляк по национальности, но советский гражданин, работавший до войны на спиртовом заводе в Орловской области; немцы ему обещали одно из поместий, отобранных у польских помещиков, не пошедших на поклон к гитлеровцам. Были пленные и из 367-й пехотной дивизии, подошедшей из района Львова, и 611-го охранного полка. Это и были подкрепления, с помощью которых немцы надеялись остановить наше наступление на реках Сервич, Шара, Зельвянка; эти неглубокие реки имели широкие и болотистые долины. Однако подкрепления вскоре стали сами нуждаться в подкреплении...

После освобождения города Волковыска наиболее плотная группировка противника оказалась перед правым флангом нашей армии, где находился корпус генерала В.Г. Жолудева, поэтому корпус отстал от общего продвижения. Рано утром 28 июля мною был вызван к телефону генерал Жолудев, и я проинформировал его о том, где находятся дивизии 40-го и 41-го корпусов, а также спросил, как обстоят дела у него.

— Плохо, — с горечью ответил Виктор Григорьевич.

— Не отстают ли командиры дивизий и полков от боевых порядков? — спросил я.

— Как будто нет.

— Выезжаю к вам, — сообщил я. — От вас поеду в 323-ю дивизию.

Когда я прибыл в штаб корпуса, мне доложили, что генерал Жолудев убыл в 323-ю стрелковую дивизию. Уточнив маршрут, я поехал следом за ним, сначала на командный пункт этой дивизии, потом на наблюдательный пункт, который был оттуда в одном километре. Там происходили спешные сборы к перемещению, и не напрасно: с этого наблюдательного пункта видимость была очень ограниченной. Командир корпуса и командир дивизии В.Т. Маслов стояли у машин, готовые к выезду. Я не

стал задерживать их, лишь спросил, знают ли они дорогу ко вновь выбранному наблюдательному пункту, имеется ли там связь? Мне ответили утвердительно. Командир корпуса, оставив свою машину, поехал впереди с командиром дивизии, а моя машина следовала за ними. Отчетливо выраженных дорог не было, местность пересеченная, мы сперва ехали полевой, затем лесной дорожкой на запад.

Дороги не было. Сначала въехали в лес, потом повернули назад и поехали по какой-то малозаметной дорожке, потом снова повернули назад. Стало ясно, что командир дивизии дороги не знает. Когда наши машины сблизилась на повороте, я слышал, как Жолудев упрекал В.Т. Маслова за это. Я следовал за ними. Конечно, тут и моя вина: нужно было остановиться, расспросить, а потом уже и ехать.

Когда мы выехали на хорошую полевую дорогу, справа у нас было поле, слева лес, у дороги стояли три отдельных дома, а в полутора километрах перед ними находилась невысокая, но широкая пологая высота, куда мы и держали свой путь.

Мне показалось подозрительным, что на склоне высоты, обращенном к нам, не видно ни людей, ни повозок, ни огневых позиций. Я приказал своему шоферу догнать переднюю машину и тихонько просигналить, чтобы оттуда оглянулись. Когда мы подъехали ближе, я настолько громко, чтобы там слышно было, сказал:

— Не останавливайтесь, продолжайте ехать, но тихо. Слушайте меня внимательно. Вы не знаете, куда едете. Я буду считать до трех. По счету «три» быстро соскакивайте все с машины и бегите за дом.

Своему шоферу я сказал:

— Как соскочим, быстро развернитесь и уходите назад, за бугор.

У третьего (последнего) дома генералы Жолудев и Маслов с адъютантами, а также я и мой адъютант выскочили по моему счету из машин и скрылись за домом. В тот же момент по нас открыли огонь из трех пулеметов и десятка винтовок. Оставленная на дороге машина комдива вся была продырявлена. Моя машина, от которой мы отвлекли внимание, уходила на большой скорости, прикрытая клубами пыли как дымовой завесой. Пули летели вдоль дороги, цокали о разбитую машину, застревали в стенах домов.

Противник был в 200 метрах от нас в хорошо замаскированной траншее. Ясно было, следя за стрельбой, что три пулемета

были уже нацелены на наши машины на случай их остановки и несомненно расстреляли бы нас, если бы мы пытались повернуть назад, а если бы мы ехали вперед еще секунд двадцать, то попали бы в руки противнику.

Мы стояли всемером, укрытые домом, но стрельба не прекращалась. Дом был пуст.

— Куда вы нас везли? — спросил я мертвенно-бледного генерала В.Т. Маслова.

Он не ответил, только бледность на его лице сменилась краской стыда.

За него ответил Жолудев:

— Я говорил, что едем не туда, куда надо.

Все было понятно. Наши дивизии наступали по отдельным направлениям, не имея сплошного фронта; мы попали в промежуток между дивизиями.

Наших войск не было видно, противник мог сделать вылазку из своей траншеи, чтобы пленить нас, — нельзя было медлить и оставаться за этим домом. Но что делать? Как выйти из-за укрытия и не быть тут же убитыми?

Мы решили доползти по ржаному полю до дома, который был от нас метрах в двухстах, а потом до следующего, что был за ним еще метрах в ста пятидесяти. Ползти надо было по-пластунски, плотно прижимаясь к земле в невысокой ржи.

Было жарко. Мокрые от пота, мы, подгоняемые страхом, ползли, забывая усталость, и все время слышали выстрелы, хотя уже не прицельные. Наконец-то мы были метрах в 25 от второго дома, но нас отделяло от него картофельное поле, по которому ползти было бесполезно. Мы сделали передышку, изготовились к перебежке и одновременно оказались за домом; противник нас заметил поздно. Таким же образом мы перебежали и за следующий дом. Мы были уже метрах в пятистах от противника, боязнь быть плененными отпала, но не опасность быть убитыми. Оставалось преодолеть еще 500—600 метров, чтобы добраться до леса или скрыться за бугром. Это было тоже нелегко: мы должны были подниматься в гору на виду у противника. Решили идти, но быстро и зигзагом, взяв большой интервал один от другого. После небольшой передышки сделали бросок вперед. По нас стреляли из пулеметов, потом ударили из пушки и минометов: наверное, немцы поняли, какая крупная добыча уходит, может быть различив красные лампы у троих беглецов.

Генералов В.Г. Жолудева и В.Т. Маслова потянуло к выступавшему в нашу сторону углом лесу, хотя я и пытался их остановить, говоря, что опушка, вероятно, противником пристреляна. Мы с адъютантом продолжали идти по полю, чтобы скрыться за гребнем высоты. Как только наши товарищи стали подходить к лесу, послышался артиллерийский залп, а потом мы увидели 10—12 разрывов у опушки. Рослый генерал Жолудев был подброшен взрывом кверху, а потом упал. Я понял, что случилось неоправимое несчастье.

Когда мы оказались невидимыми противнику и огонь прекратился, я послал адъютанта к лесу узнать, что произошло. Моя машина была прострелена в нескольких местах, но шофер и мотор остались невредимы. Я следил за адъютантом. Увидев, что он остановился у опушки и машет руками, я сел в машину и поехал к нему. Предчувствие меня не обмануло. Адъютант мне доложил:

— Подойдя к лесу, я услышал сначала стон и нашел контуженого и присыпанного землей генерала Маслова. Потом увидел генерала Жолудева, уже мертвого.

Мы не знали, куда девались их адъютанты и шофер. Оказалось, им удалось углубиться в лес. Они вышли оттуда на наш зов, помогли положить в машину тело Жолудева, посадить Маслова¹, и мы медленно поехали в штаб 323-й стрелковой дивизии. Затем тело В.Г. Жолудева мы доставили на КП армии, сообщив печальную весть в штаб корпуса. Вот к чему привело отставание командира дивизии от боевых порядков, но могло быть и хуже. Даже два испытанных в боях генерала не видели эту высоту и ничего подозрительного не заметили, и мы могли оказаться в лапах фашистов.

Когда мы приехали в штаб армии, узнали новое печальное событие: командующий артиллерией 40-го стрелкового корпуса полковник Медведев, заместитель командира 348-й стрелковой дивизии полковник Праслов и начальник разведывательного отдела 40-го стрелкового корпуса Шеймович ехали на одной машине и подорвались на противотанковой mine.

Гибель товарища по оружию, боевого друга всегда воспринимается с тяжелой болью. Но нелепая гибель В.Г. Жолудева, как и

¹ Генерал-майор Маслов Василий Тимофеевич, 1895 г. р., командир 323-й стрелковой дивизии. За прорыв дивизией сильной обороны противника и расширение плацдарма на реке Висла в апреле 1945 г. Маслову В.Т. было присвоено звание Героя Советского Союза. Умер 22 мая 1975 г. (Примеч. ред.)

Л.Н. Гуртьева, и только что павшего в бою Я.Я. Фогеля, меня потрясла. Я знал, что В.Г. Жолудев участвовал в боях на КВЖД. В октябре 1941 года вступил в бой с гитлеровскими захватчиками, командуя воздушно-десантной бригадой. В боевую летопись уличных боев на берегу Волги золотыми буквами вписан подвиг гвардейцев 37-й стрелковой дивизии, которой командовал 37-летний генерал Жолудев¹. Как-то за кружкой чая он мне сказал:

— В начале октября 1942 года на боевые порядки дивизии было совершено свыше семисот самолето-вылетов. Несколько раз заваливало в блиндаже попаданием бомб.

Как легенда в боевую летопись битвы на Волге вошел доклад тяжело контуженного генерала В.Г. Жолудева: «Товарищи Военный совет! 37-я гвардейская дивизия сражается и не отступит!»

Я молча стоял у свежерытой могилы. Трудно было подобрать слова, чтобы выразить наше общее горе при похоронах. Мы лишились одного из способнейших генералов, прекрасного товарища, боевого друга. Горько было и за безвременную гибель товарищей Праслова, Медведева, Шеймовича.

В 1953 году во время маневров в Белорусском округе я был в городе Волковыске у могилы генерал-майора В.Г. Жолудева, полковника Праслова, полковника Медведева, майора Шеймовича, возложил живые цветы. Долго стоял без фуражки, не в силах удержать слез от волнения.

Вспоминая прошлое, думал: велика эта потеря, но могло быть и хуже. Лишь большой личный опыт, правильная ориентировка и быстро принятое решение скрыться за домом спасло нас от плена. Промедли мы десять секунд — проехали бы дом, а там... или неминуемая смерть, или так нелепо три генерала с адъютантами и два шофера попали бы в безвыходное положение.

14 июля вышел приказ Верховного Главнокомандующего с объявлением благодарности нашим войскам за освобождение

¹ От Волги до Балтики пролег боевой путь 37-й гвардейской дивизии. В составе 3-й армии она была удостоена почетного наименования «Речицкая». На ее гвардейском знамени два ордена Красного Знамени, орден Суворова 2-й степени. 37-я гвардейская стрелковая дивизия, единственная дивизия в Вооруженных Силах СССР, награждена орденом Кутузова 1-й степени. На излете войны за доблесть и мужество личного состава, проявленные в боях на берегах Балтики в районе города Росток, дивизия награждена пятым орденом — орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени.

Пятнадцать воинов дивизии удостоены звания Героя Советского Союза. За доблесть и мужество, проявленные в боях, свыше 6 тысяч воинов дивизии были награждены орденами и медалями. (Примеч. ред.)

города Волковыска и присвоение частям и соединениям армии почетного наименования «Волковыских». В этот же день столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала освободителям этого древнего белорусского города.

С 23 июня по 29 августа 1944 года войска 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского, 2-го Белорусского, 1-го Белорусского фронтов продвинулись на запад от 550 до 600 километров. Была полностью освобождена Белорусская ССР, свыше трех четвертей территории Литовской ССР, часть Латвийской ССР. Войска четырех фронтов в ходе операции «Багратион» разгромили 70 дивизий противника, 30 дивизий из этого числа были окружены, пленены и уничтожены. До Берлина оставалось 600 километров.

Еще через два дня разгорелась битва за город Белосток. Оборона противника имела три траншеи и круговую оборону вокруг города. За двое суток непрерывных боев противник выпустил по нашим войскам более 15 тысяч снарядов и мин. Основная тяжесть в овладении городом выпала 336-му гвардейскому стрелковому полку полковника Ивана Степановича Беляева, который, прорвав всю оборону в узком коридоре, проник к юго-восточной части города и, несмотря на контратаки, удержал ее. Полк был удостоен почетного наименования «Белостокский».

С небывалым мужеством и волей к победе шли в бой за освобождение города Белостока воины 41-го стрелкового корпуса, ведомые отважным генералом В.К. Урбановичем. В боях за город воинскую доблесть и героизм проявили воины 283-й и 269-й стрелковых дивизий полковника В.А. Коновалова и генерал-майора А.Ф. Кубасова.

Тем временем усилили натиск с юга и с востока 169-я дивизия полковника Ф.А. Веревкина и 120-я гвардейская дивизия полковника П.С. Телкова.

Отличились в боях воины полковника П.Т. Михалицина, генерал-майора В.Т. Маслова, 129-я стрелковая Орловская дивизия генерал-майора И.В. Панчука, 1901-й самоходный артполк Т.Ф. Зирки.

Героизм был массовый. Командир роты Герой Советского Союза капитан А.М. Меркушев в рукопашной схватке уничтожил несколько гитлеровцев. На героя-командира равнялись бойцы роты. Прорыв обороны противника был обеспечен.

Разгромленные войска противника откатывались на запад, открывая путь на Варшаву...

Существенную помощь в овладении городом оказала и наша авиация, руководимая генералом К.А. Вершининым; неоценимую помощь нам оказывали летчики 230-й штурмовой авиационной дивизии генерал-майора авиации С.Г. Гетьмана. На наблюдательных пунктах командиров дивизий все время находились представители авиаторов, умело координировавшие действия своих товарищей. Мощные штурмовые удары авиация наносила по заявкам командиров полков и даже батальонов. Такое тесное взаимодействие стрелковых и авиационных войск на нашем участке фронта осуществлялось впервые. Это взаимодействие приносило высокие результаты, способствовало росту наступательного порыва, повышению боевого духа воинов.

Примером мобильности и точной работы авиации может служить такой факт: наблюдатели донесли, что в один из перелесков вошло до 500 немцев и до 30 танков. По-видимому, противник готовился к контратаке. Мы сообщили генералу Вершинину и просили обработать этот лесок. Через 20 минут появились самолеты и сбросили свой груз точно на цель. Мы наблюдали, как немногие пехотинцы и танки противника спешно покинули этот лесок. Остальных в виде убитых и подбитых мы видели после того, как заняли этот район.

Приведу пример отличной работы нашей зенитной артиллерии. Я ехал по главной улице только что занятого города Белостока. В воздухе появилось около пятнадцати немецких бомбардировщиков. Наши зенитчики открыли огонь и с первых трех залпов сбили четыре самолета. Невиданно красивую картину представляло падение этих четырех горящих самолетов, которые рухнули за окраиной города, не причинив никакого вреда населению и войскам.

30 июля в результате обходного маневра мы уже продвинулись западнее города на 20 километров к верхнему течению реки Нарев. Этот наш маневр вызвал много толков. Через довольно значительное время, когда среди других разбирали и эту операцию, командиру 336-го гвардейского стрелкового полка полковнику Ивану Степановичу Беляеву, сыгравшему в этом маневре решающую роль, был задан вопрос:

— А не страшно вам было лезть к Белостоку в такую узкую щель?

— Если отвечу «не страшно», — сказал полковник, — вы все равно не поверите. Конечно, страшно, особенно за полк. Но мы действовали по пословице: зная, где у немцев тонко, решили, что в этом именно месте их оборона и прорвется. Кроме того, артиллерийское наблюдение было организовано так надежно, сопровождение огнем артиллерии подготовлено так тщательно, что мы вправе были считать наши фланги хорошо прикрытыми.

Один из наших расчетливых генералов, без колебаний принявший, однако, план этой рискованной операции, считая ее продуманной, сказал:

— А мы вообще в 3-й армии любим действовать так: более слабой рукой схватить и держать противника за грудь, а кулаком сильной руки стукнуть его в ухо или по затылку. Так и в Белостоке всего один полк зацепился за окраину, а две дивизии, не имея с ним тактического соприкосновения, прорвали фронт севернее города и ударили по врагу с севера. Мы и город спасли от разрушения в ходе уличных боев, и потерь понесли меньше.

Действительно, брать Белосток в лоб — значило предпринять очень трудное и кровавое дело. Подвиг гвардейцев полковника И.С. Беляева решил исход боев за город.

С каждым днем наступать было все труднее: если после освобождения Минска мы прошли за 20 дней 200 километров, то за последующие 37 дней, преодолев девять хорошо оборудованных оборонительных рубежей, продвинулись всего на 120 километров.

После освобождения Белостока войска 3-й армии вышли к среднему течению реки Нарев, у крепости Рожаны и овладели городом Остроленка. Этим вместе с другими войсками завершили освобождение многострадального белорусского народа от фашистского рабства. В ходе боев было захвачено: 497 пленных, 7 танков и самоходок, 124 орудия, 48 минометов, 127 пулеметов, 8 бронемашин и другие трофеи.

С этого рубежа наше наступление проходило более медленно, главным образом потому, что по мере приближения наших войск к границам Восточной Пруссии немецко-фашистские войска оказывали все более сильное сопротивление.

Насколько большое значение враг придавал этим рубежам, можно судить по захваченному приказу, с которым командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Модель обратился к солдатам до занятия этих рубежей:

«Враг стоит у ворот Пруссии... Теперь ни шагу назад. Никто не должен колебаться. Каждый на своем месте должен сделать все, что только от него зависит. *Модель*».

Да, сказано коротко и ясно, но, несмотря на этот приказ, наши войска продвигались вперед.

Сейчас, много лет спустя, невольно задумываешься, в чем же заключалась основная причина успешных действий войск 3-й армии. Ведь армия ни разу не находилась в резерве Ставки, не была и во втором эшелоне фронта, имела малочисленные дивизии и вместе с тем добивалась больших успехов при сравнительно малых потерях в людях, технике и в вооружении. Что способствовало этому? Прежде всего возросшее мастерство, знание своего дела и понимание воинского долга, а самое главное — доблесть и героизм рядовых, сержантов, офицеров и генералов.

Успеху нашему в то время способствовали действия советских войск на других фронтах, трудовой героизм в тылу, хорошо известные личному составу не только из газет и бесед, но также из переписки с родными и друзьями. Патриотический подъем, охвативший всю страну, был одним из важнейших факторов наших побед, изгнания фашистских захватчиков из пределов нашей Родины.

Глава 9

ВЕТЕР ПОБЕДЫ

6 сентября войска армии вышли к реке Нарев и штурмом овладели крепостью-городом Остроленка. Приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность войскам нашей армии за освобождение города и крепости. Этим приказом ряд наших частей и соединений был награжден орденами, а другие были удостоены почетного наименования «Остроленковских». В Москве был дан салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий. Незабываемым голосом диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана прозвучали, как реквием, слова: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

В тот же день дивизии попытались форсировать реку с ходу, но всюду встретили организованное сопротивление и вынуждены были вернуться на восточный берег. В это время правый сосед, 49-я армия (командующий генерал-лейтенант Иван Тихонович Гришин), вышла на Нарев северо-восточнее нас и перешла к обороне, левый сосед, 48-я армия (командующий генерал-лейте-

нант Прокофий Логвинович Романенко), вышла к реке южнее и захватила плацдарм в 8 километров по фронту и 3—4 километра в глубину.

В тот день был получен приказ командующего фронтом форсировать Нарев назавтра.

Все дивизии в полосе армии были развернуты с большой плотностью у города Остроленка. Поскольку дорога была каждая минута, внимательно изучив карту, я наметил район для форсирования реки севернее крепости Рожаны и дал предварительные указания на сосредоточение пяти из девяти дивизий в этом районе. Вызвал туда командиров трех корпусов и шести дивизий и сам выехал к тому месту с начальником штаба и начальниками родов войск.

Была произведена рекогносцировка и уточнено принятое решение, даны устные приказы, выслушаны решения командиров корпусов и дивизий, увязано взаимодействие. Чтобы лучше подготовиться, я перенес начало форсирования на 8 сентября. Один день был дан командирам дивизий на проведение рекогносцировок с командирами полков и батальонов, а саперам — на обеспечение форсирования, подготовку проходов в минных полях и проволоке противника.

Вечером 6 сентября доложил командующему фронтом генералу армии Георгию Федоровичу Захарову, что сделано по его приказу. Суть моего доклада заключалась в следующем.

В полосе армии находятся две крепости и две шоссейные дороги, идущие к ним; на правом фланге — крепость и город Остроленка, на восточном берегу Нарева, а на левом фланге — крепость и город Рожаны (на западном берегу реки). Естественно, противник на этих направлениях имел плотные группировки сил и средств; предполье в 15—20 километров перед крепостями и рекой Наревом мы преодолевали пять суток. В такой обстановке мы вышли к реке, не имея даже полка в резерве армии. А противник успел завершить планомерный отход и занял подготовленную позицию на том берегу.

С нашего берега можно видеть в обороне противника две сплошные траншеи, а местами и третью, всюду проволочные заграждения в три, а местами в четыре-пять колов. Там, где мы пытались форсировать реку, части всюду натыкались на минные поля, на организованную оборону и плотный огонь; глубина обороны нам была неизвестна, так как просматривался лишь берег реки, а данные фотографирования, проведенного в первой половине августа с воздуха, устарели.

Мы сделали все необходимое, только начало форсирования я отложил на сутки, потому что соединения в одну ночь не могут занять исходное положение. Форсировать такую реку, в спешке прорывать подготовленную оборону, не обеспечив войска даже боеприпасами, считал нецелесообразным. Мы могли израсходовать остатки пехотного ядра и не выполнить задачи. Мое предложение — отложить форсирование, пока не укомплектуем каждую нашу дивизию хотя бы до 5 тысяч человек; если же пополнения получить нельзя, то дать соединениям возможность лучше изготавиться, изучить противника и его оборону — на это потребуется не менее 5—7 суток, а установленный лимит снарядов и мин увеличить при форсировании реки и прорыве обороны желатель-но в 2—3 раза.

Кстати, не лишним будет напомнить, что за истекшие 5 дней Военный совет 3-й армии уже дважды давал объяснение штабу фронта, почему перерасходован был мизерный лимит боеприпа-сов и когда, — в то время, когда велись ожесточенные бои и нас торопили скорее выйти к реке Нареву.

В тот же вечер командующий перенес начало форсирования на 11 сентября, а потом отложил на 14-е. Мы, конечно, были это-му рады и работали с особой энергией — изучали противника, его поведение, оборону, «подчищали» наши тылы, чтобы укомплек-товать стрелковые роты двухбатальонных полков. Старшие офи-церы готовили младших, а младшие учили сержантов и солдат. Напряженно работал транспорт, так как норму боеприпасов на проведение операции нам увеличили втрое.

С 12 сентября мы начали получать пополнение — и в большем количестве, чем ожидалось. В тот же день получили указание, что форсирование откладывается приблизительно до 1 октября.

Получив в свое распоряжение 18 суток, мы в тот же день дали указания всем начальникам о проведении регулярных занятий со всеми категориями личного состава по 7 часов в день, о создании в полках третьих батальонов, а в батальонах — третьих стрелко-вых рот.

В обороне оставили лишь три дивизии, по одной от каждого корпуса, а остальные вывели во второй эшелон. Дивизии перво-го эшелона оборонялись системой опорных пунктов, с наличием промежутков между ними; в каждом из опорных пунктов нахо-дился усиленный взвод; промежутки между пунктами прострели-вались огнем ручных пулеметов. Мною была написана специальная брошюрка о службе в опорном пункте. Эти же дивизии отрабаты-

вали варианты обороны. Служба наблюдения велась специально отобранными и закрепленными за сектором наблюдателями, добытые ею данные ежедневно обобщались и сличались с данными других видов разведки. Авиация фотографировала, проверяла действительность батарей противника, засеченных нашими артиллеристами. Шесть дивизий второго эшелона готовились к форсированию. Подготовка офицеров проводилась, как правило, на местности и на рельефных планах, в пример ставились наиболее удачные бои, проведенные в прошлом наступлении как с форсированием рек, так и овладением городами и населенными пунктами. Ставилась в пример рота капитана 922-го стрелкового полка Мосина, которая перехватила шоссе, подбила танк, захватила 4 легковых, 8 грузовых машин, 53 лошади, 11 мотоциклов и другие трофеи. Удерживая шоссе, отбила яростные контратаки, захватив 170 пленных, уничтожив до 300 солдат и офицеров противника. За это наступление весь состав роты получил награды, а некоторые и по две. Командир роты был удостоен ордена Красного Знамени.

Подполковник Качур, командир батальона 556-го стрелкового полка южнее города Замбров, так организовал оборону батальона, что в результате отражения ряда контратак и перехода батальона в наступление имел незначительные потери, тогда как противник оставил на поле боя более 200 убитых солдат и офицеров; было захвачено 10 орудий, 8 минометов и 6 пленных.

Особое внимание мы уделяли подготовке разведчиков. В пример ставились действия разведгруппы старшего лейтенанта Васильева. Хорошо подготовившись, бесшумно, с помощью саперов Кривошеенко и Сердюка, разведчики пробрались через минное поле и проволоку, залегли перед траншеей и стали присматриваться и прислушиваться к действиям противника. Увидев прохаживающегося по траншее часового, приготовились к его захвату. Разведчики действовали умело и смело, подползли к часовому, а старший сержант Зюбенко смело поднялся и пошел ему навстречу.

— Офицер, проверяю службу!

И в это время группы захвата набросились с двух сторон. Захваченный ефрейтор 608-го пехотного полка 292-й пехотной дивизии Герман Эггерман дал ценные сведения.

Большую работу проводила служба тыла, возглавляемая активным генералом М.П. Ереминым. Создавались необходимые запасы для наступления; госпитали освобождались от выздоравливающих раненых, вылечившиеся от ран и болезней направлялись в батальоны выздоравливающих или непосредственно в ча-

сти; требующие более длительного лечения — в глубокий тыл; одевали солдат и сержантов пополнения; заготавливали теплую одежду к зиме; ремонтировали дороги. Говоря о воинах тыла, нельзя не сказать о наших отважных девушках. В каждом соединении их было более двухсот. Все они пришли в армию добровольно. В преодолении трудностей боевой службы они не уступали солдатам. Как санитарки, медицинские сестры, связистки, регулировщицы, хлебопеки, машинистки, делопроизводители были просто незаменимы.

Многие из нас, командиров, очень виноваты перед девушками в солдатских шинелях за то, что мало заботились о них, об их отдыхе, о подходящем обмундировании, мало с ними беседовали. А ведь они, не жалея своей крови и самой жизни, выносили под пулеметным огнем раненых, в зной и пургу, в мороз и ливень стояли со своими флажками на перекрестках дорог, указывая проезжающим дорогу, по две смены месили и выпекали хлеб, сутками под бомбами и разрывами мин и снарядов дежурили у раций или телефонов, стояли у операционных столов медсанбатов. Как можно забыть тяжкий, грязный труд молоденьких девушек в банно-прачечных отрядах! Там, где кончались силы воинов-мужчин, без ропота и упрека выполняли свой долг перед Родиной-матерью наши юные воительницы.

Сколько погибло в огне боев сестричек! Порой они оказывались под гусеницами танков с крестами на бортах и погибали вместе с ранеными бойцами, которых вытаскивали из пламени боя. Наш долг не забыть их. Постоянно проявлять о них заботу, оказывать помощь в устройстве их быта, медицинском обслуживании, а когда подойдет время, то и в пенсионном обеспечении.

С этой огромной просьбой я обращаюсь к мужчинам и женщинам, для которых наши юные воительницы будут старенькими бабушками. Забыть их ратный подвиг — безнравственно.

Хочу сказать несколько слов о так называемых штрафных ротах и батальонах. Предыстория их появления такова.

В истории Великой Отечественной войны два приказа Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР были настолько суровы, что два этих приказа остались навсегда в памяти народной.

Первым таким приказом был «Приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа

1941 года». Суть этого приказа — выполнять свой воинский долг до конца, не сдаваться в плен и сражаться, повышая сопротивление врагу. «Многочисленные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров», — говорится в приказе № 270.

Приказ народного комиссара обороны СССР № 227 был объявлен 28 июля 1942 года. Нужно вспомнить то жаркое лето. Бои шли в районе Воронежа, на Дону, в районе Клетской и Калача. Гитлеровцы рвались к грозненской и бакинской нефти, к Волге. Почти без боя, без сопротивления были сданы Новочеркасск и Ростов-на-Дону.

И июльский приказ наркома обороны № 227 бьет как набат: «Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год... Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину»...

Это был суровый приказ. Требование приказа «Ни шагу назад!» стало законом жизни армии и флота. Стойко защищая свой рубеж, каждый воин победит смерть, победит врага.

Но в ходе войны в войсках армии появлялись неустойчивые командиры и красноармейцы, мародеры, дезертиры, лица совершавшие членовредительство. Таких лиц по приговорам судов военных трибуналов направляли в штрафные подразделения. Кроме того, по мере продвижения на запад в войска армии вливалось значительное количество лиц, которые в тяжелую годину для Родины оказались на стороне врага. Во многих случаях люди, проштрафившиеся и получившие наказание в виде направления в штрафные подразделения, старались себя реабилитировать. Вот один из примеров. С бригадой партизан имени 25-летия Белорусской ССР в армию влился дивизион казаков под командованием старшего лейтенанта Холодного. По приказу немцев этот дивизион был создан в 1942 году полковником Павловым из военнопленных, уроженцев Ставропольского и Краснодарского краев. Видя, что в лагере для военнопленных им не выжить, они согласились взять оружие из рук врагов своей Родины, рассчитывая таким образом, как они уверяли, на то, что рано или поздно перейдут на сторону Красной Армии.

Казаков поселили в Дятловском районе Барановичской области, приказав им выявлять партизан и вести с ними борьбу. По показаниям местных жителей, казаки под командованием

Холодного и Меркулова, несмотря на приказ немцев, борьбы с партизанами не вели, партизанских семей не трогали.

В июне 1944 года, когда Красная Армия подходила к Минску, дивизион в полном составе присоединился к партизанской бригаде и вместе с ней вел бои против немцев. К нам в армию их влилось 208 человек, включая 6 офицеров. Мы направили их в штрафные подразделения. В первый бой они вступили на самом ответственном участке под Волковыском. Били гитлеровцев смело и умело и обещание кровью искупить вину перед Родиной выполняли.

Командиры всех степеней внимательно следили за боевыми действиями этой категории военнослужащих. Люди, совершившие серьезные ошибки, а подчас и преступления, воочию видели, что у них не все потеряно в жизни. Когда мы вышли на Нарев, была сделана персональная оценка боевой работы каждого штрафника. Многие из них были освобождены из штрафных рот. С них, если позволяла обстановка, при построении рот и батальонов снималась судимость, а некоторые за проявленную храбрость и отвагу были награждены.

Ритуал вручения им орденов и медалей был тщательно продуман. Перед строем солдат, прежде чем вручить боевую награду, командиры рассказывали о воинской доблести, бесстрашии награжденных. По лицам людей, получавших ордена и медали, порой текли слезы, и мы понимали, что многие из них по первому зову сознательно пойдут в огонь сражений.

Только в одной из штрафных рот за короткий срок была снята судимость с 23 человек, а награжденных из них было 17. Надо было видеть радость тех, кто своей кровью, воинской доблестью и отвагой искупал вину перед Родиной! Как они были благодарны за проявленное к ним великодушие! Мы внимательно следили за их судьбой, и нужно отметить, что показали они себя только с хорошей стороны и полностью искупили свое заблуждение и вину...

В 3-й армии также был сформирован и заградотряд, в который были подобраны лучшие бойцы и командиры, как правило награжденные боевыми орденами и медалями, но эти отряды в армии, по своему прямому назначению, насколько я помню, не использовались. С начала 1944 года командиров и бойцов заградотряда все чаще и чаще направляли в боевые подразделения...

В течение осени 1944 года мы получили большое и разнородное пополнение. Прибывшие из госпиталей по боевой подготов-

ке и настроению не отличались от основного ядра дивизий и вместе с ним являлись надежными помощниками командиров и тем цементирующим элементом, который был так нужен нам в этот период. Из них многие в летах и не раз были ранены, некоторые даже 3—5 раз, имели боевые награды. Казалось, можно было в этой группе ожидать жалобы на усталость, на болезни, раны, но, как ни странно, таких настроений здесь не отмечалось: все эти ветераны боев, закаленные воины хотели расправиться с врагом в его берлоге, отомстить ему за все содеянное, в том числе и за свои раны.

Партизаны тоже были народ в полной мере надежный, смелый, но из них многие не служили в армии, и даже те, кто в армии служил, но долго пробыл в партизанских отрядах, привыкли к другому способу боевых действий. В их отрядах была дисциплина, но не та, какая нужна в армии. Из этого и вытекала необходимость учить их способу действий регулярных войск и воспитывать армейскую дисциплинированность.

Третью группу составляли вновь мобилизованные. Среди них значительная часть вообще не служила в армии; другие были в плену, а какая-то прослойка служила у немцев полицейскими, бургомистрами, старостами, обозниками, шоферами. Эта группа требовала особого внимания, терпеливой разъяснительной работы. И мы уделяли им постоянно должное внимание: воспитывали и внимательно изучали. Одних можно было направлять в роты и батареи, других — в штрафные подразделения для искупления своей вины. Обобщая опыт работы с этой категорией воинов, поступивших в армию в качестве пополнения, мы пришли к выводу — со всеми без исключения и с каждым в отдельности необходимо терпеливо, внимательно «повозиться», обучить и воспитать, а со многими обучение начинать надо было с азов, так как они еще не держали винтовки в руках. Вся эта программа, выработанная коллективно, была продумана хорошо. В зависимости от подготовки мы к каждому подходили индивидуально, хотя на подготовку новых бойцов война отпустила нам всего неполных 18 суток.

К началу осени 1944 года союзные войска вышли к западной границе Франции, а еще ранее вышла из войны Италия, хотя против воли итальянского народа на ее территории война продолжалась. Итальянские патриоты с оружием в руках продолжали решительную борьбу с фашизмом.

В сентябре 1944 года в результате успешных действий Красной Армии полностью освобождены Эстония, Литва и большая

часть Латвии. Наши войска подошли к границам Восточной Пруссии, Чехословакии, Венгрии и Югославии.

Были выведены из войны Финляндия, Румыния и Болгария. Вслед за Румынией объявила Германии войну Болгария. Многие части и соединения румынской и болгарской армий в боях со своим бывшим союзником проявили высокое мужество, героизм и были удостоены советских боевых наград и почетных наименований.

Наша армия, как уже отмечалось выше, с боем освободила город Белосток.

Начало изгнания немецко-фашистских захватчиков из Польши стало историческим рубежом в судьбах польского народа. 21 июля 1944 года в городе Люблине Крайова Рада Народова создала временный исполнительный орган народной власти — Польский комитет национального освобождения. Декретом Крайовы Рады Народовой от 21 июля Первая польская армия и Армия Людова были объединены в Народное Войско Польское. 26 июля между Советским правительством и Польским комитетом национального освобождения было подписано «Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши».

Были у нас и другие заботы. Мы находились в той части Польши, которую гитлеровцы называли «территорией государственных интересов Германии». Фашистская пропаганда долго и разнузданно клеветала на Советский Союз, пытаясь разжечь в поляках ненависть к советским людям. Но потуги ее оказались тщетными. Местное население встретило нас доброжелательно, особенно крестьяне, которых в годы оккупации немцы облагали большим налогом, отобрали у многих землю и сделали батраками у помещиков. Поляков притесняли политически, угнетали в национально-культурном отношении, угоняли на работы в Германию, сжигали их села, если подозревали, что там есть партизаны, арестовывали и расстреливали «подозрительных лиц», то есть патриотов.

Поляки верили заявлению Советского правительства о том, что советские войска вступают в пределы Польши, преисполненные одной решимостью: разгромить гитлеризм и этим помочь польскому народу восстановить его независимость. Верило нам большинство, но не все, некоторые были настроены.

Офицерам нашей армии, несмотря на то что им доставало дел в войсках, пришлось вести работу и среди местного населения. Устраивались беседы, митинги, демонстрировались кинокартины, распространялась газета люблинского комитета «Вольна

Польска». Поляки охотно принимали участие во всех политических обсуждениях и раскупали газеты на родном языке.

Думаю, работу с местным населением было легче проводить на люблинско-варшавском направлении, где дислоцировались и принимали участие в боях, плечом к плечу с соединениями Советской Армии, воины союзного нам Войска Польского. Самый факт прихода прекрасно вооруженной, обмундированной в национальную форму, возрожденной польской армии вызывал у населения энтузиазм: ведь гитлеровцы заявили, что поляки как нация, имеющая свое государство, исчезли с лица земли навсегда.

У нас было сложнее и потому, что в нашем районе осталось больше реакционных старых чиновников и разного рода прислужников бывших властей и помещиков. Они сопротивлялись демократизации Польши, саботировали распоряжения Временного польского правительства.

Самая зажиточная часть местного населения, по рассказам, недурно ладила с немцами. Эти люди держались обособленно, в разговоры с русскими не вступали, прятали скот и хлеб, чтобы уклониться от поставок Войску Польскому и ничего не продавать нам. Появились и спекулянты — они плодятся всегда и везде, где ощущаются экономические затруднения.

Необходимо было вести широкую разъяснительную работу в наших войсках, чтобы не допустить неправильной оценки отдельных нездоровых фактов и настроений, с которыми мы здесь встретились, чтобы наши люди не поколебались в своих взглядах и ни на минуту не забывали: все эти печальные явления — результат политики той эксплуататорской верхушки, которая одинаково враждебна труженикам всех народов.

Как ни заняты мы были подготовкой к наступлению, в нашу работу неизменно включалась и эта сторона — воспитание солдат в духе пролетарского интернационализма, укрепление дружбы с местным населением. Мы всячески поощряли помощь наших войск населению. Солдаты помогали крестьянам в уборке картофеля и в других сельскохозяйственных работах. В труде люди лучше всего учатся понимать и уважать друг друга. Нам случалось не раз выручать поляков продовольствием или транспортом. Помогали и они нам. Все это сближало местное население с советскими солдатами, укрепляло их дружбу.

Вообще все мы, особенно руководители нашей армейской политической работы, немало думали над поведением войск и отдельных лиц в сложной политической обстановке.

Не могу, однако, не рассказать, что однажды и я совершил поступок, который был признан более чем сомнительным с политической точки зрения.

Находясь в одной из дивизий второго эшелона, размещенной в прекрасном сосновом бору, я услышал рассказ офицера, уроженца Донбасса, только что получившего письмо от отца из Ворошиловграда. Отец писал о горе шахтеров, вернувшихся в Донбасс после ухода немцев, как ходили шахтеры по развалинам шахт, по пепелищам своих поселков, со слезами на глазах смотрели, оплакивая эти развалины, как свое родное детище.

Отец офицера, проработавший на шахте 40 лет, писал: «Сейчас самая большая трудность в восстановлении шахт заключается в остром недостатке крепежного леса. Лес к нам прибывает, но очень мало, так как с севера прибывают железнодорожные составы с другим грузом, еще более необходимым».

— Так напиши отцу, — сказал я, — пусть придет сам или пришлют кого-либо к нам за лесом. Видите, сколько здесь леса? Будем рубить, будем грузить лесом уходящий порожняк от нас и тем облегчим горе шахтеров.

Окружающие поддержали мое предложение, и офицер, весьма польщенный, сказал:

— Сегодня же напишу отцу.

Есть поговорка: «Чужое горе быстро забывается». Хотя горе шахтеров мне не чужое, но за множеством дел я забыл разговор о Донбассе. Вспомнил о нем лишь тогда, когда мне доложили:

— Прибыла делегация из Ворошиловграда.

Через минуту передо мной стояли по-солдатски навытяжку три делегата: два из них — убеленные сединой шахтеры; десятки лет тяжелого труда оставили на их лицах глубокие морщины; третий был значительно моложе.

Я усадил их на табуретки, пригласил к себе члена Военного совета генерала И.П. Коннова, предложил делегатам закурить (сам я никогда не курил, но для особо симпатичных посетителей у меня всегда имелась пачка хороших папирос), попросил Нину Александровну приготовить чай и завтрак.

Когда пришел Иван Прокофьевич, я познакомил его с представителями Донбасса — двумя рабочими и инженером, — пригласил всех в столовую, познакомил там и повариху с гостями, предложил ей зачислить их на довольствие, включая 100 граммов «жидкого топлива».

За завтраком гости рассказали о положении в Донбассе, об энергии, с какой советские люди взялись за восстановление разрушенного, несмотря на скудный продовольственный паек и недостачу самого необходимого. Больше говорили рабочие. Несмотря на то что они не были красноречивы, мы глубоко почувствовали горе Донбасса — так они своими простыми словами затронули наши сердца.

На мой вопрос: «Какой вам нужен лес?» — одновременно ответили все трое:

— Какой угодно, лишь бы был толщиной двадцать сантиметров и больше.

Хотя их дело было такое простое, мне показалось, что делегация в три человека очень уж мала, и я спросил:

— Что же вы приехали втроем?

Но они поняли меня иначе — что их делегация слишком велика. Они переглянулись между собой, как бы спрашивая один другого, кто будет отвечать на этот вопрос. Самый старший из них ответил:

— Мы слезы уже выплакали. Думали, что у одного не хватит слез, чтобы упросить вас помочь нам, вот мы и приехали не один и не два, а втроем.

Этот трогательный ответ рабочего нас сильно взволновал. В шутку, но сквозь слезы я сказал:

— Да, неважного вы о нас мнения. — И, обращаясь уже к члену Военного совета, спросил: — Ну, как вы думаете, Иван Прокофьевич, поможем шахтерам?

— Да, помочь бы надо... Но вот беда: есть постановление Польского комитета национального освобождения, согласованное с Государственным Комитетом Обороны СССР, не вывозить лес из Польши за ее границы.

Об этом решении я не знал и слышал впервые. Новость меня сильно озадачила, если не больше. На лицах наших гостей было видно отчаяние. Какое-то время мы чувствовали себя как на похоронах и все молчали.

Я думал в это время: «Что же делать? Не посчитаться с постановлением Государственного Комитета Обороны — это дело слишком плохое. Отказать шахтерам в их просьбе — тоже нехорошо». Я вспомнил, сколько вырублено у нас леса за войну, а здесь у меня перед глазами были большие массивы строевого леса.

Обращаясь к члену Военного совета, я сказал:

— Иван Прокофьевич! Дело это необычное. Давай решим так: будем считать, что ты мне ничего не говорил об этом постановлении, а я о нем не знаю. Лес мы срубим и отправим возвращающимся порожняком в Донбасс под видом, будто собираемся строить оборонительные рубежи в нашем тылу, на территории Польши. На границе никто на этот груз не обратит внимания, и лес благополучно дойдет до Ворошиловграда. А если уж случится несчастье, всю вину возьму на себя.

Коннов ничего на это не сказал, но еле заметно кивнул.

В короткий срок мы свалили необходимый лес, что был ближе к железной дороге. Погрузку производили главным образом между полустанками и разъездами. Только успели отправить около 59 тысяч кубометров, как наступил час расплаты.

Мне доложили о прибытии другой «делегации» — но уже из Москвы. Трудно сказать, каким путем узнал об этом Сталин, — должно быть, через Военный совет фронта.

Прибывших из Москвы было тоже три человека. Если встречать по одежке, то эти трое не были похожи на шахтеров — они были хорошо одеты, побриты, от кого-то пахло даже духами. Уже одно это на меня произвело грустное впечатление. В штабе армии боязливым шепотом передавалась весть, что прибывшие явились от самого Сталина и по вопросу о лесе.

Настало время уединиться с гостями и исповедаться перед ними, как я дошел до жизни такой, что нарушил постановление Государственного Комитета Оборона СССР и решился на поступок, который может усложнить отношения нашего правительства с Польским комитетом национального освобождения?

Перед началом объяснения я на какое-то мгновение подумал: бывает ведь и ложь во спасение. Но на ложь я не пошел.

Наша «интимная беседа» длилась четыре часа; я рассказал все начистоту, как было, начиная с полученного офицером письма. Рассказал о прибытии делегации. Сказал и о том, что член Военного совета генерал Коннов меня предупреждал, а я решил поступить на свою ответственность. (Умолчал, конечно, лишь о кивке Коннова.)

Отвечая на вопросы, пришлось рассказывать всю биографию с детства — и о пребывании на Колыме, об обвинении во всех страшных грехах тоже.

В результате беседы у меня осталось хорошее впечатление от председателя, человека лет шестидесяти, и очень плохое от двух остальных. Вопреки мнению окружающих, я верил в благопри-

ятный исход дела. Моя всегда выдержанная жена была на этот раз в панике, но я говорил ей: «Пуганая ворона и куста боится».

Ожидание решения было долгим и мучительным. Я много передумал. Думал, в частности, и о том, совершил бы я или нет такой же поступок, если бы дело происходило не в Польше, а, скажем, у нас, в Орловской или Брянской области? Мне необходимо было дать себе самому в этом отчет. И я ответил себе: да, поступил бы так же и в брянском лесу, и везде, где бы представилась возможность, потому что чувствовал, что у людей нет времени и сил ждать, когда помощь придет организованным порядком. Но я понимал также, что за такие своевольные поступки надо отвечать.

Наконец, как договорились ранее, председатель тройки позвонил мне по телефону ВЧ.

— Докладывал Сталину, он выслушал внимательно. Когда доложил, что вас предупреждал генерал Коннов, он спросил, от кого я это узнал. И когда я доложил, что от самого Горбатова, Сталин удивленно переспросил: «От самого Горбатова?» — а потом добавил: «Да, это на него похоже. Горбатова только могила исправит» — и в заключение сказал: «Преступление налицо, но, поскольку, как вы говорите, он не преследовал личной выгоды, на деле надо поставить точку».

Обрадованный, я поблагодарил председателя тройки. (К сожалению, забыл фамилию этого хорошего человека, а больше его не встречал.)

Позднее мне передавали, что шахтеры, услышав, что возникло дело о лесе (ведь запрашивали их городской комитет партии), сильно беспокоились за меня.

В конце ноября 1944 года мне прислали постановление исполкома Ворошиловградского городского Совета депутатов трудящихся от 20 ноября о занесении меня в городскую Книгу почета как активного восстановителя города. Мне была выдана грамота.

Совет решил также установить на восстановленном клубе имени Александра Пархоменко бронзовую доску с занесением 3-й армии и имени ее командующего. Это было приятно для воинов армии, трогательно для меня.

Так реагировали шахтеры на дело о лесе. От поляков на сей счет мы претензий не получили. По-видимому, узнав, для чего понадобился этот лес, они не стали обижаться. Тем более что настоящая торговля тогда еще не началась, друзья же делились

друг с другом чем могли, и они, я думаю, не были забыты и внакладе не остались.

Этот случай заставил меня и Военный совет армии рассмотреть вопросы соблюдения законности и правовой пропаганды в войсках.

Председателю военного трибунала армии полковнику юстиции Ивану Петровичу Шереметьеву поручили провести семинары правовой пропаганды с руководящим составом армии о соблюдении законности личным составом армии в связи с вступлением в Польшу. Его заместителю подполковнику юстиции Георгию Николаевичу Станкевичу такую же работу поручили провести в управлениях корпусов.

Самый молодой из юристов армии капитан юстиции Б. П. Баянов подготовил интересные лекции по актуальным вопросам уголовного и международного права. Эти лекции были опубликованы в армейской печати.

В послевоенные годы Борис Павлович проявил себя на журналистской работе. Длительное время он работал в «Правде».

Присматриваясь к плацдарму за рекой Наревом, захваченному левым соседом, 48-й армией, в первых числах сентября мы часто говорили между собой о том, что будет целесообразнее: захватывать ли нашей армией новый плацдарм или совместными усилиями 3-й и 48-й армий расширить уже захваченный? Каждый вариант заключал в себе выгоды и невыгоды. Выбирая наиболее выгодный для форсирования реки район и определяя время начала операции, мы могли воспользоваться преимуществом, которое дает внезапность. Однако эта выгода исчерпывается в течение первого дня (может быть, и первых часов), а потом нам будет очень трудно, ибо много сил и средств мы затратим на форсирование реки. Невыгода второго варианта заключалась в том, что перед плацдармом мы встретим более плотную группировку, более глубокую и совершенную оборону; зато нам не придется форсировать реку, и, кроме того, соединение усилий двух армий, несомненно, скажется благотворно, особенно в дни развития операции. Действуя обдуманно и с высокой дисциплинированностью во время сосредоточения, можно надеяться на сохранение внезапности и наступая с плацдарма.

Вообще мы считали, что проведение частной операции у границ Пруссии, да еще в то время, когда весь остальной фронт сто-

ит в обороне, совершенно нецелесообразно: это потребует больших затрат, но не даст больших результатов, так как при общей пассивности нашего фронта противник без всякого риска найдет резервы, сосредоточит их на узком фронте нашего наступления и не даст нам его развить.

Я лично и член Военного совета И.П. Коннов скрупулезно этот вопрос обсудили с командармом 48-й армии Прокофием Логвиновичем Романенко и членом Военного совета этой армии генералом Николаем Александровичем Истоминым. Начальник штаба 3-й армии Макар Васильевич Ивашечкин, взвесив все и вся с начальником штаба 48-й армии генералом Иваном Семеновичем Глебовым, доложил выкладки штабов. Решение одно: наступать с захваченного плацдарма.

Наши соображения были доложены командующему фронтом генералу армии Г.Ф. Захарову. Георгий Федорович вначале настаивал на первом варианте наступления (с форсированием реки), но, очевидно не без помощи прибывшего на фронт представителя Ставки, согласился на наш второй вариант. 23 октября мы получили директиву фронта, по которой две трети плацдарма передавались нашей армии и одна треть оставалась у 48-й. Наступление с целью расширения плацдарма до определенных размеров было приказано провести силами обеих армий; разведку боем — силами одной 48-й армии до смены нашими частями.

В ночь на 6 октября мы сменили части соседа на плацдарме, получив у него данные о противнике и его обороне. Передний край немецкой обороны находился перед нами в 500—600 метрах и состоял из двух сплошных траншей; подходы к первой из них преграждены проволочным забором, сплошными минными полями. Из этих сведений я больше всего обратил внимание на две траншеи и проволочный забор: меня удивило, что перед плацдармом оказалась не более развитая система оборонительных сооружений, как мы полагали, а, наоборот, более слабая, ибо перед нами за рекой мы видели не две, а три траншеи и не проволочный забор, а заграждения в три кола, кое-где даже в четыре и пять кольев. Кроме того, меня удивило, что на карте, переданной нам 48-й армией, передний край обороны и нашей и противника обозначен был в низине, тогда как в одном-двух километрах западнее был высокий край долины с превышением в 18—20 метров. Я подумал: это на немцев не похоже. Более вероятно, что передний край обороны находится на высоком берегу, а внизу — только усиленное боевое охранение с про-

волочным забором или специально вынесенная передовая позиция.

Чтобы установить настоящий передний край, я, выехав на плацдарм, в разных местах поднимался на деревья, всматривался в оборону противника, но ничего нового не увидел, так как наблюдению мешали кусты и деревья.

Река Нарев от города Остроленка течет почти строго на юг; от города Рожан она поворачивает на юго-восток, а потом на юго-запад. В этой излучине и был захвачен плацдарм. Пользуясь тем, что берег у Рожан сплошь покрыт на нашей стороне высоким сосновым лесом, я решил просмотреть оборону противника не только с плацдарма, то есть востока, но и с севера. На следующий день выбрал деревья повыше, с помощью саперов забрался на те, что были ближе к высокому краю долины. При тщательном осмотре можно было заметить на нем три траншеи, а перед первой из них замаскированное проволочное ограждение в шесть кольев. С того же дерева я видел и две траншеи внизу, восточнее на 1—2 километра, и проволочный забор перед ним. Значит, настоящая оборона у противника на высоком берегу. Противник рассчитывал, что в случае нашего наступления с плацдарма мы израсходуем больше всего боеприпасов, разрушая его передовую позицию, а основная оборона будет мало подавлена; за время нашей артподготовки он подведет к переднему краю резервы и остановит наше наступление. «План неплохой, — подумал я, — но все-таки рассчитан на простаков».

В этой операции мы не были так ограничены в боеприпасах, как прежде. По графику, разработанному командованием фронта, артподготовка была предусмотрена в течение ста минут, а после захвата переднего края артиллерия должна была сопровождать наступающие войска огнем валом на глубину до полутора-двух километров. Но этот график и нас не устраивал. В нашем решении мы в этот план ввели некоторые поправки. Они сводились к следующему. Атака начнется не на сотой, а на пятнадцатой минуте после первого огневого налета артиллерии. В целях одновременной атаки всей передовой позиции, учитывая, что она не везде одинаково удалена от нас (от полукилометра до километра), одни наши стрелковые цепи с танками пойдут в наступление с первым выстрелом, другие через пять минут после него; после захвата передовой позиции огонь артиллерии переносится на основную оборону и ее глубину. За 85 минут этого второго этапа артподготовки наши стрелковые цепи с танками должны преодо-

леть пространство, отделяющее передовую позицию от основной. Саперы и танки с тралами пойдут впереди пехоты и танков, чтобы проделать проходы в минных полях и проволочном заграждении. На сотой минуте наши стрелковые части и танки должны ворваться в «главную боевую линию» (используя немецкий термин). Лишь после этого начнется сопровождение огневым валом в глубине обороны противника.

Это решение было доложено командующему фронтом, но он настаивал на своем графике. Накануне операции я еще раз обратился к нему и получил раздраженный ответ:

— Вы все чудите, умнее всех хотите быть.

Нельзя было понять, что этот ответ практически означает, и мы решили истолковать его как согласие на то, чтобы мы «чудили», то есть действовали по-своему.

Артподготовка началась 10 октября, ровно в полдень. Пехота выскочила из траншей и вместе с танками пошла в наступление.

Взяв на себя всю ответственность за план, мы напряженно следили за продвижением наших цепей. Радостно было видеть, как танки, а за ними цепи миновали проволоку, первую траншею и продолжали наступление. Огонь артиллерии, после того как занята была вторая траншея, перенесли на основную оборону противника. Передовую позицию мы захватили, потеряв лишь несколько человек...

В результате первого дня наступления наши войска овладели всеми тремя траншеями на высоком берегу. Противник отошел на вторую позицию, прикрытую минными полями. Наш левый сосед, действуя по графику фронта, овладел лишь передовой позицией и не смог подняться на высокий берег.

В ночь на 11 октября саперы разминировали проходы, а с рассветом, после короткой, но мощной артподготовки, мы возобновили наступление. За этот день удалось овладеть тремя траншеями второй позиции и в ряде мест выйти к шоссе Рожан—Пултуск; на правом фланге части овладели двумя фортами крепости Рожан, разрушенным мостом через Нарев. В этот же день один из полков дивизии, оставленной в обороне, форсировал реку севернее города, был встречен сильным организованным огнем, вклиниться в оборону противника не смог и окопался в долине реки.

Несмотря на то что сопротивление противника не ослабевало, 12 октября мы овладели двумя траншеями третьей позиции, вышли к шоссе Рожан—Макув, а на первом фланге овладели городом и крепостью Рожан.

13-го и 14-го продвижение было лишь незначительным, а дальнейшие попытки наступать успеха не имели. За эти дни мы взяли пленных из целого ряда вновь подошедших частей и соединений. Бои приобрели крайне напряженный характер. До 20 октября многие населенные пункты и высоты переходили из рук в руки по нескольку раз.

Пленные показывали, что немецким войскам приказано во что бы то ни стало восстановить утраченное положение. Памятуя, как важно умение вовремя остановиться, я, во избежание лишних потерь, 15 октября приказал перейти к обороне.

В результате боев мы углубили плацдарм с 6 до 20 километров, расширили его до 18. Левый сосед также углубил и расширил свою часть плацдарма. Противник понес большие потери; правда, пленных мы захватили немного — 369 человек, взяли всего 6 исправных танков и самоходных орудий, 7 бронетранспортеров, 45 орудий, 42 миномета, 39 пулеметов, но это свидетельствовало не о нашей слабости, а о ожесточенности сопротивления противника.

Удивительным было и такое противоречие: сопротивление противника было, в общем, весьма упорным, но многие пленные артиллеристы без принуждения помогали нам поворачивать в западном направлении захваченные орудия, включались в расчеты и посылали снаряды в гитлеровские части. Легко было предположить, будто разочарование и недовольство нацизмом достигло уже такого уровня, что антифашистское настроение, наличествовавшее среди немецких солдат и раньше, начало выливаться в активную форму. Однако мы не считали возможным преувеличивать значение такого симптома, хорошо зная, как опутаны умы немцев фашистской пропагандой.

На расширенном плацдарме в короткий срок нами была создана глубокая оборона. Мы оборонялись здесь почти три месяца, используя это время для подготовки к будущему общему наступлению всего фронта.

Я уже писал о том, что большое пополнение, которое мы получили в сентябре, требовало большой работы, чтобы оно органически включилось в наши части. Но времени у нас тогда было в обрез: необстрелянные, а частью совсем не служившие еще в армии солдаты слишком болезненно реагировали на жесткие контратаки противника с танками, слабо использовали местность как в наступлении, так и в обороне, недостаточно умело и полно использовали оружие; не на высоте была и дисциплина.

Преодоление этих недостатков стало основной задачей наших офицеров и сержантов, комсомольцев и коммунистов, всего партийно-политического аппарата, тем более мы начали получать новое пополнение, приблизительно такое же по составу.

Со второй половины октября до 13 января 1945 года войска армии оборонялись на всем фронте, всеми видами и средствами вели разведку противника.

Противник продолжал обороняться, совершенствовал занимаемые позиции, с помощью местного населения создавал новые оборонительные рубежи. Активность противника, сниженная в ноябре, снова возобновилась в декабре. Поскольку его разведка мелкими группами не давала нужных результатов, то, ожидая нашего наступления, противник предпринял разведку боем, но она оказалась безуспешной. Усилилась авиационная разведка. Повидимому, его интересовал наш тыл, а поэтому он не задерживался над нашими войсками, а пролетал в глубину. Участились артиллерийские налеты по возможным скоплениям наших войск.

Из показаний пленных выяснилось: немцы широко применяют подслушивание наших радио- и телефонных разговоров, используя усовершенствованную технику. В целях введения нас в заблуждение производят обстрел из кочующих батарей, отдельных орудий и пулеметов, вспышками ночью имитируют огонь с ложных позиций, каждые десять дней сменяют войска на передовой с целью дать отдых частям, провести с ними учения. Наши разведчики установили, что у противника появились минные поля не только перед проволокой и первой траншеей, но и перед второй траншеей и промежуточными позициями.

Создавая свою оборону в течение трех месяцев, развивая ее и улучшая инженерное оборудование, мы не столько заботились о ее прочности на случай попытки противника наступать — это было маловероятно, — сколько о том, чтобы предохранить от поражения огнем наши войска, когда они сосредоточатся для решительной атаки. Чтобы противник, обнаружив нашего наблюдателя, не мог его ночью захватить, места передовых наблюдателей часто менялись. Ежедневно назначался дежурный пулемет, который несколько раз в течение суток выпускал по три-четыре короткие очереди из указанных командиром мест между опорными пунктами. Наблюдение из глубины было организовано, как всегда у нас, с высоких деревьев, строений или построенных вышек; наблюдатели закреплялись за определенным сектором на длительное время.

В разведку посылались только хорошо подготовленные и проинструктированные небольшие группы, проверенные старшими начальниками. За ноябрь и декабрь захвачено разведывательными поисками 9 пленных.

Мы никогда не торопили полковых или дивизионных разведчиков отсылать пленных в штаб армии, а тем более в штаб фронта. Наоборот, мы поощряли стремление получить от них как можно больше нужных нам сведений. Каждого пленного допрашивали начальники разведки полка, дивизии, по возможности также офицеры разведотдела корпуса и армии, причем тут же, в траншее, против того места, где пленный был захвачен. Узнав местность, впервые увиденную им с нашей стороны, он ориентировался и отвечал на вопросы, показывал рукой, где у немцев находятся командные и наблюдательные пункты, огневые позиции, минные поля, орудия прямой наводки, границы между частями и др. Сличали его первые показания и делали необходимые выводы. И лишь после этого посылали его в штаб фронта.

У наших артиллеристов было много засеченных батарей противника. Мне не верилось, что противник имеет так много батарей. Встала задача выяснить, какие из них ложные. Выяснили это следующим образом.

Командующего воздушной армией генерала К.А. Вершинина мы попросили прикрепить к нашей армии два-три разведывательных самолета. Константин Андреевич выделил два. Полосу армии мы разделили на две части, за каждой закрепив по летчику. Предоставив карты с засеченными батареями противника, поручили им выяснить, действительно ли имеются там батареи.

После полетов летчиков в своей полосе не подтвердилось наличие ряда батарей, в их число входили как раз те, которые были засечены нами большее количество раз. После моего личного разговора с летчиками они стали присматриваться к уже обнаруженным батареям и как истые охотники обязательно вылетали после первой пороши или выпадения нового снега. После этого нам докладывали:

— Солдаты у батареи номер 8 стоят в одном и том же положении в течение трех дней.

— У батареи номер 13 много следов гусениц.

— К батарее номер 22 нет следов на вновь выпавшем снегу в течение четырех дней.

Нетрудно понять, что находившиеся у батареи номер 8 солдаты были на самом деле чучела; батарея номер 13 ложная — на

это место приходили для проведения стрельбы самоходки и танки, а по уходе оставили макет батареи. В результате такой разведки отсеялось 16 батарей из 42.

Мы на собственном опыте убедились, что целесообразно иметь не только наземных наблюдателей, закрепленных на длительное время за определенным сектором, но и воздушных разведчиков. Разведчики, пролетая по одному и тому же маршруту, могут виденное сегодня сравнить с виденным вчера.

По отдельным переговорам на рациях дивизионного типа мы определили места двух штабов дивизий. Здесь нам тоже помогли летчики, которые донесли, что в лесу и перелеске нет следов машин и не тянутся провода. Стало ясно, что эти короткие переговоры по радио и сигналы были ложные.

Наши выводы относительно командного пункта пехотной дивизии и о ложных огневых позициях окончательно были подтверждены, когда мы, наступая, заняли эту местность. В то же время выяснилось, что по двум ложным батареям понапрасну выпустили много снарядов.

Конечно, и противник всеми средствами пытался разведать и уточнить наши силы и средства. Для этого фашисты не раз проводили разведку боем силами усиленного батальона, поиски разведгрупп, активно использовали авиацию. Участились артиллерийские налеты по возможным местам скопления наших войск.

Первые две недели января 1945 года мы усиленно готовились к наступлению, но, чтобы отвлечь внимание противника от участка, где будем прорывать его оборону, мы провели следующее мероприятие. В снег к нашему проволочному заграждению бесшумно ставили дополнительные ряды кольев и у крайних кольев бросали как бы недорасходанные мотки проволоки или только похожие на проволоку. А затем стали имитировать забивку кольев в своей траншее.

В ответ на первые удары по кольям противник открыл сильный огонь из многих пулеметов. «Противник клюнул, — смеясь говорили наши, — нужно продолжать работу».

На следующий день, как только стемнело, мы втихую продолжили постановку кольев в снег в ту и другую сторону и перенесли ложные мотки проволоки к последним кольям. Убрав людей в траншею, начали имитировать забивку кольев. Как только прозвучали первые удары, противник открыл массированный огонь из минометов и пулеметов. Обстреливали главным образом те районы, где вчера лежали мотки проволоки. Вероятно, они дума-

ли, что именно здесь мы продолжили вчерашнюю работу. Наши солдаты сидели в траншее и землянках, ликовали: клюнуло, клюнуло, наш обман удался!

В конце декабря мы получили выписку из оперативной директивы штаба фронта, в которой 3-й армии было приказано осуществить прорыв на 7-километровой полосе, нанося главный удар в направлении Красносельц—Яново и вспомогательный — на Александров. К исходу третьего дня предусматривалось овладеть населенными пунктами Единорожец, Пшасныш, к исходу десятого—одиннадцатого дня — рубежом Клайн—Дакхайм, Найденбург. В директиве указывалось, что с рубежа Пшасныш будет введен 3-й гвардейский кавалерийский корпус в направлении Хожеле—Алленштейн. Правее нас одним стрелковым корпусом наступает 49-я армия, сокрушая боевые порядки противника по западному берегу реки Нарева. Левее прорывает фронт и наступает 48-я армия.

Полоса армии для наступления, как уже отмечено выше, определилась. Нами были выбраны дополнительно 60 огневых позиций, с целью постановки на них дивизионов артиллерии и подготовки их к пристрелке отдельными орудиями различных калибров.

Инженерные войска в дневных и ночных условиях тренировались в разведке и разминировании учебных мин; учились делать проходы в проволоке удлиненным зарядом и вручную; прокладке колонных путей, постройке мостов и мостиков. Учили и тренировали телефонистов и радистов, проводили опыты на лучшее использование раций и их антенн, снимали телефонный кабель с обслуживания обороны, ремонтировали его, готовили к использованию в наступлении. Органы тыла создавали запасы всего необходимого для длительного наступления, подтягивали склады, госпитали и медсанбаты.

Был проведен разбор боевых действий по расширению плацдарма, сначала в армейском масштабе с командирами частей и соединений, а потом в дивизиях с офицерами и начальниками родов войск. На армейском разборе внимание присутствующих было сосредоточено главным образом на применении противником сплошного проволочного забора и минных полей, которые поставлены не только перед основной обороной, но и перед следующими позициями. Гитлеровцы создали более глубокие основные огневые позиции в обороне, чем это делали полгода назад.

Политико-моральное состояние наших войск было высоким, что подтверждалось самоотверженной работой солдат, сержантов и офицеров по созданию крепкой обороны на плацдарме, большой заинтересованностью личного состава в проводимых занятиях и учениях, желанием в короткий срок научиться большому.

Наше решение, исходившее из директивы фронта, было утверждено 1 января. Нам предстояло прорвать сильную, глубокоэшелонированную оборону. На глубине в 35 километров у противника были три оборонительных полосы: первая состояла из передовой позиции и пяти сплошных траншей полного профиля, вторая (на реке Ожиц, с предмостным укреплением у Красносельца) — из трех траншей с проволочным заграждением и минными полями; такая же третья полоса проходила по линии Улятово, Шляхеце, Ростково. Между полосами имелись промежуточные и отсечные позиции.

В тактической зоне у противника были сильные резервы; мы не имели сведений о местонахождении оперативных резервов, так как они часто перемещались. Численность в немецких пехотных ротах за три месяца обороны была доведена до 90—100 человек. Всколмленная местность с повышением к северу, заболоченные речки, а дальше озера способствовали обороне противника и созданию фланкирующего огня при нашем наступлении в северо-западном направлении.

Мы решили прорывать оборону корпусами генералов В.К. Урбановича, Н.А. Никитина; генерал В.С. Кузнецов частью сил корпуса наступал правее, нанося вспомогательный удар.

Перед наступлением Военный совет армии обратился к личному составу с призывом:

«Товарищи солдаты, сержанты и офицеры!

Опять настал наш черед! Долго мы его ждали, теперь пора! Все подготовлено к решительному штурму логова фашистского зверя.

Успех наш предрешен, все рассчитано, не удержит нас никакая сила!..

В наступлении нет надобности оглядываться назад. Позади нас движутся огромные силы, и чем дальше мы успеем продвинуться, тем стремительнее разовьют успех следующие за нами войска.

А чтобы меньше пролить крови, наступайте редкой цепью и помните, что траншеи врага не для нас — в них нам делать не-

чего. Смело перепрыгивайте их и неуклонно, без остановок продвигайтесь вперед.

Крепче держите оружие и смелее вперед, славные сыны нашей могучей Отчизны!

На полный и окончательный разгром проклятого врага зовет нас Родина!

Вперед, к славе и победе!»

В ноябре 1944 года вместо генерала армии Г.Ф. Захарова командующим 2-м Белорусским фронтом был назначен уже хорошо знакомый нам по совместной боевой работе Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. К началу наступления мы получили от него много ценных указаний, например: для сохранения внезапности и экономии боеприпасов разведки боем накануне наступления не предпринимать, а провести ее штурмовыми батальонами в первые 15 минут артподготовки; для повышения качества артогня и уменьшения количества артиллерийских наблюдательных пунктов ставить на одну огневую позицию целые дивизионы. Исходя из того, что противник, возможно, окажет настоящее сопротивление лишь начиная со второй траншеи, предлагалось первую траншею захватить на пятнадцатой минуте артподготовки. Эти указания были нами приняты с энтузиазмом, тем более что правильность их подтверждалась нашим собственным боевым опытом: первые два из них наша армия уже проводила в жизнь по собственному почину, начиная с Брянской операции, а третьи применила в последнем наступлении при расширении плацдарма на реке Нареве.

Одно нас огорчило: в этом решительном наступлении мы рассчитывали получить усиление в виде одного из танковых корпусов, но узнали, что все танковые соединения дали другим армиям, наступающим левее нас, несмотря на то что они действовали на более узком фронте, имели по стрелковому корпусу во втором эшелоне и на их направлении вводилась целая танковая армия. Мы же не имели не только танков для развития успеха, но и второго эшелона — у нас был лишь армейский резерв. Кроме того, после продвижения на 15 километров в глубину наша полоса расширялась до 45 километров...

Однако такое решение командующего фронтом было обоснованным: армии, находящиеся левее нас, наступали в более важных западном и северо-западном направлениях, наша же армия

наступала на север и лишь отчасти на северо-запад. (У противника, как оказалось впоследствии, были там довольно сильные резервы.)

Наконец настало 14 января 1945 года. День был пасмурный, туманный, с видимостью в 150—200 метров. Это мешало наземному наблюдению, — следовательно, и полному использованию мощной артиллерии, а наши отважные летчики совсем не могли действовать. Почему назначенное на этот день наступление не было отменено? Как мы узнали позднее, это было сделано по просьбе наших западных союзников, которые били тревогу, испугав эффективный контрудар, нанесенный им немцами.

Ровно в 10 часов разразилась неслыханной силы канонада на широком фронте. Хотя мы из-за тумана не могли видеть разрывов, но были уверены в работе хорошо подготовившихся артиллеристов, и мощь артиллерийского огня действовала на войска одушевляюще. На пятой—десятой минуте наши цепи покинули навсегда свои траншеи и устремились вперед. На пятнадцатой минуте они почти без потерь овладели первой траншеей. Несмотря на огонь противника, саперы вместе с танками-тральщиками проделали проходы для пехоты, и в 11 часов 10 минут мы овладели всюду второй траншеей, лишь кое-где еще продолжались рукопашные схватки. Хотя противник наращивал свои силы и огонь, за день боя войска армии продвинулись на главном направлении на 3—7 километров, на вспомогательном на 2—3 километра, а в результате ночного боя — еще на 1—1,5 километра.

Страшное по силе и ожесточенности сражение разыгралось на второй день. Он был таким же пасмурным, как и первый. Противник этим воспользовался, перебросил на наш участок все свои резервы и, кроме того, скрытно подвел (как выяснилось в ходе боя) моторизованную дивизию СС «Великая Германия», которая прежде находилась у южной границы Восточной Пруссии, в районе города Вилленберг, и разведкой на нашем направлении не отмечалась. Воспользовавшись туманом, дивизия за сутки незаметно сосредоточилась перед участком нашего прорыва с задачей восстановить положение сначала на фронте нашей армии, а потом и в полосе левого соседа.

Мы намечали возобновить наше наступление в 9 часов, но противник нас упредил. Он начал свою контрартподготовку в 8.20 огнем 23 артиллерийских, 17 минометных батарей, нескольких дивизионов шестиствольных минометов, тяжелых метательных аппаратов, а в 8.30 контратаковал наши войска, вклинив-

шиеся в его оборону. За два часа мы отразили 7 контратак. В полдень в бой вступила немецкая танковая дивизия. До 19 часов мы насчитали до 30 контратак.

Трудно описать, что переживали командиры 41-го и 35-го стрелковых корпусов в этот день, когда вместо ожидаемого развития успешно начатого наступления пришлось вести необычайной силы встречные и оборонительные бои с переменным успехом.

Командир 41-го стрелкового корпуса Виктор Казимирович Урбанович командовал этим корпусом со времени битвы за Орел; он многое испытал, много видел, имел пылливый ум, искусно выходил из трудных положений, отлично руководил войсками. Он умел внимательно выслушивать указания и впитывал в себя все полезное, что находил у подчиненных. Он был военачальником, умеющим использовать ошибку противника, не боялся пойти на обоснованный риск. Медленное, слабое продвижение в наступлении его никогда не оставляло равнодушным, и тем более его волновал вынужденный отход подчиненных ему войск.

В 8.15, подойдя к телефону, я услышал его взволнованный голос:

— Товарищ командующий! Десять минут тому назад узнал от командиров дивизий, а теперь сам слышу нарастающий шум большого количества танковых моторов противника. С минуты на минуту ожидаю их появления перед нашими дивизиями. Еще не рассвело, но, когда наступит рассвет, все равно густой туман, как вчера, не позволит видеть дальше ста пятидесяти метров. Плохо.

Я спросил:

— Командиры полков, батальонов на своих местах? Артиллерия за ночь вся переместилась на новые огневые позиции? Какие указания вы дали войскам?

— Всех предупредил, чтобы готовились к встрече противника. Командиры дивизий доложили, что противотанковые орудия и танки готовы к бою. Все командиры на своих местах. Артиллерия на новых огневых позициях.

— Вот и хорошо, — ответил я. — Предупредите батальоны, чтобы не пропускали через свои боевые порядки пехоту противника, а если проскочат танки — это беда небольшая, их расстреляет артиллерия, стоящая в глубине. Артиллерию, занявшую закрытые позиции, предупредите, чтобы приготовилась к расстрелу танков прямой наводкой. Противнику туман еще больше

будет мешать, чем нам. Не видя один другого, их танки будут неуправляемы. Скажите артиллеристам: больше спокойствия и уверенности — и ваш огонь будет более метким. Если шум моторов приблизится и слышно, что их много, поставьте неподвижные заградительные огни артиллерии. Нелишним будет периодически простреливать туман из пулеметов. Желаю успеха.

Закончив разговор с командиром 41-го стрелкового корпуса, я предупредил о новостях в обстановке командующего артиллерией армии, дал ему необходимые указания, а потом приказал вызвать к телефону командиров 35-го и 40-го стрелковых корпусов.

Командир 35-го корпуса генерал-майор Николай Александрович Никитин обладал широким оперативно-тактическим кругозором, был генералом смелым и решительным; он любил и умел обманывать противника; хорошо знал психологию солдат и умело на них воздействовал. Когда он подошел к телефону, я задал ему вопрос, что у него нового и успела ли переместиться артиллерия.

— У нас все готово для продолжения наступления, — ответил генерал, — артиллерия переместилась, перед соседом справа слышен громкий шум танков; поскольку шум все усиливается, не похоже, что он готовится к отступлению, а вот началась и стрельба, по-видимому, противник контратакует.

Узнав о принятых им мерах, я одобрил его действия, дал такие же указания, как и 41-му стрелковому корпусу, предупредил, что начало артподготовки отменяется до выяснения обстановки в 41-м стрелковом корпусе, а пока артогонь разрешил использовать по своему усмотрению.

Будучи уверен, что у штаба 41-го стрелкового корпуса наступила тревожная пора, решил их не беспокоить первые 15 минут, озабоченным вышел из землянки, расхаживая по тропинке, стал вслушиваться в разгоравшуюся канонаду. По особому рода выстрелам из танков и быстрым разрывам их снарядов было заметно, что танки противника перемещаются в нашу сторону. Слышал, как в дополнение 41-му стрелковому корпусу вступила в сражение артиллерия 35-го стрелкового корпуса.

Учитывая, что противник решил нанести контрудар по нашим войскам, вклинившимся в его оборону, еще до возобновления нашего наступления, нетрудно было сделать вывод: у противника большие силы и он решил восстановить утраченное им вчера положение.

Расхаживая по тропинке, видел, как выбежал из землянки начальник оперативного отдела армии полковник В.Ф. Грузенберг. Владимир Федорович, будучи сильно обеспокоенным, подбежал ко мне и доложил:

— Товарищ командующий, 41-й и 35-й стрелковые корпуса контратакованы большим количеством танков, на фронте 40-го стрелкового корпуса спокойно.

— Слышу, знаю, — ответил я и добавил: — Передайте командиру 40-го стрелкового корпуса Владимиру Степановичу Кузнецову, что для него задача прежняя, пусть своевременно начинает назначенную артподготовку и наступление.

Поскольку приближалось время начала общей артподготовки, поспешил доложить командующему фронтом о положении на фронте нашей армии.

— Что за артстрельба у вас раньше времени? — спросил меня маршал К.К. Рокоссовский.

— Противник с восемью тридцати наносит контрудар по ударной группировке нашей армии, — ответил я. Доложил, как назревали события, и о принятых мерах. Дополнительно выразил свое удовлетворение тем, что противник наносит контрудар до возобновления нашего наступления. Находясь на месте, нам будет легче его обескровить и возобновить наступление. Не утерпел, высказал сожаление, что наша армия не усилена танковым соединением.

После непродолжительной паузы (маршал, видимо, с кем-то переговаривался) он сказал:

— Жаль, что не начнем наступать в десять часов. Ну уж если не наступаете, так разделайте под орех неизвестное нам танковое соединение противника и не допускайте его до фланга вашего левого соседа, который в десять часов будет наступать. А насчет того, что вас не усилили танковым соединением, так вы сами знаете, что соседям они нужнее. Всего хорошего. Докладывайте каждый час.

Позвонили командиры корпусов генералы Урбанович и Никитин. Оба с горечью доложили о большом количестве танков противника, его настойчивых атаках и что на некоторых участках наши войска потеснены. Противник настойчиво повторяет атаки.

Я осведомился, где и насколько, еще раз обратил внимание, что туман не только усложняет наше положение, но и помогает нам, дал некоторые указания и вышел из землянки, чтобы по выстрелам уяснить картину боя.

Не раз и не два в этот день слышал, как шквал танковых выстрелов то приближался, то удалялся при непрекращающейся артиллерийской стрельбе, а командиры корпусов докладывали с радостью:

— Отходит, гоним! Противник оставил на поле боя много трупов, пленных и подбитых танков.

А через некоторое время сообщали с горечью:

— Противник снова нас вынудил к отходу на участках...

Весь день, пока не стемнело, был насыщен переживаниями и волнениями командиров. Пехота противника со множеством танков не раз доходила до огневых позиций артиллерии и снова откатывалась под ее огнем, оставляя на поле боя все большее количество танков.

Да, это был страшный бой, тяжелый день. Населенные пункты Замосць, Подыховне, Воля-Пеницка, Дворска, Голонивы много раз переходили из рук в руки. Бой утих только в темноте. Наши войска не продвинулись ни на шаг, но ни на шаг и не отступили, хотя были моменты, когда немецкие танки вклинивались в наши позиции.

Одна из танковых групп вплотную подошла к вершине высоты, на которой находился командир корпуса генерал Никитин. Я слышал много хороших отзывов об этом командире, но трудно было предположить, что в таком маленьком и худеньком человеке столько отваги и энергии. Он лично воодушевлял артиллеристов орудий прямой наводки. Много тяжелых танков противника было подбито, остальные повернули и скрылись в тумане. Через полчаса я был у Николая Александровича, крепко пожал ему руку и расцеловал, а доблестных артиллеристов горячо поблагодарил.

А небо все еще скрывала серая завеса. Наши летчики тяжело переживали вынужденное бездействие. Константин Андреевич Вершинин с горечью сказал мне по телефону:

— Все летчики находятся у своих самолетов. Волнуются, что не могут вам помочь, но что поделаешь с погодой?!

В тот день противнику удалось задержать наше наступление. Но какой ценой? Пленные из мотополка дивизии «Великая Германия» показали, что их полк, наступавший с 70 тяжелыми танками, за первые три часа боя потерял не меньше трети танков и пехоты.

Другой пленный добавил:

— Дивизия «Великая Германия» после того, как понесла большие потери в Литве, была полностью доукомплектована. Был

получен приказ развернуть ее в корпус. Этому помешало ваше наступление.

Когда на третий день наступления наши разведчики взяли в плен фельдфебеля разведполка дивизии Рихарда Яме, тот сказал: «Наша дивизия не выполнила приказа накануне, ей приказано выполнить его сегодня».

С рассветом после мощной артподготовки возобновилось наступление. Двадцать раз пехота и танки бросались в контратаки и откатывались назад.

Во второй половине дня и на третий день боев выяснилось, что выполнить приказ враг уже не в силах. Погода улучшилась, в бой вступила наша авиация, и с ее помощью мы продвинулись до трех километров. Наши соседи слева прорвали две полосы обороны врага, успешно форсировали Ожиц и наступали на город Пшасныш.

Авиаразведка установила большое движение немецких войск — обозы, машины. Танки противника направлялись на запад к городу Пшасныш и от Пшасныша на Цеханув. Противник, потерпев неудачу в своих атаках и видя угрожающее продвижение наших левых соседей, начал отводить тылы.

18 января мы овладели Красносельцем, захватив полторы сотни пленных и большие трофеи.

20 января мы были уже в Хожеле. Снова 150 пленных. На грязных мундирах усталых немецких солдат, бредущих под конвоем в наш тыл, видны были нашивки пехотной дивизии, инженерной бригады, среди них находились танкисты «Великой Германии» и даже солдаты штрафного батальона.

Каждый офицер, сержант, рядовой Советской Армии считал за честь, мечтал первым пересечь границу Восточной Пруссии. Эта честь выпала солдатам, сержантам и офицерам 1172-го стрелкового Остроленковского полка под командованием подполковника Александра Степановича Серегина, которые первыми ступили на землю цитадели прусского милитаризма — Восточную Пруссию. Произошло это историческое событие днем 20 января 1945 года.

Пересекли... Легко сказать — пересекли. На границе пришлось преодолевать мощный оборонительный рубеж. Это были пограничные укрепления, построенные еще задолго до начала войны. Три траншеи полного профиля. Врезанные огневые точки — железобетон, бронеколпаки, проволочные заграждения. Для сохранения секретности этих укреплений немцы выселили

все польское население на десятки километров. Дома здесь были целы, но окон и дверей у них не было. Поля в течение пяти лет не обрабатывались. Так и стояли мертвые дома в зарослях бурьяна, покрытые снегом...

Все это я вспоминал, стоя здесь, на польской земле, и глядя туда — на землю Восточной Пруссии.

И еще я вспоминал бои под Смоленском и Москвой в тяжком 1941 году. И кровавые сражения на улицах Сталинграда и на Дону, под Клетской. И битву за Орел, отмеченную первым в столице нашей Родины городе Москве салютом. Сколько потом было салютов!

И каждый приказ, благодарящий победителей, призывал помнить героев, павших за честь и свободу нашей Родины, своего народа. Помнить.

Я вспоминаю, как наша армия шла по белорусской земле. Вспоминаю лица солдат и командиров, которых знал и которых уже нет. Многих, очень многих нет уже с нами.

Вот что значат слова «перешли границу Восточной Пруссии».

Город Яново находится на берегу реки Ожиц, река в этом месте отделяет Польшу от Восточной Пруссии. Дивизии генералов П.Т. Михалицина и Ф.А. Веревкина были уже за рекой, когда я прибыл в Яново. За два часа до темноты я был на высокой колокольне костела, видел перед собой немецкую землю и думал: «Эта земля, как кинжал, пронзив тело Польши, своим острием нацелилась в грудь прибалтийских советских республик. Сколько раз в течение 600 лет немцы угрожали смертельной опасностью нашей стране — России. Нужно ли и дальше терпеть эту географическую несправедливость? Не пора ли ее исправить и покончить с ней навсегда?»

Видел перед собой сплошные пожары, и заканчивались они ломаной линией поднимающихся к небу черных дымов.

— Ну и картина, — сказал член Военного совета генерал И.П. Коннов.

— Дымки побелее нужно считать пройденным этапом, — дополнил кто-то. — А черные обозначают рубеж, которого достигли наши войска. Далеко они уже.

Помолчали. Потом кто-то добавил после продолжительной паузы:

— Истосковались наши доблестные вояки по фашистскому логову, вот и отводят свою душу. Теперь наших не остановить никакими силами.

Сколько радости и торжества было вложено в эти слова!

20 января Военный совет армии поздравил солдат, сержантов и офицеров с вступлением на землю врага и обратился с воззванием: «Наше всеобщее давнишнее желание сбылось. Теперь нужно добраться до сердца гитлеровской Германии — Берлина — и вонзить в него наш красноармейский штык. Так ускорим же наше наступление!..»

В Восточной Пруссии мы увидели густую сеть шоссежных и железных дорог, бетонные мосты, колодцы; в сельской местности, включая хутора, — каменные дома, такие же надворные постройки, крытые черепицей или железом, с электрическим освещением, с широко развитой телефонной связью.

Я не исключал, что солдаты, сержанты, даже офицеры из числа молодых могут виденное сравнивать с нашей деревней и сделать неправильные выводы. Своими опасениями поделился с членом Военного совета И.П. Конновым и начальником политотдела армии Н.Н. Амосовым, они со мной согласились. Мы дали в соединения указания о проведении разъяснительных бесед по этому поводу, делая упор на то, что много веков тому назад Россия неоднократно подвергалась нашествию монголов с востока, терпя громадные опустошения. Она задерживала продвижение врага на запад и тем прикрывала рост благополучия западных стран. И несмотря на то, что за эти годы мы долго воевали, восстанавливали разрушенное, нам необходимо догнать западные страны и создать у себя все, что они создавали веками.

В приграничных населенных пунктах гражданское население мы почти не встречали, а если встречали, то дряхлых стариков и старух, которые хотели умереть там, где родились. Немцы приказывали уходить всем, запугивали зверствами русских, угоняли или расстреливали оставшийся скот. Кто не хотел уходить, те скрывались семьями в лесу, ожидая, пока придут наши войска. Но чем дальше мы продвигались, тем чаще встречали оставшихся, не желавших уходить.

В городе Вилленберге мы встретили ожесточенное сопротивление. Здесь, на реке Омудев, у противника был заранее подготовленный рубеж с двумя траншеями и проволокой в два кола. Город горел, но подожен он был самими немцами. Наши войска форсировали реку, обходя город с востока и запада.

22 января мы овладели вторым по величине городом в Восточной Пруссии — Алленштейном (Ольштын) соединениями

3-го гвардейского кавкорпуса и 35-го стрелкового корпуса, а 23 января овладели тремя городами: Вилленберг (Вельбарк), Ортельсбург (Шитно) и Пассенхайм, двумя первыми овладели в ночном бою. Захвачены большие трофеи и пленные.

За последние 6 суток мы продвинулись более чем на сто километров, несмотря на то что против нас оказалась дивизия «Великая Германия». Задачу, поставленную нам на 8 суток (выход на линию Клайн—Дакхайм и Мушакен), мы выполнили за 7 суток. За эти боевые действия приказом Верховного Главнокомандующего воинам армии четырежды объявлялась благодарность. В Москве гремели залпы победных салютов.

На следующий день, 24 января, продвинувшись лишь на 3—5 километров, мы оказались перед вторым укрепленным районом, созданным задолго до войны. В полосе нашей армии он проходил в северо-западном направлении от Ортельсбурга на Пассенхайм и далее на Алленштейн по перешейкам между озерами. Берега озер, как правило, высокие, покрытые сосновым лесом. В ряде мест противник разрушил плотины на озерах, и вода залила низменности и овраги.

Этот укрепленный район имел две траншеи полного профиля, с ходами сообщения, с проволочным заграждением. В траншеи были вмонтированы бетонные сооружения для пушек и пулеметов, с прочными убежищами для личного состава. Этот рубеж на фронте нашей армии обороняли: моторизованная дивизия «Великая Германия», 24-я танковая дивизия, 558, 129, 299-я пехотные дивизии и многочисленные разрозненные части.

В это время наши левые соседи — 5-я гвардейская танковая и 2-я ударная армии — продвигались более успешно, вышли к заливу севернее города Эльбинга (Эльблонга).

Учитывая создавшуюся обстановку, генерал от инфантерии Госбах отдал своим войскам приказ: с одной группой прорваться в направлении Эльбинга, а с другой — на Алленштейн. В связи с этим участок севернее Алленштейна, на котором наступал 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Н.С. Осликовского, был передан 35-му стрелковому корпусу, а гвардейцы-кавалеристы были выведены в резерв командующего фронтом.

К Эльбингу противнику прорваться не удалось. Небольшая группа вышла к городу Либштадту, но была уничтожена в том же районе. И, как следствие наших победных ударов, все больше становилось пленных. Дороги, ведущие на север, к морю, были буквально забиты машинами, повозками с военным и граждан-

ским имуществом. Они походили на реки, в живом потоке которых валунами перекатывались танки.

Генерал Госбах отдал еще один строгий приказ: задержать русских, пока все скопившееся на дорогах не отойдет за залив. Он хотел спасти боевые части, провести их к Данцигу.

Обреченные гитлеровцы дрались упорно. Упорной обороне во многом способствовала хуторская система населенных пунктов. Каменные и кирпичные дома с надворными постройками, стоящие, по обыкновению, на возвышенных местах, становились опорными пунктами, весьма удобными для обороны.

В этих боях и наши войска несли потери. Сил у нас было немного, но моральное состояние воинов высокое. Все рвались в бой, чтобы поскорее разгромить остатки фашистских войск и выйти к Балтике.

Перед нами был город Гутштадт. Чтобы сохранить людей, мы решили овладеть им ночью. Артиллеристы уточняли расположение целей. На передовой раздавались автоматные диски, гранаты.

В 23 часа после короткой артподготовки первыми ворвались в город штурмовая группа капитана Олейника и части смелого и решительного генерала П.Т. Михалицина, а к 3 часам ночи над городом взвился победный красный флаг. Было много трофеев и пленные, пленные, пленные...

В кармане убитого обер-лейтенанта было обнаружено письмо, обыкновенное письмо, заклеенное в стандартный воинский конверт, украшенный свастикой. Жительница города отправила его министру пропаганды Геббельсу. Привожу его полностью.

В начале письма было четко выведено:

«Господину имперскому министру пропаганды доктору Геббельсу, Берлин»:

«Надеюсь, что эти немногие строки дойдут до вас. Мы переживаем здесь, в маленьком городе Гутштадте, нечто ужасное. Хаос, хуже которого нельзя себе представить. Необходима немедленная помощь. Я молю нашего фюрера о немедленной помощи!

Солдаты, проходящие здесь без командиров, грабят, одевают гражданское платье, а свои мундиры швыряют на улицу. Все документы, кобуры и каски, все, что может напомнить о солдате, — все брошено и валяется вокруг домов. Все выглядит так, будто русские уже полностью свершили свое дело. Все улицы заполнены амуницией, конскими трупами, съестными припасами, кото-

рых наворовали столько, что их не смогли унести, — все это загромождает мостовые. Местный руководитель национал-социалистической партии, он же бургомистр, сбежал, бросив гражданское население на произвол судьбы.

Потерявшая страх перед старшими начальниками военщина разбегается. Но солдаты, преданные фюреру, возмущены этим образом действий. Особенно возмутительно, что офицеры будто говорили солдатам: «Думайте сами, как вам уйти от русских».

К сожалению, я не могу больше писать. Я хочу, чтобы эти строки дошли до вас. Хорошие солдаты оказывают мне услугу: берут это письмо, и, если им удастся, они отправят его в ваш адрес.

Я верю вам. Я хочу упомянуть, что я старый член партии. Ранее я жила в Кенигсберге, пострадала от бомбежки 30 августа 1944 года. Гауляйтер Эрих Кох меня хорошо знает.

Ваш верный товарищ по партии

Хилли Борнинская».

Письмо у нас не задержалось. Мы передали его Илье Эренбургу, который был в то время в нашей армии. Илья Григорьевич письмо Хилли Борнинской передал в «Красную звезду», которая в воскресном номере 11 февраля 1945 года опубликовала его со своими комментариями, озаглавив: «Спасайся, кто может! (недостающее письмо Геббельсу)».

Комментарии к письму Х. Борнинской привожу с сокращениями.

«2 февраля наступающие в Восточной Пруссии войска 2-го Белорусского фронта заняли город Гутштадт близ Алленштейна. В руки одной из частей попал любопытный документ — письмо гитлеровской активистки фрау Хилли Борнинской на имя Геббельса, написанное накануне наступления наших войск на город. Мы воспроизводим в переводе текст этого письма...

Фрау Борнинская — не последний винтик в восточно-прусской администрации. Сам гауляйтер Эрих Кох разрешил ей эвакуироваться, но при этом возложил на нее ответственное задание — следить за морально-политическим состоянием населения Гутштадта, где она поселилась. Однако внезапно нахлынувшие военные события разъединили фашистского сатрапа и его верную осведомительницу. В отчаянии она решила обратиться в Берлин...

Фрау Борнинскую трудно заподозрить в стремлении сгущать краски. Но и она свидетельствует, что даже в последний час би-

тые «сверхчеловеки» остаются верными себе: они грабят, наси- луют, теперь уже своих соотечественников, — и всеми способа- ми пытаются спасти свои жизни, чтобы уйти от возмездия...

Наши солдаты на фронте помешали «одному из верных сол- дат фюрера» выполнить доверительное поручение фрау Борнин- ской. Это не деликатно с их стороны, но вполне поправимо. Мы отнюдь не хотим лишать Геббельса возможности ознакомиться с содержанием адресованного ему письма, не доставленного, как говорится, по независящим обстоятельствам. Что поделать, ког- да почта из Гутштадта в Берлин попадает теперь через Москву!..»

Падение Гутштадта заставило противника принять реши- тельные меры для спасения хотя бы части своих войск, так как передовые подразделения нашей армии находились уже в полу- сотне километров от побережья Балтийского моря. У немцев оста- вался узкий пояс суши, и вдалеке, за заливом Фришес-Хафф, виднелась коса шириной 3—4 километра, длиной 80 километ- ров, частью поросшая лесом. Оттуда можно было пройти к Дан- цигу, который пока еще был немецким тылом, хотя и близ- ким. Добраться по льду на косу стало для противника вопросом жизни.

Генерал Госбах получал все новые и новые приказы, один другого строже. Будто бы он мог сейчас что-нибудь сделать!

Разъяренный поражениями фюрер сместил командующего 4-й армией генерала от инфантерии Госбаха и ряд старших офи- церов, обвинив их в намеренной уступке русским Восточной Пруссии. На место Госбаха был назначен генерал от инфанте- рии Мюллер. Был доведен до всех солдат и офицеров приказ Гитлера, гласящий, что «каждый дезертир является предателем родины, он будет расстрелян, а семья его подлежит разорению и репрессиям; всякий, кто, не имея ранения, попадет в плен к русским, приговаривается к смертной казни, а семья его идет на каторгу или в концентрационный лагерь». Генерал Мюллер из- дал, в свою очередь, дополнительные строжайшие приказы. Были созданы специальные команды для задержания всех отбивших- ся от подразделений солдат; немцы расформировали тыловые подразделения и части, а за их счет пополнили действующие дивизии. Выпущены были листовки-воззвания, где, наряду с угрозами, гитлеровское командование уверяло свои войска, что «планы большевиков сорваны», что «в германском тылу созда- ны мощные военные силы» и прочее.

Именем Мюллера расстреливались десятки и сотни немцев, которых находили в колоннах отступавших. Солдаты и офицеры, переодевшиеся в гражданское платье, поспешно надевали военные мундиры.

К страху разгрома, наступающего возмездия прибавился страх казни за дезертирство, за брошенное оружие. Русские были близко. Но карательные команды еще ближе. Они могли появиться в любое время, сейчас... А семья? Что будет с ней?

Мюллер знал, что делал. Все новые и новые карательные команды перекрывали дороги, по которым двигались нескончаемые потоки беженцев. Рыскали по хуторам, лесам.

Листовки усеяли дороги. В одной из них сказано:

«С полудня 3 февраля 1945 года солдаты всех родов оружия, которые будут встречены вне своей части на дорогах, в населенных пунктах, в обозах или с гражданским населением, на перевязочных пунктах, не будучи ранеными, и будут заявлять, что они разбиты и ищут свою часть, — будут расстреливаться на месте...

Часто можно видеть так называемых «разбитых», которые сбежали с поля боя даже без оружия. Такие являются двойными преступниками и будут наказываться еще строже...

Мы есть и останемся неодолимыми».

«Страх окружения? — говорилось в другой листовке. — Только слабовольные могут страдать этим. Подавляй в себе всякое понятие о страхе, так как это парализующе действует на тебя».

Страх, однако, не уменьшался. Страх нарастал. Росло число перебежчиков. Подняв руки и размахивая нацепленными на палки белыми тряпками, переходили на сторону наших позиций целые группы немецких солдат. Иногда во главе таких групп были офицеры.

«Наши силы не сломлены, — истошно вопили вражеские листовки. — Мы настолько сильны, что сможем сорвать осуществление замыслов большевиков...»

Карательные команды Мюллера поворачивали бегущих солдат лицом к фронту.

«Прежде всего мы должны владеть своими нервами, спокойно и наверняка целиться.

Каждый выстрел — большевик.

Если каждый из нас убьет одного большевика — битва будет выиграна».

Мюллеру было, вероятно, известно истинное соотношение сил на фронте наступления нашей армии. Он, надо полагать,

знал, сколько у нас танков и солдат. И он старался всеми силами исправить положение, дать возможность немецким войскам отойти по льду Фришес-Хаффа через косу к Данцигу.

В результате этих мер сопротивление противника возросло. Мы это почувствовали в ближайшие дни, выйдя к городу Вормдитт, на внешнем обводе кенигсбергского оборонительного рубежа.

Кенигсбергский укрепленный район был построен в 1930—1934 годах, он был самым мощным из тех, которые мы видели до сих пор.

Этот район имел разветвленную сеть инженерных сооружений, более 900 железобетонных огневых точек. Кроме железобетонных дотов и бронеколпаков, соединенных сетью траншей и ходов сообщений, там были блиндажи с тяжелыми перекрытиями: в них можно было пересидеть самый сильный артиллерийский огонь. Проволочные заграждения в несколько рядов усиливались спиралью Бруно, которая при разрыве сворачивается, заполняя брешь. Перед проволокой стояли надолбы, ежи, вырыты были противотанковые рвы. В ряде мест были установлены плотные минные заграждения.

Двери у дотов и убежищ были стальные, толщиной в 50 миллиметров, стены и потолок сделаны из железобетона, толщиной в полтора метра; все доты опоясывала проволока, через которую пропускался электроток. Сидя за такими сооружениями, гитлеровцы были намерены прикрыть войска, отходящие из Восточной Пруссии. Оценивая обстановку, мы считали, что по пехоте у нас с противником силы равные, по количеству артиллерийских и минометных стволов мы его значительно превосходим (но снарядов и мин у нас было маловато), а по танкам и самоходкам резко ему уступаем. Главное наше превосходство заключалось в том, что у нас в войсках было прекрасное моральное состояние, а у противника — катастрофически «отступательное».

Мы решили: из корпусов, наступающих в линию, 41-й вывести во второй эшелон, чтобы у нас было чем развивать успех после прорыва корпусов первого эшелона, не проявлять активности каждый день, лучше изготавливаться и накапливать боеприпасы, прорыв осуществить на узком фронте.

Через три дня, на рассвете 3 февраля, по ложине, заросшей кустарником, который скрывал их от противника, наши цепи подошли к его обороне и после 10-минутного артиллерийского налета внезапно атаковали ее правым флангом. То ли от силы

удара, то ли от его внезапности противник на какое-то время растерялся, и наши войска сумели это использовать — они преодолели противотанковый ров и заграждения и основными силами устремились к лесу, чтобы захватить его. Остальные с орудиями сопровождения блокировали и уничтожали доты на переднем крае. Вслед за наступающими цепями с помощью саперов преодолели ров и мины те немногие танки и самоходки, которые были у нас; у леса они присоединились к основным силам. Вскоре в сосновом бору, который раскинулся на площади в 60 километров, разгорелся ожесточенный бой. Нам, внимательно наблюдавшим с вышки, было видно, как наши войска втянулись в лес. Прошел час непрерывного боя; что делается в лесу — мы не знали. Из донесений мы узнавали о десятке ликвидированных бетонированных огневых точек на переднем крае. Через час второй эшелон устремился через передний край к лесу и тоже скрылся в нем.

Лишь к утру мы овладели всем лесом и, вклинившись в оборону противника (7 километров по фронту и 5 километров в глубину), вышли к реке Древенц, где встретились с новым оборонительным рубежом.

Наша ставка на высокое моральное состояние войск полностью себя оправдала. Части и отдельные группы, проявляя разумную инициативу и отвагу, творили просто чудеса.

Полк подполковника М.Г. Хомуло был вынужден сильной контратакой залечь в лесу, но своим огнем остановил продвижение противника, который тоже залег в 50—100 метрах. В этой обстановке молодой офицер, коммунист Алексей Степанович Маякин, за мужество и отвагу ранее награжденный орденами Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды и двумя орденами Отечественной войны I степени, получил приказание командира полка обойти фланг противника и ударить по нему с тыла. Взяв с собой 12 человек, А. Маякин пробрался в тыл, открыл из автоматов огонь и с криком «Ура!» бросился на врага. Командир полка, услышав выстрелы и крики в тылу противника, поднял свои подразделения в атаку. Противник стал отходить, оставил в лесу семь десятков убитых, а полк вышел к реке Древенц. Там дальнейшему продвижению этого полка мешал фланговый огонь. Тогда тот же старший лейтенант Алексей Маякин вызвался выйти в тыл и к этой группе противника. Совершив менее чем за сутки вторую удачную вылазку, он обеспечил полку продвижение и сохранил этим жизнь многим советским воинам.

Из своего отряда он не потерял убитым ни одного; всего три солдата у него были ранены, да и то легко. Старшему лейтенанту Маякину было присвоено звание Героя Советского Союза, а все его подчиненные получили ордена и медали.

Во второй день части дерзкого генерала Петра Сергеевича Телкова и расчетливого полковника Махмуда Абдул-Рза Абилова первыми форсировали реку Древенц и вклинились в следующий рубеж обороны. Наступая на север, мы одновременно расширяли прорыв в западном направлении: части 169-й и 129-й стрелковых дивизий Федора Андреевича Веревкина и полковника Андрея Антоновича Украинского через заболоченную низину подошли вплотную к восточным и северо-восточным окраинам города Вормдитт, отбив более 30 контратак противника; большая их часть, и самых решительных, пришлось на второй день. Битва за Вормдитт была еще в полном разгаре. Наши солдаты заметили пожилую немку, пришедшую из соседнего селения. Ее повели к командиру. По дороге в штаб она все старалась что-то рассказать. Выяснилось, что невдалеке, в трех километрах, на хуторе скрываются восемь вооруженных фашистов.

Выделили небольшую группу. Решили, что часть ее расположится на опушке леса, в полукилометре от хутора, а остальные пойдут прямо на хутор. Фашисты, надо полагать, не примут боя, начнут отходить к лесу. Тут-то их встретят бойцы, которые займут лесную опушку.

Семь человек во главе с сержантом Хабибулиным отделились от всей группы и быстро направились к лесу. Остальные пошли лощиной. В километре от хутора, когда показались верхушки росших возле него деревьев, немка указала бойцам дорогу, а сама осталась.

Рассыпались цепочкой и пошли к хутору. Но немецкие солдаты не приняли боя. Они сдались в плен.

— Спасибо, спасибо, мать! — говорили немке наши бойцы.

Женщина улыбалась в ответ и понимающе кивала...

Ветры, дующие с севера, приносили запах моря, запах победы.

Генерал Мюллер бросал в контратаки одну дивизию за другой. Это была вспышка злобы и отчаяния. Немцы гибли тысячами, но контратаки все учащались. Мюллер посылал всех, кто был под рукой: молодых и старых, эсэсовцев и штрафников.

Нужно отдать должное Мюллеру: он действовал умело. Перед нашим правым флангом, глубже вклинившимся в оборону противника, появились части резервной пехотной дивизии; мо-

торизованная дивизия противника перед нашими частями, наступающими в центре, была усилена боевой группой «Шредер»; а перед наступающими на Вормдитт частями генерала Веревкина вновь появилась дивизия «Великая Германия», которая приводила себя в порядок, находясь во втором эшелоне.

Мы хорошо изучили своего врага и знали, что контратаки — его излюбленный метод воздействия на наши наступающие войска. Применяет он их обычно или для того, чтобы восстановить утраченное положение, или для того, чтобы остановить наши продвигающиеся части. В первом случае немцы решительно идут на сближение с нашими боевыми порядками, во втором же обычно лишь демонстрируют сближение, чтобы заставить наши части отказаться от продвижения и перейти к обороне. Когда 7 февраля на рассвете, после довольно сильной артиллерийской подготовки, немцы бросились в контратаку, мы поняли, что это отчаянная попытка любой ценой восстановить свое положение в укрепленном районе.

Генерал Мюллер поставил на карту все, что имел. А имел он еще много. Мы превосходили его, как прежде, количеством артиллерийских стволов, но использовать преимущество нашей артиллерии в день немецкого контрудара не могли, так как подвезенные артснаряды были израсходованы в наступательных операциях предыдущих двух дней.

7 февраля мы только отражали контрудары и нигде не продвинулись вперед. Не имея достаточно снарядов и мин, я был вынужден дать указание командирам соединений: заняв «для обороны выгодные позиции, уничтожать живую силу стрелковым оружием, а артиллерию и минометы использовать только наверняка, на близких расстояниях».

Противник контратаковал непрерывно два дня, нес значительные потери, но нигде не имел успеха; мы, тоже неся потери, не отступили нигде ни на шаг. После непрерывных боев настала некоторая пауза, которой мы воспользовались, чтобы подвезти боеприпасы, «подчистить» еще раз тылы и пополнить за их счет малочисленные роты.

В это время 2-й Белорусский фронт наступал уже строго на запад, и наша армия как правофланговая была передана 3-му Белорусскому фронту, которым командовал генерал армии И.Д. Черняховский. От соседа слева нам были переданы части 152-го укрепленного района. Полоса армии увеличилась по прямой на треть, а с учетом изгибов фронта — вдвое.

Обстановка была сложной: до моря оставалось 50 километров. Окруженный с трех сторон и прижатый к заливу противник яростно сопротивлялся. Транспорт успевал подвезти не более 0,10—0,15 боекомплекта снарядов и мин в сутки.

Командиры частей и соединений не все и не всегда понимали, почему от них требуют активных действий. Одни думали, а другие и высказывали такое мнение: с дивизией такой численности и таким количеством боеприпасов не только наступать, но и обороняться трудно. Учитывая обстановку и подобные настроения, я был вынужден дать специальные письменные указания и разъяснения; копия их была послана в штаб 3-го Белорусского фронта.

За несколько дней передышки мы успели произвести перегруппировку и в какой-то степени пополнили роты, накопили боеприпасы.

Расстояние, оставшееся до моря, преодолеть как можно быстрее — этого требовал общий план ведения операции на этом этапе; но дальнейшего предназначения нашей армии никто не мог знать. Мы не исключали, что по окончании этой операции нас пошлют в глубь Центральной Германии. Но рассчитывали получить какое-то время, укомплектовать части и привести их в порядок. Поэтому перед нами встал вопрос: а где же разместится в этом случае штаб армии? Города, оставшиеся позади, все сильно разбиты. Решили: город Вормдитт, который еще предстояло взять, не бомбить, не обстреливать артиллерией. Город был полуокружен, обложен с востока, юга и юго-запада; решили обойти его и с севера. Продумали, как охранить город от случайных пожаров. У нас было два учебных батальона, готовивших сержантов из бывалых солдат. Всем курсантам надели красные нарукавные повязки. Войдя в город, эти два батальона должны были составить его гарнизон, следить за порядком и не допускать пожаров.

Удар наносился на северо-запад, на шоссе Вормдитт—Мельзак. Мы начали днем 14 февраля (ровно через месяц после начала нашего наступления к Балтике) и за два часа продвинулись на 2—4 километра, и к вечеру шоссе и железная дорога были перерезаны, а через сутки Вормдитт — крупный узел шоссейных и железных дорог — был полностью очищен от врага. Его потеря была для немецких войск на этом участке невозможной. Им так не хотелось его отдавать, но наш обходной маневр вынудил их оставить город, и они его оставили, и не просто оставили — они оставили его целехоньким: не было разрушено ни одного дома.

Немецкие генералы уже в который раз клялись сдержать большевистский натиск; во всех подразделениях зачитывались строжайшие приказы. Но начинался бой, и немцы снова отступали. Отчаяние и страх — плохая моральная основа для стойкости.

На второй день после того, как наша армия вошла в подчинение 3-му Белорусскому фронту, к нам во Фраймарк прибыл дважды Герой Советского Союза генерал армии Иван Данилович Черняховский. Его я видел впервые. Он был молод, энергичен и уверен в себе и своих силах. Как только познакомились, он выразил удовлетворение практическими указаниями командирам соединений. Помню его слова: «Это хорошо, очень правильно». Вторично он выразил удовлетворение, выслушав мою оценку обстановки и доклад о наших намерениях. Спросил, сколько мне лет, чем командовал до войны.

— Пятьдесят четыре года, девять лет командовал дивизией, пять с половиной лет — бригадой и семь лет — полком.

— Это тоже хорошо.

Потом спросил фамилию командира дивизии, которого он встретил на шоссе. Я затруднялся ответить, не зная, о ком идет речь. Он уточнил:

— Да такой старичок.

Я ответил, что у нас стариков среди командиров дивизий нет. Он дополнил:

— Да ему будет, наверное, лет сорок пять...

— Если бы он в свои сорок пять лет играл в куклы, — сказал я, — тогда староват, а командовать дивизией он еще не стар. — И добавил: — В 1914 году, когда немцы обходили Париж с севера, правофланговыми армиями командовали Бюлов и Клук, одному было шестьдесят семь, другому шестьдесят девять лет, командовали они хорошо, их стариками не считали.

После этого разговора генерал армии И.Д. Черняховский стал более официальным в обращении со мной. На работе это не отразилось — командующий фронтом, внимательно следя за нашими планами и действиями, никогда не мешал проявлению самостоятельности и инициативы.

Для овладения городом Мельзак (Пененжно) у нас было два варианта: первый — обход с востока и северо-востока и второй, предложенный генералом Никитиным, — ночной бой (так мы взяли уже три города). В пользу первого варианта было то, что мы

получили бы в свое распоряжение еще один неразрушенный город. Но обстановка здесь была иной, чем перед Вормдиттом, — наш левый фланг не только не охватывал его с юго-запада, но сильно отставал от правого фланга, а перед правым были две реки.

Оба варианта были доложены генералу Черняховскому.

— Какой вариант вам больше нравится? — спросил меня командующий.

— Думаю использовать оба, но отдельно, — ответил я. — Днем 16-го наступать правофланговым 41-м корпусом, и его наступление обеспечить мощной артподдержкой, чтобы привлечь к правому флангу все резервы противника. А в полночь на 17-е атаковать город 35-м корпусом.

— Считаю это правильным, — услышал я в ответ.

Осуществляя наш план, 41-й стрелковый корпус к 14 часам 16 февраля форсировал реку Вальш, но был остановлен на реке Варнау. Однако основные резервы противника уже были прикованы к нашему правому флангу, и я дал указание комкору Никитину быть готовым к ночному наступлению на город. Тогда же отдали приказ артиллерии, чтобы она повернула свои стволы на город и обеспечивала ночное наступление дивизий 35-го корпуса.

В двух километрах южнее города Мельзак находился кирпичный завод, превращенный противником в опорный пункт: его оборонял, по-видимому, сильный гарнизон. Этот опорный пункт сильно мешал нам овладеть городом, и мы решили попытаться захватить его до общего наступления. Капитан Василий Герасимович Зубков, который был известен в армии, в том числе и мне, как исключительно смелый и предусмотрительный офицер, добровольно вызвался выполнить эту задачу с ротой автоматчиков.

Как только стемнело и наступила тишина, автоматчики по ложине проникли к кирпичному заводу. Гарнизон кирпичного завода, численностью около 200 человек, ужинал. Рота решительно атаковала кирпичный завод с тыла. Среди немцев в момент атаки не оказалось офицеров — их вызвали зачем-то в город, а солдаты поста не сопротивлялись. В результате 28 автоматчиков капитана В. Зубкова захватили этот мощный опорный пункт, потеряв 5 человек ранеными, но захватили 62 пленных, 12 пулеметов, 105 винтовок и автоматов, 3 радиостанции. Противник оставил на заводе 68 трупов (больше всего в столовой).

В час ночи тишину нарушил залп «катюш», а потом прогрехотали почти одновременно разрывы 300 снарядов, выпущен-

ных по переднему краю обороны и по городу. Наши войска с незначительными потерями овладели обороной противника и ворвались в город. К 3 часам утра Мельзак был полностью захвачен нашими войсками.

В этом бою особенно отличились части 290-й стрелковой дивизии гвардии полковника Н.А. Вязниковцева и 348-й стрелковой дивизии гвардии полковника М.А. Грекова.

Успех был использован 41-м стрелковым корпусом: он форсировал левым флангом реку Вальш, а правым — реку Варнау. 40-й стрелковый корпус продвинулся вперед на два километра и вышел к реке Вальш, а 169-я дивизия Ф.А. Веревкина даже ее форсировала.

Захват городов Вормдитт, Мельзак (Пененжно) и других был отмечен благодарственным приказом и салютом в Москве.

Как ни много было неотложных дел, мне захотелось побывать в роте автоматчиков капитана Зубкова, чтобы поздравить их с выдающейся победой. Крепко обняв и расцеловав капитана, я растроганно сказал: «В лице вашего достойного командира целую и обнимаю вас всех». Но мне хотелось еще расспросить участников боя, как им удалось победить противника, в семь раз превосходящего численностью, захватить столько оружия и овладеть сильно укрепленным пунктом.

Солдаты, сержанты, перебивая один другого, спешили ответить на мой вопрос. Пришлось записать их фамилии и давать слово по очереди. Нужно было видеть их настроение! С каким оживлением они рассказывали подробности недавнего события.

Они еще днем высмотрели, где находится немецкий пост, наметили путь для его обхода. Чтобы не обнаружить себя, ползли 300 метров, а то и больше. А когда оказались в тылу поста, выделили сержанта и трех солдат для снятия часового без шума и стрельбы. Они это сделали.

— Несколько дней мы изучали расположение кирпичного завода, пути подхода к нему, — сказал капитан Зубков, — определили и план действий при ударе по нему с тыла. Но по правде сказать, когда мы давали слово командиру дивизии, что захватим завод, мы не думали, что на заводе у противника такая сила.

Один из солдат несколько раз нетерпеливо вставал и поднимал руку. Получив слово, сказал:

— Когда мы с тыла подходили к большому, длинному зданию, я впереди был один. Слышу в помещении шум и смех. Нетрудно было определить, что немцев там намного больше, чем нас.

Мне уже становилось страшно, но в это время тихо подошла рота. Ну, подумал я, видно, до атаки дело не дойдет, пойдем обратно. Но когда передние остановились, а задние подтянулись, подошел командир роты. Он тоже прислушался к смеху, шуму и стуку посуды и тихо сказал: «Там ужинают. Хорошо, что они все в помещении, трое останетесь снаружи и никого не подпускайте, если нужно будет — стреляйте. Остальные все за мной — в помещение. Как войдем, быстро становитесь правее и левее меня, не мешайте один другому в стрельбе. Огонь открывать только по моей команде».

Когда мы вошли, там было много немцев, они сидели за столами и ужинали. Охраны никакой — видно, надеялись на тот пост, что мы сняли. Помещение большое, а свет хотя электрический, но совсем слабый, тут же по команде нашего капитана мы открыли огонь. Большинство попадали под столы, а часть побежала к другому выходу, в другом конце столовой. Капитан оставил лейтенанта с пятью солдатами в помещении, а сам с остальными выбежал в дверь, в какую мы вошли, чтобы ловить убежавших.

Лейтенант, оставленный в помещении, приказал немцам вылезать из-под столов и собираться в угол, но никто не поднимался. Среди них оказались убитые и раненые, а другие боялись подняться. Тех, кто мог ходить, собрали в один угол.

Капитан Зубков, выбежав из столовой с группой автоматчиков, задался целью не допустить, чтобы убежавшие взяли оружие и оказали сопротивление. Они бежали в сторону города и были уже далеко. Мы же заскочили в другое помещение, где было два немца с поднятыми руками, много оружия, аккуратно поставленного вдоль стены. Захватив весь завод, мы донесли об этом по радио и организовали оборону. Контратаку мы отражали сильным огнем из немецких автоматов, свои патроны уже почти все были израсходованы. Мы боялись, что при повторении контратак такой удачи у нас уже не будет, но тут пришла поддержка.

За этот бой, проведенный с таким блестящим успехом, капитан Зубков был награжден орденом Суворова III степени. Высоких боевых наград были удостоены все 28 воинов, которые под стать своему командиру сражались не только героически, но и с высоким воинским мастерством. Я помню, что В.Г. Зубков отличился в Берлинской операции. Мне лично довелось вручать отважному офицеру второй орден Красного Знамени. К со-

жалению, послевоенная судьба Василия Герасимовича мне неизвестна...

Противник, выбитый из Мельзака, отошел на запасные позиции в двух километрах севернее и западнее города.

Утром 17 февраля генерал армии И.Д. Черняховский вызвал меня к телефону, поздравил с успехом, ознакомился с обстановкой и спросил, не отстают ли командиры дивизий и корпусов от боевых порядков и где находится штаб армии. Ответив на его вопросы, я добавил:

— Только что вернулся от Урбановича, он находится от противника в полутора километрах. Из-за систематического арт-обстрела я с трудом выбрался от него. Остальные командиры корпусов в таком же положении.

— Через два часа я буду у вас, — сказал Черняховский.

Учитывая, что он поедет с востока по шоссе, я предупредил его, что шоссе здесь просматривается противником, обстреливается артогнем, но командующий не стал слушать.

Имея в своем распоряжении два часа, я решил съездить к командиру 35-го корпуса Никитину — его НП находился в одном километре севернее города и на таком же расстоянии от противника. Подходы просматривались и обстреливались, поэтому я был вынужден оставить свою машину на северной окраине города и пойти пешком между железной и шоссейной дорогами.

В 290-й дивизии и 35-м корпусе наблюдательный пункт был совместный. Моему появлению командиры нисколько не удивились — такие посещения были делом обычным. Они доложили обстановку и свои намерения. После этого я отправился тем же путем обратно.

Проехав город, я, чтобы не опоздать, поспешил к развилке шоссе, в 700 метрах восточнее городской окраины. Не доехав туда 150 метров, я увидел подъезжавший «виллис» и услышал один выстрел со стороны противника. Как только «виллис» командующего очутился на развилке, раздался единственный разрыв снаряда. Но он был роковым.

Еще не рассеялись дым и пыль после разрыва, как я уже был около остановившейся машины. В ней сидело пять человек: командующий фронтом, его адъютант, шофер и два солдата. Генерал сидел рядом с шофером, он склонился к стеклу и несколько раз повторил: «Ранен смертельно, умираю».

Я знал, что в трех километрах находится медсанбат 129-й стрелковой дивизии. Опытные и знающие врачи медсанбата дивизи-

зии С.А. Апетов, Б.П. Бочков, Д.А. Кулаков, старшая медсестра Л.В. Ушакова делали все возможное, чтобы спасти жизнь командующего фронтом, дважды Героя Советского Союза генерала армии И.Д. Черняховского. Медсестра Елена Хвощевская предложила свою кровь. Он был еще жив и, когда приходил в себя, повторял: «Умираю, умираю». Рана осколком в грудь была действительно смертельной. Вскоре он скончался. Никто из четырех сопровождавших не был ранен, и машина осталась неповрежденной.

Из штаба 41-го корпуса я донес о случившейся беде в штаб фронта и в Москву. В тот же день к нам прибыл член Военного совета фронта генерал-лейтенант В.Е. Макаров, а на другой день приехали представители следственных властей. Потом тело генерала армии И.Д. Черняховского увезли.

О гибели командующего фронтом были немедленно извещены войска. Мы призывали беспощадно мстить врагу за нашу невозполнимую утрату. Это была действительно тяжкая утрата для Красной Армии — Черняховский был молод, талантлив и мог еще много дать нашим Вооруженным Силам¹.

23 июня 1941 года полковник И.Д. Черняховский на литовской земле, близ Шяуляя, командуя 28-й танковой дивизией, вступил в свой первый бой с танками и пехотой немецко-фашистских войск. Танкисты сражались героически, отражая удары противника, превосходившего по силе в три-четыре раза, и переходя в контратаки, уничтожали пехоту, жгли танки с крестами на бортах.

Во всеокрушающем наступательном порыве войска 3-го Белорусского фронта, ведомые генералом армии И.Д. Черняховским, летом 1944 года освобождали города и села Литвы.

...Приспущены боевые знамена полков и дивизий, которые вел в бой генерал армии, коммунист с 1928 года, И.Д. Черняховский. На алых шелковых подушечках боевые награды полководца: две Золотые Звезды Героя Советского Союза, орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й сте-

¹ На другой день в опубликованном правительственном сообщении говорилось: «...18 февраля скончался от тяжелого ранения, полученного на поле боя в Восточной Пруссии, командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский Иван Данилович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии. В лице товарища Черняховского государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны».

пени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, многочисленные боевые медали.

20 февраля 1945 года на 39-м году жизни Иван Данилович Черняховский под залпы прощального артиллерийского салюта в городе Вильнюсе на площади Ожешкене был предан земле. В день похорон радио сообщило:

«Приказ Верховного Главнокомандующего:

Сегодня, 20 февраля, в 17 часов в столице Советской Литвы в городе Вильнюсе (Вильно) состоятся похороны генерала армии Черняховского И.Д., командовавшего войсками 3-го Белорусского фронта. Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена и отдают честь одному из лучших полководцев Красной Армии.

Приказываю:

В час погребения генерала армии Черняховского отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют в двадцать четыре артиллерийских залпа из ста двадцати орудий.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. Сталин

20 февраля 1945 года».

Советский народ свято чтит память замечательного полководца. Ему воздвигнуты памятники в городах Вильнюсе и Виннице, город Инстербург переименован в Черняховск, колхоз в деревне Вербово Томашпольского района Винницкой области, где прошло детство полководца, назван его именем. На литовской земле взошла боевая слава героического защитника Родины И.Д. Черняховского. В Акмянском районе Литовской ССР в его честь назван колхоз. На его родине, селе Оксанино Уманского района Черкасской области УССР, воздвигнут бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза Ивана Даниловича Черняховского.

После гибели генерала Черняховского объединенное командование 3-м Белорусским и 1-м Прибалтийским фронтами было возложено на начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А.М. Василевского, который часто находился в

войсках этого направления. В Москве Василевский бывал только тогда, когда готовились большие операции, остальное время проводил в войсках, помогая командующим.

Александра Михайловича Василевского я видел в Сталинграде в 1942 году. Он произвел на меня впечатление одного из самых выдающихся среди руководящих генералов и в то же время человека исключительной скромности и обаяния. Ожидая встречи с ним, я думал: изменился ли он? Сразу же после своего назначения он прибыл в нашу армию, поздоровался со всеми присутствующими на КП и, обращаясь к ним, сказал:

— Вашего командующего я знаю по Сталинграду. Его встретил темной ночью в степи, он шел пешком, я подвез его на машине.

Когда в комнате остались член Военного совета И.П. Коннов, начальник штаба М.В. Ивашечкин и я, он предложил мне доложить обстановку, численность дивизий, обеспеченность питанием, боеприпасами и коротко сказать о командирах корпусов.

Я ответил, что упорство противника возрастает из-за нелетной погоды, сведения наши о нем очень ограничены — единственным источником являются пленные, которые после перемешивания частей в ходе отступления сами не много знают. Дивизии наши, мягко говоря, далеко не полны: они насчитывают в среднем по 3300 человек, но из них не более 500 человек боевого состава. Настроение — боевое, наступательное. Подвоз боеприпасов затруднен из-за удаленности фронтовых складов, а одним трофейным оружием удовлетворить потребности нельзя. Командиры корпусов — боевые, опытные и инициативные генералы, вполне соответствующие своему назначению, то же могу сказать и о командирах дивизий.

Маршал поблагодарил за доклад, задал несколько вопросов относительно деталей. Убывая в соседнюю армию, сказал:

— Вам будет передан 124-й стрелковый корпус со своей полосой от левого соседа.

В обращении с людьми он остался тем же Василевским, каким я его знал.

Наступление наше было исключительно медленным: упорство противника возрастало по мере того, как он терял надежду на победу или хотя бы на такой мир, который позволил бы сохранить фашизм и германский милитаризм. Но некоторые солдаты дезертировали или сдавались при первой возможности; эти сознавали себя лишь невольными участниками войны. На

фронте оставалось все больше таких, которые чувствовали себя военными преступниками и боялись расплаты. Нужно учесть, что фронт все сжимался и противник мог уплотнять оборону своих понесших потери частей. Погода по-прежнему была нелетная, и мы не могли использовать наблюдение с воздуха. А местность была плоская, покрытая перелесками, населенными пунктами и хуторами, — почти ничего нельзя было увидеть в глубине обороны противника, хотя мы, продвинувшись на очередные три километра, строили высокие наблюдательные вышки: с них было видно немного еще и потому, что мешали туманы. На эти вышки, удаленные на один-полтора километра от противника, часто поднимался Василевский, надеясь хоть что-нибудь рассмотреть. Он не раз присутствовал на наших предварительных проигрываниях наступления. Чтобы не ослабло в той обстановке моральное состояние войск, мы проводили непрерывно агитационно-пропагандистскую работу, в которой участвовали все командиры.

Из лесов к нам выходили поодиночке и группами советские женщины, угнанные на работы из Ленинградской, Псковской, Новгородской, Минской, Смоленской, Гомельской областей, с Украины. Я не могу описать их радости при встрече со своими войсками, не могу описать и перенесенного ими горя в неволе. И ведь им предстояло возвратиться в местности, дочиста сожженные и ограбленные немцами...

Об этом нельзя было не думать. Хорошо запомнив уроки бережливости, полученные от командира Черниговского гусарского полка в 1914 году, я издал приказ о сборе и сохранении брошенного немцами скота и имущества. (Позднее был получен такой же приказ и из штаба фронта.) К 1 марта нами было уже собрано свыше 29 240 голов крупного рогатого скота (недоенных коров, мычавших от боли, — их доили солдаты и освобожденные нами советские женщины), 890 свиней, 6000 овец, 3100 тонн зерна и другое имущество.

После некоторой передышки, санкционированной командующим фронтом, мы перегруппировали войска и сосредоточились на 5-километровом фронте. На этом участке мы имели теперь в пехоте двойное превосходство над противником, в артиллерии и минометах в пять раз (но танков и самоходок у нас было всего 18). 14 марта мы перешли в наступление. За три дня мы продвинулись на 5 километров, овладев двумя оборонительными рубежами противника. При этом наша армия вклинива-

лась узким острием, подвергаясь обстрелу не только с фронта, но и с флангов. По-прежнему каждый километр стоил крови и тяжких трудов.

К счастью, 18 и 19 марта была летная погода, и с помощью авиации мы оседлали автостраду, которая, находясь у противника в тылу, служила прекрасным рокадным путем для маневрирования его резервов. В два летных дня авиация не только помогла наземным войскам продвинуться, но и дала ценные сведения о группировке противника в глубине обороны. В эти два дня наши войска продвинулись еще на 5 километров, что было большим успехом. До залива оставалось всего 5—7 километров. Последний рубеж противника проходил у города Хайлигенбайль (Мамоново) и вдоль идущей от него к городу Браунсбергу железной дороги, сплошь заставленной вагонами. Этот рубеж и город Хайлигенбайль были взяты ночной атакой 25 марта. Город Браунсберг (Бранено) не входил в полосу нашей армии, он был занят соседом. Но в приказе Главнокомандующего была объявлена благодарность также и войскам нашей армии, так как их обходное движение вынудило противника отступить.

В тот же день корпус генерала Урбановича вышел к заливу Фришес-Хафф. К рассвету армия была на его берегу.

Утро 26 марта было солнечным и тихим. Тишину нарушали отдельные выстрелы из орудий — это снайперы-артиллеристы вели огонь по удаляющимся баржам и плотам. Из пулеметов расстреливали более мелкие цели — пытавшихся уйти от плена на лодках и «подручных средствах». Наша авиация стройным рядом укладывала свои бомбы на узкой косе.

А что делалось на берегу залива! На 3—4 километра от воды все было завалено машинами, повозками, груженными военным имуществом, продовольствием и предметами гражданского обихода. Между машин и повозок лежали трупы немецких солдат. Много лошадей, которых немцы привязали к коновязи по 200—300 голов, было убито, но они так и оставались привязанными.

Рано утром я видел на берегу сотни мешков кофе, тысячи ящиков с консервами, уложенных на бруствере траншей. В ряде мест картина напоминала виденную при освобождении Сталинграда, а иногда превосходила ее своей странностью — странностью войны: ведь почти вся Германия в это время голодала!

Я позвонил маршалу Василевскому, пригласил его приехать и сказал:

— Чтобы поверить, нужно это видеть своими глазами.

Часа через три Александр Михайлович прибыл к нам, поздравил войска с окончательной победой на этом фронте, а потом добавил:

— Это надо увековечить для потомков.

Политотдел заснял картину разгрома гитлеровцев на киноплёнку, переданную затем в Музей Советской Армии. Уезжая к Кенигсбергу, Василевский сказал:

— Теперь отдыхайте. Отдых вы честно заслужили.

А из толпы солдаты ему кричали:

— На Берлин, на Берлин!

К Василевскому тянулись солдаты и офицеры, он пожимал сотни рук. Его машина удалялась под гром приветствий.

Этот день был радостным, ликование — всеобщим. Вместе с Москвой мы сами себе салютовали весь вечер. До самой полуночи то тут, то там взвивались к небу ракеты. Но выстрелов не было слышно нигде на всем фронте нашей армии.

Настало 27 марта. Этот день памятен тем, что за все время войны армия впервые не имела ни соприкосновения с противником, ни боевой задачи. Мы находились в резерве.

Без усталости работали трофейные команды, разгружая, сортируя взятое с обозов и складов. Им охотно помогали стрелки, артиллеристы, саперы, связисты.

В штабах подсчитывались итоги последних двух дней и операции в целом. Итог получался отличный.

В ходе операции захвачено: пленных солдат и офицеров — 23 060, танков и самоходных орудий — 225, орудий — 880, минометов — 504, пулеметов — 1968, винтовок и автоматов — 28 173, автомашин — 10 380, мотоциклов — 733, бронетранспортеров — 118, тракторов — 193, самолетов — 5, рогатого скота — 40 тысяч голов, много свиней, лошадей, овец и различного имущества, которое не поддается учету.

Кроме того, освобождено из лагерей советских граждан 9532 и 8205 подданных других стран.

Если пленных взято более 23 тысяч, то какое же количество уничтожено?

Да, такими результатами мы были вправе гордиться. Эти результаты были достигнуты в нелегком, но справедливом деле — защите чести и независимости нашей любимой Родины.

В ходе Восточно-Прусской операции советские войска уничтожили более 25 и разгромили 12 вражеских дивизий. Тем са-

мым было ликвидировано гнездо воинствующего реакционного пруссачества. Был уничтожен плацдарм многовековой агрессии немецких захватчиков против Советского Союза и Польши.

Оказавшись в резерве Ставки, мы рассчитывали в течение 10—15 дней пополнить свои ряды, привести себя в порядок. Однако уже 1 апреля получили директиву на переход армии в район 30 километров северо-восточнее города Франкфурт-на-Одере. Нас предупредили, что артиллерия на авто- и конной тяге, а тем более обозы должны идти своим ходом, ибо было получено минимальное количество железнодорожных эшелонов и они предназначались для перевозки гусеничных и тяжелых грузов.

Получение этой директивы нас не огорчило, скорее даже обрадовало, так как все горели желанием участвовать в битве за Берлин. Смущала малочисленность дивизий, но мы всегда надеялись на лучшее и верили, что получим пополнение до вступления в бой.

Штабы приступили к организации перехода в район, находившийся от нас в 550 километрах, войска готовились к наступлению. Конечно, легче было бы погрузиться в железнодорожные эшелоны, но в то время такая роскошь была невозможна.

Готовясь к комбинированному переходу, мы разведали четыре маршрута и мосты на них, расставили указатели, предусмотрено было медицинское, ветеринарное и техническое обеспечение маршрутов, а в колоннах конной тяги — кузнечными и ковочными принадлежностями.

Несмотря на то что времени у нас было очень мало, благодаря сработанности различных служб армии и хорошей подготовленности их руководителей вся организационная работа по переходу в новый район была выполнена в срок, а качество ее не вызывало сомнений.

Были созданы три группы офицеров.

Первая — в исходном районе города Вормдитт, во главе с генерал-лейтенантом П.П. Собенниковым. Ей была поставлена задача — обеспечить погрузку и отправку железнодорожных эшелонов, гужевых колонн и донесений в штаб 3-го Белорусского фронта.

Вторая группа — во главе с начальником оперативного отдела штаба армии полковником В.Ф. Грузенбергом — в конечном пункте городе Целинциг, с задачей производить рекогносциров-

ку и распределение районов между соединениями, встречать эшелоны и колонны, размещать их в намеченных районах и доносить о прибытии в штаб 1-го Белорусского фронта.

Третья группа — на середине маршрута, в городе Быдгощ. Ее составлял штаб армии во главе с начальником штаба генерал-лейтенантом М.В. Ивашечкиным, который оставлял комендантов на мостах и других пунктах на Висле, контролировал переход через реку, держал связь с первой и второй группами.

Большую помощь в поддержании связи с колоннами и группами на маршрутах оказали самолеты По-2.

Прежде чем уйти из подчинения 3-го Белорусского фронта, я испросил разрешения у А.М. Василевского приехать к нему. В одну из ночей я нашел его в небольшом имении, расположенном в 12—15 километрах от Кенигсберга и в 8 километрах от противника. Маршал Советского Союза А.М. Василевский, как всегда вежливый, обходительный, дал мне ряд советов, попросил меня с ним пообедать, где он поблагодарил за службу, и на прощание, обняв, пожелал успеха в предстоящей операции.

Преодолев 550 километров по тылам 2-го и 1-го Белорусских фронтов, мы были поражены тем, что не видели разрушенных сел и деревень, встречали разрушения лишь в больших городах. Мы вспоминали наше наступление в Восточной Пруссии, где с трудом можно было найти неразрушенный дом и приходилось изобретать особые хитрости, чтобы захватить целые городки и города.

По прибытии, как и надеялись, мы получили пополнение, хотя и небольшое. Произвели разбор сражения за Восточную Пруссию и дали указания на предстоящую операцию. Там же вручены были награды большому числу генералов, офицеров, сержантов и солдат, объявлены указы Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза ряду воинов 3-й армии, в том числе и мне.

Я прибыл к командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Г.К. Жукову, доложил о степени сосредоточения армии. Маршал сообщил мне: начало наступления на Берлин назначено задолго до рассвета при ослеплении противника 145 прожекторами. С плацдарма в 24 километрах по фронту будут наступать четыре общевойсковые и две танковые армии. Рассказал, какими мерами отвлекали и будут отвлекать внимание противника от берлинского направления и от нашей подготовки на кюстринском плацдарме. Берлин будет захвачен на пятый день, а на

Эльбу 1-й Белорусский фронт выйдет 26 апреля. На километр фронта сосредоточивается 270 орудий и минометов и более 30 танков.

Я высказал опасение, что ночное наступление при таких плотностях боевых порядков неизбежно приведет к перемешиванию соединений и частей: как потом наступать днем? И зачем ночь превращать в день — не лучше ли обождать рассвета? Я подумал еще, хотя этого и не сказал, что боевые порядки на плацдарме излишне уплотнены — это приведет к лишним потерям. Нецелесообразно брать Берлин штурмом, лучше блокировать его и выходить на Эльбу. Сомневался, что овладеем Берлином на пятый день, если он будет обороняться, и был уверен, что никакими мерами нельзя заставить противника думать, будто мы отказались от нанесения основного удара с кюстринского плацдарма...

В разговоре по затронутым вопросам командующий фронтом остался при своем мнении, однако, как известно, наступление началось не в 2 часа, как намечалось, а в 6 часов 30 минут.

Войска фронта, выйдя к рекам Одере и Нейсе и захватив плацдармы, готовились к Берлинской операции. К 15 апреля, когда наша армия (за исключением некоторых тыловых частей, шедших своим ходом) сосредоточилась во втором эшелоне 1-го Белорусского фронта, подготовка к наступлению уже была закончена. В это время две наши дивизии были поставлены в оборону перед плацдармом, который противник занимал на восточном берегу Одера, против города Франкфурт-на-Одере.

Не было сомнения в том, что немецкое командование ожидает нашего наступления со дня на день. Оно успело создать мощную оборону на реках Одере, Нейсе, перед кюстринским плацдармом. Это был глубокий оборонительный район с промежуточными рубежами и отсечными позициями. Особенно сильной была оборона перед кюстринским плацдармом, на Зееловских высотах, гребень которых находился в 4—5 километрах от нашего переднего края, и противник оттуда просматривал весь плацдарм. Против англо-американцев, между Берлином и Эльбой, немцы не создавали оборонительных рубежей...

Берлинское направление оборонялось немецкой группой армий «Висла», в составе 3-й танковой и 9-й армий, и основными силами группы армий «Центр» — количеством свыше 60 дивизий с несчетными отдельными частями усиления. Кроме того, в самом Берлине, опоясанном тремя оборонительными рубежами,

формировалось до 200 отдельных батальонов. Немцы расформировали свою запасную армию, все военные училища и высшие военные учебные заведения и обратили их личный состав на укомплектование фронтовых дивизий и частей (доведя их до 70—80 процентов штатной численности) и на формирование отдельных батальонов. Они снимали свои соединения с фронта наших западных союзников, не боясь его оголения, и перебрасывали их на Восточный фронт. Гитлер еще не терял надежды на заключение компромиссного сепаратного мира с англо-американцами.

Прорыв обороны противника на реках Одере и Нейсе, расчленение и уничтожение сильной группировки было возложено Верховным Главнокомандованием на войска 1-го Белорусского, 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов.

Наступление 1-го Белорусского фронта началось 16 апреля. Оборона была прорвана, и наступление успешно развивалось. К 22 апреля линия фронта проходила у северных предместий Большого Берлина и далее через Штраусберг, Кинбаум, Духольц, Болендорф, на северную окраину Франкфурта. Одновременно передовые соединения 1-го Украинского фронта подходили к окраинам Большого Берлина с юга, обходя с юга и юго-запада франкфурт-губенскую группировку противника.

В это время наша армия сосредоточилась в районе Янсфельде и получила задачу: наступать в полосе Шенефельде, Кагель, Бондсдорф и слева — Хейнерсдорф, Буххольд, Маттенвольде; войти в связь с соединениями 1-го Украинского фронта, завершить окружение и отрезать пути отхода франкфурт-губенской группировки к Берлину, а потом ее уничтожить во взаимодействии с соседями. Правее нас наступала 8-я гвардейская армия генерал-полковника В.И. Чуйкова, а левее — 69-я армия генерал-полковника В.Я. Колпакчи.

Решение на полное окружение группировки противника принималось нами в старинном замке Янсфельде. Свидетелями были хозяева замка, их предки и те властители, которых они почитали в течение веков; все они смотрели на нас застывшими глазами из больших позолоченных рам со стен обширной библиотеки.

Мы считали, что моральный дух противника подорван, что немецкие солдаты будут оказывать сопротивление лишь из боязни быть расстрелянными своими же заградительными отрядами; поэтому выгодней наступать ночью, когда действия солдат будут слабо контролироваться офицерами, особенно в лесу. Мы реши-

ли форсировать Шпрее и канал Одер-Шпрее в ночь на 23 апреля, наступать стремительно и к 25-му выйти на шоссе Берлин—Цоссен, завершив окружение. Это была трудная задача, учитывая не только расстояние в 35 километров, но и большие озера с узкими перешейками. Однако задача была выполнена в срок. Сопrotивление мы встречали организованное, но далеко не такое, как в Восточной Пруссии. Нас часто контратаковали и в лесистой местности, используя внезапность; но атаки были не слишком настойчивыми и не достигали цели. Не помогало отступающему противнику разрушение всех мостов и даже малых мостиков на дорогах и каналах. Не помогло ему и массовое разбрасывание мин-сюрпризов в виде пачек сигарет, спичечных коробков, тюбиков зубной пасты, автоматических ручек, которые взрывались при нажатии и вскрытии. Не задерживали мы темпа наступления и из-за отставания левого соседа.

В форсировании озер много помогли приданный нам батальон лодок-амфибий под командованием капитана Князева и захваченные нами немецкие моторные лодки и самоходные баржи. При помощи этих средств мы высаживали десанты на слабо занятых берегах широких озер и потом с тыла атаковали части противника, оборонявшие междуозерные промежутки.

Самые ожесточенные бои начались после того, как мы замкнули кольцо и приступили к уничтожению окруженной группировки. При этом фронт наступления нашей армии сначала был повернут на юг, потом на юго-восток и почти на восток. Противник оказывал особо упорное сопротивление нашему наступлению, бросался в контратаки как очумелый с десятикратным превосходством там, где мы переходили к обороне.

Здесь, можно сказать, встретились два противоположных стремления. Противник во что бы то ни стало хотел прорваться через наши боевые порядки и быть плененным не нами, а нашими западными союзниками. Это стремление поддерживалось преступной фашистской верхушкой, чтобы сохранить остатки армии как ядро будущего вермахта. Наши войска старались пленить или уничтожить противника, но не допустить прорыва его на запад.

В первые дни мы захватили много пленных немцев, освободили 3 тысячи военнопленных западных союзников и захватили разные трофеи.

Одни из пленных показывали: «Нам приказано обороняться до тех пор, пока вся наша группа не отойдет к Берлину и не де-

блокирует его». Другие, не стесняясь, заявляли: «Офицеры нам говорили: уж если придется сдаваться в плен, то не русским, а англичанам и американцам». Третьи, со злобой: «Мы должны были обороняться до тех пор, пока наши начальники, а вместе с ними тузы разных мастей, не отойдут на Эльбу к англосаксам...»

Листовки Геббельса, отобранные у пленных, были продиктованы безумием отчаяния:

«Война проигрывается только тогда, когда народ и командование допускают это. Исход войны всегда решается в последних сражениях. Все зависит только от морального состояния народа, в зависимости от этого выигрываются или проигрываются войны. Мы еще ничего не выиграли и ничего не проиграли. Все зависит от того, как мы воспринимаем современное военное положение. Было время, когда мы находились на Атлантическом побережье и у берегов Волги. Враг тогда не капитулировал. Почему же мы должны сегодня капитулировать? Мир, который поднялся против нас, не имеет никакого идеала, и поэтому он должен потерпеть поражение. Этот мир не имеет никакой цели в этой войне, за которую можно было бы бороться и погибать. Мы, напротив, боремся за элементарные жизненные права. Народ, не защищающий свою самостоятельность, проигрывает и становится беззащитной жертвой противника. Можно себе представить, что случилось бы с нами, если бы мы капитулировали. Противники стараются теперь убедить нас в нашей слабости, чтобы скорее окончить войну. Вражеские народы так же сильно обескровлены, и это может быть для нас очень выгодным. Нельзя придумать ничего более проникнутого ненавистью, чем все то, что предлагают нам. Может ли быть у немецкого мужчины и немецкой женщины, любящей своих детей, какое-либо другое решение и другое чувство, кроме того, чтобы выдержать до конца все напасти и бои и прийти к победе? Или враги думают, что от неудач мы потеряли голову? Три мировые державы поднялись на нас, но мы до сих пор держимся. Фридрих Великий боролся со своим четырехмиллионным народом против сорокамиллионного противника и все-таки оказался победителем! Несмотря на все неудачи, мы должны продолжать борьбу. Трусость и признание своего бессилия — плохие советчики в час опасности. У нас не может быть и мысли о том, что война окончится трусливой уступчивостью. В любом случае мужество делает свое дело. Мы можем завтра одержать большую победу — и это зависит только от нас. Мы еще не проиграли ничего».

Можно ли сказать что-нибудь более несурзное, чем сказано в этом документе, выпущенном в то время, когда наши войска были между Одером и Берлином, а союзники подходили к Эльбе?

Читая такие воззвания, статьи и прочее, я поражаюсь их несоответствию действительности, но не знал, в какой мере этот бред был действительностью в представлении так называемого «рядового немца» или «среднего немца» (понятия сами по себе довольно отвлеченные). Вероятно, этот вопрос могут разрешить только сами немцы, передовые представители немецкого народа. Может быть, это и для них будет нелегкой исторической задачей. Я больше всего думал о другом — о том, чтобы покончить с армией, на которую опирался фашизм. А в этом отношении дело обстояло так.

27 апреля по франкфурт-губенской группировке наносили концентрические удары 3, 69, 33-я армии 1-го Белорусского фронта, 3-я гвардейская армия генерала Гордова и часть сил 28-й армии генерала Лучинского. В разгроме группировки с воздуха отличились летчики 2-й воздушной армии генерала С.А. Красовского 1-го Украинского фронта. Сжимаясь как пружина, противник уплотнял свои боевые порядки, переходил в ожесточенные контратаки, стремясь во что бы то ни стало вырваться из железных объятий армий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Не надо забывать, что в этой группировке было более 200 тысяч человек, сплоченных и целеустремленно стремившихся выполнить поставленную конечную задачу. Для нашей 3-й армии по своему ожесточению эти бои напоминали сражение под Бобруйском, где противник с таким же ожесточением пытался вырваться из железных тисков соединений армии. Как и тогда, в апреле 1945 года отличилась 129-я стелковая Орловская дивизия. В районе населенных пунктов Моцен-Кляйн, Бештен дивизия с честью выполнила боевую задачу наступать вдоль автострады Берлин—Дрезден и овладеть населенными пунктами Тойпиц и Хальбе. Для воинов бывшей 2-й Московской дивизии, ушедших защищать столицу со знаменитого парада на Красной площади под дулами вражеских орудий 7 ноября 1941 года, поставить победную точку на многотрудном боевом пути было высокой честью.

По мере нашего продвижения мы овладевали местностью с вековым сосновым лесом, со множеством утопающих в зелени садов вилл, расположенных по озерным берегам, и дачных поселков. В этом районе издавна жила и развлекалась немецкая

знать, позднее — приближенные Гитлера. Слуги, оставшиеся в виллах, вывесили белые флаги. Нередко мы находили гитлеровцев, покончивших жизнь самоубийством — кто повесился, кто застрелился, кое-где были пристрелены целые семьи: фанатики фашисты, прежде чем покончить с собой, убивали сначала свою жену и детей.

В Нойе-Моле захвачена была мощная берлинская радиостанция в полной исправности, с частью персонала, который предложил свои услуги. Захвачен был завод взрывчатых веществ и другие заводы с исправным оборудованием. На одном из складов было найдено 15 тонн серебра в слитках, на другом — 300 тонн горючего.

Нашей армии приказано было выйти на линию сплошных озер — Тойпиншерзее, Хельцернерзее, Вольцирензее — и перейти к обороне, не допуская просачивания противника. Мы вышли на эту линию 26—27 апреля. Из 25-километрового фронта 22 километра приходились на широкие озера и 3 километра — на сухопутные промежутки между ними и каналом. Раздавались голоса: дальше наступать нецелесообразно, перейти к обороне на этом водном рубеже, пусть другие теснят противника, а мы в своих границах противника ликвидировали, захватили много пленных немцев.

Но мы на этом не остановились. С рассветом 28 апреля наступали в тех незначительных промежутках и форсировали озера при помощи тех же лодок-амфибий, продолжая сжимать кольцо окружения.

Мы знали, что 60—80-тысячная армия не будет прорываться на север или юг, а тем более на восток, она будет прорываться только на запад и северо-запад, значит, через нашу армию и через правого соседа. Знали, что нам может быть очень трудно, но мы верили в боевой дух наших бойцов, верили, что уничтожим противника и не допустим его прорыва, поэтому продолжали сжимать кольцо окружения.

Почему мы взяли на себя более трудную задачу — форсирование, а не перешли к обороне?

Мы шли на это сознательно, и вот почему.

Противник, подойдя к нашей обороне на озерах, прикрылся бы небольшой частью сил, легко прорвался бы у правого соседа, где была более слабая оборона. А мы не захватили бы дополнительно еще 20 тысяч пленных и не уничтожили бы еще около 10 тысяч солдат неприятеля.

28 апреля мы были намерены выйти к реке Даме, но продвинулись за линию озер на 2—3 километра и были вынуждены на этом рубеже перейти к обороне. Противник продолжал наступать плотными цепями, несмотря на громадные потери.

Нетрудно было догадаться, что 29 апреля противник обрушится на нас всей массой своих сил и огня, и приготовились к его встрече, окопались и запаслись большим количеством патронов. Так оно и получилось. С рассветом немцы перешли в наступление. Они наступали не цепями, а колоннами. Нужно себе представить бой в крупном сосновом бору без единого кустика! Наши войска находились в окопах для стрельбы лежа, стреляли с упора уверенно и метко. Противник шел во весь рост, стрелял на ходу неуверенно, не видя цели. Стрельба велась с расстояния 100—150 метров. Весь лес перед нами на 12-километровом фронте был усеян трупами врага.

В течение дня 29 апреля несколько раз на том или другом участке командирам батальонов, которые были в одной цепи с солдатами, казалось, что «не выдержим, враг прорвется», но все же выдержали. Лишь в одном месте удалось просочиться отдельной вражеской группе, но и она была уничтожена или пленена нашими тыловыми подразделениями.

В ночь на 30 апреля на стыке между нашей правофланговой 169-й стрелковой дивизией и дивизией 28-й армии А.А. Лучинского прорвалась группа в 3—4 тысячи человек, которая была уничтожена и частью пленена позднее.

Много было проявлено доблести и героизма солдатами, сержантами и офицерами и в эти горячие денечки.

На рассвете 30 апреля мы услышали отдаленные разрывы снарядов: это была артиллерия соседних армий генералов В.Я. Колпакчи и В.Д. Цветаева, которые преследовали отступавшего противника. В 5 часов окруженная группировка была уничтожена и частью взята в плен. Мы соединились с войсками 33-й армии генерал-полковника Вячеслава Дмитриевича Цветаева и 69-й армии генерал-полковника Владимира Яковлевича Колпакчи.

Вечером 30 апреля и 1 мая у всех настроение было особо торжественное. Всюду были слышны разговоры о результатах семидневных боев под Берлином. «Не напрасно шли из Пруссии под Берлин», — говорили одни. «Хороший подарок преподнесли к празднику Первого мая нашей Родине», — заявляли другие. «Чтобы верить всему этому, нужно видеть только своими глазами!» — восклицали третьи.

Военный совет поздравил личный состав армии с праздником Первого мая, новой победой и соединением войск 1-го Украинского фронта с войсками США и пожелал таких же успехов в последнем решительном бою.

Покончив с противником юго-восточнее Берлина, мы понимали, что нам предстоит еще раз сразиться с врагом, и не ошиблись.

1 мая мы получили новую задачу: сосредоточиться на северо-восточной окраине Берлина в районе Шенвальде, Розенталь, Бланкенбург, Бух с целью нанести удар по окруженному гарнизону противника в Берлине и не допустить его удара с севера по Берлину.

С 7 часов 2 мая наши дивизии уже были на марше в сторону Берлина. Но на ночевке у юго-восточной и восточной окраин Берлина получили новую задачу: в связи с капитуляцией берлинского гарнизона следовать к реке Эльбе через южную границу Берлина. Мы рассчитали расстояние до Эльбы — 120 километров — преодолеть в трое суток и тем не допустить ухода немецких войск к англо-американцам. Выслав по двум маршрутам передовые отряды, спешили вслед за ними.

Проходя через окраины Берлина, видели добросовестную работу наших доблестных соседей: логово зверя было превращено в груды развалин, всюду чернели обгорелые остатки стен строений, торчали скрюченные железные балки, по улицам трудно было проехать. Не раз наши дивизии останавливались, чтобы расчистить себе проход; многие здания еще дымились. Ось нашего движения от южных окраин Берлина проходила через Потсдам, Бранденбург, Гентин — по местности лесисто-озерной, пересеченной реками и каналами. Но нам это было уже знакомо, а потому никого не смущало.

Первую треть пути до Потсдама мы прошли по территории, занятой нашими войсками. До Бранденбурга мы имели дело с мелкими группами противника, имевшими задачу: разрушать мосты, насколько возможно, задерживать наше продвижение. В лесу были оставлены небольшие группы, состоящие из отборных фашистов, для нападения на наши машины и тылы.

У Бранденбурга нашим войскам пришлось встретиться с обороной прикрывающих частей противника, которую не могли преодолеть наши передовые отряды: ее пришлось преодолевать основным силам головных дивизий, шедших по этим маршрутам.

Приходилось не раз изумляться изобретательности наших офицеров, смелости бойцов, доходящей до нахальства! Дивизии оставляли небольшие подразделения перед прикрывающими частями противника, остальными силами, как вода, просачивались в незначительные промежутки, одни выходили в тыл противника, окружали и брали в плен, а другие спешили к Эльбе.

Первым в нашей армии вышел на Эльбу 40-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта Владимира Степановича Кузнецова. Этот широкоплечий, неторопливый и бесстрашный генерал постоянно радовал нас исключительно правильной оценкой толковых решений. На боевом счету корпуса, которым он командовал, находилось наибольшее количество пленных и трофеев. На излете войны в жизни дивизий первого салюта — 5-й стрелковой Орловской под командованием ветерана армии, Героя Советского Союза, сорокалетнего генерал-майора Петра Тихоновича Михалицина и 129-й стрелковой Орловской дивизии под командованием полковника Якова Артемовича Романенко — произошли события исторического значения. Эти дивизии первыми вышли на Эльбу. Для воинов 129-й дивизии командира взвода Максима Федоровича Савина и командира батальона Максима Евменовича Жаркого выход на Эльбу стал мгновением воинского счастья. 7 ноября 1941 года прошагав по брусчатке Красной площади столицы в парадных расчетах родной дивизии, они заняли оборонительные позиции у Красной Поляны, от которой до центра Москвы было чуть больше двух десятков километров, до Эльбы — тысячи километров фронтовых дорог. В боях и сражениях на пути к Эльбе сапер Максим Савин был награжден двумя медалями «За отвагу» и двумя боевыми орденами, а Максим Жаркий — четырьмя боевыми наградами. Каждая их боевая награда и ранение приближали победу над силами ненависти, разрушения и зла.

Севернее Магдебурга, в городе Бурге, они встретились со своими товарищами по оружию, воинами 102-й дивизии США. Произошла историческая и незабываемая встреча на Эльбе.

Выход наших частей к Эльбе был встречен взаимным салютом, стрельбой кверху и приветственными возгласами американцев и наших.

В правой части полосы нашей армии соединения полковника Михаила Андреевича Грекова и генерала Махмуда Абдул-Рза Абилова встретили ожесточенное сопротивление на подступах к городу Гентин и Плауэр-Канал. Город Гентин был окружен тре-

мя траншеями полного профиля и превращен в сильный узел сопротивления.

Мы понимали, что такая оборона скрывает что-то серьезное, но попытка овладеть городом и каналом 6 мая не дала положительных результатов. Лишь тогда, когда мы подтянули основную артиллерию, когда форсировали канал и обошли город с севера, в 10 часов 7 мая овладели городом, захватили много пленных и большие трофеи.

В это же время дивизии 40-го стрелкового корпуса, вышедшие на Эльбу, наступали по ее восточному берегу на север, на Ферхлянд, Дербен и севернее, окружили и пленили в этом районе большую группировку противника, пытавшуюся переправиться к американцам.

Наши правофланговые соединения преследовали отступавшего противника от города Гентина в северо-западном направлении к Эльбе. Я был при одной из этих дивизий. У берега реки была окружена большая группа противника, а когда я оказался на берегу, то увидел не только скопление окруженных немцев, но и уплывающих через реку различным способом: на пароходах, самоходных баржах, моторных и весельных лодках, даже пливших в одном белье одиночек, несмотря на холодную воду. Видел много пароходов и барж у нашего и особенно у западного берега, там они были причалены в два-три ряда, и к ним подходили другие.

Тогда я обратился к командиру американской 102-й пехотной дивизии и находившемуся на том берегу командиру пехотного полка той же дивизии с просьбой вернуть нам немцев, переправлявшихся на их берег, вместе с пароходами, баржами и лодками. Законность моей просьбы я обосновал тем, что мы могли бы перестрелять переправляющихся немцев из автоматов, пулеметов, а пароходы — из орудий, но, боясь поразить своих союзников на том берегу, огня не открывали.

Командир 102-й пехотной дивизии генерал-майор Китинч был так любезен, что мою мотивировку признал уважительной и вернул нам группу немцев вместе с пароходами и баржами.

От имени личного состава армии и от себя лично, через переводчика, при помощи рупора, я передал американским войскам и командиру 102-й пехотной дивизии генералу Китинчу искреннюю и большую благодарность, которая на том берегу была принята восторженными возгласами американских солдат.

7 мая ознаменовалось для нас новыми успехами. На всем фронте армии мы вышли к Эльбе и очистили свою полосу от

противника. Но война еще не окончена, мы слышали отдаленную канонаду севернее, а потому продолжали наступать на север, очищая от противника полосу правого соседа, захватывая пленных и трофеи. Наступая на север, оставляли на берегу сторожевое охранение с задачей задерживать всех пытающихся переправиться на тот берег...

Глава 10 МИР НА ЗЕМЛЕ

8 мая 1945 года вечером мне довелось быть в Карлсхорсте, в восточной части Берлина. В бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища через несколько часов состоится подписание немцами Акта о безоговорочной капитуляции. Об этом историческом событии в жизни народов мира написано много. Я ограничусь лишь строго протокольными сведениями.

Для подписания Акта о безоговорочной капитуляции прибыли представители верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерала армии Дуайта Дейвида Эйзенхауэра — его заместитель главный маршал авиации Великобритании Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Ж. Латр де Тассиньи.

От немецкого командования для подписания Акта о безоговорочной капитуляции под охраной английских офицеров прибыл бывший начальник штаба верховного командования германского вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель, один из главных нацистских преступников. Это его подпись стоит под многими зверскими приказами, как, например, вот этим: «При этом следует учитывать, что на указанных территориях (оккупированных советских регионах. — *А. Г.*) человеческая жизнь ничего не стоит и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата, как правило, должна считаться смертная казнь для 50—100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие». В 1946 году он будет казнен по приговору Международного военного трибунала.

Ровно в 24 часа Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, с ним ряд должностных лиц от советской стороны, представители от Союзного командования вошли в зал, где должна была проходить церемония подписания акта. Начинаясь 9 мая 1945 года.

На отведенных местах генералы В.Д. Соколовский, М.С. Малинин, К.Ф. Телегин, В.Я. Колпакчи, С.И. Богданов, Н.Э. Берзарин, П.А. Белов, В.И. Казаков, Г.Н. Орел, А.И. Прошляков, В.И. Чуйков, С.Г. Поплавский, М.Е. Катуков и другие товарищи по оружию, боевые друзья. Тут же советские и иностранные журналисты, фоторепортеры, кинооператоры. Медленно поднимается Жуков.

Я смотрел на него, а в памяти всплывало пушкинское, незабываемое:

...Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза...

В зале воцарилась тишина. Чеканя слова, в каждом слове металл, Георгий Константинович произнес:

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования.

Пауза.

Г.К. Жуков властным голосом произнес:

— Ввести немецкую делегацию.

Кейтель, Штумпф, фон Фридебург входят в зал и садятся за отдельный стол, недалеко от входа.

— Имеете ли вы на руках Акт о безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт? — суровым голосом спросил Г.К. Жуков фашистского генерал-фельдмаршала.

— Да, изучили и готовы подписать его, — резко поднявшись, сквозь зубы ответил Кейтель.

Небольшая пауза. Первый заместитель Верховного Главнокомандующего Г.К. Жуков вновь встает и медленно, торжественно, показывая на столик, приставленный к середине стола президиума, произносит:

— Акт о безоговорочной капитуляции Германии подписать здесь!

В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта было закончено. Кейтель, Фридебург, Штумпф, опустив головы, сгорбившись, вышли из зала.

Вот этот Акт о безоговорочной капитуляции, для достижения которого советские люди не жалели ни крови, ни самой жизни:

«1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского Верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23 часа 01 минуту по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное командование Союзных экспедиционных сил пред-

примут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 года в гор. Берлине.

От имени германского Верховного командования:

Кейтель, Фридебург, Штумпф.

В присутствии:

По уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии Маршала Советского Союза *Г. Жукова.*

По уполномочию Верховного командующего экспедиционными силами союзников главного маршала авиации *А. Теддера.*

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей:

Командующий стратегическими воздушными силами США генерал *К. Спаатс.*

Главнокомандующий французской армией генерал *Ж.М. де Латр де Тассиньи».*

В 0 часов 50 минут 9 мая 1945 года заседание по случаю безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии было закрыто.

— Немецкая делегация может удалиться, — спокойно сказал Г.К. Жуков.

Когда немецкая делегация удалилась, Георгий Константинович снова поднялся и взволнованно, проникновенно поздравил всех с победой.

— Дорогие друзья, — сказал он, обращаясь к генералам и офицерам, присутствующим в зале, — нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии, правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас! Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь!

Суровые маршалы и генералы не скрывали слезы радости, слезы гордости.

Наступало утро нашей победы. Были накрыты столы, и начался прием в честь победы стран антигитлеровской коалиции

над фашистской Германией. Выступали наши союзники, советские генералы. Праздничный прием закончился песнями и плясками. Пели задушевные песни, плакали самые сдержанные. Какая-то секундная пауза, и в круг ворвался Жуков, лихо сплясав русскую.

Утром мы разъезжались по своим штабам, а в городе не смолкали победные залпы. Стреляли из пистолетов, автоматов, пулеметов, пушек, минометов — это были выстрелы в воздух. В небо взлетали сотни ракет. Воины-победители отмечали великий свой подвиг, салютовали тем, кто отдал свою жизнь за нашу Победу! На всех немецких домах появились самодельные белые флаги.

Вечером 9 мая офицеры штаба армии отмечали День Победы коллективным ужином. И конечно, подобные же торжества происходили в каждой дивизии, в каждом полку, в каждой роте.

Я упоминал, что в 1907 году дал клятвенное обещание никогда не курить, не пить и не сквернословить. Всю мою жизнь ко мне приставали, принуждая меня выпить, особенно во время войны. Однажды я имел неосторожность сказать: «Вот когда добьемся победы, тогда и выпью». Я об этом позабыл, но мои товарищи не забыли и в этот вечер всем коллективом потребовали от меня выполнения слова. Мы сидели в цветущем саду одного из красивейших особняков Бранденбург-Вест. И в тот вечер я нарушил один из трех своих обетов.

Все встали, держа в руках наполненные бокалы.

— За полную, совершенную победу, за всех вас, за ваше здоровье и счастье, дорогие мои друзья, — сказал я и выпил до дна первый за всю мою жизнь бокал красного вина.

В течение вечера я выпил еще три. Наполняла их славная женщина и хороший товарищ — жена генерала Жилина Ксения Андреевна, которая сидела рядом с моей женой Ниной Александровной.

С 10 мая мы несли службу охраны по берегу Эльбы, контролируя переходящих на западный берег реки. Это было совсем не лишним. Возьму на выдержку данные за два дня: 14 мая задержано 317 человек, из них две трети переодетых военнослужащих; 20 мая задержано 267 человек, большая часть из них оказалась военными преступниками, стремившимися уйти на Запад...

Шоссейная дорога, идущая от Гентина на север, проходит по высокому сосновому лесу. По обеим ее сторонам утопают в декоративной зелени красивые дачи. Нельзя было и подумать, что в непосредственной близости от этих домов происходила страш-

ная трагедия. В лесу за дачами находился громадный военный завод, на котором работали девушки, угнанные из различных стран, главным образом из Советского Союза. Завод был так искусно замаскирован, что его нельзя было обнаружить, идя по шоссе или даже низко летя на самолете; заводских труб не было, а на плоских крышах всех корпусов рос высокий кустарник вровень с сосновым лесом.

Полуголодные девушки работали по 10—12 часов в сутки. Надзирательницами у них были женщины, настоящие садистки, которые никогда не ходили с пустыми руками, а всегда у них был при себе хлыст или стек, и избивали они узниц без всякого повода. Если какая-либо из девушек заболела, ее забирали, и больше она не возвращалась. Поэтому заболевшие не жаловались, шли вместе с другими на работу, и если не могли выполнить план, то им помогали соседки.

Мы удивлялись: зачем немцы изнуряли их работой и так плохо кормили? Ведь этим они лишали себя рабочей силы. Узницы сквозь слезы пояснили: на место убитых (уничтоженных) еженедельно привозили новый эшелон.

6 мая, работая на заводе, девушки услышали отдаленные артиллерийские выстрелы, которые все приближались. Они не знали, что Берлин нами уже захвачен, но поняли, что это приближаются враги Гитлера — свои или англо-американцы. В то же время распространялся слух, что всех работающих уничтожат; они видели необычайное, нервное состояние администрации завода, и надзирательницы стали чрезмерно любезны. Большинство работников решило не ждать, пока их уничтожат, а самим уничтожить надзирательниц и солдат охраны. Они это сделали 7 мая и спрятались в лесу до прихода наших войск.

Невозможно описать их радость и наше волнение, когда мы встретились.

С 20 мая наши войска регулярно занимались боевой и политической подготовкой, включая боевые стрельбы. Проводили разборы боевых действий в армейском и дивизионном масштабе. Приводили в порядок боевую технику, ремонтировали машины. Работы хватало.

Соединения 40-го стрелкового корпуса первыми вышли к Эльбе и встретились со 102-й пехотной дивизией американских войск. Американские командиры пригласили наших командиров на западный берег Эльбы, чтобы вместе отпраздновать День Победы. Это общее празднование состоялось в городе Гордалеген,

где расположился штаб американской дивизии. Наши командиры были встречены с почетом. Генерал Гиллен, отойдя от общей группы, передал генералу Кузнецову официальное пожелание командующего 9-й армией встретиться у него в штабе с генерал-полковником Горбатовым, генералами и офицерами его штаба. Кроме того, он выразил желание отметить заслуги генерала Кузнецова и еще четырех человек американскими наградами.

Вскоре с разрешения командующего фронтом я с большой группой генералов и офицеров выехал на запад. Еще более торжественно, чем в предыдущий раз, наша группа была встречена почетным караулом. С эскортом нас проводили в штаб армии. Там нас встретил командующий 9-й армией с чинами его штаба, и снова был выстроен почетный караул, оркестр играл гимны СССР и США.

В нашу честь американцы устроили парад, а потом спортивные соревнования и большое гулянье в саду. За обедом с помощью многочисленных переводчиков происходили дружественные разговоры; многие из американских офицеров высказывали пожелание встретиться с нами на японском фронте; я обменялся дружественными речами с командующим генерал-лейтенантом Симпсоном. Уезжая, я пригласил хозяев побывать на нашем берегу Эльбы. Позже мы принимали у себя американских гостей с русским гостеприимством.

Многие из наших товарищей были удостоены американских наград. В свою очередь наше правительство наградило такое же число американских генералов и офицеров советскими орденами.

Великая Отечественная война со всей силой подтвердила бессмертные слова В.И. Ленина о том, что «никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

На германской земле начали образовываться органы самоуправления — власти рабочих, крестьян, интеллигенции. Большую работу предстояло выполнить личному составу 3-й армии, политорганам, штабам. Но утро 16 июня 1945 года круто изменило мою судьбу. Случилось большое несчастье. Первый комендант

Берлина генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин погиб в автомобильной катастрофе.

Пройти войну, быть в жестоких боях и сражениях, смотреть не раз смерти в глаза — и погибнуть так нелепо в сорок один год, в расцвете сил¹.

Мне было приказано сдать 3-ю армию начальнику штаба армии генерал-лейтенанту М.В. Ивашечкину и вступить в командование 5-й ударной армией и принять должность коменданта Берлина. Передавая войска 3-й армии испытанному и достойному своему преемнику, я остро переживал разлуку с людьми, с которыми познал радость побед и неизбежные в бою переживания. Больше чем кто-либо другой я знал свой крутой и беспокойный характер и свою требовательность. Многих не раз упрекал за то, что у них не получалось так, как нам хотелось, когда в этом подчас была больше виновата обстановка, чем командир.

Я не мог думать и рассчитывать, что прощание с генералами и офицерами штаба, с командованием соединений и частей выльется в такую необычайно трогательную картину. Кисть правой руки долго была онемевшей от дружественных сильных и бесконечных пожатий, губы долгое время оставались распухшими от крепких поцелуев. Солдаты и сержанты тянулись с протянутыми руками и говорили, что даже ночью узнавали меня по силуэту и голосу и смогут узнать через многие годы. Повторилось то, что было при прощании с 226-й стрелковой дивизией, но с той разницей, что в той дивизии меня хорошо знал каждый солдат, сержант, а в армии все знать не могли.

Но мы льстили себя надеждой, что нам долго служить и встретимся на службе. Никогда мне не забыть этого дружного и трудолюбивого коллектива, где каждый был хорош на своем ме-

¹ В Великую Отечественную войну Н.Э. Берзарин вступил 22 июня 1941 г. в Прибалтике, командуя войсками 27-й армии. В Берлинской операции 5-я армия под командованием Героя Советского Союза Н.Э. Берзарина действовала в составе ударной группировки 1-го Белорусского фронта. В штурме Берлина 5-й ударной армии под командованием Берзарина была поручена боевая задача особой важности — овладеть районом правительственных кварталов, в том числе имперской канцелярией, где находилась ставка Гитлера. Еще 24 апреля генерал-полковник Н.Э. Берзарин был назначен первым советским комендантом и начальником гарнизона Берлина. Велики заслуги Н.Э. Берзарина в создании нормальных условий для жизни и быта населения Берлина, восстановлении хозяйства громадного, но разрушенного города, снабжении населения продовольствием. (*Примеч. ред.*)

сте. Если с моими боевыми соратниками доводилось встречаться после войны, то это были встречи самых близких людей.

Да и могло ли быть иначе? Только в четырех операциях — Бобруйской, Восточно-Прусской, Берлинской и на Эльбе — 3-й армией было захвачено более 95 тысяч пленных, тысячи орудий и минометов и масса других трофеев. С учетом операций Орловской, Брянской, на реках Сож и Днепр и других было захвачено более 106 тысяч пленных. Нужно думать, что число уничтоженных солдат и офицеров противника было значительно больше.

За боевые отличия в годы войны, за мужество, героизм и высокое воинское мастерство десятки тысяч воинов армии награждены орденами и медалями, а 83 из них присвоено звание Героя Советского Союза.

Вступив в командование 5-й ударной армией и приняв обязанности коменданта Берлина, вместе с другими вылетел в Москву на Парад Победы.

В сводный полк 1-го Белорусского фронта для участия в Параде Победы была назначена тысяча воинов, заслуживших это право своим мужеством, героизмом, верностью воинскому долгу, не считая командиров. Цвет фронта, гордость армии и нашей великой Родины. Сводный полк 1-го Белорусского фронта, как и все сводные полки, шел на Парад Победы с 36 боевыми знаменами наиболее отличившихся полков и дивизий фронта.

24 июня 1945 года — этот день вошел в историю как день Парада Победы. Командовал Парадом Победы Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский, принимал парад Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Два воина, два полководца, два Маршала Советского Союза, имена которых неразрывно связаны с Победой! Прошли десятки лет с тех пор, когда мы встретились. Впереди были годы службы, годы войны. Не скрываю я и особой личной гордости — и Георгий Константинович, и Константин Константинович в годы войны были командующими фронтами, в состав которых входила 3-я армия...

10 июня 1945 года парадные расчеты собрались в Москве и приступили к тренировкам. Почти все швейные фабрики, многочисленные мастерские и ателье шили парадное обмундирование для участников Парада Победы.

Утро 24 июня было пасмурным, накрапывал дождь, но торжество переживаемого события не мог охладить дождь. Столько

народа на Красной площади не было за 800 лет со дня образования Москвы.

10 часов утра. Навстречу друг другу на белом скакуне из Спасских ворот выехал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, а на вороном — Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Воины-победители будут шагать под мелодии сводного оркестра из 1400 военных музыкантов.

Шагая по Красной площади в первой шеренге сводного полка 1-го Белорусского фронта, я чувствовал локоть командармов, с которыми осуществляли боевые операции, воинов, которые шли в бой смело и отважно.

Пройдя Мавзолей, мы, командармы, стали на отведенное нам место. Парад Победы продолжался. Над колоннами сводных полков реяли боевые знамена, увенчанные золотом почетных наименований и боевых орденов.

На какое-то мгновение огромный оркестр смолк. Раздается резкая дробь барабанов. На Красную площадь вступает колонна знаменщиков. Красивые, молодые воины, отличившиеся в боях, держат в руках древки знамен битых полков и дивизий гитлеровского вермахта. Их полотнища волочатся по мокрым камням Красной площади. Возглавляет эту необычную роту воин. В его руках личный штандарт Гитлера. Орел и свастика штандарта задевают мокрую брусчатку.

Поравнявшись с Мавзолеем В.И. Ленина, под резкую дробь барабанов воины-победители бросали фашистские знамена к подножию Мавзолея. Этот миг — не только апофеоз Парада Победы, этим мигом была поставлена точка, символизирующая разгром фашизма.

25 июня в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь участников парада. Прошли торжества, участников Парада Победы ждали обязанности воинской службы. Поездка в Москву оставила у меня двойственное впечатление. Несмотря на то что война окончилась всего лишь 45 суток тому назад, столица выглядела по-праздничному, похорошевшей: улицы переполнены людьми с радостными лицами, всюду чувствовалась уверенность, что скоро залечим раны войны, на пепелищах построим дома и снова наши жилища наполнятся достатком. От всего виденного меня охватывало чувство радости, гордости и уверенности в светлом будущем нашей страны. И в то же время по дороге на Парад Победы и возвращаясь из Москвы я испытывал чувство тяжелой горести: всюду разрушенные города, вместо сел и

деревень развалины с одиноко торчащими трубами. Из разговоров с колхозниками и рабочими слышал, что чуть ли не каждая семья потеряла во время войны дорогого и близкого человека.

Не раз в своих воспоминаниях возвращался к пройденным испытаниям нашей страны и к ее военным неудачам в начале войны. Каждый раз приходил к одному и тому же выводу, что этих неудач мы могли бы избежать, если бы были сохранены те военные, опытные и испытанные кадры, которых мы лишились в 1937—1940 годах.

Еще при возвращении из Москвы думал о тех трудностях, с которыми придется встретиться советским людям при восстановлении разрушенного. Предвидел трудности, которые выпадут на долю и нам, военным, в связи с переходом армии от военных дел к учебе в мирных условиях, с размещением соединений армии и использованием учебных полей на территории Восточной Германии.

Для себя лично не видел особых трудностей в переходе к учебе в мирных условиях, но видел новое в исполнении дополнительных обязанностей по комендантству в Берлине.

Вернувшись из Москвы, у начальника штаба армии генерал-лейтенанта А. М. Кушева ознакомился с размещением соединений и частей армии. В этой части мои опасения оказались напрасными. Благодаря блестящим организаторским способностям Александра Михайловича, который оставался за командующего, все соединения и части уже были размещены в хороших казармах, с наличием вблизи или недалеко от них учебных полей, полигонов и стадионов. Всюду уже приступили к плановым занятиям.

В качестве коменданта в Берлине меня замещал мой заместитель по армии генерал-лейтенант А. Б. Баринов. Александр Борисович прошел большой боевой путь. Успешно командовал дивизией, корпусом. При нашем знакомстве генерал Баринов со знанием дела доложил о делах в армии, а самое главное — о принятых мерах по восстановлению в городе транспорта, связи, промышленности, снабжению населения продовольствием, водой, топливом. Это были хотя и успешные, но только первые шаги. Жителей громадного города и нас, работников комендатуры Берлина, и прежде всего меня как коменданта этого крупнейшего города Европы, ждали весьма важные и неотложные дела. В этой трудоемкой и насыщенной работе генерал Баринов оказался весьма способным и толковым организатором, хорошо освоился с новыми для него обязанностями, организовал работу не только в центральной комендатуре, но и во всех районах Берлина.

Было взято на учет продовольствие, выявлены особо нуждающиеся в нем категории людей, налаживалось и ремонтировалось самое необходимое, как-то: электроосвещение, водоснабжение, бани, лечебницы, городской транспорт, расчищались улицы и т. п.

Большие трудности ощущал четырехмиллионный город с продовольствием. Подвоз из провинции еще не был налажен. Цены на продукты быстро росли. Большую активность развивали спекулянты, дельцы, жаждавшие наживы на голоде и несчастье других.

Первое время в Берлине мы были одни, потом в западную часть прибыли комендатуры американцев и англичан, а позднее в английскую зону прибыла и французская комендатура.

В первое время комендантами наших бывших союзников и в состав их комендатур были подобраны те, кто воевал, а потому с ними не так трудно было договориться по вопросам управления Берлином, но чем дальше, тем становилось труднее. Люди в их комендатурах, да и сами коменданты постепенно заменялись теми, кто более непримиримо относился к нам, представителям советской власти.

В это же время, помимо образования четырех зон оккупации Германии и назначения Маршала Советского Союза Г.К. Жукова главнокомандующим советскими оккупационными войсками в Германии, создавался Контрольный совет по управлению Германией, в который от Советского Союза вошел Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, от США — генерал армии Дуайт Эйзенхауэр, от Англии — фельдмаршал Бернард Монтгомери и от Франции — Ж.М. де Латр де Тассиньи.

Жизнь диктовала свои дела и обязанности и ответственность за их выполнение. Конечно, на первый план выдвигались интересы и заботы о Родине. Опишу несколько случаев, оставшихся в моей памяти от лета 1945 года.

Однажды в разговоре со мной о захваченных армиями трофеях Г.К. Жуков заметил:

— Вот вы говорите, что захватили в боях под Берлином и на Эльбе много автомашин, а при уходе 3-й армии в Советский Союз на мостах через Одер у вашей армии отобрано машин меньше, чем у других армий.

Тогда Георгию Константиновичу я открыл тайну, почему так получилось, и рассказал ему следующую историю.

Получив назначение командующим 5-й ударной армией и комендантом Берлина, в штабе группы я услышал, как один офи-

цер рассказывал другому: «Для армий, уходящих из Германии в Советский Союз, главком определил строго ограниченное количество увозимых с собой трофейных легковых и грузовых машин, и через трое суток с шести часов устанавливается контроль на мостах через Одер».

Я поехал в 3-ю армию и рассказал генералу М.В. Ивашечкину, который остался вместо меня за командующего, что в целях усиления автомашинами дивизий, остающихся в Германии, на каждую дивизию, уходящую в Советский Союз, установлен строгий лимит на увозимые с собой трофейные машины. Все сверхлимитные машины будут отбираться на существующих на Одере мостах.

Естественно, армии и дивизиям было жалко расставаться с тысячами машин.

М.В. Ивашечкин сетовал на непредусмотрительность, проявившуюся в том, что не отправил заблаговременно на восточный берег Одера основную массу груженых машин. Мы тогда считали, что эти машины нужнее на родине, а потому стали искать выход из создавшегося положения.

Когда я разговаривал об этом с Макаром Васильевичем, начальник инженерных войск генерал Б.А. Жилин предложил выход из этого положения:

— Во время наступления нами на Одер было наведено много понтонных мостов, сейчас эти мосты сняты, но оборудованные подходы к реке и выходы из нее остались.

Он попросил разрешения немедленно отправиться на реку, произвести разведку, выбрать такое место, которое удалено от существующих мостов и ненаблюдаемо поставленными на них контролерами. Навести там из имеющихся в армии средств дополнительные мосты под грузы 7—10 тонн и через них переправить все «лишние» машины.

Генерал Ивашечкин с радостью ухватился за эту идею, а я, удивившись находчивости генерала Жилина, вспомнил поговорку «Голь на выдумки хитра» и подумал: «Почему бы не воспользоваться предложением Жилина — нашего главного сапера. Машины идут не на запад, а на восток, в свою страну; если отбирать машины, то пусть отберут на Родине». Решил не вмешиваться в это дело, не сказал ни «да» ни «нет». Пусть, мол, решают сами, без моей помощи, хотя они не могли не видеть, что я симпатизирую их инициативе. Спустя несколько дней я узнал, что по двум наведенным мостам прошло много сверхлимитных машин с грузом.

Выслушав мой рассказ, Г.К. Жуков неліцеприятно оценил мои действия и добавил:

— Ну и мерзавцы собрались у тебя, в 3-й армии, и ты вместе с ними.

Но я знал Георгия Константиновича: он прекрасно понимал полезность и необходимость свершенного. Об этом говорила улыбка, мелькнувшая на его плотно сжатых губах.

С созданием Советской военной администрации в Германии главнокомандующий группой Советских оккупационных войск в Германии распорядился СВАГ разместить в Карлсхорсте, а штаб и Военный совет 5-й ударной армии — в Олимпишесдорфе, в военном городке при одной из дивизий. Моя квартира находилась в небольшом двухэтажном доме офицерского городка в 25 километрах западнее Берлина.

В один из летних дней я только что вернулся с учения. Собирались обедать. Нина Александровна накрывала на стол; взглянув в окно, просяив, сказала:

— К нам гости.

Действительно, у ограды нашего дома остановились две машины, из первой вышел мой заместитель по комендатуре Берлина генерал А.Б. Баринoв, а из второй — трое гражданских, двое пожилых, третий молодой, и все они направились к нашему дому.

— Кто бы это мог быть? — сказал я.

А жена радостно, более того — с гордостью, воскликнула:

— Да это же Вильгельм Пик!

Мы оба поспешили вниз по лестнице и у входа в дом встретили дорогих гостей. Генерал Баринoв доложил о прибытии Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта.

Вильгельм Пик широко раскрыл свои объятия и заключил в них сначала Нину Александровну, потом и меня, приговаривая:

— Вот где встретились.

Потом он познакомил нас с Вальтером Ульбрихтом и переводчиком. А.Б. Баринoв, как бы оправдываясь, доложил:

— Хотел вас предупредить по телефону, но товарищ Пик не позволил это сделать и попросил проводить их к вам. Вот я и привез лично.

И тут же, сославшись на занятость, спросил разрешения вернуться в Берлин, к своим обязанностям.

Мы повели дорогих гостей в квартиру. Все вопросы и ответы, которые интересовали нас о Москве, а их — о Берлине и Герма-

нии, на время отложили и тут же сели за накрытый стол. По этому случаю на столе появилось вино.

Поднимая наполненный бокал и обращаясь к жене, Вильгельм Пик произнес:

— Помните, Нина Александровна, 1936 год? Украина, город Староконстантинов. Тогда у вас на обеде я провозгласил тост за встречу в освобожденном от гитлеровцев Берлине. Вы усомнились в возможности такой встречи. Но, вот видите, это сбылось. — Обращаясь к нам всем, он провозгласил тост: — За Советскую Армию, которая помогла превратить в действительность мечту народов о свободе!

В свою очередь и я провозгласил тост:

— За Германию демократическую, за мужественных борцов против реакции Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта, за нерушимый мир между Германией и Советским Союзом.

Наш обед затянулся и проходил в исключительно теплой и дружественной беседе.

После обеда вышли из дома в садик. Вильгельм Пик напомнил о встрече в Москве в 1941 году, и я был вынужден рассказать о тяжелых переживаниях после нашей встречи и его телефонного разговора с Л.З. Мехлисом и моем разговоре с Мехлисом в присутствии Щаденко.

— Я не мог и подумать, — сказал Вильгельм Пик, — что мой телефонный звонок вызовет со стороны Мехлиса такую неприятную реакцию.

Потом он рассказал, как внимательно следил за продвижением 3-й армии по благодарственным приказам Верховного командования и радовался нашим успехам.

— Позднее, — добавил он, — с огромным удовольствием узнал о вашем назначении комендантом Берлина.

Наша встреча закончилась. Гости, тепло поблагодарив за гостеприимство, поспешили по своим делам. От моего предложения дать им сопровождающего они отказались, мотивируя тем, что у себя дома они не заблудятся. Распрощались мы так же тепло, как и встретились.

Приведу другой необычный случай.

Находясь в своем рабочем кабинете в комендатуре, услышал звонок. Поднимаю трубку и с удивлением узнаю, что меня вызывает Вена; был удивлен, когда узнал, что со мной говорит ге-

нерал Б., тот бывший комбриг, с которым сидели в камере Лефортовской тюрьмы в 1938—1939 годах.

Генерал Б. попросил меня поделиться с ним опытом работы по комендантству в Берлине. Меня это удивило, и я его спросил, зачем ему вдруг понадобился этот опыт. В ответ услышал, что он назначен комендантом Вены, а посему и хочет воспользоваться моим опытом.

Если у нас с Ниной Александровной оставила глубокий след встреча с В. Пиком и В. Ульбрихтом как исполнение несбыточной мечты, высказанной в 1936 году, то еще большее удивление вызвало совпадение: два бывших узника из одной камеры (да какой тюрьмы!) оказались комендантами двух крупнейших европейских столиц в одно и то же время! Не меньше была удивлена и Нина Александровна, когда я рассказал ей об этом телефонном разговоре. После этого как не сказать, что чудес на свете не бывает!

В период моего пребывания в должности коменданта Берлина, с 17 июля по 2 августа 1945 года, состоялась Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

Местом проведения встречи и размещения делегаций был выбран район Потсдама и единственное уцелевшее здание — дворец германского кронпринца, расположенный в парке Нойен-Гартэн. Общими усилиями дворец и парк были приведены в порядок. Оборудованы, а подчас и капитально отремонтированы десятки комнат и конференц-зал.

16 июля в Берлин на поезде прибыл И.В. Сталин; в этом же поезде прибыли В.М. Молотов и сопровождающие их лица.

В тот же день в Берлин прибыли делегации Англии во главе с премьер-министром У. Черчиллем и Соединенных Штатов Америки во главе с Г. Трумэнном. 28 июля главой английской делегации на Берлинской конференции стал лидер лейбористской партии К. Эттли.

Я в состав советской делегации не входил, но по своей должности коменданта Берлина совместно с комендантами других секторов Берлина глав делегаций союзников по антигитлеровской коалиции встречал и провожал.

Однако хочу сказать несколько слов о вопросах, которые были рассмотрены.

Историческая значимость Потсдамской конференции велика. В работе конференции главное место занял вопрос о будущем Германии. Делегациями США и Великобритании вновь был поставлен вопрос о расчленении Германии на три государства: Южногерманское, Северогерманское и Западногерманское. Это предложение глав правительств США и Англии было отвергнуто советской делегацией еще на Ялтинской конференции. На Потсдамской конференции советская делегация вновь это предложение отвергла как противоестественное. Речь идет, утверждала советская сторона, не о расчленении Германии, а об образовании демократической миролюбивой Германии. По настоянию советской делегации в потсдамские решения союзных держав было включено положение о создании центральных германских административных департаментов. Впоследствии по вине западных властей департаменты не были созданы. Объединение Германии на миролюбивых и демократических основах, как это было решено на Потсдамской конференции, было со-
рвано.

Прежде всего требовались мероприятия по демилитаризации, денацификации и демократизации Германии. Главным в принятом соглашении было искоренение в Германии милитаризма и нацизма с тем, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Конференция предусматривала принятие решения об уничтожении Национал-социалистской партии, отмене всех нацистских законов, наказание нацистских преступников. На этой конференции были приняты решения о западной границе Польши по Одру и Нейсе с включением в состав Польши части территории бывшей Восточной Пруссии. «Впредь до окончательного определения границ в мирном договоре, — говорилось в принятом решении, — передать Польше территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря, чуть западнее Свинемюнде, и далее по Одру и Западной Нейсе до границы Чехословакии». Конференция вынесла решение о передаче Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающих к нему районов Восточной Пруссии. Был решен вопрос о репатриациях.

Были рассмотрены и другие вопросы послевоенного устройства мира. Несмотря на острые столкновения двух курсов по принципам послевоенного устройства, были приняты решения, которые открывали перспективу сотрудничества трех держав после окончания войны в интересах всех свободолюбивых на-

ций и поддержания мира и развития социального блага всех народов.

Тогда говорили, что решения Потсдамской конференции не вполне удовлетворяли нас, так же говорили и наши бывшие союзники. Ибо ни одной из сторон не удалось включить в решения все свои требования, но все же решения считались приемлемыми для обеих сторон.

Худшее мы увидели позднее. В то время как мы сразу приступили к выполнению этих решений, наши бывшие союзники не только не приступали к их выполнению, а пошли по линии нарушения согласованных статей и чем дальше, тем больше отказывались от собственных формулировок, записанных в согласованном решении.

В ноябре мною была послана письменная просьба главнокомандующему группой войск в Германии об освобождении меня от обязанностей коменданта Берлина. Мотивом просьбы было: сразу после окончания войны для налаживания нормальной жизни во всем городе было целесообразным назначение генерал-полковника комендантом и его заместителем — другого генерала.

Теперь городом управляют четыре коменданта, да и жизнь в городе вошла в обычную колею. Кроме того, три западных коменданта в звании генерал-майора; наличие же с нашей стороны коменданта в звании генерал-полковника является умалением авторитета воинского звания советского генерала. Заместитель коменданта генерал-лейтенант А.Б. Баринов вполне справится с должностью коменданта в восточной части Берлина. Моя просьба была удовлетворена.

Комендантом нашей зоны Берлина был назначен, как я и просил, генерал А.Б. Баринов.

В конце ноября 1945 года 5-я ударная армия была перемещена в северную часть советской зоны Германии с размещением штаба в городе Шверин. Сначала штаб размещался в отдельных дачных домиках, утопающих в садах, на берегу красивого большого озера, а после того как старинный замок герцога Мекленбургского был освобожден, в замок переместился штаб армии.

Шверин, старинный город, с множеством красивых новых домов, живописно раскинулся среди больших озер (одно из них 3—5 километров шириной и 25 километров в длину). Все озера связаны между собой искусственными каналами.

Недолго я радовался, что освободился от должности коменданта Берлина, так как был назначен начальником провинции

Мекленбург и Западной Померании, что оказалось делом не менее сложным и ответственным. В обязанности входили: охрана демаркационной линии на западе, контроль и разрушение объектов оборонного значения и военного потенциала; демонтаж одних предприятий и обеспечение производства на других; обеспечение сельскохозяйственных работ на всех площадях и рыбной ловли у побережья Балтики; восстановление торговли; разъяснение населению политики Советского Союза по отношению к немцам; осуществление и обеспечение законности в провинции и тому подобное.

Большая работа предстояла в связи с перемещением соединений и отдельных частей армии в новый район, обеспечение их казармами (а офицеров квартирами), учебными полями, полигонами и всем необходимым. Учитывая приближение зимы, необходимо было обеспечить казармы оконным стеклом, топливом, водопроводом и одновременно с ним канализацией и другим. И все это в связи с непрерывным сокращением армии и демобилизацией.

Благодаря организованности и инициативе всех командиров и политработников, трудолюбию солдат и сержантов эти трудности до наступления холодов были преодолены. И с 1 января 1946 года мы приступили к проведению регулярных занятий как с солдатами и сержантами, так и с офицерами всех категорий.

Для управления провинцией был создан небольшой аппарат в Шверине, во всех городах введены районные комендатуры. На демаркационной линии учреждены комендатуры по принципу пограничной службы. Несли ее полки армии посменно.

Несмотря на то что в городские и районные комендатуры подбирались лучшие офицеры, служба в них шла не одинаково. В одних — хорошо, в других — удовлетворительно, а в третьих люди быстро обюрокрачивались, становились равнодушными.

Чтобы лучше знать работу комендатур, я внезапно появлялся в комендатуре города или района, сначала заслушивал коменданта, потом подчиненных ему офицеров и, наконец, немцев, осуществлявших власть на местах. Сопоставлял доложенное, делал выводы и отдавал соответствующие распоряжения.

Население городов продолжало ощущать большую нужду в продовольствии. Цены на продукты поднимались с каждой недели. Рыболовы-частники много вылавливали рыбы, а население городов от этого не становилось легче.

С целью смягчить продовольственный кризис и улучшить снабжение городов рыбой по умеренным ценам нами были организованы рыболовецкие бригады, но наши надежды не оправдались — больших уловов и рыбы хороших сортов почти не прибавилось.

Мы задумались над вопросом: почему так получается? Решили организовать наблюдение за берегом моря. Подобрали расторопных солдат, соответствующим образом их проинструктировали и по три человека расставили на берегу. В первый день было обнаружено более десяти случаев, когда катера, прежде чем идти к своему причалу, причаливали сначала к берегу, снимали там часть улова, в первую очередь самую ценную рыбу, а потом уже шли к своему причалу и сдавали остатки рыбы.

Наблюдающие за берегом находились в укрытых местах, чтобы видеть как можно больше. Заметив катер, устремившийся к берегу, они старались запомнить его номер. А когда рыбаки, сложив часть улова, отправлялись к своему причалу, один из трех солдат подходил к тем, кто принял рыбу, выяснял, сколько какой рыбы выложено и куда она будет направлена, а остальные два наблюдали за берегом моря.

Чтобы не больно бить по самолюбию рыбаков и не отбить охоту у бригад на ловлю рыбы, мы не афишировали свое открытие, а доводили до сведения лишь тех, которые были замечены в хищении рыбы, предупреждали их. Для нас было важным то, что уличенные бригады больше не занимались кражей улова.

Наши заботы об улучшении обеспечения населения продовольствием совпали с предложением Компартии Германии о проведении в стране демократической земельной реформы. Труженики деревни, имевшие менее пяти гектаров пашни, получали дополнительные надель. Землю получали и те, кто никогда ее не имел: батраки, переселенцы, беглецы.

Из разговоров с крестьянами и руководителями местного управления выяснилось, что может остаться незасеянной одна четвертая часть посевных площадей. Эта часть земли принадлежала тем, кто ушел на запад. А безземельные боялись засеивать земли ушедших.

Хуже обстояло дело с торговлей. Большинство магазинов было закрыто, а в открытых полки были пусты или лежал неходовой товар. Было заметно, что товар имеется, но он припрятывался до более подходящего времени, и торговля шла подпольно.

Много беспокойства приносило нам все возрастающее количество болевших венерическими болезнями. Я не могу сказать, что немецкие женщины, а тем более девушки, сексуально распущены. Нет, не это. Беда в том, что многие предприятия были разрушены, много безработных, продовольствие дорогое. Чаще всего материальное положение толкало молодых женщин на случайные связи. Заражались. Заболевшая в такой обстановке заражала других.

Нами были приняты чрезвычайные меры, среди которых — мобилизация местных врачей для медосмотра населения и лечения выявленных больных. Организовывались профилактические пункты, проводились меры предупредительного порядка. Заболевших изолировали для лечения в специализированных отделениях медсанбатов и госпиталей. И как особая карантинная мера, мы ни одного больного не отпускали в отпуск и не увольняли в запас до полного клинического выздоровления.

Летом 1946 года, спросив разрешения у главкома, я поехал в Чехословакию, чтобы познакомиться с народом, природой этой дружеской нам республики. Когда мы с женой были в Пражском кремле и обозревали раскинувшийся внизу город, то увидели остановившиеся недалеко две автомашины и выходящего из первой Н.С. Хрущева.

Никита Сергеевич, увидев меня, подошел, обнял, поцеловал и сказал:

— Давно не видел вас, товарищ Горбатов.

Я познакомил его со своей женой, назвав его по имени и отчеству, а он тихо заметил:

— Не называйте меня по фамилии, я здесь инкогнито, приехал посмотреть Прагу, Чехословакию вообще, и что можно у них позаимствовать при восстановлении нашего разрушенного хозяйства.

Наша работа среди населения города наталкивалась на большие трудности, главным образом потому, что мало было своих людей, знающих немецкий язык. Кроме того, чувствовалось, что чуждые нашим взглядам люди проводят свою работу. Несмотря ни на что, все же было видно, как лед постепенно таял, суровые взгляды немцев становились приветливее, не только старые, но и молодые при встрече начали тепло приветствовать нас.

Были и такие случаи. Однажды с женой и членом Военного совета Щелаковским мы ехали из Шверина. Отъехав 18 километров, в прекрасном буковом лесу увидели ответвление асфальти-

рованной дороги, а на дереве фанерную доску с надписью: «Опасно — тиф!» Нас это заинтересовало, и мы поехали по «опасной» дороге. Проехав по лесу 2—3 километра, на опушке леса, выходявшей к громадному озеру, мы увидели прекрасное здание. Двери были закрыты. Долго мы стучали и звонили. Наконец вышел дородный дворецкий, который не понимал по-русски, но часто повторял «тиф», показывая на верхний этаж.

Мы поднялись наверх. Во всех комнатах никого не было, но видно, что помещение обжитое. Когда же вошли в большой зал, то увидели койки, а на них лежащих людей. Они были упитанные и не похожие на больных; на них сверкало белизной тонкое белье.

На другой день мы прислали начальника особого отдела и врача для проверки, но больных на койках уже не нашли. Эта вилла оказалась охотничьим домом герцога Мекленбургского, а «тифозные» больные — сомнительной честности люди. Об этом факте мною было высказано замечание представителю Смерша.

Исключительно преданные нашему делу, честные люди не раз и не два жаловались мне на неправильные действия отдельных работников госбезопасности.

Некоторые из фактов, приведенных прокурором и председателем военного трибунала, были проверены и подтвердились. Об этих фактах и других я много раз жестко говорил по ВЧ с Серовым, постоянным уполномоченным Берии в Берлине. Однажды я сказал:

— Ваши работники считают себя непогрешимыми. Сколько арестуют, столько и признают виновными. Но такого положения не может быть, людям присущи ошибки.

В ответ услышал:

— Проверим, увидим, насколько правильно.

Прошло около двух месяцев. Трудно сказать, проверялись или нет эти факты, но прокурор и председатель военного трибунала снова мне жаловались, что все повторяется.

— Знаете ли вы, генерал Горбатов, — высокомерно стал поучать меня Серов, — ваш прокурор Котляр был репрессирован в 1938 году. — А после небольшой паузы добавил: — По всему видно, что ваш прокурор не сделал из своей биографии правильных выводов, похоже, и вас лично, генерал Горбатов, Колыма мало чему научила. Хотите еще поучиться? Вам лично в этом могу помочь!

Я вновь повторил все, что слышал, и спросил:

— Правильно ли я вас понял?

— Да, правильно.

Я был возмущен до крайности и положил трубку. Не успел еще прийти в себя, как вновь раздался звонок. Взяв трубку, услышал тот же голос и вопрос:

— Почему вы положили трубку?

— А что мне с вами говорить, — ответил я, — лучше буду говорить с Москвой по этому поводу. В отношении сказанного вами считаю, что у вас руки короткие. Сажает за преступления, и не вы, а советская власть. — И прекратил разговор.

В Москву я все же написал. Из Москвы прибыли три человека для проверки фактов. После мне доложили, что изложенные факты подтвердились.

Попытка Серова осуществить свою угрозу была длительной и серьезной, это я постоянно чувствовал, особенно в 1947—1948 годах. Что помешало Серову это осуществить — понять не могу.

Летом 1946 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР, и я был избран депутатом.

В ноябре 1946 года произошло очередное сокращение войск в Германии. 5-я ударная армия была расформирована. 25 ноября я получил приказ о моем назначении командующим 11-й гвардейской армией. Чтобы застать на месте спешно уезжавшего к новому месту службы бывшего командующего 11-й гвардейской армией генерал-полковника К.Н. Галицкого в Калининграде, я решил на другой день вылететь самолетом. Все свои дела закончил так быстро, что потратил на сборы и последние указания начальнику штаба армии генерал-лейтенанту А.М. Куцеву всего лишь один день, оставив в Германии Нину Александровну для того, чтобы она собрала вещи, погрузила в контейнеры и через 7—10 дней выехала ко мне.

В ноябре темнеет рано. Когда подлетали к аэродрому, было уже темно. Летчик получил с земли разрешение на посадку, не видя не только аэродрома, но и земли. Я стоял около опытного летчика, видел, как он волновался, и подбадривал себя словами:

— Ничего, как-нибудь сядем.

Не видя земли, пилот продолжал делать круги над местом нашей посадки, хотя горячее было на исходе.

Наконец засверкали огни, обозначающие летную полосу. После ряда сильных прыжков наш самолет с шумом и треском приземлился на обочину аэродрома. Все, что было взято с собой бьющегося, было разбито, но мы были безгранично рады,

что оказались на земле невредимыми, а о мелочах не беспокоились.

Оставили черепки битой посуды в самолете и, поблагодарив отважного летчика и начальника аэродрома, отправились по громадному разрушенному городу в штаб. Утром встретился с генерал-полковником К.Н. Галицким, получил от него информацию об армии и ее руководящем составе. В тот же день Кузьма Никитович выехал в город Львов, к новому месту службы.

С начальником штаба армии генерал-лейтенантом И.И. Ледневым прибыли в штаб. К моему удивлению, штаб, службы начальников родов войск размещались в громадном, хорошо сохранившемся здании в центре города. Познакомился с членом Военного совета генерал-майором П.И. Куликовым, а еще через полчаса был представлен всем офицерам и генералам штаба и управлений армии, выстроенным по отделам и службам во дворе штаба.

Закончив знакомство со штабом армии, доложил по телефону командующему войсками Прибалтийского военного округа генералу армии И.Х. Баграмяну о своем прибытии и попросил разрешения приехать к нему для доклада.

Как известно, тогда служебных легковых машин не было, а если и были, то весьма ненадежные. В штаб округа, в город Ригу, я предпочел ехать в кабине грузовой машины марки «Додж» с большим запасом горючего.

Начальник штаба и член Военного совета армии меня предупредили, что проезд по территории Литвы и Латвии небезопасен. Часты случаи нападения на отдельные машины, зверские расправы с пассажирами.

— Советуем взять с собой охрану, — предложили мне.

От охраны я отказался под каким-то удобным предлогом. В годы войны и в период службы в Германии я привык ездить без охраны, сыграло свою роль и то, что я не хотел показаться трусом среди подчиненных. В Ригу выехал только с водителем.

На самом, как говорят, «опасном месте» между Шяуляем и Ионишкисом у машины отказал мотор. Долго возился с ним шофер, но безрезультатно.

Уехав с первой попутной машиной, добрался до городка, где находилось ближайшее отделение милиции, попросил содействия доехать до Риги, а также привести мою неисправную машину.

Генерал армии И.Х. Баграмян встретил меня радушно, тут же сообщил члену Военного совета и попросил его зайти. Член Военного совета округа генерал-полковник И.В. Рогов стал вслушиваться в разговор с командующим. Иван Христофорович напомнил нам о встречах: в 1936 году на полевой поездке в районе Шепетовки, о встрече наших армий в районе Карачева, после Орловской операции, о моей беседе с командующим 38-й армией К.С. Москаленко в 1942 году в штабе Юго-Западного направления.

Он также проинформировал меня об 11-й гвардейской армии. Получив необходимые указания и в заключение нагоняй за то, что выехал в Ригу без охраны, на второй день на машине командующего войсками округа выехал с охраной из двух солдат в Калининград.

Выезжая на места, я знакомился с размещением корпусов, дивизий, частей, с их штабами и руководящим составом. Оказалось, все соединения были размещены в Калининградской области, лишь два гарнизона находились на территории Литвы. Все части были размещены, к моему удивлению, в прекрасно сохранившихся казармах.

Руководящий состав, за малым исключением, произвел на меня хорошее впечатление. Полным ходом шла подготовка к новому учебному году, но внутренний порядок в ряде частей мне не понравился.

Я же продолжал жить в гостинице. Решение вопроса, где будем размещаться, оставил до приезда жены. Вариантов было два: квартира, в которой жил К.Н. Галицкий, или особняк, который он отремонтировал и куда собирался переезжать. Последний мне казался слишком большим. Мне в этом доме не нравился новый двухметровый кирпичный забор, напоминавший тюремную ограду. Но забор уже был построен, да и у первого дома было два забора — металлический и деревянный...

Когда я улетал из Германии к новому месту службы, мы с женой договорились, что она постарается дней через 7—10 приехать ко мне. Но прошло почти полмесяца, а ее все не было. Из писем я понимал, что она добивается разрешения ехать через Восточную Пруссию. Это прямой путь без пересадки прямо до Калининграда, а ее направляют через Брест с неизбежной пересадкой.

Я беспокоился о Нине Александровне не случайно. В южной части Восточной Пруссии остановка поездов, вскрытие вагонов, грабежи и убийства пассажиров были частым явлением. Прошло

еще пять суток мучительного ожидания. В последнем письме она просила помочь, но выехать к ней я не мог.

Мы всегда остро переживали разлуку. Недаром люди, хорошо нас знающие, говорят: «Вечные молодожены, неразлучная пара!» Я не люблю женщин развязных, шумных, болтливых, даже если они и красивы. Мне нравится в них женственность, обаяние, скромность, спокойный характер. Все это я нашел в своей жене, и чем дольше продолжалась наша совместная жизнь, тем больше я находил в ней ценнейших качеств. Даже свои волосы она не стригла, считаясь с моим вкусом, причесывалась гладко, увязывала их в тугий узел. Меня поражала ее постоянная уравновешенность, ее благожелательность к людям, вера в людей, хотя подчас ей платили злом за добро. Я всегда удивлялся, как легко она находит тему для разговора с людьми самых разнообразных профессий.

У моей жены своеобразные взгляды на писателей и их произведения. Например, она очень высоко ценит сочинения Горького, романы Льва Толстого, но не любит их как людей! Ей нравится «Тихий Дон» Шолохова и особенно «Судьба человека», но она никак не желает соглашаться, когда некоторые литераторы называют его Гомером наших дней.

Нина Александровна много пережила за 1937—1941 годы. Это наложило свой отпечаток на ее характер и подорвало здоровье. Она не боится никакой работы и все умеет делать, а главное — любит работу и не сидит без дела. Мы не умели жить врозь! Вот почему я так волновался за жену и так остро ощущал ее месячное отсутствие. Наконец я получил сообщение, что жена выехала и через два дня будет в Калининграде. Казалось, что все будет очень хорошо, но оказалось не так.

Через 12 часов она приехала на станцию Быдгощ, где польская администрация отобрала паровоз, а вагон с вещами прицепила к какому-то составу с оборудованием. И началось хождение по мукам. На различных станциях наш вагон отцепляли, прицепляли и, наконец, на одной небольшой станции отцепили, забыли прицепить и потеряли. На все мои запросы железнодорожная администрация ничего вразумительного ответить не могла. Как это ни странно, вагон и платформы отцепили и забыли прицепить на той станции, где больше всего хозяйничали банды. Но так как никто не знал о существовании и местона-

хождения вагона, то с ним ничего не случилось. Наконец-то «пропажа» нашлась, и Нина Александровна оказалась на станции в 50 километрах юго-западнее Калининграда. Встретились мы будто бы после года разлуки. Жена сказала, что больше никогда от меня не отстанет, и я был ей признателен за это.

По приезде жены мы осмотрели отремонтированный дом, на мое замечание «велик» Нина Александровна возразила: «В нем две семьи все равно разместить нельзя, а если нам велик, кого же думаешь в нем поместить?» Мне пришлось с ней согласиться. Привезенная из Германии мебель была искусно расставлена, и я в шутку называл жену «маленькой хозяйкой большого дома».

Ранней весной, как только появились из земли первые ростки, она поехала по развалинам богатых фольварков, накопала корневищ многолетних цветов, кустарников смородины, крыжовника, малины, сирени и других декоративных растений и засадила весь двор.

В Калининграде зимой 1946/47 года было беспокойно. С наступлением темноты начиналась стрельба, даже пулеметная. Я, будучи большим противником занавесок в машине и глухих заборов, в этой обстановке не раз повторял: «Хорошо, что у нас глухой забор, что во дворе бдительный четвероногий сторож Лиман». Да и другая собака, Аракс, жившая в квартире, представляла надежную охрану. Не раз находили утром подброшенные письма за подписью «Черная кошка» с угрозой уморить пса и добраться до нас. Конечно, такие письма мы принимали за шутку.

К тому времени как я прибыл в бывший Кенигсберг, в прилегающих к нему районах жило много немцев, которые работали на сохранившихся или наскоро отремонтированных небольших предприятиях. В сельской местности они обрабатывали небольшие участки земли, а жившие на берегу моря или залива занимались рыбной ловлей. Вскоре Советское правительство постановило приступить к восстановлению порта и разрушенной промышленности, переселяя в Калининградскую область из областей, в основном РСФСР, рабочих и колхозников.

В числе первых прибыли те, кто предназначался для административной работы в области, а вслед за ними начали прибывать переселенцы — колхозники из разных республик Советского Союза, областей РСФСР и бригады для восстановления промышленных предприятий.

Перед нами, военными, как в центре, так и в районах, встал вопрос о размещении учреждений области и районов и о выде-

лении квартир для переселенцев — рабочих и служащих. Если учесть, что в области и районах были нужны помещения для больниц, школ, клубов, столовых, торговли, складов, а города и поселки разрушены, армии пришлось не только потесниться, но и отдать кое-что из очень необходимого для дивизий и частей.

Со стороны военных было похвально полное понимание этой необходимости. Как только отремонтировали одно из зданий в Калининграде, штаб армии перешел в него и отдал для областных организаций лучшие помещения в городе. Этому примеру последовали части и соединения и в других городах.

В то время армия в большей степени питалась за счет своих колхозов, получая от них не только мясо, овощи, но и зерно на муку. Было приятно наблюдать, как прибывшие бескоронные переселенцы, получив корову или телку в колхозе, с довольной улыбкой вели их к своему жилищу. А командиры соединений и частей, получив подшефный колхоз, помогали ему чем могли. Поскольку все воинские части имели свое подсобное хозяйство и семенной фонд, то, как бы соревнуясь с соседом в оказании лучшей помощи колхозу, помогали лошадьми, машинами, устройством воскресников с выходом в колхоз всей части. Помогали семенами и сеном для скота.

После войны все колхозы остро переживали недостаток тяговой силы. То же было и в колхозе той деревни, в которой я родился (Ивановская область), где председателем колхоза был сын моей родной сестры, который написал мне, спрашивая, нельзя ли купить у нас выбракованных лошадей.

Через 10 дней племянник Василий Куликов был в Калининграде. А еще через неделю, уезжая, увозил с собой 15 выбракованных лошадей, отремонтированную трофейную грузовую машину и электромотор для колхоза.

Командующий округом генерал армии И.Х. Баграмян всегда был строг к точному выполнению приказов центра, но, принимая во внимание положение Калининградской области, не предъявлял претензий, хотя наша помощь области не во всем соответствовала существующим приказам.

Армия продолжала сокращаться. Была проведена большая политическая работа за оседание в Калининградской области увольняемых солдат, сержантов и офицеров. Это дало свои положительные результаты: с притоком молодых здоровых сил значительно были укреплены колхозы, ремонтные бригады,

восстанавливающие промышленность. Многие из офицеров и сержантов стали председателями колхозов, сельсоветов, совхозов, бригадирами совхозов, партийными и советскими работниками.

При организации партийной и советской власти в области и районах я был избран членом бюро обкома, командиры корпусов и дивизий — в бюро райкомов. Это еще больше сближало нас с гражданским населением, оказание разносторонней помощи ему военные считали своим кровным делом.

Вначале первым секретарем обкома был Иванов, до этого занимавший должность первого секретаря одного из районных комитетов Ленинграда. Пробыл он у нас недолго. В Ленинграде началось что-то похожее на 1937—1938 годы. Начали «подбирать» ключи и к Иванову, который, будучи абсолютно честным, но экспансивным человеком, не мог перенести незаслуженную обиду и... совершил непоправимое.

На его место вскоре прибыл В.В. Щербаков. Он был моложе Иванова. Познакомившись с ним, я подумал: «Целесообразнее было послать этого молодого человека в любую область Союза, а сюда направить опытного секретаря». Но Владимир Васильевич оказался весьма способным организатором, хорошим партийным работником и прекрасной души человеком. По моему мнению, он имел излишнюю самоуверенность и недостаточную опытность в работе, которая легла на его плечи. Тогда на это я смотрел так: «Ни революции, ни удачной операции и даже боя в белых перчатках не совершишь». Тем более организация области на земле, куда люди собирались по принципу «С миру по нитке — голому рубаха», когда различные республики и области давали не самых лучших людей, а, как говорится, «на тебе, боже, что нам негоже», была далеко не легким делом.

Владимир Васильевич ко мне, как к человеку в полтора раза старше его, относился очень хорошо, но военных почему-то недолюбливал, — это я относил к тому, что он сам в армии не служил. Я предупреждал Владимира Васильевича, что нельзя делать так, как иногда он делал: соберет секретарей, председателя облисполкома и начнет упрекать справа налево. Советовал ему: если есть необходимость поговорить строго (а необходимость была), вызывай к себе поодиночке, надо щадить самолюбие людей.

Разрушенное войной хозяйство области восстанавливалось. Сельское хозяйство и рыболовецкие колхозы давали хорошие

доходы, обустроивались поселки и города, заработал порт, восстановлено большое количество жилого фонда Калининграда — все это было результатом работы тружеников области. И В.В. Щербаков с удовлетворением может сказать, что в этих достижениях заложен его большой труд как руководителя и организатора.

В 1951 году после перевода меня в Москву на В.В. Щербакова была послана серьезная жалоба в ЦК. В результате проверки этой жалобы В.В. Щербакову было предъявлено обвинение в администрировании и грубости. Он был снят с работы.

В первых числах марта 1950 года меня вызвал министр Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза А.М. Василевский и обстоятельно беседовал со мной о назначении меня командующим Воздушно-десантными войсками.

Я ответил:

— Вам решать этот вопрос, но я прошу оставить меня в прежней должности.

К этому времени на очередных выборах в Верховный Совет СССР меня вторично избрали депутатом Верховного Совета СССР.

Военным, как правило, не приходится долго засиживаться на одном месте: прокомандовал 11-й гвардейской армией три с половиной года. 28 марта 1950 года меня назначили командующим Воздушно-десантными войсками. Снова расставание с хорошо сколоченными коллективами армии, корпусов и дивизий, с прекрасными людьми и способными работниками — начальником штаба армии генерал-лейтенантом И.И. Ледневым, начальником политотдела генералом Ф.А. Дубровским, командиром корпуса генерал-лейтенантом И.П. Рослым, начальником тыла армии генералом М.П. Ереминым, командирами дивизий И.И. Улитиным, Г.И. Корижским, П.А. Великом, командирами полков, которые вложили так много труда и знаний в обучение и воспитание личного состава армии.

Тепло распрощался с руководителями области, с которыми вместе создавали, укрепляли и развивали ее.

Доложил командующему округом генералу армии И.Х. Баграмяну, к которому питал особую симпатию, о сдаче командования армией генерал-полковнику П.И. Батову. При докладе не сдержался, сказал, что в Москву еду с большой неохотой и с большим удовольствием командовал бы 11-й гвардейской арми-

ей. Поблагодарили друг друга, расстались в расчете на частые встречи в Москве.

1 апреля 1950 года прибыл в Москву. Прибыл к министру обороны Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому. Александр Михайлович тут же объявил: «Ваш самоотвод, товарищ Горбатов, признан неубедительным, беритесь за дело смело, работа интересная, масштаб значительно шире, уверен: вам она понравится».

— Напрасно вы отказываетесь от этой работы, Александр Васильевич, — сказал министр обороны. — Вопрос решен. По мере ознакомления с войсками докладывайте свои впечатления и предложения. — И добавил: — Поскольку вам скоро шестьдесят, прыгать с парашютом мы вас не только не заставим, но и не позволим.

Первое знакомство с генералами и офицерами управлений штаба войск, командованием и штабом транспортной авиации, политического управления и службы тыла произвело на меня положительное впечатление. Чем больше узнавал многих, тем больше находил подтверждений своему первому впечатлению. Особенно рад был встрече с хорошо знакомым по войне командующим транспортной авиацией маршалом авиации Н.С. Скрипко. Благоприятное впечатление произвели начальник штаба десантных войск генерал-лейтенант С.Е. Рождественский, председатель технического комитета А.А. Лапин, командиры корпусов генерал-лейтенанты И.В. Грибов, Д.В. Добровольский, А.А. Дьяков.

Солдаты и сержанты Воздушно-десантных войск были с хорошей выправкой, образование не ниже семи классов. Командиры батальонов, рот и часть командиров взводов были участниками Великой Отечественной войны. Было видно, что много внимания уделяется парашютной, физической и строевой подготовке.

При подготовке и проведении учений с десантированием я с удовольствием видел тщательность при укладывании парашютов, сноровку, с какой парашютисты покидают самолет и приземляются. Но иногда десантников выбрасывали только в хорошо знакомые районы, а это снижало значение учения. Кроме того, люди подчас были медлительны в действиях при захвате района после приземления и в окапывании при обороне.

Глубже вникая в жизнь подразделений, анализируя причины недостатков, в каждой дивизии проводили опрос претензий,

особенно в тех частях, в которых было много проступков. Мобилизовали внимание командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций на еще большие показатели в боевой, политической подготовке, на укрепление дисциплины.

Рассказывал о способах и методах обучения и воспитания, которые давали положительные результаты в 11-й гвардейской армии, делился личным опытом. В каждой дивизии вечерами беседовали с офицерами или солдатами, а иногда собирали полк в целом, проводили и индивидуальные беседы с отдельными офицерами и с группами солдат и сержантов, склонных к проявлению недисциплинированности. Днем, начиная с подъема, изучали распорядок дня, как он выполняется, проверяли количество охватываемых учебой, насколько полно используется учебное время и каково качество проводимых занятий.

При опросе майор, командир батальона, человек атлетического телосложения, заявил: воевал я добросовестно, имею награды (три ордена и четыре медали), без труда переносил холод, голод и другие лишения войны, являюсь лучшим спортсменом в дивизии, на войне командовал батальоном и сейчас батальоном, меня не только не продвигают по службе, но представили к увольнению. Правильно ли это?

Естественно, на его вопрос я не мог дать ему ответа, а потому приказал прийти на следующий день в 17 часов в штаб части.

В указанное время командир дивизии по моему приказу собрал своих заместителей, командиров частей и их заместителей по политчасти. Мы беседовали с ними по разным вопросам вчерашнего опроса; рекомендовал опросы производить регулярно: командиру дивизии — раз в год, а командиру полка — два раза. Чтобы исключить панибратство и круговую поруку, рекомендовал: за провинность солдат должен наказывать в первую очередь сержант, и лишь когда он использует свою власть, должен наказывать офицер; не допускать впредь такого положения, когда наказывают только офицеры; рекомендовал снять колючую проволоку с заборов, но забить все имеющиеся в них дыры, усилить политическую работу против самовольных отлучек, упорядочить увольнения в город; уточнить распорядок дня и точно его выполнять; рекомендовал больше внимания уделять работе с комсомольцами, поскольку их было более 70 процентов, но при этом не полагаться только на комсомольских работников, а заниматься всем политработникам и командирам.

О жалобе командира батальона командир полка доложил, а его заместитель по политчасти подтвердил следующее: воевал он действительно хорошо, является неплохим командиром в мирное время, действительно лучший физкультурник, но жалобы подчиненных на его грубость идут сплошным потоком. Он обзывает калеками всех тех, кто не так, как ему хочется, выполняет упражнения на снарядах. В его батальоне сидящих на гауптвахте больше, чем во всех остальных подразделениях полка. Говорили с ним не раз, обещает исправиться, но не выполняет, вот и пришлось представить к увольнению.

Прибыл майор. После того как ему было предложено место за столом, мною были заданы ему вопросы и получены от него ответы.

— Почему на вас так много жалоб, а в батальоне так много проступков?

— Над этим задумывался не раз, но понять не могу. Требую только то, что положено, — ответил майор.

— Методикой обучения предусмотрено — переходить от простого и менее трудного к более сложному и трудному. Согласны ли вы с этим?

— Да, согласен.

— Будете ли вы считать правильным, если подчиненные вам сержанты на первом месяце обучения молодых солдат будут от них требовать так же стрелять, выполнять упражнения на брусьях, как выполняют сами сержанты?

— Нет, буду считать это неправильным.

— Почему же вы, лучший спортсмен части, оскорбляете солдат и сержантов, если они не так выполняют, как вы, то или другое упражнение?

Молчание.

— Вы начали военную службу солдатом или сразу офицером?

— Офицером.

После этого я рассказал ему о прочитанной книге, в которой написано примерно следующее. Один из признанных полководцев спросил Чингисхана: «Почему тебя, а не меня назначили ханом?» Чингисхан ответил: «Нет во всей стране богатыря, подобного тебе. Не знаешь ты устали, не чувствуешь ни жары, ни холода. Поэтому не заботишься о других воинах, а они чувствуют и жару, и холод, и усталость, значит, не подобает тебе быть ханом. Подобает быть ханом тому, кто сам в меру чувствует жару

и холод, а потому понимает нужды других людей. У не имеющих желаний нет глаз, у бесполезного нет славы».

Трудно сейчас сказать, говорил ли так Чингисхан или это придумал автор книги, но в сказанном имеется глубокий смысл.

— Вот вы, товарищ майор, имеете большую физическую силу, спортсмен, были храбрым в бою, мы верим, что без труда вы переносили лишения военной обстановки. Но можно ли думать, что те, кого вы обзываете «калеками», имеют такую же физическую силу, как вы, способны все выполнять так, как выполняете вы? Вам не пришлось быть солдатом, это не ваша вина, вы не испытали на себе солдатской службы, возможно, потому вам и трудно понять психологию солдата.

Вот я был солдатом в царской армии пять с половиной лет, хорошо знаю, как тяжело было солдату переносить оскорбления от дворянина — офицера царской армии. Особенно тяжело терпеть оскорбления солдату Советской Армии от офицера, вышедшего из семьи рабочего, крестьянина или трудовой интеллигенции.

Чем отличается наш солдат от офицера? Лишь тем, что меньше учился за счет государства, а потому и не стал офицером, и в этом тоже порой не его вина.

Вот здесь до вас мы, обсуждая ваше положение, пришли к выводу, что вы, успевающий офицер, оскорбляете солдат, желая, чтобы ваши подчиненные быстрее и большему научились, но нельзя чрезмерно гнуть палку — ее можно сломать. Нельзя бить на долготерпение подчиненных — оно тоже может лопнуть, нельзя оскорблять достоинство человека. По вашему примеру поступают подчиненные вам офицеры и сержанты, вот и получается перегиб, многие сидят на гауптвахте без достаточных оснований, и много жалоб на вас. Все это мешает вашему продвижению по службе, поэтому и представлены вы к увольнению из кадров армии.

Майор вскочил со стула, скороговоркой и с горечью проговорил:

— Да, верно, это мой большой недостаток, но сам я не мог о нем догадаться, а тот, кто меня вызывал и беседовал со мной, этого не сказал, попрекал только грубостью. Теперь я все понял и свои недостатки могу изжить. Дайте только срок, и вы увидите, убедитесь в искренности моих слов.

Отпуская майора, я ему сказал:

— Умейте требовать твердо, справедливо и разумно. Это должен уметь каждый командир.

Позднее мы узнали, что майор, вернувшись от нас в батальон, собрал офицеров и сержантов, подробно им рассказал о нашем с ним разговоре, даже своими словами рассказал и о Чингисхане (правда, как я слышал, многое перепутал). Он дал подчиненным командирам новые установки, сам резко изменил свое отношение к людям, и его батальон стал одним из лучших, а он получил продвижение по службе вместо увольнения из армии.

Раньше мне не приходилось сталкиваться по работе с десанниками, а потому никогда и не задумывался над обучением и действиями их в тылу противника. Мне казалось, что главное отличие состоит в обучении прыжку с парашютом, а в действиях на земле большой разницы нет.

Но когда присутствовал уже на первых учениях с десантированием, мне показалось странным, что десантники после приземления в тылу противника собирались в укрытия, выставляли непосредственное охранение, высылали разведку, офицеры производили рекогносцировку и в зависимости от результатов разведки и рекогносцировки принимали решение.

Мне все это показалось очень неправильным. По своей натуре я не терпел тех вновь назначенных командиров, которые, прибыв в соединение или часть, не успев еще ознакомиться с их условиями жизни и работы, не узнав, почему что-то делается так, а не иначе, начинают отменять существующее, вводить новое, далеко не лучшее, находить негодным все, что было до него.

Но на этот раз я изменил себе. Присутствуя на первых, мало знакомых мне по организации и проведению учениях, я резко выступил на разборах по поводу имевшихся недостатков. Обращал внимание офицеров и генералов на то, что при перелете нашей десантной авиации через линию фронта все соединения, части и подразделения противника, находящегося в его тылу на этом направлении, будут предупреждены и изготовлены к бою; а как только узнают о месте высадки десанта, будут брошены против него. Могли ли мы допустить, чтобы после десантирования наши воины бездействовали часами, ожидая данных разведки, рекогносцировки и принятия решения? Нет, нельзя. Все указания подразделениям и частям по захвату и удержанию района должны быть отданы заблаговременно, еще в тылу наших войск при подготовке к десантированию.

Сразу же после приземления, не теряя ни одной минуты, на основании ранее полученных указаний, одни должны очищать от противника район десантирования, другие — в то же время — выходят на границы намеченного района и организуют оборону. Части и подразделения, выполнившие задачу по очистке района от противника, немедленно должны усилить оборону в указанном им секторе.

Многу обращалось внимание на то, что в ряде случаев части и соединения противника, которые находятся в 30 километрах от района десантирования, через час уже будут вести бой с обороной десанта в то время, когда весь район десантирования еще не будет очищен от противника. Вот почему нужно так спешить десанту с очисткой района от противника и возможно быстрее организовать оборону, влезая глубже в землю.

Тем же летом на обсуждение командиров соединений был поставлен вопрос: нужно ли иметь сплошную оборону в тылу противника, не лучше ли обороняться опорными пунктами с простреливанием промежутков между ними? Опорные пункты были приняты.

Ротный район обороны обычно имел три опорных пункта (ОП), построение их было углом назад, а на местности, труднопроходимой для танков, все взводы, роты строились в линию. Основой гарнизона ОП был обычно парашютный взвод, усиленный станковыми пулеметами и противотанковыми средствами. Величина промежутков зависит от рельефа местности, ее проходимости танками и важности направления.

Мы рекомендовали не дробить силы гарнизона опорных пунктов, а группировать их на небольшом участке, чтобы офицер своими глазами видел своих подчиненных, а подчиненные видели своего офицера и слышали его команду своими ушами. Все это, по нашему мнению, должно способствовать более целесобразному использованию всех огневых средств в нужном направлении, усилению устойчивости обороны и лучшему преодолению страха солдатами и сержантами, особенно в связи с применением ядерного оружия.

В этом деле большую полезную работу проделал прибывший в войска генерал-майор инженерных войск Б.А. Жилин. Этот боевой генерал обладал незаурядным умом, неиссякаемой энергией и работоспособностью. Он большое количество дней в году проводил в соединениях войск, настойчиво обучал подразделения обороне с системой опорных пунктов. Как правило, прово-

для показательные занятия, он добивался от командиров и солдат уяснения, в какой степени можно окопаться в 30, 60, 90 минут; какой формы должен быть опорный пункт, чтобы иметь круговой обстрел. Все у него было рассчитано, обосновано и подтверждалось практической работой гарнизона опорного пункта. В течение короткого времени в этом отношении мы добились громадных успехов, и опорные пункты в войсках приобрели права гражданства. В дальнейшем на проводимых учениях мы больше не видели, чтобы десантники после десантирования теряли драгоценные минуты на сидение, как рак на мели. За первые 30 минут десантники выполняли одну норму земляных работ, за час — другую, а если позволяла обстановка, то за следующие полчаса отрытые окопы на отделение соединяли ходами сообщений.

На одном из учений произошел такой случай. После выброски большого десанта из самолета два парашютиста, у которых были уже раскрыты парашюты, столкнулись в воздухе, и у одного из них парашют сложился, что угрожало ему гибелью. Другой не растерялся в столь сложной обстановке, мгновенно схватил стропы сложившегося парашюта и с риском для себя на одном парашюте с удвоенной скоростью стал приближаться к земле.

С земли мы с тревогой наблюдали за их столкновением, видели, как свернулся один купол и как оба опускались на одном парашюте. Командир дивизии вместе с врачом сели в машину и поехали к месту возможного их приземления, а мы продолжали наблюдать в бинокли за их ускоренным спуском. Видели, как они приземлились и никто из них не поднимался, как это обычно бывает, чтобы погасить наполненный ветром парашют. Все это увеличивало нашу тревогу, и мы ожидали грустных известий.

Продолжая наблюдать, все видели, как к месту приземления подъехала машина, как вышли из машины командир и врач, как навстречу им поднялись два человека. У всех наблюдавших эту картину вырвался вздох облегчения и радостные восклицания: они живы, они здоровы! Вскоре вернулся командир дивизии и с улыбкой доложил:

— Все благополучно, оба отделались небольшими ушибами, они обнимали и целовали один другого, когда мы к ним подъехали.

Кто-то сказал:

— Никто из них не стал тушить парашют, мы уже думали...

— Им было не до парашюта, — ответил командир дивизии.

— Так бывает в бою. Один, рискуя своей жизнью, спасает жизнь другого, и оба остаются живы, — сказал я.

— Десантники это делают и в мирное время.

Воин-десантник, спасший жизнь товарищу, был удостоен правительственной награды. Сожалею, что забыл фамилию этого отважного молодого воина, но помню, с какой гордостью он произнес:

— Я успел, успел схватить стропы и удержал...

Мне тут же сказали, что случаи складывания парашютов в воздухе были и раньше, но то было на большой высоте, и десантники успевали раскрыть запасной, но были и несчастные случаи.

Позднее я не раз наблюдал на тренировках и учениях подобные столкновения парашютов, и все это происходило с куполом парашюта новой системы. У меня и раньше возникал вопрос: почему сейчас у десантников парашют непривычной формы, ведь прежде был круглый из многих клиньев? Но я молчал, боясь, с одной стороны, показаться смешным в глазах подчиненных — опытных десантников, а с другой стороны, не исключал того, что этим вопросом невольно подорву веру в действующий парашют.

После ряда случаев я собрал пятерых ответственных, опытных парашютистов из руководящего состава и задал им такие вопросы: почему прежний купол парашюта был заменен новым и от кого исходила инициатива замены? При этом их предупредил, что этот разговор должен остаться только между нами, иначе, если это дойдет до солдат и сержантов, они будут меньше верить в существующий парашют, а этого допустить нельзя.

— Конечно, прежний надежнее, — сказали двое из пяти. Трое высказались за новый.

При этом все ответили, что перешли к новому в конце войны, а по чьей инициативе — на этот вопрос никто не мог ответить. Тогда я подумал: «Инициатор, вероятно, находится в этой тройке. Все они знают виновника замены, но не хотят его поставить в неловкое положение в глазах нового командующего».

Пришла осень, такое время года, когда мы должны заказывать промышленности очередную большую партию парашютов вместо тех, с которыми уже произведено положенное количество прыжков, или пришедших в негодность раньше срока. Тут меня заинтересовали новые вопросы: на сколько прыжков рассчитан парашют? Почему бракуются раньше срока? Куда сдаются использованные и выбракованные?

Мне доложили: положенного количества прыжков большинство парашютов не выдерживает; их приходится сдавать значительно раньше срока потому, что на многих появляются различные пятна. Отправляют их на ту же фабрику, откуда получили. Цена устанавливается почти как на утиль. Все это мне показалось странным.

На заседании Военного совета я выразил удивление, почему определено так мало прыжков на парашют; почему до сих пор отправлялись в утиль парашюты почти новые, лишь потому, что на них были темные пятна. Ведь парашют белый, прыгают с ним на землю в любую погоду и на любой грунт, поэтому пятна могут появиться после первого прыжка, а потому браковать парашют по этим признакам нецелесообразно. Считал, что количество прыжков, запланированных на каждый парашют, очень занижено, а сдавать даже вышедшие из строя парашюты по такой низкой цене нецелесообразно.

Эти вопросы мы обсудили на Военном совете. Пришли к выводу: из числа тех парашютов, которые предназначены к отправке на фабрику в утиль, отобрать 15 штук самых худших, испытать на прочность с грузом, равным по весу вооруженному парашютисту. Количество выбросок произвести в два-три раза больше положенного. Оказалось, что эти «худшие» с честью выдержали увеличенную в три раза нагрузку! С тех пор норма на каждый парашют была увеличена в два раза, после этого парашюты подвергались новому испытанию, снова пускались в работу. Парашюты с пятнами от земли перестали браковать. Таким образом, жизнь каждого парашюта была продлена в три-четыре раза.

Заказ на большую партию обычных парашютов в этом году мною был отменен, а столь же большая партия, предназначенная к отправке на фабрику, не была отправлена. Это вызвало бурю возмущения у руководства фабрики. Они нам говорили, что мы на это не имеем права, заказ включен в план и тому подобное. Мы не исключали того, что основная причина столь бурного их возмущения состояла в том, что они не получили массу парашютов по цене утиля. У специалистов, прибывших с фабрики для крупного разговора со мной, мне удалось узнать историю перехода от круглого парашюта к нынешнему. На мои вопросы они ответили: нынешний шить значительно проще, сшивай только полотнища, его шить может любая мастерица, а круглый, с множеством клиньев, значительно труднее, его может шить только высококвалифицированный мастер. Во время войны рабочих рук

не хватало; мы предложили десантникам, они испытали и согласились.

Получив эти ответы, я еще больше насторожился в отношении парашюта новой формы. Нецелесообразность заказа таких парашютов стала очевидной. На складах их было множество, а при новой системе их отбраковки каждый из них будет служить значительно больший срок. Было решено перейти на круглый купол. Все это мы доложили министру обороны, и он с нами согласился.

То же было с заказом на ножи для десантников. На складах их было очень много, и каждый год заказывались все новые партии. Я поинтересовался их назначением, оказалось, что задолго до войны, когда десантники прыгали с крыла тихоходного самолета, один из них зацепился за хвостовое оперение. Чтобы десантник мог перерезать зацепившуюся стропу, были введены ножи. Но уже давно самолеты стали иными, риск зацепиться исчез, а ножи использовались для открывания консервных банок. С заказом ножей было покончено.

Первый раз в роли командующего Воздушно-десантными войсками мне пришлось участвовать в большом учении, которое проводил Маршал Советского Союза А.М. Василевский в восточной части Германии. Наша подготовка к десантированию понравилась.

На разборе грамотные, умелые и целенаправленные действия десантников были высоко оценены руководством, за что я был награжден золотыми часами.

На XIX съезде партии я был избран кандидатом в члены Центрального Комитета КПСС, а в 1950 году вторично был избран депутатом Верховного Совета СССР. Но вскоре я почувствовал, что лежащая на мне служебная ответственность возросла.

Генералы и старшие офицеры Воздушно-десантных войск много внимания уделяли военно-научной работе, и в первую очередь изучению и критическим разборам воздушно-десантных операций, проведенных в войне 1939—1945 годов. Мы стремились уяснить, что способствовало их успеху и что являлось причиной неудач.

Напрашивался вывод, что десантные операции, проведенные в прошлом как нашими, так и англо-американскими и немецкими войсками, не могут служить полноценным образцом для будущего, а потому, полагаясь только на старый опыт, можно впасть в ошибку. Мы имели в виду, что те десанты не были осна-

щены в достаточной степени тяжелым оружием и современными техническими средствами, без чего впредь решать задачи в тылу противника будет невозможно. Но теория военного искусства в значительной степени зиждется на изучении проведенных операций, на основе критического к ним подхода, на внесении существенных изменений в способы боевых действий в зависимости от характера новых средств борьбы.

Поэтому в войсках не только не отрицали пользы изучения десантных операций прошлой войны, а, наоборот, стремились получить как можно больше материалов по организации и проведению этих операций как в нашей армии, так и иностранных.

При изучении менее удачных операций прошлой войны мы приходили к выводу, что их основными недостатками были: слишком растянутый по времени период десантирования; медлительность в приведении десанта в боевую готовность; недостаточная решительность войск при захвате объектов в районе десантирования.

Нет сомнения, что изучение боевых операций Второй мировой войны 1939—1945 годов сохранит свою ценность и на будущее. Критически изучая эти операции, мы научимся многому и сделаем для себя перспективные выводы на будущее.

Будучи патриотами своего рода войск, мы постоянно считали: если будущая война будет нам навязана, то Воздушно-десантные войска (ВДВ), как новый и перспективный род войск, ожидает многогранная и полезная работа в тылу противника. ВДВ будут в первых эшелонах войск, удивляя людей своей маневренностью, смелостью, отвагой и воинской доблестью. С каждым днем моей службы в ВДВ я больше и больше убеждался в огромном поле деятельности этого рода войск — стремительного, мобильного, решительного, дерзкого по методам и способам выполнения боевых задач. Придавали мы огромное значение инициативе и самостоятельности дерущихся в тылу врага войск, и не только инициативе офицеров, но и сержантов и солдат. Учитывая этот опыт и подвижность будущего противника, большое внимание уделяли быстрому захвату района десантирования и переходу к обороне. Учили также упорной обороне захваченного района до подхода своих войск.

Если взаимодействию и взаимозаменяемости придается особое значение в вооруженных силах, то в ВДВ мы шли дальше. На втором-третьем году службы у нас десантники и стрелки дополнительно изучали не только смежную специальность, но и

обязанности связиста, сапера, а специалисты изучали обязанности стрелков.

Наряду с оперативной подготовкой штабов и войск со-вершенствовали тактику, особенно действия рот, взводов, отде-лений.

Мы видели, как благодаря энтузиазму советских людей бы-стро было восстановлено разрушенное войной народное хозяй-ство, какими темпами создавалась новейшая техника. В то же время не могли не заметить, что пассажирский самолет Ил-12, поставленный на службу десантным войскам в качестве тягача планеров и десантирования войск, быстро устаревает и стано-вится непригодным для десантирования тяжелой техники.

Много раз собирали узкий круг опытейших специалистов десантных войск — маршала авиации Н.С. Скрипко, С.Е. Рож-дественского, А.А. Лапина, И.Н. Лышенко, начальника полит-управления Н.Т. Зяблицина. Обменивались суждениями по на-сущным вопросам и всегда приходили к единому мнению: пора кончать с приспособлением случайных самолетов для обеспече-ния десантных войск, пора распрощаться с планерами и иметь свой десантный самолет. Нашей мечтой было иметь самолет с большой скоростью, дальностью полета и грузоподъемностью. Важно, чтобы он мог садиться на ограниченную по размерам полевою площадку, для упрощения погрузки и выгрузки имел бы низкую посадку, а при выброске десантников мог бы сни-жать скорость полета до 270—320 километров в час.

Осуществление этой мечты позволило бы поднимать не толь-ко воздушно-десантные войска, но и мотострелковую дивизию при значительно меньшем количестве самолетов, тогда резко сократился бы период десантирования. Естественно, наши меч-ты этим не ограничивались, мы хотели иметь свои десантные танки, самоходки, автомашины и другую технику.

Мы уже вошли в контакт с новым и, на наш взгляд, перспек-тивным авиаконструктором О.К. Антоновым.

Договорились с ним о тактико-технических данных десант-ного самолета, который был бы выгодным и для перевозки по воздуху пассажиров и любых грузов в мирное время. Но к вы-полнению нашего заказа Олег Константинович Антонов долго не мог приступить. То ли не было завода, способного строить такие самолеты, то ли руководство не совсем доверяло столь мо-лодому и малоизвестному конструктору. Мы даже не исключали того, что исполнение заказа тормозил опытнейший и всеми

уважаемый Андрей Николаевич Туполев, который, возможно, хотел бы приспособить к нашим задачам свой хороший, но уже устаревший самолет. Не исключено, что наше мнение было ошибочным, но оно у нас было.

Ведь каждый из нас по собственному опыту знает, как трудно взглянуть по-новому на свою некогда излюбленную идею, особенно в том случае, когда она была для своего времени действительно передовой.

Не раз мы вели разговоры с конструкторами вертолетов Николаем Ильичом Камовым и Михаилом Леонтьевичем Милем. Хотелось, чтобы вертолеты можно было использовать для тактических и даже оперативных десантов. В то же время мы боялись, что заказы на вертолет могут еще дальше оттянуть постройку десантного самолета.

Но вот период наших треволений и ожиданий сменился радостью: самолет с нашими тактико-техническими требованиями Олегу Константиновичу Антонову был заказан, были заказаны и вертолеты. К обычной 85-миллиметровой противотанковой полевой пушке приделали мотор, что облегчило ее перемещение на поле боя. Получили противотанковую пушку на гусеницах с броней от пуль, а потом и автомашину ГАЗ-69, построенную по нашим требованиям и получившую большое распространение не только по всей армии, но и в сельском хозяйстве страны. Вскоре для нас сконструировали вертолет, а потом и десантные самолеты Ан-8 и Ан-12, которые полностью удовлетворили воздушно-десантные войска.

Еще раньше был сделан прибор для автоматического раскрытия парашюта при прыжках, созданный тремя братьями Дорониными, которые за эту работу удостоились Государственной премии, и мне хочется сказать несколько слов об этих тружениках: они не только сконструировали этот прибор, они сами же его испытали и усовершенствовали. Учитывая, что мы отказались от заказов на парашюты квадратной формы и то, что уже строятся самолеты со значительно большими скоростями, они много и упорно работали над уменьшением динамического удара при раскрытии парашюта и достигли своей цели. К великому нашему сожалению, при выполнении испытательного прыжка погиб один из братьев.

Тогда было написано удачное наставление для Воздушно-десантных войск, в котором простым и доходчивым языком были подробно изложены организация десантирования и действия де-

сантников в тылу противника с учетом различных условий, что значительно облегчало подготовку войск.

Опишу одно неприятное явление. Хорошие взаимоотношения у меня были не только с командирами корпусов, дивизий, но и с их заместителями по политической части; хороши они были и с начальником политуправления генералом Н.Т. Зяблициным, который всегда охотно ездил вместе со мной в войска.

Не ладилась у меня взаимоотношения с членом Военного совета А. Литвиновым. Неудивительно, что это меня беспокоило и вносило некоторую нервозность в работу.

С А.И. Литвиновым я не раз пытался найти общий язык, и как будто это удавалось, но проходило время, и я видел, что все оставалось по-прежнему.

На беседе у начальника Главного политуправления Ф.Ф. Кузнецова по этому вопросу я убедился, что его симпатии явно на стороне Литвинова. В практике моей длительной работы это был первый случай несработанности с членом Военного совета, и меня это беспокоило все больше и больше. Я стал спрашивать тех командующих, с которыми Литвинов работал до десантных войск. Они примерами и фактами мне доказывали его большую неуживчивость и с ними.

Пришлось этот вопрос вынести на рассмотрение высшей инстанции. К этому времени выяснились новые факты, которые подтвердила специально назначенная комиссия Главного политуправления, работавшая в управлении войск.

При разборе дела в отношении А.И. Литвинова были сделаны довольно серьезные выводы, поскольку эта неуживчивость стала у него хронической. Он был уволен в запас. Конечно, и мне попало рикошетом. Таким образом, это неприятное явление в работе было устранено.

Одним из корпусов командовал генерал-лейтенант И.В. Грибов.

Командовал он долго и успешно. Его хорошо знали за пределами корпуса, а в своем корпусе он заслуженно пользовался у подчиненных большим уважением. Он был прекрасным организатором, хорошо знал свое дело, был трудолюбивым и скромным. Он уходил от нас на повышение. С одной стороны, было жаль лишаться такого командира, а с другой — было радостно, что это продвижение заслуженное.

Вместо И.В. Грибова по личной просьбе был назначен главный маршал авиации А.Е. Голованов, который во время войны

командовал авиацией дальнего действия. Вскоре после войны он был освобожден от командования АДД и направлен на учебу в Академию Генерального штаба.

Встретили мы его радушно. Я вместе с ним выехал в штаб корпуса, представил его генералам и офицерам управления корпуса.

Александр Евгеньевич был довольно красноречивым, охотно вел разговор об оперативном искусстве, стратегии, избегал разговоров о тактике стрелковых и воздушно-десантных частей и подразделений.

В корпусе к Главному маршалу относились по-разному: одни с боязнью, другие с подчеркнутым уважением к его высокому званию. Испытанные в боях и заслуженные командиры дивизий С.Н. Боршев, М.А. Еншин внимательно присматривались к новому командиру, сравнивали его с Грибовым. Неудивительно, что их симпатии были на стороне генерал-лейтенанта И.В. Грибова, который до тонкости знал подготовку как соединений, так и подразделений.

До нас стали доходить слухи, что к высокому званию нового командира корпуса присвоили две клички: «Математик, не знающий арифметики, и стратег, не знающий тактики». Пришлось совершить внеплановый выезд в этот корпус, приурочив его к проводимому им учению с десантированием, чтобы поговорить с командованием дивизий и поставить точку на этих разговорах.

Нас удивило, что за трехмесячное командование корпусом А.Е. Голованов еще ни разу не был в одной из трех дивизий, которая дислоцировалась всего лишь в 60 километрах от штаба корпуса. Когда я выразил ему удивление по этому поводу, то услышал странный ответ:

— Все собирался, да не мог, был намерен выехать на прошлой неделе, да что-то задержало.

На мой вопрос командирам дивизий, насколько сильно чувствуется руководство командира корпуса, они, как будто сговорившись между собой, ответили: «Рады тому, что он не мешает нам работать».

Было видно, что и Александр Евгеньевич неважно чувствует себя в этой роли. Мои указания как командующего, но в звании генерал-полковника, и советы маршала авиации Н.С. Скрипка как бывшего его заместителя по дальней авиации не производили на главного маршала должного впечатления.

Пришлось ставить о нем вопрос перед министром обороны. Поскольку главком Военно-Воздушных Сил не мог найти рабо-

ту А.Е. Голованову в авиации, а использовать его в должности командира корпуса было нецелесообразно, министром обороны было принято решение об увольнении в запас, хотя главному маршалу авиации А.Е. Голованову в то время было около 48 лет.

Он пожаловался на министра обороны в ЦК КПСС, на недооценку его способностей, но ЦК признал увольнение единственно правильной мерой. Наряду с этим считаю необходимым добавить, что А.Е. Голованов с февраля 1942 года, будучи командующим авиацией дальнего действия, внес достойный вклад в победу. Авиация дальнего действия под его руководством успешно решала сложные боевые задачи. Заслуги А.Е. Голованова перед Родиной отмечены рядом высоких государственных наград: двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени и орденом Красной Звезды.

Большими львовскими маневрами с выброской и высадкой крупного воздушного десанта руководил министр обороны. У района выброски-высадки была построена вышка, на которой находилось руководство Министерства обороны СССР, министры обороны ряда социалистических стран, многие командующие войсками округов, партийные и советские работники, приглашенные на маневры. Маршал авиации Н.С. Скрипко, находясь у радиостанции, поддерживал связь с десантом в воздухе, четко объявлял: десант в 20, 15, 10 минутах от нас.

На всех лицах было видно торжественное нетерпение увидеть что-то грандиозное и невиданное. Все впились взглядом в горизонт в северо-восточном направлении, будто желая увидеть первыми воздушные колонны.

У меня, как на войне во время наступления, мысли были заняты другим: сумеем ли выбросить и посадить в точно заданный, незнакомый для летчиков район, все ли обойдется благополучно? Последние минуты казались часами.

Министр, словно читая наши мысли, шуточно сказал: «Смотрите, как переживает Горбатов. По-видимому, не очень уверен в выброске в этом районе, а мы, как моряки на корабле Христофора Колумба, устремили свои взгляды по ходу корабля, чтобы увидеть землю первыми».

Но вот Николай Семенович Скрипко объявил:

— В пяти минутах.

Нетерпение всех еще более увеличилось. И вот кто-то вскрикнул:

— Вон они, над лесом! А за ними другая колонна!

Самолеты уже недалеко от нас. За передовыми самолетами появились темные точки, и над ними стали раскрываться белые купола. В течение нескольких минут все голубое небо покрылось белыми куполами, быстро приближающимися к земле. А над ними появлялись все новые и новые колонны самолетов, и сзади них — темные точки, а потом раскрывались над ними белые купола.

Было видно, как парашютисты, освободившись от парашютов, быстро собирались на сигнал командира и устремлялись одни к внешней границе района для занятия обороны, другие вели бой, очищали район от «противника». Все протекало строго по плану, рассчитанному до минуты, и вполне благополучно.

Вот появились и самолеты с прицепными планерами, которые отцеплялись один за другим, парили в воздухе, направлялись в назначенные для них районы и приземлялись. Из них начали выскакивать люди, а вслед за ними выкатывались пушки и автомашины. К машинам прицеплялись пушки, в кузова садились люди, и машины с пушками мчались в том направлении, где до этого скрылись парашютисты.

В это время сердце мое наполнилось гордостью. Я подошел к Николаю Семеновичу, поблагодарил его за столь точную выброску и высадку в незнакомый район, поделился с ним своей радостью по поводу благополучного приземления большого количества людей и техники.

На разборе министр обороны высоко оценил точную выброску и высадку и поблагодарил маршала авиации Николая Семеновича Скрипко. Дал отличную оценку действиям десанта на земле. Ряд командиров и политработников получили ценные подарки. После разбора министр подошел ко мне и сказал:

— А вы, Александр Васильевич, так упирались, не хотели идти в такие прекрасные войска, — поблагодарил и пожелал дальнейших успехов.

Столь же успешно десантные войска действовали на белорусских маневрах и юго-западнее Киева и в других районах. Командный состав войск приобретал ценный опыт по организации выброски (высадки) и действий на земле в тылу противника, вызывая восхищение всех, кто видел это зрелище.

В 1954 году я в третий раз был избран депутатом Верховного Совета СССР. В том же году, когда хорошо освоился с работой в десантных войсках, я был вызван к министру обороны, который предупредил меня о том, что у руководства имеется намере-

ние назначить меня командующим войсками Прибалтийского военного округа, так как генерал армии И.Х. Баграмян будет назначен на другую должность.

Поблагодарив Н.А. Булганина за доверие, я дал свое согласие.

Прошло лишь немногим более четырех лет, я успел войти во вкус работы в десантных войсках, хорошо изучил ту категорию командиров, политработников и начальников, которую надлежит знать командующему, и снова пришлось переживать разлуку.

Мне грустно было расставаться с такими замечательными товарищами, как С.Е. Рождественский, Н.Т. Зяблицин, А.А. Дьяконов, И.В. Грибов, Д.В. Добровольский, И.К. Брушко, М.А. Еншин, С.Н. Борщев, Ю.Н. Беляев, А.А. Лапин, И.Н. Лышенко, П.М. Хворостенко, А.И. Зигаев, Б.А. Жилин, П.С. Тихонов, Ф.П. Драницин, А.Н. Николаевич, братья Доронины, и со многими другими, о которых, как и вообще о Воздушно-десантных войсках, навсегда сохраню самую лучшую память. Расставаясь с Воздушно-десантными войсками, мне особо хочется сказать о Николае Семеновиче Скрипко, участнике боевых действий с белогвардейцами на Дальнем Востоке, члене ленинской партии с 1927 года. В конце 1922 года после освобождения Приморья от интервентов и белогвардейцев краском Н.С. Скрипко служил в должности начальника связи и разведки управления гаубичного артиллерийского дивизиона.

Случайно он поднялся в воздух. И заболел воздухом. Летать, только летать! В мае 1927 года Н.С. Скрипко завершает обучение в знаменитой Качинской школе летчиков. Он прошел боевой путь от летчика, командира авиационного звена до командующего военно-транспортной авиацией.

Великую Отечественную войну Н.С. Скрипко встретил в Белоруссии в июне 1941 года в должности командира 3-го дальнебомбардировочного корпуса. С марта 1942 года — он заместитель командующего авиацией дальнего действия. Николай Семенович принимал самое активное участие в организации боевого применения АДД под Ленинградом и Сталинградом, в битве за Кавказ и на Курской дуге, при освобождении Белоруссии, Прибалтики и разгроме противника в Восточной Пруссии.

Маршал авиации Н.С. Скрипко за заслуги перед Родиной награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, пятью орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени и другими наградами Родины.

Николай Семенович верный боевой друг, надежный товарищ. Его я ценю за постоянное содействие по переводу транспортно-десантной авиации на современные самолеты. Мне, как командующему ВДВ, он оказывал постоянную, труднооценимую помощь.

1 июня 1954 года я прибыл в Ригу к генералу армии И.Х. Баграмяну. Встретились снова как старые товарищи по участию в войне и по совместной службе. Как и в 1946 году, Иван Христофорович в присутствии члена Военного совета генерал-лейтенанта П.А. Лапкина подробно проинформировал меня о генералах и офицерах войск округа. Я внимательно слушал, а иногда записывал характеристики отдельных генералов и офицеров, удивляясь памяти Ивана Христофоровича и умению подмечать самое существенное в подчиненных.

Позднее на Военном совете начальник управления боевой подготовки доложил о состоянии войск, его дополнил начальник политуправления. В тот же день был представлен секретарю ЦК КП Латвии Я.Э. Калнберзину. Ян Эдуардович познакомил меня с Председателем Совета Министров В.Т. Лацисом, Председателем Президиума Верховного Совета К. Озолинем и членами бюро ЦК КП Латвии.

Я чувствовал, как тяжело было Ивану Христофоровичу расставаться с округом. Иван Христофорович бессменно командовал им девять лет. Он хорошо знал Прибалтийские республики, где пользовался большим уважением не только у военных, но у населения и руководящих работников республик и областей.

По территории округ был небольшим: в него входили Латвийская и Литовская ССР, Калининградская и Великолукская области, но он был плотно насыщен войсками. Мое знакомство с войсками проходило в процессе их повседневной учебы. Я убедился, что Иван Христофорович правильно меня информировал: они были в общем хорошем состоянии.

В 11-й гвардейской армии, которую я сдал четыре года тому назад, больших изменений не произошло. Приятно было встретиться со многими уже знакомыми боевыми генералами и офицерами. В то же время увидел много нового в Калининградской области, ее городах и селах. Неузнаваемо преобразились города, особенно Калининград, который тогда был разрушен более чем на 90 процентов. На месте развалин выросли большие и красивые дома, фабрики и заводы восстановлены, а многие даже расширены. В сельской местности тоже ласкали взгляд восстановленные

и вновь построенные дома. Прибывшие переселенцы акклиматизировались на новых местах. Колхозные и совхозные поля хорошо обрабатывались и давали приличный урожай, а поголовье скота увеличилось.

Первым секретарем Калининградского областного комитета КПСС был В.Е. Чернышев — боевой руководитель партизанских отрядов, пользовавшийся уважением населения области и военных. И мы нашли взаимопонимание, точки соприкосновения.

В Литве я тепло был встречен руководителями республики: секретарем ЦК КП Литвы А.Ю. Снечкусом, Председателем Совета Министров М.Ю. Шумаускасом, Председателем Президиума Верховного Совета Ю.И. Палецкисом.

Поскольку Прибалтийский военный округ поначалу не охватывал всей Прибалтики, вскоре в него была включена и Эстонская ССР. В связи с этим руководство округа выезжало в Эстонию для принятия войск и военкоматов и для знакомства с руководителями республики. Пребывание в Эстонии оставило у нас хорошее впечатление. Ее народ такой же культурный и трудолюбивый, как и в Латвии и Литве. Войска там расположены плотнее, чем в других районах округа, и особенно тесно — на островах Сааремаа и Хиуме. Острова покрыты прекрасным строевым лесом, имеющим изобилие разнообразной дичи и зверя, летом много грибов, ягод, а в озерах много рыбы.

С расширением округа за счет Эстонии он по существу и по форме стал Прибалтийским. Но подобный вопрос предстояло еще решить на море.

Дело в том, что в феврале 1946 года волевым решением Сталина Балтийский флот был разделен на два самостоятельных оперативных объединения — 4-й и 8-й военно-морские флоты. Оперативное направление было одно, а флотов два, все равно что «два медведя в одной берлоге». Резко усложнялась организация взаимодействия сухопутных сил, военно-воздушных сил и противовоздушной обороны. Кроме того, на содержание двух управлений флотов тратились большие средства. Вопрос объединения флотов ставила сама жизнь. В решении этого вопроса мы находили общий язык с командующим 8-м военно-морским флотом адмиралом В.А. Касатоновым.

Владимир Афанасьевич — решительный и смелый новатор. Он человек незаурядных способностей, высокой культуры, интеллигентности. На посту командующего Северным флотом

адмирал В.А. Касатонов на атомной подводной лодке под командованием капитана 2-го ранга Ю.А. Сысоева прошел подо льдом Ледовитого океана и вышел на Северный полюс. Адмирал флота, Герой Советского Союза В.А. Касатонов внес большой вклад в изучение действий флота в арктических районах.

В 1955 году министром обороны СССР был назначен Г.К. Жуков. Нами был возбужден вопрос об объединении 4-го и 8-го флотов в один флот. В декабре 1955 года этот вопрос, вопреки сопротивлению некоторых из военных моряков, был решен положительно, и образовался один более сильный дважды Краснознаменный Балтийский флот. В период, когда я командовал войсками Прибалтийского округа, во главе Министерства обороны были: с марта 1953 года по январь 1955 года — Н.А. Булганин, с февраля 1955 года по октябрь 1957 года — Г.К. Жуков.

В сентябре 1957 года член Президиума ЦК КПСС, министр обороны СССР Г.К. Жуков, как мне казалось, слишком торжественно, на борту крейсера «Куйбышев» отбыл с визитом в Югославию и Албанию.

В октябре Георгий Константинович уже самолетом возвратился в Москву, где шел известный Пленум ЦК. В печати было опубликовано постановление, суть которого сводилась к тому, что Жуков «нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных Советов, на ликвидацию руководства и контроля над армией и военно-морским флотом со стороны партии, ее ЦК и правительства».

Печать, радио соответствующе комментировали краткое постановление. Не произносились слова, но было видно, что Георгию Константиновичу вменялось обвинение в бонапартизме. Ему припомнили, что Парад Победы он принимал на белом коне. Жуков был низвергнут, а на его место был назначен Р.Я. Малиновский.

Мои личные отношения с Георгием Константиновичем, хочу это подчеркнуть особо, не изменились. Я навещал его, может быть один из немногих, на второй день после Пленума ЦК. В последующем, когда я приезжал в Москву, навещал его. Жил он безвыездно на даче в Сосновке. Мы вели беседы о совместной службе и боевой деятельности. О том, почему он был освобожден от должности, о решении октябрьского Пленума

ЦК КПСС при первой нашей встрече сказал весомо и однозначно:

— Этой темы, Александр Васильевич, касаться не будем. Время все поставит на свое место.

С 1954 года начался тот период, когда бурно стало развиваться ядерное оружие и военная техника: ракеты огромной разрушительной силы, дальнего, среднего и ближнего действия; самолеты, имеющие сверхзвуковую скорость, необычайный потолок, летающие на сверхдальние расстояния и поднимающие громадные грузы; артиллерия, стреляющая на десятки километров; танки, идущие под водой, над водой, вооруженные мощной артиллерией, свободно передвигающиеся днем и ночью с большой скоростью; малогабаритные, но с большой дальностью действия радиотехнические средства; корабли, вооруженные ракетами, идущие под водой и над водой на десятки тысяч километров и поражающие дальние цели из подводного положения.

Все это создано человеком — и для чего?

Как ни странно, для уничтожения человека же и того, что он создал своими руками за многие столетия.

Будущая война, если она будет нам навязана, потребует от людей полного и умелого использования вооружения и техники, величайшего напряжения всех моральных и физических сил. Мы разясняли личному составу, что если и раньше во всех областях основную роль играл человек, то в будущей войне его роль еще больше возрастет. Рост и усложнение военной техники ставит перед командирами, политработниками и начальниками всех специальностей задачу с еще большим вниманием обучать и воспитывать людей, укреплять дисциплину.

Чтобы не повторяться, я не буду перечислять всех мер, которые мы для этого принимали. Ограничусь тем, что скажу: нами был полностью использован опыт, накопленный в армии.

На трехдневном учении с высадкой морского и воздушного десанта присутствовал Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, на большом командно-штабном учении с частичным привлечением войск присутствовал начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский; на ряде учений присутствовал главком Сухопутных войск А.А. Гречко. Они положительно оценили результаты обучения.

В том же 1954 году недалеко от поселка Тоцкое близ Оренбурга были проведены учения с применением атомной бомбы, в которых мне довелось участвовать. Руководил учениями Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Взрыв атомной бомбы был произведен 14 сентября в 9 часов 33 минуты 45 секунд. Цель учений, поставленная перед войсками, была достигнута. В 16 часов 14 сентября учения были закончены. После санитарной обработки личного состава и дезактивации техники и вооружения войсковые части, принимавшие участие в учениях, были направлены к местам постоянной их дислокации. В тот же день и я на самолете прибыл в Ригу.

На XX съезде КПСС я был вторично избран кандидатом в члены ЦК КПСС, а в 1958 году в четвертый раз был избран депутатом Верховного Совета СССР.

С 1955 года наша партия и правительство более настойчиво, чем прежде, решали проблему омоложения руководящего состава в органах управления и особенно в армии.

В мае 1958 года я был в Москве, министр обороны Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский предложил мне зайти в ЦК к первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву.

В ЦК мне сообщили, что при министре обороны создана Группа генеральных инспекторов. В нее зачисляются достигшие определенного возраста маршалы и некоторые из ответственных генералов, для которых рабочий день не регламентирован. Поскольку мне шел 68-й год и я был самый старший из маршалов и генералов Советской Армии (кроме Буденного), то спросили моего мнения: не согласен ли я перейти в эту группу?

Я был практически здоровым, но, зная установку партии на омоложение руководящего состава, дал согласие не раздумывая. Вскоре этот вопрос был решен в правительстве, а потом и оформлен приказом министра обороны. Таким образом, после четырех лет командования округом мне снова предстояло вернуться в Москву.

В 1950 году, расставаясь с коллективом 11-й гвардейской армии, я передал командование армией дважды Герою Советского Союза генералу П.И. Батову. Тогда шутили, что Горбатов уехал в Москву не полностью, убыла лишь первая половина его фамилии — «Гор», а вторая половина — «Батов» — осталась в армии. По стечению обстоятельств мне вторично пришлось передавать

командование Павлу Ивановичу Батову, но уже не армией, а округом, и шуточные разговоры об этом повторились.

Тепло и радушно расстался с генералами и офицерами округа, а также с руководителями республик и областей и вместе с семьей выехал в Москву.

В Группе генеральных инспекторов, куда я был зачислен, работа маршалов и генералов не регламентировалась по времени, каждый из них выполнял задания министра обороны или его первых заместителей. Задания бывают разные: одни участвуют в разработке научных трудов, уставов, наставлений, а некоторые, кроме того, еще привлекаются к сопровождению почетных гостей по нашей стране и выполняют другие задания.

Сейчас мне 74-й год. Я до сих пор служу в Советской Армии. И думаю еще не один год поработать — силы есть, на здоровье не жалуюсь.

Мне часто приходится бывать в войсках, много ездить по стране. Своими глазами вижу, как много у нас строится повсюду. Взять хотя бы Новосибирск, который я видел в очень печальное время, когда проходил по улицам города под конвоем. Своими многоэтажными домами он раскинулся теперь по обоим берегам многоводной Оби на десятки километров. Рядом с ним вырос чудесный Академический городок, утопающий в вечной зелени соснового бора.

В старинном городе Иркутске, где я был при тех же обстоятельствах, появилось множество многоэтажных домов, рядом с которыми притаились еще «старожилы» — маленькие деревянные домики былых ссыльнопоселенцев — зданьица в три окна со ставнями, и у каждого домика забор с калиткой и высокими воротами для въезда повозки. На берегу Байкала расположены хорошо обставленные дома отдыха. Иркутяне, гордясь ими, говорят: «У нас не хуже, чем на Черном море»; хвалятся тем, что в их озере воды больше, чем в Балтийском море.

Особенно же гордятся иркутяне тем, что их край, где было столько ссыльных, превращен в край свободного и вдохновенного труда. Неудивительно, что туда съезжается так много туристов и все они на прощание восклицают: «Мы снова приедем, приедем, приедем!»

Побывал я на Ангаре и на Байкале, на сибирских стройках. Я узнавал в строителях людей, которые в свое время разгромили непобедимую до того гитлеровскую армию. Тогда, более 20 лет тому назад, я был боевым товарищем и руководителем та-

ких стойких и мужественных советских людей — здесь я только их гость. Но как хорошо видеть, что следующие поколения не уступают в доблести своим отцам и старшим братьям, и как радуешься за них, что не к войне, а к созидательному труду прилагаются их мысли и силы!

Сталинград разрушался врагами на моих глазах в августе 1942 года, в нем трудно было найти уцелевшее дерево или стену кирпичного здания. Через 15 лет я увидел на его месте город Волгоград — обширный и красивый.

Гордясь своим настоящим, волгоградцы свято чтут память наших воинов, павших в боях при обороне и освобождении на весь мир прославившегося города.

Довелось мне как-то побывать и в колхозе села Вяжи, откуда наши войска начали наступление на Орел. Тогда почти все домики были разрушены, а в оставшихся не было ничего, кроме беспросветного горя и тучи мух. Теперь везде новенькие опрятные дома. Председатель колхоза — энергичная молодая женщина — с гордостью рассказывала и показывала достижения колхоза. Я видел прекрасные коровники, свинарники и птичники. Большое стадо рогатого скота паслось на лугу, упитанные свиньи лежали на берегу реки, а на площадях птицефермы как будто бы выпал снег — так много там было птицы. Но бывший наш наблюдательный пункт бережно сохраняется местными жителями.

Нечего и говорить, что далеко не все колхозы области работают и живут так хорошо, как этот колхоз. Еще много непорядков, много плохих организаторов, во многом ощущаются серьезные экономические промахи. Но такие колхозы, как колхоз села Вяжи, вселяют уверенность, что организаторов у нас найдется достаточно. Сельское хозяйство страны требует особого внимания и заботы. Пожалуй, это самая запущенная часть нашего народного хозяйства.

Подшло к концу мое повествование. Эти строчки я дописываю кусочком карандаша, оставшегося от сотни карандашей, которыми были написаны мои воспоминания. Я описал свою жизнь такой, какой она была, — со всеми невзгодами, горькими переживаниями и радостями, стараясь обо всем рассказать без преувеличений и прикрас. Конечно, жизнь всегда богаче описаний, к тому же многое забылось — ведь я дневников не вел

и писал раньше только то, что требовалось службой. Но и этот материал оказался надежной опорой при составлении моих воспоминаний. Я вспоминал тех, с кем мне довелось разделять тяготы и радости жизни, горечь поражений и счастье побед. Я горжусь, что в годы становления моей воинской службы рядом со мной были люди разных национальностей нашей великой Родины. Для всех нас великое воинское братство было превыше всего. Мне выпало огромное солдатское счастье в годы Гражданской войны командовать Башкирской кавалерийской бригадой. Я не знал башкирского языка, но отважные, лихие башкиры всегда были готовы выполнить мой боевой приказ, не щадя крови и самой жизни. Для меня незабываемы годы службы в Туркмении, общение с замечательным, честным, смелым туркменским народом. Прошли десятилетия, но я вижу конников 4-й Туркменской горнокавалерийской дивизии — хорошо сложенных, стройных, подтянутых. Туркмены — прекрасные люди. Туркмения — чудесный край. Много лет мне довелось служить на Украине и в Прибалтике. Нас связывало человеческое братство и единство, радушие и искреннее чувство дружбы.

В годы Великой Отечественной войны одним из слагаемых нашей победы была дружба народов. В 3-й армии проходили службу воины всех наций нашей страны. И я ценю в них совесть, высокую нравственность, доброту, трудолюбие, справедливость, способность оставаться человеком в самой бесчеловечной обстановке.

Я горжусь, что родился на русской земле, что меня родила русская мать.

Вспоминая прошлое, я думаю о будущем. Без прошлого нет памяти, без памяти нет Родины.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Генерал и его армия	5
Предисловие автора	10
<i>Глава 1. Крестьянский сын</i>	<i>13</i>
<i>Глава 2. Царская армия</i>	<i>59</i>
<i>Глава 3. За власть Советов</i>	<i>85</i>
<i>Глава 4. Боевая служба продолжается</i>	<i>140</i>
<i>Глава 5. Так было</i>	<i>201</i>
<i>Глава 6. Фронт откатывается на восток</i>	<i>259</i>
<i>Глава 7. Вперед</i>	<i>333</i>
<i>Глава 8. Днепр</i>	<i>388</i>
<i>Глава 9. Ветер победы</i>	<i>453</i>
<i>Глава 10. Мир на земле</i>	<i>519</i>

Горбатов Александр Васильевич

ГОДЫ И ВОЙНЫ

Записки командарма

1941—1945

Ответственный редактор *А.Ю. Безугольный*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректоры *А.В. Максименко, Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.05.2008.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.

Уч.-изд. л. 30,70 + вклейка = 31,13.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 2451.

ЗАО «Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск».

305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

E-mail: kursk-2005@yandex.ru www.petit.ru

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Александр Горбатов

ГОДЫ И ВОЙНЫ

ЗАПИСКИ КОМАНДАРМА

1941—1945

Александр Васильевич Горбатов (1891—1973), Герой Советского Союза, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, прошел нелегкий путь от солдата царской армии до командующего войсками военного округа Советских Вооруженных Сил и главнокомандующего новейшим на тот период времени родом войск — военно-воздушным. В своей книге легендарный генерал рассказывает о крутых поворотах судьбы и испытаниях, выпавших на его долю. Нищее полуголодное детство, сталинские репрессии, годы пыток и заключения, смерть боевых товарищей на фронте... На счету талантливого военачальника множество побед, значение которых для нашей страны трудно переоценить. В их числе бои на Юго-Западном фронте (1941—1942), освобождение Орла (1943), Восточно-Прусская и Берлинская операции (1945), многие другие сражения. Горбатов с особой теплотой и любовью вспоминает открытия восторженной юности, яркие эпизоды воинской службы — именно из этих фрагментов складывалась жизнь человека, которому было суждено сыграть важную роль в военной истории Отечества.

ISBN 978-5-9524-3726-5

9 785952 437265

ЦЕНТРОЛИГРАФ®